ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Уолдо, Неприятная профессия Джонатана Хога

и другие истории

АЗБУКА

Уолдо, Неприятная профессия Джонатана Хога и другие истории

Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. «Уолдо», «Неприятная профессия Джонатана Хога» и другие истории
Уолдо. Повесть
Неприятная профессия Джонатана Хога. Повесть
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Колумб был остолопом. Рассказ
Джерри — человек. Рассказ
Вода — для умывания. Рассказ
Наш прекрасный город. Рассказ
Человек, который торговал слонами. Рассказ

Операция «Кошмар». Рассказ
Тяжесть небес. Рассказ
Все вы, зомби?.. Рассказ
Выявленные дефекты. Рассказ
«Цель высшая моя». Рассказ
Крысолов. Рассказ
Вне всяких сомнений. Рассказ
Они. Рассказ
В скрюченном домишке. Рассказ
По собственным следам. Рассказ
Аквариум с золотыми рыбками. Рассказ

Аннотация

Повести и рассказы, вошедшие в этот том, разнятся по времени написания. Объединяет их человеческая составляющая, сильно оттеняющая задачи будущего научно-технического прогресса.

«Уолдо» — повесть об одиноком гении, который, презрев человечество и став затворником на земной орбите, преодолевает чувство своей отверженности.

«Неприятная профессия Джонатана Хога» — история об иллюзорности мира, который нас окружает.

Или рассказ «Наш прекрасный город», повествующий о дружбе человека и странного существа, живущего на городских улицах.

В книге есть рассказы о потерянной и возвращенной любви («Человек, который торговал слонами»). О доме, каждая дверь в котором ведет в места неожиданные («В скрюченном домишке»). О том, как вернуть себя, распавшегося на множество двойников («Все вы, зомби?..»). О том… В общем, о многом. И достоверном, и фантастическом.

В настоящем издании перевод многих произведений доработан и дан в новой редакции.

Роберт Хайнлайн
«Уолдо», «Неприятная профессия Джонатана Хога» и другие истории

Robert A. Heinlein

Waldo © 1942 by Robert A. Heinlein; The Unpleasant Profession of Jonathan Hoag © 1942 by Robert A. Heinlein; Columbus Was a Dope © 1947 by Robert A. Heinlein; Jerry Was a Man © 1947 by Robert A. Heinlein; Water Is for Washing © 1947 by Robert A. Heinlein; Our Fair City © 1949 by Robert A. Heinlein; The Man Who Traveled in Elephants © 1957 by Robert A. Heinlein; Project Nightmare © 1953 by Robert A. Heinlein; Sky Lift © 1953 by Robert A. Heinlein; “All You Zombies…” © 1959 by Robert A. Heinlein; Complaint © 2010 by The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust; “My Object All Sublime” © 1942 by Robert A. Heinlein; Pied Piper © 1942 by Robert A. Heinlein; Beyond Doubt © 1941 by Robert A. Heinlein; They © 1941 by Robert A. Heinlein; “…And He Built a Crooked House” © 1941 by Robert A. Heinlein; By His Bootstraps © 1941 by Robert A. Heinlein; Goldfi sh Bowl © 1942 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© П. А. Вязников, перевод, 2003
© С. В. Голд, перевод, 2021
© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, 2003, 2006
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994
© И. А. Зивьева, перевод, 1994
© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники),

перевод, 1994
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020
© В. М. Ларионов (наследник), перевод, 2003
© А. В. Новиков, перевод, 1994
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2021
© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994, 2007
© Н. М. Романецкий, перевод, 2003
© А. А. Щербаков (наследники), перевод, 2003
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Уолдо[1]
Повесть

Номер был заявлен как балет-чечетка, но разве опишешь это такими простыми словами?

Его ноги творили замысловатую барабанную дробь, рассыпчатую и чистую. Зал замер, затаив дыхание, когда он взлетел высоко в воздух, выше, чем может быть дано человеку, и на лету исполнил фантастическое, невероятное entrechat douze[2].

А потом уверенно приземлился на кончики пальцев и в тот же миг отчеканил громоподобное фортиссимо.

Огни рампы погасли, на сцену дали полный свет. Зрительный зал надолго примолк, потом понял, что пора, и разразился бурей аплодисментов.

---

[1] Примечания: 1

Перевод А. Щербакова

[2] Примечания: 2

Entrechat (фр.) — антраша, балетный прыжок, во время которого совершаются удары ног одна о другую. По современной балетной терминологии их насчитывают девять разновидностей. Автор говорит о «двенадцатой» (*douze* — двенадцать) и, стало быть, делает три шага вперед в искусстве танца. Знатоки ценят не высоту прыжка, а четкость исполнения в полете заданной последовательности движения ног.

Он стоял лицом к залу, как бы позволяя валу человеческих чувств смести себя. Было ощущение, что надо наклониться вперед, чтобы выдержать напор; напор, от которого по всему телу разливалось живительное тепло.

Как чудесно, когда танцуешь, как великолепно, когда тебе хлопают, когда ты любим, когда ты желанен!

Когда занавес опустился в последний раз, он позволил своему костюмеру увести себя со сцены. Как всегда в конце представления, он был чуточку пьян; танец был счастливой отравой даже во время репетиций, но видеть перед собой зрительный зал, который подхватывает, несет и приветствует, — такое не приедалось. Каждый раз это было внове, каждый раз от этого неистово билось сердце.

— Шеф, сюда. Ну-ка, улыбнулись. Хоп!

Полыхнула лампа-вспышка.

— Благодарим.

— Это я *вас* благодарю. Как насчет по рюмашке?

Его чуть не затолкали в дальний угол артистической уборной. Все как на подбор замечательные ребята, чудо-парни: репортеры, фотографы — ну все до единого.

— А еще по одной? На посошок.

Он готов был. И не только по одной, но костюмер, надевая ему левый штиблет, предупредительно напомнил:

— Вам же через полчаса оперировать!

— Оперировать? — спросил фотограф из газеты. — Что на этот раз?

— Цереброктомия левого полушария[3], — ответил он.

— В самом деле? Как насчет сняться за этим делом?

— Буду рад. Если клиника не возражает.

— Это мы уладим.

Ну чудо-парни.

— …Хотела бы дать очерк-портрет чуть под иным углом, — прозвучал над ухом женский голос. Он поспешно оглянулся, чуть сконфуженный. — Например, что заставило вас решиться на карьеру танцора?

— К сожалению, не расслышал, — извинился он. — Боюсь, что здесь слишком шумно.

---

[3] Примечания: 3

Цереброктомия — операция по удалению (иссечению) коры головного мозга. Производится исключительно на животных, поскольку лишенный коры головного мозга индивид, оставаясь живым, способен вести чисто растительный образ жизни: есть, спать, производить физиологические отправления. Но психические процессы более высокого порядка ему недоступны.

— Я спросила, почему вы решились на карьеру танцора.

— Как вам сказать? Даже не знаю, что ответить. Боюсь, в двух словах не расскажешь, о многом придется вспомнить…

* * *

Джеймс Стивенс со зверским видом уставился на своего зама по технической части.

— По какому поводу ты такой развеселый? — спросил он.

— Просто лицо у меня такое, — ответил зам извиняющимся голосом. — Веселого мало. Еще одна авария.

— Только этого не хватало! Постой, дай угадаю. Пассажирский или грузовой?

— Грузовик с прицепом компании «Климакс»[4] на челночной линии Чикаго — Солт-Лейк-Сити чуть к западу от Норт-Платта. И еще…

— Что «еще»?

— Вас требует к себе «сам».

---

[4] Примечания: 4

Кроме явления, связанного с угасанием по причине возраста деятельности половых желез, а также заключительного, относительно стабильного состояния растительности, слово «климакс» означает лестницу, а в английском и многих европейских языках — высшую ступень развития, кульминацию, расцвет.

— Это интересно. Более чем интересно. Слушай, Мак.

— Да, начальник?

— Как тебе место главного инженера по транспорту «Норт-Американ пауэр-эйр»? Я слышал, там вакансия открывается.

Мак почесал нос:

— Забавно, что вы об этом упомянули, шеф. Я как раз собирался спросить, какую рекомендацию вы мне дадите, если я подамся обратно в мостостроители. На что готовы, чтобы от меня избавиться.

— От тебя-то я избавлюсь. Сию же минуту. Дуй в Небраску, разыщи этот гроб с музыкой, прежде чем туда доберутся охотнички за сувенирами, и приволоки сюда все декальбы с него, а заодно и их панели управления.

— А если встрянут копы?

— Сам разберешься. Но обязательно возвращайся.

— Да, со щитком или на щитке.

* * *

Отдел Стивенса располагался сразу же по соседству с зональной энергоцентралью; главный офис администрации «Норт-Американ» нахо-

дился на холме примерно в километре оттуда. Имелся обычный переходный туннель; Стивенс прошел в туннель и нарочно выбрал самую медленную дорожку: ему было о чем подумать перед встречей с боссом.

К моменту прибытия он придумал одно решение, но оно ему категорически не нравилось.

«Сам», то есть Стенли Ф. Глисон, председатель правления, приветствовал Стивенса мирно.

— Входите, Джим. Садитесь. Сигару?

Стивенс боком присел на стул, от сигары отказался, достал сигарету и, пока закуривал, осмотрелся по сторонам. Кроме высшего начальства и его самого, присутствовали Харкнесс, начальник юридического отдела, доктор Рэмбо, тоже главный, но по исследовательской части и Страйбел, главный инженер по городским энергопоставкам.

«Все пятеро, — мрачно подумал он. — Одни тяжеловесы, средний вес отсутствует. Ох и полетят головушки с плеч! Начиная с моей».

— Ну что ж, все в сборе, — почти воинственно начал он. — У кого карты? Потянем, кому сдавать?

Харкнесса, похоже, слегка покоробила эта неуместная реплика; Рэмбо, судя по всему, был

слишком погружен в какие-то личные скорби, чтобы обращать внимание на шпильки в дурном вкусе. А Глисон просто проигнорировал сказанное.

— Джеймс, мы тут бьемся, соображаем, как нам выкарабкаться. Вас я пригласил в слабой надежде, что вы еще не уехали. Выскажитесь.

— Притормозил, просто чтобы поглядеть, нет ли для меня личной почты, — проворчал Стивенс. — А то уже болтался бы в Майами на пляже, превращал бы солнышко в витамин D.

— Знаю, — ответил Глисон. — Отпуск вы заработали честно. Но увы, Джимми. Ситуация не улучшается, а делается только хуже. Идеи есть?

— А что говорит доктор Рэмбо?

Рэмбо моментом вскинулся.

— Рецепторы де-Кальба абсолютно надежны, — заявил он.

— Однако летят один за другим.

— Они тут ни при чем. Значит, вы с ними обращаетесь не так, как положено.

И Рэмбо опять погрузился в свои внутренние переживания.

Стивенс повернулся к Глисону и развел руками:

— Насколько я в курсе, доктор Рэмбо прав. Воз-

можно, и впрямь сплоховал мой отдел, но я не в состоянии обнаружить причину. Готов подать заявление об отставке.

— Не нужна мне ваша отставка, — милостиво сказал Глисон. — Мне нужен выход из положения. На нас лежит ответственность перед обществом.

— И перед акционерами, — вставил Харкнесс.

— Будем чисты перед обществом — акционеры нас не потревожат, — мудро рассудил Глисон. — Так что скажете, Джимми? Есть предложения?

Стивенс закусил губу.

— Есть, единственное, — объявил он, — и оно мне не нравится. После этого мне одна дорога — в распространители дамских журналов.

— Даже так? И что за предложение?

— *Мы должны посоветоваться с Уолдо.*

И куда только девалась апатия доктора Рэмбо!

— Что? К этому шарлатану? Это же научный вопрос! На-уч-ный!

Заныл и Харкнесс:

— До-о-октор Стивенс! И впрямь, знаете ли…

Глисон жестом потребовал тишины.

— Предложение доктора Стивенса логично. Но боюсь, Джимми, что вы с ним несколько подзапоздали. Я говорил с Уолдо на прошлой неделе.

Насколько удивился Харкнесс, настолько набы-

чился Стивенс.

— И даже не дали мне знать?

— Прости, Джимми. Я просто разведал обстановку. Но без толку. Условия, которые он выставляет, для нас равнозначны конфискации.

— Все еще дуется на нас из-за патентов Хатауэя?

— Все еще злобу тешит.

— Вам следовало поручить это мне, — вставил Харкнесс. — Он не имеет права так с нами поступать. Речь идет об интересах общества. Если понадобится, заплатим аванс, а вопрос о гонораре передадим в третейский суд. Пусть вынесет беспристрастное решение. Детали я улажу.

— Не дай бог, — сухо сказал Глисон. — По-вашему, судебным решением можно заставить курицу снести яйцо?

Харкнесс всем своим видом изобразил возмущение, но промолчал.

А Стивенс продолжил:

— Предположительно, есть зацепка, как подступиться к этому типу, иначе я не вылез бы с этим предложением. Я знаком с одним его другом…

— С другом *Уолдо*?! Разве у него могут быть друзья?

— Ну не друг, а что-то вроде родственника. Его

детский врач. С его помощью можно бы попытаться договориться с Уолдо по-хорошему.

Доктор Рэмбо вскочил.

— Это переходит всяческие границы, — заявил он. — Так что вынужден просить прощения, но…

Не дожидаясь ответа, он выскочил из комнаты, почти протаранив собой дверь.

Глисон проводил его тревожным взглядом:

— Джимми, чего это он так разошелся? Можно подумать, Уолдо — его личный враг.

— Что-то в этом роде. Но дело не только в Уолдо. Вся его вселенная сейчас рушится. Последние два десятка лет, после того как Прайор пересмотрел общую теорию поля и расправился с принципом неопределенности Гейзенберга, физики держат свою физику за точную науку. Нам, то есть вам и мне, аварии с энергоподачей на транспорте — докука солидная, а для доктора Рэмбо это еще и покушение на его богов. Так что приглядывайте за ним.

— В каком смысле?

— В том, что может натворить черт-те чего. Когда у человека рушится мировоззрение, это дело сверхсерьезное.

— Н-да-а-а. А вы сами? Вас тоже и так же допекло?

— Не совсем. Я инженер, то есть, с точки зрения Рэмбо, высокооплачиваемый лудильщик. Разные личные установки. Я просто в некоторой растерянности.

Ожил аудиокоммуникатор на столе у Глисона:

— Главный инженер Стивенс, ответьте. Главный инженер Стивенс, ответьте.

Глисон нажал кнопку:

— Здесь. Говорите.

— Поступила шифровка нашим кодом. Даю перевод: «Потерпел аварию в четырех милях к северу от Цинциннати. Добираться ли дальше в Небраску или приволочь вы-знаете-что из собственной таратайки?» Конец сообщения. Подписано: «Мак».

— Передайте, чтобы возвращался. *Но на своих двоих!* — свирепо рявкнул Стивенс.

— Вас понял, сэр.

Аппарат отключился.

— Это от вашего зама? — спросил Глисон.

— Да. Пожалуй, это была последняя капля, шеф. Мне ждать и ковыряться с этой аварией или все же попытать счастья насчет Уолдо?

— Попытайте счастья.

— Хорошо. Если не дождетесь вестей, просто вышлите выходное пособие в гостиницу «Доли-

на пальм» в Майами. Я буду четвертый нищий справа.

Глисон позволил себе горестную усмешку:

— Если уж и вы не справитесь, я буду пятый. Удачи.

— До скорого.

Стивенс удалился, и только тут впервые раскрыл рот главный инженер по городским поставкам Страйбел:

— Если пойдут аварии по городским энергоприемникам, ты ведь знаешь, где я окажусь?

— Где? Шестым нищим справа?

— Вряд ли. Я буду висельник номер один. Меня просто линчуют.

— Но энергоподача в города от аварий *застрахована*. У вас там полно предохранителей и параллельных линий.

— Примерно так же застрахованы и декальбы. Ни больше ни меньше. А представьте себе седьмой подземный этаж Питтсбурга, когда там вырубится освещение. Впрочем, лучше не представляйте.

* * *

Доктор Граймс протиснулся сквозь верхний люк своего подземного дома, глянул на опове-

ститель и убедился, что в его отсутствие в дом забрался гость. Кто-то из очень хороших знакомых, поскольку знает код замка, отметил доктор с некоторым оживлением, загромыхал вниз по лестнице, стараясь легче ступать на больную ногу, и вошел к себе в приемную.

— Док, привет!

Когда дверь распахнулась, Джеймс Стивенс встал с кресла и двинулся навстречу хозяину.

— Здоров, Джеймс. Налей себе чего-нибудь. Ах, уже налил? Ну тогда налей мне.

— Есть такое дело.

Пока гость справлялся с поручением, Граймс избавился от своего допотопного пальто до пят и швырнул его в сторону вешалки. Пальто тяжко бухнулось на пол, куда более тяжко, чем можно было ожидать по внешнему виду, несмотря на солидные размеры. И глухо лязгнуло.

А Граймс, согнувшись в три погибели, взялся снимать объемистые штаны, такие же увесистые, как и пальто. Под ними оказалось обычное иссиня-черное рабочее трико. Этот стиль ему совсем не подходил. Существу, не искушенному в человеческой культуре одежды, скажем гипотетическому жителю Антареса, этот стиль мог показаться вульгарным или даже безобразным.

В этом трико доктор походил на старого жирного жука-навозника.

Джеймс Стивенс оставил без внимания трико, но на сброшенную одежду глянул с неодобрением.

— Все еще таскаете эти дурацкие доспехи, — не удержался он от комментария.

— А как же!

— Док, не доведет вас до добра эта хренация. Только здоровье себе портите.

— Без нее быстрей испорчу.

— Не надо. Я только в лаборатории доспехи ношу, а больше нигде. И как видите, на здоровье не жалуюсь.

— И зря.

Граймс подошел к табуретке, на которую пересел Стивенс, и скомандовал:

— А ну ногу на ногу!

И чуть только Стивенс исполнил приказ, ребром ладони резко ткнул гостя под коленную чашечку. Сработало еле-еле.

— Паршиво, — отметил Граймс, оттянул гостю веко и глянул на глазное яблоко. Покачал головой и изрек: — Дрянь дело.

Стивенс досадливо отстранился:

— *Со мной* все тип-топ. И речь не обо мне, а

о *вас*.

— Это в каком же смысле?

— А в таком. Холера вас забери, док, вы же репутацию теряете. Послушали бы, что о вас болтают.

Граймс кивнул:

— Слышал, и не раз. Мол, бедняга Гэс Граймс на старости лет маленько того. Зря волнуешься по этому поводу. Я всю жизнь как ходил не в ногу со всеми, так и хожу. А вот у тебя с коэффициентом усталости наверняка непорядок. Сколько тебе выводят?

— Понятия не имею. Здоров как бык.

— Как бык, говоришь? Да я тебя побью в двух раундах из трех.

Стивенс потер веки:

— Док, кончайте проезжаться на мой счет. Расклеился я, ваша правда. Сам знаю, но это от переутомления, а не от чего-нибудь.

— Уши вянут! Джеймс, ты приличный специалист по излучениям, физик…

— Не физик, а инженер.

— Ладно, пусть инженер. Но не медик. Пойми, нельзя год за годом поливать организм всеми видами излучения, как из бочки, и не поплатиться за это. Организм не рассчитан на такие процедуры.

— В лаборатории я ношу доспехи. Вы же в курсе.

— Слава богу. А вне лаборатории?

— Слушайте, док! Очень не хотелось бы затрагивать эту тему, но вы же несете чушь. Конечно, сейчас в воздухе повсюду рассеяна лучистая энергия, но совершенно безвредная. Специалисты по коллоидной химии…

— Обхихимия это калоидная, а не химия!

— Но вы же должны признать, что баланс организма — это предмет изучения коллоидной химии.

— Я ничего не должен признавать. Живые ткани построены на коллоидах, и я согласен, это так и есть. Но я уже сорок лет кряду твержу, что живые ткани нельзя подвергать разному облучению, вперед досконально не разобравшись в возможных последствиях. С точки зрения эволюции человеческий организм рассчитан на адаптацию только к естественному облучению со стороны Солнца, да и то к ослабленному за счет толстого ионизированного слоя в атмосфере, да и не так чтобы очень. А уж где такого слоя нет… Ты когда-нибудь видел, что такое солярно-рентгеновский рак?

— Не довелось.

— Ах да, ты еще слишком молод. А вот мне довелось. Я еще интерном был, когда пришлось ассистировать при аутопсии этой штуки. Парнишка был участник второй экспедиции на Венеру. Четыреста тридцать восемь метастазов мы в нем насчитали, да так и не досчитали — бросили.

— Солярно-рентгеновского рака больше не существует.

— И слава богу. Но урок нам был дан, и забывать его грешно. Дай волю вашей гениальной пацанве — вы у себя в лабораториях такую кашу заварите, что никакая медицина разобраться не поспеет. Мы же поневоле отстаем. Ничего не знаем, покуда не проявится, а проявляется-то не вдруг. А тогда, когда вы уже понакрываетесь.

Граймс тяжело сел, и внезапно стало видно, что он измучен и утомлен не меньше своего куда более молодого гостя. И Стивенс ощутил, что у него язык не поворачивается продолжить этот разговор. Что-то в этом роде бывает, когда твой самый близкий друг ни с того ни с сего втюривается в совершеннейшее черт знает что. Он сидел и ломал голову, как бы не ляпнуть что-нибудь не то.

И решил переменить тему:

— Док, я не просто так пришел. Есть несколько

вопросов для обсуждения.

— Например?

— Во-первых, относительно отпуска. Сам понимаю, что расклеился. Переутомился, так что, похоже, нужен отпуск. А во-вторых, я к вам насчет Уолдо.

— То есть?

— Вот именно. Насчет Уолдо Фартингуэйт-Джонса, благослови Господь его непреклонное и злое сердце.

— Уолдо? Уж он-то тут каким боком? Никак тебя вдруг заинтересовала *myasthenia gravis*?[5]

— Ни в коем разе. Его состояние мне абсолютно без разницы, страдай он плюс ко всему еще и чесоткой, перхотью и бессонницей, чего от души ему желаю. Но мне надо задействовать его мозги.

— Ах вот как?

— В одиночку мне не справиться. Тот еще, знаете ли, людям помощничек ваш Уолдо. Он мастер только ими *пользоваться*. Вы — это его единственный нормальный человеческий контакт.

— Ну, это не совсем так…

— А с кем еще у него контакт?

---

[5] Примечания: 5

Myasthenia gravis — хроническое заболевание, при котором происходит нарастающее ослабление всех мышц организма. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Ты не так понял. У него *нет* контакта ни с кем. Я просто единственный человек, у которого хватает наглости с ним не церемониться.

— А я-то думал!.. Впрочем, не важно. Неужто вы считаете такое положение нормальным? Уолдо — это человек, без которого нам не обойтись. Где написано, что гений его масштаба обязательно должен быть таким неприступным, таким неподатливым на рядовые общественные запросы? Не надо. Понятно: это во многом продиктовано его хворобой, но почему, почему именно она именно к нему привязалась? Вероятность случайного совпадения тут исчезающе мала.

— Его немочь тут ни при чем, — ответил Граймс. — Вернее, при том, но не с того боку, с которого ты подступаешься. Его гениальность некоторым образом *проистекает* из его слабости…

— То есть?

— Ну-у…

Граймс погрузился в собственные мысли и дозволил себе умом вернуться вспять к долгим — длиною в целую жизнь (разумеется, жизнь Уолдо) — размышлениям об этом своем особом пациенте. Припомнились какие-то подсознательные опасения, когда он принял этого младенца

во время родов. Внешне младенец выглядел приемлемо, разве что был несколько синюшный. Но в родилках того времени множество малышей являлось на свет с небольшим цианозом. И тем не менее как-то рука не поднималась шлепнуть новорожденного по попке, чтобы тот от удара впервые хватил полные легкие воздуха.

Однако собственные чувства были подавлены, «рукоприкладство» состоялось по всем правилам, и новорожденный человечек провозгласил свою независимость вполне удовлетворительным криком. Что еще оставалось сделать молодому врачу по всем болезням, на полном серьезе относившемуся к клятве Гиппократа? Впрочем, он и нынче относится к ней на полном серьезе, хотя временами позволяет себе распространяться насчет ее лицемерности. И ведь прав оказался в своих предчувствиях: была в этом малыше какая-то гнильца еще и помимо myasthenia gravis.

Поначалу было как-то жаль этого карапуза и было необъяснимое чувство ответственности за его состояние. Патологическая мышечная слабость — инвалидность абсолютная, поскольку у пациента нет уцелевших конечностей, способных заменить увечные. Жертва вынуждена лежать, все органы, все конечности у нее на месте

и действуют, но мускулатура прежалостнейшим образом слаба и не способна к нормальным усилиям. Жизнь поневоле проходит в состоянии полнейшего изнурения, у нас с вами такое могло бы наступить на финише марафонского бега. Но мы-то отдышимся, а вот больной не отдышится, и помочь ему нечем.

Пока длились детские годы Уолдо, врач не терял надежды, что ребенок умрет и тем избежит приговора к трагической никчемности. Но в то же время, будучи врачом, он делал все, что только в его силах и в силах бесчисленных консультантов, чтобы ребенок жил, и ухаживал за ним, как только мог.

Естественно, Уолдо не мог посещать школу — Граймс выискивал ему домашних учителей посострадательнее. Уолдо не мог играть в обычные игры — Граймс изобретал игры для лежачего, которые не только развивали бы воображение, но и подвигали бы пациента на предельное напряжение своих вялых мускулов.

В ту пору Граймс опасался, что этот тепличный ребенок, огражденный от обычных стрессов взросления, может навсегда остаться инфантильным. Теперь-то — тому уж много лет — он понимал, что тревожился напрасно. Подрас-

тающий Уолдо буквально цеплялся за все, что только могла предложить ему эта убогая жизнь, он жадно учился и до седьмого пота напрягал волю, чтобы заставить служить свои непослушные мышцы.

Особую сообразительность он проявил в поисках средств обхода своей мускульной слабости. В семь лет он разработал способ управляться с ложкой. Обеими руками. Это позволило ему хотя и с громадным усилием, но питаться самостоятельно. А в десять лет он изобрел свое первое механическое приспособление.

То был аппаратик, который держал перед ним книгу под любым удобным углом, направлял свет на нужное место и переворачивал страницы. Аппаратик отзывался на нажатия кончика пальца на простую панель управления. Разумеется, построить его самостоятельно Уолдо не мог, но зато сумел продумать и изложить замысел. Родители были достаточно богаты, чтобы воспользоваться услугами конструктора-профессионала, осуществившего проект увечного малолетки.

Вот так малыш Уолдо впервые почувствовал вкус к умственному господству над взрослым человеком, который ему не родня и не прислуга, и Граймс был склонен считать этот случай нача-

лом долгого психологического процесса, по ходу которого Уолдо в конце концов начал рассматривать все человечество как своих слуг, как руки, которых ему недостает, руки, которыми он либо пользуется, либо может воспользоваться.

* * *

— Док, вы что, не в себе?

— А? Извини, отвлекся. Послушай, сынок, ты не должен быть слишком суров с Уолдо. Лично мне он не по душе. Но приходится принимать его таким, каков он есть.

— Вот вы и принимайте.

— Умолкни. Сам признал, что нуждаешься в его уме. Он не был бы гением, если бы не родился калекой. Ты его родителей не знал. Доброго десятка были люди, приятные, умные, но ничего особенного. И Уолдо одарен не в большей степени, чем они, но напрягать свои таланты, чтобы хоть чего-то добиться, ему пришлось намного больше. Ему приходится соображать, у него нет другого выхода.

— Согласен. Тысячу раз согласен, но с какой стати притом еще и ядом исходить? Талантливые люди в большинстве своем не таковы.

— А ты раскинь мозгами. Чтобы хоть чего-то

добиться в своем положении, парню пришлось крепить волю и настраивать ум исключительно в одном направлении, ничьих иных соображений в расчет не принимая. Вот он и заделался невыносимым эгоистом. Чего еще от него ждать?

— Я бы… Да ладно, это не важно. Он нужен нам позарез, все дело в этом.

— Зачем?

Стивенс пустился в объяснения.

* * *

Наверное, уместно будет подчеркнуть, что проявления культуры — нравы, оценки, построение семьи, застольные обычаи, принятый образ жизни, методы обучения, учреждения, форма правления и так далее — жестко определяются хозяйственными потребностями наличествующей технологии. Хотя такое утверждение слишком расплывчато и в значительной степени упрощено, тем не менее бесспорно, что многие из неотъемлемых особенностей долгого мира, наступившего после конституционного возвышения Объединенных наций, своим происхождением обязаны технологическим методам, разработанным в тепличных условиях, поневоле созданных воюющими сторонами, вовлеченными в сраже-

ния сороковых годов. В преддверии той поры как ненаправленное, так и направленное излучение электромагнитной энергии, за небольшими исключениями, использовалось только в виде коммерческого радио. Даже телефонная связь осуществлялась почти всецело посредством соединения аппаратов с помощью металлических проводов. Если какой-нибудь житель Монтерея желал пообщаться с женой или деловым партнером, находящимися, скажем, в Бостоне, между ними через весь континент протягивался физически осязаемый медный нейрон.

Силовая энергоподача без проводов в ту пору была нереальной мечтой, живущей в воскресных развлекательных приложениях и комиксах.

Прежде чем было покончено с медной паутиной, что заплела весь континент, понадобился последовательный — впрочем, нет, не последовательный, а сложный параллельно-последовательный — прогресс во многих областях техники. Ненаправленное излучение энергии — штука экономически невыгодная, поэтому пришлось дожидаться открытия коаксиального луча, которое явилось следствием экономических ограничений времен Великой войны. Радиотелефон не мог заменить проводную связь до тех

пор, пока микроволновая техника не проложила в эфире, так сказать, торной дороги. И даже после этого потребовалось изобретение прибора для настройки, с каким человек, ничего не понимающий в технике — скажем, десятилетний ребенок, — обращался бы с той же легкостью, с какой обращались с наборным телефонным диском, прибором, характерным для проводной связи общего пользования заканчивающейся эры.

Лаборатория Белла разрешила эту проблему; и от этого решения оставался всего один шаг до создания приемника лучевой энергии, аппарата бытового типа, закодированного, опечатанного и снабженного счетчиком. Так стала принципиально возможна передача энергии с помощью радиоизлучения. Оставался лишь один камень преткновения — низкий коэффициент полезного действия такой энергосистемы. В свое время промышленная революция стала возможна лишь после изобретения паровой машины; авиации пришлось дожидаться создания мотора, работающего на цикле Отто; точно так же довелось ждать своего часа и беспроводной системе энергопитания: для нее был необходим дешевый и чрезвычайно мощный источник энергии.

Поскольку лучевая передача энергии — процесс, по своей природе чреватый огромными потерями, использовать ее можно было только при наличии дешевой и настолько изобильной энергии, чтобы ее не жаль было непроизводительно терять.

Война подарила миру атомную энергию. Физики, работавшие на армию Соединенных Штатов — в ту пору Соединенные Штаты Северной Америки имели собственную армию, — изготовили сверхвзрывчатку; когда должным образом соотнесли данные в рабочих журналах, которые велись во время опытов, обнаружилось все необходимое для осуществления почти любой ядерной реакции, даже для так называемого солнечного феникса, то есть водородно-гелиевого цикла, что является источником энергии Солнца.

Так появился экономически доступный источник для излучателя электромагнитной энергии. Реакция, в ходе которой медь расщепляется на фосфор, кремний-29 и гелий-3 и запускаются несколько затухающих цепных реакций, оказалась одним из нескольких дешевых и удобных способов, в дальнейшем примененных для производства практически безграничных количеств

энергии.

Лучистая энергия стала экономически целесообразной — и неизбежной.

Разумеется, в беседе с Граймсом Стивенс не упомянул ни о чем из сказанного выше. Для Граймса весь этот динамический процесс оставался как бы за пределами осознания; развитие лучевой энергетики он воспринимал примерно так же, как его дед воспринимал развитие авиации. Видел, как исчезают исчертившие небо линии электропередачи, теперь на многие годы сделавшиеся источником медного сырья; наблюдал, как по всему Манхэттену перекапывают улицы, чтобы извлечь толстенные кабели. Мог бы даже припомнить свой первый радиотелефон с автономным блоком питания, но почему-то с двумя наборными дисками: когда он впервые воспользовался такой штукой, то вместо «Кулинарии» по соседству с ходу дозвонился до какого-то адвоката в Буэнос-Айресе. Целых две недели все его местные телефонные звонки шли через Южную Америку, пока он наконец не сообразил, что диск диску рознь и все зависит от того, каким вперед воспользоваться.

В то время Граймс еще не покорился новшествам в архитектуре. Так называемый лондон-

план его нимало не привлекал; ему нравился сам вид надземных домов. Однако по мере того, как возрастала нужда в увеличении полезной площади, он шаг за шагом отступал и уходил под землю. Но не столько из-за дешевизны, удобства и общепризнанной практичности образа жизни в пещере на трех уровнях, сколько потому, что уже тогда начал слегка тревожиться по поводу возможных последствий от погружения человеческого тела в мощные электромагнитные поля. Стены из плавленого камня в его новом обиталище изнутри были обшиты свинцом; кровля пещеры имела двойную толщину. Его нора была защищена от электромагнитных полей настолько, насколько это вообще возможно.

* * *

— …Вся соль в том, — толковал Стивенс, — что энергоснабжение подвижного состава начало давать дьявольские сбои. Пока что не настолько серьезные, чтобы парализовать транспорт, но достаточные для смятения умов. Имело место несколько очень неприятных аварий. До поры до времени удается избегать широкой огласки, но ведь не навек же. Я должен как-то разобраться с этим.

— Почему ты?

— Почему я? Не прикидывайтесь дурачком. Во-первых, потому, что я заведую в НАПЭ энергоснабжением транспорта и от этого зависит слой масла у меня на хлебе. И во-вторых, потому, что проблема сама по себе ставит меня в тупик. Должным образом сконструированный прибор обязан работать. Постоянно и при каждом включении. А он не работает, и мы не в состоянии понять почему. Наши ведущие матфизики вот-вот начнут лепетать что-то уж вовсе невразумительное.

Граймс пожал плечами. Увидев это, Стивенс почувствовал раздражение.

— Док, по-моему, вы недооцениваете серьезность проблемы. Вы представляете, сколько лошадиных сил уходит на перевозки? Если подсчитать суммарное энергообеспечение грузопотока и добавить к этому потребности личного и общественного транспорта, то окажется, что «Норт-Американ пауэр-эйр» поставляет более половины энергии, используемой на континенте. У нас *нет* права на ошибки. А прибавьте к этому еще и дочерние предприятия по городскому энергоснабжению. Там пока обходилось без аварий. Но это пока. Страшно себе представить, что будет, если крупный город останется без энергии.

— Я знаю решение проблемы. Сказать?

— Вот как? Извольте.

— Отправьте эти ваши штучки-дрючки на свалку. Вернитесь к паровозам и двигателям на нефтяном топливе. Избавьтесь от этих ваших электромагнитных волчьих ям, будь они трижды прокляты.

— Категорически исключено. Вы не понимаете, что говорите. На переналадку энергохозяйства ушло больше пятнадцати лет. Теперь мы уже втянулись в это. Гэс, если НАПЭ прикроет лавочку, половина населения по северо-западному побережью сдохнет с голоду, не говоря уже о том, что будет вокруг Великих озер и с агломерацией от Филадельфии до Бостона.

— Ч-черт!.. И тем не менее, возможно, это не так страшно, как медленное отравление, которым вы занимаетесь сейчас. Это все, что я могу сказать.

Стивенс нетерпеливо отмахнулся:

— Слушайте, док! Мил вам ваш заскок — носитесь с ним, как с писаной торбой, но не требуйте, чтобы и я с ним считался. Никто, кроме вас, не видит ничего страшного в лучистой энергии.

— Они просто не туда смотрят, — мирно ответил Граймс. — Ты знаешь, каков был прошлогодний рекорд по прыжкам в высоту?

— В жизни не слушал спортивных новостей.

— А не мешало бы время от времени. Лет двадцать тому назад он составлял двести двадцать три сантиметра. А с тех пор из года в год понижается. Попробовали бы сопоставить график понижения с ростом насыщения атмосферы высокочастотными электромагнитными полями, с вашей милой искусственной радиацией. Могли бы получить любопытные результаты.

— Чушь свинячья! Любому пацану известно, что большой спорт вышел из моды. Пот и мускулы исчезли, вот и все. Мы просто сделали шаг вперед к более интеллектуальной культуре.

— К более интеллектуальной? Чушь собачья! Люди перестали играть в теннис, потому что постоянно чувствуют себя усталыми. Ты глянь на себя. Краше в гроб кладут.

— Имею поводы, док, и ни к чему проезжаться на мой счет.

— Извини. Но у людей наблюдается явное ухудшение работы организма. Я мог бы доказать это с цифрами в руках, но любой врач, который хоть чего-то стоит, в моих доказательствах не нуждается и сам это видит. Если есть глаза и если они не отведены чудесами медицинской техники. Пока что я не могу уверенно сказать, чем это вызвано,

но будь я проклят, я носом чую, что ваш товарец здесь очень даже при чем.

— Быть этого не может. Никаких излучений не выпускали в атмосферу, пока самым придирчивым образом не проверили у биологов. Мы не дураки и не мошенники.

— Может быть, подольше следовало проверять. Речь ведь не о часах и не о неделях. Речь о кумулятивном эффекте многих лет прополаскивания живых тканей высокими частотами. Он наличествует?

— Уверен, что отсутствует.

— Уверен. Вера не знание. Никто никогда даже не пробовал с этим разобраться. Кстати, а каково воздействие солнечного света на обычное силикатное стекло? Обычно отвечают: «Нулевое». А ты видел стекло, которое долго валялось в пустыне?

— Имеете в виду иридизацию? Видел, конечно.

— То-то. За несколько месяцев в пустыне Мохаве любая бутылка начинает играть всеми цветами радуги. А ты когда-нибудь обращал внимание на оконные стекла в старинных домах на Бикон-хилл?

— В жизни не бывал на Бикон-хилл. Где это?

— В Бостоне, если хочешь знать. И выглядят они в точности как та бутылка, только на это ушло

лет сто, если не больше. А теперь скажите мне, физики-шизики, вы способны количественно уловить изменения в структуре стекол на Биконхилл по годам?

— Мм, вероятно, нет.

— Однако они имеют место. А кто-нибудь когда-нибудь пытался оценить, что за изменения произошли в тканях организма за тридцать лет прямого воздействия ультракоротковолнового облучения?

— Нет, но…

— Без твоих «но» обойдется. Кое-какие изменения я вижу. Об их причине могу только догадываться. Возможно, я ошибаюсь. Но чувствую себя куда бодрее с тех пор, как всякий раз, выходя наружу, обязательно надеваю пальтецо со свинцовой подкладкой.

Стивенс сдался:

— Док, может, вы и правы. Не хочу сва́риться с вами. Но как насчет Уолдо? Не захватите меня с собой, когда отправитесь к нему? Не поможете ли договориться с ним?

— Дело терпит или нет?

— Не терпит.

— Тогда двинем хоть сию минуту.

— Подходит.

— Звякни к себе в контору.

— То есть вы не шутите насчет «сию минуту»? Очень кстати. Что касаемо конторы, так я в отпуске. Однако проблема вот где у меня сидит. Давно пора с ней разобраться.

— Кончили трепаться. Поехали.

Они выбрались наверх, на стоянку машин. Граймс направился было к своему «ландо» — старомодному, громоздкому, семейному «боингу». Стивенс остановил его:

— Вы никак собрались раскочегарить этот свой драндулет? Да мы же на нем, дай бог, только к вечеру доберемся!

— Чем плохая машина? Ходит отлично, заатмосферный движок имеется. Запросто долетит до Луны и обратно.

— Долететь долетит, но ведь еле ползет. Пошли на мое «помело».

Граймс окинул критическим взглядом веретенообразный маленький скутер своего приятеля. Кузов был настолько невидим, насколько с этим смогла справиться индустрия пластмасс. Поверхностный слой толщиной в две молекулы явно имел тот же коэффициент преломления, что и воздух. Так что если содержать в чистоте, то и не разглядишь. Однако тут да там пыль

поприставала, опять же и отпотевание — вот и просматривается эдакий мыльнопузырный призрак чего-то самолетоподобного.

В сердцевине «пузыря», хорошо видимая сквозь стенки, находилась единственная металлическая часть корабля: балка, а точнее сказать, осевой сердечник, и расширяющийся сноп антенн для приемников де-Кальба при ее оконечности. На вид ни дать ни взять гигантская ведьминская метла, прозвище свое вполне оправдывает. А поскольку сиденья из прозрачной пластмассы смонтированы одно за другим поверх балки так, что металлический стержень проходит между ног у пассажиров и водителя, прозвище звучит вдвойне уместно.

— Сынок, — заметил Граймс. — Я не щеголь и за элегантным видом не гонюсь. И все же сохранил какие-то остатки самоуважения и два-три перышка личного достоинства. И категорически отказываюсь болтаться с этой штукой промеж шенкелей, тем более высоко в воздухе.

— Просто ужас, док, до чего ты старомоден.

— Возможно. И тем не менее намерен придерживаться причуд, с которыми сумел дожить до своих лет. Так что ни в коем разе.

— Слушайте! Перед взлетом я включу поляри-

зацию кузова. Может, на этом помиримся?

— До непрозрачности?

— До полной.

Граймс с сожалением окинул взглядом свой рыдван и ощупью протиснулся в едва видимый люк «помела». Стивенс помог ему. Они забрались внутрь и оседлали насест.

— Молодчина, док! — приговаривал Стивенс. — Я вас туда в три притопа доставлю. Из вашего корыта больше восьмисот в час не выжмешь, а до «Инвакола» по вертикали тысяч сорок, уж не меньше.

— А мне не спешно, — проворчал в ответ Граймс. — И вот что: при Уолдо не смей называть его дом «инвалидной коляской».

— Есть не называть, — пообещал Стивенс, шаря в пустом на вид воздухе.

Внезапно корпус машины стал матово-черным, скрыв пассажиров из виду. И так же внезапно засиял ослепительным зеркальным блеском. Машина вздрогнула, взмыла и разом исчезла.

* * *

Если верить глазам, Уолдо Ф. Джонс витал в воздухе посредине сферического помещения. А глаза не обманывали, поскольку он действительно там

витал. Его дом находился на околоземной орбите с периодом обращения, в точности равным двадцати четырем часам. Притом сам дом вокруг своей оси не вращался; вот уж в чем не нуждался Уолдо, так это в псевдогравитации, организуемой с помощью центробежной силы. Именно потому он и покинул планету, чтобы избавиться от ее гравитационного поля; и за семнадцать лет, которые прошли с тех пор, как его дом был построен и выведен на орбиту, Уолдо ни разу не спустился на земную поверхность; при любых обстоятельствах даже мысль об этом ему в голову не приходила.

Здесь, в космосе, на орбите, в принадлежащей лично ему ракушке с кондиционированным воздухом, он был почти избавлен от невыносимого пожизненного рабства, навязанного мышечным бессилием. Те малые силы, которыми он располагал, здесь не было нужды целиком тратить на борьбу с изнурительным мощным земным притяжением, ими можно было распорядиться куда более осмысленным образом.

Еще в раннем детстве Уолдо проявил острый интерес к полетам в космосе, но не потому, что стремился исследовать неведомые дали, а потому, что его детский преждевременно развитый ум подметил, какие гигантские возможности

сулит ему невесомость. И уже подростком он здорово помог первым космонавтам-испытателям, соорудив для них систему управления, которая требовала от пилота минимальных усилий в момент разгона и торможения, то есть при двойных и тройных перегрузках.

Изобрести что-то в этом духе никаких хлопот не представляло; он просто приспособил к делу манипуляторы, с помощью которых сражался с обычной силой тяжести, им воспринимаемой как постоянная перегрузка. И первый же удачно сконструированный и безопасный в полете космический корабль был снабжен аппаратурой, которая в свое время помогла Уолдо перебраться с больничной койки в инвалидную коляску.

Компенсаторы ускорения, нынешнее стандартное оборудование, применяемое на судах, следующих на Луну и обратно, ведут свое происхождение от полной до краев ванны, в которой Уолдо обычно ел и спал до того момента, как покинул родительский дом, чтобы перебраться в свой теперешний, кое в чем уникальный. Большая часть самых важных изобретений Уолдо первоначально предназначалась для облегчения его собственной участи и лишь впоследствии была приспособлена для общего пользования.

Даже вездесущие аппаратики, гротескно человекоподобные и всем известные под названием «уолдо», а точнее говоря, «синхронные пантографы-удвоители Уолдо Ф. Джонса», патент # 296001437, новые серии и прочие, прежде чем он переконструировал их для массового производства, имели предшественников — несколько поколений механизмов, которыми Уолдо пользовался в собственной мастерской. Первый из «уолдо», донельзя примитивный по сравнению с нынешними, неизбежно встречающимися в любой мастерской, на любой фабрике, на любом заводе или складе, был когда-то сконструирован для того, чтобы его создатель мог работать по металлу на токарном станке.

Когда-то Уолдо возмущался по поводу клички, которой наградили его детища — он был задет таким бесцеремонным панибратством, — но, поостыв, по-деловому оценил преимущество, проистекающее из отождествления его имени с таким общеупотребительным и незаменимым механизмом.

Когда журналисты взялись называть его дом в космосе «Инваколом», казалось бы, следовало ожидать, что Уолдо отнесется к этому как к дальнейшему росту своей популярности. Однако

этого не случилось. Уолдо настолько возмутился, что даже предпринял попытку наложить запрет на это словцо. Почему? А потому что, хотите верьте, хотите нет, Уолдо никогда не считал себя инвалидом.

Он рассматривал себя не как калеку, сбоку припеку человеческого общества, а как сверхчеловека, высшую стадию развития вида, существо, которое не нуждается в грубой силе безволосых обезьян. С его точки зрения, последовательность ступеней развития выглядела следующим образом: от волосатых обезьян через безволосых к Уолдо. Какой-нибудь ленивый шимпанзе без видимого напряжения мышц способен тащить одной рукой полторы тысячи фунтов. В этом Уолдо убедился, заполучив экземпляр и долготерпеливо доводя животное до исступления, чтобы заставить его показать свою силу. Физически развитый человек может сжать в руке силомер с усилием, равным ста пятидесяти фунтам. А вот сам Уолдо, исходя потом от напряжения, в жизни не смог бы показать на таком силомере больше пятнадцати фунтов.

Соответствовал истине этот непритязательный вывод или нет, но Уолдо уверовал в него и принял за основу. Обычные люди — это отребье

с гипертрофированными мускулами, безволосые шимпанзе. А он, Уолдо, десятикратно превосходит их.

У него было много дел.

Витая в воздухе, он был занят, очень занят. Хоть Уолдо и не ходил по Земле, дела его делались там. Помимо управления своими многочисленными объектами недвижимости он постоянно консультировал множество фирм, специализируясь на кинетическом анализе. Под рукою в помещении находилось все, что нужно для работы. Прямо перед ним располагался цветной стереотелевизор с экраном четыре на пять, на котором мерцали две системы координат: ортогональная и полярная. Выше и правее висел телевизор поменьше. Оба приемника были оснащены полной записью посредством параллельных устройств, удобства ради убранных в соседний отсек.

С экрана меньшего телевизора за Уолдо наблюдали два мужских лица. На большем экране была видна внутренняя часть обширного цеха, скорее похожего на ангар. Непосредственно перед окуляром располагался станок, на котором шла обработка какой-то крупной отливки. Рядом со станком стоял рабочий, на лице у него было написано с трудом сдерживаемое раздражение.

— Лучший ваш кадр, — объявил Уолдо тем двоим с малого телевизора. — Притом что наверняка руки у него крюки и он понятия не имеет, что такое тонкая работа, все же он гений по сравнению с теми кретинами, которых вы именуете станочниками.

Рабочий зыркнул по сторонам, будто пытаясь понять, откуда доносится голос. Было очевидно, что он слышит Уолдо, но видеть не может: ему телевизора не поставили.

— Не на мой ли счет остришь? — резко сказал рабочий.

— Мой дорогой, вы меня не так поняли, — умильно пропел Уолдо. — Я говорил исключительно в похвалу вам. И весьма надеюсь, что мне удастся обучить вас элементарным приемам точной работы. А потом уж не обманите наших ожиданий, научите работать придурков, что возле вас вертятся. Будьте добры, перчатки.

Перед рабочим на обычной подвеске болталась пара пятипалых перчаток длиной до локтя — задающие «уолдо». Точно такая же пара находилась перед самим Уолдо, соединенная в параллель с наземной. «Уолдо»-исполнители, действиями которых Уолдо собирался управлять с помощью своих перчаток, были смонтированы на рабочем

месте перед станком.

Указание Уолдо было адресовано рабочему. Тот взглянул на висящие перед ним перчатки, но даже пальцем не шевельнул.

— Кто не показывается, тот пусть мне не приказывает, — решительно сказал рабочий, поглядывая куда-то в сторону.

— Дженкинс, послушайте, — начал один из мужчин с малого экрана.

Уолдо вздохнул:

— Господа, у меня нет ни времени, ни желания наводить дисциплину у вас в цеху. Соизвольте развернуть свой телевизор так, чтобы наш чересчур раздражительный друг имел возможность видеть меня.

Произошла перестановка; в глубине кадра как на малом телевизоре Уолдо, так и на большом появилось лицо рабочего.

— Ну вот. Теперь лучше? — кротко спросил Уолдо.

Рабочий что-то буркнул.

— Послушайте… Простите, а как вас зовут?

— Александр Дженкинс.

— Отлично, дружище Алек. Руки в перчатки.

Дженкинс сунул руки в «уолдо» и застыл в ожидании. Уолдо надел приготовленные перчатки;

и все три пары манипуляторов, заодно с исполнительной, установленной на станке, ожили. Дженкинс закусил губу так, словно почел крайне неприятным, когда надетые перчатки взялись распоряжаться его пальцами.

Уолдо плавно сгибал и разгибал их; две пары «уолдо» на экране в тот же миг точно повторяли эти движения.

— Почувствуйте это, дорогой Алек, — подавал советы Уолдо. — Мягче, мягче. Заставьте свои мускулы работать на благо себе.

Закончив разминку, Уолдо перешел к более сложным движениям. «Уолдо» на станке отозвались, потянулись вверх, включили питание и легко и аккуратно продолжили цикл обработки отливки. Вот одна механическая рука опустилась вниз, отрегулировала высоту стола, а в это время другая увеличила подачу масла на режущую кромку.

— Ритмичней, Алек, ритмичней. Не дергайтесь, не делайте лишних движений. Старайтесь поспевать за мной.

Отливка с обманчивой быстротой приобрела форму, стало ясно, что на станке обрабатывается корпус обычного трехкулачкового зажимного патрона для токарного станка. Вот зажимы

разжались, готовый корпус упал на ленту транспортера, место на станке заняла следующая заготовка. Уолдо неторопливо и умело повторил цикл, его пальцы в «уолдо» работали с усилиями, которые следовало бы измерять долями унций, но две пары «уолдо» в десятках тысяч миль внизу, на Земле, в точности следуя его движениям, развивали силу, необходимую для тяжелой ручной работы.

Еще один корпус патрона упал на транспортер… и еще несколько. И Дженкинс, хотя никто не понукал его работать собственноручно, явно устал от усилий предугадать и повторить движения рук Уолдо. Со лба у него лил пот, на носу и на подбородке повисли капли. Улучив момент перезагрузки станка, он резким движением вырвал руки из задающих «уолдо».

— Хватит, — объявил он.

— Алек, давайте-ка еще одну. Вы делаете успехи.

— Нет.

Рабочий отвернулся, как бы собираясь уйти. Уолдо сделал резкое движение — такое резкое, что пришлось напрячь все силы даже в его невесомом окружении. Одна из стальных рук «уолдо»-исполнителя взметнулась и схватила

Дженкинса за запястье.

— Алек, не спешите.

— Да пошел ты!

— Спокойней, Алек, спокойней. Вы будете делать, что говорят, *не так ли?*

Стальные пальцы с силой сжались, заходили. Уолдо приложился на все свои расчетные две унции.

Дженкинс зарычал. Единственный оставшийся зритель — другой ушел вскоре после начала урока — воскликнул:

— Мистер Джонс! Минутку!

— Либо заставьте его слушаться, либо увольте, ко всем чертям. Вы же знаете, что у меня в контракте стоит.

Внезапно звук и изображение с Земли отключились. Они вернулись через несколько секунд. Дженкинс смотрел волком, но больше не упрямился. Уолдо продолжил, будто ничего такого не случилось:

— Алек, дорогой, ну-ка еще разок.

Проведя еще один цикл, Уолдо распорядился:

— Теперь двадцать самостоятельных повторений с сигнальными лампами на локте и запястье. Со включенным хроноанализатором. Ваш график и заданный должны совпасть. Надеюсь, так и

будет, Алек.

Без лишних слов он выключил большой экран и обратился к наблюдателю на малом:

— Макнай, продолжим завтра в это же время. Дело движется. Со временем мы превратим этот ваш дурдом в современное предприятие.

И выключил малый экран, даже не попрощавшись.

Уолдо несколько поспешил с окончанием занятия, потому что краем глаза углядел предупредительное помаргивание на панели своего домашнего информатора. К дому приближалось какое-то судно. Дело привычное: туристы вечно суются и автоохраннику приходится гнать их в шею. Но это судно дало условный сигнал и поэтому было пропущено к причалу. «Помело», однако номерной знак Уолдо разглядел не вдруг. Оказалось, флоридский. Кто из хороших знакомых раскатывает с флоридским номером?

Мгновенно перебрав в уме список — он был *очень* короткий, — Уолдо убедился: у него нет знакомых с флоридскими номерами, которые знали бы условный сигнал. Мгновенно заговорила настороженность, с которой Уолдо относился к внешнему миру; и он включил схему, посредством которой с помощью своих «уолдо» мог

управлять несомненно противозаконными, но куда как смертоносными защитными устройствами, установленными в доме. Тем более что судно подваливало с непрозрачным кузовом. Ох, не к добру это.

Из «помела» выбрался кто-то, на вид довольно молодой. Уолдо присмотрелся. Кто-то незнакомый — возможно, он где-то видел это лицо. Нажим в одну унцию, и это лицо перестанет быть лицом, но Уолдо четко держал свое серое вещество под контролем и рукам воли не дал. Незнакомец повернулся, как бы собираясь помочь вылезти другому прибывшему. Да вот и другой. Но это же дядя Гэс! Вот старый дурак! Надо же, сообразил: приволок с собой совершенно чужого человека! И ведь знает же! Знает, как Уолдо относится к чужим.

Тем не менее команда на открытие замка была подана и прибывшие впущены.

Гэс Граймс протиснулся в люк, подтягиваясь от одного поручня до другого и натужно пыхтя, как обычно, когда попадал в невесомость. И как всегда, сам себе объяснил: это не от чрезмерного усилия, это диафрагма жестковата стала. Следом скользнул в люк Стивенс, всем своим видом демонстрируя безобидную гордость землеройки за

то, как он отлично справляется с космическими условиями. Едва оказавшись в приемной, Граймс замер на месте, рыкнул и обратился к поджидавшему гостей манекену в полный рост:

— Уолдо, привет.

Кукла слегка повернула голову и повела глазами:

— Рад видеть, дядя Гэс. Хоть бы позвонили, прежде чем выбираться. Я бы вам на обед что-нибудь вкусненькое припас.

— Не стоит хлопот. Вряд ли мы проторчим тут так долго. Уолдо, это мой друг Джимми Стивенс.

Кукла уставилась на Стивенса.

— Как поживаете, мистер Стивенс? Добро пожаловать во «Фригольд», — произнесла она деревянным голосом.

— Как поживаете, мистер Джонс? — ответил Стивенс и с любопытством воззрился на куклу. Кукла выглядела на диво живой. В первый момент Стивенс и принял ее за живого человека. Некое «разумное факсимиле». Если вспомнить, ему доводилось о ней слышать. Мало кто видел Уолдо собственной персоной, все больше разглядывали картинку на экране. А те, кто являлся в «Инвакол» — ой, слава богу, вовремя вспомнил: не в «Инвакол», а во «Фригольд», — те, кто являл-

ся во «Фригольд» по делам, слышали только голос Уолдо и довольствовались видом этого чучела.

— Дядя Гэс, без обеда я вас не отпущу, — объявил Уолдо. — Уж придется вам остаться. Вы у меня нечастый гость. Я сейчас что-нибудь быстренько соображу.

— Раз так, то, может, мы и останемся, — смилостивился Граймс. — А насчет меню не беспокойся. Ты меня знаешь. Я что хочешь разжую.

Стивенс от души поздравил себя с блестящей мыслью толкнуться со своими тяготами к доку Граймсу. Пяти минут не прошло, и на тебе! — Уолдо настоятельнейшим образом уговаривает их остаться и пообедать. Добрый знак.

Он не обратил внимания на то, что приглашение относилось только к Граймсу, а светлая мысль распространить местное гостеприимство на них обоих высказана отнюдь не хозяином дома.

— Ты где, Уолдо? — продолжил беседу Граймс. — В лаборатории?

И сделал недвусмысленное движение, чтобы пройти дальше в дом.

— Да вы не утруждайтесь, — поспешно сказал Уолдо. — Уверен, вам будет удобнее там, где находитесь. Минутку, я сейчас раскручу приемную,

чтобы вы могли сидеть, как привыкли.

— Уолдо, ты что, не в себе? — вспылил Граймс. — Ты же знаешь: есть вес, нет веса — это мне все равно. А вот компания твоей болтливой куклы мне вовсе не улыбается. Я приехал повидать не ее, а тебя.

Настойчивость старшего друга слегка удивила Стивенса; он как раз подумал, что раскрутка была бы со стороны Уолдо очень уместной любезностью. В невесомости ему было чуточку не по себе.

Ответное молчание Уолдо неприятно затянулось. Наконец он заговорил, и повеяло холодом.

— Вот уж о чем не может быть и речи, дядя Гэс. Кто-кто, а вы-то должны же это знать.

Граймс ему не ответил. Вместо ответа он взял Стивенса за локоть:

— Джимми, пошли. Отваливаем.

— Док, да вы что! С чего?

— Уолдо вздумал игры играть. А я ему в этом не компания.

— Но-о-о…

— Пошли-пошли. Уолдо, открой шлюз.

— Дядя Гэс!

— Слушаю.

— Ваш спутник — вы за него ручаетесь?

— Естественно. Иначе я бы его не привел, дурья твоя башка.

— Я у себя в мастерской. Дорога открыта.

— Так-то, сынок. Вали за мной, — подмигнул Граймс Стивенсу.

И Стивенс потащился вслед за Граймсом на манер рыбы, плывущей за товаркой, по пути во все глаза разглядывая сказочное жилище, в котором оказался. И про себя заметил, что место было единственным в своем роде, такого он в жизни не видел. Здесь начисто отсутствовало представление о верхе и низе. Космические корабли и даже космические станции хоть и находятся постоянно в состоянии свободного падения по отношению к любым внутренне ощутимым ускорениям, но тем не менее неизменно строятся с мыслью о верхе и низе; вертикальная ось корабля определяется направлением действия его ускоряющего привода; а верх и низ на космических станциях определяются по радиусу относительно оси раскрутки.

Очень немногие полицейские и военные суда имеют два и более направления ускорения; когда такой корабль совершает маневр, его персоналу приходится закрепляться и закреплять все подвижные предметы. На некоторых космических

станциях искусственная тяжесть за счет вращения обеспечивается только в жилых секциях. И тем не менее существует общее правило: человек привык к чувству веса, и во всем, что сделано его руками, это подразумевается. Так обстояло всюду, кроме дома Уолдо.

Землеройке очень трудно обойтись без ощущения веса. По-видимому, этого требует инстинкт, с которым мы рождаемся. Любой, кто рассуждает о корабле, находящемся на околоземной орбите, склонен считать, что «низ» находится в той стороне, где Земля, и, стало быть, обращенную к Земле стенку корабля считает полом, на котором можно стоять и сидеть. Это совершенно ошибочное мнение. У того, кто находится внутри свободно падающего тела, ощущение веса и, соответственно, ощущение «верха» и «низа» отсутствует. За исключением того, которое вызвано собственным полем тяготения корабля. Но что касается последнего, ни дом Уолдо, ни любой мыслимый космический корабль пока что не строятся такими массивными, чтобы им оказалось присуще поле тяготения, ощутимое для человеческого тела. Хотите верьте, хотите нет, а это так и есть. Чтобы человек ощутил свой вес относительно корабля, последний должен

быть размером с хороший планетоид.

Случается, возражают, что тело, вращающееся вокруг Земли по замкнутой орбите, не является свободно падающим. Такая точка зрения характерна для людей, живущих на поверхности Земли, и совершенно ошибочна. Свободный полет, свободное падение и движение по околоземной орбите — это равнозначные термины. Луна постоянно падает на Землю; Земля постоянно падает на Солнце, но результирующий вектор их суммарного движения направлен так, что не дает им приблизиться к своим хозяевам. Так что как бы то ни было, а это свободное падение. Спросите у любого астрофизика или специалиста по баллистике.

Там, где есть свободное падение, ощущение веса отсутствует. Чтобы человеческое тело ощутило вес, на пути действия поля тяготения должно находиться препятствие.

Кое-какие из приведенных рассуждений промелькнули в голове Стивенса, пока он, подтягиваясь на руках, пролагал путь в мастерскую Уолдо. Дом Уолдо был построен безо всякого учета соображений о «верхе» и «низе». «Пола» в нем не было; мебель и аппаратура крепились к любой из стен. Палубы и платформы располагались под

любым удобным углом, каких бы размеров и формы ни были, потому что не предназначались ни для хождения, ни для стояния. Точнее говоря, это были не палубы, а сферические рабочие поверхности. И вдобавок необязательно было крепить приборы к этим поверхностям; довольно часто, когда к аппаратуре требовался доступ со всех сторон, она висела в воздухе, закрепленная лишь легкими ремнями или штангами.

Вид у этой мебели и аппаратуры был непривычный, часто непривычным было и назначение. Большая часть предметов мебели на Земле угловата и по крайней мере на девяносто процентов предназначена только для одного — для того, чтобы тем или иным образом препятствовать действию ускорения земного притяжения. Большая часть мебели в домах на поверхности Земли — и под нею — это статические механизмы, противостоящие силе тяжести. Все столы, стулья, кровати, диваны, вешалки, полки, шкафы et cetera предназначены только для этой цели. А у остальной мебели и аппаратуры эта цель непременно стоит на втором месте и в большой степени определяет конструкцию и массивность.

А в доме Уолдо никакой нужды не было в этой угловатой массивности, такой необходимой на

Земле, и поэтому многие предметы вокруг обрели сказочное изящество. Всякие запасы, сами по себе массивные, оказалось удобно держать по отдельности в пластмассовых прозрачных чехлах толщиной с яичную скорлупку. Громоздкие аппараты, которые на Земле неизбежно пришлось бы ставить на фундаменты и снабжать кожухами, здесь витали в воздухе на легких эластичных растяжках или просвечивали сквозь пленку толщиной в стрекозиное крыло.

И повсюду были парные «уолдо», побольше, поменьше и в натуральную величину, с телевизионными объективами.

Было очевидно, что Уолдо может воспользоваться отсеками, через которые лежал их путь, не покидая своего креслица. Если вообще пользовался креслицем. Вездесущие «уолдо», хрупкость мебели и прихотливое использование всех стен в качестве рабочих или укладочных поверхностей придавали всему вокруг безумно фантастический вид. Стивенс чувствовал себя так, будто попал в Диснейленд.

Но жилых секций им по дороге пока что не попалось. Стивенс терялся в догадках, на что могут быть похожи личные апартаменты Уолдо, и силился представить себе, как и чем они обстав-

лены. Стульев нет, ковров нет, кровати нет. А что есть? Может быть, картины? И как-то надо было схитрить насчет бокового освещения, чтобы не жмуриться, куда ни обрати взгляд. Аппаратура связи могла не отличаться от обычной. Но на что похож здесь умывальник? Как выглядит стакан, из которого пьют? Как бутылка с заглушкой? Или вообще нет нужды в сосудах? В голову не приходило никаких решений. Ясно было одно: даже опытный инженер стал бы в тупик перед лицом затруднений, диктуемых здешними условиями.

Как соорудить приличную пепельницу, когда нет силы тяжести, которая удержала бы на месте окурки и пепел? А курит ли Уолдо? Предположим, он любитель разложить пасьянс; как он находит управу на карты? Может быть, пользуется магнитным столиком и намагниченными картами?

— Джим, вон туда.

Держась одной рукой за поручень, Граймс указал другой на входное отверстие одной из неопознаваемых поверхностей. Стивенс проскользнул в указанный люк. И не успел глянуть по сторонам, как пришел в изумление, заслыша злобное басовитое рычание. Вскинул взгляд — прямо по воздуху на него несся огромный мастиф, пасть разинута, клыки оскалены. Передние лапы

раскинуты, как бы обеспечивая равновесие в полете, задние — поджаты под впалое брюхо. Судя по виду и голосу, псина явно собиралась растерзать чужака в клочья, а потом знатно пообедать.

— Бальдур!

Голос раздался откуда-то из-за собаки. Та убавила свирепости, но полета прервать не могла. И тут на добрый десяток метров вымахнул «уолдо» и ухватил пса за ошейник.

— Увы, сэр, — продолжил тот же голос. — Мой друг не ждал, что вы появитесь.

— Бальдур, как жизнь? Ну как ты себя ведешь! — укорил пса Граймс. Пес взглянул на него, заскулил, замахал хвостом. Стивенс осмотрелся, поискал, откуда исходит голос. И нашел.

Он оказался в огромном сферическом помещении; в самом центре этого помещения находился заплывший жиром человек. Уолдо.

Уолдо был одет без претензий: трусы, маечка… На руках у него были металлические перчатки до локтя — задающие «уолдо». Пухлое лицо, двойной подбородок, ямочки на щеках, гладкая кожа — он выглядел как исполинский ангелочек, витающий над каким-нибудь святым. Но взгляд у него был отнюдь не ангельский, лоб и череп — явно принадлежали взрослому мужчине. Уолдо глаз

не сводил со Стивенса.

— Позвольте представить вас моему питомцу, — произнес Уолдо усталым фальцетом. — Бальдур, дай лапу.

Пес протянул переднюю лапу. Стивенс торжественно пожал ее.

— Позвольте ему обнюхать вас.

«Уолдо» на ошейнике дрогнул и дал собаке возможность приблизиться к Стивенсу. Удовлетворившись, животное одарило слюнявым поцелуем запястье Стивенса. Только тут Стивенс отметил, что шерсть у пса преимущественно белая, но с большими коричневыми пятнами вокруг глаз, и мысленно назвал пса «собакой с глазами, как чайные блюдца», вспомнив сказку про солдата и огниво. Он даже пробормотал что-то вроде «Хороший мальчик!» и «Славный песик!». Услышав это, Уолдо посмотрел на него с легким отвращением.

— Сэр, к ноге! — скомандовал Уолдо, когда церемония знакомства закончилась. Пес внезапно выставил лапу, уперся ею Стивенсу в бедро, перевернулся в воздухе, оттолкнулся и поплыл по направлению к хозяину. Чтобы удержаться на месте, Стивенсу пришлось судорожно схватиться за поручень. Граймс оттолкнулся от люка, а за-

кончил полет возле бруса поблизости от хозяина дома. Стивенс направился следом.

Тем временем Уолдо не торопясь разглядывал Стивенса. Не сказать чтобы это была откровенная грубость, но было в этом взгляде что-то отчасти раздражающее. Стивенс почувствовал, что медленно наливается краской, начиная с затылка; чтобы оградить себя от этого, принялся с особым вниманием обозревать помещение. Оно было просторное, но производило впечатление загроможденного из-за скопления, скажем так, *хлама* поблизости от Уолдо. Вокруг него под разными углами, так чтобы экраны были против глаз, реяло с полдюжины телевизоров разного размера. Три из них имели объективы для двусторонней связи. Между телевизорами плавали различные панели управления, некоторые — очевидного назначения, как, например, очень сложная панель включения освещения с рубиновыми сигнальными огоньками на каждую цепь, панель голосового синтезатора, телевизионная мультиплексная панель управления, что-то напоминающее распределительную панель питания, правда, дизайн ее был очень необычен. Но было по крайней мере полдюжины панелей, которые полностью поставили Стивенса в тупик.

К стальному кольцу вокруг рабочего пространства было прикреплено несколько пар «уолдо». Две пары величиной с кулачки макаки были снабжены телескопическими удлинителями. Именно одним из этих «уолдо» воспользовался Уолдо, чтобы схватить собаку за ошейник. К сферическим стенам тоже были прикреплены «уолдо», включая одну пару такого исполинского размера, что не понять было, зачем такие нужны. Их пальцы были растопырены, и Стивенс на глаз прикинул, что от кончика мизинца до кончика большого пальца будет примерно метра полтора.

На стенах было изобилие книг, но книжных полок не наблюдалось. Книги, казалось, росли на стене, как капустные кочаны. Стивенс сперва пришел в изумление, а потом подумал — и правильно подумал, как выяснилось позже, — что этот фокус проделан благодаря магнитикам на корешках.

Автоматизированное освещение было устроено по-новому, очень сложно, но зато удобно для Уолдо. Однако вряд ли его можно было назвать удобным для посетителей. Разумеется, прямого света не было; источники света были со всей тщательностью направлены так, чтобы ни один

не бил в глаза, куда бы Уолдо ни повернул голову. Но светильники, расположенные у него над головой, чтобы хорошо видеть все, на что вздумается бросить взгляд, буквально слепили любого, кто оказался бы лицом к Уолдо. Стоило Уолдо повернуть голову, одни светильники загорались, другие гасли — чтобы свет всегда шел сзади. Кажется, эта схема называется «электрический глаз». И Стивенс взялся прикидывать, как бы попроще осуществить такую схему.

А Граймс не стал церемониться:

— Уолдо, черт подери! Уйми эти свои лампочки. У нас вот-вот головы заболят.

— Прости, дядя Гэс.

Уолдо вынул из перчатки правую руку и коснулся пальцами панели управления. Блики пригасли. Свет теперь шел с той стороны, куда никто из них не смотрел, но стал ярче, потому что площадь светильников уменьшилась. Рябь огней на стенах складывалась в приятные узоры. Стивенс попытался проследить за волнами огней, но это оказалось непростой задачей — ведь они были настроены так, чтобы их *не было видно*. Удалось это только тогда, когда он перестал вертеть головой и стал двигать одними глазами. Ага, значит, переключениями света управляет дви-

жение головы; движения самого глаза слишком малы для этого.

— Ну что, мистер Стивенс, как вам мой дом? Интересно? — несколько свысока улыбнулся Уолдо.

— Очень! Очень-очень! Думаю, это самое замечательное место из всех, где мне пришлось бывать.

— И что же тут такого замечательного?

— Ну-у, полагаю, отсутствие определенной ориентации. А еще — замечательные механические новшества. Полагаю, я не слишком заземлен, но не проходит ожидание пола под ногами и потолка над головой.

— Мистер Стивенс, это просто результат функционального дизайна. Живу в особых условиях — вот и дом мне нужен особый. Новшества, о которых вы говорите, состоят главным образом в устранении ненужных деталей и добавлении новых удобств.

— Правду сказать, самое интересное, что я здесь вижу, это вовсе не дом.

— Неужели? А что, если не секрет?

— Это ваш пес Бальдур.

Заслышав свое имя, пес вскинулся и огляделся.

— Мне никогда еще не попадались собаки, способные сладить с невесомостью.

Уолдо улыбнулся, и впервые в его улыбке проглянуло что-то ласковое и теплое.

— Да, Бальдур настоящий акробат. Он попал сюда совсем щенком.

Он подался вперед и потрепал пса за уши, и внезапно стало видно, насколько он слаб, насколько его жест не соответствовал размерам псины. Движения пальцев оказались настолько вялы, что еле-еле взъерошили жесткую шерсть, едва сдвинули с места огромные уши. Но он, казалось, этого не замечал или не обращал на это внимания. Повернувшись к Стивенсу он произнес:

— Что Бальдур! Вам бы глянуть на Ариэля.

— Что за Ариэль?

Вместо ответа Уолдо коснулся панели синтезатора и раздался мелодичный свист на три тона. На стене у них «над» головами послышался шорох, и оттуда устремилась к ним желтая крошка — кенар. Кенар несся в воздухе, сложив крылья. Будто камушек. Лишь у самой груди Уолдо он распахнул крылышки, зачерпнул ими воздух, сделал несколько взмахов, распустил хвостик, прекратил полет, снова сложил крылышки и завис. Не совсем, однако, завис, а позволил движению воздуха медленно-медленно снести себя к самому плечу Уолдо, выпустил свои шасси и

уцепился коготками за хозяйскую майку.

Уолдо переменил позу и погладил птичку кончиком пальца. Та прихорошилась.

— Ни одна птица, вылупившаяся на Земле, не способна научиться летать таким манером, — объявил Уолдо. — Я знаю. У меня их полдюжины передохло, прежде чем я убедился, что они совершенно не способны перестроиться. Слишком велики зрительные бугры в мозгу.

— И что с ними происходило?

— У человека это назвали бы острым тревожным психозом. Они пытались летать, и собственное замечательное искусство вело их здесь к полной катастрофе. Естественно, все, что они делали, здесь не годилось, а понять это они были не в силах. В конце концов птицы прекращали попытки летать и вскоре после этого умирали. От разбитого сердца, как сказал бы поэт, — улыбнулся одними губами Уолдо. — Но Ариэль — гений среди птиц. Он вылупился из яйца уже здесь и безо всякой посторонней помощи изобрел совершенно новые способы полета.

Вытянув палец, Уолдо предложил пташке новый насестик, который та приняла.

— Ариэль, погостил и будет. Ступай домой.

В ответ кенар завел «арию с колокольчиками»

из «Лакме».

Уолдо ласково встряхнул птичку:

— Нет, Ариэль. Тебе пора спать.

Кенар подобрал лапки, на секунду-другую завис над пальцем, сделал несколько сильных взмахов крыльями, чтобы выйти на курс и набрать скорость, и пулей устремился туда, откуда прилетел, сложив крылышки и поджав лапки.

— Джимми не просто так прилетел. Ему надо кое о чем поговорить с тобой, — вступил в разговор Граймс.

— Доставьте удовольствие, — неохотно ответил Уолдо. — Но может быть, сперва пообедаем? Аппетит не нагуляли, сэр?

Возможно, Уолдо сытого легче будет уговорить, чем Уолдо голодного, подумал Стивенс. Вдобавок его собственный средний отсек информировал, что неплохо бы одолеть килокалорию, а то и две.

— Еще как нагулял.

— Отлично.

Обед так обед.

Стивенс так и не сумел прийти к окончательному выводу, то ли сам Уолдо приготовил пищу с помощью своих бесчисленных тезок, то ли эту важную работу исполнила прислуга, избегавшая попадаться на глаза. При теперешних способах

приготовления пищи Уолдо и сам мог бы справиться с этим делом; он, Стивенс, управлялся без труда, так же как и Гэс. Он просто взял себе на заметку при первой же возможности спросить у дока Граймса, держит ли Уолдо в доме прислугу, и если держит, то какую именно. Да потом оно как-то позабылось.

Обед прибыл в небольшом пищевом контейнере, воздвигшемся между ними на конце длинной раздвижной пневмоштанги. Пневмоштанга тихо вздохнула и замерла. На сами блюда Стивенс почти не обратил внимания — и так было понятно, что они сытны и вкусны, — все его внимание было приковано к утвари и способам сервировки. Уолдо пристроил свой бифштекс прямо перед собой в воздухе, отделял от него дольки кривыми хирургическими кусачками и отправлял в рот с помощью изящных щипчиков. Жевал он с большим трудом.

— Давно уже нельзя достать хорошие бифштексы, — заметил он. — До чего жесткое мясо! Бог свидетель, я на плату не скуплюсь. Но и на жалобы потом — тоже.

Стивенс не ответил. Бифштекс, доставшийся ему, был, по его мнению, уж слишком мягок, просто таял на зубах. Управлялся он с ним с помощью

ножа и вилки — правда, нож был излишен. Было очевидно, что Уолдо не ожидает от гостей перенятия своих бесспорно лучших приемов и столовых принадлежностей. Стивенс ел с тарелки, зажатой между коленями, для чего по примеру Граймса пришлось прямо в воздухе сесть на корточки. Сама тарелка с рабочей стороны была продуманно снабжена маленькими шипами.

Напитки были сервированы в крохотных упругих пузырях, снабженных наконечниками. Ну как в рожках с сосками для младенцев.

Наконец пищевой контейнер со скорбным вздохом унес посуду и столовые приборы.

— Курите, сэр?

— Благодарю.

Тут-то и увидел Стивенс, как устроены пепельницы для невесомости. Они представляли собой патрубки с колоколообразными приемниками на конце. Достаточно было небольшого подсоса, чтобы пепел, стряхиваемый о край колокола, исчезал в мгновение ока безо всяких затрат внимания.

— А теперь к делу, — снова вступил в разговор Граймс. — Видишь ли, Джимми работает одним из главных инженеров в «Норт-Американ пауэр-эйр».

— *Что?*

Уолдо выпрямился и замер, грудь его вздымалась и опускалась. Он обратился к Граймсу так, словно никакого Стивенса рядом в помине не было:

— Дядя Гэс, неужели вы хотите сказать, что привели служащего из *этой* компании в мой… дом?

— А ты не кипятись. Расслабься. Черт подери, сколько тебе говорено: не напрягайся, не давай ничему взвинтить свое кровяное давление.

Граймс подгреб поближе к хозяину дома, на допотопный лекарский манер схватил за запястье и стал считать пульс.

— Та-а-ак. Дыши медленнее. Ты что задумал? Одуреть от избытка кислорода?

Уолдо силился освободиться. Прежалостное зрелище: старик был в десять раз сильнее, чем он.

— Дядя Гэс, вы…

— Заткнись!

На несколько минут воцарилась тишина, неприятная по крайней мере для двоих из трех присутствующих. Граймс не обращал на это никакого внимания.

— Вот так-то, — сказал он наконец. — Теперь получше. Послушай, что я тебе скажу, и не выпры-

гивай из штанов. Джимми — хороший парень и в жизни не сделал тебе ничего худого. И вел себя здесь пристойнейшим образом. У тебя нет права хамить ему, на кого бы он ни работал. По-хорошему ты обязан перед ним извиниться.

— Да будет вам, док, — запротестовал Стивенс. — Боюсь, что я проник сюда под фальшивым флагом, мистер Джонс. Весьма сожалею. Это не входило в мои намерения. Я с самого начала пытался объяснить, но…

Лицо Уолдо оставалось непроницаемым. Видимо, он очень старался совладать с собой.

— Ничего, мистер Стивенс. Сожалею, что вспылил. Согласен, мне не следовало переносить на вас дурные чувства, которые испытываю к вашим нанимателям… Однако, Бог свидетель, никакой любви я к ним не питаю.

— Знаю. Тем не менее мне жаль это слышать.

— Меня обжулили, вам понятно? *Обжулили!* Посредством такого омерзительного лжезаконного мошенничества, какого свет не…

— Уолдо! Не увлекайся!

— Прости, дядя Гэс. — И Уолдо продолжил, стараясь не повышать голоса: — Вам известно о так называемых патентах Хатауэя?

— Безусловно.

— «Так называемые» — это мягко сказано. Этот человек был у меня просто слесарем. Эти патенты принадлежат мне.

По мере того как Уолдо продолжал рассказ, делалось ясно, что его версия имеет под собой основания — и Стивенс это почувствовал, — но в то же время пристрастна и неубедительна. Возможно, Хатауэй и впрямь работал в доме по найму обычным слесарем, как утверждал Уолдо, но тому не было никаких доказательств. Ни контракта, ни каких-либо записей. И оформил на свое имя несколько патентов — единственные, которые оформил, и по своему полету очень напоминавшие затеи Уолдо. А потом скоропостижно скончался. Его наследники, действуя через адвокатов, продали эти патенты фирме, с которой Хатауэй вел переговоры.

Уолдо утверждал, что эта фирма подослала Хатауэя с целью кражи и надоумила наняться на работу именно ради этого. Однако она благополучно скончалась, а все ее активы перекупила НАПЭ. «Норт-Американ пауэр-эйр» предложила Уолдо полюбовное соглашение. Уолдо предпочел обратиться в суд. И проиграл дело.

Даже если Уолдо прав, Стивенс не видел, как дирекция НАПЭ могла бы на законных основа-

ниях удовлетворить его претензии. Служащим корпорации доверены деньги других людей; если бы директора НАПЭ совершили попытку уступить имущество, по всем правилам оформленное за корпорацией, любой акционер мог бы запретить им сделать это до или взыскать компенсацию лично с них после осуществления такого замысла.

По крайней мере, так это видел Стивенс. Но ведь он, Стивенс, не юрист. Его, Стивенса, это дело касается лишь в одной точке: на фирму, в которой он, Стивенс, состоит, Уолдо здорово зол, а без услуг Уолдо ему, Стивенсу, не обойтись.

Приходилось признать: слабо похоже на то, что присутствие доктора Граймса поможет изменить этот роковой расклад.

— Но это случилось еще до меня, — забормотал он. — Так что я, естественно, почти не в курсе. Ужасно сожалею по поводу всей этой истории. А бьет она сейчас по мне, потому что в настоящий момент я угодил в крупные неприятности и позарез нуждаюсь в вашей помощи.

Особого недовольства при этих словах Уолдо не выказал.

— Вот как? А о чем, собственно, речь?

В ответ Стивенс в нескольких чертах обрисовал

затруднения, в которые попал с приемниками де-Кальба. Уолдо слушал внимательно. Но когда Стивенс закончил, он отозвался:

— Ага, это примерно то же, что рассказал мне ваш мистер Глисон. Разумеется, вы, будучи поближе к технике, рисуете более связную картину, чем этот распорядитель чужими деньгами. Но с какой стати вы явились с этим ко мне? Я не специалист по микроволновой технике, и у меня нет степеней в престижных институтах.

— Я пришел к вам по той же причине, по которой приходит к вам любой, кто действительно столкнулся с технической проблемой, — искренне сказал Стивенс. — Насколько я знаю, вами поставлен рекорд по решению любых задач, за которые вы брались. Этот рекорд пока никем не побит, и он напоминает мне еще об одном человеке…

— О ком? — внезапно насторожился Уолдо.

— Об Эдисоне. Он точно так же не тревожился о степенях, но зато решал все трудные задачи своих дней.

— Ах об Эдисоне… Я думал, речь о ком-то из наших современников. Несомненно, для своего времени Эдисон был достаточно хорош, — великодушно признал Уолдо.

— Я не вел точных подсчетов, кто из вас больше преуспел. Я просто припомнил, что Эдисон пользовался славой человека, который предпочитает браться за более трудные задачи. То же довелось слышать и про вас. Надеюсь, моя проблема достаточно трудна, чтобы заинтересовать вас.

— В ней что-то есть, — согласился Уолдо. — Чуточку не по моей части, но что-то есть. Однако должен сказать, я с удивлением слышу столь высокий отзыв о моих талантах со стороны служащего «Норт-Американ пауэр-эйр». Если этот отзыв искренен, думается, без особого труда удалось бы убедить вашу фирму в том, что это я, вне всякого сомнения, являюсь автором так называемых патентов Хатауэя.

«Невозможный мужик, — подумал Стивенс. — Мертвая хватка».

А вслух сказал:

— Вся беда была, наверное, в том, что этим делом занимались администраторы и юристы. Их вряд ли хватило бы на то, чтобы отличить в конструкторской работе дар божий от яичницы.

Такой ответ, видимо, умилостивил Уолдо.

— А что об этой проблеме говорят у вас в отделе исследований? — спросил он.

Стивенс поморщился:

— Да толком ничего. Похоже, доктор Рэмбо просто не верит сводкам, которые я ему подаю. Говорит, что такого быть не может, но при этом настроение у него падает все больше. Я думаю, что он уже несколько недель держится исключительно на аспирине и снотворном.

— Рэмбо, — протянул Уолдо. — Я помню его. Посредственный ум. Интуиции ни на грош, держится на хорошей памяти. Не думаю, что меня отпугнула бы неспособность Рэмбо справиться с задачей.

— Так вы считаете, что есть надежда решить ее?

— Притом без особых трудов. После звонка мистера Глисона я уже обдумывал этот вопрос. Вы существенно дополнили информацию, и, на мой взгляд, просматриваются по крайней мере два плодотворных направления, в которых стоит поработать. Из любой ситуации всегда есть какой-то выход в *правильном* направлении.

— Значит, вы примете мое предложение? — спросил Стивенс, облегченно вздыхая.

— Кто вам сказал? — изумился Уолдо. — Мой дорогой сэр, о чем вы говорите? Это был просто милый послеобеденный разговор в приятном обществе. Вашей компании я не помогу ни за что

на свете. Я надеюсь увидеть, как она развалится, обанкротится и исчезнет. А то, о чем мы говорили, вполне может стать поводом для этого.

Стивенс с трудом совладал с собой. Его обвели вокруг пальца. Этот жирный ханыга попросту забавлялся, водя его за нос. Порядочности в нем ни на грош. Тщательно подбирая слова, Стивенс продолжил речь:

— Мистер Джонс, я не прошу у вас пощады для «Норт-Америкэн», я взываю к вашему чувству долга. Задеты интересы общества. От услуг, которые мы оказываем, зависит жизнь миллионов людей. Ни ваши, ни мои проблемы тут не имеют значения, эти услуги *должны* быть предоставлены.

Уолдо скривил губы.

— Нет, — сказал он, — на мне это, думаю, не сработает. Боюсь, что благополучие полчищ неведомых мне землероек — не моя забота. Я и так сделал для них больше, чем следовало бы. Они вряд ли заслуживают помощи. Дайте им волю, и большинство ринется обратно в пещеры и схватится за каменные топоры. Мистер Стивенс, случалось ли вам видеть, как ряженная во фрак дрессированная обезьяна откалывает цирковые номера на роликовых коньках? Так вот, мне хо-

телось бы, чтобы вы навсегда запомнили: у меня не мастерская, где клепают ролики для обезьян.

«Если пробуду здесь еще хоть минуту, — сам себя молча вразумил Стивенс, — я чертовски о том пожалею». А вслух произнес:

— Как я понял, это ваше последнее слово?

— Можете считать, что да. Всего наилучшего, сэр. Ваш визит меня очень порадовал. Благодарю вас.

— Прощайте. Спасибо за угощение.

— Не стоит благодарности.

Стивенс крутнулся в воздухе, чтобы направиться к выходу, но тут его окликнул Граймс:

— Джимми, подожди меня в приемной.

Как только Стивенс оказался вне пределов слышимости, Граймс повернулся к Уолдо и смерил его взглядом с головы до ног. И произнес, подчеркивая каждое слово:

— Уолдо, я всегда знал, что ты один из самых больших поганцев на всем белом свете, но…

— Дядя Гэс, ваши комплименты меня мало тревожат.

— Заткнись и слушай. Я имел в виду, что ты не только самый отвратный эгоист, каких знаю, но еще и самый настоящий мошенник.

— Что вы имеете в виду? Объясните.

— Чушь! В проблеме, перед которой оказался этот парень, ты смыслишь не больше, чем я. Но ты воспользовался своей репутацией чудотворца, чтобы довести его до ручки. Ты же дешевка, шут гороховый и трепло, если…

— *Прекратите!*

— А ты валяй, — невозмутимо отозвался Граймс. — Накачивай себе кровяное давление. Я мешать не стану. Чем быстрее у тебя лопнут прокладки, тем лучше.

Уолдо взял себя в руки:

— Дядя Гэс, но с чего вы решили, что я блефую?

— С того, что знаю тебя как облупленного. Будь у тебя возможность поставить добрый товар, ты мигом пересмотрел бы положение и прикинул, как сделать НАПЭ окорот на том, что имеешь кое-что, в чем они так позарез нуждаются. Уж тут-то ты взял бы реванш, всему свету показал бы.

Уолдо покачал головой:

— Дядя Гэс, вы недооцениваете, насколько меня задела та история.

— Еще как дооцениваю! И я еще не закончил. Касательно твоей ответственности за всю нашу породу, о чем ты так мило ему натрепал. У тебя же есть голова на плечах. Ведь ты же не хуже меня знаешь, что из всех людей первым пострадаешь,

случись на Земле какой-нибудь затор. И если не стремишься его предупредить, значит просто не знаешь, как это сделать.

— А уж это-то с какой стати? Вот уж что меня не волнует. Я независим от подобных вещей. И вы об этом прекрасно знаете.

— Ах независим? А кто сварил сталь для этих стен? Кто вырастил бычка, которым ты нынче пообедал? Ты так же независим, как пчелиная матка, и почти так же беспомощен.

Уолдо ошеломленно захлопал глазами. А придя в себя, ответил:

— Ну нет, дядя Гэс! Я действительно независим. У меня здесь всего запасено на несколько лет.

— На *сколько* именно?

— Ну-у-у… лет на пять.

— А что потом? Ты мог бы прожить еще полсотни, если со снабжением все будет в порядке. Как предпочитаешь подохнуть — от голода или от жажды?

— Вода не проблема, — призадумался Уолдо. — А что касается запасов, наверное, можно было бы чуть серьезнее заняться гидропоникой и разведением какого-нибудь скота на мясо…

Граймс тут же прервал его неприятным смешком:

— Тем более, значит, я прав. Ты действительно *не знаешь*, как управиться с бедами Джимми, раз так с ходу начинаешь соображать, как спасти свою шкуру. Знаю я тебя. Скумекай ты и вправду хоть что-то на этот счет, ты не рассуждал бы про садик на подоконничке.

Уолдо ответил задумчивым взглядом:

— Это не совсем так. Как решить проблему, я не знаю, но кое-какие мысли по этому поводу имеются. Спорим на половину моих смертных грехов, что я в силах разгрызть этот орешек. После ваших слов, надо признаться, отдаю себе отчет, насколько тесно связан с земной экономикой, и, — он слабо улыбнулся, — я не из тех, кто пренебрегает своими интересами. Секунду! Я сейчас кликну вашего дружка.

— Не спеши. Я прилетел не только ради того, чтобы познакомить тебя с Джимми. Решение должно быть не абы какое, а особенное.

— Что вы имеете в виду?

— Это должно быть такое решение, чтобы пропала нужда насыщать воздух энергией излучения.

— Ах *это.* Дядя Гэс, я знаю, как вы увлечены своими теориями, и никогда не оспаривал вашей возможной правоты, но и вы не вправе ожидать

от меня, чтобы я свалил в одну кучу две такие разные и сложные проблемы.

— Глянь с другой стороны. В этом ты тоже заинтересован. Подумай, что будет, если все окажутся такими, как ты.

— Вы имеете в виду мое *физическое состояние*?

— Вот именно. Знаю, что тебе неприятно говорить на эту тему, но жареный петух вот-вот клюнет. Если все будут такие, как ты, слабаки, то кофеек с пирожными для Уолдо — фьюить! А этот исход день ото дня все ближе. Ты единственный из всех, кого я знаю, кто способен оценить последствия.

— Такое трудно себе вообразить.

— Трудно. Но стоит только захотеть, и любой толковый мужик различит, как нарастают симптомы. Это эпидемическая миастения, не обязательно острая, но уже достаточная, чтобы превратить в ад нашу механизированную цивилизацию. Достаточная, чтобы сыграть дурную шутку с твоими линиями снабжения. После нашей прошлой встречи я собрал кое-какие данные и начертил пару графиков. Видел бы ты их.

— Они у вас с собой?

— Нет, но я тебе пришлю. А пока что положись

на мои слова.

Граймс умолк, выждал, а потом спросил:

— А теперь что скажешь?

— Приму за предварительную рабочую гипотезу, — процедил Уолдо. — Пока не взгляну на вашу цифирь своими глазами. Вероятно, придется попросить вас кое в чем разобраться на Земле. Если ваши данные и впрямь соответствуют вашим словам.

— Впрямь. Бывай.

И Граймс засучил ногами в воздухе, поскольку, забывшись, вздумал было встать и выйти вон пешим ходом.

* * *

Что думал Стивенс, пока дожидался Граймса, лучше не описывать. Самой кроткой мыслью была плаксивая: о том, что приходится терпеть, когда решаешь заняться якобы простенькой инженерной работой. Ну что ж, недолго осталось ею заниматься. Но сам в отставку подавать он не намерен. Пускай выгоняют, а сам он не сбежит.

Но перед этим, черт побери, он съездит-таки в отпуск, а уж потом займется поисками другой работы.

Несколько минут ушло на пожелания, чтобы

Уолдо был здоров и силен настолько, чтобы он, Стивенс, мог съездить ему по роже. Или нет — лучше бы дать ему в жирное брюхо. Оно бы веселее.

Он опешил, когда кукла внезапно ожила и окликнула его:

— Мистер Стивенс.

— А? Да.

— Я решил принять ваше поручение. Мои юрисконсульты уладят детали с вашей конторой.

Стивенс настолько опешил, что промедлил с ответом несколько секунд, а тем временем кукла успела в очередной раз издохнуть. Что говорить, появления Граймса Стивенс теперь ожидал с нетерпением.

— Док! — воскликнул он, едва замаячила подплывающая фигура старика. — С чего это он? Как вы этого добились?

— Никак. Он сам подумал и передумал, — сухо ответил Граймс. — Поехали отсюда.

Доставив доктора Огастеса Граймса на порог его дома, Стивенс направился к себе в отдел. И только поставил «помело» на стоянку и вошел в туннель, ведущий к местной энергоцентрали, как буквально налетел на своего заместителя. Маклеод хватал воздух ртом, как рыба на песке.

— Шеф! Вы! Я так и подумал! Я тут вас жду! Вы мне нужны!

— А теперь что погорело? — подозрительно спросил Стивенс. — Город какой-нибудь?

— Нет! Почему вы так решили?

— Не важно. Говори, что у тебя?

— Насколько я знаю, городская подача течет, как светлый ручеек. Никаких сюрпризов. А я вам вот что хотел сказать: *я свой драндулет отремонтировал*.

— Что-о-о? Ты хочешь сказать, что отремонтировал машину, в которой попал в аварию?

— Ну не совсем в аварию. В резервной батарее было достаточно энергии. Когда отказал прием, я просто включил аварийное питание и сел чинчинарем.

— И отремонтировал? В чем было дело? В декальбах или в чем-нибудь другом?

— В декальбах, в декальбах. Но теперь они в ажуре. Но я не сам ремонтировал. Мне помогли. Понимаете ли…

— Так что же с ними стряслось?

— Толком не знаю. Понимаете, я решил, что не стоит брать авиатакси, чтобы не рисковать еще раз хлопнуться на обратном пути. И, кроме того, я же на своей таратайке летел, и мне не улыба-

лось распатронить ее, только чтобы вытащить декальбы. Так что я нанял тягача. Мысль была какая? Приволочь ее сюда целиком. Договорился с парнем, у которого был двенадцатитонный гусеничный трактор с платформой, и мы…

— Не зли, а то и убить могу! Говори, что случилось!

— Так я как раз о том. Доволоклись до Пенсильвании, и тут буксировщик киксанул. Правая ведущая звездочка накрылась. Красота! Джим, верьте слову, эти дороги — сплошной кошмар!

— Забудь. Кто будет тратить налоги на дорожные работы, когда девяносто процентов перевозок идет по воздуху? Ну полетела у вас звездочка. И что потом?

— Все равно не дороги, а жуть, — гнул свое Маклеод. — Я как раз рос в тех краях. Когда я был пацан, там шла шестиполоска, гладкая, как детская попка. И содержать их в порядке не мешало бы. Они могут когда-нибудь пригодиться.

Заметив взгляд шефа, он поспешно продолжил:

— Водила сконтачился со своей конторой, там обещали прислать аварийку из ближайшего городка. Чую, все ясно: три или четыре часа куковать, а то и больше. А мы как раз в местах, где я

рос. Ну и говорю себе: «Мак, у тебя чудный случай повидать родное захолустье и каморку, куда по утрам заглядывало солнышко». Ну, это фигурально выражаясь. Если взаправду, то в нашем доме никаких окон не было.

— Родись ты хоть в бочке, мне-то что за дело?!

— Начальник, без нервов, — невозмутимо сказал Маклеод. — Я веду к тому, чтобы вы поняли как да что. Но не рассчитывайте, что это вам понравится.

— Уже не нравится.

— Это все цветочки. Вылезаю я из кабины и смотрю по сторонам. До моего родного городка — миль пять, так что пехом брести неохота. Гляжу, а примерно в четверти мили от дороги у пригорка деревья такие пышные, и кажется мне, что место-то знакомое. Ну и решил посмотреть поближе. Вижу, все верно: за тем пригорком должна быть хибара, где жил-поживал Грэмпс Шнайдер.

— Грэмпс Снайдер?

— Не Снайдер, а Шнайдер. Дед, с которым наша пацанва дружила. На девяносто лет старше любого в округе. Я думал, он помер, однако сходить да глянуть — это не в тягость. А оказалось — нет. «Привет, Грэмпс», — говорю. «Заходи, Хью Дональд, — отвечает. — Только ноги вытри

о коврик». Захожу, присаживаюсь. А он хлопочет, что-то кипятит в кастрюльке на плите. «От утренней хворобы», — говорит. А он, вообще-то, не знахарь.

— То есть?

— Я имею в виду, этим не кормится. Курей разводит, огород держит, и сектанты, большей частью амиши, кое-чем делятся, приносят ему пироги и всякое такое. Но в травах и прочем он разбирается. Кончил кипятить — отрезал мне ломоть сладкой коврижки. Я ему говорю: «Danke»[6], — а он толкует: «Хью Дональд, да ты подрос», и интересуется, как у меня дела в школе. Отвечаю, мол, наилучшим образом. А он зырк на меня опять и говорит: «А однако что-то тебя донимает». Не спрашивает, а отмечает факт. Жую, значит, коврижку, а сам, не знаю с чего, пытаюсь растолковать ему свои проблемы.

Это было непросто. Грэмпс всю жизнь поближе к земле держался. А нынешнюю теорию излучения в двух словах не объяснишь. Путался я, путался, и тут он встает, надевает шляпу и говорит: «Пошли-ка глянем на твою машину». Ну, бредем к шоссейке. Вижу, ремонтники прибыли,

---

[6] Примечания: 6

Danke — спасибо *(нем.) — Примеч. С. В. Голд.*

но тягач еще не на ходу. Помог Грэмпсу залезть на платформу, забираемся в мой рыдван. Показываю ему декальбы, силюсь объяснить, что они делают. Вернее, что должны делать. Так, абы время прошло. А он тычет в пучок антенн и спрашивает: «Вот эти пальцы, что ли, энергию ловят?» Объяснение ничем не хуже прочих, так что я поддакнул. «Понял», — говорит, лезет в карман брюк, достает кусок мела и давай линии метить на каждой антенне спереди назад. Я сунулся глянуть, чем там ремонтники занимаются. Минуты не прошло, подходит ко мне Грэмпс. «Хью Дональд, — говорит, — эти пальцы, они теперь будут действовать».

Мне смешно стало, но, думаю, зачем старика обижать — поблагодарил его горячо. А тут и тягач наладили. Так что распрощались мы с ним, побрел он назад к себе в развалюху, а я в машину на всякий случай заглянул. Не было мысли, что он что-нибудь напортил, а просто для верности. И чисто ради смеха попробовал включить приемники — они работали!

— То есть как это? — оторопел Стивенс. — Ты хочешь навесить мне, что какой-то старый колдун отремонтировал тебе декальбы?

— Не колдун, а *знахар*ь. Но в целом — так и

есть.

Стивенс тряхнул головой:

— Просто совпадение. Иногда они сами собой восстанавливаются так же ни с того ни с сего, как выходят из строя.

— Это по-вашему. Не тот случай. Я все это вам рассказал, только чтобы вас удар не хватил, когда вы их увидите. А теперь пойдемте посмотрим.

— На что? Куда?

— Во внутренний гараж.

Пока шли в гараж, где Маклеод оставил свое «помело», тот продолжал частить:

— Я выписал чек водителю эвакуатора и полетел обратно. И никому об этом ни-ни. Ногти сгрыз до локтей, все вас дожидался.

Машина выглядела вполне обычно. Стивенс осмотрел декальбы и увидел на металлических боках антенн едва заметные следы мела. Больше ничего необычного.

— Погодите. Сейчас врублю прием мощи, — сказал Маклеод.

Стивенс подождал, пока послышалось слабое жужжание работающих контуров, и глянул.

Антенны декальбов, жесткие металлические трубки, шевелились, выгибались, извивались, как черви. Они тянулись куда-то, словно пальцы.

Сидя на корточках, Стивенс глаз не мог отвести от этого устрашающего зрелища. Маклеод слез с водительского седла и присел рядом.

— Вот так, шеф, — сказал он. — А теперь что будем делать?

— Сигарета найдется?

— А что у вас из кармана торчит?

— Ой! Да, действительно.

Стивенс вынул из пачки сигарету, зажег и — такого за ним не водилось — в две затяжки вытянул наполовину.

— Что молчите? — не отступался Маклеод. — Скажите свое слово. С какого рая они так себя ведут?

— Что ж, — медленно произнес Стивенс. — Я лично вижу три вещи, которые нам придется сделать…

— Я весь внимание.

— Первая: уволить, ко всем чертям, доктора Рэмбо и взять на его место Грэмпса Шнайдера.

— Это в любом случае хорошая идея.

— Вторая: тихо сидеть здесь, пока не явятся ребята со смирительными рубашками и не увезут нас с собой.

— А третья?

— А третья, — свирепо сказал Стивенс, — третья

— это выволочь отсюда этот чертов гроб с музыкой, утопить в самом глубоком месте Атлантики и сделать вид, что ничего такого не было.

Дверца распахнулась, и в машину просунул голову какой-то механик:

— Доктор Стивенс! Вы здесь?

— Убирайся вон!

Голова тут же исчезла, но послышался обиженный голос:

— Вам сообщение из главного управления.

Стивенс встал, устроился на сиденье водителя, выключил панель управления и убедился, что антенны прекратили возбужденное шевеление. Теперь они выглядели такими ровными и жесткими, что он с трудом преодолел соблазн усомниться в верности собственного зрения. Стивенс спрыгнул на пол, Маклеод последовал за ним.

— Извините, что наорал на вас, Уайти, — сказал Стивенс примирительным тоном. — Что за сообщение?

— Мистер Глисон просит явиться к нему как можно быстрее.

— Иду. А для вас, Уайти, есть срочное задание.

— Да?

— Видите этот гроб с музыкой? Опечатайте

дверцы, и чтоб никакая макака в нее носа не сунула. А потом отбуксируйте, отбуксируйте — вы поняли, что я сказал? — включать не пробуйте, а отбуксируйте в главную лабораторию.

— Ладно.

Стивенс зашагал прочь. Маклеод окликнул его:

— Шеф! А на чем я полечу домой?

— Ах да! Это же твоя личная собственность! Мак, она позарез нужна компании. Оформи заявку на покупку — я подпишу.

— Ну-у-у… Теперь я не уверен, что горю жаждой продать ее. Может, это и гроб с музыкой, но не исключено, что вскоре это будет единственная надежно работающая машина во всей стране.

— Не дури. Если прочие откажут, от нее не будет толку, пусть она и на ходу. Подачу энергии просто отключат.

— Предположим, — согласился Маклеод и вдруг как-то странно ожил. — Однако такая особо одаренная таратаечка должна бы стоить куда подороже серийной. Такую не пойдете и не купите.

— Мак, в сердце твоем алчность, а в пальцах воровство. Сколько ты хочешь?

— Предположим, двойную цену против серийной новенькой. Вам это без проблем.

— Случайно знаю, что ты купил ее со скидкой.

Однако лады. Либо компания сдюжит это дело, либо вообще разорится, а тогда ей будет без разницы.

* * *

Глисон вскинул взгляд на вошедшего Стивенса:

— А, Джим, вот и вы! Похоже, вы сотворили чудо с нашим другом Уолдо Великим. Великолепная работа!

— И много он с нас сдерет?

— Обычный контракт. Разумеется, его обычный контракт больше напоминает разбой с нанесением тяжких телесных повреждений. Но если ему удастся, расходы оправдаются. Причем платим мы только в случае положительного результата. Так что, должно быть, он здорово уверен в себе. Говорят, он в жизни не промазал насчет гонорара по контрактам такого типа. Расскажите хоть, как он выглядит. Вы действительно проникли к нему домой?

— Действительно. И расскажу об этом, но попозже. Прямо сейчас поднялся другой вопрос, от которого у меня башню срывает. Вам следует об этом знать, и это срочно.

— Даже так? Слушаю.

Стивенс открыл рот, закрыл рот и сообразил, что ни одна душа в это не поверит, пока сама не увидит.

— А может, есть возможность сходить со мной в главную лабораторию? У меня там есть что показать.

— Непременно.

Зрелище извивающихся металлических стержней потрясло Глисона гораздо меньше, чем Стивенса. Он удивился, но не опешил. Ему не хватало инженерной подготовки, чтобы полностью осознать и эмоционально пережить неизбежные последствия увиденного.

— Н-да-а-а… это довольно необычно, — протянул он.

— «Необычно»? Слушайте, шеф, что бы вы подумали, увидя, как солнце восходит на западе?

— Подумал бы, что надо позвонить в обсерваторию и справиться, в чем дело.

— Ну а я бы скорее примирился с восходом солнца на западе, чем с этим зрелищем. Это все, что могу сказать.

— Признаюсь, как-то это все непонятно, — согласился Глисон. — Ничего подобного я в жизни не видел, откровенно говоря. А что по этому поводу говорит доктор Рэмбо?

— Он еще не видел.

— Тогда, наверное, лучше бы послать за ним. Может быть, он еще не отбыл домой.

— Может, лучше показать это Уолдо?

— Обязательно. Однако доктору Рэмбо полагается увидеть это раньше, чем Уолдо. Как ни говорите, а это его епархия, и, боюсь, ему и так-то несладко. Не хотелось бы действовать через его голову.

Стивенса внезапно осенило:

— Минутку, шеф. Вы правы, но, если вам без разницы, лучше бы показали ему это вы, а не я.

— С какой стати, Джимми? Вы же ему дадите пояснения.

— По поводу этой чертовщины я все равно не скажу больше, чем уже сказал вам. И на ближайшие часы буду чрезвычайно занят.

Глисон глянул на Стивенса, пожал плечами и кротко произнес:

— Раз, по-вашему, так будет лучше, Джим, я не возражаю.

* * *

Уолдо целиком ушел в работу и поэтому чувствовал себя счастливым. Он никогда бы не признался — даже самому себе не признался

бы, — что его отдалению от мира по собственной воле присущи некоторые недостатки, причем прежде всего скука. У него никогда не было возможностей вволю предаваться удовольствиям светского общения, за которыми незаметно бежит время; он искренне был убежден, что безволосым обезьянам нечего предложить ему во взаимном сближении. А удовольствия, доступные одинокому интеллектуалу, обладают свойством приедаться.

Да, он то и дело подступал к дяде Гэсу с предложением переселиться во «Фригольд» на постоянное жительство, но говорил себе, что руководит им желание позаботиться о старике. Да, споры с Граймсом доставляли удовольствие, но он не сознавал, как много они значат в его жизни. Истина заключалась в том, что Граймс был единственным представителем человеческой породы, безоговорочно относившимся к нему как к равному, как просто к такому же человеку. И Уолдо наслаждался этим общением, совершенно не отдавая себе отчета в том, что удовольствие, которое черпает в обществе старика, — это самое обычное, но и самое драгоценное из человеческих удовольствий.

Однако сейчас он был счастлив единственным

доступным ему счастьем — он работал.

Перед ним были две задачи: поставленная Стивенсом и поставленная Граймсом. Требовалось найти единое решение для обеих. Подход к каждой был трехэтапным. Во-первых, необходимо было убедиться, что они действительно существуют, что положение и впрямь таково, как об этом заявлено на словах. Во-вторых, предстояли исследования в направлениях, указываемых предварительными данными, с целью прояснения картины. И в-третьих, когда картина полностью прояснится, надо было изобрести решение.

Именно «изобрести», а не «найти». Это доктор Рэмбо мог бы сказать «найти» или «вывести». Рэмбо рассматривал Вселенную как жестко упорядоченную и подчиненную неизменным законам. Для Уолдо Вселенная была противником, которому он всячески стремился навязать свою волю. Он и Рэмбо могли говорить об одном и том же, но с разных исходных позиций.

Дел было невпроворот. Стивенс доставил множество сведений, причем одни из них касались основ теории систем передачи энергии излучением и приемников де-Кальба, ключевых аппаратов этой системы, а другие — всевозмож-

ных аварийных ситуаций, вызванных отказами этих аппаратов в последнее время. До настоящего времени Уолдо не уделял серьезного внимания лучевой передаче энергии просто потому, что не нуждался в этом. Он находил ее интересной, но сравнительно простой. В голову сразу же пришли самоочевидные усовершенствования. Ну, например, касательно стоячей волны, той основы, на которой строится коаксиальный луч: эффективность приема можно было бы значительно повысить путем посылки обратного сигнала, с помощью которого автоматически корректировалась бы наводка луча. Передавать энергию на движущееся транспортное средство можно было не менее эффективно, чем на стационарный приемник.

В настоящий момент эта идейка могла подождать. Попозже, когда будет решена непосредственно поставленная задача, можно будет содрать с НАПЭ бешеные деньги за эту подсказку; а наверное, еще забавнее будет вступить с ней в конкуренцию. Есть, конечно, вопрос: когда кончается срок действия их основных патентов? Надо будет глянуть.

Но несмотря на низкую эффективность, приемники де-Кальба должны работать всякий раз

непрерывно и безотказно. И Уолдо ринулся выяснять, почему же это не так.

Он подозревал что-то очевидное — очевидное с *его* точки зрения, — например, производственный дефект. Но вышедшие из строя декальбы, доставленные Стивенсом, отказались выдать свою тайну. Уолдо просветил их рентгеновскими лучами, измерил микрометром и интерферометром, подверг сперва всем обычным испытаниям, а потом особым, которые придумал сам. Декальбы не работали.

Тогда он взял пару отказавших декальбов одинаковой конструкции и, пользуясь одним как моделью, а другим как источником металлического сырья, сам у себя в мастерской соорудил декальб. Пришлось применить свои точнейшие сканеры и самые крохотные «уолдо» — крохотные, как ладошки эльфа, всего в дюйм размером, — в особенности на стадии окончательной сборки. Получился декальб почти идентичный модели, идентичный настолько, насколько это было достижимо технологически при высшей квалификации исполнителя.

Декальб работал великолепно.

А его старший близнец по-прежнему отказывался работать. Это ничуть не обескуражило

Уолдо. Наоборот, привело в восторг. Ведь удалось доказать, причем со всей определенностью доказать, что отказ декальба вызван не огрехами при изготовлении, а фундаментальными пробелами в теории. Следовательно, поставленная перед ним задача не высосана из пальца.

Стивенс сообщил во всех подробностях о возмутительном поведении декальбов в машине Маклеода, но Уолдо пока что не принял во внимание этот случай. В свое время, когда заведенным порядком дойдет черед, он разберется и с этой историей. А пока что он отложил ее в стол. Безволосые обезьяны склонны впадать в истерику. Вероятно, вся эта байка яйца выеденного не стоит. Извиваются, видите ли, будто кудри Медузы. Тоже мне!

Половина времени уходила на задачу, поставленную Граймсом.

Пришлось признать, что биологические науки — если, конечно, можно назвать их науками! — гораздо увлекательнее, чем думалось. А ведь он их, прямо скажем, избегал; неспособность дорогих «специалистов» хоть как-то справиться с его болезнью в детские годы внушила ему презрительное отношение к этим дисциплинам. Ворожба деревенских бабок, прикрытая непонят-

ной терминологией! Граймса он любил и даже уважал, но Граймс — это был особый случай.

Материалы Граймса убедили Уолдо, что старик кое-что углядел. Проблема была серьезной. Выкладки были неполны, но тем не менее убедительны. Кривая третьей производной, не сказать чтобы экстраполированная с потолка, показывала, что примерно лет через двадцать не останется людей достаточно сильных, чтобы заниматься тяжелыми работами. Люди сгодятся только на то, чтобы нажимать кнопки.

Притом он как-то не учел, что сам годится лишь на то, чтобы нажимать кнопки; к телесной слабости безволосых обезьян он отнесся так, как мог бы отнестись старосветский фермер к потере кондиций у своего тяглового скота. Никто не требует, чтобы этот фермер сам тянул плуг, на то есть лошади.

А вот медицинские коллеги Граймса, должно быть, все подряд были дурачье дурачьем.

Тем не менее он привлек лучших физиологов, неврологов, нейрохирургов и анатомов, каких только смог найти. По списку, как товары по каталогу. Он должен разобраться в этом вопросе.

И был порядком разозлен, когда оказалось, что ни под каким видом нельзя организовать

вивисекцию на людях. К этому моменту он уже убедился, что ультракоротковолновое излучение поражает главным образом нервную систему и что вопрос следует рассматривать в рамках теории электромагнитного поля. И собирался произвести некие тонкие опыты, во время которых люди были бы непосредственно подключены к аппаратуре его собственной конструкции, позволявшей разобраться, чем именно нервный импульс отличается от электрического тока. Нюхом чуял, что имей он возможность частично отключить участки нервной сети человека и заменить их электропроводящими обводами, причем сделать это «непосредственно на объекте исследования», можно было бы совершить блестящие открытия. Правда, потом такой человек может быть ни к чему не пригоден.

Но власти не вняли; пришлось удовлетвориться опытами на трупах и на животных.

И тем не менее он добился прогресса в исследованиях. Мощное коротковолновое излучение оказывало на нервную систему воздействие, причем двояким путем: с одной стороны, вызывало фантомные импульсы в нейронах, недостаточно сильные, чтобы последовала мускульная реакция, но, как он подозревал, все же достаточные

для того, чтобы держать тело в состоянии подавленного нервного возбуждения; а с другой стороны, у живого объекта, подвергавшегося воздействию поля, независимо от срока воздействия наблюдалось определенное малое, но измеримое снижение эффективности подлинных нервных импульсов. В эквивалентной электросхеме это второе явление можно было бы описать как ухудшение свойств межпроводной изоляции и соответственный рост токов утечки.

В сумме оба эти процесса вызывали у подвергнутых облучению состояние небольшой усталости, чем-то похожее на недомогание на ранних стадиях туберкулеза легких. Жертва не чувствовала себя больной — ей просто недоставало бодрости. Большие мускульные усилия не казались невозможными — они просто были неприятны, требовали слишком многих усилий, слишком большого напряжения воли.

При этом любой терапевт-ортодокс был бы вынужден признать жертву совершенно здоровой. Да, имеет место небольшой упадок сил, но в остальном ничего серьезного. Вероятно, результат сидячего образа жизни. Свежий воздух, солнце, лечебная физкультура — вот и все, что требуется.

Док Граймс один-единственный на свете считал, что нынешняя общепризнанная склонность к сидячему образу жизни является следствием, а не причиной всеобщего понижения жизненной активности. Изменение происходило медленно, по крайней мере столь же медленно, сколь росла плотность высокочастотной энергии в воздухе. А пострадавшие если и замечали неладное, то относили на счет того, что стареют, «стали тяжеловаты на подъем, не то что в молодости». И даже были довольны, что стали тяжеловаты на подъем: не дергались и жилось поспокойнее.

Граймс впервые задумался над этим, когда начал замечать, что *все* без исключения его пациенты юного возраста записались в книгочеи. Оно неплохо, когда пацан читает книжки, но нормальный-то мальчишка должен время от времени беситься. Куда подевались вечный футбол под ногами у взрослых, игра в прятки и прочее, чего одежка не выдерживала в дни его собственного детства?

Черт возьми, ребенку не следует тратить *все* свое время на возню с коллекцией марок.

Уолдо шаг за шагом близился к ответу на эти недоумения старого врача.

Нервная система в целом представляет собой

нечто похожее на приемную антенну. И как таковая способна улавливать электромагнитные волны и действительно делает это. Но результатом оказывается не наведенный электрический ток, а нервная пульсация — нечто до боли похожее, но в то же время решительно иное, чем электрический ток. Чтобы вызвать мышечную активность, можно вместо нервных импульсов приложить к живым тканям электродвижущую силу, но ЭДС — это *не* нервный импульс. При том же результате ток и импульс распространяются с очень уж разными скоростями. Электрический ток распространяется почти со скоростью света, а нервный импульс движется со скоростями порядка метров в секунду.

Именно в этом различии скоростей распространения Уолдо учуял ключ к пониманию проблемы.

Однако ему не позволили отложить проблему с фантастическим «помелом» Маклеода в долгий ящик. Позвонил доктор Рэмбо. Уолдо ответил на звонок, поскольку звонили из лабораторий НАПЭ. Увидел на экране незнакомого человека и спросил:

— Кто вы и что вам нужно?

Рэмбо пугливо огляделся по сторонам.

— *Ш-ш-ш!* Не так громко. Они могут подслушать, — прошептал он.

— Кто может подслушать? И кто вы такой?

— Да те же, что и обычно. На ночь всегда запирайте дверь. Я доктор Рэмбо.

— Какой такой доктор Рэмбо? Ах да. Послушайте, доктор, что означает это ваше вторжение?

Доктор так подался вперед, что чуть не выпал во «Фригольд» из стереоизображения.

— Я понял, как этого добиться, — свистящим шепотом произнес он.

— Чего добиться?

— Четкой работы декальбов. Наших распрекрасных декальбов.

Внезапно он выбросил вперед руки, судорожно шевеля пальцами:

— Вот как они действуют! *Шевелятся, шевелятся, шевелятся!*

Уолдо ощутил естественный порыв прервать собеседника, но ему было любопытно, что он скажет дальше. Рэмбо продолжал:

— И знаете почему? Знаете? Спросите меня почему.

— Так почему же?

Рэмбо приложил палец к носу и плутовато засмеялся:

— Так хотите знать? Это, думаю, дорогого стоит. Но вам я скажу!

— Так говорите.

И тут в глазах Рэмбо явился смертельный страх.

— Может, и не стоит говорить. Может, они подслушивают. Но я все равно скажу! Все равно! Слушайте внимательно: миром владеет неопределенность.

— Это все? — полюбопытствовал Уолдо, теперь уже решительно забавляясь скоморошеством собеседника.

— А вам мало? Куры закукарекают, петухи сядут на яйца. Вы здесь, а я там. А может быть, и нет. Нет ничего определенного. Ничего, *ничего*, НИ-ЧЕ-ГО определенного! Крутится-вертится шарик лото, чем обернется — не знает никто. Один я знаю.

— Что знаете?

— Как остановить его там, где я захочу. Глядите.

Рэмбо выхватил перочинный нож:

— Если порезаться, кровь потечет. Верно? Или неверно?

И полоснул по указательному пальцу левой руки:

— Глядите-глядите.

Он поднес палец к самому окуляру. Порез, хотя и глубокий, был едва различим и вообще не кровоточил.

«Замечательно! — подумал Уолдо. — Истерическое сжатие сосудов, образцовый клинический случай».

А вслух сказал:

— Ну, это любой может проделать. Покажите что-нибудь похлеще.

— Любой? Верно. Любой — если знает как. А теперь попробуем так.

Он воткнул нож себе в ладонь левой руки, так что острие вышло на запястье. Повернул лезвие в ране, выдернул нож и показал ладонь. Крови не было, порез мгновенно сомкнулся.

— А знаете, почему так выходит? Нож в руке — всего лишь вероятность, а я открыл невероятность!

Каким бы забавным он ни был, этот цирк начал Уолдо надоедать.

— Это все? — повторил он.

— Этому нет конца, ибо отныне нет ничего определенного, — торжественно объявил Рэмбо. — Полюбуйтесь.

Он положил нож плашмя на ладонь и перевернул ее.

Нож не упал, он как бы прилип к перевернутой ладони.

И тут Уолдо ощутил прилив интереса. Возможно, это был трюк, скорее всего, что трюк, но куда более впечатляющий, чем порезы без кровотечения. Порезы без кровотечения характерны при определенных психозах, но чтобы нож прилипал к ладони — такого случиться не могло. Уолдо включил второй видеофонный канал.

— Мне главного инженера Стивенса из «Норт-Американ пауэр-эйр», — потребовал он. — Немедленно!

Рэмбо не обратил на это внимания, он продолжал лекцию о ноже.

— Он просто не знает, где теперь низ, потому что отныне нет ничего определенного, — певуче мурлыкал Рэмбо. — Может, упадет, а может, и нет. По-моему, упадет. О! Упал. Хотите посмотреть, как я пройдусь по потолку?

— Вызывали, мистер Джонс?

На втором экране появился Стивенс.

Уолдо отключил звук на канале связи с Рэмбо.

— Да. Я по поводу этого дергунчика Рэмбо. Поймайте его и срочно доставьте ко мне. Я хочу его видеть.

— Но, мистер Дж…

— Шевелитесь!

Уолдо отключил связь со Стивенсом и опять включил звук на канале с Рэмбо.

— ...неопределенность. Хаос царит, черная магия ходит по белу свету. Или, наоборот, белая по черну?

Рэмбо рассеянно посмотрел на Уолдо, внезапно просиял и выпалил:

— Добрый день, мистер Джонс. Спасибо, что позвонили.

Экран погас.

Уолдо нетерпеливо ждал. «Все это был розыгрыш, — твердил он себе. — Рэмбо устроил мне чудовищный розыгрыш». Розыгрышей Уолдо терпеть не мог. Он еще раз позвонил Стивенсу. Того не было на месте. Он попросил перезвонить.

Вскоре Стивенс перезвонил. Волосы у него были взлохмачены, лицо — красное.

— Это был какой-то кошмар, — сказал он.

— Вы его взяли?

— Рэмбо-то? Да, хоть и с трудом.

— Так давайте его сюда.

— Во «Фригольд»? Но это невозможно. Вы не поняли. У него крыша поехала. Сошел с ума. Его увезли в больницу.

— Много на себя взяли, — ледяным тоном ска-

зал Уолдо. — Без вас знаю, что сошел, но мое распоряжение остается в силе. Устраивайте как хотите. Наймите санитаров. Дайте расписку. Суньте кому надо. Но доставьте ко мне срочно. Это необходимо.

— Вы не шутите?

— Не имею такого обыкновения.

— Для ваших исследований? Он не в форме и ничем не может быть вам полезен, это я вам могу сказать точно.

— А уж это мне предоставьте решать, — заявил Уолдо.

— Хорошо, — неуверенно сказал Стивенс. — Я попытаюсь.

— Смотрите не подведите.

Стивенс еще раз перезвонил спустя полчаса:

— Я не смогу привезти Рэмбо.

— Вы недотепа и зря едите свой хлеб.

Стивенс побагровел, но сдержался:

— Личности здесь ни при чем. Он исчез. Не довезли до больницы.

— Как это?

— В голове не умещается. Его везли пристегнутым к носилкам, он был зашнурован, как в корсет. Сам видел, как его пристегивали. Но когда прибыли в больницу, оказалось, что он исчез.

Причем санитары твердят, *что ремни даже не были расстегнуты.*

«Чушь», — вертелось на языке у Уолдо, но он промолчал, и Стивенс продолжил:

— Это еще далеко не все. Верьте слову, я сам с удовольствием покалякал бы с ним. Я только что с осмотра его лаборатории. Помните те чокнутые декальбы? Ну те, заколдованные?

— Понял, о чем речь.

— У Рэмбо оказалась еще одна сборка, которая проделывает то же самое.

Уолдо на несколько секунд лишился дара речи, а потом тихо произнес:

— Доктор Стивенс…

— Да.

— Хочу поблагодарить вас за ваши усилия. И не будете ли вы так любезны, не доставите ли обе сборки приемников, я имею в виду те, что ведут себя неподобающе, во «Фригольд», причем незамедлительно?

Сомневаться не приходилось. Взглянув на доставленные декальбы собственными глазами, увидев необъяснимо змеящиеся антенны и проведя первые же пришедшие в голову опыты, Уолдо вынужден был прийти к заключению, что имеет дело с новым явлением, законы которого

были ему совершенно неизвестны.

Если у этого явления вообще могли быть хоть какие-нибудь законы…

Уолдо всегда был честен перед собой. Если то, что он видел, он действительно видел, значит это новое явление противоречило всем законам, тем самым законам, которые он принимал как действующие, — законам, из которых он прежде ни разу не встречал исключений. И у него хватило духу признать, что первоначальные отказы декальбов — это такое же ошеломляющее нарушение всех физических законов, как и ни с чем не сравнимое поведение этих двух сборок. Разница только в одном: восстановление выглядело впечатляюще, а выход из строя — нет.

Совершенно очевидно, что доктор Рэмбо тоже обнаружил это; его, Уолдо, информировали: с первого же момента неприятностей с декальбами у доктора начали проявляться все более нарастающие признаки нервного перевозбуждения.

Потеря доктора Рэмбо заслуживала сожаления. Рэмбо безумный произвел на Уолдо гораздо большее впечатление, чем когда-либо смог бы произвести Рэмбо трезвомыслящий. Было ясно, что у этого человека какие-то способности были; он *чего-то* добился — причем большего, чем сам

Уолдо, это надо было признать, — хотя это и свело Рэмбо с ума.

Уолдо не боялся, что опыт Рэмбо, каким бы он ни был, может поколебать и его собственный рассудок. Возможно, такая уверенность в своих силах была полностью оправданна. Для защиты от недружелюбного мира вполне хватало собственных параноидальных склонностей Уолдо. С его точки зрения, это была здоровая, необходимая адаптация организма к невыносимым условиям, не большая патология, чем, скажем, мозоль или благоприобретенный иммунитет.

В противном случае он, возможно, не смог бы воспринимать тревожные факты более хладнокровно, чем девяносто девять процентов его современников. Он был *рожден* для бед, столкнулся с ними и раз за разом преодолевал. Да самый дом, в котором он пребывал, свидетельствовал о спокойствии и бесстрашии, с которыми он отражал натиск мира, не будучи в состоянии к нему примениться.

Сами собой напрашивающиеся направления исследований причудливо извивающихся металлических стержней на какое-то время оказались исчерпаны. Рэмбо недоступен, у Рэмбо не спросишь. Что ж, остается еще один человек, которому

известно больше, чем Уолдо. Этого человека и надо разыскать. И Уолдо еще раз позвонил Стивенсу.

— От доктора Рэмбо так и ни звука?

— Ни слуху ни духу. Прихожу к мысли, что бедняги нет в живых.

— Возможно. А этого знахаря, приятеля вашего зама, кажется, зовут Шнайдер?

— Грэмпс Шнайдер.

— Да-да. Не будете ли вы так любезны устроить мне разговор с ним?

— По телефону или вам желательна личная встреча?

— Предпочел бы, чтобы он прибыл ко мне, но понимаю, что он стар и немощен. Вряд ли ему легко дастся перелет. А если он еще к тому же окажется подвержен космической болезни, толку мне от него не будет.

— Посмотрим, что можно сделать.

— Очень хорошо. Ускорьте, пожалуйста, это дело. И еще. Доктор Стивенс!

— Слушаю.

— Если все же придется ограничиться разговором по телефону, устройте так, чтобы к нему в дом был доставлен комплект стереопередатчика. Мне желательно в наибольшей мере обеспечить

непринужденную обстановку.

— О'кей.

— Представляешь? — обратился Стивенс к Маклеоду, закончив разговор с Уолдо. — «Великий Я» проявляет заботу о ком-то из окружающих.

— Наверное, толстячок заболел, — решил Маклеод.

— Похоже на то. А вкалывать придется не столько мне, сколько тебе. Поедешь со мной. Мы едем в Пенсильванию.

— А на ком останется централь?

— Скажи Каррузерсу, пусть побудет за начальство. Если что-нибудь накроется, мы все равно ничем не поможем.

В тот же день попозже Стивенс опять вышел на связь.

— Мистер Джонс?

— Да, доктор.

— Ничего не выйдет.

— Имеете в виду, Шнайдер не сможет прилететь во «Фригольд»?

— Во-первых, это, а во-вторых, то, что вам не удастся потолковать с ним по видеофону.

— Полагаю, вы имеете в виду, что он мертв.

— Избави бог. Я имею в виду, что он ни при каких обстоятельствах и ни с кем не хочет го-

ворить по видеофону. Говорит, очень жаль, что причиняет вам неудобство, но он против всех этих штучек: фотоаппаратов, кинокамер, телевидения и так далее. Опасные вещи, говорит. И боюсь, закоснел в своих предрассудках.

— В качестве посла вы оставляете желать лучшего, доктор Стивенс.

Стивенс сосчитал про себя до десяти и потом ответил:

— Уверяю вас, я сделал все, что в моих силах, чтобы исполнить ваше желание. Если я не подхожу вам как сотрудник, будьте добры, обратитесь к мистеру Глисону.

И прервал связь.

— Как вы насчет того, чтобы дать ему в зубы? — мечтательно произнес Маклеод.

— Мак, ты читаешь мысли.

* * *

Уолдо еще раз попытался действовать через собственных агентов, но ответ получил тот же самый. С его точки зрения, это было нечто возмутительное — вот уже много лет ему не попадались люди, которых нельзя было бы купить, запугать или, в крайнем случае, уговорить. Покупка сорвалась; инстинктивно он сознавал: непохоже, что

Шнайдером можно управлять через алчность. И как вообще прикажете запугивать или подмасливать человека, с которым нельзя встретиться и поговорить?

Это был тупик — и безвыходный. Ладно, забудем.

Конечно, еще есть средство из арсенала тех, про которые говорят «лучше сдохнуть, чем так». Нет. Нет, только не это. Даже не думай. Лучше бросить все это дело, признать, что оно не по зубам, и так и сказать Глисону. Уолдо уже семнадцать лет не ступал ногой на земную поверхность. Ничто не могло подвигнуть его на то, чтобы отдать свое тело на милость этого чудовищного поля тяготения. Ничто! Ведь оно могло даже убить его. Сдавить грудь, задушить. Не-е-ет.

Он грациозно поплыл через мастерскую, словно разъевшийся Купидон. Как? Отказаться от своей свободы? Даже на время! Самому отдаться на пытки? Нет, это нелепо. Дело того не стоит.

Проще упросить агорафоба[7] залезть на Пюи-

[7] Примечания: 7
Агорафобия — боязнь открытого пространства.

де-Дом[8] или потребовать, чтобы клаустрофоб взял у кого-нибудь интервью в самой глубокой шахте мира.

* * *

— Дядя Гэс?

— А, Уолдо, привет. Рад, что позвонил.

— Не опасно ли мне спуститься на Землю?

— Чего? Как это? Говори ясней, парень. Я не понял.

— Я спрашиваю, не повредит ли мне экскурсия на Землю?

— Связь тут просто ужасная, — проворчал Гэс. — Мне послышалось, ты говоришь, что решил спуститься на Землю.

— Именно это я и сказал.

— Уолдо, что стряслось? Ты в своем уме?

— В своем, в своем, но мне надо повидать на Земле одного человека. Другого способа поговорить с ним нет, а поговорить очень надо. Эта экскурсия мне повредит?

— Не должна бы, если побережешься. Если на

[8] Примечания: 8

Пюи-де-Дом — гора во Франции, поднимаясь на которую Блез Паскаль (1623–1662) открыл соотношение между падением атмосферного давления и высотой над уровнем моря.

то пошло, ты здесь родился. Однако будь поосторожнее. У тебя солидное ожирение сердца.

— О боже, дядя Гэс! Как вы считаете, это опасно?

— Нет. Ты вполне здоров. Просто не перенапрягайся. И держись поспокойнее.

— Постараюсь. Как только могу. Дядя Гэс!

— Да.

— Вы не съездили бы со мной, не помогли бы мне справиться?

— Ну, я думаю, в этом нет необходимости.

— Дядя Гэс, пожалуйста. Я больше никому не доверяю.

— Уолдо, ты же взрослый человек. Ладно, на этот раз так и быть.

* * *

— А теперь запомните, — обратился Уолдо к пилоту. — Модуль ускорения ни в коем случае не должен превысить одну и одну десятую *g*. Даже во время посадки. Я все время буду следить по акселерометру.

— Я двенадцать лет вожу машины медпомощи, — ответил пилот. — И пациента не побеспокоил ни разу.

— Это не ответ. Вы поняли? Одну и одну деся-

тую. И к этой цифре даже не приближайтесь, пока не пройдем стратосферу. Тихо, Бальдур! Прекрати сопеть.

— Я вас понял.

— Постарайтесь, чтобы все так и было. От этого зависит ваша премия.

— Может, вам стоит самому повести?

— Мне не нравится ваше отношение, милейший. Если я в этом контейнере сдохну, останетесь без работы на всю жизнь.

Пилот что-то буркнул.

— Что вы сказали? — вскинулся Уолдо.

— Сказал, что, может, овчинка и стоит выделки.

Уолдо побагровел, открыл рот, но тут вмешался Граймс:

— Уолдо, спокойней. Помни о своем сердечке.

— Да, дядя Гэс.

Граймс скользнул вперед и знаком дал знать пилоту, что хочет сесть поближе.

— Что бы он ни говорил, не обращайте внимания, — вполголоса сказал Граймс пилоту. — Но насчет ускорения уж постарайтесь. Он вправду не выдержит больших ускорений. Того и гляди, отдаст концы в контейнере.

— Думаете, будет велика потеря? Далеко не

уверен. Но пойдем аккуратненько.

— Вот и славно.

— Я готов занять место в контейнере, — отозвался Уолдо. — Дядя Гэс, не поможете ли с ремнями справиться?

— Буду через секунду.

Разумеется, противоперегрузочный контейнер был не обычного типа, а специально построенный для этой поездки. На взгляд он больше напоминал огромного размера гроб на карданном подвесе, позволяющем постоянно удерживаться в плоскости, перпендикулярной результирующему вектору ускорения. Уолдо плавал в воде — удельный вес его жирной туши был достаточно низок, — отделенный от нее обычной нежесткой водонепроницаемой парусиной. Голову и плечи поддерживала пригнанная по телу подушка. В контейнер был встроен механический автомат для искусственного дыхания, подкладки под спину находились под водой, грудные накладки — над водой, но они были убраны в стороны.

На специальном сиденье слева от контейнера пристроился наготове Граймс с неоадреналином. Справа от контейнера, пристегнутый к специальной полке, находился Бальдур. Пес служил противовесом Граймса.

Граймс удостоверился, что все готово, и объявил пилоту:

— Стартуйте по готовности.

— Хорошо.

Пилот захлопнул люк. Входная труба сжалась в гармошку на плоском причале «Фригольда», дав возможность кораблю отвалить. И корабль плавно отправился в путь.

Уолдо закрыл глаза. На лице у него явилось выражение неземного страдания.

— Дядя Гэс, а вдруг корабельные декальбы откажут!

— Не имеет значения. В машинах медпомощи шестикратный запас.

— Вы *уверены*?

Едва ощутив появление веса, Бальдур начал скулить. Граймс заговорил с ним — пес притих. Но по мере того как машина углублялась в гравитационное поле Земли, суммарное ускорение поневоле нарастало, хотя скорость машины существенно не менялась. Уолдо казалось, что это тянется нестерпимо долго и никогда не кончится. А пес ощущал, как все тело наливается изнурительной тяжестью. Причины он не понимал, и от этого происходящее нравилось ему еще меньше, оно пугало его. Он начал выть.

Уолдо открыл глаза.

— О господи! — простонал он. — Сделайте же хоть что-нибудь! Он, должно быть, умирает.

— Сейчас гляну, — ответил Граймс, отстегнул ремень безопасности и потянулся через контейнер. Перераспределение масс заставило кардан качнуться; Уолдо колыхнуло к стенке контейнера.

— Ой! — с трудом выговорил он. — Осторожней!

— Не обращай внимания.

Граймс погладил пса по голове и ласково заговорил с ним. Когда тот успокоился, Граймс собрал в горсть шкуру на его загривке, прицелился и всадил дозу успокоительного. И потер место укола.

— Вот так, старичок. Теперь тебе полегчает.

Врач отвалился на свое место, от этого Уолдо опять качнуло, однако он молча вынес эту пытку.

После входа в атмосферу машина резко дернулась всего один раз. Взвыли оба: и пес и Уолдо.

— Частник, — вполоборота крикнул пилот. — У меня преимущество, а он нарушил.

И пробурчал что-то про баб за рулем.

— Я видел. Наш не виноват, — сказал Граймс Уолдо.

Пилот необычайно мягко посадил машину на площадке, подготовленной между шоссе и домом Шнайдера. Их прибытия дожидалась целая команда; под присмотром Граймса контейнер с Уолдо сняли с кардана и вынесли из машины. Как ни старались действовать осторожно и не спеша, все-таки не обошлось без встрясок и толчков. Уолдо перенес их с молчаливой стойкостью, но из-под закрытых век градом катились слезы.

Едва его вынесли из машины, он открыл глаза и спросил:

— Где Бальдур?

— Я его отвязал, — пояснил Граймс, — но он не последовал за нами.

— Бальдур, сюда! Ко мне, малыш! — хрипло окликнул Уолдо.

Пес, остававшийся внутри корабля, услышал голос хозяина, приподнял голову и придушенно гавкнул. Он все еще чувствовал устрашающую немочь, но пополз на брюхе, силясь исполнить приказ. Граймс вовремя оказался у дверцы и увидел, что происходит.

Пес дополз до края своей полки и сделал неуклюжую попытку ринуться туда, откуда слышал хозяйский голос. Он попробовал применить единственный известный ему способ передвиже-

ния: оттолкнулся задними лапами — и полагал, что вылетит через открытую дверь и прекратит полет, упершись передними лапами в контейнер. Но вместо этого рухнул с полуметровой высоты на пол кабины, неловко принял удар на непружинящие передние лапы и притом болезненно взвизгнул.

Теперь он лежал пластом там, где упал, голоса не подавал, но и не пытался двигаться, а дрожал всем телом.

Граймс наклонился над ним, осмотрел, убедился, что животное не покалечилось, и вышел из кабины.

— С Бальдуром небольшая авария, — объяснил он Уолдо. — Ничего серьезного, но бедный чертяка не умеет ходить. Лучше оставь его в кабине.

Уолдо с усилием покачал головой:

— Хочу, чтобы он был со мной. Пусть раздобудут носилки.

Граймс позвал двух человек на подмогу, договорился с водителем машины медпомощи насчет носилок и приказал помощникам нести собаку. Один из них заворчал:

— Не нравится мне это. Собака выглядит злобной. Посмотрите, какие у нее глаза.

— Нет-нет, — заверил его Граймс. — Она просто

перепугана до потери сознания. Давайте я подержу ее за голову.

— А что с ней? То же самое, что и с этой жирной тушей?

— Не-е-ет, с ней все в порядке, здорова как бык. Просто ей в жизни не приходилось ходить. Она на Земле в первый раз.

— Окосеть, будь я трижды проклят!

— Знаю один такой случай, — охотно отозвался второй носильщик. — Про псину, что выросла в Лунополисе. Так она первую неделю на Земле вообще ходить не могла — только ползала, выла и делала под себя.

— В точности как эта, — мрачно отозвался первый.

Носилки с Бальдуром поставили рядом с контейнером Уолдо. А тот с неимоверным усилием приподнялся на локте, вытянул руку и положил на голову собаке. Пес лизнул хозяйскую руку и разом перестал дрожать.

— Так-то вот, дружок, — прошептал Уолдо. — Здорово худо, а? Ну ничего, держись.

Бальдур вильнул хвостом.

Четверых отрядили нести Уолдо и еще двоих — собаку. Грэмпс Шнайдер ожидал на пороге своего дома. Ни слова не сказал, когда процессия

приблизилась, просто дал знак, чтобы Уолдо внесли в дом. Носильщики с собакой замялись.

— Его тоже, — сказал Шнайдер.

Когда прочие удалились — даже Граймс вернулся к машине, — Шнайдер заговорил:

— Добро пожаловать, мистер Уолдо Джонс.

— Спасибо за привет, дедушка Шнайдер.

Старик любезно кивнул, не говоря ни слова, и подошел к носилкам с Бальдуром. Уолдо хотел было предупредить его, что для незнакомых зверюга опасна, но какое-то странное стеснение — наверное, поле тяготения на нервы подействовало — помешало ему вовремя заговорить. А потом он увидел, что зря беспокоился.

Бальдур перестал тихо поскуливать, поднял голову и лизнул Грэмпса Шнайдера в подбородок. И радостно завилял хвостом. Уолдо почувствовал внезапный укол ревности; ведь до этого за псом никогда не водилось, чтобы он проявил дружелюбие к незнакомым людям без особого приказа хозяина. Это была нелояльность, даже более того — измена! Но Уолдо подавил приступ раздражения и хладнокровно расценил это происшествие как свой тактический успех.

Шнайдер отвел в сторону собачью морду и тщательно осмотрел собаку, поталкивая, погла-

живая, вытягивая ей лапы. Приподнял Бальдуру губы, глянул на десны. Оттянул веки, заглянул за них. Покончив с осмотром, подошел к Уолдо.

— Пес-то и не хвор, — сказал Шнайдер. — Просто у него ум за разум зашел. С чего бы это?

Уолдо рассказал о необычном прошлом Бальдура. Шнайдер выслушал, покивал — причем Уолдо не мог сказать, понял он его или нет, — и внимательным взглядом окинул Уолдо.

— Нехорошо, когда взрослый парень лежкой лежит в постели. Давно это с тобой?

— С рождения, дедушка.

— Это нехорошо.

Шнайдер обошелся у Уолдо точно так же, как и с Бальдуром. Уолдо с гораздо большим трудом сносил чужое прикосновение, чем обычный, здоровый, но легко возбудимый человек, однако выдержал это по причинам вполне прагматическим. Чувствовал, что как-то надо втереться, умаслить этого странного старикашку. И что его не стоит раздражать.

Чтобы отвлечься от унижений, которые он терпел по собственной воле, и побольше узнать о старом шарлатане, Уолдо обшарил взглядом его комнату. Это была совмещенная гостиная-кухня. Узковатая, но довольно длинная, она была тесно

заставлена. Весь кухонный конец занимал то ли огромный очаг, то ли камин, однако теперь он был заложен кирпичом, а в его дымоход сквозь дырку шла жестяная труба от плиты с механической подачей угля. Плита углом заходила в камин слева. Соответствующее место справа занимала тумба с небольшой мойкой. Вода подавалась в мойку ручным насосиком, рукоять которого торчала из-за тумбы.

Судя по обстановке, решил Уолдо, либо Шнайдер старше, чем выглядит, что просто невозможно себе представить, либо унаследовал этот дом от кого-то, кто уже век как помер.

Жилой конец комнаты был загромождён и заставлен, что просто неизбежно в небольших помещениях. Кругом были книги: в нескольких шкафах, стопками на полу, россыпью на стульях — так, что вот-вот свалятся. Старинный, заваленный бумагами деревянный стол представлял собой пьедестал для давно устаревшей механической пишущей машинки и занимал целый угол. Над ним на стене висели богато украшенные часы-ходики в виде домика. Над циферблатом имелись две дверочки; именно в тот момент, когда Уолдо разглядывал часы, из левой выскочила резная деревянная птичка,

раскрашенная красной краской, четыре раза пропела «фью-фью» и тут же спряталась. Следом из правой дверцы явилась серая птичка, трижды лениво прокуковала и вернулась на место. Уолдо решил, что очень хорошо бы заиметь такие часы; разумеется, их маятник и гиря во «Фригольде» не работали бы, но часы легко можно приспособить на центрифугу, дающую ускорение в одно *g*, где у них будут как бы те же условия для работы, что и на поверхности Земли.

Ему даже в голову не пришло поставить скрытый источник питания для имитации работы маятника; Уолдо любил, чтобы механизмы работали так, как задумано.

Слева от часов висел старомодный бумажный табель-календарь. Какого года, было не разглядеть на темном фоне, но повыше была отчетливо видна надпись крупными буквами «ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА В НЬЮ-ЙОРКЕ — НА ПАМЯТЬ О МИРЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». У гостя глаза чуток округлились при взгляде на нечто вколотое в подушечку для булавок на краю стола. То была круглая плоская пластмассовая штуковина с заколкой для крепления к одежде. Она была так близко, что Уолдо смог прочесть надпись на ней:

ЗА СВОБОДНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР ШЕСТНАДЦАТЬ К ОДНОМУ[9]

Но тогда Шнайдер, стало быть, *очень* стар!

Дверной проем с арочным верхом вел в другую комнату. Что там находилось, было не разглядеть, арку закрывала занавеска из крупных раскрашенных бусин на ниточках.

Комната была полна различных запахов, многие из них отдавали стариной и затхлостью, но ничем мерзким не пахло.

Шнайдер выпрямился и поглядел на Уолдо:

— Нет у тебя в теле никакого изъяна. Давай вставай и ходи.

Уолдо слабо покачал головой:

— К сожалению, не могу, дедушка.

---

[9] Примечания: 9

Значок с такой надписью — и примета времени, и характеристика его хозяина Грэмпса Шнайдера. Это значок-лозунг, призывающий к введению в стране биметаллизма с фиксированным отношением один к шестнадцати, а также свободной чеканке серебряной монеты. Биметаллизмом именуется система двойного денежного эталона, при которой деньги одновременно базируются и на золоте, и на серебре. При биметаллизме с фиксированным курсом соотношение стоимости этих металлов жестко внерыночно фиксируется казной. В США биметаллизм закончил существование в 1873 г., когда основной единицей был объявлен золотой доллар. Но борьба за его возвращение продолжалась еще долго, причем основное предлагавшееся соотношение было именно один к шестнадцати (хотя рыночное к тому времени достигло уже одного к сорока). Биметаллизм и свободная чеканка позволили бы фермерам и мелким предпринимателям отдать свои долги банкам «дешевыми» деньгами, то есть фактически произошла бы инфляция

без пересчета долгов: золотые монеты мгновенно исчезли бы из оборота, их скупили бы за серебро и спрятали. В итоге получился бы серебряный стандарт без государственной монополии на эмиссию денег. Активную борьбу за такое нововведение вели либеральные интеллигенты, сторонники У. Дж. Брайана, многократного и неудачливого кандидата в президенты.

— Тебе надо дотянуться до силы и приказать, чтоб она тебе служила. Ну-ка попробуй.

— К сожалению, не знаю, как это делается.

— В том-то и вся закавыка. На свете нет ничего определенного, если кто не знает. Ты отослал свою силу в Иномир. Тебе надо дотянуться до Иномира и стребовать ее назад.

— Но где этот «иномир», дедушка?

Шнайдер, казалось, засомневался, отвечать ли. А потом сказал:

— Другой мир. Его нельзя увидеть. Он и тут, и там, и повсюду. Но прежде всего вот *здесь*, — постучал он себя пальцем по лбу. — Ум помещается в нем и через него управляет всем телом. Постой-ка.

Он порылся в стенном шкафчике, вынул какую-то баночку. В баночке было снадобье, похоже мазь, и он принялся натирать себе руки этой мазью.

Закончив, вернулся к Уолдо и опустился рядом с ним на колени. Взял обеими руками Уолдо за запястье и принялся ласково растирать.

— Пусть ум успокоится, — приказал он. — Почувствуй силу. Иномир близко, и силы в нем полным-полно. Почувствуй ее.

Массаж оказался донельзя приятен утомлен-

ным мускулам Уолдо. То ли от снадобья, то ли просто от рук старика по телу пошла упоительная теплая волна.

«Будь он помоложе, я бы его в массажисты нанял, — подумал Уолдо. — У него магнетическое прикосновение».

Шнайдер выпрямился и сказал:

— Полегчало, а? Теперь отдохни немного, пока я кофе сварю.

Уолдо с приятным чувством откинулся на свое ложе. Уж очень он устал. Не столько сама по себе езда дала по нервам, сколько хватка проклятого поля тяготения, в которой он чувствовал себя, как муха в патоке. Пассы Грэмпса Шнайдера принесли облегчение и навеяли сон.

Должно быть, он и в самом деле задремал, так как последнее, что он помнил, это Шнайдер, бросающий в кофейник яичную скорлупу. А в следующую секунду старик уже стоял перед ним с кофейником в одной руке и дымящейся чашкой в другой. Отставил их, взял три подушки, подложил их Уолдо под спину и протянул чашку. Уолдо с трудом вытянул обе руки, чтобы ее взять.

Шнайдер отвел чашку в сторону.

— Не-е-ет, — с укоризной сказал он. — И одной руки больше чем хватит. Делай, как я показывал.

Потянись в Иномир за силой.

Он взял правую руку Уолдо, поднес пальцы к фаянсовой дужке, сомкнул их на ней, поддерживая руку Уолдо своей. А ладонью левой ласково провел по руке Уолдо от плеча до самых кончиков пальцев. И опять по руке прошла теплая волна.

И Уолдо с удивлением обнаружил, что держит чашку одной рукой. Вот это да! Ко времени, когда он семнадцать лет назад покинул Землю, у него уже сложилась неизменная привычка ничего никогда не пытаться удержать одной рукой. Разумеется, во «Фригольде» он частенько управлялся одной рукой со всякой мелочью и без помощи «уолдо». Видимо, годы упражнений сказались, хватка улучшилась. Отлично! Настоящий триумф!

Почувствовав прилив задора, он пил из чашки, держа ее одной рукой и стараясь изо всех сил не пролить кофе на себя. А кофе был вкусный, ничего не скажешь. Такой же вкусный, как и тот, что он сам себе готовил из самых дорогих экстрактов. Уж если совсем честно сказать, возможно, даже вкуснее.

Когда Шнайдер предложил ему к кофе свежеразогретую коврижку с коричневой сладкой корочкой, которая благоухала корицей, он на-

столько разошелся, что взял ее левой рукой, не спрашивая, куда бы отставить чашку. И, положа локти на край контейнера, поочередно то откусывал, то запивал, то запивал, то откусывал.

Разговор за чашкой кофе заканчивался, и, похоже, пора было начать разговор касательно декальбов. Шнайдер не стал запираться, что знает Маклеода, и припомнил, хотя и смутно, случай, когда он наладил Маклеодово «помело».

— Хью Дональд — славный парнишка, — сказал он. — Машины я не люблю, но чинить детям разные штуки — это одно удовольствие.

— А не расскажете ли мне, дедушка, каким образом вы отремонтировали машину Хью Дональда Маклеода? — спросил Уолдо.

— Что, у тебя есть такая же, поломанная, и ты хочешь, чтобы я ее починил?

— У меня полным-полно таких поломанных, я взялся их починить, но, должен признаться, не знаю, как это сделать. И приехал, чтобы узнать, как это получается у вас.

Шнайдер призадумался:

— Это трудно. Показать-то можно, но не так существенно то, что ты делаешь, как то, что при том думаешь. А это только с опытом приходит.

Должно быть, на лице Уолдо изобразилось

слишком большое недоумение, потому что старик пояснил:

— Говорят, на все на свете можно смотреть так, а можно эдак. Это как бы правда, но не вся, потому что смотреть можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет. Кто-то из древних говорил, что все на свете либо *существует*, либо *нет*. Это не вся правда, поскольку кое-что одновременно *и существует, и не существует*. Кто с опытом, тот способен и так смотреть, и этак. Иногда вещь, *предназначенная* для этого мира, *не предназначена* для Иномира. А это важно, поскольку живем-то мы в Иномире.

— То есть как это «живем в Иномире»?

— А как же еще нам жить-то? Ум — не мозг, а ум — существует в Иномире, а до здешнего мира дотягивается через тело. Это один из верных способов глядеть на вещи, хотя есть и другие.

— Значит, есть несколько способов рассматривать приемники де-Кальба?

— Правильно.

— А будь у меня с собой прибор, который не работает, вы показали бы мне, как надо на него глядеть?

— Да нужды нет, и притом я не люблю, когда машины в доме. Лучше я тебе нарисую.

Уолдо вздумалось было настоять, но он подавил в себе этот порыв. «Ты пришел сюда, смиренно прося о наставлении, — сказал он себе. — Не учи учителя, как тебя учить».

Шнайдер раздобыл карандаш и лист бумаги и сделал очень аккуратный и очень тщательный эскиз пучка антенн и главной балки аэромобиля. Эскиз был довольно точен, хотя в нем и недоставало нескольких существенных, но второстепенных деталей.

— Вот эти пальцы, — сказал Шнайдер, — проникают глубоко в Иномир, чтобы зачерпнуть силу. А что зачерпнули, то вот по этому столбу, — указал он на балку, — передают туда, где сила используется, чтобы машина двигалась.

«Прекрасное аллегорическое объяснение, — подумал Уолдо. — Если принять, что „Иномир“ — это синоним гипотетического эфира, оно звучит если не полно, то безукоризненно». Но ему стариковы речи ничего не объяснили.

— А Хью Дональд устал, — продолжал Шнайдер, — и какая-то маета его ела. Вот он и выискал одну из худых правд.

— То есть вы хотите сказать, — раздельно произнес Уолдо, — что машина Маклеода вышла из строя по той причине, что он тревожился на

этот счет?

— А из-за чего же еще?

К ответу на этот вопрос Уолдо был не готов. Стало очевидно, что старик целиком в плену каких-то странных суеверий; тем не менее он мог бы показать Уолдо, *что* именно надо делать, хотя и не знал *почему*.

— А что вы сделали, чтобы изменить положение?

— Да ничего я не изменял! Я просто глянул с другого боку.

— Но как глянули? Мы нашли там какие-то пометки мелом…

— Ах те? Они помогали мне сосредоточиться в нужную сторону, а больше они ни к чему. Я рисовал их вот так, — он взялся водить карандашом по эскизу, — а сам в это время представлял себе, как пальцы тянутся за силой. Ну они и потянулись.

— И это все? И больше ничего?

— Зачем? Хватит и этого.

«Либо старик сам не понимает, каким образом он произвел ремонт, — рассудил Уолдо, — либо он тут вообще ни при чем, а имеет место чистое, хотя и удивительное совпадение».

Пустая чашка давно стояла на краешке контейнера, ее вес приходился на металл, пальцами

Уолдо ее только придерживал. Увлекшись разговором, он позабыл про нее, и чашка выскользнула из ослабевших пальцев, упала на пол и разбилась.

Уолдо вконец расстроился:

— О, я… простите, дедушка. Я пришлю вам другую.

— Не тревожься. Я починю.

Шнайдер тщательно собрал осколки и положил на стол.

— Ты устал, — продолжил он. — Это нехорошо. Из-за этого теряешь, что приобрел. Возвращайся домой, отдохни, а потом можешь поупражняться, как силу возвратить.

Мысль показалась Уолдо здравой; он очень устал, и сделалось очевидно, что у старого обаятельного пройдохи никаких особых секретов не вызнать. Он с чувством и глубоко неискренно поклялся, что будет упражняться, «как силу возвратить», и попросил Шнайдера оказать любезность и кликнуть носильщиков.

На обратном пути обошлось без приключений. У Уолдо не хватило духу даже на то, чтобы пререкаться с пилотом.

Полный тупик. Одни машины не работают, хотя должны, а другие работают, но невозмож-

ным образом. И никто не знает, что делать, кроме старикашки, у которого помутилось в голове. Несколько дней Уолдо трудился апатично, по большей части повторяя опыты, которые уже проделывал, лишь бы не признаваться себе, что застрял, что не знает, как быть дальше, что по-настоящему-то он потерпел поражение и пора бы позвонить Глисону и признаться в этом.

Два «заколдованных» комплекта декальбов продолжали работать, стоило их включить, но все тем же диковинным и невероятным образом, с извивающимися антеннами. Другие неожиданно вышедшие из строя и присланные ему на обследование декальбы по-прежнему отказывались работать. А третьи, годные, действовали великолепным образом, без нелепых верчений и подергиваний.

В невесть какой раз он достал нарисованный Шнайдером эскизик и внимательно изучил его. «Остается только одна возможность, — подумал он. — Еще раз вернуться на Землю и настоять, чтобы Шнайдер в моем присутствии действительно проделал все, что им было сделано с целью вернуть декальбы в рабочее состояние». Теперь он понимал, что на этом следовало бы настоять с самого начала, но тогда его настолько

сбила с толку борьба с этим до чертиков сильным гравитационным полем, что недостало воли продолжать встречу.

Возможно, в этом его заменит Стивенс и притом изготовит стереофотоснимки процесса для дальнейшего изучения? Нет, старик суеверно предубежден против искусственных изображений.

Уолдо плавно подплыл туда, где стоял один из неработающих декальбов. Проделанное Шнайдером было, судя по его словам, до нелепости просто. Он нарисовал мелом на антеннах черточки, вот так, чтобы сосредоточиться. А потом уставился на антенны и представил себе, как они «черпают силу», устремляясь в Иномир, тянутся…

Бальдур неистово залаял.

— Да замолчи, дурак! — огрызнулся Уолдо, не сводя глаз с антенн.

Каждый металлический патрубочек по отдельности начал извиваться, вытягиваться. Послышался тихий ровный звук нормально работающего аппарата.

Уолдо все еще обдумывал происшедшее, когда внимания потребовал телевизор. Нет, ему ни капельки не грозила опасность повредиться в уме, как это произошло с Рэмбо; и все же думал

он так напряженно, что голова заболела. И все еще не пришел в себя, когда пришлось включить видеофон.

— Да.

Звонил Стивенс:

— Привет, мистер Джонс. Это… Мы тут думали… То есть…

— Говорите яснее!

— Ну-у-у, насколько вы близки к результату? — выпалил Стивенс. — Дело становится очень срочным.

— В каком смысле?

— Частично обесточило Большой Нью-Йорк прошлой ночью. К счастью, не на максимуме нагрузки, и аварийщики сумели кинуть времянки, прежде чем исчерпался резерв, но вы же представляете себе, что было бы, случись это в час пик. По моему собственному отделу число отказов за последние недели удвоилось, и страховщики почуяли неладное. Так что мы срочно нуждаемся в результатах.

— Получите вы свои результаты, — свысока сказал Уолдо. — Я на завершающем этапе исследования.

Не то чтобы он уж так был в этом уверен, но Стивенс злил его даже больше, чем большинство

безволосых обезьян.

На лице Стивенса боролись сомнение и надежда.

— Полагаю, вы откажетесь хотя бы намекнуть нам, в каком плане они ожидаются?

Разумеется. Но невозможно было не позабавиться, не подшутить над Стивенсом:

— Ближе к объективу, доктор Стивенс. Я скажу вам.

И сам подался вперед, так что в некотором смысле они оказались нос к носу.

— Черная магия ходит по белу свету! — зловеще сказал Уолдо и тут же отключил связь.

Глубоко в подземном лабиринте собственной станции «Норт-Американ» Стивенс молча смотрел на темный экран.

— В чем дело, шеф? — поинтересовался Маклеод.

— Не понял. Не совсем понял. Но у меня появилась мысль, что у нашего толстячка крыша поехала, совсем как у доктора Рэмбо.

На лице Маклеода явилась счастливая улыбка:

— Какая прелесть! Всегда был уверен, что он тот еще придурок.

Но Стивенс не намерен был шутить:

— Лучше бы тебе молиться, что она *не* поехала,

мы ведь от этого зависим. Дай-ка мне нынешнюю сводочку глянуть.

* * *

Черная магия ходит по белу свету. Объясненьице ничем не хуже других, размышлял Уолдо. Причинность дает сбой за сбоем, священные законы физики больше не действуют. Магия. Как утверждает Грэмпс Шнайдер, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Дело ясное, Шнайдер знал, о чем говорит, хотя, разумеется, понятия не имел о физической теории, положенной в основу декальбов.

Подождите минутку! Подождите. Вероятно, он сам, Уолдо, подходил к этой проблеме не с того боку. Он занялся ею с некой собственной точки зрения, с точки зрения, которая настроила его критически по отношению к словам старика. Исходил из предположения, что уж он-то, Уолдо, понимает в этом деле больше, чем Шнайдер. Да, спору нет, он выбрался из дому, чтобы навестить Шнайдера, но считал-то его знахарем из захолустья, человеком, который, возможно, располагает некой долей полезной информации, но в основе своей невежественным и суеверным.

Предположим, он рассмотрит ситуацию с иной

точки зрения. Примет, что все сказанное Шнайдером — это никакие не суеверия и не аллегории, а сугубый факт и высокая наука…

Уолдо отвел себе несколько часов на обдумывание ситуации.

Прежде всего, Шнайдер то и дело употреблял слово «Иномир». Что оно означает буквально? «Мир» — это пространственно-временной энергетический континуум, следовательно, Иномир — это континуум, но отличный от того, в котором пребывает сам Шнайдер. Теоретическая физика не отвергает таких представлений, возможность существования бесконечного числа континуумов заложена во многие знакомые и вполне ортодоксальные суждения. Это предположение даже используется в некоторых выкладках.

Неужели именно это и имел в виду Грэмпс Шнайдер? Реально физически существующий Иномир? Поразмыслив, Уолдо убедился, что, должно быть, так оно и есть, хотя старик не пользовался общепринятой физической терминологией. «Иномир» — это звучит как поэзия, но термин «дополнительный континуум» имеет тот же физический смысл. Стало быть, Уолдо заблудился в двух терминах.

Шнайдер утверждает, что этот Иномир повсе-

местен: он тут, там и везде. А разве это не прекрасное описание взаимно однозначного наложения двух пространств? Некое дополнительное пространство может располагаться относительно данного таким образом, что расстояние между ними представляет собой бесконечно малую величину, однако существует. Точно так же можно представить себе две плоскости, которые не пересекаются, которые разделены непредставимо малым промежутком, но тем не менее существуют по отдельности одна от другой.

Иномир не является полностью недостижимым; Шнайдер говорит о возможности проникновения в этот континуум. Звучит как фантастика, но для целей данного исследования утверждение должно быть принято. И Шнайдер подразумевал — нет, прямо *утверждал*, — что такое проникновение совершается мысленным усилием.

Уж так ли это фантастично? Если некий континуум располагается неизмеримо близко, но в то же время вне прямой физической досягаемости, так ли странно будет обнаружить, что он легче всего достижим с помощью некоего трудноуловимого и, вероятно, подсознательного усилия мозга? Когда речь о мозге, все трудноуловимо, и небеса порукой в том, что никто не знает, *как*

именно работает мозг. Ни малейшего понятия не имеет. Смехотворна и безнадежна попытка описать, например, процесс создания симфонии в рамках коллоидной химии. А поскольку никто не знает, как работает мозг, приписать ему еще одно необъяснимое свойство — в этом нет ничего неприемлемого.

Если подумать, сами понятия сознания и мышления выглядят фантастически невероятными.

Итак, значит, Маклеод сам вывел из строя свою машину неправильной мыслью, а Шнайдер отремонтировал ее правильной. И что из этого следует?

Он тут же получил предварительный вывод: в выходе из строя всех остальных декальбов, вероятно, повинны те, кто с ними работал. Операторы, очевидно, находились в состоянии упадка сил, утомления, неясной тревоги и поэтому заразили — нет, поразили — декальбы, которыми управляли, собственными проблемами. Каким именно образом — это пока неясно. В первом приближении скажем так: в Иномире все эти декальбы замкнулись накоротко. Неряшливая терминология, но на данном этапе помогает прояснить картину.

Но ведь отсюда всего один шаг до гипотезы

Граймса! «Упадок сил, утомление, неясная тревога» — это то, о чем толкует док. Окончательных доказательств пока нет, но правота дока для Уолдо очевидна. Реально нарастающая эпидемия аварий — это просто аспект всеобщей myasthenia, вызванной коротковолновым облучением.

Но если это верно…

Он включил видеофонный канал на Землю и вызвал на разговор Стивенса.

— Доктор Стивенс, — с ходу же приступил он к делу, — имеется одна предварительная мера предосторожности, которую следовало бы принять уже сейчас.

— Да?

— Но прежде позвольте задать вопрос. Много ли было случаев отказа декальбов на машинах в личном пользовании? В каком соотношении?

— Сию секунду не могу привести вам точные цифры, — немного озадаченно ответил Стивенс, — но на транспорте личного пользования аварий практически не было. Пострадали в основном коммерческие линии.

— Так я и думал. Частник не полетит, когда нет настроения, а платному водителю приходится. Вне зависимости от того, как он себя чувствует. Примите меры к особому психофизическому

обследованию всех коммерческих пилотов кораблей, где используются декальбы. Отстраняйте от полетов всех, кто хоть немного не в форме. Позвоните доктору Граймсу. Он скажет вам, на что обратить внимание.

— Это сложная задача, мистер Джонс. И вдобавок большинство таких пилотов, практически все, — это не наши служащие. Они нам неподконтрольны.

— Это ваша проблема, — пожал плечами Уолдо. — Моя забота — подсказать вам, как временно уменьшить число отказов, пока я не представлю вам окончательное решение проблемы.

— Но…

Уолдо не дослушал окончания фразы — он сам сказал все, что хотел, и прекратил разговор. Он уже звонил по другому, не знающему отдыха арендованному каналу, которым был связан со своей наземной конторой, со своими «гномами». И дал более чем странный приказ — достать книги, очень старые, очень редкие. Книги, посвященные магии.

Прежде чем что-то предпринять для исполнения требования Уолдо, Стивенс посоветовался с Глисоном. Глисон засомневался:

— Он объяснил, почему дает такой совет?

— Ни слова не сказал. Рекомендовал связаться с доктором Граймсом и получить у него более подробные указания.

— С каким еще доктором Граймсом?

— С врачом, который свел меня с Уолдо, с нашим общим знакомым.

— А-а-а, припоминаю. Н-да-а-а. Трудновато будет брать за ворот людей, которые работают не у нас. Однако полагаю, некоторые из наших крупных клиентов пошли бы нам навстречу, если бы мы к ним обратились и привели некие резоны. А почему вы так странно смотрите?

Стивенс рассказал Глисону о последнем необъяснимом заявлении Уолдо.

— Как думаете, это могло подействовать на него точно так же, как на доктора Рэмбо?

— Мм… Полагаю, могло. А в этом случае следование его советам к добру не приведет. Есть ли у вас еще какие-нибудь предложения?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда не вижу альтернативы. Придется последовать его совету. Он наша последняя надежда. Возможно, напрасная, но единственная.

Стивенс несколько приободрился:

— Можно бы поговорить об этом деле с доктором Граймсом. Уж он-то знает Уолдо, как никто

на свете.

— Вы ведь все равно должны с ним проконсультироваться? Очень хорошо — сделайте это.

* * *

Рассказ Стивенса Граймс выслушал молча. Когда Стивенс закончил, врач сказал:

— Скорее всего, Уолдо имеет в виду симптомы, которые я наблюдал, занимаясь коротковолновым облучением. Дело несложное. Можешь взять гранки монографии, которую я подготовил. Прочти, и все поймешь.

Эта информация Стивенса не порадовала, а только усилила подозрения насчет того, что Уолдо маленько того. Но он ничего не сказал Граймсу, и тот продолжал:

— А что касаемо второго твоего вопроса, Джим, трудно мне себе представить, чтобы Уолдо свихнулся таким манером.

— Мне-то он никогда не казался особо уравновешенным.

— Понимаю, о чем ты говоришь. Но его параноидальные наклонности не в большей мере напоминают случай с Рэмбо, чем ветрянка свинку. На деле-то один психоз защищает от другого. Но я побываю у него, погляжу.

— Правда? Вот и славно.

— Но не нынче. Нынче мне надо присмотреть кое за кем. Несколько детишек простыли, перелом ноги со смещением, и, похоже, полиомиелит в округе прорезался. Так что раньше конца недели мне никак.

— Док, почему вы не откажетесь от общей практики? Ведь скучное же дело.

— И я так думал, когда был помоложе. Но примерно сорок лет назад перестал лечить болячки и начал лечить людей. И это доставляет мне радость.

* * *

Уолдо погрузился в оргию чтения, глотая трактаты по магии и близким темам с неимоверной быстротой. Раньше этими предметами он вообще не интересовался. Но теперь, когда велик оказался шанс, что в них можно почерпнуть что-то полезное, он, читая не просто так, а под определенным углом, нашел там очень много чего.

О некоем ином мире там упоминалось часто. Иногда его называли Иномиром, иногда малым миром. Будучи теперь убежден, что этим термином обозначается реально существующий, материальный континуум, отличный от наше-

го, Уолдо отчетливо видел, что многие мастера запретных искусств придерживались буквально той же точки зрения. И указывали, как можно использовать этот Иномир. Временами фантазировали, временами давали чисто практические советы.

Было совершенно очевидно, что по крайней мере девяносто процентов всей магии, а вероятно, и больше — это галиматья и чистой воды мистификация. Чувствовалось, что на мистификацию ловились даже профессионалы — им недоставало научного метода; они применяли однозначную логику так же неверно, как и двузначную логику устаревшего Спенсерова детерминизма, и речи не было о современной расширенной, многозначной логике.

Тем не менее там, где дело касалось рассуждений о концепции иного, отличного, но доступного мира, в законах контактозной, симпатической и

гомеопатической магии[10] чувствовалась некая извращенная правота. Человек, имеющий доступ в иное пространство, вполне мог бы исповедовать логику, в которой объект способен «быть», «не быть» или «быть чем угодно иным» с одинаковой легкостью.

Какими бы бессмысленными или путаными ни представлялись магические обряды, восходящие к поре, когда это искусство находилось в общем пользовании, перечень его достижений выглядел впечатляюще. Это маги обнаружили кураре, дигиталис, хинин, гипноз и телепатию. Это маги Древнего Египта разработали гидравлические машины. Собственно, химия развилась из алхимии. Если уж на то пошло, многие современные науки своим происхождением обязаны колдунам. Наука отбросила все лишнее, пропустила сырой материал сквозь пресс двузначной логики и привела знание к формам, в которых оно стало

---

[10] Примечания: 10

«Контакозная магия» — магические приемы, результаты которых наблюдаются сразу же после непосредственного прикосновения мага к человеку или предмету, над которым совершается обряд; «симпатическая магия» — магия, основанная на знании истинного имени человека или предмета или обладании их частицами (портретами, волосами, обрезками ногтей); «гомеопатическая магия», или «имитационная», — магические обряды состоят из имитации желаемых результатов (прокалывание фигурок иглами с целью вызвать смерть или болезнь, прысканье водой с целью вызвать дождь).

доступно любому желающему.

К несчастью, та часть магии, которая оказалась несовместима с категориями, введенными методологией девятнадцатого века, была отброшена и отлучена от науки. Она приобрела дурную славу, была забыта и сохранилась лишь в виде басен и суеверий.

Поневоле закрадывалась мысль, что колдовство есть недоразвитое научное знание, отброшенное до того, как с ним удалось разобраться.

И все же проявления неопределенности, которыми характеризуются некоторые аспекты магии, те самые проявления, которые Уолдо начал теперь связывать с представлениями о гипотетическом дополнительном континууме, наблюдались достаточно часто и даже в наши времена. Свидетельства на эту тему оказывались поразительны для любого, кто подходил к ним без предубеждения: полтергейсты, камни, падающие с неба, явление материальных предметов из ничего во время спиритических сеансов, люди с дурным глазом, то есть, как теперь делается понятно, люди, по некоторым неясным причинам оказавшиеся средоточием неопределенности, дома с привидениями, странные возгорания, из тех, что когда-то связывали с саламандрами.

Имелись сотни подобных случаев, записи о них были составлены тщательно и заверены, однако отвергнуты ортодоксальной наукой, объявлены «невозможными». С точки зрения известных закономерностей они и впрямь были невозможны; однако, если расценивать их с позиции наличия внешнего дополнительного континуума, они делались чем-то само собой разумеющимся, естественным.

Уолдо остерегался рассматривать свою предварительную гипотезу Иномира как доказанную; тем не менее это была приемлемая гипотеза даже в том случае, если некоторые непонятные случаи не удастся объяснить и с ее помощью.

В Иномире могли действовать иные физические законы — а почему бы и нет? И все-таки он решил исходить из того, что это место во многом похоже на известный мир.

Иномир мог оказаться обитаем. Интереснейшая мысль! В этом случае через «магию» оказывалось осуществимо что угодно. Что угодно!

Пора было кончать с отвлеченными рассуждениями и заняться небольшим, но глубоким исследованием. Прежде всего с сожалением пришлось отказаться от попытки применить формулы средневековых магов. Оказалось, что

они никогда не описывали свои процедуры *полностью*; нечто существенное — и об этом упоминалось в записях, об этом свидетельствовал его собственный опыт — передавалось ученику непосредственно словом учителя. Подтверждалось это и опытом его общения со Шнайдером: были некоторые вещи, *отношение* к предмету изучения, которые обязательно требовали прямого обучения.

К сожалению, ему предстоит учиться всему, что необходимо, без посторонней помощи.

* * *

— Господи! Дядя Гэс, как я рад вас видеть!

— Да вот решил глянуть на тебя. Ты же мне несколько недель не звонил.

— Это правда, но, дядя Гэс, я был жутко занят работой.

— И поди, чересчур. Перебирать-то не след. Дай-ка глянуть на твой язык.

— Да все со мной в порядке.

Но язык все равно пришлось высунуть; Граймс осмотрел его и пощупал пульс.

— Похоже, с тобой все в порядке. До чего-нибудь докапываешься?

— Еще как! Почти довел до конца дело с де-

кальбами.

— Отлично. Из твоего разговора со Стивенсом, похоже, следует, что ты нашел какую-то зацепку, которая заодно сгодится и для моей любимой задачки.

— Да. Некоторым образом. Но я сказал бы наоборот. Смахивает на то, что заботы Стивенса — это следствие проблемы, которую углядели вы.

— То есть?

— Вот именно. Симптомы, вызванные ультракоротковолновым облучением, очень сильно влияют на надежность декальбов.

— Каким образом?

— Точно еще не знаю. Но рабочую гипотезу я разработал и как раз сейчас ее проверяю.

— Н-да-а-а. Есть желание побеседовать на эту тему?

— Очень большое. Причем именно с вами.

Уолдо пустился в рассказ о подробностях своего свидания со Шнайдером, насчет которых прежде Граймсу ни словом не обмолвился, хотя Граймс сопровождал его туда и обратно. Граймс знал, Уолдо ничего не обсуждает, пока не будет к этому готов.

Услышав о третьем комплекте декальбов, зараженных невероятными подергиваниями, Граймс

недоверчиво поднял бровь:

— Ты хочешь сказать, что понял, *как* это сделать?

— Вот именно. Точнее сказать, не «как». Я просто *могу* это делать. И делал уже не раз. Я вам покажу.

Уолдо отплыл в ту сторону помещения, где на временных растяжках были пристегнуты несколько комплектов декальбов, больших и малых, каждый со своей панелью управления.

— Гляньте на этот крайний. Его доставили нынче. Вышел из строя. Сейчас я применю к нему фокус-покус Шнайдера, и он заработает. Одну минуточку. Я забыл включить питание.

Он вернулся к центральному кольцу, занял свое обычное место и включил излучатель энергии. Поскольку «Фригольд» отлично экранировал все находящееся внутри от внешних излучений, пришлось установить в космическом доме небольшую энергоцентраль и малый излучатель примерно того же типа, что и гигантская аппаратура НАПЭ; без них не было бы возможности испытывать декальбы в рабочем состоянии.

Снова присоединившись к Граймсу, Уолдо прошелся вдоль линии декальбов, включая активирующие цепи. Все, кроме двух, начали

выказывать странную подвижность антенн, которую он про себя начал называть «подвижностью Шнайдера».

— Вон тот на дальнем конце работает, но не дергается, — предупредил Уолдо. — Он никогда не выходил из строя и, стало быть, не нуждался в обработке. Это мой контрольный прибор. А вот этот, — он указал на аппарат прямо перед собой, — нуждается в ремонте. Следите за мной.

— Что ты собираешься делать?

— Правду сказать, и сам не знаю. Но сделаю.

Уолдо не знал. Знал только одно: необходимо, не сводя глаз с антенн, представлять себе, как они проникают в Иномир, как тянутся за силой, тянутся, тянутся…

Антенны начали извиваться.

— Вот и все, что надо. Но это строго между нами. Я научился этому у Шнайдера.

Они возвратились к центру сферы. Предложил это Граймс под предлогом желания взять сигарету. А на деле при виде извивающихся антенн ему стало не по себе, но не хотелось говорить об этом.

— Как ты это объясняешь?

— Как не совсем понятное проявление инопространства. Мне о нем известно меньше, чем

Франклину о природе молнии. Но я дознаюсь. Обязательно! И мог бы, не сходя с места, разрешить затруднения Стивенса, если бы знал, как справиться и с вашей проблемой.

— Не вижу связи.

— Должен быть какой-то способ добиться общего результата через инопространство. Научиться излучать энергию в инопространство, а потом черпать ее оттуда. Тогда излучение не оказывало бы вредного воздействия на человеческий организм. Оно никогда бы не соприкоснулось с ним; оно распространялось бы в обход. Я вожусь над этим со своим излучателем, но пока что безуспешно. Однако своего добьюсь.

— Надеюсь. Кстати, а разве излучение от твоей станции гуляет по этому помещению?

— Да.

— Тогда напялю-ка я свое защитное пальтецо. И тебе тоже это не на пользу.

— Без разницы. Сейчас выключу.

Едва Уолдо обернулся к выключателю, раздалось приятное чириканье. Бальдур гавкнул. Граймс огляделся по сторонам, высматривая, откуда звук.

— Ты что тут себе завел? — спросил он.

— Вы о чем? Ах это. Это мои часы с кукушкой.

Забавно, верно?

Граймс согласился, что забавно, хотя особой пользы в этом приобретении не видел. Уолдо пристроил часы на ободе легкого металлического колеса, вращавшегося с такой скоростью, чтобы часы находились под действием центробежной силы в одно *g*.

— Смастерил эту игрушку, пока раздумывал над проблемой инопространства, — продолжал Уолдо. — Надо было чем-то руки занять.

— Насчет этого инопространства я как-то не совсем четко понимаю.

— Представьте себе континуум, очень похожий на наш и наложенный на наш примерно так же, как один лист бумаги накладывается на другой. Оба пространства неслитны, они отделены одно от другого самым малым интервалом, какой только можно себе вообразить. Они сосуществуют, но обычно не соприкасаются. Имеет место взаимная однозначность между точками обоих пространств, как мне представляется, хотя они необязательно имеют одни и те же размеры или форму.

— Эй, подумай лучше — они *должны* их иметь.

— Никоим образом. Представим себе отрезок прямой длиной в милю и отрезок длиной в дюйм.

В котором из них больше точек?

— Разумеется, в том, что длиной с милю.

— Нет. Количество точек в них обоих одинаково. Хотите, докажу?

— Верю тебе на слово. В жизни не занимался этими разделами математики.

— На слово так на слово. Ни размеры, ни форма не являются помехой для установления полного точечного взаимосоответствия двух пространств. Да и сами эти понятия тут, по существу, неприложимы. «Размеры» — это вопрос внутренней структуры пространства, его протяженности, выраженной через свойственные ему одному постоянные. А «форма» существует сама по себе — по крайней мере, вне *нашего* пространства, — это проблема кривизны пространства, его открытости или замкнутости, динамики расширения или сжатия.

Граймс пожал плечами:

— На мой слух это звучит как тарабарщина.

И отвернулся, глядя, как вертятся на своем колесе часы с кукушкой.

— Наверняка, — радостно согласился Уолдо. — Мы ограничены собственным опытом. Знаете, каким я представляю Иномир? (То был чисто риторический вопрос.) Он представляется мне

размерами и формой похожим на страусиное яйцо, но тем не менее целой вселенной, существующей бок о бок с нашей и здесь, и в окрестностях самой далекой звезды. Я знаю, что это ложное представление, но так мне легче все это себе представить.

— Дело твое, — сказал Граймс и кувыркнулся в воздухе: от непрерывного верчения часов с кукушкой у него слегка закружилась голова. — Слушай! По-моему, ведь ты выключил излучатель?

— Выключил, — согласился Уолдо и посмотрел туда же, куда и Граймс. И увидел шевелящиеся антенны декальбов. — Или думал, что выключил, — произнес он с сомнением и бросил взгляд на панель управления излучателем. И у него глаза полезли на лоб. — Но я *и вправду* его выключил. Он вправду *выключен*.

— Но тогда какого же дьявола…

— Да помолчите вы!

Он должен был подумать — и подумать хорошенько. Действительно ли излучатель не работает? Уолдо подплыл к нему, осмотрел. Да, он был мертв, так же как динозавры. Просто для того, чтобы лишний раз убедиться, он вернулся, надел свои «уолдо», залез в нужные схемы и ча-

стично рассоединил их. Но декальбы продолжали шевелить антеннами.

Не теплился один-единственный комплект декальбов, тот, над которым не была проделана обработка по Шнайдеру; от него не доносилось никакого шума. А все остальные работали, неистово добывая энергию. Но *откуда*?

Уолдо попытался припомнить, упоминал или нет Маклеод, разговаривая со Шнайдером, об излучателях, от которых декальбам полагается получать энергию. Он сам, Уолдо, об излучателях даже не обмолвился. Просто к слову не пришлось в разговоре. Но Шнайдер что-то сказал. «Иномир близко, и силы в нем полным-полно».

А он, Уолдо, хотя и собирался буквально толковать речи старика, на эту фразу не обратил внимания. «В Иномире силы полным-полно».

— Простите, что я наорал на вас, дядя Гэс, — сказал он.

— Не бери в голову.

— Но что вы об этом думаете?

— Похоже, ты изобрел вечный двигатель, сынок.

— Возможно — в каком-то смысле. Или отменил закон сохранения энергии, что тоже звучит неплохо. Эти декальбы черпают энергию, кото-

рой никогда не было в нашем мире!

— Н-да-а-а.

Чтобы проверить это предположение, Уолдо вернулся к кольцу управления, вставил руки в «уолдо», включил переносный сканер и обследовал пространство вокруг декальбов самыми чувствительными датчиками радиоизлучения, какими располагал. Стрелки приборов даже не дрогнули; на длинах волн, к которым чувствительны декальбы, в помещении ничего не теплилось.

Энергия поступала из инопространства. Не от его излучателя, не от излучающих станций НАПЭ, а из инопространства. Но в этом случае он, Уолдо, даже не приблизился к решению проблемы неисправных декальбов; и быть может, так никогда ее и не решит. Погодите, погодите, а что именно записано у него в контракте? Он попытался вспомнить точную формулировку.

Возможно, есть способ обойти это дело. Возможно. Да, и этот свежий нахальный трюк питомцев Грэмпса Шнайдера может иметь весьма замысловатые последствия. Он видел кое-какие возможности, но надо было подумать.

— Дядя Гэс…

— Что, Уолдо?

— Вы можете вернуться и передать Стивенсу, что у меня готов окончательный ответ. Его проблему мы решим, и вашу тоже. А тем временем мне вправду надо очень серьезно подумать, и я хочу побыть наедине с самим собой. Будьте так добры.

* * *

— Приветствую вас, мистер Глисон. Бальдур! Тихо! Входите. Устраивайтесь поудобнее. Как дела, доктор Стивенс?

— Как дела, мистер Джонс?

— А это мистер Харкнесс, — сказал Глисон, указывая на появившуюся следом фигуру. — Он руководит нашим юротделом.

— Ах да, действительно. Нам же предстоит обсудить вопрос о контракте. Добро пожаловать во «Фригольд», мистер Харкнесс.

— Благодарю, — холодно сказал Харкнесс. — Ваши адвокаты будут присутствовать?

— Они уже здесь, — указал Уолдо на стереоэкран, где видны были две фигуры. Фигуры поклонились и пробормотали что-то вежливое.

— Это все очень неправильно, — заметил Харкнесс. — Свидетели должны присутствовать лично. Услышанное и увиденное по телевизору в

качестве свидетельских показаний к рассмотрению не принимается.

Уолдо поджал губы:

— Это ваше официальное возражение?

— Ни в коем случае, — поспешно сказал Глисон. — Чарльз, не настаивайте.

Харкнесс угомонился.

— Господа, не стану отнимать у вас время, — приступил к делу Уолдо. — Мы собрались, чтобы я мог исполнить свое обязательство по контракту. Условия известны, не будем их повторять. — Он сунул руки в свои задающие «уолдо». — Вот здесь, у дальней стены, вы видите ряд приемников силового излучения, в просторечии именуемых декальбами. Доктор Стивенс может, если желает, сверить их серийные номера…

— Нет необходимости.

— Очень хорошо. Я включу свой местный излучатель, чтобы мы имели возможность убедиться: он работает удовлетворительно. — Пока Уолдо говорил, «уолдо» хлопотливо трудились. — А затем я по одному приведу в действие приемники.

Его руки замелькали в воздухе; пара малых «уолдо» включила нужные переключатели на пульте управления последнего в ряду аппарата.

— Это декальб обычного типа, ни разу не от-

казавший в работе. Его доставил мне доктор Стивенс. Доктор, если угодно, вы можете убедиться, что он работает нормальным образом.

— Мне это и так видно.

— Впредь мы будем называть такие приемники «декальбами», а их работу «обычной». — Малые «уолдо» опять захлопотали. — А вот тут у нас приемники, которые я предпочел бы называть «шнайдер-декальбами», поскольку они подверглись определенной обработке, — антенны зашевелились, — а их работу — «работой по Шнайдеру». Доктор, вы не возражаете?

— О'кей.

— Вы привезли с собой пришедший в негодность приемник?

— Как видите.

— Вы способны привести его в действие?

— Нет, не способен.

— Вы уверены? Вы его тщательно изучили?

— Более чем тщательно, — кисло признал Стивенс, которому начала надоедать напыщенная болтовня Уолдо.

— Очень хорошо. А теперь я приведу его в действие.

Отплыв со своего места в центральном кольце и добравшись до неисправного декальба, он

расположился так, чтобы всем телом заслонить свои действия от глаз наблюдателей. А потом вернулся в кольцо и с помощью «уолдо» включил этот декальб.

Тот немедленно заработал «по Шнайдеру».

— Господа, вот результат, — объявил Уолдо. — Мною разработан метод восстановления декальбов, самопроизвольно вышедших из строя. Я возьму на себя обязательство применить процедуру Шнайдера к любым приемникам, которые вы мне доставите. Платить за это вам не придется, это входит в счет моего гонорара. Я возьмусь обучать ваш персонал, как производить обработку по Шнайдеру. Тоже в счет своего гонорара. Однако не могу гарантировать, что действовать в соответствии с моими наставлениями сможет любой ваш работник. Не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что процедура очень сложна и требует гораздо больших усилий, чем представляется. Думаю, доктор Стивенс вам это подтвердит, — улыбнулся он одними губами. — Считаю, что наше соглашение с моей стороны выполнено полностью.

— Минутку, мистер Джонс, — вмешался Глисон. — А надежен ли декальб, прошедший процедуру по Шнайдеру?

— Абсолютно. Я это гарантирую.

Гости сошлись в кружок и забубнили. Уолдо ждал. Наконец Глисон ответил за всех:

— Мистер Джонс, это не совсем те результаты, которых мы от вас ожидали, но мы согласны: ваши обязательства по отношению к нам выполнены. Разумеется, при условии, что вы обработаете по Шнайдеру любые декальбы, которые к вам доставят, и обучите этому наш персонал, способный к такому обучению.

— Не возражаю.

— Ваш гонорар будет сию же минуту переведен на ваш счет.

— Отлично. Все поняли, все согласны? Успешно ли и в полной ли мере я исполнил ваше поручение?

— Совершенно верно.

— Вот и прекрасно. Если ваше терпение не иссякло, мне хотелось бы показать вам еще одну вещь.

Секция стены сложилась в гармошку, гигантские «уолдо» устремились в открывшееся помещение и извлекли оттуда громадный прибор, своим видом несколько напоминавший обычный комплект декальбов, но значительно более усложненный. Большая часть этих услож-

нений была чистой воды декорацией, но даже у опытного инженера на доказательство этого ушла бы уйма времени.

У машины была одна новая особенность — встроенный счетчик нового типа, рассчитанный на работу в течение заданного срока, а затем саморазрушающийся, и радиоустройство, позволяющее изменять этот срок. Кроме того, счетчик должен был уничтожить себя и приемник, если в конструкцию сунется кто-то, кто в ней не разбирается. Таким образом Уолдо намеревался предварительно решить вопрос о торговле свободной и неограниченной энергией.

Но об этих вещах он не сказал ни слова. Малые «уолдо» захлопотали, крепя аппарат к временным растяжкам. Когда с этим было покончено, Уолдо произнес:

— Господа, перед вами прибор, который я решил назвать «джонс-шнайдер-декальб». А его существование означает, что больше вам энергией не торговать.

— Вот как? — сказал Глисон, — Могу ли я узнать почему?

— Потому, — прозвучало в ответ, — что я могу сделать энергию дешевле, доступнее и продавать ее на таких условиях, с которыми вы никогда не

сможете конкурировать.

— Сильно сказано.

— И сейчас будет показано. Доктор Стивенс, вы обратили внимание, что все остальные приемники работают. Вот я их выключаю. — Захлопотали «уолдо». — А теперь я выключаю свой излучатель и прошу вас убедиться с помощью своей аппаратуры, что в этом помещении *нет* никакой лучистой энергии, кроме энергии видимого света.

Несколько помрачневший Стивенс занялся своими приборами.

— Поток энергии в помещении отсутствует, — объявил он несколько минут спустя.

— Хорошо. Держите свою аппаратуру включенной, чтобы можно было и в дальнейшем убедиться в этом. А я приведу в действие свой приемник. — Металлические ручки замкнули переключатели. — Доктор, пронаблюдайте. Всесторонним образом пронаблюдайте.

Стивенс повиновался. Приборам на пульте не поверил, включил в параллель свои.

— И что скажете, Джеймс? — прошептал Глисон.

Стивенс неприязненно поморщился:

— Эта чертова штука черпает энергию из ни-

откуда.

Все посмотрели на Уолдо.

— Господа, я вас не тороплю, — благородно сказал Уолдо. — Совещайтесь, сколько вам будет угодно.

Гости удалились, насколько позволяло помещение, и пустились в перешептывания. Было видно, что Глисон и Харкнесс вступили в спор, а Стивенс целиком ушел в себя. Это было как нельзя более кстати. Уолдо от всей души надеялся, что Стивенс не решится еще раз взглянуть на навороченную штуку, которую он назвал «джонс-шнайдер-декальбом» — ДШДК. Ни к чему было, чтобы Стивенс разобрался в ней. По крайней мере, до поры до времени. Уолдо тщательно следил за тем, чтобы говорить о ДШДК только правду, однако не всю: не упомянул, что все декальбы, обработанные по Шнайдеру, являются источниками свободной энергии. Выйдет неловко, если Стивенс обнаружит это раньше времени!

Счетчику-разрушителю Уолдо нарочно придал таинственный и сложный вид, но установил его не зря. Чуть позже он объяснит им — и это будет соответствовать истине, — что без этого устройства НАПЭ просто не сможет сохранить свой бизнес.

Уолдо был очень напряжен. Игра была рискованная; он предпочел бы знать гораздо больше о явлении, следствиями которого пытался торговать вразнос, однако — и тут он мысленно пожал плечами, храня самоуверенную усмешку, — дело тянется уже несколько месяцев, а ситуация с энергией критическая. Это решение должно сработать, если он сможет заполучить их подписи под договором достаточно быстро.

Потому что на самом деле он вовсе не собирался конкурировать с НАПЭ.

Глисон отделился от общества Стивенса с Харкнессом и подплыл к Уолдо:

— Мистер Джонс, а не могли бы мы уладить это дело полюбовно?

— Что вы намерены мне предложить?

* * *

Примерно час спустя Уолдо со вздохом облегчения наблюдал, как судно гостей отваливает от причала. «По высшему классу розыгрыш, — думал он. — И ведь сработал, мне все сошло с рук». Он великодушно позволил, чтобы его уговорили объединиться, и добился — и тут позволил себе проявить нешуточную горячность — немедленного заключения контракта, без проволочек и

адвокатских дуэлей. Теперь или никогда, либо делаем дело, либо кончаем разговоры. И он с благородным видом подчеркнул, что в предлагаемом контракте есть пункт, в котором говорится, что он не получит ровным счетом ничего, если его заявления насчет ДШДК в дальнейшем не подтвердятся.

Глисон обдумал этот пункт, решил подписать контракт и сделал, как решил.

Даже после этого Харкнесс попытался выдвинуть претензию, мол, Уолдо — служащий НАПЭ. Мол, ранее сам подписал контракт на исполнение особого поручения за обусловленный гонорар. Претензия была явно высосана из пальца, даже Глисон согласился с этим.

В обмен на все права на ДШДК, на который Уолдо согласился представить чертежи — ждите, пока Стивенс увидит эти эскизы и разберется в них! — ему был обещана мажоритарная доля акций НАПЭ без права голоса, но полностью оплаченная и не подлежащая налогообложению. Неучастие в делах компании — это была его собственная идея. В торговле энергией предстояли головоломные трудности, причем в изобилии. Можно было предвидеть, что начнется: браконьерские приспособления, хитрости для обхода

счетчиков, да мало ли что еще. Близилась эра свободного энергопотребления, и усилия остановить ее в перспективе бесплодны, Уолдо был в этом убежден.

Он так хохотал, что перепугал Бальдура — пес забеспокоился и громко залаял.

Теперь можно позволить себе забыть про патенты Хатауэя.

Однако в его торжестве над НАПЭ оставалась одна закавыка, чреватая последствиями: он заверил Глисона, что декальбы, «обработанные по Шнайдеру», впредь будут работать безотказно. Он верил, что так и будет, просто потому, что полагался на Грэмпса Шнайдера. Однако доказать не смог бы. И сам понимал, что слишком мало знает о явлениях, связанных с Иномиром, чтобы ясно различать, что может, а чего не может случиться. Это все еще требовало обширного и тщательного исследования.

Но Иномир — это дьявольски непростое место для исследований!

Предположим, рассуждал он, что человеческая порода слепа, что зрение у нее так и не развилось. Оставим в стороне вопрос, насколько слепые могли бы цивилизоваться, просветиться и усвоить научные представления, но трудно себе пред-

ставить, чтобы они хоть когда-нибудь сумели в принципе развить у себя астрономию. Они могли бы знать о Солнце как о циклическом источнике энергии, который периодически меняет интенсивность и направление излучения, поскольку Солнце так могуче, что его можно «видеть» кожей. Обнаружив это, они могли бы изобрести приборы, которые улавливают солнечный свет, могли бы изучать Солнце.

Но разве они в силах были бы заметить бледные звезды? Маловероятно. Само существование небесной вселенной, ее безмолвные бездны и осиянное величие были бы для них непредставимы. И даже если бы кто-то из их ученых каким-то образом оказался вынужден принять наличие вселенной, причем не как фантастическое, невероятное допущение, а как факт, как бы он мог исследовать этот факт в подробностях?

Уолдо попытался вообразить себе фототелескоп, изобретенный и сконструированный слепцом, задуманный так, чтобы слепец мог им управлять и мог бы накапливать сведения, в которых могли бы разобраться другие слепцы. Он отказался от этой затеи: слишком много ловушек оказывалось на пути. Потребовалась бы гениальная изощренность ума, намного превосходящая

его собственную, чтобы провести мысль по извилистым путям логических умозаключений для решения этой проблемы. Даже *ему*, зрячему, было весьма непросто изобрести телескоп для слепого, и он не понимал, как слепой без посторонней помощи может преодолеть возникающие трудности.

В каком-то смысле такую помощь оказал ему Шнайдер, в одиночку он безнадежно застрял бы в самом начале пути.

Но даже с подсказками Шнайдера проблема исследования Иномира мало чем отличалась от проблемы слепого астронома. Он не мог *видеть* Иномир, он мог только прикоснуться к нему, применяя «процедуру по Шнайдеру». Будь оно проклято! И как на такой основе конструировать приборы для его изучения?

Видимо, в конце концов придется еще раз побывать у Шнайдера в поисках наставлений, но поездка на Землю вызывала у него такое отвращение, что Уолдо отбросил саму мысль о ней. Опять же Грэмпс Шнайдер вряд ли сможет научить его чему-то еще — они говорят на разных языках.

Инопространство существует и оказывается достижимо при определенной направленности разума: либо сознательной, чему учил Шнайдер,

либо подсознательной, жертвами которой оказались Маклеод и ему подобные, — это все, что дано знать.

То, что мысль, и только мысль сама по себе способна воздействовать на физические явления, противоречило всей материалистической философии, в которой он вырос. В этом представлении было что-то крайне неприятное. Похоже, убежденность в незыблемости физических законов и миропорядка — предрассудок и он, Уолдо, находится у такового в плену. Люди, предопределившие его мировоззрение, натурфилософы, создавшие мир науки и сопутствующих технологий: Галилей, Ньютон, Эдисон, Эйнштейн, Штейнмец, Джинс и мириады их коллег рассматривали физическую Вселенную как механизм, действующий по жестким правилам. Любые явные отклонения от этих правил рассматривались либо как ошибки в наблюдениях, либо как неудовлетворительность построенных гипотез, либо как следствие недостаточности имеющихся сведений.

Даже краткое воцарение принципа неопределенности Гейзенберга не изменило фундаментального ориентирования на упорядоченный космос; сама эта неопределенность рассмат-

ривалась как нечто определенное! Ее можно было выразить, описать с помощью формулы, на ней оказалось возможно построить строгую статистическую механику. А в 1958 году, когда Горовитц переформулировал волновую механику, эту концепцию удалось отбросить[11]. Порядок и причинность были восстановлены в правах.

И вдруг такое дело, будь оно неладно! Ведь с тем же успехом теперь можно молиться о ниспослании дождя, загадывать желания в полнолуние, ходить к целителям верой и в конце концов капитулировать перед сладостным «мир-у-меня-в-голове» епископа Беркли: «Не бытует сей клен в отсутствие взглядов зевак».

* * *

Уолдо не был так всецело предан Абсолютному Порядку, как Рэмбо; ему не угрожало умственное расстройство по случаю краха основополагающих принципов; и тем не менее, так-его-распротак, удобно, когда все работает, как ты ожидаешь.

---

[11] Примечания: 11

Повесть была написана в 1942 году. Первоначально Хайнлайн отнес ниспровержение принципа неопределенности Гейзенберга к 1950 году. При переиздании повести в сборнике «Waldo and Magic, Inc» в 1950 году он сдвинул дату еще на восемь лет вперед. Но принцип неопределенности по прежнему остается одним из краеугольных камней квантовой механики. — *Примеч. С. В. Голд.*

Из порядка и закона природы выводится предсказуемость, без предсказуемости жить невозможно. Часы должны идти равномерно; вода должна кипеть при нагревании; пища должна насыщать, а не отравлять организм; приемники де-Кальба должны *работать*, причем так, как полагал их конструктор; хаос невыносим, и жить в нем никак нельзя.

Предположим, однако, что хаос — всему голова и что порядок, который, как нам представляется, мы обнаружили в окружающем нас мире, всего лишь плод воображения, к чему это нас приведет? В этом случае, решил Уолдо, вовсе не исключено, что десятифунтовая гиря *действительно* падала в десять раз быстрее фунтовой до того самого дня, когда дерзновенный Галилей выдумал и объявил, что это не так. Не исключено, что вся с великим тщанием продуманная теоретическая механика развилась из представлений нескольких твердолобых личностей, навязавших миру свои воззрения. Возможно, сами звезды твердо придерживаются своих курсов благодаря твердой вере астрономов. Так и создали из Хаоса упорядоченный космос — посредством Разума!

Мир был плоским до тех пор, пока географы не решили иначе. Мир был плоским, и Солнце, вели-

чиной с лохань, восходило на востоке и заходило на западе. Звезды были крохотными огоньками, усыпавшими прозрачный купол, едва-едва возвышавшийся над самыми высокими горами. Грозы были гневом богов и не имели отношения к движениям воздушных масс. Тогда в мире господствовал созданный Разумом анимизм.

Ближе к нашим временам это изменилось. Миром стала править распространившаяся договоренность относительно материалистической и неизменной причинности; на ней целиком воздвиглась технология цивилизации, обслуживаемой машинами. Эти машины и впрямь *работали* так, как было задумано конструкторами, потому что все верили, что так должно быть.

И так оно тянулось до тех пор, пока несколько пилотов, неким образом одуревших от длительного мощного электромагнитного облучения, не потеряли уверенность в себе и не заразили свои машины неопределенностью. Вот с какого момента черная магия ходит по белу свету.

Он решил, что начал понимать, что случилось с магией. Магия была нестабильным законом анимистического мира, ее неуклонно вытесняла прогрессирующая философия неизменной причинности. Потом она исчезла — до сегодняшнего

рецидива, — и ее мир тоже исчез, остались только темные заводи «суеверий». Это было естественно. Любой добросовестный экспериментатор, исследуя дома с привидениями, образование материальных тел во время спиритических сеансов и все такое прочее, сообщал о неудаче опытов. Своими убеждениями он не давал этим явлениям проявиться.

Лишь там, где не увидишь белого человека, в глубине африканских джунглей, могли сохраниться совсем иные места. Там все еще, возможно, правили бал диковинные, неуловимые законы магии.

Возможно, эти рассуждения были уж слишком сильным перегибом, и тем не менее за ними было преимущество, которым не обладали ортодоксальные концепции: они объясняли колдовство, которое Грэмпс Шнайдер чинил над декальбами. Любая рабочая гипотеза, которой не под силу было объяснить способность Шнайдера — и его самого, Уолдо, — *мысленно* приводить декальбы в рабочее состояние, не стоит ни гроша. Эта гипотеза объясняла все, и с ней согласовывались заявления Грэмпса типа: «На свете нет ничего определенного» и «Кое-что одновременно *и существует, и не существует*. Смотреть на вещи

можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет».

Очень хорошо. Примем эту гипотезу. И будем действовать по ней. Мир изменяется в зависимости от того, каким образом на него смотрят. Но если так, то уж он-то, Уолдо, знает, каким образом смотреть. Он отдает свой голос за порядок и предсказуемость!

И *навяжет* этот взгляд. Введет в упорядоченный космос *свое собственное* представление об Иномире!

Заверения, данные Глисону, о надежности обработанных «по Шнайдеру» декальбов в этом случае следует считать добрым началом. Значит, так и будет. Сказано, что надежны, значит и будут надежны. Не выйдут из строя никогда.

Постепенно в его голове складывалась и прояснялась собственная концепция Иномира. Хотелось считать его упорядоченным и в основном подобным здешнему пространству. А местом смыкания обоих пространств мыслилась нервная система: кора головного мозга, зрительные бугры, спинной мозг и прилегающие участки нервных путей. Эта картина отвечала тому, что говорил Шнайдер, и не противоречила явлениям, как он сам, Уолдо, их понимал.

Постойте! Если нервная система расположена в обоих пространствах, то, возможно, именно это и приводит к относительно медленному распространению нервных импульсов по сравнению со скоростью света. Да! Если в инопространстве константа *c* меньше, чем в здешнем, то это так и должно быть.

Он начал чувствовать твердую уверенность, что это *так и есть*.

Что он делает сейчас, просто рассуждает? Или создает новую вселенную?

Возможно, придется отказаться от сложившегося в уме образа инопространства, размерами и формой напоминающего страусиное яйцо, поскольку пространство с более медленной скоростью света не меньше, а больше привычного пространства. Нет… Нет, погодите минутку, размеры пространства зависят не от постоянной *c*, а от радиуса кривизны, выраженного через эту постоянную. А так как *c* — это скорость, то, значит, размеры зависят от представлений о времени — в данном случае о времени как скорости изменения энтропии. В том и заключается особенность, позволяющая сравнить оба пространства: они обмениваются энергией, и, следовательно, каждое влияет на энтропию соседнего.

То, которое быстрее приближается к постоянному уровню энтропии, должно быть «меньшим».

Так что нет нужды отказываться от образа страусиного яйца, с которым так сроднился! Иномир есть замкнутое пространство с меньшей скоростью света, с высокой скоростью изменения энтропии, с малым радиусом и почти постоянной энтропией — идеальный резервуар энергии по всем параметрам, готовый излиться в здешнее пространство, как только происходит замыкание межпространственного интервала. Для своих собственных обитателей, если таковые существуют, Иномир может выглядеть простирающимся на сотни миллионов световых лет; для него, для Уолдо, он страусиное яйцо, которое вот-вот взорвется от избытка энергии.

Стали приходить мысли о способах проверки собственной гипотезы.

Если, используя шнайдер-декальбы, начать отбор энергии с максимально возможной быстротой, удастся ли воздействовать на местный потенциал? Не образуется ли градиент энтропии? Можно ли повернуть процесс вспять, отыскав способ закачивать энергию в Иномир? Нельзя ли создать разные уровни в разных точках и таким образом произвести проверку перехода к посто-

янной максимальной энтропии?

Дает ли скорость распространения нервных импульсов удобный ключ к определению *c* в инопространстве? Можно ли, применяя этот ключ в сочетании с энтропией и исследованием потенциала, получить математическое описание инопространства в рамках представлений о его мировых константах и его возрасте?

Уолдо занялся этим. Его вольные, ничем не сдерживаемые рассуждения закончились определенным положительным результатом: выявилось по крайней мере одно направление, с которого можно было подступиться к этому инопространству, — он разработал принцип действия для телескопа слепца. Какова бы ни была истина об этом континууме, она больше чем некая истина — это целая последовательность новых истин. Вот подлинный состав этой последовательности: истины, характеристические закономерности, что внутренне присущи инопространству, плюс новые истинные закономерности, которые проистекают из взаимодействия характеристик инопространства с обычным пространством. Рэмбо напоследок крикнул, что может случиться все, что угодно. И неудивительно. Почти все возможно, все так или иначе вероятно, если

правильно применять и сочетать три набора закономерностей: закономерности нашего пространства, закономерности инопространства и закономерности связи между ними обоими.

Но прежде чем теоретики смогут приступить к работе, отчаянно необходимы новые данные. Теоретик из Уолдо был никакой, и сам он как бы с изнанки признавал этот факт, решив для себя, что теория — это непрактичная и ненужная потеря времени для него как инженера-консультанта. Пусть ею занимаются безволосые обезьяны.

Но инженеру-консультанту предстояло выяснить ответ на вопрос, будут ли шнайдер-декальбы и дальше бесперебойно функционировать, гарантирует ли он это? А если не гарантирует, то что нужно сделать, чтобы обеспечить это функционирование?

Самая трудная и самая интересная сторона подобного исследования должна была быть связана с выяснением взаимоотношений между нервной системой и инопространством. Ни электроизмерительная техника, ни нейрохирургия не были продвинуты настолько, чтобы обеспечить точную работу на тех уровнях, которые Уолдо предполагал исследовать.

Но ведь у него были «уолдо».

Самые малые из «уолдо», которые он до сих пор применял, имели ладони поперечником примерно полдюйма и, разумеется, соответствующий микросканер. Для того, что он задумал, они были слишком велики. А задумал он опыты с живой нервной тканью, изучение ее изоляции, и ее поведения in situ[12].

Он употребил эти крохотные «уолдо» для изготовления еще меньших.

На последней стадии он соорудил крохотные металлические лепестковые зажимы с поперечником чуть больше одной восьмой дюйма. Пружины в их сочленениях, служившие псевдомышцами, едва можно было разглядеть невооруженным глазом — но у него были сканеры.

В окончательный набор «уолдо», которые он применил для нейрохирургии мозга, вошла целая последовательность механических рук: от обычных, почти в натуральную величину, до этих сказочных крох, которые могли обращаться с предметами слишком малыми, чтобы за ними можно было наблюдать простым глазом. Они были смонтированы так, чтобы работать в одном и том же месте. Уолдо управлял ими одними и теми

---

[12] Примечания: 12

In situ — по месту нахождения *(лат.) — Примеч. С. В. Голд.*

же задающими «уолдо» и мог менять исполнителей, не снимая перчаток. Тем же переключением, которым производилась смена манипуляторов, достигалась и автоматическая перемена параметров сканирования, рост или уменьшение увеличения, так что Уолдо постоянно видел по стереоприемнику изображение своих рабочих рук «в натуральную величину».

Для каждого комплекта «уолдо» были свои хирургические инструменты и свое электрооборудование.

Такой операции никто раньше не проводил, но Уолдо не придавал этому значения; никто не сказал ему, что подобная операция была чем-то неслыханным.

К своему великому удовлетворению, он установил-таки механизм, посредством которого коротковолновое облучение расстраивает физиологическую деятельность человеческого организма. Синапсы между дендритами действовали как точки утечки. И нервным импульсам иногда не удавалось перепрыгнуть с дендрита на дендрит, они куда-то стекали. Куда? Уолдо был уверен, что в инопространство. Дело выглядело так, что такая утечка создавала предпочтительный путь, некий сток, вызывающий постоянное

ухудшение состояния жертвы. Мышечная деятельность не совсем затухала, так как доступны оставались оба пути, но ее эффективность падала. Картина складывалась примерно такая же, как в электросхеме из металлических проводов с некачественной изоляцией относительно «земли».

Большую часть этих экспериментальных данных Уолдо получил в дар от несчастного кота, погибшего во время этих опытов. Кот родился и вырос вне мощных полей излучения. Наблюдая второстепенные подробности процессов, происходящих в нервных тканях, Уолдо подверг животное мощному облучению и увидел, как кота поразила *myasthenia*, почти такая же полная, как и его собственная.

Когда кот скончался, Уолдо чуть не расчувствовался над ним.

* * *

Но если Грэмпс Шнайдер прав, то вовсе нет нужды разрушать излучением человеческий организм. Если у людей достанет ума на взгляд с нужной стороны, излучение на них не подействует; они даже смогут черпать энергию из Иномира.

Именно этим предлагал ему заняться Грэмпс

Шнайдер.

Причем именно *ему самому*!

Грэмпс Шнайдер сказал, что ему нет нужды быть слабым!

Что он может стать сильным…

Сильным!

СИЛЬНЫМ!

До сих пор как-то о том не подумалось. Дружеская забота Шнайдера, его советы о преодолении слабости, которые он проигнорировал, не имели для него никакого значения. Свою слабость, свою особенность, отличавшую его от безволосых обезьян, он, Уолдо, рассматривал как изначальный, само собою разумеющийся факт. Еще ребенком принял как данное свыше, как впредь не подлежащее пересмотру.

И естественно, не обратил внимания на слова Шнайдера в той мере, в какой они относились непосредственно к нему самому.

* * *

Стать сильным!

Стоять на собственных ногах — ходить, *бегать!*

И… и он мог бы, мог бы без страха спуститься на поверхность Земли. Не обращая внимания

на гравитационное поле. Говорят, его никто *не замечает*; можно даже *носить* предметы — большущие, тяжелые. Причем носят все. И даже могут *подбрасывать*.

Внезапно руки как-то сами судорожно дернулись в задающих «уолдо», и это было вовсе не похоже на его обычные, безукоризненно экономные движения. Исполнительные «уолдо» были гораздо крупней, поскольку он мастерил новую опытную установку. Одна из подвесок лопнула, плоский зажим на ней нехорошо звякнул, ударившись о стену. Дремавший поблизости Бальдур приподнял уши, огляделся и вопросительно уставился на Уолдо.

Уолдо воззрился на пса, тот заскулил.

— Фу! Молчать!

Пес затих и взглядом попросил прощения.

Уолдо машинально осмотрел повреждение. Ерунда, но без ремонта не обойтись. Сила. Но ведь если бы он стал сильным, он мог бы делать все, что угодно, буквально все, что угодно! Та-а-ак, «уолдо» шестой номер и новый ремень вместо лопнувшего… Если бы он стал сильным! Уолдо бездумно потянулся к «уолдо» номер шесть.

Сила!

Он мог бы даже встречаться с женщинами… И

быть сильнее, чем они!

Он мог бы плавать. Мог бы ездить верхом. Мог бы вести машину, прыгать, бегать. Мог бы брать разные вещи голыми руками. Мог бы даже научиться танцевать!

Стать сильным!

Мог бы мускулы заиметь! Мог бы ломать вещи.

Мог бы… Мог бы…

Уолдо включил гигантские «уолдо» с захватами в рост человека. Уж кто силен, так это они! Одной исполинской клешней выдернул из стопки четвертьдюймовый стальной лист, поднял его и встряхнул. Лист загудел, как колокол. Уолдо еще раз встряхнул его. Вот где сила!

Он зажал лист обеими клешнями, перегнул пополам. Металл сложился неровно. Он судорожно принялся мять его в гигантских ладонях, как ненужную бумажку. От жуткого скрежета у Бальдура шерсть встала дыбом на загривке — сам Уолдо как будто ничего не слышал.

Тяжело дыша, остановился. Со лба катил пот, в ушах шумела кровь. Но ему было мало. Хотелось еще больше напрячься, самому себе показать, что такое сила! Пройдя в соседнюю кладовую, он выбрал г-образную балку длиной в двенадцать футов, толкнул туда, где смог взять обеими ги-

гантскими ручищами, и потащил к себе.

Балка встала поперек люка; Уолдо выдернул ее, оставив вмятину в раме люка. И не заметил этого.

В здоровенном кулаке балка выглядела как увесистая дубина. Взмахнул ею. Бальдур попятился так, чтобы кольцо управления прикрыло его от исполинских ручищ.

Мощь! Сила! Разносящая вдребезги, неодолимая сила…

Судорожным рывком Уолдо остановил замах, задержав балку у самой стены. Нет, не так. Он сгреб другой конец дубинки левой клешней и попробовал согнуть. Большие «уолдо» предназначались для тяжелой работы, но балка была рассчитана на сопротивление изгибу. Уолдо напряг руки в задающих перчатках, силясь заставить стальные кулачища исполнить свой приказ. На панели управления вспыхнул предупредительный сигнал. Уолдо, не глядя, врубил аварийную перегрузку и нажал еще.

Гул «уолдо» и хрип собственного дыхания утонули в диком скрежете металла по металлу, балка начала уступать. Ликуя, Уолдо поддал еще. Балка начала складываться пополам, но тут «уолдо» не выдержали. Правые захваты сдали первыми,

кулачище разжался. Левый кулак, потеряв упор, вывернулся, и стальная балка *вылетела* из него.

Она пробила тонкую переборку, проделав рваную дыру, и лязгнула обо что-то в соседнем помещении.

Гигантские «уолдо» превратились в мертвый лом.

Уолдо вынул из перчаток свои пухлые розовые ручки и глянул на них. Его плечи приподнялись, из груди вырвались мучительные рыдания. Он закрыл лицо руками; сквозь пальцы хлынули слезы. Бальдур жалобно заскулил и прижался потеснее к нему.

А на панели управления все звенел и звенел звонок.

* * *

Лом был убран прочь, и ровная чистая заплата закрыла то место, где г-образная балка вылетела наружу. Но замены гигантским «уолдо» еще не было, их опорная рама пустовала. Уолдо был занят сооружением силомера.

Годы прошли с тех пор, как он перестал заботиться о численном измерении собственной силы. Он ею почти не пользовался — сосредоточился на тренировке ловкости, а в частности, на

точном и четком управлении своими тезками. В избирательном, полном и виртуозном пользовании собственными мускулами ему не было равных; он управлял — *приходилось* управлять. А сила ему была не нужна.

С его станочным парком под рукой было нетрудно создать устройство со шкалой, показывающей в фунтах силу сжатия одной руки. Пружинка с ярмом для захвата — вот и все. Он приостановился и обозрел свою поделку.

Надо было только снять с руки «уолдо», взять ярмо голой рукой и сдавить, и все станет ясно. И все же он колебался.

Было странно держать такой большой предмет голой рукой. Ну же, давай! Потянуться в Иномир за силой. Он закрыл глаза и сжал силомер в кулаке. Открыл. Четырнадцать фунтов — меньше, чем раньше.

Но ведь это он еще не взаправду попытался. Он попробовал представить себе ладони Грэмпса Шнайдера у себя на руке, ощутить тот теплый зуд. Сила. Протяни руку и потребуй ее. Четырнадцать фунтов, пятнадцать… семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один! Победа! Победа! Сила и смелость покинули его, но что ушло раньше, он сказать не мог. Стрелка свалилась на нуль; надо

было отдохнуть.

Он и вправду проявил исключительную силу или двадцать один фунт — это нормально для теперешнего возраста и веса? Здоровый сильный человек не из лежебок должен выжать около ста пятидесяти фунтов, Уолдо об этом знал.

И тем не менее двадцать один фунт — это было на шесть фунтов больше, чем он когда-либо раньше показывал.

Ну-ка еще разок! Десять, одиннадцать… двенадцать. Тринадцать. Стрелка заколебалась. Ну, это он еще не дожал, это же смешно. Четырнадцать.

И застопорило. Как он ни напрягался, как ни собирал в кулак всю волю, больше четырнадцати не выжималось. И раз за разом постепенно выходило все меньше и меньше.

* * *

Шестнадцать фунтов — таков был лучший результат, которого он добился за следующие дни. Двадцать один — это, казалось, была счастливая случайность, везение с первого раза. Горечь жгла.

Нет, так легко он не сдастся. Он достиг своего нынешнего положения, богатства и известности не потому, что легко сдавался. Он не отступался,

старательно припоминал, что именно говорил ему Шнайдер, и силился *почувствовать* прикосновение рук старика. Твердил себе, что и впрямь делался сильнее от этого прикосновения, но не мог осознать из-за сильной земной гравитации. И продолжал попытки.

В глубине души понимал, что в конце концов ему придется еще раз отыскать Грэмпса Шнайдера и попросить помочь, если не сможет повторить этот фокус самостоятельно. И ему крайне этого не хотелось. Не потому, что пришлось бы повторить эту ужасную поездку — хотя и этой причины, вообще говоря, было больше чем достаточно, — а потому, что если он сделает это, а Шнайдер не сумеет ему помочь, тогда вообще не останется никакой надежды. Ни-ка-кой.

Лучше жить с досадой и разочарованием, чем без надежды. Он упрямо отгонял мысль о поездке.

* * *

Уолдо почти не считался с обычным земным распорядком дня, ел и спал, когда захочется. Он мог задремать в любой момент, однако примерно через равные интервалы времени регулярно погружался в долгий сон. Разумеется, не в постели.

Человек, витающий в воздухе, не нуждается в постели. Но Уолдо выработал в себе привычку перед тем, как крепко заснуть часиков на восемь, обязательно пристегиваться, чтобы, дрейфуя в воздушных потоках, случайно не налететь на какой-нибудь переключатель или рукоятку управления.

Однако с тех пор, как им овладело страстное желание обрести силу, его сон стал некрепок и пришлось часто прибегать к снотворному.

Доктор Рэмбо вернулся и искал его. Безумный доктор Рэмбо, полный ненависти. Во всех своих бедах Рэмбо винил его, Уолдо. И даже во «Фригольде» не было спасения от Рэмбо, потому что безумный физик открыл способ нырять через одно пространство в другое. Вот он, вот он! Голова выглядывает из Иномира. «Я доберусь до тебя, Уолдо!» Исчез. Нет, теперь он вынырнул сзади! Руки тянутся, извиваются, точь-в-точь как антенны декальбов. «Ага, Уолдо!» Но собственные руки Уолдо превращаются в гигантские «уолдо», готовые схватить Рэмбо.

Гигантские «уолдо» внезапно бессильно повисают.

Рэмбо наседает, Рэмбо наваливается, Рэмбо вцепляется в горло.

Грэмпс Шнайдер произносит в самое ухо спокойным и сильным голосом: «Сынок, ты тянись за силой. Ты чувствуй, чувствуй ее в руках». И Уолдо хватает чужие пальцы, сдавившие горло, напрягается, силится разорвать их мертвую хватку.

И они разжимаются. Победа! Сейчас он даст как следует и навеки спровадит Рэмбо в Иномир. Ага! Одна рука уже свободна. Неистово лает Бальдур, надо крикнуть ему, чтобы замолчал, чтобы бросился на Рэмбо, чтобы помог…

Пес продолжает лаять.

* * *

Он был у себя дома, в огромном круглом помещении. Бальдур еще раз визгливо гавкнул.

— Тихо!

Уолдо огляделся по сторонам.

Примащиваясь поспать, он закрепился на четырех растяжках, расходящихся, как оси тетраэдра. Две из них по-прежнему были зацеплены за пояс, и Уолдо болтался на них внутри кольца управления. Третья оторвалась от пояса — кончик троса плавал в воздухе в нескольких футах от него. А четвертая была разорвана в двух местах, возле пояса и в нескольких футах от него; и этот кусок захлестнуло петлей на шее Уолдо.

Он обдумал случившееся. Как он ни старался, он не мог представить себе, каким образом растяжка могла лопнуть, если только не он сам оборвал ее, борясь с привидевшимся во сне кошмаром. Пес не мог это сделать, у него не было точки опоры. Значит, он, Уолдо, сделал это сам. Растяжки не были особо прочными, они лишь обеспечивали фиксацию тела. Однако…

Ему потребовалось несколько минут, чтобы заставить силомер измерять не сжатие, а растяжение, пришлось перевернуть ярмо. Закончив работу, он включил средние «уолдо», закрепил в них обрывок растяжки через динамометр и скомандовал им через задающие «уолдо» тянуть.

Для разрыва растяжки потребовалось усилие в двести двенадцать фунтов.

Он торопливо бросился переделывать динамометр обратно в силомер, из-за нервов он стал неловок и потерял уйму времени. Закончив, он секунду помедлил, потом еле слышно шепнул: «Ну, Грэмпс, пора!» — и стал сжимать рукоятку.

Двадцать фунтов… двадцать один. Двадцать пять!

Да уже за тридцать, а он даже не вспотел! Тридцать пять, сорок, сорок один, сорок два, сорок три. Сорок пять! Шесть! С половиной. Сорок семь

фунтов!

Вдохнул всей грудью и дал руке отдохнуть. У него есть сила. Сила!

Немного придя в себя, он подумал, что делать дальше. Первым порывом было позвонить Граймсу, но Уолдо подавил этот порыв. Это потом, когда он будет полностью уверен в себе.

Он переложил силомер в левую руку и сжал. Вышло похуже, чем с правой, но почти… почти сорок пять фунтов. Забавно, что никаких перемен в себе не чувствуется. Просто он обычный здоровый человек, и ничего особенного.

Захотелось попробовать и остальные мышцы. Много времени потратил, приспосабливая прибор под измерение удара ногой, под толчок, под рывок мускулами спины и прочие варианты. Вот бы поле тяготения сюда, вот что нужно попробовать — поле в одно *g*. Ну так есть же приемная, ее можно раскрутить.

Однако управляется приемная с кольца, а тащиться туда надо по длинным коридорам. Есть центрифуга поближе, та самая, на которой вертятся часы с кукушкой. Чтобы отладить ход часов, он установил на колесо регулятор скорости вращения. Вернувшись в кольцо управления, Уолдо остановил колесо; часы разладились от

внезапной перемены режима, красная птичка выскочила, выдала разок бодрое «фью-фью» и угомонилась.

Держа в руке панель радиоуправления мотором, который приводил колесо во вращение, Уолдо приблизился к колесу, устроился внутри, упершись ногами о внутреннюю поверхность обода, а свободной рукой взявшись за одну из спиц так, чтобы оказаться в стоячем положении относительно центробежной силы, едва она проявится. И медленно начал раскручивать колесо.

Сход с места застал врасплох, и Уолдо чуть не упал. Однако он удержался, приспособился, а потом поддал ходу. Пока что все хорошо. Он постепенно разгонял колесо, и радость текла по жилам от ощущения псевдогравитационного поля, от ощущения, что ноги наливаются тяжестью, *но все еще держат!*

Колесо разогналось до полного *g*. Можно было выдержать. Вправду можно! Да, разумеется, на верхнюю часть туловища действовала меньшая сила, чем на нижнюю, поскольку ось вращения находилась примерно в полуметре над головой. Дело поправимое: он медленно присел на корточки, крепко держась за спицу. Неплохо получилось.

Но колесо пошло враскачку, мотор взвыл. Опоры были рассчитаны только на часы с кукушкой и их противовесик; его несбалансированный вес на таком расстоянии от центра вращения создавал слишком большую нагрузку на опоры. Точно так же осторожно Уолдо выпрямился, чувствуя сильный *толчок* от икр и бедер. И остановил колесо.

Происходящее очень взволновало Бальдура. Пес чуть не свернул себе шею, пытаясь уследить за тем, как крутится Уолдо.

А тот все откладывал звонок Граймсу. Загорелось соорудить местное управление раскруткой приемной, чтобы иметь подходящее место для тренировок и научиться для начала стоять. А потом нужно будет освоить ходьбу; со стороны это занятие выглядело простым, но Уолдо не был уверен. Возможно, освоить этот трюк будет непросто.

После этого он планировал научить ходить Бальдура. Уолдо уже пытался посадить пса в колесо с часами, но пес отказался. Увернулся и постарался уплыть в самую дальнюю часть помещения. Ну ничего — когда зверь окажется в приемной, ему, черт побери, придется научиться ходить. Давно надо было этим заняться. Такая здо-

ровая скотина и, понимаешь, ходить не умеет!

Он представил себе раму на ножках с колесами, в которую можно было бы втиснуть пса, чтобы заставить стоять как положено. Устройство очень походило на обычные ходунки для младенцев, но Уолдо об этом не догадывался. Он ни разу в жизни не видел ходунков для младенцев.

* * *

— Дядя Гэс…

— А, Уолдо, привет! Как жизнь?

— Прекрасно. Слушайте, дядя Гэс, вы могли бы прибыть во «Фригольд»? Прямо сейчас.

Граймс покачал головой:

— Увы. Мой дилижанс в ремонте.

— Да все равно он еле тащится. Возьмите такси или попросите кого-нибудь подвезти.

— Чтобы ты его обхамил на пороге? Нетушки.

— Я буду смирен, как ягненочек.

— Постой. Как раз вчера Джимми Стивенс обмолвился, что хочет тебя видеть.

— Вот и вытащите его, — улыбнулся Уолдо. — Увижусь с ним с удовольствием.

— Попробую.

— Перезвоните мне. И давайте побыстрее.

* * *

Уолдо встретил гостей в приемной, которую оставил без раскрутки. И едва они вошли, приступил к своему спектаклю.

— Наконец-то! Рад вас видеть. Доктор Стивенс, вы не могли бы подвезти меня на Землю? Прямо сейчас. Кое-что случилось.

— Ну-у-у, пожалуй, можно.

— Поехали.

— Подожди минутку, Уолдо. Джимми ведь не сможет обращаться с тобой так, как надо.

— Придется рискнуть, дядя Гэс. Это срочно.

— Но…

— Никаких «но». Едем сию минуту.

Они затолкали в «помело» Бальдура и привязали. Граймс проследил, чтобы сиденье Уолдо было откинуто и в первом приближении походило на компенсатор перегрузки. Уолдо уселся поудобнее и закрыл глаза, чтобы отпугнуть желающих задавать вопросы. Но украдкой глянул на молчаливого Граймса — вид у того был мрачный.

Стивенс гнал чуть ли не как на рекорд, но посадил машину как можно более плавно на паркинге над домом Граймса. Старик коснулся руки Уолдо:

— Как себя чувствуешь? Сейчас кого-нибудь

кликну, и мы тебя перетащим в дом. А уж там уложим в постельку.

— Нельзя, дядя Гэс. Дело не ждет. Руку не дадите?

— То есть?

Но Уолдо потянулся за тем, о чем просил, и сам встал на ноги.

— Кажется, со мной все будет в порядке. — Он отпустил руку доктора и шагнул к двери. — Вы не отвяжете Бальдура?

— *Уолдо!*

Уолдо обернулся со счастливой улыбкой:

— Да, дядя Гэс, это правда. Я больше не слабак. *Я могу ходить.*

Граймс схватился за спинку одного из сидений и потрясенно сказал:

— Уолдо, я старый человек. Тебе не следовало проделывать со мной такие штуки.

И смахнул с глаз слезу.

— Да уж, — согласился Стивенс. — Препоганая вышла шуточка.

Уолдо, недоумевая, глянул на одного, потом на другого.

— Мне очень жаль, — смиренно сказал он. — Просто очень хотелось сделать вам сюрприз.

— Все в порядке. Пошли вниз и выпьем по рю-

машке. Там ты нам все расскажешь.

— Отлично. Бальдур, вперед!

Пес встал и зашагал следом за хозяином. Походка у него была какая-то занятная; тренажер, который соорудил Уолдо, обучил пса не собачьей трусце на четыре такта, а иноходи.

* * *

На много дней застрял Уолдо у Граймса, набираясь сил, овладевая новыми рефлексами, укрепляя вялые мышцы. Рецидивов не было, *myasthenia* исчезла. Надо было привести себя в форму — это все, что требовалось.

Граймс тут же простил ему ненужную выходку и театральное явление в добром здравии, однако настаивал, чтобы Уолдо не спешил и полностью поменял свои привычки, прежде чем рискнет выходить без сопровождения. То была мудрая предосторожность. Даже самые простые вещи могли подставить ножку. Например, лестницы. Уолдо мог ходить по ровному месту, но спуску по лестнице пришлось учиться. С подъемом вышло попроще.

В один прекрасный день явился Стивенс, забрался в дом и застал Уолдо сидящим в гостиной за просмотром какого-то зрелища по стерео.

— Привет, мистер Джонс.

— А, привет, доктор Стивенс.

Уолдо поспешно встал, нашарил обувь, застегнул молнии.

— Дядя Гэс говорит, ее надо носить и не снимать, — объяснил он. — Мол, все носят. А вы застали меня врасплох.

— Грех невелик. Дома носить обувь необязательно. Где док?

— Ушел на весь день. Правда необязательно? А мои медсестры всегда носили обувь.

— Да, все так ходят. Но никто не заставляет, и такого закона нет.

— Раз все, значит и я. Но не скажу чтобы обувь мне нравилась. Дохлая она какая-то, вроде пары отключенных «уолдо». Но научиться очень хочется.

— Чему? Как обувь носить?

— Нет. Вести себя как все люди. Это и впрямь очень трудно, — заявил Уолдо на полном серьезе.

А Стивенса как осенило, он ощутил волну сочувствия к этому человеку без прошлого и без друзей. Все тут ему в диковину, все незнакомо. Он вдруг ощутил порыв признаться в том, что вечно было на уме, когда речь заходила об Уолдо.

— Вы и впрямь теперь сильный человек?

На лице Уолдо явилась счастливая улыбка.

— И с каждым днем делаюсь все сильнее. Нынче утром показал на силомере двести фунтов. И гляньте только, сколько лишнего веса сбросил.

— А и верно, вид у вас прекрасный. Забавно, знаете, ведь я с нашей самой первой встречи молил небо, чтобы вы стали сильным, как обычный человек.

— Правда? А почему?

— Как сказать… Наверное, согласитесь, что довольно часто в разговорах со мной вы подпускали яда в свои слова. Вы постоянно выводили меня из себя. Я хотел, чтобы вы стали сильным, чтобы я смог при желании выбить из вас все дерьмо.

Уолдо тем временем расхаживал по комнате, привыкая к обуви. Заслыша эти слова, он остановился и с великим изумлением уставился на Стивенса.

— То есть вы хотели побиться со мной на кулаках?

— Точно. Вы говорили мне такие вещи, какие мужчине не следует говорить, если он не готов подкрепить их кулаками. Не будь вы тогда калекой, я бы разок разделал вас под орех. Да не разок, а больше.

Уолдо, казалось, с трудом осваивает какой-то новый подход.

— Кажется, я понял, — протянул он. — Ну раз так, то…

И с этими словами изо всех сил послал вперед увесистый кулачище. Стивенс этого, естественно, не ожидал. Удар нечаянно пришелся ему в подбородок, и он рухнул без сознания.

Пришел он в себя, сидя на стуле. Уолдо тряс его.

— Я что-нибудь не так сделал? — тревожно спросил Уолдо.

— Чем это вы меня?

— Рукой. Я что-нибудь не так сделал? Это не то, что вы хотели?

— Что я хо-о… — Искры все еще сыпались из глаз, но до него начал доходить комизм ситуации. — Слушайте, значит, по-вашему, бой начинается с этого?

— А разве нет?

Стивенс постарался объяснить Уолдо современный этикет культурного мордобоя на американский лад. Уолдо слушал, хлопал глазами и наконец кивнул.

— Ясно. Сперва надо предупредить противную сторону. Хорошо, вставайте, и начнем заново.

— Не спешите вы! Подождите минутку. Вечно вы не даете мне закончить то, что начал говорить. Я *был* зол на вас, но это в прошлом. Вот что я пытался вам сказать. Ехидина вы были жуткая, сомневаться не приходится. Но иначе вы не могли.

— Не хочу быть ехидиной, — на полном серьезе сказал Уолдо.

— Знаю, что не хотите, и вам это удается. Я сказал бы, вы теперешний мне нравитесь. Имею в виду, после того, как стали сильным.

— Вы не шутите?

— Не шучу. Но больше не практикуйте на мне такие удары.

— Не буду. Я просто вас не понял. Знаете ли, доктор Стивенс, это…

— Зовите меня просто Джим.

— Джим. Ужасно трудная штука — понять, чего от тебя в действительности ждут. В этом нет почти никакой системы. Возьмите отрыжку. Я не знал, что рыгать в присутствии других не положено. По-моему, отрыжка — естественное дело. А дядя Гэс говорит, что нет.

Стивенс попытался растолковать Уолдо насчет отрыжки — без особого успеха, поскольку выяснилось, что Уолдо почти начисто лишен даже

теоретических представлений о правилах поведения в обществе. У него не было даже книжного представления о сложности *нравов*, поскольку он почти не читал художественной литературы. Он еще в раннем детстве перестал ее читать, потому что не хватало личного опыта, который необходим, чтобы оценить по заслугам изящную словесность.

Он был богат, он был могуч, он был гений в области механики, но он все еще оставался на уровне детского сада.

Уолдо хотел это исправить:

— Джим, вы мне очень помогли. Вы объясняете такие вещи лучше, чем дядя Гэс. Давайте я найму вас в учителя.

Стивенс подавил легкий укол самолюбия:

— Прости. У меня есть работа, которая не дает мне скучать.

— Ну, это-то без проблем. Я заплачу вам больше, чем там. Скажите сами, сколько вы хотите. И по рукам.

Стивенс тяжело вздохнул:

— Вы не поняли. Я инженер и в личные помощники к вам не пойду. Вы не можете меня нанять. Я помогу всем, чем смогу, но денег с вас за это не возьму.

— А что плохого в том, чтобы брать за это деньги?

«Он же неверно ставит вопрос, — подумал Стивенс. — В такой постановке на него невозможно ответить».

Он пустился в долгие и путаные рассуждения по поводу профессиональной и деловой этики. И не слишком преуспел: Уолдо вскоре перестал понимать, о чем речь.

— Боюсь, что до меня не доходит. Но я вот о чем: вы не могли бы научить меня, как вести себя с девушками? Дядя Гэс говорит, что ему просто страшно вывести меня на какую-нибудь вечеринку.

— Ну-у-у, я попробую. Обязательно. Уолдо, но я заскочил повидаться с вами по вопросам, которые возникли у нас на централи. Касательно теории двух пространств, о которой вы мне рассказывали…

— Это не теория, это факт.

— Пускай так. Но я хочу знать вот что: когда вы рассчитываете вернуться во «Фригольд» и возобновить исследования? Нам нужна кое-какая помощь.

— Вернуться во «Фригольд»? Понятия не имею. Я не собираюсь возобновлять исследования.

— Как, вообще не собираетесь? Но, бога ради, вы даже наполовину не закончили исследований, которые наметили в разговоре со мной.

— Ребята, вы и сами можете справиться. Разумеется, я всегда помогу, проконсультирую.

— Что ж, может быть, нам удастся привлечь Грэмпса Шнайдера… — с сомнением в голосе произнес Стивенс.

— Не советую, — ответил Уолдо. — Позвольте, я вам покажу письмо, которое он мне прислал.

Вышел ненадолго и вернулся с письмом:

— Читайте.

Стивенс пробежал взглядом текст.

«…Ваше великодушное предложение об участии в проекте «Новая энергия» я ценю, но, правду сказать, у меня нет интереса к подобным вещам и такую ответственность я почел бы для себя бременем. Новость о вашем выздоровлении меня крайне обрадовала, но не удивила. Мощь Иномира принадлежит тому, кто на нее притязает…» И дальше о том же. Писано было отменным старинным каллиграфическим почерком чуть дрожащей рукой; в тексте не было и следа простонародных выражений, которые Шнайдер употреблял в разговоре.

— Н-да-а-а. Кажется, я понял, что вы имеете

в виду.

— Полагаю, он считает нашу возню со всякими гаджетами неким ребячеством, — задумчиво сказал Уолдо.

— Видимо, да. Но скажите, а *вы-то* чем собираетесь заняться?

— Я-то? Да точно еще не знаю. Одно могу сказать: повеселиться хочу. Причем повеселиться всласть. И пока только присматриваюсь, насколько это веселое дело — быть таким же человеком, как все.

* * *

Костюмер надел ему правый штиблет.

— А насчет того, как я увлекся танцами, это долгая история, — продолжал он.

— Хотелось бы поподробней.

— Из клиники звонят, — раздался в уборной чей-то голос.

— Скажите, что скоро буду. А что, если бы вы заглянули ко мне, скажем, завтра во второй половине дня? Найдется время? — обратился он к журналистке.

— Лады.

Сквозь стеснившихся вокруг репортеров и фотографов плечом прокладывал себе дорогу

какой-то человек. Уолдо поймал его взгляд.

— Привет, Стенли. Рад видеть.

— Привет, Уолдо.

Глисон вынул из-под плаща какие-то бумаги и шлепнул их на колени танцору:

— Погляди, и принесешь мне их на следующий концерт, поскольку я все равно там буду. Хочется еще раз посмотреть.

— Понравилось?

— Нет слов!

Уолдо улыбнулся и подхватил бумаги:

— Где тут подпись проставить?

— Глянул бы вперед, — предупредил Глисон.

— Да ни к чему. Что тебе хорошо, то и мне. Ручку не одолжишь?

К нему пробился озабоченный коротышка:

— Уолдо, я насчет той записи…

— Мы уже говорили об этом, — отрезал Уолдо. — Я выступаю только перед публикой в зале.

— Так мы совместим запись с бенефисом в Уорм-Спрингс.

— Это другое дело. Конечно.

— Пока суд да дело, киньте глазом на эскизик.

Образец был уменьшенный, в двадцать четвертую долю листа:

ВЕЛИКИЙ УОЛДО
со своей труппой

На месте даты и названия театра пока стояли прочерки, но была фотография Уолдо в костюме Арлекина, взмывшего высоко в воздух.

— Отлично, Сэм, отлично! — радостно кивнул Уолдо.

— Опять из клиники звонят.

— Я уже готов, — отозвался Уолдо и встал. Костюмер накинул плащ на его литые плечи. Уолдо резко свистнул:

— Бальдур! Ко мне. Пошли.

У двери на миг приостановился и помахал рукой:

— Доброй ночи, ребята!

— Доброй ночи, Уолдо.

Ну все как на подбор чудо-парни!

Неприятная профессия Джоната-на Хога[13]
Повесть

…Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки
Вольются в океан[14].

А. Ч. Суинберн

---

[13] Примечания: 13

Перевод М. Пчелинцева

[14] Примечания: 14

…Бесстрашно отгоните // Надежд самообман… — Цитата из стихотворения английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины» (перев. М. Донского).

1

— Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано на лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков:

— А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

— Нет. То есть… Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь?

— Нет, — с каким-то нажимом сказал Потбери. — Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать…

— А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

— Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

— Но… Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

— Да какого черта!

— Поищите себе другого врача, — сказал Потбери. — О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции надземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его — точно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

А уж если мишенью грубости становился он

сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием: толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду — шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал, что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

— Поосторожней, приятель, — сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

— Извините, — пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка — совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номе-

ром и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек — водитель грузовика, или механик, или монтажник — словом, представитель одной из тех квалифицированных профессий, благодаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего, добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели — лишняя кружка пива да склонность поднимать на пятицентовик, имея на руках две пары[15].

А то, что Хог позволяет себе брезгливо относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки, — это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же, исходи от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же — неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

---

[15] Примечания: 15

Имеется в виду игра в покер, где две пары — довольно удачная комбинация, хотя и не высокая, на которой можно хорошо поднять ставку.

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка — чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

— Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство — глаза, лишенные глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

— Мм… извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться — кто-то вцепился ему в талию, как оказалось — маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

— Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

— Морис!

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и

пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за другое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь свободной рукой — с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же переулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман. Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям такого вот переулка, да еще увиденным глазами Хога. Мальчишки напоминали ему крысят — злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки — ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно

написано на сморщенных личиках — сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью — как бы произвести впечатление своими столь недавно обретенными женскими прелестями; объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околачивавшиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках… Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие…

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже — помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные

экономить командировочные, а постоянно живут холостяки, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представлял собой клетку из железных прутьев, кое-как заляпанную бронзовой краской. Пол вестибюля кафельный, по углам — латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах где-то наверху. В этих номерах их и находят время от времени — качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

* * *

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо, какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «…летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

— Вы кого-нибудь ищете, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше

всего хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната, любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть не пределом мечтаний.

— Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

— С ванной или без? С ванной — пять пятьдесят, без — три с полтиной.

— С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

— Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, скучавший в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть приоткрыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

— Может, ищете кого-нибудь? — поинтересовался он. — Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

— Уматывай, — неожиданно грубо сказал он.

Похабная ухмылка исчезла с лица рассыльного.

— Как знаете, — пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустился в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, это может в любой момент повториться, да и галлюцинации — тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж ярки воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

* * *

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал оде-

ваться к ужину — несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может, надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине.

Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну так и есть — телефон.

Звонила миссис Померой-Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно еще и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решилась сама собой.

— Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душка.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь,

что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, — нельзя же, в конце концов, ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможности оказать услугу Эдит Померой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью именно к нему. Значит, она чувствовала, что, даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно, ему негде было испачкать ногти — да еще таким жутким образом — по пути к Помероям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Померой — женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С не допускающей

сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

— Возьмите, например, моего мужа — ну кем он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс, всегда словно у постели больного.

— Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

— Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

— Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же знаете, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

— Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

— Ну что ты придумываешь, Джулия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Померой повернулась к своему соседу слева.

— В этом году Джулия занялась психологией, — улыбнулась она.

Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

— А каков род занятий мистера Хога?

— Это маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

— Да нет, — вмешался Хог. — Я просто не считаю…

— Только не говорите, — остановила его эта женщина. — Я сейчас определю сама. Какое-то из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ничего ей говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые — нет. Но она продолжала:

— Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

— Ну вот, все ясно. Вы химик.

* * *

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж:

— Что за ерунда, Джулия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравирует по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств

ни в одном суде.

— Вот, полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными ногтями — уже одного этого было достаточно для расстройства.

Но Хог к тому же не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

— Так скажите, мистер Хог, я права?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» — и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть помедлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно

момент появилась у него уверенность, что это вещество — кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращаясь за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-красной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно — и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но зато спокойную комнатушку; около десяти часов он наполнил ванну довольно горячей — какая уж текла из крана — водой и лег в нее. Купание немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае, — утешал себя Хог, — если я не способен вспомнить род своих занятий, то, уж конечно, не смогу к ним вернуться. И значит,

не рискую снова обнаружить у себя под ногтями эту мерзость».

Хог вылез из ванны, вытерся, лег и, несмотря на непривычную кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени, как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, Хог уже оделся и был полон нетерпеливого желания отправиться домой. Выпив две чашки безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой — темными и грязными. Изо всех сил

старяясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого — обычное время, когда он возвращается домой вечером.

Возможно, он и забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

2

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг, конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире — это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение: нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок и пришлось брать трубку.

— Да? — спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: — Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, а занятием этим было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики, — говоря конкретно, он отрабатывал бросок дартса из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дартс воткнулся красотке прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

— Да, — снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

— А ты попробуй сказать «нет», — посоветовал ей муж.

— Заткнись и дай карандаш, — ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крюка висевший на стене блокнот.

— Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

— Не думаю, — сказала она после некоторой паузы. — В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

— Так что там?

— Звонит какой-то тип, которому просто не терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что

ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал — наплел нечто несусветное.

— Джентльмен или жлоб?

— Джентльмен.

— С деньгами?

— Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тедди. Пятнадцатое апреля на носу.

— Хорошо. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку:

— К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

— Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог. — И сунула трубку мужу.

— Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?

Выслушав Хога, Рэндалл заключил:

— Мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов, мы ведь тоже люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае, я должен… Хочу сразу предупредить вас, мистер

Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются… Ну, дайте немного подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой минут через двадцать, то есть в… э-э… восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес…

Рэндалл положил трубку на рычаг.

— Ну и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером или секретаршей?

— А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

— Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

— Женой так женой.

— И я переоденусь в платье. А ты, Мозговой Центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цацки.

— Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

— Давай тогда выложим еще трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Режи»[16].

---

[16] Примечания: 16

Сигареты «Режи» — марка так называемых турецких сигарет, с конца XIX в. выпускавшихся французской монопольной компанией «Régie» из турецкого табака.

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы послюнить палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

* * *

— Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог… миссис Рэндалл.

— Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостоверившись, что тот не вооружен или, если вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

— Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя — не грубо, спокойно, но в то же время внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И уж во всяком случае, не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что впору называть его краватом, и притом скромный что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синтии. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

— Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл, — сказал он в конце концов. — Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

— О… о да. Да, конечно. — Не поднимаясь с кресла, Хог поклонился всем корпусом, от талии. — Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

— Ну так что, мистер Хог, — сказал наконец Рэндалл, утомившись игрой в молчанку, — вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

— Н-ну, да.

— Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

— Да, конечно. Это… То есть… Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

— Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

— Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

— Чего?

— Не знаю, — быстро ответил Хог и добавил, судорожно переведя дыхание: — Мне нужно, чтобы вы это узнали.

— Подождите немного, мистер Хог, — недоуменно остановил его Рэндалл. — Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то, и хотите, чтобы я выяснил, чего именно вы боитесь. Но ведь я не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

— Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем, — выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

— Так, значит, вы хотите, чтобы я узнал, чем вы занимаетесь днем?

— Да. Да, именно так.

— Мм. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

— Я не могу этого рассказать.

— Почему?

— Потому, что не знаю.

Рэндалла начало охватывать раздражение.

— Мистер Хог, — сказал он. — За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем и как это связано с вашим делом? И вообще, в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

— Я так и знал, что не смогу ничего объяснить, — сказал он убитым голосом, скорее самому себе, чем Рэндаллу. — Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я…

— Подождите, мистер Хог, — впервые вмешалась Синтия Крэг-Рэндалл. — Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы

имеете в виду, если я верно понимаю, что самым буквальным образом не знаете, чем именно занимаетесь в дневное время?

— Да, — благодарно повернулся к ней Хог. — Да, именно так.

— И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

— Да, — энергично кивнул головой Хог. — Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а затем опять на Хога.

— Давайте сформулируем все поточнее, — медленно сказал он. — Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

— Я… я не знаю.

— Хорошо, ну а что же вы знаете?

* * *

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дубьюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия — но эта болезнь больше его не

беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

— Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом — не только в буквальном смысле слова, но даже в мыслях.

— Видите ли, — объяснил Хог, — они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал — мне это очень хорошо запомнилось, — что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

— Хм. И похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

— Не знаю, просто не знаю.

— Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

— Да, согласуется, — кивнула Синтия. — Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни — и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только странная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология — это по ее части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее вполне приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания — этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное — она всегда права.

— Но у меня есть еще один вопрос, — добавил он. — Целых пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

— И я боюсь, — закончил он несчастным голосом. — Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это нечто худшее.

— Почему? — недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облизал губы.

— Потому, что…

Он беспомощно смолк.

— Но ведь вы поможете мне?

Рэндалл встал.

— Это не по моей части, — сказал он. — Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

— Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

— Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру…

— Нет, ни в коем случае.

— …Но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.

— Не нравится мне это, — повернулся к жене Рэндалл. — Мы ему не нужны.

— Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и начал отсчитывать купюры.

— У меня тут только пять сотен, — озабоченно посмотрел он на Рэндалла. — Хватит этого?

— Сойдет, — ответила вместо мужа Синтия.

— В качестве задатка, — уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман. — А кстати, — добавил он, — если вы не знаете, чем занимаетесь на работе и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан без нажима, словно между прочим.

— О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

— Какие красивые фантики, — сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры. — Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лез, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

— Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

— Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

— Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась:

— Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас

с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и на сколько ты поверил этой истории?

— Ни на грош.

— Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюгавый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

— Не знаю, но намерен выяснить.

— Ты что, собираешься сам за ним следить?

— А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

— Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег, — Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр, — за удовольствие поводить тебя за нос?

— Вот это я и узнаю.

— Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

— Союз… а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

— А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня ужас.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал

распылителем. Он поднял на нее глаза.

— Син…

— Да, Мозговой Центр?

— Ты не трогала это кресло?

— Конечно нет. Я только протерла его ручки перед приходом этого типа — все как обычно.

— Я не про это, я про после его ухода. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

— Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, как посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

— Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно-гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

— Наверное, он до них не дотрагивался… Да нет же, дотрагивался. Я сама это видела. Сказав «но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

— Может, коллодий?

— Не говори глупостей. Тут же вообще ни пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

— Не думаю. Я должен был бы заметить. Чело-

век Без Отпечатков Пальцев. Давай будем считать его призраком и забудем о нем.

— Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

— Нет, не платят. По крайней мере, я о таком не слыхал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

— Мне нужна медицинская служба Дубьюка, э-э…

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену:

— Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дубьюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

— Всё один к одному, — объявил Рэндалл. — В Дубьюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и, скорее всего, никогда не будет. Ну и доктора Рено, естественно, тоже нет.

3

— Вон он!

Синтия Крэг-Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем. Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

— Сам вижу, — тихо ответил он. — Возьми себя в руки. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут — не суетиться.

— Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

— Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готем-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька парадного входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки — своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное

на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью, Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза — того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке, — приглядывая за мужем и Хогом. Таксист стал посматривать на свою пассажирку с явным любопытством.

— А вы бегаете за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

— Нет, мадам. Я человек семейный.

— А вот мой муж бегает, — бесстыдно соврала она полным горечи голосом. — Возьмите.

Тот самый четвертак перешел наконец в руки таксиста.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась в ожидании перед витриной какого-то магазина. К своему крайнему удивлению, она увидела, как Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Было далеко, и слов она не расслышала.

Синтия замялась в нерешительности — под-

ходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности. Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было, Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть: лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него не первой, не последней, а в толпе. Этаж называть она не стала, а подождала, пока выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

— Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

— Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

— Только быстро, — сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

— В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

— Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

— Не знаю, — покачал головой лифтер. — Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

— Думайте. Скорее всего, они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

— Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке появись тут хоть леди Годива

вместе со своей кобылой[17], я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

— Вниз. — Синтия сунула ему одну из бумажек. — И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

* * *

Теперь оставалось только одно: занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась как маленькая на самый старый из способов избавления от хвоста. Гордо именовать себя сыщицей и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голову, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

---

[17] Примечания: 17

Леди Годива — жена Леофрика, графа Мерсии, лорда Ковентри, который в 1040 г. якобы обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился — при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие — причем, как утверждает записанная в XIII в. Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь заслышав стук копыт, опускали взгляд.

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все так же стоя, неторопливо ее выпила. Она как раз думала, сможет ли — из соображений маскировки — поглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней и не заговорил, поэтому Синтия продолжала наблюдение. Хога нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой нескольких человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не садился, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом с ним жену.

— Син! Я уже думал, что потерял тебя.

— Почти так оно и было, — призналась она. —

Но ты расскажи, как там дела?

— Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретарской службы.

— Были звонки? — спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: — О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить.

Положив трубку, он повернулся к жене.

— Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

— Ты выяснил, чем он там занимается?

— Конечно.

— Ну и чем же?

— А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

— А по соплям не хочешь?

— Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизнь не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром — шлифует драгоценные камни. И ты

знаешь, что это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

— Ну?

— Ровно ничего страшного, да и вообще интересного. Красная полировочная паста. А он, со своим больным воображением, решил, что это засохшая кровь. Вот так мы и отхватили полкуска.

— Мм. Похоже, что так и есть. А работает он, как я понимаю, где-то в этом корпусе «Акме».

— Комната тысяча триста десять. Или, скорее, кабинет тысяча триста десять. А ты почему отстала?

Синтия немного замялась. Ей не хотелось сознаваться в своей неловкости, однако привычка — они с мужем всегда и все говорили друг другу прямо — оказалась сильнее.

— Я немного растерялась, когда Хог заговорил с тобой у входа в «Акме», и пропустила ваш лифт.

— Ясненько. Ну что ж, я… Погоди! Что это ты такое мелешь? Хог заговорил со мной?

— Ну да.

— Но он же со мной не говорил. Он меня даже не видел. О чем это ты?

— О чем это я? О чем это ты! Буквально за минуту до того, как вы с ним вошли в здание, Хог остановился, обернулся и заговорил с тобой. Вы

стояли там и трепались, что несколько сбило меня с толку. А затем вы с ним вошли в вестибюль, чуть ли не под ручку.

Несколько секунд, показавшихся Синтии очень долгими, Рэндалл сидел, молчал и как-то странно смотрел на нее. В конце концов она не выдержала:

— Ну что ты уставился на меня, словно недоумок какой. Что там случилось?

— А теперь, Син, — медленно заговорил Рэндалл, — послушай, как все было. Я вышел из автобуса после Хога и проследовал за ним в вестибюль «Акме». В лифт я вошел по старой методике — дыша ему прямо в затылок, а затем, когда он повернулся к двери кабины, быстро передвинулся и снова встал у него за спиной. Когда Хог вышел, я немного задержался в дверях, то ли выходя, то ли нет и задавая лифтеру дурацкие вопросы, Хог тем временем отошел на приличное расстояние. Когда я свернул за угол коридора, он как раз исчезал в двери тысяча триста десять. Он ни разу не заговорил со мной, он даже ни разу не видел моего лица — я в том абсолютно уверен.

Синтия заметно побледнела, но сказала только:

— Валяй дальше.

— Когда туда входишь, там справа длинная такая стеклянная перегородка, а изнутри впритык к ней стоят верстаки, или рабочие столы, или как их еще там. Можешь смотреть через стекло и наблюдать за работой ювелиров — хорошо придумано, отличная реклама. Хог нырнул направо и к тому времени, как я пошел по проходу, оказался уже по ту сторону стекла, без пиджака, в рабочем халате и с этой самой увеличительной хреновиной в глазу. Я прошел мимо — он так и не поднял глаза — к столу дежурного и попросил вызвать управляющего. Через какое-то время появился щуплый тип, нахохленный, как воробушек, и я спросил, работает ли здесь некий Джонатан Хог. Управляющий сказал «да» и спросил, не хочу ли я с ним поговорить. Я ответил, что нет необходимости, я всего лишь следователь страховой компании. Он захотел узнать, в чем дело, нет ли каких неприятностей, но я его успокоил, объяснил, что Хог хочет застраховать свою жизнь, а нам надо знать, как долго он здесь работает. Пять лет, сказал управляющий и добавил, что Хог у них — один из самых надежных и умелых работников. Я сказал, вот и прекрасно, и поинтересовался, потянет ли Хог страховой полис на десять тысяч. Он ответил «конечно» и сообщил, что они всегда

рады, когда их работники вкладывают деньги в такое надежное дело, как страховой полис. Так я, собственно, и думал, когда вешал ему всю эту лапшу… По пути к двери я остановился напротив стола Хога и посмотрел на него через стекло. Через некоторое время он поднял голову, взглянул на меня и вернулся к своей работе. Я уверен, что он меня не узнал: на его лице ничего не отразилось. Клинический случай полной шазо, шизо… как это произносится?

— Шизофрения. Полное расщепление личности. Но послушай, Тедди…

— Да?

— И все-таки ты говорил с ним. Я же видела собственными глазами.

— Тише, киска, тише, не кипятись. Ты просто считаешь, что видела, а в действительности смотрела на каких-то совершенно других мужиков. А как далеко ты стояла?

— Не настолько далеко. Я была перед обувным магазином Бичема, после него идет ресторан «У Луи», а там и вход в «Акме». Ты стоял спиной к газетному киоску, лицом практически ко мне. Хог был ко мне спиной, но ошибиться было невозможно: когда вы с ним повернулись и направились в «Акме», я увидела его в профиль.

На лице Рэндалла выразилось отчаяние.

— Да не говорил я с ним. И шел не вместе с ним, а сзади, незаметно.

— Знаете, Эдвард Рэндалл, не надо мне рассказывать сказки. Верно, я потеряла вас с Хогом, но это еще не дает вам права измываться надо мной и выставлять меня дурочкой.

Рэндалл был женат слишком давно и удачно, чтобы не обращать внимания на явные признаки опасности. Он встал, подошел к Синтии и обнял ее за плечи.

— Слушай, маленькая, — голос его звучал ласково и серьезно. — Я не устраиваю никаких шуток. Что-то у нас здесь перепуталось, но я рассказываю тебе все совершенно прямо, так, как я это помню.

Синтия всмотрелась в глаза Рэндаллу, а затем неожиданно чмокнула его.

— Ну ладно. Мы оба правы, хотя это и невозможно. Пошли.

— Пошли? Куда?

— На место преступления. Если не разобраться в этой истории, я, пожалуй, никогда больше не сумею заснуть.

* * *

Здание «Акме» оказалось, слава тебе господи, на том же месте, что и раньше. Равно как и обувной магазин, и ресторан «У Луи», и газетный киоск. Рэндалл встал на то место, где утром стояла его жена, и согласился, что с такого расстояния ошибиться можно было только в мертвецки пьяном виде. Однако он был по-прежнему уверен и в своей версии.

— А ты не опрокинула, случаем, по дороге пару стопарей? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ни в коем разе.

— Ну и что же будем теперь делать?

— Не знаю. Да нет, слушай, я придумала! Ведь мы же покончили с Хогом. Ты его выследил, а больше ничего не требовалось.

— Ну да… а что?

— Проводи меня туда, где он работает. Я хочу спросить у его дневной личности, говорил он с тобой, выйдя из автобуса, или нет.

Рэндалл пожал плечами.

— Хорошо, лапа. Делай как знаешь.

Зайдя в вестибюль, они направились к свободному лифту. Щелкнул стартер, лифтер захлопнул двери и провозгласил свое обычное: «Этажи,

пожалуйста».

Шестой, третий и девятый. Рэндалл подождал, пока обслужат других пассажиров, и только потом сказал: «Тринадцатый».

Лифтер недоуменно обернулся.

— Могу отвезти тебя, парень, на двенадцатый и на четырнадцатый, а пополам дели их сам.

— Чего?

— Нету у нас тринадцатого. А если бы был — никто не стал бы снимать там помещение.

— Что-то ты ошибаешься. Я был на тринадцатом сегодня утром.

По взгляду, которым лифтер одарил Рэндалла, было видно, что он с трудом сдерживается.

— Смотрите сами.

Секунда быстрого подъема, затем остановка.

— Двенадцатый.

Дальше кабина пошла медленнее. Число 12 уползло из поля зрения, а затем сменилось другим.

— Четырнадцатый. Ну и какой выберете?

— Извините, — несколько неуверенно выговорил Рэндалл. — Какая-то глупая ошибка. Я действительно был здесь утром и думал, что запомнил этаж.

— А может, восемнадцатый? — попытался

прийти ему на помощь лифтер. — Восьмерку часто путают с тройкой. А кого вы ищете?

— «Детеридж и компания», это ювелирная фирма.

— Только не в нашем корпусе, — покачал головой лифтер. — Здесь нет никаких ювелиров и никаких Детериджей.

— Вы уверены?

Вместо ответа лифтер опустил кабину на десятый этаж.

— Попробуйте узнать в десять ноль-один. Там администрация корпуса.

Нет, у них нет съемщиков по фамилии Детеридж. Нет, у них нет ни ювелиров, ни даже торговцев ювелирными изделиями. Возможно, джентльмен перепутал и ему нужен корпус «Апекс», а не «Акме»? Рэндалл поблагодарил администратора и удалился, порядком ошарашенный.

* * *

Все это время Синтия хранила полное молчание. Теперь она заговорила:

— Слушай, Тедди…

— Да? Что тебе?

— Мы можем подняться на самый верх и обсле-

довать все здание, этаж за этажом.

— Чего ради? Будь здесь эта фирма, в конторе здания знали бы об этом.

— А может, они знают, но не говорят. Во всей этой истории есть что-то очень сомнительное. В таком здании можно спрятать целый этаж, замаскировав его дверь под гладкую стену.

— Да нет, глупости. Просто у меня поехала крыша, вот и все. Отвела бы ты меня к психиатру.

— Никакие это не глупости, и головой ты пока не повредился. Чем отсчитывается высота в лифте? Этажами. Замаскируй этаж, чтобы его не было видно, и никто не догадается, что он вообще существует. Возможно, мы вышли на что-то очень крупное.

Синтия и сама не больно-то верила своим доводам, но понимала, что ее мужу необходимо сейчас чем-нибудь заняться.

Рэндалл начал было спорить, но затем сдержался.

— А как же лестницы? Уж с лестницы-то этаж не пропустишь.

— Не знаю, может, и с лестницами устроен какой-нибудь фокус. Вот мы и постараемся это выяснить. Пошли.

Однако никаких фокусов не было и в помине.

Между двенадцатым и четырнадцатым этажами они насчитали восемнадцать ступенек — ровно столько же, как и между любыми двумя соседними этажами. Они прошли все здание сверху донизу и прочитали надпись на матовом стекле каждой двери. На это потребовалось довольно много времени. Синтия наотрез отвергла предложенный мужем вариант — разделиться и каждому осматривать по половине этажа. Она не хотела ни на секунду терять его из виду.

И нигде ни тринадцатого этажа, ни двери с надписью «Детеридж и компания». И никаких ювелирных фирм, хотя бы и с другим названием. Даже простое чтение названий фирм на дверях требовало уйму времени; чтобы зайти под тем или иным предлогом в каждую фирму, не хватило бы и суток.

Рэндалл смотрел на дверь с надписью «Прайд, Гринвей, Гамильтон, Стейнболт, Картер и Гринвей, адвокаты».

— За это время, — задумчиво сказал он, — надпись на двери могли и поменять.

— Только уж не на этой, — указала на адвокатскую контору Синтия. — Да и вообще, если это было декорацией, они могли изменить все подчистую, до неузнаваемости.

Однако, невзирая на уверенный тон, она с растущим сомнением смотрела на невинно выглядевшую надпись. При всей своей доступности административное здание — место удивительно скрытное. Звукоизолирующие стены, плотные жалюзи и ничего не говорящие названия фирм. В таком месте может произойти что угодно, в самом буквальном смысле что угодно. И никто не узнает. И никто не поинтересуется. Никто даже ничего и не заметит. Никаких полицейских, обходящих свой участок; соседи, расстояние до которых — толщина стенки, могли бы с тем же успехом находиться на Луне, даже уборщица не зайдет, если съемщик этого не хочет. Администрация заинтересуется арендатором в одном-единственном случае: если тот не внесет арендную плату в срок. Можете совершать любые преступления по своему вкусу и набивать шкафы широким ассортиментом трупов.

Синтия зябко поежилась.

— Пошли дальше, Тедди. Надо спешить.

Осмотрев остаток здания быстро, как только могли, они вернулись в вестибюль. Вид человеческих лиц и солнечный свет несколько успокоили Синтию, хотя загадочной фирмы так нигде и не было. Остановившись на ступеньке, Рэндалл

растерянно огляделся.

— Как ты думаешь, а может, мы и вправду были в другом здании? — спросил он с сомнением в голосе.

— Ни в коем разе. Видишь этот табачный киоск? Я знаю каждое мушиное пятнышко на его витрине.

— Тогда где же решение?

— Решением будет ланч. Пошли.

— Хорошо, только я, пожалуй, перейду на жидкую диету.

Синтия кое-как заставила мужа закусить третий бокал «виски-сауэр» тарелкой гуляша из говяжьей тушенки. Выпив в довершение две чашки кофе, он оказался трезвым как стеклышко и еще более несчастным, чем прежде.

— Син…

— Да, Тедди?

— Так что же это со мной случилось?

— Я думаю, — медленно ответила Синтия, — что мы стали жертвами великолепного, высокопрофессионального гипноза.

— Вот и я так думаю теперь. Или это, или у меня и вправду крыша поехала. Так что пусть будет гипноз. Хотелось бы только знать: для чего это все?

Синтия рассеянно водила вилкой по тарелке.

— А вот я не уверена, что мне хочется знать. Знаешь, Тедди, что мне хочется сделать?

— Что?

— Отослать мистеру Хогу эти пять сотен с запиской, что мы не можем ему помочь и поэтому возвращаем деньги.

Рэндалл явно был поражен.

— Вернуть? Деньги? Силы небесные!

По лицу Синтии можно было подумать, что ее поймали на совершенно непристойном предложении, однако она не отступала.

— Знаю, знаю. И все равно мне хотелось бы так сделать. Мы можем заработать на хлеб бракоразводными делами и поисками беглых должников, так что совсем не обязательно связываться с сомнительными историями.

— Ты рассуждаешь так, словно пять сотен — это ерунда, вроде чаевых официанту.

— Нет, я так не рассуждаю. Просто мне кажется, что не стоит рисковать шеей или здравым рассудком даже ради такой суммы. Слушай, Тедди, кто-то изо всех сил старается загнать нас в угол. Прежде всего я хочу узнать, зачем ему это.

— Вот и я хочу узнать зачем. Именно поэтому мне и не хочется бросать это дело. Какого черта,

я не привык, чтобы со мной играли такие шутки. Мне это не нравится.

— Что ты скажешь мистеру Хогу?

Рэндалл поворошил рукой волосы, и без того, впрочем, взъерошенные.

— Не знаю. Может, ты с ним поговоришь? Наплети там чего-нибудь.

— Прекрасная мысль. Просто великолепная мысль. Я скажу, что ты сломал ногу, но к завтрашнему дню обязательно поправишься.

— Не надо так, Син. Я же знаю, что ты справишься.

— Хорошо. Только ты обещай мне одну вещь.

— Какую вещь?

— Во время этого расследования мы все и всегда делаем вместе.

— Так мы же всегда так.

— Я имею в виду буквально вместе. Я не хочу терять тебя из виду ни на секунду.

— Послушай, Син, это же может оказаться неудобным.

— Обещай.

— Хорошо, хорошо. Обещаю.

— Вот так-то лучше.

Теперь Синтия немного успокоилась и выглядела почти умиротворенной.

— Не вернуться ли нам в контору?

— Ну ее к черту. Пошли лучше в кино, на тройной сеанс.

— Согласна, Мозговой Центр. — Она взяла перчатки и сумочку.

* * *

Фильмы не доставили Рэндаллу удовольствия, а ведь программа состояла из сплошных вестернов, предмета нежной его любви. Но сейчас отважный герой казался таким же бандитом, как и главный злодей, а таинственные всадники в масках не вызывали приступа энтузиазма, а просто пугали. Из головы не шел тринадцатый этаж здания «Акме», длинная стеклянная перегородка и склонившиеся над своим трудом мастера, маленький иссохший управляющий «Детериджа и компании». Кой бес — неужели можно загипнотизировать человека так, что он во все поверит и будет вспоминать такие подробности?

Синтия почти не смотрела на экран. Все ее внимание занимали окружающие. Она поймала себя на том, что осторожно изучает их лица каждый раз, когда в зале зажигается свет. Если, даже развлекаясь, эти люди выглядят подобным образом, на что же они похожи в несчастье? В

лучшем случае на лицах читалась героическая решимость ни на что не жаловаться, исключений почти не было. Неудовлетворенность, зловещие следы перенесенной физической боли, одиночество, разочарование, тупая озлобленность — всего этого было в достатке, и очень, очень редко мелькали веселые лица. Даже Тедди, одним из главных достоинств которого была неискоренимая жизнерадостность, выглядел крайне кисло, и, надо признать, не без причин. Интересно, а какие причины сделали несчастными всех остальных?

Синтия вспомнила картину — она где-то ее видела, — называвшуюся «Подземка». Художник изобразил дверь вагона подземки и толпу, вываливающуюся на перрон. Одновременно другая толпа пытается прорваться внутрь вагона. Было видно, что все они — и входящие, и выходящие — очень спешат, но удовольствия от этого не получают. Красота отсутствовала в картине напрочь, было ясно, что единственная цель, двигавшая кистью художника, — едкая критика современного образа жизни.

Синтия почувствовала большое облегчение, когда фильмы окончились и они с Рэндаллом сменили тесноту зала на относительную свободу улицы. Рэндалл остановил такси и дал шоферу

свой адрес.

— Тедди…

— Да?

— Ты не обратил внимания, какие были лица у людей, сидевших в кино?

— Да нет, я как-то не смотрел. А что?

— Ни про одного из этих людей не скажешь, что жизнь доставляет ему удовольствие.

— А может, она и не доставляет ему удовольствия.

— Но почему не доставляет? Слушай, ведь мы-то живем весело?

— Это уж точно.

— Мы всегда жили весело. Даже когда у нас не было ни цента и мы только пытались организовать свое дело — даже и тогда нам было весело. Мы ложились в постель улыбаясь и вставали счастливыми. У нас с тобой и до сих пор так. В чем тут дело?

Рэндалл улыбнулся, в первый раз после неудачных розысков тринадцатого этажа, и ущипнул жену.

— А дело в том, лапа, что мне весело с тобой.

— Благодарствую. И вам того же самого по тому же месту. Знаешь, когда я была маленькой, у меня появилась странная мысль.

— Чего ты замолчала? Колись.

— У меня самой было счастья — целый вагон. Но вот я стала подрастать и замечать, что у мамы его нет. И у папы тоже. Мои учителя, да и почти все окружающие взрослые, — все они не были счастливыми. Вот мне и влезло в голову, что я тоже вырасту и узнаю что-то такое, после чего никогда больше не буду счастливой. Ты же знаешь, как принято говорить с детьми: «Ты еще маленькая и ничего не понимаешь», или: «Вот подрастешь, тогда и поймешь». Я задавалась вопросом, что же это за секрет такой они от меня скрывают; иногда я подслушивала за дверью и пыталась это выяснить.

— Прирожденный сыщик.

— Чушь. Но я отлично видела: в чем бы там ни состоял этот секрет, он не дает взрослым счастья, наоборот, он делает их печальными. Вот я и стала молиться, чтобы никогда не узнать этого секрета. — Синтия слегка пожала плечами. — Наверное, я так его и не узнала.

— И я тоже, — хмыкнул Рэндалл. — Я — профессиональный Питер Пэн. И это ничуть не хуже, чем иметь здравый смысл.

— А ты не смейся, Тедди.

Маленькая, обтянутая перчаткой рука легла на

запястье Рэндалла.

— Вот это и пугает меня в истории с Хогом: я боюсь, что, продолжая ею заниматься, мы и вправду узнаем то, что знают взрослые. И навсегда перестанем смеяться.

Рэндалл хотел рассмеяться, но затем повернулся к жене и пристально на нее посмотрел.

— Ты это что, серьезно? — Кончиками пальцев он слегка приподнял ее подбородок. — Тебе все-таки нужно хоть чуть повзрослеть. А обоим нам нужен ужин — и хорошая выпивка.

4

После ужина, едва Синтия начала собираться с мыслями, что же в самом деле сказать мистеру Хогу, как эти нелегкие раздумья прервал входной звонок. Подойдя к двери, она взяла трубку домофона.

— Да?

Буквально через долю секунды она повернулась к мужу и беззвучно, одними губами проговорила:

— Это мистер Хог.

Брови Рэндалла приподнялись. Предостерегающим жестом приложив палец к губам, он с преувеличенной осторожностью, на цыпочках, двинулся к спальне.

Синтия понимающе кивнула.

— Секунду, пожалуйста. Вот так, так вроде лучше. У нас тут что-то аппарат барахлит. Кто это, повторите, пожалуйста. А… мистер Хог. Заходите, мистер Хог.

Нажав на кнопку электрического замка, она открыла дверь подъезда.

Было видно, что Хог чем-то очень возбужден. Прямо с порога он начал быстро, нервно сыпать

словами:

— Хотелось бы надеяться, что вы не сочтете мое вторжение бестактным, но я попал в такую неприятную ситуацию, что просто не мог ждать вашего сообщения.

Сесть Синтия ему не предложила.

— К сожалению, я должна вас разочаровать.

В ее приветливом голосе слышались нотки искреннего сочувствия.

— Мистер Рэндалл еще не вернулся.

— О!

Огорченный Хог выглядел настолько жалким, что на мгновение Синтия и вправду почувствовала к нему симпатию, однако, вспомнив, через что прошел сегодня ее муж, она снова заледенела.

— А вы не знаете, — продолжал непрошеный гость, — когда он будет дома?

— Трудно сказать. Жена детектива, мистер Хог, быстро отвыкает смотреть на часы и ждать мужа.

— Да, понимаю. Ну что, тогда, пожалуй, я не стану больше обременять вас своим присутствием. Но мне очень нужно с ним поговорить.

— Я передам ему. А вы хотели сообщить что-нибудь конкретное? Какие-нибудь новые данные?

— Нет.

Было видно, что Хог в нерешительности.

— Пожалуй, нет… Все это выглядит исключительно глупо!

— Что выглядит глупо, мистер Хог?

— Да как вам сказать… — Хог с надеждой посмотрел ей в глаза. — Миссис Рэндалл, а вот вы верите в одержимость?

— Одержимость?

— Одержимость человеческих душ — дьяволом.

— Знаете, я как-то об этом никогда не задумывалась.

Сейчас Синтия отвечала осторожно, тщательно подбирая слова. Интересно, слышит ли все это Тедди? И как быстро прибежит он на крик?

Путающимися пальцами Хог делал что-то непонятное со своей рубашкой. Вот он расстегнул верхнюю пуговицу, пахнуло чем-то едким, неприятным, затем в руках у него оказалось что-то странное, что-то висевшее под рубашкой на шнурке.

Только сделав над собой большое усилие, Синтия вгляделась в непонятную вещь и поняла, к величайшему своему облегчению, что это просто ожерелье из головок чеснока.

— Зачем вы это носите?

— Очень глупо, правда? — обреченно признал Хог. — Никогда бы не поверил, что поддамся таким дурацким суевериям, но сейчас это как-то успокаивает. У меня появилось совершенно жуткое ощущение, что за мной следят…

— Естественно. Ведь мы… то есть мистер Рэндалл следил за вами по вашей же просьбе…

— Я не про это. Человек в зеркале…

Хог не закончил фразу.

— Человек в зеркале?

— Понимаете, когда смотришь в зеркало, отражение всегда смотрит на тебя, но это естественно и ничуть не беспокоит. А тут — нечто совсем иное, неприятное, словно кто-то пытается добраться до меня и только ждет удобного случая. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим? — несколько неожиданно закончил он.

Синтия слушала гостя вполуха, ее внимание привлекла рука, сжимавшая чесночное ожерелье. Кончики пальцев Хога были испещрены дугами, петлями и завитками точно так же, как и у любого другого человека, и никакого коллодия на них нет, это уж точно. Неплохо бы получить отпечатки пальцев странного клиента.

— Нет, я не считаю вас сумасшедшим.

Сейчас ее голос звучал успокаивающе, словно

при разговоре с капризным ребенком.

— Только вы слишком много тревожитесь. Расслабьтесь, успокойтесь. Вы не хотели бы что-нибудь выпить?

— Стакан воды, если это вас не затруднит.

* * *

Хоть вода, хоть виски, главное — стакан. Выйдя на кухню, Синтия взяла с полки высокий стакан с гладкой, без каких-либо узоров, поверхностью. Аккуратно протерев стакан, она с той же аккуратностью — чтобы не замочить стенки снаружи — налила в него воду, положила лед и отнесла гостю, осторожно держа за донышко.

Однако замыслу ее не суждено было осуществиться. Хог стоял перед зеркалом, судя по всему поправляя галстук и вообще приводя себя в порядок после возвращения на место чесночного ожерелья. Когда гость повернулся к вошедшей в комнату хозяйке дома, оказалось, что он — намеренно или ненамеренно — уже надел перчатки.

В надежде, что он снова их снимет, Синтия предложила Хогу присесть, но тот вежливо отказался.

— Нет, нет, я и так отнял у вас слишком много времени.

Выпив полстакана воды, он поблагодарил ее, попрощался и удалился.

— Ушел он? — появился в двери Рэндалл.

— Да, ушел, — повернулась Синтия. — Знаешь, Тедди, делал бы ты сам свою грязную работу. У меня от него мурашки по всему телу. Я же чуть не заорала, хотела уже звать тебя на помощь.

— Спокойнее, мать, спокойнее.

— Все это очень хорошо, но только лучше бы нам никогда его не видеть.

Подойдя к окну, Синтия распахнула его настежь.

— Слишком поздно, мы уже влезли в это дело с головой.

Глаза Рэндалла остановились на стакане.

— Слушай, ты что, взяла его отпечатки?

— Ничего не вышло, наверное, он прочитал мои мысли.

— Жаль.

— Ну и что же ты намерен делать дальше?

— Есть у меня одна мысль, но надо еще подумать. А что это он такое наплел про чертей и человека в зеркале, который за ним следит?

— Он говорил совсем не так.

— Наверное, я и есть тот самый человек. Сегодня утром я следил за ним при помощи зеркала.

— Он говорил не буквально, а в переносном смысле. Психует он, дергается.

Синтия резко повернулась, ей почудилось сзади какое-то движение. Однако там все было спокойно: мебель, стена — и больше ничего. Наверное, просто отражение в зеркале.

— Вот и я начинаю дергаться, — добавила она. — А что касается чертей, то какие мне еще черти после него самого. Знаешь, чего бы я хотела?

— Чего?

— Хорошую дозу чего-нибудь покрепче и лечь пораньше.

— Мысль здравая.

Выйдя на кухню, Рэндалл начал смешивать заказанное женой лекарство.

— А бутерброд надо?

* * *

Когда Рэндалл пришел в себя, он обнаружил, что стоит, одетый в пижаму, в гостиной перед висящим рядом с входной дверью зеркалом. Его отражение — нет, какое там отражение, изображение в зеркале было вполне пристойно облачено в несколько консервативного вида костюм, приличествующий серьезному деловому

человеку, — изображение обратилось к нему:

— Эдвард Рэндалл.

— А?

— Эдвард Рэндалл, вас вызывают. Вот, возьмитесь за мою руку. Пододвиньте стул, тогда пролезть будет совсем легко, сами увидите.

Почему-то такой способ действий показался вполне естественным, более того — единственно возможным. Рэндалл поставил перед зеркалом стул, взял предложенную ему руку и пролез сквозь зеркало. На другой стороне под зеркалом оказалась раковина, с ее помощью Рэндалл легко опустился на пол. Он и его спутник находились в маленькой, выложенной белым кафелем туалетной комнате — такие часто встречаются в конторах.

— Быстрее, — поторопил его спутник. — Все остальные уже собрались.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Фиппс, — слегка поклонился Рэндаллу его компаньон. — Сюда, пожалуйста.

Открыв дверь туалета, он несильно подтолкнул Рэндалла. Зал, в котором они оказались, явно предназначался для заседаний совета некой фирмы. В настоящий момент как раз и происходило одно из таких заседаний: за длинным столом

сидело около дюжины человек. Все эти люди смотрели на Рэндалла.

— Алле-гоп, мистер Рэндалл!

Еще один толчок — на этот раз не такой уж нежный, — и он сидит в самом центре полированного стола. Сквозь тонкую ткань пижамы явственно ощущался холод гладкой, жесткой столешницы.

Не в силах совладать с охватившим его ознобом, Рэндалл покрепче закутался в пижамную куртку.

— Кончайте эти штучки, — сказал он. — Дайте мне слезть отсюда.

Попытавшись встать, он сразу убедился, что не способен даже на такое несложное действие.

Сзади кто-то невидимый коротко хохотнул.

— Не слишком-то он упитан, — сказал кто-то издевательским голосом.

— Для данного дела это не важно, — ответил другой голос.

Рэндалл начал узнавать ситуацию. Без штанов на Мичиганском бульваре — так, кажется, это было в последний раз. А сколько раз он попадал в детство, в школу, и не только в раздетом виде, но еще и с неприготовленными уроками. А для полного комплекта — безнадежно опаздывал к началу занятий. Ну что ж, тогда понятно, что

надо делать: закрыть глаза, натянуть на себя одеяло, а потом проснуться в уюте и безопасности собственной постели. Он закрыл глаза.

— Прятаться бессмысленно, мистер Рэндалл. Все равно мы вас видим, так что напрасная трата времени.

Рэндалл открыл глаза.

— Что вы тут придумали? — спросил он с яростью в голосе. — Где я? Зачем вы меня сюда притащили? Что тут происходит?

* * *

Заседание возглавлял сидевший напротив Рэндалла человек весьма внушительной внешности. Его высокий — не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров — рост дополнялся широкими плечами и крепким телосложением. Толстый слой жира обильно облегал этот огромный костяк. Однако кисти рук его были тонкими, изящными и великолепно ухоженными, а черты лица, и так не очень крупные, казались еще миниатюрнее в обрамлении жирных щек и многочисленных складок на шее. Маленькие глазки весело щурились, рот непрестанно складывался в улыбку. Кроме того, он обладал забавной привычкой выпячивать плотно сложенные губы.

— Не все сразу, не все сразу, мистер Рэндалл, — весело ответил председательствующий. — На один ваш вопрос могу ответить: это тринадцатый этаж здания «Акме», да вы же помните.

Он слегка хохотнул, словно при понятной им обоим шутке.

— Что здесь происходит? Здесь происходит собрание совета управляющих фирмы «Детеридж и компания», а я ваш, сэр, покорный слуга, — тут он сумел, оставаясь сидеть и несмотря на огромное свое брюхо, изобразить нечто вроде поклона, — возглавляю этот совет и ношу имя Р. Джефферсон Стоулз.

— Но…

— Пожалуйста, мистер Рэндалл. Сперва я должен представить вам всех присутствующих. Направо от меня мистер Таунсенд.

— Рад познакомиться, мистер Рэндалл.

— Рад познакомиться, — автоматически ответил Рэндалл. — Послушайте, все это заходит слишком…

— Затем мистер Грэйвзби, мистер Уэллс, мистер Йокам, мистер Прентан, мистер Джоунс. С мистером Фиппсом вы уже знакомы, он наш секретарь. Далее сидят мистер Райфснайдер и мистер Снайдер — они не состоят в родстве. По-

следние — мистер Паркер и мистер Круз. Должен с сожалением сообщить вам, что мистер Потифар не смог сегодня явиться на собрание, однако кворум у нас есть.

Рэндалл еще раз попробовал встать, однако крышка стола оказалась прямо-таки невероятно скользкой.

— А мне по фигу, — с ненавистью сказал он, — кворум у вас тут или бандитская разборка. Отпустите меня.

— Ну, ну, мистер Рэндалл. Неужели вы не хотите получить ответы на свои вопросы?

— Не настолько. Да какого черта, дайте мне…

— Однако на эти вопросы необходимо ответить. Совершенно необходимо. Это — деловое совещание, а обсуждаемой деловой проблемой являетесь именно вы.

— Я?

— Да, вы. Вы представляете собой, как бы это выразиться, не очень значительный раздел повестки дня, однако и по этому разделу нужна полная ясность. Нам не нравится ваша деятельность, мистер Рэндалл. Вы должны ее прекратить.

Прежде чем Рэндалл успел ответить, Стоулз остановил его жестом руки.

— Не нужно никакой поспешности, мистер

Рэндалл. Выслушайте меня. Я совсем не имел в виду всю вашу деятельность. Нам совершенно безразлично, сколько блондинок вы подсунете в гостиничные номера для дальнейшего использования в качестве послушных свидетельниц на бракоразводных процессах. В равной степени нас не интересует, ко скольким телефонным линиям вы подключитесь и сколько писем вскроете. Нас занимает одна-единственная часть вашей деятельности. Я имею в виду мистера Хога.

Последнее слово прозвучало как плевок.

Все присутствующие как-то неловко зашевелились, Рэндалл почувствовал это совершенно отчетливо.

— Так что же насчет мистера Хога? — спросил он вызывающе.

Шевеление повторилось. Стоулз больше не улыбался и даже не изображал улыбку.

— Давайте, — сказал он, — начиная с этого момента, употреблять термин «ваш клиент». Все очень просто, мистер Рэндалл. У нас имеются свои планы в отношении мистера… в отношении вашего клиента. Вы должны прекратить всякие с ним отношения — забыть о нем, никогда с ним не встречаться.

Сейчас взгляд Стоулза стал тяжелым, но Рэн-

далл не дрогнул и не отвел глаз.

— В жизни своей не динамил клиентов и впредь не собираюсь. Да я скорее в аду вас увижу.

— Готов согласиться, — выпятил губы Стоулз, — что не исключена и такая возможность, однако вряд ли вам или мне хочется рассматривать ее иначе, чем излишне живописную метафору. Попробуем быть разумными. Ведь вы, насколько мне известно, разумный человек, а я и мои собратья — тоже существа разумные. Поэтому я не стану пытаться вас уговорить, подкупить или принудить, я просто расскажу вам некую историю, из которой вы сами все поймете.

— Я не хочу слушать никаких историй. Я ухожу.

— Уходите? Сильно сомневаюсь. И вы будете слушать!

Стоулз ткнул пальцем в сторону Рэндалла. Рэндалл попробовал что-нибудь ответить, однако оказалось, что теперь он не может даже этого.

«Это, — подумал сыщик, — самый дурацкий изо всех моих бесштанных снов. Ведь знал же, что не надо наедаться перед сном».

* * *

— Вначале, — провозгласил Стоулз, — была Птица.

Неожиданно он закрыл лицо ладонями, все остальные присутствующие сделали то же самое.

Птица. Рэндалл неожиданно увидел, что скрывается за таким простым словом, когда его произносит этот отвратительный толстяк, — не мягкий пушистый цыпленок, а хищная птица, мощная и прожорливая… немигающие глаза, тускловато-серые, как снятое молоко, и пристальные… налитые кровью сережки… но особенно отчетливо он увидел лапы, огромные птичьи лапы, костлявые, когтистые, покрытые желтыми чешуйками и какой-то отвратительной грязью. Ужасные и непристойные…

Стоулз убрал ладони от лица.

— Птица была одинока. Ее огромные крылья мерно взбивали бескрайние глубины пространства, где не на чем было остановить взгляд. Но в Ее глубинах была Сила, и Сила была Жизнью. Птица посмотрела на север, где не было севера, и Она посмотрела на юг, где не было юга. Она посмотрела на восток и запад, вверх и вниз. А затем

из ничего и из своей Воли Она свила Гнездо.

Гнездо было широким, глубоким и крепким. В это гнездо Она положила сто яиц. Она сидела в гнезде десять тысяч лет, высиживая яйца и размышляя. Когда время приспело, Она покинула гнездо и повесила вокруг него светильники, дабы птенцы могли видеть. Она смотрела, и Она ждала.

Из каждого яйца вылупились сто Сынов Птицы — общим числом в десять тысяч. Но столь широким и столь глубоким было это гнездо, что места хватило всем, и с избытком, — каждому по царству, и каждый был царь — царь надо всеми существами, которые ползают и плавают, летают и бегают на четырех ногах, над существами, рожденными в щелях и закоулках гнезда, рожденными из тепла и ожидания.

Мудра и жестока была Птица, мудры и жестоки были Сыны Птицы. Два раза по десять тысяч лет они сражались и царствовали, и Птица была довольна. Затем некоторые из них решили, что они столь же мудры и столь же могущественны, как сама Птица. Из ткани гнезда они сотворили тварей, подобных себе самим, и дохнули им в ноздри, дабы иметь своих сыновей, которые станут служить им и сражаться за них. Но сыновья

Сынов не были мудрыми, не были сильными и жестокими, а были глупыми, слабыми и мягкотелыми. Птица не была довольна.

Она низринула своих Сынов и позволила, чтобы их сковали глупые и мягкотелые… Перестаньте крутиться, мистер Рэндалл! Я знаю, что это слишком огромно для вашего маленького умишка, однако, вы уж мне поверьте, сейчас вам просто необходимо задуматься над вещами, которые длиннее вашего носа и шире вашего рта.

Глупые и слабые не могли сдержать Сынов Птицы, поэтому Птица поместила среди них, в разных местах, других, более сильных, более умных и более жестоких, дабы хитростью своей, жестокостью своей и обманом они не дали Сынам вырваться на свободу. Потом Птица удалилась, довольная, и стала ждать и смотреть, как разворачивается игра.

Игра идет и сейчас. А посему мы не можем позволить вам общаться с вашим клиентом, равно как и помогать ему каким-либо образом. Теперь вы видите сами, не правда ли?

— А ни хрена я не вижу, — закричал Рэндалл, почувствовавший вдруг, что снова может говорить. — И к чертовой матери всю вашу гопу! Эта шутка зашла слишком далеко.

— Неразумный, слабый и глупый, — вздохнул Стоулз. — Покажите ему, мистер Фиппс.

Фиппс встал, положил на стол портфель, открыл его, вытащил оттуда какой-то предмет и сунул его Рэндаллу под нос. Предмет оказался зеркалом.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, мистер Рэндалл, — вежливо попросил Фиппс.

Рэндалл посмотрел на свое отражение в зеркале.

— О чем вы думаете, мистер Рэндалл?

Отражение потускнело и исчезло, теперь он смотрел в собственную спальню, но со странной точки зрения, словно немного сверху. В спальне было темно, однако он вполне мог различить голову жены, лежащую на подушке. Вторая подушка — его собственная — пустовала.

Синтия пошевелилась, повернулась и негромко вздохнула. Приоткрытые губы слегка улыбались, наверно, ей снилось что-то хорошее.

— Видите, мистер Рэндалл? — прервал молчание Стоулз. — Ведь вы не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось?

— Послушай, ты, грязный ублюдок…

— Спокойнее, мистер Рэндалл, спокойнее. Так вот, мы не хотим от вас ничего особенного.

Просто не забывайте о своих интересах и о ее интересах. — Стоулз отвернулся от Рэндалла, словно от чего-то безмерно скучного. — Удалите его, мистер Фиппс.

— Идемте, мистер Рэндалл.

И снова Рэндалл ощутил унизительный толчок сзади, а затем оказалось, что он летит по воздуху, а все окружающее кувыркается, вертится, рассыпается на мелкие куски…

Совершенно проснувшийся, он лежал в своей собственной постели на спине, покрытый холодным, липким потом.

Синтия пошевелилась и села.

— Что с тобой, Тедди? — спросила она сонно. — Ты так страшно кричал.

— Ерунда. Сон какой-нибудь, наверное. Прости, что я тебя разбудил.

— Ничего. Желудок не в порядке?

— Да, есть немного.

— Выпей соды.

— Сейчас.

Рэндалл встал, вышел на кухню, разболтал щепотку соды в воде и выпил. Теперь, полностью проснувшись, он чувствовал неприятное жжение во рту, сода немного помогла.

Когда он вернулся в спальню, Синтия уже спа-

ла. Он тихо скользнул под одеяло. Не просыпаясь, она прижалась к мужу, согревая его своим телом. Вскоре заснул и он.

* * *

— Ла-диди-да! Все не беда! — Оборвав песню на полуслове, Рэндалл слегка ослабил душ, чтобы не заглушать нормальный разговор. — Доброе утро, красавица!

Появившаяся в дверях ванной Синтия терла рукой один глаз и сонно глядела на мужа другим.

— Всем людям, поющим на голодный желудок, доброе утро.

— А чего мне не петь? Сегодня прекрасный день, я прекрасно выспался. И я сочинил новую прекрасную душевую песню. Ты только послушай.

— Могу и обойтись.

— Эта песня, — продолжал Рэндалл, нимало не возмутившись, — посвящается Юноше, Который Вознамерился Питаться Червями Из Огорода.

— Какая гадость!

— Никакая это не гадость. Слушай.

Включив душ посильнее, он объяснил:

— Для достижения максимального эффекта необходим аккомпанемент льющейся воды. Куплет первый:

Я червей призову, и они приползут.

Не желаю в грязи я копаться.

Мне пускай создадут и комфорт, и уют,

Раз уж должен я дрянью питаться.

Он сделал паузу, ожидая, видимо, аплодисментов, а затем объявил:

— Припев.

Ла-диди-да! Все не беда!

Я червяков приглашаю сюда!

Они вкусны весьма с витамином А.

Я люблю червяков, я от них без ума!

Тут он снова помолчал и объявил:

— Второй куплет. Только второй куплет я еще не сочинил. Повторить первый?

— Спасибо, не надо. Лучше вылезай скорее и дай мне возможность помыться.

— Тебе не понравилось, — укоризненно сказал Рэндалл.

— Я этого не говорила.

— Настоящее искусство редко получает признание, — скорбно возгласил он, однако из душа вышел.

К тому времени как Синтия умылась, кофе был

уже готов. Рэндалл церемонно вручил ей стакан апельсинового сока.

— Тедди, ты просто душка. И что же ты намерен выцыганить у меня всем этим подлизыванием?

— Тебя самое. Правда, попозже. А ведь я не только очарователен, но и умен.

— Правда?

— Ага. Слушай, я придумал, что делать с общим нашим другом Хогом.

— С Хогом? О господи.

— Осторожнее, разольешь.

Забрав у жены стакан, он поставил его на стол.

— Успокойся, киска. Что это с тобой?

— Не знаю, Тедди. Просто у меня ощущение, словно мы вооружились детским пугачом и пытаемся при его помощи победить самого главного злодея.

— Не надо было мне начинать деловые разговоре до завтрака. Выпей ты кофе, может, полегчает.

— Хорошо. А тоста мне не надо. Так что же у тебя там за блестящая идея?

— Все очень просто, — объяснил Рэндалл, хрустя поджаренным хлебом. — Вчера мы старались не попасться Хогу на глаза, чтобы он, часом, не вернулся в вечернюю свою личность.

— Вот-вот.

— Ну а сегодня нам этого совсем не потребуется. Мы можем прицепиться к нему, как пиявки, идти за ним по пятам. Если это как-нибудь помешает дневной половине его личности — ну и что? Ведь мы можем сами показать ему дорогу в «Акме». А там привычка приведет его туда, куда он ходит всегда. Ну как, все верно?

— Не знаю, Тедди. Возможно. Люди, перенесшие амнезию, ведут себя иногда очень странно. Он может просто прийти в смятение, утратить ориентацию.

— Так ты думаешь, не получится?

— Может, получится, может, и нет. Но пока в твой план входит быть всюду и все время вместе со мной, я согласна попробовать, хотя лучше бы бросить это дело.

Рэндалл словно не обратил внимания на поставленное женой условие.

— Вот и отлично. Сейчас я позвоню этому старому сычу и скажу, что мы зайдем за ним прямо в его квартиру.

Потянувшись через стол, он подвинул к себе телефон и позвонил Хогу.

— Ну точно, он с приветом, — сказал Рэндалл после короткого разговора с клиентом. — Сперва он вообще меня не узнал. Затем вроде как в его

голове что-то щелкнуло, и дальше все пошло нормально. Ты готова, Син?

— Одну секунду.

Тихо насвистывая какой-то мотив, он встал и направился в гостиную.

Неожиданно свист прекратился, Рэндалл чуть не бегом вернулся на кухню.

— Син…

— Что там такое, Тедди?

— Пойди, пожалуйста, сюда.

Встревоженная выражением на лице мужа, Синтия торопливо встала и прошла в гостиную. Рэндалл указывал на стул, поставленный прямо под висящим рядом со входной дверью зеркалом.

— Как он попал сюда, Син?

— Стул? Да это я поставила его сюда, чтобы поправить зеркало, вечером, когда ложилась спать. Ну и забыла его там, наверное.

— Мм… ну, наверное, так и было. Странно только, что я не заметил его, когда гасил свет.

— А почему это тебя так встревожило? Ты испугался, что к нам в квартиру ночью кто-то залез?

— Да. Да, конечно, так я и решил.

Однако выражение тревоги не покинуло лица Рэндалла.

Недоуменно поглядев на него, Синтия прошла в спальню. Здесь она взяла свою сумочку, быстро просмотрела ее содержимое, а затем выдвинула маленький потайной ящик комода.

— Если кто-нибудь и вправду залез к нам, он не многим разжился. Посмотри свой бумажник. Все на месте? А твои часы?

— Все в порядке, — ответил Рэндалл через несколько секунд. — Наверное, ты и вправду забыла там стул, а я его не заметил. Так ты готова?

— Сию секунду.

Больше Рэндалл об этом не говорил, размышляя про себя, какая же каша может получиться из нескольких застрявших в подсознании воспоминаний в сочетании с плотным ужином. Наверное, он все-таки заметил этот стул, когда гасил свет, — отсюда и появление стула в кошмаре. Поставив, таким образом, все на место, он начал обдумывать грядущую операцию.

5

Хог ждал их.

— Заходите, пожалуйста. Добро пожаловать, мадам, в мое скромное прибежище. Вы не откажетесь присесть? У вас найдется время на чашку чая? Боюсь, — на его лице появилась смущенная улыбка, — что кофе в этом доме нет.

— Времени достаточно, — успокоил гостеприимного хозяина Рэндалл. — Вчера вы вышли из дому в восемь пятьдесят три, а сейчас еще только восемь тридцать пять. Думаю, лучше всего будет выйти в то же самое время.

— Вот и чудесно.

Хог исчез из комнаты и сразу же вернулся с чайным подносом, каковой и водрузил на стол рядом с Синтией.

— Вы разольете, миссис Рэндалл? Это китайский чай, — добавил он. — Моя собственная смесь.

— С удовольствием.

Сейчас, утром, в этом человеке нет ровно ничего зловещего, вынуждена была признать Синтия. Просто маленький, суетливый холостяк, обладатель усталых морщинок около глаз и прямо-таки

великолепной квартиры. На стенах картины, хорошие, хотя понять, насколько хорошие, Синтии не хватало знаний. Во всяком случае, похожи на оригинальные работы. «И картин этих не слишком много, — отметила она с одобрением. — А то такие вот склонные к искусству холостяки зачастую любят загромождать свои квартиры почище иной старой девы».

Вот уж про квартиру мистера Хога такого не скажешь. Во всем воздушное изящество, словно в вальсах Брамса. Синтии хотелось спросить, где он взял такие шторы.

Хог с поклоном принял у нее чашку, нежно обхватил ее ладонью и, прежде чем сделать глоток, вдохнул аромат. Затем он повернулся к Рэндаллу.

— Боюсь, сэр, что у нас сегодня ровно ничего не получится.

— Не исключено. Но почему вы так думаете?

— Понимаете ли, я сейчас нахожусь в полной растерянности: что мне делать дальше? Ваш телефонный звонок… Когда вы мне позвонили, я готовил себе чай — ведь у меня нет служанки… правду говоря, по утрам я словно в тумане — ну, вы понимаете, рассеянный, делаю все, что полагается делать, встав с постели, умываюсь и все

прочее, а мысли мои где-то в другом месте. Когда вы позвонили, я был немного ошарашен и только через несколько секунд вспомнил, кто вы такой и какие дела у нас друг с другом. Разговор с вами в некотором роде прочистил мою голову, я, если можно так сказать, осознал, кто я такой, однако теперь… — Он беспомощно пожал плечами. — Теперь у меня нет ни малейшего представления, что же я должен делать дальше.

Рэндалл кивнул.

— Я не упускал из виду и такого варианта. Не могу назвать себя большим психологом, но мне казалось возможным, что переход от вечернего «я» к дневному происходит у вас как раз при выходе из квартиры, и любое нарушение привычного распорядка может совсем выбить вас из колеи.

— Тогда почему же…

— Сейчас это не имеет значения. Видите ли, мы следили за вами вчера и знаем, куда вы ходите.

— Вы знаете? Расскажите мне, сэр! Расскажите, пожалуйста.

— Не так быстро. В самую последнюю минуту мы вас потеряли. Теперь я хочу сделать следующее: мы проводим вас по тому же самому пути, вплоть до того места, где вчера вас потеряли. Я надеюсь, что, начиная оттуда, вами начнет

руководить привычка, а мы будем следовать по пятам.

— Вы сказали «мы». Разве миссис Рэндалл помогает вам в работе?

Рэндалл замялся, запоздало сообразив, что, как ни крути, придется признаться клиенту в неполной своей искренности. Синтия бросилась ему на помощь.

— Обычно мы такого не делаем, мистер Хог, но этот случай совершенно исключительный. Вам ведь вряд ли понравится вторжение в вашу жизнь обычного наемного оперативника, так что Рэндалл решил заняться этим делом лично, привлекая при необходимости на помощь меня.

— О, даже так. Это крайне любезно с вашей стороны.

— Спасибо, но это совсем не стоит вашей благодарности.

— Нет, что вы, я крайне тронут. Но только… э-э… не знаю, достаточно ли я вам заплатил. Насколько я понимаю, услуги руководителя фирмы должны оплачиваться несколько выше?

Хог смотрел на Синтию; Рэндалл настойчиво подавал жене сигналы «Скажи „да“», но та делала вид, что не замечает его лихорадочной безмолвной жестикуляции.

— Суммы, уплаченной вами, мистер Хог, вполне достаточно. Если возникнет необходимость дополнительных расходов, мы сможем обсудить это позднее.

— Да, конечно. — Хог задумчиво подергал себя за нижнюю губу. — Я в высшей степени признателен вам за такую предусмотрительность, за то, что вы не стали знакомить с моими личными делами никого со стороны. Но я бы хотел… — С неожиданной резкостью он повернулся к Рэндаллу. — Скажите, а как вы поступите, если моя дневная жизнь окажется — ну, скажем, шокирующей?

Было видно, с каким трудом дался ему этот вопрос.

— Все останется строго между нами.

— А предположим, обнаружится не просто скандальное мое поведение, а что-либо гораздо худшее. Что-нибудь преступное. Скотское.

Отвечал Рэндалл, тщательно подбирая слова:

— У меня есть лицензия, выданная штатом Иллинойс. Согласно этой лицензии, я обязан сознавать себя чем-то вроде внештатного работника полиции — в ограниченном смысле. Конечно же, я не могу и не стану покрывать серьезное преступление. Однако в мои обязанности

не входит сдавать своих клиентов властям за всякие мелкие грешки. Уверяю вас, мой клиент должен совершить очень серьезный проступок, чтобы у меня возникло желание способствовать его аресту.

— Но вы не можете заверить меня, что ни при каких обстоятельствах не сделаете этого?

— Нет.

Хог закрыл глаза и некоторое время молчал. Когда он заговорил, голос его был едва слышен:

— Но вы ведь не узнали ничего такого — пока?

Рэндалл покачал головой.

— Тогда, возможно, разумнее будет бросить все это дело прямо сейчас. Некоторые вещи лучше не знать.

Взволнованность Хога, его беспомощность в сочетании с благоприятным впечатлением, которое производила эта изящная, аккуратная квартира, вызвали у Синтии прилив сочувствия, о котором она и помыслить не могла вчера вечером.

— Ну зачем вы так нервничаете, мистер Хог, — наклонилась она к нему. — Ведь у вас нет никаких оснований думать, что вы делаете что-либо плохое.

— Да, оснований у меня нет. Никаких основа-

ний, кроме неотвязного предчувствия.

— Но почему?

— Миссис Рэндалл, а бывало у вас так, что вы услышите за спиной какие-то звуки и боитесь повернуться? Случалось вам когда-нибудь проснуться посреди ночи и лежать с плотно зажмуренными глазами, чтобы только не узнать, что именно прервало ваш сон? Есть такие разновидности зла, которые проявляют полную свою силу лишь тогда, когда их существование осознано и признано, когда им смотрят в глаза… И вот здесь есть нечто, чему я не в силах посмотреть в глаза, — обреченно добавил он. — Мне показалось, что у меня есть такие силы, но я ошибался.

— Оставьте, — попробовала успокоить его Синтия. — Реальные факты почти всегда оказываются лучше наших страхов.

— Вы уверены в этом? Почему им не быть значительно хуже наших страхов?

— Потому, что так не бывает, они лучше.

Синтия смолкла, осознав вдруг, что расхожее мнение, которое она преподносит с таким апломбом, — всего лишь бодренькая утешительная ложь, из тех, какими взрослые успокаивают детей. Она вспомнила свою мать: та легла в больницу, опасаясь аппендицита, — и друзья,

и все любящее семейство единодушно считали это обычной мнительностью — и умерла там. От рака.

Нет, факты и вправду бывают значительно хуже самых страшных страхов.

И все равно она не могла согласиться с Хогом.

— Но даже если мы предположим наихудшее. Предположим, что вы действительно занимаетесь чем-то преступным во время своих провалов памяти. Ни один суд этого государства не признает вас ответственным.

Хог бросил на Синтию взгляд, полный ужаса.

— Нет, скорее всего, они не признают меня вменяемым. Но знаете, что они тогда сделают? Вы же знаете это, правда? Вы представляете себе, что делают с сумасшедшими преступниками?

— Конечно знаю, — уверенно ответила Синтия. — С ними обращаются ровно так же, как со всеми прочими пациентами психиатрической клиники, ни о какой дискриминации нет и речи. Я видела это собственными глазами, когда работала в государственной лечебнице.

— Хорошо, вы это видели, но воспринимали все глазами постороннего. А вы можете представить себе, как все это выглядит с другой стороны? Вас заворачивали когда-нибудь в мокрые просты-

ни? К вашей кровати ставили охранника? Вас кормили принудительно? Вы знаете, что это такое, когда ключ поворачивается в скважине при каждом вашем движении? Когда хочешь спрятаться от непрестанно наблюдающих глаз — и не можешь? — Хог встал и начал нервно мерить комнату шагами. — Но и это не самое плохое. Хуже всего соседи по палате. Вы что, думаете, что человек, у которого иногда отказывает память, не способен различить признаки сумасшествия у окружающих? У некоторых из них изо рта непрерывно текут слюни, другие ведут себя настолько по-скотски, что этого не передать словами. И все они говорят, говорят, говорят. Вы можете представить себе, как лежите на кровати, прикрученные к ней простыней, а рядом кто-то — да где там «кто-то» — что-то непрерывно повторяет: «Маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела…»

— Мистер Хог! — Рэндалл встал и встряхнул Хога за плечо. — Мистер Хог, держите себя в руках! Нельзя так себя вести.

Хог растерянно смолк. Он перевел взгляд с Синтии на Рэндалла, потом обратно, и на его лице появилось пристыженное выражение.

— Ничего, мистер Хог, все в порядке, — сухо сказала Синтия. Однако прежнее отвращение вернулось.

— А я бы не сказал, что все в порядке, — возразил Рэндалл. — Думаю, сейчас самый подходящий случай кое в чем разобраться. Последнее время происходит много такого, чего я не понимаю, и мне кажется, мистер Хог, что вы должны прямо и откровенно ответить на несколько вопросов.

— Конечно, отвечу, мистер Рэндалл, если только сумею. — Хог искренне недоумевал. — Неужели вам кажется, что я чего-то недоговариваю?

— Я в этом абсолютно уверен. Во-первых, вы находились в лечебнице для психически невменяемых преступников. Когда это было?

— Что вы, такого не было никогда. Во всяком случае, я не думаю, чтобы такое было. Я не помню ничего подобного.

— А чем же можно тогда объяснить истерическую болтовню, которая так и сыпалась из вас последние пять минут? Вы что, придумывали все это?

— О нет! Это… Это было… это связано с санаторием Святого Георгия. Это не имеет ни малейшего отношения к… к лечебнице подобного рода.

— Санаторий Святого Георгия, говорите? К

этому мы еще вернемся. Мистер Хог, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло вчера?

— Вчера? Днем? Но, мистер Рэндалл, вы же знаете, что я не могу рассказать, что происходит со мной днем.

— А вот я думаю — можете. Там творилось черт знает что, какое-то непонятное мошенничество, и вы находились в самом центре происходящего. Когда вы остановили меня перед зданием «Акме», что вы мне тогда сказали?

— «Акме»? Я ничего не знаю про «Акме». Я что, был там?

— Были, были, нечего строить невинные глазки, и не только были, но и еще сыграли со мной какую-то подлую шутку — накачали наркотиками, или загипнотизировали, или еще что.

Хог растерянно перевел взгляд с горящего возмущением Рэндалла на Синтию. Однако ее лицо оставалось бесстрастным, с этой стороны помощи ожидать не приходилось. В отчаянии он повернулся к Рэндаллу.

— Поверьте, мистер Рэндалл, я просто не понимаю, о чем вы говорите. Возможно, я заходил в «Акме». Но если я даже был там и делал что-то в отношении вас, мне это неизвестно.

Слова Хога звучали так серьезно, с такой

торжественной искренностью, что Рэндалл заколебался, несмотря на всю свою убежденность. И все же… какого черта, ведь кто-то провел его за нос. Можно попробовать подойти к делу с другой стороны.

— Мистер Хог, если вы и вправду настолько искренни со мной, как это можно заключить из ваших слов, у вас, конечно, не появится никаких возражений против того, что я собираюсь сейчас сделать.

Рэндалл вынул из кармана серебряный портсигар, открыл его и протер зеркально-гладкую внутреннюю поверхность крышки носовым платком.

— Пожалуйста, мистер Хог.

— Что вам нужно?

— Мне нужны отпечатки ваших пальцев.

Ошеломленный Хог несколько раз судорожно сглотнул.

— Зачем вам мои отпечатки? — еле слышно спросил он.

— А в чем, собственно, дело? Если вы не замешаны ни в чем дурном, эта процедура никак не может повредить вам.

— Вы хотите сдать меня в полицию?

— У меня нет к тому никаких оснований. У

меня вообще нет на вас никакого материала. Ну так давайте снимем пальчики.

— Нет!

Рэндалл встал, шагнул к Хогу и угрожающе навис над ним.

— А как вам понравится, если я переломаю вам руки? — спросил он, уже не сдерживая охватившую его ярость.

Искоса взглянув на сыщика, Хог испуганно съежился, однако, похоже, остался тверд в своем нежелании дать отпечатки пальцев. Отвернув лицо к стене, он крепко прижал ладони к груди.

Рэндалл почувствовал прикосновение к своей руке.

— Хватит, Тедди. Пошли отсюда.

Хог поднял глаза.

— Да, — сказал он. — Уходите. И никогда не возвращайтесь.

— Пойдем, Тедди.

— Сейчас, потерпи минуту. Я еще не совсем покончил с мистером Хогом.

Хог посмотрел на Рэндалла, было видно, что это потребовало от него большого усилия.

— Мистер Хог, вы уже дважды упоминали санаторий Святого Георгия как свою альма-матер. Так вот, я хочу, чтобы вы знали, что я знаю, что

такого места не существует в природе.

И снова Хог, если судить по его виду, искренне изумился.

— Но ведь этот санаторий существует, — настаивал он. — Ведь я же пробыл там целых… Во всяком случае, мне сказали, что он так называется, — добавил он уже с сомнением в голосе.

Презрительно фыркнув, Рэндалл повернулся к двери.

— Пошли, Синтия.

* * *

В кабине лифта Синтия повернулась к мужу.

— Чего это ты сорвался с цепи?

— А того, — со злостью ответил Рэндалл, — что не люблю такие штучки. Когда мешают противники, это куда ни шло, но когда тебя дурит твой же собственный клиент, это уже не лезет ни в какие ворота. Он вывалил перед нами целую кучу вранья, он мешал нашей работе, он организовал какую-то подлую махинацию в этой истории с «Акме». Мне не нравится, когда клиенты откалывают такие номера. Я не собираюсь с этим мириться. Деньги мне нужны, но не настолько.

— Ну что ж, — вздохнула Синтия. — Я лично с радостью готова вернуть ему эти деньги. И просто

счастлива, что со всем этим покончено.

— Как это — «вернуть ему эти деньги»? Я не намерен возвращать ему никаких денег, я хочу их заработать.

Кабина лифта слегка дернулась, остановившись на первом этаже, но Синтия не прикоснулась к двери.

— Тедди! Что это ты еще придумал?

— Хог поручил мне выяснить, что он делает. Какого черта, вот я и выясню это — с его помощью или без оной.

Было видно, что Рэндалл ждет ответа, но Синтия молчала.

— А тебе, — добавил он с вызовом, но уже не так уверенно, — совсем не обязательно в этом участвовать.

— Если ты продолжишь расследование, я тоже не останусь в стороне. Вспомни, что ты мне обещал.

— А что я обещал? — с невинным видом вопросил Рэндалл.

— Ты прекрасно все помнишь.

— Но послушай, Син, я собираюсь просто поколачиваться здесь, пока он не выйдет из дому, а потом проследить за ним. На это может уйти целый день. Он может решить и вообще никуда

сегодня не ходить.

— Вот и прекрасно. А я буду ждать вместе с тобой.

— Но кому-то ведь надо приглядеть за конторой.

— Вот и пригляди за конторой, — предложила Синтия. — А я буду вести наблюдение за Хогом.

— Но это же просто смешно. Ты…

Кабина лифта поползла вверх.

— Ну вот. Кто-то вызывает лифт.

От ткнул пальцем в кнопку «стоп», а затем — в кнопку первого этажа. На этот раз они не стали задерживаться в кабине.

Рядом с входной дверью дома располагалось небольшое помещение — нечто вроде холла или комнаты ожидания, туда Рэндалл и направил Синтию.

— Нам нужно решить этот вопрос… — начал он.

— Он давно решен.

— Ладно, твоя взяла. Теперь выберем какую-нибудь точку.

— А почему не прямо здесь? Мы сядем здесь, и он не сможет выйти, не попав нам на глаза.

— Хорошо.

Лифт поехал вверх почти сразу, как они из него

вышли. Теперь характерное звяканье возвестило о его возвращении на первый этаж.

— Ну, лапа, принимай низкий старт.

Согласно кивнув, Синтия отодвинулась поглубже в тень. С того места, где стоял Рэндалл, он видел отражение двери лифта в украшавшем холл зеркале.

— Это Хог? — прошептала Синтия.

— Нет, — так же тихо ответил ей муж. — Этот мужик крупнее. Он похож на…

Осекшись, Рэндалл схватил Синтию за руку.

Сквозь открытую дверь холла они увидели фигуру Джонатана Хога. Никуда не поворачиваясь, не заметив наблюдавших за ним сыщиков, он прошел прямо на улицу. Когда входная дверь захлопнулась, рука Рэндалла немного расслабилась.

— Чуть не прошляпил, — признал он с облегчением в голосе.

— А что случилось?

— Не знаю. Паршивое зеркало. Искажение. Ну — ноги в руки.

Выйдя из двери, они увидели, как объект их охоты спустился на тротуар и, как и днем раньше, свернул налево.

Рэндалл остановился в нерешительности.

— Он может увидеть нас, но этим стоит, пожалуй, рискнуть. Я не хочу его потерять.

— А может, поехать за ним в такси? Тогда, если он опять поедет на автобусе, мы окажемся в лучшем положении, не надо будет прыгать вслед за ним.

Даже себе самой Синтия не хотела признаться, что старается держаться подальше от Хога.

— Нет, он может и не сесть на автобус. Пошли.

* * *

Преследовать Хога не составило особого труда: он шел по улице в быстром, но не выматывающем темпе. Подойдя к той же, что и вчера, автобусной остановке, он купил газету и сел на скамейку. Рэндалл и Синтия прошли у него за спиной и укрылись за входной дверью магазина.

Когда подошел автобус, Хог, как и прежде, поднялся на второй ярус; они тоже сели в этот автобус, но остались внизу.

— Похоже, он едет туда же, что и вчера, — заметил Рэндалл. — Сегодня мы прищучим его, маленькая.

Синтия не ответила.

Когда автобус приблизился к «Акме», они были наготове и напряженно ждали появления

Хога, но тот все не спускался. Резко дернувшись, автобус поехал дальше, Синтия и Рэндалл разочарованно сели.

— Как ты думаешь, что это он еще придумал? — беспокойно спросил Рэндалл. — Думаешь, он увидел нас?

— А может, он стряхнул нас с хвоста?

В голосе Синтии звучала плохо скрываемая надежда.

— Как? Спрыгнув с верхушки автобуса? Ну-ну!

— Не совсем, но почти так. Если у светофора рядом с нами встал какой-нибудь другой автобус, Хог легко мог туда перебраться. Один раз какой-то человек проделал такое у меня на глазах. А в задней части автобуса это можно сделать почти незаметно.

Рэндалл на секунду задумался.

— Я почти уверен, что ни один автобус не останавливался рядом с нашим. Но все равно Хог мог перебраться на крышу какого-нибудь грузовика, хотя одному Богу известно, как он потом слезет.

После этого разговора сыщик утратил последние остатки спокойствия.

— А знаешь, я подойду к лестнице и попробую заглянуть наверх.

— И встретишься с ним нос к носу? Ты прямо

как ребенок.

Несколько кварталов неохотно уступивший Рэндалл просидел молча.

— А вот и наш угол, — заметил он.

Синтия кивнула; она не хуже мужа видела, что автобус подъезжает к их конторе, точнее — к ближайшей от нее остановке. Пришлось вынимать косметичку и пудрить нос — в восьмой раз за одну эту поездку. Маленькое зеркальце вполне сносно играло роль перископа для наблюдения за выходящими через заднюю дверь пассажирами.

— Вот он, Тедди!

Рэндалл мгновенно вскочил на ноги и бросился по проходу, размахивая при этом руками, чтобы привлечь внимание кондуктора. Вид у кондуктора был недовольный, однако он просигналил водителю задержаться.

— Чего не следишь за остановками? — пробурчал он.

— Прости, друг, я не здешний. Пошли, Син.

Человек, которого они преследовали, как раз входил в дверь того самого здания, где располагалась их контора. Рэндалл остановился.

— Странно мне все это, лапа.

— Ну и что будем делать?

— Пойдем за ним.

До здания они добрались почти бегом, но в вестибюле Хога уже не было. Мидуэй-Коптон — здание не очень большое и не из роскошных, иначе арендная плата была бы им не по карману. В нем всего два лифта, один из которых, пустой, стоял внизу, а второй, судя по указателю, только что тронулся вверх.

Рэндалл подошел к открытой кабине, но входить туда не стал.

— Джимми, — сказал он. — Сколько пассажиров сейчас в том лифте?

— Двое, — не задумываясь ответил лифтер.

— Точно?

— Да. Я трепался с Бертом до самого момента, когда он закрыл двери. Мистер Гаррисон и какой-то еще тип. А что?

Рэндалл сунул ему четвертак.

— Да так, — неопределенно ответил он, не сводя глаз с медленно поворачивающейся стрелки указателя. — А на какой этаж поехал мистер Гаррисон?

— Седьмой.

Стрелка как раз остановилась на семерке.

— Отлично.

Стрелка двинулась снова, миновала восьмерку, девятку и остановилась на числе десять.

Рэндалл впихнул Синтию в кабину.

— Наш этаж, Джимми, — чуть не выкрикнул он. — И побыстрее.

На пульте рядом с четверкой настойчиво мигала сигнальная лампочка «вверх». Джимми потянулся было к кнопкам, но Рэндалл схватил его за руку.

— Ничего с ними не случится, подождут немного.

Лифтер пожал плечами, но возражать не стал. Коридор десятого этажа оказался пустым. Мгновенно оценив обстановку, Рэндалл повернулся к Синтии.

— Пробегись быстренько по другому крылу, Син, — сказал он и быстро двинулся направо, к их конторе.

* * *

Синтия, вообще-то говоря, от своей прогулки не ожидала никаких результатов. Она находилась в полной уверенности, что Хог приехал сюда из-за их конторы. Однако привычка во время операций беспрекословно выполнять указания мужа взяла свое: если Тедди хочет проверить и второй коридор, она, конечно же, так и сделает. В плане этаж представлял собой нечто вроде заглавной

«Н», причем лифты располагались в перекладине буквы. Синтия свернула налево. Никого. Развернувшись, она посмотрела в противоположную сторону — опять пустой номер. И тут у нее появилась мысль, что Хог мог выйти на пожарную лестницу — вероятность ничтожная, но и исключать ее тоже нельзя. В действительности пожарная лестница находилась в том направлении, куда она посмотрела сначала, в задней части здания, но Синтию обманула привычка — в том крыле, где располагалась их контора, все, конечно же, было зеркально вывернуто по сравнению с этим крылом.

Сделав три или четыре шага по коридору, выходящему на улицу, она осознала свою ошибку: впереди виднелось открытое окно, за которым не было никакой пожарной лестницы. Негромко выругав себя за свою глупость, Синтия повернулась.

И увидела в нескольких шагах от себя Хога.

И тогда эта профессионалка крайне непрофессионально взвизгнула.

— А, миссис Рэндалл, — зловеще улыбнулся Хог.

Синтия ничего не ответила, она просто не могла придумать, что тут можно сказать. В ее сумоч-

ке лежал пистолет тридцать второго калибра, появилось страшное желание выхватить его и начать стрелять. Когда-то она работала «приманкой» в полицейской наркобригаде и получила две благодарности за хладнокровную отвагу в опасных ситуациях; сейчас она не замечала у себя ни хладнокровия, ни отваги.

Хог сделал шаг в ее сторону.

— Вы ведь хотели найти меня здесь?

Синтия отступила на шаг.

— Нет! — еле слышно выдохнула она. — Нет!

— Но ведь я знаю, что хотели. Вы думали, что я в вашей конторе, однако я предпочел встретиться не с вашим мужем, а с вами. Здесь.

Сейчас коридор был глухим и безлюдным, не слышались даже обычные в таких местах перестуки пишущих машинок и обрывки разговоров. Словно огромные бельма, слепо таращились матовые стеклянные двери. Едва долетавший сюда, на десятый этаж, уличный шум был сейчас единственным звуком, если не считать немногих слов, которыми обменивались Хог и Синтия.

Хог подошел ближе.

— Вы ведь хотели снять у меня отпечатки пальцев? Вы хотели проверить их и узнать про меня всякие вещи. Вы и ваш всюду лезущий со своим

длинным носом муженек.

— Отойдите от меня!

Хог продолжал улыбаться.

— Ну что вы. Вы ведь хотели получить отпечатки моих пальцев? Ну так вы их получите.

Вытянув вперед руки с широко растопыренными пальцами, он потянулся к Синтии. В ужасе она отпрянула от этих страшных, готовых вцепиться в нее рук. И сейчас Хог не казался маленьким, он стал выше, шире — даже крупнее, чем Тедди. Его глаза смотрели на нее сверху вниз.

Каблук пятившейся Синтии во что-то уперся, она поняла, что дошла до самого конца коридора — до тупика.

Руки приближались.

— Тедди! — закричала она. — Тедди!

* * *

Склонившийся над ней Тедди шлепал ее по щекам.

— Прекрати, — возмущенно сказала Синтия. — Больно ведь.

Рэндалл вздохнул с облегчением.

— Ну, маленькая, уж я тут перепсиховал. Ты же была в отключке, не знаю сколько времени.

Только сейчас вспомнив все происшедшее,

Синтия в ужасе застонала.

— И ты знаешь, где я тебя подобрал? Здесь! — Он указал на место прямо под раскрытым окном. — Упади ты не так удачно, тебя бы сейчас соскребали с асфальта. А что случилось? Захотела посмотреть вниз, и головка закружилась?

— Ты поймал его?

— Вот это понимаю — профессионал, — с восхищением посмотрел на жену Рэндалл. — Нет, хотя почти поймал. Я увидел его в противоположном конце коридора и немного помедлил, хотелось посмотреть, что это он задумал. Если бы ты не закричала, я бы его точно…

— Если бы я не закричала?

— Ну да. Он остановился перед дверью нашей конторы, дверь хотел вскрыть, наверное, а тут вдруг…

— Кто остановился?

— Как кто? — недоуменно посмотрел на жену Рэндалл. — Да Хог же, конечно… Синти! Встряхнись! Никак ты собираешься снова шлепаться в обморок?

Синтия набрала в легкие воздух и медленно выдохнула.

— Со мной все в порядке, — мрачно сказала она. — Сейчас. Когда ты рядом. Доведи меня до

конторы.

— Может, отнести тебя?

— Нет, только дай руку.

Осторожно подняв жену на ноги, Рэндалл начал отряхивать ее платье.

— Брось, не до того, — отмахнулась от него Синтия. Однако сама она задержалась, чтобы попытаться — безо всякого успеха — послюнявленным пальцем остановить длинную стрелку на чулке.

Открыв дверь конторы, Рэндалл осторожно усадил Синтию в кресло и протер ей лицо мокрым полотенцем.

— Ну как, лучше?

— Да я вообще в порядке — физически. Нужно только кое-что выяснить. Так, значит, Хог пытался забраться в нашу контору?

— Ага. Вовремя мы врезали этот хитрый замок.

— И как раз в это время я закричала?

— Ну да.

Синтия задумчиво побарабанила пальцами по ручке кресла.

— В чем дело, Син?

— Ни в чем. Все нормально, кроме одного обстоятельства: я закричала потому, что Хог пытался меня задушить.

Рэндаллу потребовалось довольно много времени, чтобы хоть что-нибудь сказать, да и после раздумий его вопрос не блистал глубокомыслием.

— А?

— Да, милый, я понимаю. Вот так оно все и есть, хотя это — сумасшедший дом какой-то. Хог опять сыграл с нами эту шутку, не знаю уж, как ему такое удается. Только я могу поклясться на чем угодно, что он пытался меня задушить. Точнее, что я так думала.

Синтия подробно изложила мужу все случившееся.

— Ну и что же теперь получается? — закончила она свой рассказ.

— Хотел бы я знать, — ответил Рэндалл. — Очень хотел бы. Если бы не вчерашняя история в «Акме», я бы сказал, что у тебя закружилась голова, ты упала в обморок и очнулась немного не в себе. Но теперь я и не знаю, кто из нас свихнулся. Ведь я был абсолютно уверен, что вижу его.

— А может, у нас обоих крыша поехала? Стоило бы нам вместе показаться хорошему психиатру.

— У обоих? А может, все-таки у одного кого-нибудь? Разве бывает, чтобы два человека свихнулись одним и тем же образом?

— Бывает. Это случается, хотя и редко. Folie à deux.

— Фоли аду?

— Индуцированное бредовое расстройство. Это когда слабости двоих людей совпадают, и они усиливают сумасшествие друг друга.

Синтия вспомнила истории болезни, которые когда-то изучала: обычно один из членов такой психованной парочки играл доминирующую роль, а другой — подчиненную, но сейчас не хотелось упоминать об этом. Она имела собственное мнение о том, кто доминирует в их семье, однако из соображений стратегических держала это мнение при себе.

* * *

— А может, — сказал Рэндалл после долгого молчания, — нам просто нужно хорошенько отдохнуть? Съездить на Мексиканский залив, поваляться на солнышке?

— А вот эта, — охотно поддержала его Синтия, — мысль отличная, вне зависимости от чего бы то ни было. Я никогда не понимала, откуда берутся охотники жить в таком мерзком, грязном, уродливом месте, как Чикаго.

— Сколько у нас денег?

— После оплаты всех счетов и налогов останется сотен восемь. Ну и пять сотен Хога, если ты хочешь считать и их тоже.

— Думаю, мы их заработали, — мрачно сказал Рэндалл. — Послушай! А у нас и вправду есть эти деньги? А вдруг это тоже было надувательством?

— Ты хочешь сказать, никакого мистера Хога никогда и не было, а сейчас придет сестричка и принесет нам вкусный обед?

— Мм… ну что-то в этом роде. Так есть у тебя эти деньги?

— Я думаю, что есть. Подожди секунду.

Открыв сперва сумочку, а затем — закрытое на молнию отделение этой сумочки, Синтия проверила наличность.

— Здесь они, как миленькие. Красивые такие зелененькие бумажки. Поехали в отпуск, Тедди. Да и вообще, чего мы сидим в этом Чикаго?

— А того, что здесь для нас есть работа. Кушать-то надо или нет? Кстати, спсихел я или нет, но стоит узнать, кто за это время звонил.

Рэндалл потянулся было к телефону, но тут его взгляд упал на пишущую машинку. На секунду Рэндалл замер и смолк.

— Подойди сюда, — сказал он наконец каким-то чужим, напряженным голосом. — Погляди.

Синтия вскочила на ноги, подошла к мужу и заглянула через его плечо. В пишущую машинку был вставлен их собственный фирменный бланк, на котором чернела одна-единственная строчка:

ЛЮБОПЫТНОМУ НОС ПРИЩЕМИЛИ.

Синтия почувствовала болезненный спазм где-то в нижней части желудка. Она стояла и молчала.

— Син, это ты напечатала?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Синтия потянулась, чтобы вынуть лист из машинки, но Рэндалл остановил ее руку.

— Не трогай. Отпечатки.

— Ладно. Но только есть у меня предчувствие, — добавила она, — что на этом ты не найдешь вообще никаких отпечатков.

— Может, и нет.

И все-таки Рэндалл сделал попытку. Вынув из нижнего ящика стола свою технику, он опылил и бумагу, и машинку — одинаково безрезультатно. Не было даже отпечатков пальцев Синтии, которые могли бы запутать дело; отличаясь образцовой аккуратностью, она ежедневно про-

тирала машинку перед уходом домой.

— Сдается, ты видел, как он выходит из конторы, а не входит в нее, — заметила Синтия, наблюдая за бесплодными стараниями мужа.

— Чего? Как это?

— Вскрыл, наверное, замок.

— Только не этот. Ты забываешь, что этот замок — одно из высших достижений мистера Йейла. Сломать его, очень постаравшись, можно, но вскрыть — никогда.

Синтия не ответила, она просто не знала, что и ответить. Рэндалл посмотрел на машинку с таким выражением, словно хотел спросить у нее, что же произошло в этой комнате, затем выпрямился, собрал свое хозяйство и засунул его в ящик.

— Что-то есть мерзкое во всей этой истории, — сказал он, начиная нервно расхаживать по слишком тесной для такого занятия комнате.

Синтия вынула из своего стола тряпочку, стерла порошок с машинки, села и стала молча смотреть на взволнованного мужа. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, не было беспокойством за себя, однако назвать его полностью материнским тоже было нельзя. Она беспокоилась за них обоих, за всю семью.

— Син, — резко остановился Рэндалл. — Этому

нужно положить конец.

— Вот и прекрасно, — согласилась Синтия. — Давай положим этому конец.

— Каким образом?

— Уедем в отпуск.

Рэндалл покачал головой.

— Я не могу сбежать от этой истории. Я должен знать.

— А вот я бы предпочла ничего не знать, — вздохнула Синтия. — Мы встретились с чем-то слишком огромным, бороться нам просто не под силу — так что же постыдного будет в бегстве?

— Что это с тобой, Син? — недоуменно посмотрел на нее Рэндалл. — Раньше ты никогда не трусила.

— Да, — медленно произнесла она. — Я никогда не трусила. Но у меня никогда и причин к тому не было. Погляди на меня, Тедди, — ведь ты знаешь, что я не из «женственных» женщин. Мне совсем не надо, чтобы ты ввязывался в драку, когда в ресторане ко мне пристает какой-нибудь балбес. Я не начинаю визжать при виде крови и не требую, чтобы ты исключил из своего лексикона выражения, не достойные моих нежных девичьих ушек. А что касается работы — разве я тебя хоть раз подводила? Я имею в виду — из-за

трусости. Подводила?

— Кой черт, конечно нет. А я этого и не говорю.

— Но здесь совсем другое дело. Несколько минут назад — ведь у меня в сумочке лежал пистолет, но я не могла его использовать. Бессмысленно спрашивать почему. Просто не могла.

Рэндалл выругался длинно и цветисто.

— Жаль, я его тогда не видел. Уж за мной бы не заржавело.

— Ты уверен?

Увидев, как изменилось выражение лица мужа, она подошла к нему и чмокнула его в кончик носа.

— Я совсем не хочу сказать, что ты бы испугался, ты же понимаешь, что я имела в виду совсем другое. Ты смелый, ты сильный, и я лично считаю тебя умным. Но ты подумай: вчера он обвел тебя вокруг пальца и заставил поверить, что ты видишь вещи, которых не было и в помине. Ну так почему же ты не взялся за свой пистолет?

— У меня не было ни случая, ни причины.

— Вот именно. Ты видел то, что должен был видеть, согласно чьему-то решению. Как можно драться, если нельзя верить даже своим собственным глазам?

— Какого черта, не может же этот проклятый

коротышка…

— Не может, говоришь? А вот я тебе скажу, что он может.

Синтия начала загибать пальцы.

— Он может быть в двух местах одновременно. Он может заставить тебя видеть одно, а меня в то же самое время — другое. Помнишь, перед «Акме»? Он может заставить тебя считать, что ты посетил фирму, которая не существует, на этаже, которого отродясь не бывало. Он может пройти сквозь запертую дверь, чтобы воспользоваться пишущей машинкой. И он не оставляет отпечатков пальцев. Ну и что же получается, если сложить все это вместе?

— Чушь какая-то получается, — раздраженно махнул рукой Рэндалл. — Или колдовство. А в колдовство я не верю.

— И я тоже.

— Ну а тогда получается, — засмеялся Рэндалл, — что мы оба с приветом.

Однако смех его трудно было назвать веселым.

— Возможно, и так. Если это колдовство, нам стоило бы сходить к священнику.

— Я же сказал, что не верю в колдовство.

— Слышала. Ну а если второй вариант, нам нет никакого смысла пытаться следить за мистером

Хогом. Ведь не может человек в белой горячке переловить своих зеленых чертей и сдать их в зоопарк. Ему лучше обратиться к доктору, как, возможно, и нам.

— Слушай! — неожиданно насторожился Рэндалл.

— Что слушать?

— Ты сейчас напомнила мне о совсем упущенном нами моменте. Врач Хога, ведь мы так и не проверили его.

— Но ты же сам и проверил, забыл, что ли? Никакого такого врача не существует.

— Я не про доктора Рено, я про доктора Потбери, того, к которому Хог носил свою грязь из-под ногтей.

— А ты что, веришь, что так оно и было? Я считала это частью той кучи вранья, которую он нам наплел.

— Я тоже. Но проверить все-таки не мешает.

— Зуб даю, нет такого доктора.

— Скорее всего, так оно и есть, но нам нужно знать. Дай-ка телефонную книгу.

Получив у Синтии справочник, Рэндалл начал его перелистывать.

— Потбери… Потбери. Здесь их целых полстолб-

ца. Но среди них ни одного Д. М.[18], — подытожил он безуспешные поиски. — Посмотрим «желтые страницы», иногда врачи не помещают в справочниках своего домашнего адреса.

Синтия передала мужу другой том телефонной книги.

— «Врачи и хирурги». Господи, да сколько же их тут! Врачей больше, чем забегаловок, — можно подумать, половина города только и делает, что лечится. Ну вот, пожалуйста. «Потбери, П. Т., Д. М.»

— Да, возможно, это тот самый, — согласилась Синтия.

— А чего же мы ждем? Поедем и узнаем.

— Тедди!

— Ну что тут такого? — оправдывающимся голосом спросил Рэндалл. — Ведь Потбери — это не Хог и…

— Не знаю, не знаю.

— Чего? Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, что Потбери, может быть, тоже замешан во всей этой дикой афере?

— Я не знаю. Просто мне хотелось бы совсем позабыть про нашего милого мистера Хога.

---

[18] Примечания: 18
Д. М. — доктор медицины.

— Слушай, киска, да чего же тут такого страшного? Сяду я в машину, быстренько доеду, задам глубокоуважаемому доктору пару вполне пристойных, уместных вопросов и вернусь как раз к ланчу.

— Машину мы отдали в ремонт, на притирку клапанов, ты что, забыл?

— Ну и что, поеду надземкой, даже и быстрее.

— Если ты так настаиваешь, поедем вместе. Теперь, Тедди, мы все время будем вместе.

Рэндалл задумчиво подергал себя за губу.

— Может, ты и права. Мы же не знаем, где сейчас Хог. Если ты предпочитаешь…

— Предпочитаю. Совсем недавно мы с тобой разошлись на какие-то три минуты — и посмотри, что из этого вышло.

— Да, пожалуй. И уж конечно, очень не хочется, чтобы с тобой что-то случилось.

— Я не про себя, я про нас, — возразила Синтия. — Если с нами случится, я бы предпочла, чтобы с обоими случилось одно и то же.

— Хорошо, — с неожиданной серьезностью согласился Рэндалл. — С этого момента мы держимся вместе. Если хочешь, сцепимся наручниками.

— Незачем, я и так от тебя не отстану.

6

Кабинет Потбери располагался на юге города, за университетом. Миля за милей рельсы надземки тянулись среди давно знакомых жилых кварталов. Обычно подобные пейзажи воспринимаются механически, почти не отражаясь в мозгу, но сегодня Синтия глядела на них и видела, причем видела окрашенными в тона своего мрачного настроения.

Четырех-, пятиэтажные дома без лифтов, отвернувшиеся фасадами от линии надземки, в каждом здании — не меньше десяти семей, а чаще — два десятка, даже больше. Дома эти теснятся почти вплотную друг к другу, деревянные крылечки черных лестниц ясно говорят, какими ловушками станут эти перенаселенные крольчатники в случае пожара, несмотря на свои кирпичные стены. Семейные постирушки, вывешенные сохнуть на эти самые крылечки, мусорные баки. Миля за милей уродливого, унизительного убожества.

И на всем — черная пленка грязи, вечной и неизбежной, — в точности такой же, как и грязь на раме вагонного окна, сквозь которое смотрит Синтия.

Она начала думать об отпуске, о чистом воздухе и ярком солнечном свете. Зачем оставаться в Чикаго? Чем этот город может оправдать свое существование? Один приличный бульвар, один приличный пригород на севере, но жить в нем по карману только богатым, два университета и озеро. А все остальное — бесконечные мили грязных, наводящих тоску улиц. Этот город словно огромный загон для скота.

Теперь дома сменились вагонным парком надземки, поезд свернул налево и полетел на восток. Еще несколько минут поездки, и они сошли на остановке Стоуни-Айленд; Синтия с большим облегчением вышла из поезда, избавилась от слишком уж откровенных, повергающих в уныние картин изнанки повседневной жизни — даже шум и грошовое торгашество Шестьдесят третьей улицы, по которой шли теперь они с Рэндаллом, казались предпочтительнее.

Окна кабинета Потбери выходили на улицу, давая великолепный вид на эстакаду надземки. В таком месте терапевт может не сомневаться, что пациентов у него будет достаточно, в равной степени ему не приходится сомневаться, что ни богатых людей, ни знаменитых среди этих пациентов не окажется. Маленькая душная комната

ожидания была переполнена, но очередь двигалась быстро, так что ждать Рэндаллу и Синтии пришлось недолго.

— Кто из вас пациент? — спросил Потбери, окинув их взглядом. Выглядел врач довольно раздраженным.

Они собирались подойти к вопросу о Хоге исподволь, использовав в качестве предлога для визита недавний обморок Синтии. Следующая фраза, произнесенная Потбери, совершенно поломала такую схему — с точки зрения Синтии.

— Кто бы ни был пациентом, второй может подождать снаружи. Я не люблю устраивать здесь митинги и демонстрации.

— Моя жена… — начал Рэндалл.

Синтия крепко сжала его руку.

— Моя жена и я, — без малейшей запинки перестроился он, — хотели задать вам, доктор, пару вопросов.

— Ну и?.. Говорите.

— У вас был один пациент — некий мистер Хог.

Торопливо встав, Потбери подошел к выходящей в комнату ожидания двери, убедился, что она плотно закрыта, и повернулся спиной к этому единственному выходу из кабинета.

— Ну, так что же насчет Хога? — зловеще спросил он.

Рэндалл вынул свои документы.

— Вы можете сами убедиться, что я имею вполне законное право проводить расследование. У моей жены тоже есть лицензия.

— Какое отношение имеете вы к… к упомянутому вами человеку?

— Он поручил нам провести некое расследование. Ваша профессия чем-то близка к моей, и как врач вы понимаете, что я предпочитаю откровенность…

— Вы работаете на него?

— И да и нет. Если конкретнее, мы пытаемся узнать некоторые факты, касающиеся его жизни, но ему это известно, мы не делаем ничего за его спиной. Можете, если хотите, позвонить и убедиться в этом лично.

Рэндалл сделал такое предложение скорее вынужденно, он надеялся, что Потбери им не воспользуется.

Именно так Потбери и поступил, однако его поведение не внушало особых надежд.

— Разговаривать с ним? Только под страхом смертной казни. Что вы хотите про него узнать?

— Несколько дней назад, — осторожно начал

Рэндалл, — Хог принес вам на анализ некое вещество. Я хочу узнать, что это было за вещество.

Потбери негодующе фыркнул.

— Всего несколько минут назад вы сами напомнили мне о родстве наших профессий. Удивляюсь, как вам в голову могло прийти задать подобный вопрос.

— Я понимаю вашу точку зрения, я знаю, что врачебные сведения о пациенте являются конфиденциальными. Однако в данном конкретном случае имеется…

— Вам лучше этого не знать.

Рэндалл на секунду задумался.

— Знаете, доктор, я достаточно насмотрелся на изнанку жизни, так что вряд ли что-нибудь может меня шокировать. Может быть, вас стесняет присутствие миссис Рэндалл?

Потбери с интересом посмотрел на него, а затем перевел взгляд на Синтию.

— Вы выглядите довольно приличными людьми, — снизошел он в конце концов. — Вероятно, вы и вправду считаете, что шокировать вас почти невозможно. Но позвольте дать вам хороший совет. Как я понимаю, вы тем или иным образом связаны с этим человеком. Так вот, держитесь от него подальше. Не имейте с ним никаких дел. И

не спрашивайте меня, что было под его ногтями.

* * *

Синтия с трудом сдержала возглас удивления. Она не участвовала в беседе, однако следила за ней очень внимательно. И Тедди ни словом не упомянул прежде о ногтях.

— Но скажите мне, почему? — настаивал Рэндалл.

Потбери начинал подавать признаки раздражения.

— Вы довольно глупый юноша, сэр. Позвольте мне сказать вам следующее: если вы знаете об этой личности не больше, чем можно судить по вашему поведению, то не имеете и малого представления о бездонности скотства, возможного в этом мире. И это ваше счастье. Лучше, несравненно лучше не знать этого.

Рэндалл помедлил, он понимал, что спор поворачивается не в его пользу. Затем он сделал новую попытку:

— Хорошо, доктор, предположим, вы правы. Но почему же тогда, зная, что он такой злодей, вы не сообщили о нем в полицию?

— А откуда вы знаете, что не сообщил? Но я отвечу вам на ваш вопрос, сэр. Нет, я не сообщил о

нем в полицию и поступил так по очень простой причине: от этого не было бы никакого проку. Наши блюстители порядка не обладают ни умом, ни фантазией, необходимыми, чтобы хотя бы представить себе саму возможность связанного с Хогом зла. В наши дни, в наш век он просто неуязвим для правосудия.

— Простите, я не понял, что вы имели в виду, говоря «в наши дни, в наш век».

— Ничего, не обращайте внимания. И вообще с обсуждением этого вопроса покончено. Вначале вы сказали что-то про свою жену, так она что, хотела со мной проконсультироваться?

— Ерунда, — торопливо вмешалась Синтия. — Ровно ничего серьезного.

— Просто предлог? — почти дружелюбно улыбнулся Потбери. — Так что там у вас было?

— Пустяки. Утром со мной случился обморок, но сейчас все в порядке.

— Хм. Вы ведь не в положении? По глазам не похоже. Вид у вас вполне здоровый, ну, может, чуть анемичный. Думаю, вам не повредило бы побольше солнца и воздуха.

Подойдя к дальней стене кабинета, Потбери открыл белый шкафчик и начал перебирать пузырьки. Через минуту он вернулся с небольшим

стаканчиком, наполненным янтарно-коричневой жидкостью.

— Выпейте это.

— А что это такое?

— Тонизирующее. В его составе как раз достаточно «того, от чего проповедник заплясал», чтобы вам понравилось.

Синтия нерешительно посмотрела на мужа.

— Не хочется пить в одиночку? — весело поинтересовался Потбери, перехватив этот взгляд. — Ну что ж, нам это тоже не повредит.

Он опять отошел к шкафчику и вернулся с двумя новыми порциями коричневатой жидкости, одну из которых вручил Рэндаллу.

— Ну, давайте за то, чтобы забыть обо всех неприятностях, — сказал он, поднял свой стаканчик и опрокинул его в рот.

Рэндалл тоже выпил, а затем его примеру последовала и Синтия. «Вполне приличная отрава», — подумала она. Малость горьковатая, но вкус виски — а это именно виски, решила она, а не какой-то там медицинский спирт — покрывал все остальные привкусы. Возможно, бутылочка такого тонизирующего и не принесет реальной пользы, но зато почувствуешь ты себя значительно веселее.

Потбери проводил их к двери.

— Если ваш обморок повторится, миссис Рэндалл, приходите сразу ко мне, и я вас тщательно обследую. А пока не беспокойтесь попусту о таких делах, в которых вы бессильны.

* * *

На обратном пути Синтия и Рэндалл сели в последний вагон и достаточно далеко от других пассажиров, чтобы говорить, не стесняясь ничьим присутствием.

— Ну и что ты можешь про все это сказать? — спросил Рэндалл, когда они устроились на своих местах.

— Даже и не знаю, — наморщила лоб Синтия. — Ясно как божий день, что Потбери не любит Хога, только он так и не сказал почему.

— Вот-вот.

— А как понимаешь все это ты, Тедди?

— Во-первых, Потбери знает Хога. Во-вторых, Потбери крайне озабочен, чтобы мы не узнали ничего про Хога. В-третьих, Потбери ненавидит Хога — и боится его.

— Да? А почему ты так решил?

Вот за такие снисходительные улыбочки Синтия иногда была готова выцарапать любимому

мужу глаза.

— Пошевели немного извилинами, красавица. Думаю, я могу сойтись с Потбери, но только напрасно он надеется напугать меня так, чтобы я прекратил попытки узнать, чем занимается Хог в свое рабочее время.

Синтия вполне резонно решила не спорить сейчас с мужем: за годы совместной жизни она узнала его достаточно хорошо.

По ее просьбе они поехали прямо домой, а не в контору.

— Я сейчас просто не могу, Тедди. А если ему так уж хочется поиграть с моей пишущей машинкой — ну и пускай его.

— Все еще дрожат коленки после несостоявшегося прыжка в окно? — озабоченно спросил Рэндалл.

— Да, вроде.

Почти весь оставшийся день Синтия продремала. «Похоже, — думала она, — что от этого самого тонизирующего никакого проку — только голова кружится да во рту противный вкус».

Рэндалл не стал мешать ей. Покрутившись бесцельно по квартире, он установил мишень и начал было свои метательные упражнения, но вовремя сообразил, что может разбудить Синтию.

Заглянув в спальню, он увидел, что она и вправду мирно спит. Тогда Рэндалл решил, что, проснувшись, его жена вряд ли откажется от пива, найдя таким образом вполне удовлетворительный предлог для прогулки, тем более что и сам хотел пива. Слегка побаливала голова, ничего особенного, но только после посещения доктора ему все время было как-то не по себе. Ерунда, пара пива — и все пройдет.

* * *

А как раз не доходя до ближайшей деликатесной лавки располагалась вполне уютная пивная, в которую Рэндалл и завернул, чтобы опрокинуть кружку разливного. В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что невесть уже сколько времени с пылом втолковывает хозяину заведения, почему именно вся совокупность реформ никогда не покончит с машиной, заправляющей городом.

Выходя из пивной, он припомнил все-таки первоначальное свое намерение, а потому вернулся домой, нагруженный пивом и разнообразными мясными деликатесами. Синтия уже встала и возилась на кухне.

— Приветик, крошка!

— Тедди!

Рэндалл поцеловал ее, еще не успев освободить руки от свертков.

— Испугалась небось, когда проснулась, а меня нету?

— Не то чтобы, но лучше бы ты оставил записку. Что это у тебя?

— Пиво и всякое мясное. Рада?

— Отлично. Не хочу сегодня никуда идти и вот пробую сообразить, что бы состряпать, но в доме ни кусочка мяса.

Синтия взяла свертки.

— Кто-нибудь звонил или заходил?

— Ага. Проснувшись, я позвонила на станцию, там ничего интересного. Но зеркало уже доставили.

— Зеркало?

— Не строй невинные глазки, Тедди. Большое спасибо за такой приятный сюрприз. Пойди посмотри, как теперь красиво в спальне.

— Слушай, давай-ка разберемся, — остановил ее Рэндалл. — Я не знаю ничего ни про какое зеркало.

Синтия удивленно смолкла.

— А я думала, ты купил его мне как сюрприз. Грузчики сказали, что за него уже уплачено.

— А на чье имя его доставили, на твое или мое?

— Даже и не заметила, я ведь тогда едва проснулась. Просто подписала какую-то бумажку, а они распаковали его и повесили, где я попросила.

Зеркало оказалось очень красивым — толстое шлифованное стекло с фаской, безо всякой рамы — и довольно большим. Рэндалл был вынужден согласиться, что теперь туалетный столик Синтии выглядит совсем по-другому.

— Знаешь, лапа, если ты хочешь такое зеркало — я тебе куплю. Но это зеркало не наше. Думаю, нужно позвонить и сказать, чтобы его у нас забрали. Где квитанция?

— Они, кажется, взяли ее с собой. Да и вообще сейчас уже поздно, все закрыто.

— Тебе оно, что, очень понравилось? — снисходительно, как ребенку, улыбнулся Рэндалл. — Ну ладно, на сегодня оно твое, а завтра я подсуечусь добыть другое.

Это и вправду было великолепное зеркало — абсолютно прозрачное стекло, покрытое безупречным слоем амальгамы. Синтии казалось, что в него можно просунуть руку, как в открытое окно.

Когда они легли, Рэндалл уснул быстрее Син-

тии. «Это потому, — подумала она, — что я чуть не весь день провалялась». Приподнявшись на локте, она смотрела на мерно дышащего во сне мужа. Тедди. Он очень добрый — во всяком случае, ко мне. Завтра я скажу, чтобы он не беспокоился доставать другое зеркало: зачем оно мне, собственно? Мне нужно одно: всегда быть с ним, чтобы ничто нас не разделяло. Вещи ровно ничего не значат, быть вместе — это единственно важная вещь.

Синтия взглянула на зеркало. Красивое, слов нет. И такое прозрачное — ну как распахнутое окно. Сейчас ей показалось, что она может пролезть сквозь это зеркало, как Алиса пролезла в Зазеркалье.

* * *

Проснулся Рэндалл оттого, что кто-то кричал его имя.

— Вылезай из постели, Рэндалл. Ты опаздываешь.

Не Синтия, это уж точно. Он сонно потер глаза и попытался их сфокусировать.

— В чем дело?

— В тебе, — сказал просунувшийся сквозь новое зеркало Фиппс. — Пошевеливайся! Не заставляй

нас ждать.

Рэндалл инстинктивно посмотрел на соседнюю подушку. Синтия исчезла.

Исчезла! Теперь у Рэндалла сна не осталось ни в одном глазу; мгновенно вскочив с кровати, он начал лихорадочно искать ее, сразу везде. В ванной нет.

— Син!!!

В гостиной тоже нет, на кухне, в столовой — тоже.

— Син! Синтия! Где ты?

Все так же лихорадочно он пооткрывал все шкафы и чуланы.

— Син!

Затем он вернулся в спальню и встал посреди нее, не зная, где еще искать, — печальная босая фигура в мятой пижаме и с всклокоченными волосами.

Взявшись одной рукой за нижний край зеркала, Фиппс без видимого напряжения перепрыгнул в комнату.

— Здесь должно быть место для установки высокого зеркала, в рост, — заметил он, поправляя пиджак и галстук. — В каждой комнате должно быть высокое зеркало. Думаю, вскоре такое требование будет выдвинуто — я прослежу за

этим лично.

Рэндалл перевел глаза на зазеркального гостя, словно только что его заметив.

— Где она? Что вы с ней сделали?

Он угрожающе шагнул к Фиппсу.

— Не ваше дело, — отрезал Фиппс. Кивком головы он указал на зеркало. — Перелезайте туда.

— Где она? — закричал Рэндалл и попытался схватить Фиппса за глотку. Он так и не понял, что, собственно, произошло дальше. Фиппс поднял руку, и Рэндалла отбросило к кровати. Он попытался подняться — никакого толку. Все усилия были бесполезны, словно в кошмарном сне.

— Мистер Круз! — окрикнул Фиппс. — Мистер Райфснайдер! Мне нужна ваша помощь.

В зеркале появились еще два смутно знакомых лица.

— Сюда, пожалуйста, мистер Круз, — скомандовал Фиппс.

Мистер Круз пролез сквозь зеркало.

— Прекрасно! Думаю, мы пронесем его вперед ногами.

* * *

Мнением Рэндалла никто не интересовался; он пытался сопротивляться, но мускулы словно

превратились в студень. Слабое подергивание конечностей — это все, чего он смог добиться. Он попробовал вцепиться зубами в оказавшуюся рядом руку и был вознагражден за свою предприимчивость ударом в лицо. Впрочем, это был скорее даже не удар, а болезненный толчок твердым, костлявым кулаком.

— Добавлю потом, — пообещал Фиппс.

Протиснув Рэндалла через зеркало, они свалили его на стол — на тот самый стол. И помещение было то же самое — зал заседаний совета фирмы «Детеридж и компания», вокруг стола собрались те же самые знакомые ледяные физиономии, а возглавлял приятную компанию тот же самый жовиальный толстяк со свинячьими глазками. Единственным изменением было большое зеркало, не отражавшее зал, а показывавшее вместо этого изображение спальни Рэндалла, но изображение не прямое, а перевернутое справа налево, словно наблюдаемое в это же самое зеркало.

Однако все эти подробности мало интересовали сейчас Рэндалла. Попытавшись сесть, он, как и в прошлый раз, убедился, что не может этого сделать, и был вынужден ограничиться приподниманием головы.

— Куда вы ее дели? — с ненавистью спросил он

у председательствующего.

Улыбка Стоулза была полна самого искреннего сочувствия.

— А, мистер Рэндалл! Так, значит, вы решили снова посетить нас. И где вы только не бываете, вы такой общительный человек. Я бы даже сказал, чересчур общительный. Неразумный, слабый и глупый, — задумчиво, словно сам себе, добавил он. — И только подумать, что я и мои родные братья не смогли создать ничего лучшего, чем вы. Ну что же, вы за это заплатите. Птица жестока.

Это последнее замечание он произнес благоговейно и на секунду закрыл лицо руками. Остальные сделали то же самое; чья-то ладонь грубо опустилась Рэндаллу на глаза, а затем убралась прочь.

Стоулз заговорил снова. Рэндалл попытался перебить его, но, как и в тот раз, Стоулз ткнул пальцем в его сторону и строго произнес: «Достаточно», после чего сыщик утратил способность говорить. При каждой попытке сказать что-либо перехватывало горло и накатывала тошнота.

— Хотелось думать, — с манерами заправского оратора продолжал Стоулз, — что существо даже столь жалкой породы, как ваша, сумеет понять

предостережения, которые вы получили, и будет действовать соответственно. — Смолкнув на мгновение, он выпятил вперед плотно сжатые губы. — Иногда мне начинает казаться, что моя собственная слабость — в непонимании того, насколько бездонны слабость и глупость, присущие людям. Будучи сам существом разумным, я обладаю несчастной склонностью ожидать от других, не подобных мне, разумного поведения.

Здесь он остановился и перенес внимание с Рэндалла на одного из своих коллег.

— А вы, мистер Паркер, не надейтесь попусту, — произнес он с самой приветливой улыбкой. — Уж вас-то я не стану недооценивать. А если вы желаете сразиться со мной за право сидеть там, где сижу я, — пожалуйста, но только чуть позже. Интересно, — добавил он задумчиво, — какова на вкус ваша кровь.

Мистер Паркер был не менее учтив.

— Думаю, господин председательствующий, что на вкус она практически такая же, как и у вас. Ваша мысль сама по себе превосходна, но я вполне удовлетворен существующим положением вещей.

— Крайне печально слышать такое, мистер Паркер, ведь вы мне нравитесь. Я надеялся, что у

вас побольше амбиций.

— Я терпелив — как наш Предок.

— Даже так? Ну что ж, вернемся к делу. Мистер Рэндалл, в прошлом я уже пытался убедить вас в настоятельной необходимости прекращения каких бы то ни было отношений с… с вашим клиентом. Вы понимаете, какого клиента я имею в виду. Каким, по вашему собственному мнению, способом можно убедить вас в том, что Сыны Птицы не потерпят вмешательства в их планы? Говорите, отвечайте мне.

Но Рэндалл слышал очень малую часть сказанного и не понял вообще ничего. Все его существо поглощала одна-единственная, ужасная мысль. Обнаружив, что снова способен говорить, он выразил эту мысль вслух.

— Где она? — спросил он хриплым шепотом. — Что вы с ней сделали?

Стоулз нетерпеливо махнул рукой.

— Иногда, — раздраженно сказал он, — коммуникация с ними становится практически невозможной — почти полное отсутствие разума. Мистер Фиппс!

— Да, сэр.

— Вы не откажетесь позаботиться, чтобы сюда был доставлен другой экземпляр?

— Непременно, мистер Стоулз.

Фиппс взглянул на своего помощника, они вышли из зала, но почти сразу вернулись. Ноша, которую они небрежно сбросили на стол рядом с Рэндаллом, оказалась Синтией.

Прилив облегчения был почти невыносим. Он накатился на Рэндалла, лишив его дыхания, оглушив его, застлав глаза слезами, он не оставил места для понимания всего ужаса их теперешнего положения. Однако постепенно трепет всего его существа ослабел, и Рэндалл понял наконец, что здесь что-то не так. Ни малейшего движения. Даже если они взяли ее спящей, небрежное обращение должно было разбудить Синтию.

Тревога была почти столь же ошеломляющей, как и радость секунду назад.

— Что вы с ней сделали? — молящим голосом спросил Рэндалл. — Неужели она…

— Нет, — брезгливо прервал его Стоулз. — Она не мертвая. Держите себя в руках, мистер Рэндалл. Разбудите ее, — повернулся он к своим коллегам, сопроводив приказание взмахом руки.

Один из них ткнул Синтию пальцем в бок и сказал:

— Заворачивать не надо, я съем это по пути.

— Весьма остроумно, мистер Прентан, — усмех-

нулся Стоулз, — но я просил вас разбудить ее. Не заставляйте меня ждать.

— Сейчас, господин председательствующий.

Он резко ударил Синтию по щеке; Рэндалл буквально почувствовал удар своим собственным лицом — в сочетании с полной беспомощностью это почти лишило его рассудка.

— Во Имя Птицы — проснись.

Рэндалл увидел, как грудь Синтии слегка приподнялась под шелком ночной рубашки, ее ресницы задрожали, а губы разжались и произнесли:

— Тедди?

— Син! Я здесь, маленькая, я здесь!

Повернув голову в его сторону, Синтия вскрикнула:

— Тедди! — а затем добавила: — Мне снился страшный сон…

Только сейчас она заметила окружающих, жадно глядевших на нее. Медленно обведя зал серьезными, широко раскрытыми глазами, она снова посмотрела на Рэндалла.

— Тедди, это все еще сон?

— Боюсь, что нет, милая. Держись.

Синтия еще раз взглянула на собравшихся за столом, но на этот раз бегло.

— Я не боюсь, — твердо сказала она. — Действуй, как знаешь, Тедди. В обморок я больше не шлепнусь.

С этого момента она не сводила глаз с Рэндалла.

Рэндалл искоса взглянул на заросшего жиром председательствующего; тот смотрел на них, забавляясь, по всей видимости, зрелищем и не выказывая пока намерения вмешиваться.

— Син, — торопливо прошептал Рэндалл, — они что-то со мной сделали, и теперь я не могу пошевелиться. Я парализован. Так что не очень на меня рассчитывай. Если у тебя появится шанс смыться — не задумывайся.

— И я не могу пошевелиться, — таким же шепотом ответила Синтия. — Нам надо ждать. — И добавила, заметив появившееся на его лице отчаяние: — Держись, ты же сам так сказал. Но я бы хотела прикоснуться к тебе.

Пальцы правой ее руки задрожали, сумели чуть-чуть зацепиться за гладкую, полированную поверхность стола и начали медленно, мучительно трудно преодолевать немногие разделявшие их дюймы.

Рэндалл обнаружил, что он тоже может слегка двигать пальцами, и его левая кисть поползла на-

встречу Синтии, так же медленно, на полдюйма за шаг, сковываемая мертвым весом парализованной руки. В конце концов руки встретились, пальцы Синтии сомкнулись с его пальцами и едва заметно их сжали. Она улыбнулась.

Стоулз негромко постучал по столу.

— Я очень тронут этим небольшим представлением, — сочувственно произнес он, — но пора вернуться к делу. Нам надо принять решение, как лучше с ними поступить.

— А не лучше ли всего совсем от них избавиться? — спросил тот, который тыкал Синтию пальцем в ребра.

— Да, это было бы крайне приятно, — согласился Стоулз, — но не надо забывать, что эти двое — только мелкая деталь наших планов, касающихся… клиента мистера Рэндалла. Именно он должен быть уничтожен.

— Но я не понимаю…

— Ну, конечно же, вы не понимаете, потому-то я и сижу на этом месте. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы вывести из игры этих двоих таким способом, который не вызовет никаких подозрений с его стороны. Поэтому вопрос сводится к методу и выбору конкретного субъекта.

Теперь заговорил мистер Паркер.

— А забавно было бы, — предположил он, — вернуть их в таком вот состоянии. Они медленно умрут от голода, не способные открыть дверь, не способные подойти к телефону, беспомощные.

— Да, именно так и было бы, — одобрительно кивнул Стоулз. — Я ожидал, что вы предложите нечто в этом роде. Ну а если он попытается их увидеть, найдет их в таком состоянии? Вы что, думаете, он не поймет их рассказа? Нет, это должно быть нечто такое, что свяжет им языки. Когда я отошлю их назад, один из них будет мертвым — и в то же время живым.

* * *

Вся ситуация была настолько нелепой, настолько чудовищно неправдоподобной, что Рэндалл не мог в нее поверить. Этого не может быть, говорил он себе. Это просто кошмарный сон, нужно только суметь проснуться, и все будет в порядке. Неспособность пошевелиться — это уже встречалось в прошлых снах. Потом просыпаешься и обнаруживаешь, что запутался в простыне или просто спал, засунув руки под голову. Он попробовал укусить себя за язык, чтобы проснуться, однако безрезультатно.

Последние слова Стоулза резко вернули вни-

мание Рэндалла к происходящему, но не потому, что он понял эти слова — они не значили для него почти ничего, хотя и были полны какого-то ужаса, — а из-за ропота одобрения, пробежавшего по собравшимся, напряженного ожидания, появившегося на их лицах.

Пальцы Синтии сжались чуть сильнее.

— Тедди, что они хотят сделать? — прошептала она.

— Не знаю, маленькая.

— И конечно же, мужчина, — сказал Паркер.

Стоулз смерил его взглядом.

Рэндалл ясно чувствовал, что до этого момента Стоулз предназначал то, что они намерены сделать, для мужчины, для него. Но теперь он сказал другое.

— Я всегда благодарен вам за советы. После них гораздо легче принять правильное решение. Приготовьте женщину, — скомандовал он своим коллегам.

«Сейчас, — подумал Рэндалл. — Сейчас или никогда».

Собрав всю свою волю, он попытался встать — встать, чтобы принять бой.

Можно было бы и не стараться.

— Ничего не выходит, маленькая.

Может быть, Синтия и боялась, но сейчас на ее лице читалась только озабоченность состоянием мужа.

— Держись, Мозговой Центр, — ответила она, подкрепив свои слова легким пожатием пальцев.

Вставший со своего места Прентан наклонился над Синтией.

— Вообще-то, это работа Потифара, — недовольно сказал он.

— Потифар оставил подготовленный флакон, — ответил Стоулз. — Он у вас, мистер Фиппс?

Вместо ответа Фиппс открыл свой портфель, вынул оттуда бутылочку и после утвердительного кивка Стоулза передал ее Прентану.

— А воск? — спросил тот все тем же сварливым голосом.

— Сию секунду, — пообещал Фиппс, снова залезая в свой портфель.

— Благодарю вас, сэр. А теперь, если кто-нибудь уберет это, — указал он на Рэндалла, — мы, пожалуй, начнем.

Многочисленные руки вцепились в Рэндалла и перетащили его на дальний край стола; двумя пальцами сжимая бутылочку, Прентан склонился над Синтией.

— Секунду, — остановил его Стоулз. — Я хочу, чтобы каждый из них понимал, что именно происходит и почему. Миссис Рэндалл, — с тяжеловесной учтивостью поклонился он, — надеюсь, что наш с вами краткий разговор убедил вас, что Сыны Птицы никоим образом не позволят, чтобы им мешали существа, подобные вам двоим. Вы поняли меня?

— Я поняла вас, — ответила Синтия. Однако в ее глазах стоял вызов.

— Прекрасно. Мы хотим — и вам необходимо это понять, — чтобы ваш муж не имел никаких дел с… с определенной личностью. Для того чтобы гарантировать такое положение вещей, мы сейчас разделим вас на две части. Ту из них, которая двигает вами и которую вы — что довольно забавно — называете душой, мы выдавим в этот флакон и оставим у себя. Ну а что касается всего остального, — все остальное ваш муж может оставить себе в качестве постоянного напоминания, что вы находитесь в руках Сынов Птицы. Вы меня понимаете?

Синтия молчала. Рэндалл попробовал ответить, однако обнаружил, что горло опять ему не повинуется.

— Послушайте меня, миссис Рэндалл; вы смо-

жете когда-нибудь встретиться со своим мужем при том только условии, что он будет нам повиноваться. Он не должен, под страхом вашей смерти, никогда больше встречаться со своим клиентом. Под страхом того же наказания он обязан молчать в отношении нас и всего здесь происшедшего. Если он не послушается… уверяю вас, мы сделаем вашу смерть весьма интересной.

Рэндалл хотел закричать, пообещать им сделать все, что угодно, лишь бы они пощадили Синтию, но голос все еще его не слушался, — видимо, Стоулз хотел выслушать спервa Синтию. Синтия покачала головой.

— Он поступит по своему усмотрению.

— Великолепно, — улыбнулся Стоулз. — Такой ответ я и хотел услышать. Ну а вы, мистер Рэндалл, вы обещаете?

Он хотел согласиться, он уже почти согласился, но тут увидел глаза Синтии, говорившие «Нет!». По выражению лица жены он понял, что теперь блокирована ее речь. Рэндаллу показалось, что где-то в глубине его головы ясно, отчетливо звучит голос Синтии:

— Это ловушка, Мозговой Центр. Не обещай им ничего.

Рэндалл молчал.

Фиппс вдавил палец в его глаз.

— Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Чтобы видеть Синтию, Рэндаллу пришлось зажмурить неповрежденный глаз; на ее лице по-прежнему читалось одобрение. Он продолжал молчать.

— Ладно, ерунда, — заговорил наконец Стоулз. — Продолжим, джентльмены.

— Давай! — скомандовал Прентан, прижав бутылочку к левой ноздре распростертой на столе женщины.

Кто-то резко надавил Синтии на грудь; с коротким хриплым стоном воздух вырвался из ее легких.

— Тедди, — выговорила она задыхаясь. — Они рвут меня на ча…

Операцию повторили, прижав бутылочку к другой ноздре. Теплые нежные пальцы, лежавшие в ладони Рэндалла, внезапно обмякли.

— Дайте воск, — отрывисто сказал Прентан, зажав горлышко бутылки пальцем. Запечатав, он передал ее Фиппсу.

Стоулз махнул рукой в сторону зеркала и небрежно кинул:

— Положите их на место.

Проследив за тем, как сквозь зеркало протолк-

нули Синтию, Фиппс обратился к Стоулзу:

— А нельзя ли нам оставить ему кое-что на память?

— Как хотите, — безразлично пожав плечами, ответил Стоулз, поднимаясь с места. — Только постарайтесь, чтобы без серьезных повреждений.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Фиппс и, небрежно взмахнув рукой, едва не выбил Рэндаллу все зубы. — Мы его осторожненько.

Значительную часть этой процедуры Рэндалл находился в сознании — хотя, конечно же, точно оценить пропорцию было трудно. Раз или два он отключался — но только затем, чтобы очнуться от еще худшей боли.

Напоследок Фиппс приберег новый, им же, вероятно, и придуманный способ без особого членовредительства доводить человека до предела страданий.

Рэндалла окружали зеркала; зеркальными были и стены комнаты, куда он попал, и ее пол, и ее потолок. Куда ни посмотри — всюду бесконечные вереницы его изображений, и каждое из этих изображений — он сам, его «я», и каждое из этих «я» ненавидело его, и бежать от них было некуда.

— Врежь ему еще, — орали они — орал он, — и

их-его крепко сжатые кулаки били его в зубы. А затем раздавался их-его довольный гогот.

Они обступали его все ближе и ближе, а он не мог от них убежать. Какие отчаянные усилия он ни прилагал — мышцы его не слушались. Это потому, что его приковали, приковали к огромному колесу вроде беличьего. Заодно ему завязали глаза, а скованные руки не давали сдернуть повязку. Но надо было бежать — ведь наверху стояла Синтия, и надо было до нее добраться.

Только какой там верх, когда ты в беличьем колесе.

Рэндалл страшно устал, а когда он хоть чуть-чуть замедлял движение, они снова его били. Кроме того, он должен был считать шаги, иначе не считается, иначе все бесполезно. Десять тысяч девяносто один, десять тысяч девяносто два, десять тысяч девяносто три, вверх-вниз, вверх-вниз… Хоть бы увидеть, куда я бегу.

Рэндалл споткнулся, его ударили сзади, и он упал лицом вниз. Мир куда-то исчез.

* * *

Когда сознание наконец вернулось, он обнаружил, что лежит, прижавшись лицом к чему-то жесткому, холодному и бугристому. Отодвинув-

шись от непонятного предмета, он почувствовал, что все его тело онемело. Ноги не слушались: с трудом разглядев их в неверном свете раннего утра, Рэндалл понял причину — наполовину стянутая с кровати простыня плотно обвила его лодыжки.

Жесткий холодный предмет оказался батареей парового отопления, рядом с которой он почему-то лежал. Рэндалл начал ориентироваться в обстановке. Он находился в своей собственной спальне. По-видимому, он бродил во сне, надо же, ведь последний раз такое было страшно давно, в раннем детстве! Бродил во сне, зацепился за что-то и врезался головой в батарею. Ну и отшибло мозги, конечно же, напрочь. Как еще жив остался.

Собравшись немного с силами, болезненно морщась при каждом движении, он начал подниматься на ноги и заметил непривычный предмет — новое зеркало. Мгновенно вспомнив свой сон, он бросился к кровати.

— Синтия!

Но Синтия была на месте, в целости и сохранности. Она даже не проснулась от этого вопля, чему Рэндалл очень обрадовался — зачем же людей зря пугать? На цыпочках отойдя от кровати, он тихо

пробрался в ванную, притворил за собой дверь и только тогда повернул выключатель.

Хорош видок, ничего не скажешь. Нос расквашен, и давно, — кровь в основном уже подсохла и не течет. Вся грудь пижамной куртки в той же кровище. Кроме того, по всей видимости, он лежал правой щекой в луже крови, кровь засохла, и картина получилась устрашающая — значительно страшнее, чем в действительности, как он с облегчением обнаружил, умывшись.

В действительности повреждений не так уж много, только вот — ой! — весь правый бок онемел и ноет — наверное, расшиб, падая, а потом, для полного комплекта, еще и застудил. Интересно, думал Рэндалл, долго ли я так валялся?

Сняв пижамную куртку, он решил, что стирать сейчас — слишком много хлопот, смял ее в комок и засунул за унитаз. Чтобы Синтия не наткнулась на такой ужас раньше, чем он объяснит ей происшедшее.

«Господи, Тедди, что это с тобой?»

«Да так, маленькая, ерунда. Просто поцеловался с батареей».

Объяснение звучало даже сомнительнее, чем классическое «на дверь наткнулся».

Голова все еще кружилась, кружилась сильнее,

чем Рэндалл думал, — засовывая куртку, он чуть не упал и с трудом сохранил равновесие, ухватившись за бачок. И стучало в этой голове так, словно внутри ее лупила по своим барабанам целая орава доброхотов из Армии спасения. Пошарив в аптечке, Рэндалл нашел аспирин, проглотил три таблетки и задумчиво воззрился на коробочку люминала, приобретенную Синтией несколько месяцев назад. Прежде такое было ни к чему, спал он всегда как убитый, но тут особый случай. Кошмары две ночи кряду, а для полной радости — начал расхаживать по квартире, как лунатик, и чуть не свернул себе дурацкую свою шею.

«А ведь девица в чем-то права, — подумал Рэндалл, глотая таблетку. — Отпуск совсем не повредил бы, а то я совсем как выжатый лимон».

Найти чистую пижаму, не зажигая в спальне свет, было практически невозможно, так что Рэндалл без куртки скользнул под одеяло, подождал секунду — не проснется ли Синтия, а потом закрыл глаза и попытался расслабиться. Через несколько минут снотворное начало действовать, болезненные толчки в голове немного стихли, и вскоре он крепко заснул.

7

Проснувшись от бившего в лицо солнца, Рэндалл сощурил один глаз на будильник, увидел, что уже десятый час, и торопливо слез с кровати. Поступок оказался не из самых остроумных — дико заныл правый бок. Затем коричневое пятно под батареей напомнило ему вчерашние приключения.

Осторожно повернув голову, он поглядел на жену. Та все еще безмятежно спала и, по всей видимости, даже не собиралась шевелиться. Такой расклад вполне устраивал Рэндалла — лучше сперва напоить ее апельсиновым соком, а уж потом описывать столь прискорбные обстоятельства. Зачем сразу устраивать панику?

Кое-как нащупав шлепанцы, он накинул на себя купальный халат — голые плечи зябли, а все мышцы неприятно ныли. Чистка зубов несколько улучшила положение — избавившись от противного вкуса во рту, Рэндалл настолько осмелел, что начал подумывать о завтраке.

Мысли его рассеянно скользили по событиям прошлой ночи, даже не пытаясь проникнуть в них поглубже. Неприятная все-таки вещь, думал

он, выжимая сок из апельсинов, — эти ночные кошмары. Может, и не психоз, но невроз — это уж точно, а что в этом хорошего? Кончать надо с этим. Разве можно работать, если всю ночь прослонялся как дурак по квартире, даже если при этом и не сломал себе шею, зацепившись за что-нибудь. Мужчине нужен сон — какие тут сомнения.

Управившись со своей порцией сока, Рэндалл понес второй стакан в спальню.

— Ну-ка, красавица, подъем!

Синтия не пошевелилась, так что он решил прибегнуть к средствам более радикальным и запел:

Вставай, вставай, штанишки надевай,
Маечку натягивай, песенку подтягивай!

И снова никакого результата. Аккуратно поставив стакан на тумбочку, Рэндалл сел на край кровати, взял Синтию за плечо и слегка ее потормошил.

— Вставай, засоня! Всю молодость проспишь!

Синтия не шелохнулась. Плечо было холодным как лед.

— Син! — закричал он в голос. — Син! Син!

Теперь Рэндалл тряс ее изо всех сил.

Безжизненно, как ватная, Синтия перевернулась на спину. Он снова встряхнул ее.

— Син, милая… ой, господи!

Через некоторое время испытанное Рэндаллом потрясение само успокоило его, фигурально говоря, он сорвал тормоза и был готов с мертвенным, ледяным спокойствием сделать все, что угодно, все, что окажется необходимым. Сам того не осознавая и неизвестно почему, Рэндалл считал Синтию мертвой. Однако он решил убедиться наверняка — при помощи известных ему средств. Пульс не прощупывался. «А может, я просто не умею его искать, — говорил он себе. — А может, пульс есть, но очень слабый». И все это время какой-то дьявольский хор кричал в его голове: «Она умерла… умерла… умерла… Это ты позволил ей умереть!»

Рэндалл приложил ухо к груди жены. Теперь ему показалось, что сердцебиение прослушивается, но уверенности не было, возможно, это просто отзвуки собственного его пульса. Так ничего и не поняв, он оглянулся в поисках какого-нибудь небольшого зеркала.

Вполне подходящее круглое зеркальце нашлось в сумочке Синтии; Рэндалл старательно вытер

его рукавом халата и приблизил к губам жены.

Зеркало слегка запотело.

В полном ошеломлении, все еще не позволяя себе надеяться, Рэндалл снова протер зеркальце и сделал еще одну попытку. Оно снова запотело, чуть-чуть, но вполне определенно.

Она жива — она жива.

Удивившись секунду спустя, почему лицо Синтии плывет у него перед глазами, Рэндалл понял вдруг, что собственное его лицо залито слезами. Вытерев на ходу глаза, он, как заведенный автомат, продолжил ненужную теперь, собственно, проверку. Иголка, иголка… где в этом доме иголки? Вытащив иголку из подушечки, лежавшей на туалетном столике, Рэндалл подошел к кровати, двумя пальцами оттянул кожу на руке Синтии, прошептал: «Прости, маленькая», — зажмурился и уколол.

Показалась алая капелька, затем укол быстро затянулся. Жива! Хорошо бы измерить температуру, но термометра не было — они с Синтией практически никогда не болели. Что еще… Когда-то и где-то Рэндалл читал что-то про то, как изобретали стетоскоп. Если свернуть листок бумаги…

Найдя подходящий листок, он свернул его в

трубку, приставил один конец этой трубки к груди Синтии, где-то в районе сердца, а к другому приложил ухо.

Тук-тук… тук-тук… тук-тук… Негромко, но ритмично и отчетливо. На этот раз сомнений не осталось, раз бьется сердце, значит она жива.

Чтобы справиться с собой, ему пришлось на минуту присесть.

* * *

Только большим усилием Рэндалл заставил себя думать — что же делать дальше. Ну конечно же — вызвать врача. Он не догадался сделать это раньше потому, что они с Синтией никогда не болели, — а значит, никогда не вызывали врача. И правда, ведь за все время после свадьбы им ни разу не потребовался врач.

А может, позвонить в полицию и попросить прислать медицинскую машину?.. Ну, пришлют какого-нибудь ихнего живодера, который привык полосовать ножиком несчастных, пострадавших в автомобильных авариях и перестрелках. Нет, врач нужен самый лучший. А кто из них самый лучший? Семейного врача семейство Рэндалл не имело. Смайлз… да ну его, алкоголика. Еще Хартвик — но у него очень узкая специализация:

весьма интимные операции для сливок общества. Рэндалл взялся за книгу.

Потбери! Кто его, конечно, знает, этого старого шарлатана, но вид у него вполне компетентный. Рэндалл нашел нужную страницу, три раза набрал номер неправильно, отчаялся и попросил помощи у телефонистки.

— Да, это Потбери. Что вам нужно? Говорите же.

— С вами говорит Рэндалл. Рэндалл. Р-Э-Н-Д-А-двойное Л. Мы с женой заходили к вам вчера, помните? Это насчет…

— Да, я помню. В чем дело?

— Моя жена заболела.

— Что с ней такое? Снова обморок?

— Нет… ну да. То есть я хотел сказать — она без сознания, она совсем как мертвая.

— Она мертвая?

— Не думаю — но она в очень тяжелом состоянии. Я боюсь, доктор. Вы можете приехать прямо сейчас?

Последовало недолгое молчание.

— Я приеду.

— Ой, как хорошо! Послушайте, а что мне делать до вашего приезда?

— Не делайте ничего. Не трогайте ее. Я скоро

буду.

Потбери повесил трубку.

Отставив телефон, Рэндалл торопливо вернулся в спальню. Вид Синтии не изменился. Он хотел было ее потрогать, вспомнил указание доктора и резко отдернул руку. Однако, заметив свой импровизированный стетоскоп, Рэндалл не устоял перед искушением.

Услышав успокоительное «тук-тук», он виновато убрал бумажную трубку.

Теперь Рэндаллу оказалось нечего делать — только стоять рядом с кроватью, смотреть на Синтию и обкусывать ногти. Десять минут такого плодотворного занятия привели его на грань истерики. Тогда Рэндалл прошел на кухню, достал с верхней полки бутылку, налил полстакана виски, несколько минут смотрел на щедрую дозу народного успокоительного средства, выплеснул ее в раковину и побрел в спальню.

Никаких изменений.

Неожиданно Рэндалл вспомнил, что не дал врачу своего адреса. Бросившись на кухню, он схватил телефон и, с трудом держа себя в руках, каким-то образом сумел правильно набрать номер. Ответил женский голос:

— Нет, доктор на выезде. Вы хотите что-нибудь

передать?

— Моя фамилия Рэндалл. Я…

— О, мистер Рэндалл. Доктор выехал к вам минут пятнадцать назад. Он будет у вас с минуты на минуту.

— Но у него нет адреса.

— Как? Да нет, я уверена, что он знает адрес, иначе он уже позвонил бы сюда.

Рэндалл в недоумении положил трубку. Все это до крайности странно. Ладно, дадим Потбери три минуты, а потом попробуем поискать другого врача.

* * *

На сигнал домофона Рэндалл поднялся со стула, покачиваясь, словно боксер после нокаута.

— Да?

— Потбери. Это вы, Рэндалл?

— Да, да, поднимайтесь.

Прижимая ухом трубку, он нажал кнопку замка.

Рэндалл встретил Потбери у настежь распахнутой двери.

— Заходите, доктор, заходите, заходите!

Коротко кивнув, врач прошел мимо него.

— Где пациентка?

— Здесь, она здесь.

Суетливо проводив Потбери в спальню, Рэндалл напряженно замер около кровати, с надеждой наблюдая, как врач осматривает лежащую без сознания Синтию.

— Ну как она? Она поправится? Скажите, доктор…

Слегка распрямившись, Потбери недовольно хмыкнул и повернул голову к не находящему себе места Рэндаллу.

— Будьте любезны, отойдите от кровати и перестаньте дышать мне в затылок. Тогда, возможно, мне и удастся что-нибудь выяснить.

— Ой, извините. — Рэндалл испуганно ретировался к двери.

Достав из саквояжа стетоскоп, Потбери некоторое время прослушивал Синтию, затем передвинул прибор и вслушался снова. В конце концов он вытащил черные резиновые трубки из ушей, и Рэндалл, все это время тщетно пытавшийся прочесть что-нибудь на его непроницаемом лице, с надеждой шагнул вперед.

Однако Потбери не обратил на него никакого внимания. Теперь врач двумя пальцами оттянул веко Синтии и всмотрелся в ее зрачок, передвинул тонкую безжизненную руку так, что она

свесилась с кровати, и постучал молоточком по локтю, после чего выпрямился и несколько минут просто смотрел на пациентку.

Рэндаллу хотелось кричать и ломать мебель.

Потбери проделал еще несколько странных, почти ритуальных телодвижений, входящих в репертуар каждого терапевта. Некоторые из этих действий Рэндалл — так ему, по крайней мере, казалось — понимал, некоторые — точно нет.

— А что она делала вчера, после того, как вы ушли от меня? — неожиданно спросил врач, закончивший, по всей видимости, осмотр.

— Так я и думал, — умудренно кивнул он, выслушав сбивчивый рассказ Рэндалла. — Все это связано с утренним ее шоком. И ведь виноваты вы, а никто другой.

— Я виноват?

— Вы были предупреждены. Вам не следовало и близко подходить к подобному человеку.

— Но… но… ведь вы не предупредили меня после того, как он ее напугал.

Было похоже, что замечание Рэндалла несколько обеспокоило врача.

— Пожалуй, да, пожалуй, да. Мне показалось, что кто-то предупреждал вас еще до меня. В любом случае нужно было понимать, с какой

тварью имеете дело.

Однако сейчас эта тема мало интересовала Рэндалла.

— А как она, доктор? Она поправится? Ведь она поправится, правда?

— На вашем попечении, мистер Рэндалл, оказалась очень больная женщина.

— Да, я понимаю, что она… но чем она больна?

— Lethargica gravis[19] на почве психической травмы.

— А это опасно?

— Достаточно опасно. Однако при соответствующем уходе она должна поправиться.

— Все, что угодно, доктор, все, что угодно. Деньги не проблема. Что мы теперь сделаем? Отправим ее в больницу?

— Ничего хуже и не придумаешь, — отмахнулся Потбери. — Проснувшись в незнакомой обстановке, она может снова потерять сознание. Держите ее здесь. Вы можете так организовать свои дела, чтобы находиться при ней непрерывно?

— Конечно могу.

— Вот так и сделайте. Не отходите от нее ни днем ни ночью. Лучше всего, если, проснувшись,

---

[19] Примечания: 19
Летаргический ступор *(лат.)*.

она увидит свою комнату, а также вас — рядом и бодрствующего…

— Но ей, наверное, нужна сиделка?

— Не думаю. С ней, собственно, ничего не надо делать — только следить, чтобы была тепло укрыта. Ну разве еще — чтобы ее ноги находились чуть выше головы. Подложите по паре книг под ножки кровати с нужной стороны — и все.

— Сейчас же сделаю.

— Если такое состояние продлится неделю или около того, подумаем о глюкозных вливаниях или еще чем-нибудь в этом роде. — Потбери наклонился, застегнул свой саквояж и поднял его с пола. — Если ее состояние изменится — звоните.

— Обязательно. Я…

Рэндалл осекся на полуслове, последние слова врача напомнили ему о забытом было обстоятельстве.

— Доктор, а как вы нас нашли?

На лице Потбери появилось изумление.

— Что вы имеете в виду? Ваш дом совсем легко найти.

— Но я не говорил вам адрес.

— Что? Чепуха.

— Но я действительно не говорил. Потом я быстро это сообразил и позвонил в вашу приемную,

но вас уже не было.

— А кто говорит, что вы дали мне свой адрес сегодня?

Вид у Потбери был уже не удивленный, а раздраженный.

— Вы дали мне его вчера.

Рэндалл немного задумался. Вчера он показывал Потбери свои документы, но там ведь только адрес конторы. Конечно, их домашний телефон есть в справочнике и в лицензии, но и там и там — просто как ночной деловой телефон, без адреса.

Разве что Синтия…

Но Синтию сейчас не спросишь, и мысль о ней заставила его позабыть все эти мелочи.

— Доктор, так вы уверены, что ничего больше не нужно? — озабоченно спросил он.

— Ничего. Сидите дома и наблюдайте за ней.

— Обязательно. Только лучше бы я был парой близнецов, — с сожалением сказал Рэндалл.

— Это еще почему? — повернул голову Потбери, уже взявший свои перчатки и направлявшийся к двери.

— А из-за этого драгоценного Хога. У меня теперь к нему счет, и большой. Ну ладно, я пошлю кого-нибудь следить за этой гнидой, а как только

освобожусь — разберусь с ним по-свойски.

Вздрогнув, словно ужаленный, Потбери резко повернулся.

— Ничего подобного вы не сделаете, — зловеще посмотрел он на Рэндалла. — Ваше место здесь.

— Да, да, понимаю, но мне хотелось бы иметь его под колпаком. А потом, когда все придет в порядок, я разберусь — кто он такой и что он такое.

— Молодой человек, — медленно, с угрозой в голосе сказал Потбери. — Вы должны обещать мне, что никогда и никоим образом не вступите в отношения с… с упомянутым вами человеком.

Рэндалл посмотрел на кровать.

— Я не могу допустить, чтобы все это сошло ему с рук, — почти выкрикнул он. — Неужели вы не понимаете?

— Во имя… послушайте. Я старше вас и должен бы вроде привыкнуть к глупости и неразумности. И все же ну как еще можно убедить вас, что есть вещи слишком опасные, с которыми лучше не шутить? Ну как я могу взять на себя ответственность за ее, — Потбери указал на Синтию, — выздоровление, если вы намерены совершать поступки, неминуемо ведущие к катастрофе?

— Но… Послушайте, доктор Потбери, я ведь сказал, что буду точно следовать всем вашим ука-

заниям, касающимся ее. Но я не намерен просто так вот простить ему то, что он сделал. Если она умрет… если она умрет, то прости меня, Господи, но я разберу его на кусочки ржавым топором.

На этот раз Потбери немного помедлил, а когда наконец заговорил, то спросил только:

— А если не умрет?

— Если она не умрет, моим главным делом будет находиться здесь, заботиться о ней, но забывать про Хога я ни в коем случае не собираюсь. Такого обещания вы от меня не получите.

— Ладно, на том и порешим — и будем надеяться, что она не умрет. Но позвольте мне сказать вам, молодой человек, — тут Потбери решительно нахлобучил шляпу, — что вы идиот.

И он ушел, негодующе топая ногами.

* * *

Некоторое возбуждение, охватившее Рэндалла во время перебранки с Потбери, быстро выветрилось, и его обуяла черная тоска. Делать было ровно нечего, ничто не отвлекало его мозг от жгучей тревоги за Синтию. Следуя совету Потбери, он приподнял немного задние ножки кровати, но на это ушло всего несколько минут, а затем опять наступило выматывающее душу безделье.

Поднимая кровать, он действовал очень осторожно, словно боясь разбудить Синтию, и только на второй ножке сообразил, что разбудить ее — самое страстное его желание. И все равно он не мог делать это шумно и небрежно — такой слабой и беззащитной казалась она сейчас.

Рэндалл поставил стул поближе к кровати, чтобы всегда иметь возможность потрогать руку Синтии, и начал пристально глядеть на нее, выискивая хоть какие-нибудь изменения. Через некоторое время он начал различать, как поднимается и опускается казавшаяся прежде абсолютно неподвижной грудь. Открытие несколько ободрило его, и он провел довольно долгое время за наблюдением — медленный, почти незаметный вдох, затем — гораздо более быстрый выдох…

Лицо Синтии побледнело и устрашающе походило на мертвое, но все равно оставалось прекрасным. Такая хрупкая… и она так в него верила… а теперь он не может ничем ей помочь. Если бы он ее послушал, если бы только он ее послушал, ничего этого не произошло бы. Она боялась, но делала все, о чем он ее просил.

Даже Сыны Птицы не смогли ее испугать.

Господи, да что же я такое говорю? Возьми себя

в руки, Эд, — этого не было, все это часть твоего страшного сна. И все равно, случись что-либо подобное, именно так она и вела бы себя — держалась бы сама и поддерживала бы его игру при любом, даже самом худшем раскладе.

Мысль, что даже во сне он абсолютно уверен в Синтии, уверен в ее отваге и преданности, принесла Рэндаллу некое печальное удовлетворение. Твердость, характер — редкие даже у мужчин. Вот хотя бы вспомнить, как она вышибла бутылку с кислотой из рук этой сумасшедшей старухи, которую он повинтил по делу Мидуэлла. Если бы не ее быстрота и решительность, носить бы тебе, Эд, сейчас черные очки, и водила бы тебя по улицам здоровая такая, симпатичная псина.

Слегка отодвинув одеяло, Рэндалл посмотрел на руку Синтии — вот тогда она и получила этот шрам. Ни одна капля кислоты не попала на Рэндалла, но кое-что попало на нее, и остались следы, навсегда остались, но ее это, похоже, не беспокоило.

Синтия! Син, милая ты моя!

* * *

Однако в конце концов наступил момент, когда даже он не мог больше оставаться в одном по-

ложении. Болезненно морщась — застуженные вчера ночью, а теперь к тому же занемевшие мышцы ног жутко болели, — Рэндалл кое-как встал и, вздохнув, начал борьбу с трудностями повседневной жизни. Мысль о еде вызывала отвращение, но никуда не денешься — надо питаться, чтобы сохранить силы для ожидания и наблюдения, которые могут продлиться неизвестно сколько времени.

При обыске, произведенном на кухонных полках и в холодильнике, обнаружилась кое-какая пища — всякая мелочь для завтрака, несколько банок консервов, какая-то крупа, пучок вялого салата. Кулинарные вопросы никогда не волновали Рэндалла, консервированный суп, — решил он, — еда не хуже любой другой. Открыв банку шотландской бараньей похлебки, он вывалил ее содержимое в кастрюлю, добавил немного воды и зажег газ. Дав месиву побулькать пару минут, Рэндалл снял его с огня и съел стоя и прямо из кастрюли. Ничего, вполне прилично, правда, малость смахивает на вареные опилки.

Затем Рэндалл вернулся в спальню, сел и возобновил свое ненадолго прерванное бдение. Однако вскоре выяснилось, что лучше было бы ему не заниматься рассуждениями, а послушаться голоса

организма, — спешно выскочив в ванную, он вытошнил все содержимое своего желудка. Вымыв лицо и почистив зубы, Рэндалл снова уселся на свой стул уже в довольно приличном состоянии — разве что бледный и обессиленный.

На улице стемнело, и это дало ему небольшое занятие — он встал, зажег стоящую на туалетном столике лампу, прикрыл ее, чтобы не светила в глаза Синтии, и снова сел. Состояние Синтии не изменилось.

И тут зазвонил телефон.

Резкость реакции Рэндалла, его удивление превосходили все разумные пределы. Он так долго просидел здесь, с тоской и страхом глядя на неподвижное лицо Синтии, что совсем забыл про всех остальных людей, живущих где-то там во внешнем мире. Немного собравшись, он поднял трубку.

— Алло? Да, это Рэндалл.

— Мистер Рэндалл, все это время я много думал и пришел к выводу, что должен извиниться перед вами и дать некоторые объяснения.

— Что вы мне должны? Кто это говорит?

— Это я, Джонатан Хог, мистер Рэндалл. Когда вы…

— Хог! Вы сказали Хог?

— Да, мистер Рэндалл. Я хочу извиниться перед вами за беспардонность своего поведения вчера утром и буквально умоляю вас простить меня. Хотелось бы надеяться, что миссис Рэндалл не была оскорблена моим…

К этому времени Рэндалл достаточно оправился от начального своего удивления, чтобы выразить все, что думал. И выразил свои мысли он сочно, с использованием лексики и риторических фигур, освоенных за долгие годы близкого общения с теми личностями, с которыми чаще всего приходится общаться частному сыщику. По окончании своего монолога он услышал в телефонной трубке судорожный вздох, за которым последовала мертвая тишина.

Однако полного удовлетворения Рэндалл не чувствовал. Ему хотелось, чтобы Хог заговорил, чтобы можно было прервать его и с новыми силами продолжить свою тираду.

— Хог, вы еще у телефона?

— Э-э, да.

— А еще я хочу добавить следующее. Возможно, вам кажется милой такой шуткой подстеречь женщину в коридоре и перепугать ее до полусмерти. Мне это шуткой не кажется. Но я не собираюсь сдавать вас в полицию, не дождетесь

вы такого счастья. Просто как только миссис Рэндалл выздоровеет, я отыщу вас, где бы вы ни были, и тогда — тогда помоги вам Бог, Хог. Вам очень потребуется такая помощь.

Рэндалл был уже уверен, что его собеседник повесил трубку, — так долго продолжалось молчание на этот раз. Однако, как оказалось, Хог просто собирался с мыслями.

— Мистер Рэндалл, это просто ужасно…

— Да уж конечно!

— Насколько я понимаю, вы говорите, что я намеренно подстерег миссис Рэндалл и напугал ее.

— Вы сами знаете, что вы сделали.

— Но ведь я не знаю, правда не знаю.

Тут Хог замолчал, а потом продолжил дрожащим, неуверенным голосом:

— Вот именно этого я и боялся, мистер Рэндалл, боялся узнать, что во время провалов в памяти делаю нечто очень плохое. Но причинить страдание миссис Рэндалл… и после всего ее доброго ко мне отношения. Это просто ужасно.

— Вы еще мне говорите!

Хог глубоко вздохнул, как безмерно уставший человек.

— Мистер Рэндалл?

Рэндалл молчал.

— Мистер Рэндалл, мне нет никакого смысла обольщать себя иллюзиями; выход тут только один. Вы должны сдать меня в полицию.

— А?

— Собственно, я понял это еще во время последнего нашего с вами разговора. Я думал об этом весь вчерашний день, но никак не мог набраться смелости. Мне хотелось надеяться, что я покончил с моей… моей другой личностью, но сегодня это произошло снова. Весь сегодняшний день для меня белое пятно, я пришел в себя только недавно, по возвращении домой. Стало окончательно ясно — с этим необходимо что-то делать, поэтому я решил позвонить вам и попросить о возобновлении расследования. Но мне и в голову не приходило, что я мог сделать что-нибудь плохое миссис Рэндалл.

Ужас и потрясение, которыми был полон голос Хога, звучали очень убедительно.

— А когда… когда это случилось, мистер Рэндалл?

Рэндалл оказался в крайней растерянности. Он разрывался между желанием пролезть каким-то образом по телефонному кабелю, чтобы свернуть шею человеку, из-за которого Синтия оказалась в таком состоянии, и необходимостью оставаться

дома, чтобы заботиться о Синтии. А тут еще этот Хог говорит совсем не так, как надо, не как злодей. Беседуя с Хогом, слыша его робкие ответы, его встревоженный голос, Рэндалл с большим трудом сохранял в уме образ некоего жуткого чудовища, вроде Джека-потрошителя, хотя и знал, что подобные типы совсем не редко обладают скромными манерами. Поэтому на этот раз ответ Рэндалла был сухим, чисто фактографическим.

— Девять тридцать утра или около того.

— А где я был сегодня в девять тридцать утра?

— Не сегодня, вы (несколько не пригодных к воспроизведению на бумаге выражений), а вчера.

— Вчера утром? Но это невозможно. Вчера утром я был дома, неужели вы не помните?

— Конечно, помню, а потом я видел, как вы уходили из дома. Возможно, это вам неизвестно.

Тут логика Рэндалла немного хромала — прочие события памятного вчерашнего утра убедили его, что Хог знал об установленной за ним слежке, — но сейчас было не до логики.

— Но вы никак не могли меня видеть. Как раз вчерашнее утро — единственное, если не считать моих обычных сред, про которое я знаю точно, где находился и что делал. Я был дома, в своей

квартире, и только около часа дня пошел в клуб.

— Да что вы мне…

— Подождите, пожалуйста, секунду, мистер Рэндалл! Все это повергает меня в такую же растерянность и непонимание, как и вас, но вы просто должны меня выслушать. Вы поломали мой распорядок дня — помните? Моя вторая личность так и не вступила в свои права. После вашего ухода я сохранил свою… свою настоящую личность. Именно поэтому я и начал надеяться, что наконец освободился.

— Хрена вы освободились. С чего это вы взяли?

— Я понимаю, что моим собственным показаниям невелика цена, — робко сказал Хог, — но ведь я был не один. Почти сразу после вашего ухода пришла уборщица, и она пробыла у меня все утро.

— Вот только почему я не видел, как она входит в лифт?

— Она обслуживает все этажи, — объяснил Хог. — Это жена дворника, миссис Дженкинс. Может быть, вы хотели бы с ней побеседовать? Я, пожалуй, сумею отыскать ее и привести к телефону.

— Но…

Теперь Рэндалл находился уже в полной

растерянности, к тому же он начал понимать невыгодность своего положения. Нужно было не вступать в разговоры с Хогом, а приберечь этого проходимца на потом, до того момента, когда появится возможность до него добраться. Ну до чего же скользкий и хитрый тип, правду говорил Потбери. Алиби у него, понимаешь.

Кроме того, отлучившись так надолго из спальни, Рэндалл начинал чувствовать себя все более нервно и беспокойно.

Разговор продолжался уже не меньше десяти минут, а из угла кухни, где стоял телефон, заглянуть в спальню было невозможно.

— Не хочу я с ней говорить, — грубо ответил он. — У вас что ни слово, то ложь.

Бросив трубку на рычаг, Рэндалл бегом вернулся в спальню.

Синтия лежала так же, как и прежде, можно было подумать, что она просто уснула. И какая красивая, просто сердце щемит. На этот раз привычный глаз Рэндалла легко уловил ее дыхание — неглубокое, но регулярное, а самодельный стетоскоп одарил его такими прекрасными сейчас звуками сердцебиения.

Потом Рэндалл сел рядом с кроватью и начал смотреть на Синтию, всем своим существом впи-

тывая теплое, горькое вино печали. Он не хотел забывать о своей боли, лелеял ее, на собственном опыте познавая, как это познали бесчисленные его предшественники, что самая глубокая, разрывающая сердце тревога о любимой предпочтительнее любого утешения.

Однако через какое-то время его вывела из ступора простая мысль: вот так, упиваясь собственной болью, он вряд ли приносит большую пользу Синтии. Необходимо иметь в доме хоть какую-нибудь пищу, стоило бы также научиться есть эту пищу, и есть таким образом, чтобы она не вылетела назад через минуту. Завтра, сказал он себе, сяду на телефон и посмотрю, как можно удержать фирму на плаву до того времени, когда удастся вернуться к делам. Все неотложные дела можно передать в агентство «Ночная Стража» — ребята достаточно надежные и не раз сами пользовались его услугами. Но это подождет до завтра.

Ну а сейчас… Рэндалл позвонил в ближайшую деликатесную лавку, сделал довольно-таки беспорядочный заказ и дал владельцу лавки полномочия по собственному усмотрению добавить еще все, что угодно, лишь бы достаточно съедобное и питательное. В завершение он попросил

подыскать какого-нибудь охотника заработать доллар доставкой всего этого хозяйства.

Покончив таким образом с продовольственной проблемой, Рэндалл удалился в ванную и тщательно побрился, хорошо понимая глубокую взаимосвязь между аккуратностью внешнего вида и высоким моральным духом. Дверь ванной он не закрывал, чтобы все время одним глазом присматривать за кроватью. Затем он взял половую тряпку и стер пятно под батареей. Окровавленная пижамная куртка отправилась в корзину для грязного белья.

Свершив все эти подвиги, Рэндалл сел и начал ждать заказанные в лавке продукты. Мысли о Хоге не оставляли его. С Хогом, мудро решил он, ясно одно — что с ним ничего не ясно. Уже с самого начала его история была чистый абзац — это же надо, заявиться вот так и предложить «капусту», чтобы за тобой пустили хвост. Ну а дальше — тут вообще крыша поехать может. Хоть этот, долби его, тринадцатый этаж. Ведь он собственными глазами видел тринадцатый этаж и как Хог работает там, засунув лупу в глаз.

А быть этого не могло, никак.

Ну и что же получается в итоге? Гипноз? Однако Рэндалл не был полным лопухом, он знал, что

гипноз существует, но при этом далеко не так всесилен, как считают читатели газетных сказочек. На шумной улице в мгновение ока загипнотизировать человека так, чтобы тот во все поверил и мог во всех подробностях вспомнить события, которых не было, — расскажите своей бабушке. Если такое осуществимо — тогда и весь мир может оказаться сплошным очковтирательством.

А может, так оно и есть?

Возможно, весь мир на том только и держится, что ты сохраняешь его в центре своего внимания, веришь в него. А стоит только позволить себе замечать несоответствия — начинаешь сомневаться в нем, и мир расползается, как гнилая тряпка. Может, все это случилось с Синтией именно потому, что сам он усомнился в ее реальности? А стоит только закрыть глаза, поверить, что она жива и здорова, и сразу же…

Рэндалл сделал такую попытку. Отключившись от остального мира, он представил себе Синтию — Синтию живую и здоровую, этот изгиб ее губ, когда она смеется, Синтию утреннюю, едва проснувшуюся и прекрасную, Синтию в отлично сидящем костюме и задорной маленькой шляпке, готовую идти за ним куда угодно, Синтию…

Рэндалл открыл глаза и посмотрел на кровать.

Синтия лежала, все такая же неподвижная и бледная как смерть. Позволив себе немного пореветь, он высморкался и пошел к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

8

Когда загудел домофон, Рэндалл не стал поднимать трубку, а сразу нажал кнопку замка — не хотелось говорить вообще ни с кем, а тем более с разносчиком, которого нанял Джо.

Через пару минут раздался осторожный стук в дверь.

— Заноси, — сказал Рэндалл, открывая дверь, и замер как вкопанный.

На пороге стоял Хог.

Первые мгновения оба они молчали — Рэндалл был слишком потрясен, чтобы говорить, а Хог явно чувствовал себя неуверенно и ждал, чтобы разговор начал хозяин дома.

— Я должен был прийти, мистер Рэндалл, — робко произнес он. — Можно… можно я войду?

Рэндалл глядел на него, не находя слов от возмущения. Ну и наглец же — это только представить себе такое бесстыдство!

— Я пришел сюда, желая доказать вам, — все так же смущенно продолжал Хог, — что никак не мог сознательно сделать что-либо плохое миссис Рэндалл. А если я все же поступил так, сам того не зная, то хочу сделать все возможное для воз-

мещения ущерба.

— Поздно догадались.

— Но, мистер Рэндалл, почему вы считаете, что именно я сделал что-то вашей жене? Я не понимаю, что такое могло случиться — во всяком случае, вчера утром.

Смолкнув, он в отчаянии посмотрел в закаменевшее лицо Рэндалла.

— Ведь вы же не застрелите собаку, не разобравшись сперва в ее вине?

Рэндалл решительно не знал, что делать. Вот послушаешь этого Хога, и начинает казаться, что говоришь с человеком вполне порядочным.

— Заходите, — резко произнес он, широко распахнув дверь.

— Спасибо, мистер Рэндалл.

Не успел Хог войти, как на пороге появился еще один человек, никому не известный и увешанный свертками.

— Ваша фамилия Рэндалл?

— Да, — чистосердечно признался Рэндалл, выискивая в кармане мелочь. — А как вы вошли?

— Вместе с ним, — ответил рассыльный, указывая на Хога, — но сперва я перепутал этаж. А пиво холодное, шеф, — добавил он заискивающе. — Только из холодильника.

— Благодарю.

Добавив к пятидесяти центам еще десять, Рэндалл закрыл дверь, подобрал с пола сверток и пошел на кухню. Стоит, решил он, сразу и выпить пива — вряд ли когда-нибудь оно казалось более соблазнительным. Свалив на кухне свертки, Рэндалл нашел в ящике стола открывалку, взял одну из банок и готов был уже открыть ее, но тут краем глаза уловил какое-то движение — это Хог беспокойно переступил с ноги на ногу. Только сейчас Рэндалл вспомнил, что так и не предложил ему сесть.

— Садитесь.

— Спасибо, — поклонился Хог.

Рэндалл вернулся к пиву, однако чувствовал себя крайне неловко — черт бы побрал эти хорошие манеры. Невозможно ведь налить пиво одному себе, не предложив гостю, хоть сто раз незваному.

«А черт с ним, — подумал он после секундной нерешительности. — Ни мне, ни Синтии не повредит, если этот тип выпьет банку пива».

— Вы пьете пиво?

— Да, благодарю вас.

Вообще-то, Хог крайне редко употреблял пиво, сберегая свое нёбо для тонкостей аромата хоро-

ших вин, однако в этот момент он, скорее всего, согласился бы на любую бормотуху, даже на воду из лужи, предложи Рэндалл таковой напиток.

Рэндалл принес стаканы, поставил их, а потом сходил в спальню, открыв при этом ее дверь едва-едва, лишь бы протиснуться. Синтия, как он и ожидал, была все в том же состоянии. Рэндалл чуть-чуть повернул ее, считая про себя, что даже человеку, находящемуся без сознания, утомительно лежать долго в одном и том же положении, а затем расправил покрывало. Глядя на жену, он думал о Хоге и предостережениях Потбери. Неужели Хог действительно настолько опасен, как считает врач? Не может ли случиться, что он, Рэндалл, прямо сейчас играет ему на руку?

Нет, сейчас Хог не может причинить никакого вреда. Когда самое худшее уже позади, любое изменение может быть только к лучшему. Не страшно, если оба они умрут — или даже если умрет одна Синтия, ведь он последует за ней. Так Рэндалл решил сегодня еще с утра — и шли бы подальше те, которые назовут подобный поступок трусостью.

Нет, если во всем виноват Хог — теперь он безоружен. Рэндалл вернулся в гостиную.

Пиво Хога стояло нетронутым.

— Да вы пейте, — предложил Рэндалл, садясь за стол и беря свой стакан.

Хог последовал его примеру; у него хватило здравого смысла не провозглашать никакого тоста и даже не обозначивать тоста подниманием стакана.

— Не понимаю я вас, Хог, — с усталым любопытством оглядел своего гостя Рэндалл.

— Я сам не понимаю себя, мистер Рэндалл.

— Зачем вы пришли сюда?

— Узнать про миссис Рэндалл, — беспомощно развел руками Хог. — Узнать, что именно я ей сделал. Попробовать хоть как-то возместить ущерб.

— Так вы признаете, что сделали это?

— Нет, мистер Рэндалл. Нет. Не понимаю, как мог я сделать с миссис Рэндалл что бы то ни было вчера утром.

— Не забывайте, что я видел вас.

— Но… Что я сделал?

— Вы подстерегли миссис Рэндалл в коридоре здания Мидуэй-Коптон и пытались ее задушить.

— Боже милосердный! Но… вы видели, как я это сделал?

— Нет, не совсем. Я был…

Рэндалл замолк. Интересно это будет звучать,

если он расскажет Хогу, как не смог увидать его в одной части здания потому, что в это же самое время наблюдал за ним в другой части того же здания.

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Рэндалл.

Рэндалл нервно вскочил на ноги.

— Все эти разговоры бесполезны, — резко сказал он. — Я не знаю, что вы сделали. Я не знаю, сделали ли вы вообще что-нибудь. Но вот одно я знаю прекрасно. Начиная с самого первого дня, как вы вошли в эту дверь, с моей женой и со мной происходят странные вещи — страшные вещи, — а теперь она лежит здесь, словно мертвая. Она…

Не в силах говорить дальше, Рэндалл закрыл лицо руками. Он почувствовал осторожное прикосновение к своему плечу.

— Мистер Рэндалл… пожалуйста, мистер Рэндалл. Я очень сожалею и хотел бы вам помочь.

— Не знаю, как может помочь мне кто бы то ни было — разве что вы знаете какой-нибудь способ разбудить мою жену. Вы знаете такой способ?

— Боюсь, что не знаю, — медленно покачал головой Хог. — Но скажите мне, что с ней такое? Ведь я еще не знаю.

— Рассказывать тут особенно и нечего. Сегодня утром она не проснулась. Очень похоже, что она

так никогда и не проснется.

— А вы уверены, что она не… не умерла?

— Нет, она не умерла.

— У вас, конечно же, был уже врач. Что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не трогал ее и все время за ней наблюдал.

— Да, но какой он поставил диагноз?

— Он назвал это Lethargica gravis.

— Lethargica gravis? Он именно так сказал?

— Да, а что?

— Неужели он не пытался установить диагноз?

— Но это и был его диагноз…

Хог оставался в недоумении.

— Но ведь это же не диагноз, мистер Рэндалл. Это — просто напыщенный способ сказать «очень глубокий сон». Эти слова совершенно ничего не значат. Это все равно что сказать человеку с кожным заболеванием, что у него дерматит, или человеку с неполадками в желудке — что он болен гастритом. Какие он делал анализы?

— Э-э… Не знаю. Я…

— Он вводил зонд в желудок?

— Нет.

— Рентген?

— Нет, да и как он мог в квартире.

— Вы хотите сказать мне, мистер Рэндалл, что врач просто зашел к вам, посмотрел на нее и ушел, не делая с ней ничего, не проводя никаких анализов, не созывая консилиума? Это ваш семейный врач?

— Нет, — уныло признался Рэндалл. — Вообще-то, я не очень понимаю во врачах. Мы с Синтией никогда к ним не ходили. Но вы сами должны знать, хороший он или нет, — ведь это был Потбери.

— Потбери? Вы имеете в виду доктора Потбери, того самого, к которому я обращался? Как это случилось, что вы выбрали именно его?

— Ну, мы же не знаем никаких врачей — а к нему мы ходили, когда проверяли ваш рассказ. А что вы имеете против Потбери?

— Да в общем-то ничего. Просто он был груб со мной — либо мне так показалось.

— Ладно, а тогда что он имеет против вас?

— Не понимаю, как Потбери может иметь что-нибудь против меня, — удивился Хог. — Я и видел-то его всего однажды. Разве что из-за этого анализа, хотя чего бы, собственно?

Он недоуменно пожал плечами.

— Вы говорите про эту самую грязь из-под ваших ногтей? Я считал ваш рассказ чистой вы-

думкой.

— Нет.

— Как бы там ни было, это не может быть единственной причиной. Он такого про вас наговорил…

— А что он про меня говорил?

— Он сказал…

Рэндалл осекся, сообразив, что Потбери не говорил против Хога ничего конкретного, все его зловещие намеки состояли как раз в том, чего он не хотел говорить.

— Тут дело не в том, что он говорил, а скорее в том, как он к вам относится. Он вас ненавидит, а заодно и боится.

— Меня боится?

Хог слабо улыбнулся, словно стараясь показать, что понял и разделяет шутку Рэндалла.

— Этого он не говорил, но все и так ясно как божий день.

— Вот этого я совсем не понимаю, — покачал головой Хог. — Мне как-то привычнее самому бояться людей, чем чтобы они меня боялись. Подождите — а вам он не сказал результатов того анализа?

— Нет. Знаете, а я вот сейчас вспомнил самую странную вещь из связанных с вами, Хог.

Рэндалл секунду помолчал, думая об этой невероятной истории с тринадцатым этажом.

— Вы, случайно, не гипнотизер?

— Боже, помилуй, конечно нет. А почему вы так спросили?

Рассказ Рэндалла о первой попытке установить за ним наблюдение Хог выслушал молча, с напряженным и недоумевающим лицом.

— Вот так оно, значит, и получается, — подытожил Рэндалл. — Тринадцатого этажа не существует, «Детериджа и компании» не существует, ничего не существует. А я помню все с абсолютной ясностью.

— Это все?

— А что, мало? Вообще-то, я могу добавить еще одну вещь. Значения она никакого не имеет, но показывает, как все это на меня подействовало.

— И что это за вещь?

— Подождите минутку.

Рэндалл встал и снова направился в спальню; на этот раз он не так уж и старался открыть дверь, чтоб в нее едва можно было протиснуться, хотя все-таки прикрыл ее за собой. С одной стороны, он несколько нервничал, что не сидит все время рядом с Синтией, но, с другой стороны, будь Рэндалл способен честно разобраться в своих чув-

ствах, пришлось бы признать, что присутствие даже такого маложелательного гостя, как Хог, несколько облегчает его бремя. Сам он считал свое поведение попыткой выяснить причины постигших их с Синтией бед.

Он снова послушал, как бьется ее сердце. Убедившись, что жена не покинула еще сию юдоль скорби, он чуть-чуть взбил подушку и откинул с лица Синтии какой-то случайный волос. Затем, наклонившись и клюнув ее губами в лоб, Рэндалл вернулся в гостиную.

Хог ждал.

— Как там? — спросил он.

Тяжело опустившись на стул, Рэндалл подпер голову руками.

— Все так же.

Хог разумно воздержался от пустых соболезнований; после нескольких секунд молчания Рэндалл начал устало рассказывать о кошмарах, преследовавших его две ночи подряд.

— Поймите, я совсем не хочу сказать, что это имеет какое-то значение, — добавил он в конце. — Я не суеверен.

— А вот я и не знаю, — задумчиво сказал Хог.

— Что вы имеете в виду?

— Я не имею в виду ничего такого сверхъесте-

ственного, но разве можно исключить возможность, что это не какие-то там случайные сны, вызванные вашими дневными переживаниями? Я хочу сказать — если есть кто-то, способный средь бела дня вызвать у вас такие сны наяву, которые снились вам в «Акме», почему он не может управлять заодно и вашими ночными снами?

— Как это?

— Вас кто-нибудь ненавидит, мистер Рэндалл?

— Если и есть такие, то я о них не знаю. Конечно, при моем роде занятий приходится иногда делать вещи, которые не вызывают особо дружеского расположения, но это всегда по чьему-то поручению, в этом нет ничего личного. У некоторых типов есть на меня зуб — но они не способны ни на что подобное. Все это бред какой-то. А вас кто-нибудь ненавидит? Не считая Потбери.

— Я о таких тоже не знаю. Да и про него мне тоже непонятно, чего это он. Кстати, о нем: ведь вы, наверное, обратитесь теперь к другим врачам?

— Да. Что-то у меня шарики в голове крутятся медленно. Но я и придумать не могу, как это сделать, — разве что взять телефонную книгу и выбрать первый попавшийся номер.

— Можно поступить гораздо лучше. Позвоните в какую-нибудь из больших больниц и попросите

прислать за ней машину.

— Вот так я и сделаю, — вскочил на ноги Рэндалл.

— Можно подождать с этим до утра. До утра с ней все равно ничего существенного делать не будут, а она может за это время сама проснуться.

— Ну… да, пожалуй, что и так. Надо мне еще на нее посмотреть.

— Мистер Рэндалл?

— Да?

— Э-э… вы бы не возражали… нельзя ли мне на нее посмотреть?

Рэндалл поднял голову. Он и сам не осознавал, насколько усыплены были его подозрения словами и вежливостью Хога, но теперь неожиданная просьба отрезвила его, заставила вспомнить зловещие предупреждения доктора Потбери.

— Лучше не надо, — натянуто произнес он.

Хог с трудом скрыл свое разочарование.

— Конечно, конечно, я вполне вас понимаю.

Когда Рэндалл вернулся из спальни, неожиданный гость уже стоял у двери с шляпой в руке.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — сказал он и добавил, не получив ответа: — Если хотите, я останусь здесь до утра.

— Не надо. В этом нет необходимости. Всего

хорошего.

— Всего хорошего, мистер Рэндалл.

После ухода Хога Рэндалл начал бесцельно бродить по квартире, раз за разом возвращаясь в спальню, к жене. Замечания, сделанные Хогом по поводу врачебных методов Потбери, обеспокоили его сильнее, чем он сам себе в том признавался; кроме того, Хог, частично усыпив подозрения в отношении себя, отнял у Рэндалла простого и очевидного козла отпущения — это тоже не прибавило спокойствия души.

Рэндалл поужинал бутербродами, запил их пивом и с радостью констатировал, что на этот раз все обошлось без неприятных последствий. Затем он перетащил в спальню большое кресло, поставил перед ним скамеечку для ног, вынул запасное одеяло и приготовился к ночному бдению. Делать было нечего, читать не хотелось — Рэндалл попытался было, но книга валилась из рук. Время от времени он поднимался и выуживал из холодильника очередную банку пива. Когда пиво кончилось, пришлось перейти на виски. Нервы эта отрава немного успокоила, но никакого другого ее действия Рэндалл не замечал. Напиваться ему не хотелось.

* * *

Проснулся он словно от толчка, в ужасе, и первые секунды был уверен, что через зеркало лезет Фиппс, намеренный похитить Синтию. В спальне царила полная темнота, сердце буквально колотилось в ребра Рэндалла; он нащупал выключатель и увидел, что ничего подобного не происходит и его жена, бледная, как воск, лежит на прежнем месте.

Только обследовав большое зеркало, убедившись, что оно самым нормальным образом отражает помещение, а не стало окном в какое-то другое, жуткое место, он решился потушить свет. При слабых отблесках проникавшего в окно света фонарей Рэндалл налил себе рюмку для поправки расшалившихся нервов.

Краем глаза уловив в зеркале какое-то шевеление, он резко повернулся, но увидел только свое же собственное, полное ужаса лицо. Опустившись снова в кресло, он потянулся и принял решение не позволять себе больше засыпать.

Что это?

Он бросился на кухню, но там все было в порядке. Во всяком случае, глазом ничего подозрительного не видно. Новый приступ панического

страха бросил его обратно в спальню — а вдруг это была просто уловка, чтобы он отошел от Синтии.

Они издевались над ним, дразнили его, старались заставить сделать неверный шаг. Рэндалл знал это — уже многие дни они плетут сети заговора, стараясь сорвать его самообладание. Они наблюдают за ним через каждое зеркало, имеющееся в доме, и быстро прячутся, когда он пытается их поймать. Сыны Птицы…

— Птица жестока!

Что это, он сам это сказал? Или это крикнул кто-то другой? Птица жестока. Рэндаллу не хватало воздуха, он подошел к открытому окну спальни и выглянул наружу. Темно, как в яме, ни малейших признаков рассвета. На улице ни души. Со стороны озера наползает стена тумана. Времени-то сколько? Шесть утра, если верить часам на столике. Да светает ли когда-нибудь в этом богом позабытом городе?

Сыны Птицы. Неожиданно Рэндалл почувствовал себя очень хитрым и изворотливым; они считают, что он у них в руках, а он их одурачит, не позволит делать такое с ним самим и с Синтией. Вот пойдет сейчас и перебьет все зеркала, какие есть в квартире. Рэндалл целеустремленно направился к кухонному столу и вытащил из

ящика, предназначенного для хранения всякой ерунды, молоток. Вооружившись таким образом, он уверенно вошел в спальню. Сначала — большое зеркало…

Уже замахнувшись, он замер в нерешительности. Синтия расстроилась бы — семь лет счастья не видать. Сам-то он не суеверен, но… Синтии это не понравилось бы. Рэндалл повернулся к кровати с намерением объяснить ей все. Это же так очевидно — просто перебить все зеркала, и никаким Сынам Птицы сюда не влезть.

Повернулся и увидел бледное, неподвижное лицо.

А что еще можно придумать? Они пользуются зеркалами. А что такое зеркало? Кусок стекла, который отражает. Ну и пожалуйста, сделаем так, что они не будут отражать! И как сделать, это тоже ясно, в том же ящике, что и молоток, лежат три или четыре банки эмалевой краски и небольшая кисть — напоминание об охватившем однажды Синтию благородном порыве перекрасить всю мебель.

Рэндалл вылил содержимое всех банок в миску, получилось около пинты густой краски — вполне достаточно, подумал он, для предстоящей работы. Первым нападению подверглось новое зеркало;

Рэндалл швырял на него краску быстрыми беззаботными мазками. Краска текла по рукам, капала на туалетный столик — хрен с ним, не до того. Теперь возьмемся за остальные.

На зеркало в гостиной краски все-таки хватило, хотя и едва-едва. Ну и хорошо, все равно это последнее в квартире зеркало, не считая, конечно, крохотных зеркалец в сумках Синтии, но на эти штуки, решил Рэндалл, можно не обращать внимания. Слишком маленькие, чтобы пролезть человеку, да и вообще спрятаны от глаз.

Краска в банках была красная и черная, все это перемешалось и теперь изобильно украшало руки Рэндалла; выглядел он сейчас так, словно только что совершил зверское убийство с последующим расчленением — «расчлененку», выражаясь нежным полицейским жаргоном. Ничего, переживем. Вытерев краску — если не всю, то большую ее часть — полотенцем, он вернулся к своему креслу и к своей бутылке.

А вот теперь пусть попробуют. Пусть они попробуют свою подлую, грязную черную магию. Ничего, голубчики, не выйдет.

И когда только начнет светать?

* * *

Входной звонок выдернул Рэндалла из кресла. Несмотря на полный сумбур в голове, он продолжал хранить твердую уверенность, что не сомкнул глаз ни на секунду. Синтия в порядке, то есть спит по-прежнему — ни на что большее он и не надеялся. Свернув свой бумажный стетоскоп, он на всякий случай послушал ее сердце.

Звон продолжался — а может, возобновился — в точности Рэндалл не знал. Совершенно механически он взял трубку домофона.

— Потбери, — послышался раздраженный голос. — В чем дело? Вы что там, уснули? Как состояние больной?

— Без изменений, доктор, — ответил Рэндалл, изо всех сил стараясь справиться с неожиданно непослушным голосом.

— Действительно? Ладно, впустите меня.

Когда Рэндалл открыл дверь, Потбери бесцеремонно прошел мимо него, направился прямо к Синтии и несколько секунд смотрел на нее, низко нагнувшись к кровати.

— Все, похоже, как и раньше, — выпрямился он. — Да и трудно ожидать каких-нибудь перемен в первые день-два. Кризис должен наступить

примерно в среду.

С явным любопытством Потбери оглядел Рэндалла.

— А чем это вы тут, позволительно будет спросить, занимались? Видок у вас — как после недельного запоя.

— Ничем, — искренне удивился Рэндалл. — А почему вы не велели мне отправить ее в больницу?

— Самое худшее, что только можно сделать.

— А почему вы так решили? Вы ведь даже толком ее не обследовали. Ведь вы не знаете, что с ней такое. Ведь не знаете?

— Вы что, свихнулись? Я же вчера вам это сказал.

— Одни умственные слова и увертки, — упрямо помотал головой Рэндалл. — Вы пытаетесь меня обмануть, хотелось бы только знать почему.

Потбери шагнул к Рэндаллу.

— Вы действительно сошли с ума, а заодно и напились. — Он бросил взгляд на большое зеркало. — А вот мне хотелось бы узнать, что это тут происходило.

Он потрогал косо наляпанную краску, обезобразившую безукоризненную когда-то поверхность.

— Не трогайте!

Потбери отодвинулся от зеркала.

— Зачем это?

Лицо Рэндалла приобрело хитрое, пройдошистое выражение.

— А я их обманул.

— Кого?

— Сынов Птицы. Они приходят через зеркало, а я им помешал.

Потбери смотрел на него молча, безо всякого выражения.

— Я их знаю, — продолжил Рэндалл. — Больше они меня не проведут. Птица жестока.

Потбери спрятал лицо в ладонях.

Несколько секунд оба они стояли совершенно неподвижно. Эти секунды потребовались, чтобы новая мысль нашла себе место в измученном, а заодно и отравленном ночными возлияниями мозгу Рэндалла. А когда она нашла-таки это место, Рэндалл ударил врача ногой в пах. Следующие несколько секунд прошли довольно сумбурно. Не проронив ни звука, Потбери начал яростно сопротивляться. Даже и не пытаясь придерживаться правил честной драки, Рэндалл дополнил первый танковый удар другими, столь же эффективными — и грязными.

Когда дым сражения рассеялся, Потбери был

в ванной, за запертой дверью, а Рэндалл — в спальне, с ключом от этой двери в кармане. Дышал он тяжело, но даже и не замечал своих немногочисленных и незначительных боевых ран.

Синтия продолжала спать.

* * *

— Мистер Рэндалл, выпустите меня отсюда!

Рэндалл вернулся в свое кресло и теперь напряженно думал, как выбраться из несколько странной ситуации. Полностью протрезвев, он не порывался искать совета у бутылки. Мысль, что Сыны Птицы действительно существуют и что один из них заперт в его ванной, укладывалась в голове с трудом.

Это как же получается? Значит, Синтия лежит без сознания, потому что — Господи милосердный! — эти самые Сыны украли ее душу. Дьяволы — они с Синтией связались с дьяволами.

— Что все это значит, мистер Рэндалл? — продолжал барабанить в дверь Потбери. — Вы совсем свихнулись. Выпустите меня!

— А что вы тогда сделаете? Вы оживите Синтию?

— Я сделаю для нее все, что в силах врача. Зачем

вы загнали меня сюда?

— Сами знаете. Почему вы закрыли лицо руками?

— При чем тут это? Я хотел чихнуть, а вы вдруг ударили меня ногой.

— А что я должен был сделать? Сказать: «Будьте здоровы?» Вы, Потбери, дьявол. Вы Сын Птицы.

Последовало короткое молчание.

— Что это за чушь?

Рэндалл задумался. А может, и вправду чушь? А что, если Потбери действительно собирался чихнуть? Нет! Никакие прочие объяснения ничего не объясняют. Дьяволы, дьяволы и черная магия. Стоулз, и Фиппс, и Потбери, и вся остальная компания.

Хог? Это легко поставит на место… секундочку, секундочку. Потбери ненавидит Хога. Стоулз ненавидит Хога. Все Сыны Птицы ненавидят Хога. Прекрасно, дьявол там Хог или не дьявол — все равно он союзник.

Потбери снова колотил в дверь, но теперь уже не кулаками, а, судя по тяжелым, более редким ударам, плечом, всем телом. Дверь ванной — довольно хлипкая, как и все внутренние двери современных квартир, — вряд ли собиралась долго терпеть столь неаккуратное с собой обра-

щение.

Рэндалл постучал в дверь снаружи.

— Потбери! Эй, Потбери! Вы меня слышите?

— Да.

— А вы знаете, что я сейчас сделаю? Я позвоню Хогу и позову его сюда. Вы слышите, Потбери? Он убьет вас, Потбери, он убьет вас.

Ответа не последовало, но через некоторое время тяжелое буханье возобновилось. Рэндалл достал револьвер.

— Потбери!

Ответа опять не было.

— Потбери, кончайте эту долбежку, или я буду стрелять.

Удары даже не ослабли.

И тут Рэндалла неожиданно осенило.

— Потбери, — во имя Птицы — отойдите от двери.

Шум стих, словно отрезанный.

Немного послушав, Рэндалл решил закрепить свое преимущество.

— Во имя Птицы, не трогайте больше эту дверь. Вы слышите меня, Потбери?

Ответа снова не последовало, но стук не возобновлялся.

Время было еще раннее, и Хог оказался дома.

Мало что поняв из сбивчивых объяснений Рэндалла, он, однако, согласился приехать к нему сию секунду или чуть быстрее.

Вернувшись в спальню, Рэндалл возобновил свою — теперь уже двойную — стражу. В левой руке он держал холодную, безжизненную ладонь жены, а в правой — револьвер, на случай, если заклятие не сработает. Однако грохот не возобновлялся, несколько минут во всей квартире царила мертвая тишина. Затем Рэндалл услышал — либо ему померещилось, что услышал, — в ванной негромкое поскребывание, звук необъяснимый и странным образом зловещий.

Что бы это могло значить, он не понял, так что и делать ничего не стал. Звуки продолжались несколько минут, а потом прекратились. А дальше — снова тишина.

* * *

Увидев оружие, Хог отшатнулся.

— Мистер Рэндалл!

— Хог, — вопросил Рэндалл, — вы дьявол?

— Я вас не понимаю.

— Птица жестока!

Хог не закрыл лица, однако на этом самом его лице, очень растерянном, забрезжило какое-то

понимание.

— О'кей, — решил наконец Рэндалл. — Вы прошли испытание. Если вы и дьявол, то дьявол, который мне нужен. Заходите, я запер Потбери и хочу выставить вас против него.

— Меня? Почему?

— Потому, что он-то настоящий дьявол. Сын Птицы. А они все вас боятся. Идемте.

Продолжая разговаривать, он потащил Хога в спальню к дверям ванной.

— Моя ошибка заключалась в том, что я не хотел верить в происходящее. Это были не сны.

Стволом револьвера он постучал в дверь.

— Потбери! Здесь находится Хог. Делайте, как я скажу, и тогда — может быть — останетесь живы.

— А что вы от него хотите? — несколько нервно спросил Хог.

— Как что? Ее, конечно.

— О…

Постучав в дверь еще раз, Рэндалл прошептал Хогу:

— А вы согласны ему противостоять, если я открою дверь? Я буду рядом с вами.

Хог бросил взгляд на Синтию, нервно сглотнул и решился.

— Конечно.

— Ну, поехали.

Ванная комната оказалась пустой; ни окна, ни какого-либо иного мыслимого выхода она не имела, но угадать путь бегства Потбери не представляло труда — краска, которой Рэндалл обильно измазал поверхность зеркала, была содрана. При помощи бритвенного лезвия.

* * *

Плюнув на предстоящие семь лет невезения, они с Хогом разбили зеркало. Знай Рэндалл, как это делается, он мог бы броситься на ту сторону, чтобы в одиночку разобраться со всей их компанией, но он этого не знал, так что представлялось разумным прикрыть лазейку.

Дальше делать опять было нечего. Сидя рядом с безжизненной Синтией, они обсудили ситуацию, но так ничего и не придумали. Магией они не владели. Через какое-то время Хог тактично удалился в гостиную, не желая нарушать интимность с новой силой охватившего Рэндалла отчаяния, однако совсем уходить он не хотел. Время от времени он заглядывал в спальню. Именно в один из таких визитов Хог заметил торчащий из-под кровати предмет.

— Эд, — спросил он, поднимая с пола черный саквояж, — а эту штуку вы видели?

— Какую?

Тусклыми, осоловевшими глазами Рэндалл прочитал надпись, изображенную на крышке саквояжа золотыми, порядком потертыми буквами: ПОТИФАР Т. ПОТБЕРИ, Д. М.

— А?

— Он, наверное, забыл его.

— У него и возможности-то не было его унести.

Взяв у Хога саквояж, Рэндалл открыл его — стетоскоп, акушерские щипцы, иглы, зажимы, набор ампул в футляре — обычные инструменты врача широкого профиля. И один лекарственный пузырек. Рассеянно повертев в руке этот пузырек, Рэндалл прочел прикрепленный к нему рецепт.

> ЯД!
> Рецепт не используется повторно.
> МИССИС РЭНДАЛЛ —
> ПРИНИМАТЬ ПО НАЗНАЧЕНИЮ.
> АПТЕКА «БОНТОН» —
> ВСЕ ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ.

— А может, он думал ее отравить? — предположил Хог.

— Не думаю, это обычные предостережения,

как всегда на наркотиках. Хотелось бы все-таки посмотреть, что там за отрава.

Встряхнув казавшийся совсем пустым пузырек, Рэндалл начал соскребать с его горлышка воск.

— Осторожнее, — встревоженно сказал Хог.

— Постараюсь.

Извлекая пробку, Рэндалл отодвинул пузырек подальше от лица, затем повел носом и почувствовал аромат, тонкий и необыкновенно приятный.

— Тедди.

Роняя пузырек, он мгновенно обернулся. Да, говорила Синтия, ее ресницы приподнялись.

— Ничего не обещай им, Тедди. — Она тяжело вздохнула и прошептала: — Птица жестока! — И снова закрыла глаза.

9

— Все дело в ваших провалах памяти, — настаивал Рэндалл. — Будь известно, чем вы занимаетесь днем, какая у вас профессия, стало бы понятно — чего это ради так ополчились на вас Сыны Птицы. Более того, мы бы знали, как с ними бороться, — ведь они самым очевидным образом вас боятся.

— А как считаете вы, миссис Рэндалл? — повернулся к Синтии Хог.

— Думаю, Тедди прав. Понимай я достаточно в гипнозе, можно было бы попробовать его, но тут я, к сожалению, пас — поэтому лучше всего воспользоваться скополамином. Вы согласны?

— Если предлагаете вы — да, согласен.

— Достань это хозяйство, Тедди.

Синтия спрыгнула с края стола, на котором сидела все время разговора, и Рэндалл протянул руки, пытаясь ее поймать.

— Поосторожнее бы ты, лапа, — укорил он жену.

— Ерунда, я уже в полном порядке.

Почти сразу после пробуждения Синтии они переместились в контору. Говоря попросту, все

трое были перепуганы, перепуганы до дрожи в коленках, но не до потери рассудка. Квартира казалась очень опасным местом — правда, и контора вряд ли была многим лучше. Поэтому Рэндалл с Синтией решили убраться из города, заезд в контору намечался как последняя остановка, для проведения военного совета.

А Хог не знал, что ему делать.

— Будем считать, что вы никогда не видели этого набора, — предупредил его Рэндалл, наполняя шприц. — Я ведь не врач и не должен бы его иметь. Но иногда такая вещь бывает очень кстати.

Он протер предплечье Хога спиртом.

— А теперь — спокойно.

Оставалось только ждать, пока наркотик подействует.

— А что ты надеешься узнать? — прошептал Рэндалл Синтии.

— Не знаю. Если повезет, две его личности воссоединятся и тогда может выясниться много интересного.

Через некоторое время голова Хога безвольно повисла, он стал тяжело дышать. Синтия слегка потормошила его за плечо.

— Мистер Хог, вы меня слышите?

— Да.

— Как вас звать?

— Джонатан… Хог.

— Где вы живете?

— Корпус «Готем» — квартира шестьсот два.

— Чем вы занимаетесь?

— Я… не знаю.

— Постарайтесь вспомнить. Какая у вас профессия?

Молчание. Синтия сделала еще одну попытку.

— Вы гипнотизер?

— Нет.

— Вы… маг?

На этот раз ответ прозвучал только после заметной паузы.

— Нет.

— Кто вы такой, Джонатан Хог?

Хог открыл рот, готовый, казалось, ответить, но затем неожиданно выпрямился и посмотрел на Синтию. Манеры его разительно изменились, движения стали быстрыми, точными, никаких последствий действия наркотика не было и в помине.

Встав, Хог подошел к окну.

— Плохо, — сказал он, выглянув на улицу. — До чего же плохо.

Говорил он скорее сам с собой, ни к кому не обращаясь. Синтия и Рэндалл смотрели на него, затем переглянулись, словно ища друг у друга помощи.

— Что плохо, мистер Хог? — неуверенно спросила Синтия.

Она еще не анализировала своих впечатлений, но сейчас в их конторе находился буквально другой человек — более молодой, полный энергии.

— Да? А, извините. Мне, наверное, надо было объяснить. Я был вынужден, ну, скажем, освободиться от этого препарата.

— Освободиться?

— Отбросить его, проигнорировать, уничтожить. Видите ли, милая, пока вы со мной разговаривали, я припомнил свою профессию.

Хог весело посмотрел на Рэндалла и Синтию, однако от дальнейших объяснений воздержался.

Первым пришел в себя Рэндалл.

— Так какая же у вас профессия?

Хог улыбнулся ему чуть ли не с нежностью.

— Мне не стоит этого вам сообщать, — сказал он. — Во всяком случае пока. Дорогая, — повернулся он к Синтии, — вас не затруднит снабдить меня письменными принадлежностями?

— Э-э… Конечно, конечно.

С поклоном взяв у Синтии карандаш и бумагу, он сел и начал быстро писать. Видя, что Хог, судя по всему, не намерен объяснять своего поведения, Рэндалл прервал его.

— Послушайте, Хог, как мы должны все это… — начал он, но увидел в повернувшемся к нему ясном, безмятежном лице нечто такое, что заставило его изменить тон и неловко скомкать фразу.

— Э-э… мистер Хог, я ничего не понимаю.

— Вы согласны мне довериться?

Рэндалл на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем поднял глаза на спокойное, терпеливое лицо Хога.

— Да… пожалуй, я согласен, — промямлил он в конце концов.

— Вот и хорошо. Я хочу попросить вас кое-что купить для меня вот по этому списку. Ближайшие два часа я буду очень занят.

— Вы нас покидаете?

— Вы беспокоитесь насчет Сынов Птицы? Выкиньте их из головы, они не принесут вам больше никакого вреда, это я вам обещаю.

Хог вернулся к прерванному занятию. Через несколько минут он передал список Рэндаллу.

— Внизу я написал место, где мы с вами встре-

тимся, — это заправочная станция неподалеку от Уокигана.

— Уокиган? А почему Уокиган?

— Да особых причин, собственно, и нет. Просто я хочу еще раз сделать нечто, что я очень люблю делать, — и вряд ли смогу когда-либо сделать вновь. Вы ведь поможете мне, да? Кое-что из заказанного мной не очень просто найти, но ведь вы постараетесь?

— Конечно постараемся.

— Отлично.

Не сказав больше ни слова, Хог встал и вышел.

Когда дверь конторы закрылась, Рэндалл опустил глаза на список.

— Ну, чтоб меня черти… Ты знаешь, Син, что мы должны ему купить? Гастрономию всякую.

— Гастрономию? Дай-ка посмотреть.

10

Теперь они находились на северной окраине города, и Рэндалл вел машину все дальше на север. Впереди лежало условленное место встречи с Хогом, а сзади, в багажнике их машины, находились сделанные для него покупки.

— Тедди?

— Да, маленькая?

— А здесь можно развернуться на встречную полосу?

— Конечно — если никто не поймает. А что?

— Понимаешь, именно этого мне сейчас больше всего хочется. Подожди, — торопливо добавила она, — не прерывай. Мы на машине, все наши деньги у нас с собой. Ничто не может помешать нам поехать на юг, если захотим.

— Все еще думаешь об отпуске? Так мы и поедем в отпуск — только сперва отвезем Хогу всю эту хурду-мурду.

— Я не про отпуск. Мне хочется уехать отсюда прямо сейчас и никогда не возвращаться.

— Со всеми этими умопомрачительными продуктами, которые Хог заказал и за которые он должен нам восемьдесят долларов? Гуляйте.

— Сами съедим.

— Икру и крылышки колибри? — фыркнул от возмущения Рэндалл. — Нам это, лапа, не по карману. Мы все больше насчет гамбургера или еще чего в этом роде. Да и вообще я хочу еще раз увидеть Хога. Поговорить с ним напрямую, получить какие-нибудь объяснения.

— Так я и думала, Тедди, — вздохнула Синтия. — Вот потому-то мне и хочется бросить все и удрать. Не хочу я никаких объяснений, мир, как он есть, вполне меня удовлетворяет. Чтобы ты и я — и никаких таких сложностей. Не хочу я и знать ничего ни про мистера Хога и его профессию, ни про Сынов Птицы — ни про что.

Рэндалл нашарил в кармане сигарету, чиркнул спичкой. Все это время он краем глаза чуть насмешливо смотрел на жену. Движение на шоссе, к счастью, было довольно слабым.

— Знаешь, маленькая, я ведь тоже отношусь ко всем этим делам примерно так же, как и ты. Но тут есть одно обстоятельство — если мы оставим все как есть, я буду бояться Сынов Птицы весь остаток своих дней, да я бриться не буду, чтобы только в зеркало не посмотреть. Но есть же какое-то рациональное объяснение всему — обязательно должно быть, — и я хочу его услышать.

Только тогда мы сможем спокойно спать.

Синтия молчала; вся ее потерянно съежившаяся маленькая фигурка выражала отчаяние.

— А ты посмотри с такой стороны, — продолжал Рэндалл. — Все случившееся с нами могло быть вызвано вполне обычными причинами, безо всякого обращения к потусторонним силам. А что касается потусторонних сил — знаешь, вот сейчас, среди бела дня, посреди оживленного шоссе в них как-то с трудом верится. Сыны, понимаешь ли, Птицы — хреновина это все.

— Первый важный момент состоит в том, — с растущим раздражением продолжил Рэндалл, так и не получив ответа от Синтии, — что Хог — потрясающий актер. И совсем он не этакий маленький чопорный Каспар Милктост[20], как нам раньше казалось, а самая что ни на есть доминантная личность. Вспомни только, как я заткнулся, взял под козырек и сказал: «Есть, сэр», когда он сделал вид, что нейтрализовал наркотик, и приказал нам купить все эти роскошные яства.

— Сделал вид?

---

[20] Примечания: 20

Каспар Милктост — герой серии комиксов Х. Т. Вебстера «Робкая душа», популярных в 1920–1950-е гг.; фамилия Milquetoast, созвучная английскому выражению milk toast, «поджаренный хлеб в молоке», стала нарицательной и используется в переносном смысле для обозначения мягкого, робкого, стеснительного человека.

— А ты как думала? Кто-то подменил мое сонное зелье подкрашенной водичкой — скорее всего, тогда же, когда на нашей машинке напечатали это дурацкое предостережение. Но вернемся к делу. Хог очень сильная натура и почти наверняка опытный гипнотизер. Этот самый фокус с тринадцатым этажом и «Детериджем и компанией» хорошо показывает, насколько он искусен, а если не он, то кто-то другой. А может быть, накачали меня заодно и наркотиками — так же, как впоследствии тебя.

— Меня?

— Конечно. Помнишь эту отраву, которой поил тебя Потбери? Какое-то снотворное замедленного действия.

— Ты ведь тоже пил!

— Но совсем не обязательно ту же самую дрянь. Потбери с Хогом в заговоре, вот они на пару и создали атмосферу, в которой любой бред стал возможным. А все остальное — мелочи, каждая из которых в отдельности не особенно существенна.

У Синтии было на этот счет собственное мнение, но она решила держать его пока при себе. Однако один момент был, как ей казалось, в вопиющем противоречии с теорией Рэндалла.

— А как Потбери выбрался из ванной? Ты ведь говорил, что запер его?

— Думал я и об этом. Он вскрыл замок, пока я говорил с Хогом, спрятался в чулане и потом дождался подходящего момента и смылся.

— Хм… — Синтия решила не обсуждать пока этот вопрос.

Рэндалл тоже замолк, сосредоточившись на управлении машиной, — они проезжали Уокиган. Он свернул налево, к выезду из города.

— Тедди, если ты так уверен, что никаких Сынов не существует и вся эта история — просто большое надувательство, почему тогда нам не бросить ее и не свернуть на юг? Зачем нам ехать на эту встречу?

— Я уверен, что в общих чертах мое объяснение верно, — сказал Рэндалл, умело объехав явно настроенного на самоубийство юного велосипедиста. — Однако в мотивах я не уверен — именно поэтому хочется увидеть Хога. Только странное у меня ощущение, — продолжил он задумчиво. — Вот никак не верится, что Хог имеет что-нибудь против тебя или меня. Были у него, наверное, причины потратить полкуска на то, чтобы поставить нас в тяжелое положение, пока он осуществляет какие-то там свои планы. Но посмотрим. И во-

обще поворачивать уже поздно — вон та самая заправка, а рядом с ней наш хороший знакомый.

Хог сел в машину молча, только кивнув и улыбнувшись, но Рэндалл снова почувствовал то же самое желание выполнить любые приказы этого человека, которое охватило его два часа назад. Хог указал дорогу.

Сначала они удалялись от города по шоссе, затем свернули на узкий проселок и подъехали в конце концов к воротам огороженного забором пастбища. По просьбе Хога Рэндалл открыл эти ворота и проехал внутрь.

— Владелец не станет возражать. Я бывал здесь много раз, по своим средам. Очень красивый уголок.

Место и вправду оказалось очаровательным. Дорога, превратившаяся теперь в еле заметную колею, полого поднималась на возвышенность, к небольшой роще. Остановив машину под деревом в месте, указанном Хогом, они вышли. На какое-то время Синтия замерла, буквально впитывая красоту окружающего, наслаждаясь каждым глотком прозрачного воздуха. На юге черной кляксой виднелся Чикаго, а за ним и к востоку серебром блестело озеро.

— Ты только посмотри, Тедди, роскошь какая.

— Да, — согласился Рэндалл, но его сейчас больше интересовал Хог. — Зачем мы, собственно, приехали сюда?

— Пикник, — улыбнулся Хог. — Мне кажется, что это место очень подходит для моего финала.

— Финала?

— Сперва поедим, — остановил дальнейшие расспросы Хог. — Ну а потом, если вам того хочется, можно и поговорить.

Меню было несколько странным — место обычной для пикников простой, сытной еды занимали десятки блюд, способных усладить вкус самого изысканного гурмана, — варенье из кумкватов, желе из гуавы, разнообразные мясные деликатесы в маленьких горшочках, тающие во рту вафли с названием знаменитой фирмы на этикетке; чай Хог приготовил лично, на спиртовке. Несмотря на необычность меню, Рэндалл и Синтия — к собственному своему удивлению — ели с большим аппетитом. Хог не пропустил ни одного из блюд, однако ел он, как обратила внимание Синтия, очень мало — не обедал, а скорее дегустировал.

Через какое-то время Рэндалл набрался наконец смелости вернуться к расспросам — становилось ясно, что сам Хог разговора не начнет.

— Хог?

— Да, Эд?

— А не пора ли вам снять эту маску и перестать нас дурачить?

— Я никогда не дурачил вас, Эд.

— Вы знаете, что я имею в виду всю эту бредовую историю, тянувшуюся последние дни. Вы связаны с ней и знаете о ней больше нас — уж это-то вполне очевидно. Поймите, я ни в чем вас не обвиняю, — торопливо добавил Рэндалл, — но мне хочется выяснить, что все это значит.

— А попробуйте сами объяснить, что все это значит?

— Хорошо, — принял вызов Рэндалл. — Попробую.

Он изложил Хогу ту же самую гипотезу, которую совсем недавно бегло набросал Синтии. Ни во время рассказа, ни потом Хог не сделал ни одного замечания.

— Ну так что? — нервно спросил Рэндалл. — Так оно и было?

— Вполне разумное объяснение.

— Я тоже так считаю. Но вы должны кое-что мне объяснить. Зачем вам это все понадобилось?

— Извините, Эд, — задумчиво покачал головой Хог, — но я просто не смогу объяснить вам свои мотивы.

— Какого черта, это же нечестно. Вы могли бы как минимум…

— А где вы, скажите на милость, видели эту самую честность, Эдвард?

— Ну… от вас я ожидал честной игры. Вы поддерживали в нас впечатление, что являетесь нашим другом. Вы должны нам хоть что-то объяснить.

— Я обещал дать вам объяснения. Но подумайте, Эд, вы действительно хотите их получить? Можете быть уверены, никто вас больше не побеспокоит, никаких Сынов вы больше не увидите.

— Не надо ничего спрашивать, Тедди, — тронула Рэндалла за руку Синтия.

Он отмахнулся от нее, без злости, но решительно.

— Я обязан знать. Давайте послушаем ваши объяснения.

— Вам они не понравятся.

— Рискну уж.

— Ну, хорошо. — Хог устроился поудобнее. — Вы не откажетесь налить нам вина, дорогая? Спасибо. Сперва я расскажу вам небольшую историю. Отчасти она будет аллегорической — из-за отсутствия некоторых слов, понятий. Жило однажды некое племя, совсем не похожее на племя люд-

ское — совсем. Я не сумею описать вам ни как они выглядели, ни как они жили, но они обладали одной важной чертой, понятной и вам, — они были существами творческими. Творчество и наслаждение искусством являлись и главным их занятием, и смыслом их жизни. Я намеренно употребил слово «искусство», искусство — понятие неопределенное и не определяемое, не имеющее никаких пределов. Это слово можно использовать без боязни употребить его неправильно, так как оно лишено точного значения. Оно имеет столько значений, сколько есть художников. Не забывайте, однако, что эти художники не люди, и их искусство — не искусство людей.

И был один из этого племени, молодой, если пользоваться вашей терминологией. Он создал произведение искусства под присмотром и при руководстве своего учителя. Он был талантлив, этот молодой, и его творение обладало многими интересными и забавными чертами. Поощряемый учителем, он продолжал работу над своим творением и готовил его к оценке. Не забывайте, что я говорю метафорически, так, словно это был художник из людей, готовящий холсты к ежегодной выставке.

Прервав свой рассказ, Хог неожиданно повер-

нулся к Рэндаллу.

— Скажите, а вы религиозны? Вам приходило когда-нибудь в голову, что все это, — широким движением руки он обвел окружавшую их красоту природы, — может иметь Творца? Должно иметь Творца?

Рэндалл сконфуженно покраснел.

— Вообще-то, я не то чтобы много ходил в церковь, — неуверенно пробормотал он, — но… да, пожалуй, я в это верю.

— А вы, Синтия?

Напряженно слушавшая разговор Синтия молча кивнула.

— Художник создал этот мир на свой собственный манер, используя аксиомы, ему понравившиеся. Учитель одобрил творение в целом, однако…

— Подождите секунду, — перебил его Рэндалл. — Вы что, пытаетесь описать творение нашего мира, Вселенной?

— А что же еще?

— Но… какого черта, это же нелепость какая-то! Я просил вас объяснить события, происшедшие с нами.

— А я предупреждал, что вам не понравится мое объяснение.

Помолчав секунду, Хог продолжил:

— Вначале Сыны Птицы были основным элементом этого мира.

Голова Рэндалла готова была лопнуть. С тошнотворным ужасом он признался наконец себе, что все его логические построения, придуманные по пути сюда, были грошовой поделкой, кое-как сляпанной с единственной целью — подавить обуревавший его страх. Сыны Птицы реальны, они реальны, ужасны и обладают колоссальной мощью. Теперь он знал, о каком племени говорит Хог. Потрясенное, застывшее в ужасе лицо Синтии говорило, что и она знает — и теперь никогда больше не будет спокойствия, ни для кого из них.

— В начале была Птица…

Взгляд, которым Хог окинул Рэндалла, был лишен недоброжелательства, но и сострадания в этом взгляде не было тоже.

— Нет, — сказал он просто и спокойно. — Никакой Птицы никогда не было. Существуют только те, которые называют себя Сынами Птицы. Глупые и наглые. Вся их священная история — сказки и суеверия. Но, согласно законам, которые правят этим миром, они сильны — в некотором роде. И все, что вам, Эдвард, казалось, вы видели в действительности.

— Вы хотите сказать, что…

— Подождите, дайте мне закончить, у меня мало времени. Вы действительно видели все, что, как казалось вам, видели — за одним исключением. Меня вы видели только в вашей квартире или в моей. А все эти существа, которых вы выслеживали на улице, то существо, которое испугало Синтию, — все это Сыны Птицы. Стоулз и его дружки.

Учителю не понравились Сыны Птицы, и он предложил внести в творение некоторые поправки. Но Художник был тороплив, а может — беззаботен; вместо того чтобы убрать их совсем, он их… ну, скажем, замазал или перекрасил, придал им вид неких новых творений из тех, которыми он населил свой мир.

И все это не имело бы особого значения, не будь эта работа избрана для оценки. И конечно же, критики заметили Сынов Птицы, они были… плохими произведениями искусства, они безобразили работу. В умах критиков появились сомнения, стоит ли сохранять такое творение. Вот потому-то я и нахожусь здесь.

Хог замолк, словно ему нечего было больше сказать.

— Так, значит, вы… — в благоговейном страхе

посмотрела на него Синтия, — значит, вы…

— Нет, Синтия, — улыбнулся Хог. — Я не Творец вашего мира. Когда-то вы интересовались моей профессией. Так вот, я искусствовед, Критик.

Все существо Рэндалла не хотело верить этим словам, но искренность, правда, звучавшие в голосе Хога, не оставляли места для сомнений.

— Я уже предупреждал, — продолжил Хог, — что буду вынужден говорить в рамках ваших понятий, вашего языка. Нетрудно понять, что составить суждение о таком творении, как этот ваш мир, — совсем иное дело, чем подойти к картине и оглядеть ее. Этот мир населен людьми, и глядеть на него нужно глазами людей. Поэтому я человек.

Теперь Синтия находилась в еще большем смятении.

— Я не понимаю. Получается, вы действуете через человеческое тело?

— Я действительно человек. В человеческом племени рассеяны Критики-люди. Каждый из них — проекция Критика, но одновременно каждый из них — человек, человек во всех отношениях, даже не подозревающий, что он Критик.

Словно утопающий за соломинку, Рэндалл ухватился за прозвучавшее в этих словах про-

тиворечие.

— Но ведь вы знаете это — или, по крайней мере, так говорите. Здесь что-то не сходится.

— Верно, — невозмутимо кивнул Хог, — но до самого сегодняшнего дня, когда по различным причинам — в том числе из-за проведенного Синтией допроса — стало неудобным продолжать такое существование, вот этот человек, — он постучал себя по груди, — не имел ни малейшего представления, зачем он здесь. Есть целый ряд вопросов, на которые я не мог ответить, оставаясь Джонатаном Хогом.

Джонатан Хог возник как человек с единственной целью — проникнуться, насладиться артистическими аспектами этого мира. Тем временем оказалось удобным использовать его же для расследования некоторых сторон деятельности этих отвергнутых, перекрашенных существ, которые именуют себя Сынами Птицы. Так уж случилось, что вы двое, ничего не знающие и ничего не понимающие, оказались вовлечены в эти события — как почтовые голуби, используемые сражающимися армиями. Но этим дело не ограничилось, и, общаясь с вами, я познакомился с некоторыми не замеченными мной прежде обстоятельствами художественного плана, почему,

собственно, я и взял на себя труд вдаваться во все эти объяснения.

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте мне сперва упомянуть обстоятельства, замеченные мной в моей роли Критика. Ваш мир обладает целым рядом удовольствий. Еда.

Протянув руку, от отщипнул большую сахарно-сладкую мускатную виноградину и неторопливо, смакуя, съел ее.

— Странное удовольствие. И весьма примечательное. Никому прежде не приходило в голову превратить в искусство элементарный процесс получения необходимой для жизни энергии. Ваш Художник весьма талантлив. Кроме того, вы видите сны. Необычайная рефлексия, при которой творениям Художника дано творить новые миры, свои собственные. Теперь вы видите, — улыбнулся Хог, — почему критик должен быть самым взаправдашним человеком — иначе как бы он увидел сны, которые видят люди?

Затем вино и все прочее в этом роде — наслаждение, соединяющее в себе черты еды и снов.

Есть у вас и ни с чем не сравнимое наслаждение беседы, дружеской беседы — чем мы с вами сейчас и занимаемся. Это удовольствие не ново, однако достойно всяческой похвалы то, что Ху-

дожник включил и его.

Далее — любовь мужчины и женщины. Просто секс смешон, и я полностью отверг бы такое нововведение, если бы, благодаря вам, друзья мои, не увидел за этим нечто, полностью избегнувшее внимания Джонатана Хога, нечто такое, что никогда не сумел бы придумать сам. Как я уже говорил, талант вашего Художника весьма велик.

Почти с нежностью Хог посмотрел на Синтию и Рэндалла.

— Скажите, Синтия, что вам нравится в этом мире, чего вы боитесь и что ненавидите?

Вместо ответа Синтия прижалась к мужу, который обнял ее за плечи, словно пытаясь защитить ото всех бед.

— А вы, Эдвард? — повернулся Хог к Рэндаллу. — Есть в этом мире нечто такое, ради чего вы отдали бы и тело свое, и душу, возникни такая необходимость? Не надо отвечать, я все видел на вашем лице и в вашем сердце вчера, когда вы склонялись над кроватью. Великолепные, просто великолепные произведения искусства — я имею в виду вас обоих. В вашем мире я нашел целый ряд образцов отличного, оригинального искусства — вполне достаточно, чтобы оправдать продолжение работы Художника над этим

его творением. Но много здесь и неудовлетворительного, плохо написанного, дилетантского, такого, из-за чего я никак не мог одобрить работу в целом, пока не встретил, не прочувствовал, не оценил трагедию человеческой любви.

— Трагедию? — изумленно посмотрела на него Синтия. — Вы сказали «трагедию»?

— А чем она может быть еще?

Во взгляде Хога была не жалость, а спокойное мудрое понимание.

Несколько секунд Синтия молча, широко открытыми глазами смотрела на него, а затем спрятала лицо на груди мужа. Рэндалл потрепал ее по голове.

— Прекратите это, Хог, — яростно сказал он. — Вы снова ее напугали.

— Я не хотел.

— Все равно напугали. И я скажу вам, что думаю о вашем рассказе. В нем такие дырки, через которые слона провести можно. Вы все это выдумали.

— Вы сами в это не верите.

Так оно и было, в глубине души Рэндалл поверил Хогу. Однако он продолжал говорить, рукой пытаясь успокоить жену:

— А как насчет грязи под вашими ногтями? Я

заметил, что вы ни словом ее не упомянули. И еще — отпечатки ваших пальцев.

— Вещество из-под моих ногтей очень слабо связано с этой историей. Оно выполнило свою задачу — напугало Сынов Птицы. Они сразу разобрались, что это такое.

— А именно?

— Кровь Сынов, помещенная туда другой моей личностью. Но при чем здесь отпечатки пальцев? Джонатан Хог искреннейшим образом боялся давать их. Джонатан Хог был человеком, Эдвард, и вы не должны об этом забывать.

Рэндаллу пришлось рассказать о своих с Синтией столь же бесплодных, сколь многочисленных упражнениях в дактилоскопии.

— Понятно, — кивнул Хог. — Правду говоря, я не припоминаю всего этого даже сейчас, хотя моя полная личность должна бы все знать. У Джонатана Хога была нервная привычка протирать различные предметы носовым платком, возможно, он протер ручки вашего кресла.

— Я такого не помню.

— Как и я.

— Это еще далеко не все, это только малая часть несуразностей, — не сдавался Рэндалл. — А как насчет той больницы, в которой вы, по вашим же

собственным словам, находились? И кто вам платит? Где вы берете деньги? Кроме того — почему Синтия вас боялась?

Хог посмотрел на далекий город; со стороны озера накатывался туман.

— На все эти вещи не остается времени, — сказал он. — И даже для вас самих не имеет значения — поверите вы мне или не поверите. Но вы ведь верите — несмотря ни на что. Однако вы напомнили мне про еще один момент. Вот.

Вытащив из кармана толстую пачку банкнот, он протянул ее Рэндаллу.

— Возьмите, мне они больше не понадобятся. Через несколько минут я вас покину.

— Куда вы направляетесь?

— Назад, к себе. После моего ухода вы должны сделать следующее: забирайтесь в машину и сразу уезжайте, на юг, через город. Ни в коем случае не открывайте окна машины, пока не удалитесь от города на приличное расстояние.

— Почему? Все это мне как-то не нравится.

— И все равно делайте, как я сказал. Предстоят некоторые — ну, скажем, изменения, перестройки.

— Что вы имеете в виду?

— Я ведь говорил вам, что с Сынами Птицы

покончено. С ними и со всеми их делами.

— Каким образом?

Хог не ответил, он смотрел на туман, начинавший окутывать город.

— Думаю, мне пора вас покинуть. — Он повернулся с явным намерением уйти. — Делайте все, как я сказал.

— Не уходите. — Синтия оторвалась от груди мужа. — Подождите немного.

— Да, дорогая моя?

— Вы обязаны сказать мне одну вещь. Мы с Тедди не разлучимся?

Хог внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я понимаю, что вы хотите спросить. Только я этого не знаю.

— Но вы должны знать!

— Я не знаю. Если оба вы существа этого мира, тогда ваши дороги могут и дальше идти рядом. Но ведь есть и Критики.

— Критики? А они-то какое имеют к нам отношение?

— Не исключено, что либо один из вас, либо другой, либо оба сразу являются Критиками. Этого я знать не могу. Ведь Критики — просто люди, пока они здесь. До сегодняшнего дня я не знал даже про себя. Вот он вполне может оказаться

Критиком. — Хог задумчиво посмотрел на Рэндалла. — У меня уже появлялось сегодня такое подозрение.

— А я?

— Я просто не могу этого знать. Но крайне маловероятно. Видите ли, мы не должны быть знакомы друг с другом, это портит достоверность наших оценок.

— Но, но… если мы не одинаковы, значит…

— Это все.

Слова были сказаны без нажима, но звучали настолько окончательно, что Рэндалл с Синтией вздрогнули. Наклонившись к остаткам пиршества, Хог отщипнул еще одну виноградину, съел ее и закрыл глаза.

И больше их не открыл.

— Мистер Хог? — окликнул Рэндалл через некоторое время. — Мистер Хог!

Ответа не было. Отодвинув Синтию, он встал, подошел к сидячему человеку и потрогал его за плечо.

— Мистер Хог!

— Но нельзя же бросить его здесь, — убеждал Рэндалл Синтию через несколько минут.

— Он знал, что делает, Тедди. Теперь нам нужно следовать его указаниям.

— Ну ладно, мы можем заехать в Уокиган и известить полицию.

— Сказать им, что там, на холме, валяется мертвец, которого мы оставили? И что же они нам ответят? Прекрасно, скажут, езжайте дальше? Нет, Тедди, мы будем делать так, как сказал Хог.

— Слушай, лапа, неужели ты поверила всему, что он нам наплел?

— А ты? — Синтия смотрела на него глазами, полными слез. — Только честно.

Не выдержав ее взгляда, Рэндалл опустил голову.

— Ладно, ерунда это все. Сделаем, как он сказал. Садись в машину.

Спустившись с холма и направляясь к Уокигану, они не заметили и следа того тумана, который совсем недавно покрыл Чикаго, не увидели они его и свернув на юг, к городу. День был таким же ясным, солнечным, как и начинавшее его утро, в воздухе чувствовалась легкая прохлада, делавшая вполне осмысленным совет Хога держать окна машины плотно закрытыми.

Они выбрали путь вдоль берега озера, огибая таким образом Петлю, с намерением так и ехать на юг, пока машина не окажется далеко за пределами города. Теперь машин попадалось заметно

больше, чем утром, и Рэндаллу приходилось внимательно следить за дорогой, что было даже и кстати — ни он, ни Синтия не хотели сейчас разговаривать.

— Синтия… — сказал Рэндалл, когда район Петли остался позади.

— Да.

— Нужно кому-нибудь сказать. Как только встретим полицейского, я остановлюсь и скажу, чтобы он позвонил в Уокиган.

— Тедди!

— Не кипятись. Наплету ему чего-нибудь, чтобы расследование началось, а на нас подозрений не было. Сумею, не в первый раз.

Синтия замолкла; кому как не ей было знать, что фантазии у мужа более чем достаточно для такой простой задачи. Полицейский встретился через несколько кварталов; стоя на тротуаре, служитель закона грелся на солнышке и лениво наблюдал за мальчишками, играющими на пустыре в футбол. Свернув к бровке, Рэндалл остановил машину.

— Открой окно, Син.

Синтия опустила стекло и тут же резко, судорожно хватила ртом воздух. И она, и Рэндалл с трудом подавили желание закричать.

За окном не было ни солнечного света, ни полицейского, ни мальчишек — не было вообще ничего. Только серый, безликий туман, и этот туман медленно пульсировал, словно живя какой-то своей, не оформившейся еще жизнью. И никаких признаков города, но не потому, что туман был очень плотным, а потому, что он был — пуст. Сквозь него не проглядывало ни одно движение, сквозь него не долетал ни один звук.

Приблизившись к окну машины, туман начал медленно заползать внутрь.

— Закрой окно!

Увидев, что Синтия никак не может справиться со своими не гнущимися от ужаса пальцами, Рэндалл перегнулся через нее и лихорадочно крутанул ручку, подняв стекло до упора.

И все стало по-прежнему, через стекло они снова увидели полицейского, играющих детей, тротуар, а дальше — город. Синтия взяла мужа за руку.

— Поезжай, Тедди.

— Подожди секунду, — напряженным голосом сказал Рэндалл, поворачиваясь к своему окну. Медленно, очень осторожно, он приспустил стекло — чуть-чуть, меньше чем на дюйм.

Этого хватило. И здесь тоже стояла серая бесфор-

менная масса. Через стекло отчетливо виднелись улица и машины, бегущие по ней, сквозь открытую щель — ничего.

— Поезжай, Тедди. Пожалуйста.

Уговаривать Рэндалла было не надо, выжав сцепление, он резко бросил машину вперед.

* * *

Их дом стоит не прямо на берегу Мексиканского залива, но поблизости. Залив хорошо виден с вершины ближайшего холма. В поселке, куда они ходят за покупками, живут всего восемь сотен человек, но им этого вполне хватает. Да и вообще они не особенно любят общество — кроме, конечно, общества друг друга. Вот этого у них предостаточно. Когда он идет работать в огород или в поле, она идет следом, прихватив с собой какую-нибудь мелкую женскую работу. В город они тоже ездят вместе, рука в руку, всегда, без всяких исключений.

Он отпустил бороду, и не потому, что ему очень уж это нравится, а по необходимости — во всем их доме нет ни одного зеркала. Есть у них одна странность, которая обратила бы на себя внимание в любой общине, знай о ней окружающие, но такова уж природа этой странности, что никто и

никогда о ней не узнает.

Вечером, отходя ко сну, он обязательно пристегивает наручниками свою руку к ее руке и только потом выключает свет.

Колумб был остолопом[21]
Рассказ

— Вспрыснуть сделку — это я уважаю, — бодро заявил толстяк, перекрывая голосом шум кондиционера. — Пей, профессор, а то ты уже на три порции от меня отстал.

В прохладный сумрак бара, моргая, словно приучал глаза к полутьме помещения после безжалостного сияния пустынного солнца снаружи, шагнул от порога новый посетитель, и толстяк радостно завопил:

— Эй, Фред! Фред Нолан! Иди к нам! — Потом повернулся к своему гостю: — Я с ним познакомился по пути сюда, вместе летели от самого Нью-Йорка. Садись, Фред, пожми ручку профессору Эпплби, старшему механику звездолета «Пегас». Вернее, он будет его главным механиком, когда звездолет построят. Я только что втюхал профессору партию хреновой стали для его таратайки, давайте по этому поводу выпьем.

— С удовольствием, мистер Барнс, — согласился

---

[21] Примечания: 21
Перевод М. Пчелинцева

Нолан. — А с профессором мы знакомы по делам приборостроительной компании «Климакс».

— Чего?

— «Климакс» снабжает нас прецизионной аппаратурой, — пояснил Эпплби.

На лице Барнса появилось сперва недоумение, а затем улыбка.

— Ну, тогда тем более необходимо выпить. Что тебе, Фред? «Старомодный»? А тебе, профессор?

— И мне. Только не зовите меня профессором, пожалуйста. Во-первых, я не профессор, во-вторых, этот титул меня старит, а я еще молодой.

— Это уж точно, док! Пит, два «старомодных» и один двойной «манхэттен»! А я-то и впрямь представлял тебя ученым из комиксов — старцем с длинной седой бородой. Но вот теперь, познакомившись с тобой, все никак не могу понять…

— Что именно?

— Зачем тебе, в твои-то годы, хоронить себя в такой глуши…

— «Пегас» на Лонг-Айленде не построишь, — заметил Эпплби, — да и стартовать отсюда удобнее.

— Оно конечно, да я ведь о другом. Я вот о чем… В общем, я продаю сталь. Тебе нужны специальные сплавы для звездолета — пожалуйста,

я продам. Но сейчас, когда все дела закончены, скажи мне, на кой черт тебе все это сдалось? Что тебя тянет на Проксиму Центавра или на какую другую звезду?

— Ну, этого не объяснишь, — улыбнулся Эпплби. — Что тянет людей взбираться на Эверест? Что тянуло Пирри на Северный полюс? Почему Колумб уговорил королеву заложить ее бриллианты? До Проксимы Центавра еще никто не добирался, а мы хотим долететь.

Барнс повернулся к Нолану:

— А ты, Фред, можешь это понять?

Нолан пожал плечами:

— Я торгую прецизионной аппаратурой. Кто-то выращивает хризантемы, кто-то строит звездолеты. Лично я продаю приборы.

На дружелюбном лице Барнса все еще отражалось недоумение.

— Ну…

Бармен принес поднос с напитками.

— Послушай, Пит, — обратился Барнс к нему. — Вот ты ответь мне на один вопрос. Ты сам полетел бы на «Пегасе», если бы тебя туда взяли?

— Нет.

— А почему?

— Мне здесь нравится.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос, правда в перевернутом виде.

— В одних живет дух Колумба, а в других нет, — кивнул Эпплби.

— Колумб рассчитывал вернуться обратно, — стоял на своем Барнс. — А ты? Ты же сам говорил, что лететь не меньше шестидесяти лет. Вы же не долетите!

— Мы нет, наши дети — да. А обратно вернутся наши внуки.

— Ты что, женат?

— Разумеется. Экипаж подбирается только семьями. Вы ведь знаете, что весь проект рассчитан на два-три поколения. — Он вынул из кармана бумажник. — Вот пожалуйста, миссис Эпплби и Диана. Ей три с половиной года.

— Хорошенькая девочка, — печально произнес Барнс и передал фотографию Нолану, который взглянул на нее, улыбнулся и вернул Эпплби. — И что же с ней будет?

— Как что? Полетит с нами, разумеется. Не отдавать же ее в приют.

— Нет, конечно, только…

Барнс смолк и опрокинул в рот оставшуюся часть выпивки.

— Не понимаю я этого, хоть режь, — признал

он. — Кто хочет выпить еще?

Допив свой коктейль, Эпплби встал.

— Пора домой. Я ведь семейный человек, — улыбнулся он.

— Теперь моя очередь, — сказал Нолан после его ухода. — Вам то же самое?

— Ага. — Барнс поднялся из-за стола. — Пошли за стойку, Фред, там пить удобнее, а мне сейчас надо не меньше шести порций.

— Пошли. А с чего это вы так завелись?

— То есть как «с чего»? Разве ты не видел фото?

— Ну и что?

— Что? Ну а вот как ты лично к этому относишься? Я торговец, Фред, я продаю сталь, и мне плевать, на что ее употребит заказчик. Я готов продать веревку человеку, который собирается ею удавиться. Но я люблю детей! И мысль об этой малышке, которую родители берут в сумасшедшую экспедицию…

— А почему бы и нет? С родителями ей будет лучше. Она привыкнет к стальным палубам ровно так же, как другие дети привыкают к городским тротуарам.

— Да ведь они обречены на гибель! Они не долетят!

— Может, и долетят!

— Так вот не долетят они. У них нет ровно никаких шансов. Я это знаю. Я же расспросил об этом технических работников. Девять шансов из десяти, что они сгорят прямо на старте. И это еще самое лучшее, что может с ними случиться. Если они даже выберутся из Солнечной системы — а они этого ни в жизнь не сделают, — все равно ничего не выйдет. До звезд они не доберутся.

Пит поставил следующую порцию перед Барнсом, тот выпил не глядя.

— Еще один, Пит. Так не может у них ничего получиться. Это теоретически невозможно. Они окоченеют от холода, или поджарятся, или помрут с голодухи. Но только никуда они не доберутся.

— Может, и так.

— Все равно это безумие. Давай скорее, Пит, и налей себе тоже. Вот Пит, он у нас человек мудрый. Он-то ни в какие звездные авантюры не пустится. Подумаешь тоже, Колумб! Да дурак он был, Колумб! Остолоп! Сидел бы себе дома и не рыпался!

— Вы неверно меня поняли, мистер Барнс, — покачал головой бармен. — Ведь если бы не такие люди, как Колумб, нас бы сегодня не было здесь, верно? Просто по характеру я не путешествен-

ник. Но в путешествия верю. И ничего не имею против «Пегаса».

— Но ведь ты же не можешь согласиться с тем, что они берут с собой еще и детей?

— Ну как сказать… говорят, на «Мэйфлауэре»[22] тоже были дети.

— Это совсем другое дело.

Барнс посмотрел на Нолана, видимо ища поддержки, а затем снова на бармена:

— Если бы Господь предназначал человека для полетов к звездам, Он создал бы нас с ракетными двигателями. Налей мне еще, Пит.

— Вам, наверное, хватит пока, мистер Барнс.

Возбужденный толстяк вроде бы собрался поспорить с таким мнением, но передумал.

— А теперь я пойду в Небесный зал и найду какую-нибудь, которая согласится со мной танцевать, — объявил он. — Сп'ночи.

Заметно раскачиваясь, он двинулся к лифту.

Нолан молча наблюдал за его уходом.

— Бедный старина Барнс, — сказал он, когда за толстяком закрылась дверь, а затем пожал плечами: — Наверное, мы с тобой, Пит, просто

---

[22] Примечания: 22

«Мэйфлауэр» — название барка, на котором в 1620 году пересекли Атлантику «отцы-пилигримы», основатели английской колонии, ставшей впоследствии Соединенными Штатами.

совершенно черствые люди.

— Мой старик, помнится, считал необходимым ввести закон против летательных аппаратов, чтобы всякие дураки не ломали себе шею и потому что людям не дано летать. Он был не прав. Людям всегда хочется попробовать что-нибудь новое, отсюда и прогресс.

— Вот уж не думал, что вы помните время, когда люди еще не летали, — сказал Нолан.

— О, что вы, я уже в годах. Да уже здесь лет десять прожил, не меньше.

— А по свежему воздуху не скучаете?

— Нет. Когда я подавал напитки на Сорок второй улице, свежего воздуха там не было и в помине, так что не по чему скучать. А здесь мне нравится. И всегда есть что-то новое. Сначала атомные лаборатории, сейчас вот «Пегас». Но это не главная причина. Мне здесь нравится. Здесь мой дом. Вот посмотри.

Он взял с полки коньячный ингалятор, большой хрупкий хрустальный шар, закрутил его и подкинул вверх, к потолку. Он поднимался медленно, грациозно, затем надолго завис в верхней точке, словно не желая возвращаться, и так же медленно начал опускаться, словно парашютист в замедленном кадре на экране. Пит смотрел, как

ингалятор проплыл мимо его носа, а затем легко взял его двумя пальцами и вернул на полку.

— Видел? — спросил он. — Вот оно — тяготение одна шестая g. На Земле у меня все время опухали ноги, когда я стоял за стойкой, а здесь я вешу всего тридцать пять фунтов. Нет, мне нравится здесь, на Луне.

Джерри — человек[23]
Рассказ

Не вините марсиан. Человечество в любом случае открыло бы пластобиологию.

Вспомните хотя бы собачьи породы — эндокринных великанов вроде сенбернаров и датских догов и нелепых уродцев чихуа-хуа и пекинесов. Припомните аквариумных рыбок.

Непоправимое свершилось, когда доктор Морган создал новый подвид дрозофил, перетасовав их хромосомы с помощью рентгеновских лучей. А после этого потомки в третьем колене тех, кто пережил Хиросиму, ничему новому нас не научили. Эти злополучные чудища просто вызвали широкий интерес к генетике.

Мистер и миссис Бронсон ван Фогель не замышляли никаких социальных потрясений, когда отправились в генетический питомник «Феникс». Просто мистеру Бронсону вздумалось купить Пегаса. Он упомянул об этом за завтраком.

— Дорогая, ты сегодня утром занята?

---

[23] Примечания: 23
Перевод И. Гуровой

— Да нет. А что?

— Я бы хотел съездить в Аризону и заказать Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня? А зачем?

Он расплылся в улыбке:

— Да просто так. Толстун Джордж заходил вчера в клуб с шестиногой таксой длиной больше ярда, честное слово. Мысль очень недурная, но он до того пыжился, что мне захотелось, чтобы он выпучил глаза. Ты только вообрази, Марта: я опускаюсь на вертолетную площадку клуба верхом на крылатом коне! Это ему не такса!

Она оторвала взор от берегов Джерси и снисходительно посмотрела на мужа. Обойдется это недешево, но Бронси такая прелесть!

— Когда отправляемся?

* * *

Приземлились они на два часа раньше, чем вылетели. Пятидесятифутовые буквы аэровывески слагались в надпись:

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПИТОМНИК «ФЕНИКС»
Управляемое биоразвитие. Поставка рабочей силы.

— Поставка рабочей силы? — прочла Марта. — А я думала, тут просто создают новых животных.

— Они и моделируют, и ставят на поток, — объяснил ее супруг с гордостью. Поставками занимается материнская корпорация «Работники». Тебе следовало бы это знать! Ты ведь владеешь солидным пакетом акций «Работников».

— Ты хочешь сказать, что я владею оравой горилл? Неужели?

— Разве я тебе не сказал? Мы с Хаскеллом… — Он наклонился и сообщил контрольной башне, что приземлится вручную. Ему нравилось щегольнуть своей сноровкой. — Мы с Хаскеллом вкладывали твои дивиденды от «Дженерал атомикс» в корпорацию «Работники». Отличное вложение капитала: черной работы для антропоидов еще хоть отбавляй.

Он ударил по кнопкам, и вой носовых реактивных двигателей положил конец разговору.

Бронсон переговорил с управляющим еще в полете, и им была оказана торжественная встреча. Правда, без красной ковровой дорожки, балдахина или ливрейных лакеев, но управляющий приложил все усилия, чтобы возместить их отсутствие.

— Мистер ван Фогель! И миссис ван Фогель!

Такая честь!

Он усадил их в маленький роскошный унибиль, и они унеслись с аэродрома вверх по пандусу прямо в вестибюль административного здания. Управляющий, мистер Блэксли, не успокоился, пока не водворил их в кресла у фонтана в своей личной приемной, не поднес зажигалку к их сигаретам и не приказал подать прохладительные напитки.

Такие знаки внимания докучали Бронсону ван Фогелю, поскольку адресовались они не ему, а рейтингу его жены по системе Дана и Брэдстрита (десять звездочек, солнце в лучах и небесная музыка). Он предпочитал людей, которые, казалось, свято верили, что вовсе не он женился на состоянии Бригсов, а как раз наоборот.

— У меня к вам дело, Блэксли. Я хочу кое-что заказать.

— О? Наше оборудование в вашем распоряжении. Так что вам угодно, сэр?

— Я хочу, чтобы вы сделали для меня Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня?

— Вот именно.

Блэксли пожевал губами:

— Вы серьезно хотите лошадь, способную летать? Животное на манер мифологического

Пегаса?

— Да-да! Я же уже сказал.

— Вы ставите меня в сложное положение, мистер ван Фогель. Как я понимаю, вам требуется подарок для вашей супруги? Возможно, вам подойдет миниатюрный слон, приученный вести себя гигиенично, умеющий читать и писать? Он держит стило хоботом — очень-очень мило!

— А он разговаривает? — вмешалась миссис ван Фогель.

— Видите ли, прекрасная дама, у него ведь нет гортани, да и язык… Его смоделировали без дара речи. Но если необходимо, я выясню, что могут сделать наши пластицисты.

— Марта…

— Бронси, я не возражаю против Пегаса, но в этом игрушечном слонике что-то есть. Могу я его увидеть?

— О, разумеется! Харстон!

— Слушаю, босс, — раздалось из воздуха.

— Доставьте Наполеона в мою личную приемную.

— Сию минуту, сэр.

— А ваш Пегас, мистер ван Фогель… Я предвижу затруднения, но решать специалистам. Доктор Каргру — движущая пружина нашей организа-

ции, самый выдающийся биодизайнер, то есть земного происхождения, во всем мире. — Он повысил голос, включая передачу: — Доктор Каргру!

— В чем дело, мистер Блэксли?

— Доктор, прошу вас, зайдите ко мне в приемную.

— Попозже. Я занят.

Мистер Блэксли извинился, ушел к себе в кабинет, а вернувшись, сообщил, что доктор Каргру сейчас придет. Тем временем привели Наполеона. Пропорции его благородных предков были точно соблюдены в миниатюре. Он выглядел как чудом ожившая статуэтка слона.

Размеренным шагом войдя в приемную, он по очереди отсалютовал хоботом всем троим. Салютуя миссис ван Фогель, он еще и опустился на передние колени.

— Какая очаровашечка! — прожурчала она. — Иди сюда, Наполеон!

Слон поглядел на Блэксли, а когда тот кивнул, вразвалку подошел к ней и положил хобот ей на колени. Она почесала у него за ушами, и он блаженно застонал.

— Покажи даме, как ты пишешь, — распорядился Блэксли. — Принеси принадлежности из

моей комнаты.

Наполеон выждал, пока она не почесала особенно зудящее местечко, а затем выплыл из приемной и почти сразу возвратился, неся несколько листов плотной белой бумаги и большущий карандаш. Положив лист перед миссис ван Фогель, он изящно придавил его передней ногой, ухватил карандаш «пальцем», завершающим хобот, и вывел кривыми заглавными буквами: «Я ВАС ЛЮБЛЮ».

— Дусик! — Миссис ван Фогель упала на колени и обняла его за шею. — Я его беру! Сколько?

— Наполеон входит в серию из шести особей, — осторожно сказал Блэксли. — Вы предпочтете быть владелицей единственной модели или остальные можно продать?

— Ах, мне все равно! Мне нужен Наппи! А что, если я напишу ему записочку?

— Разумеется, миссис ван Фогель. Только печатными буквами покрупнее и самые обиходные слова. Наполеон знает их практически все. Его цена, как одного из серии, триста пятьдесят тысяч долларов. В эту сумму входит пятилетняя оплата услуг его ветеринара.

— Выпиши джентльмену чек, Бронси, — бросила она через плечо.

— Но, Марта…

— Не нуди, Бронси! — Она нагнулась к слонику и начала выводить печатные буквы, даже не обернувшись, когда вошел доктор Каргру в белом халате и белой шапочке. От него веяло знобящим холодом. После небрежного рукопожатия он сунул в рот сигарету и сел. Блэксли объяснил суть дела.

Каргру мотнул головой — физически невозможно.

Ван Фогель встал.

— Очевидно, — произнес он высокомерно, — мне следует обратиться в лабораторию Новожизни. Я прибыл сюда, потому что мы финансово заинтересованы в этой фирме, а я наивно поверил вашей рекламе.

— Сядьте, юноша! — прикрикнул Каргру. — Обращайтесь к этим косоруким идиотам, если вам так хочется. Но предупреждаю: они крылья и у кузнечика не вырастят. И сперва послушайте меня. Мы можем вырастить что угодно, и оно будет жить. Я могу создать для вас живое нечто — животным я его не называю, — точь-в-точь как этот стол. Оно будет абсолютно бесполезным, но живым. Будет поглощать пищу, пользоваться химической энергией, выбрасывать экскремен-

ты и проявлять раздражимость. Но это была бы дурацкая затея. Стол и животные существуют в разных планах. Их функции различны, а потому они различаются формой. Сделать для вас крылатую лошадь я могу…

— Но вы же только что сказали, что не можете…

— Не перебивайте. Я могу сделать крылатую лошадь, точно такую, как на иллюстрациях к сказкам. Если вы заплатите, мы ее сделаем, мы же коммерческое предприятие. Но летать она не будет.

— Почему?

— Потому что ее тело не создано для полета. Древние мифотворцы понятия не имели об аэродинамике, а о биологии знали и того меньше. Они просто снабдили лошадь крыльями, присобачили их с помощью канцелярских кнопок и клея. Но для создания летательного аппарата этого мало. Запомни, сынок, что животное — это машина, работающая по принципу внутреннего сгорания, с контрольной системой, оперирующей рычагами, и гидравлическими системами. В аэродинамике петришь?

— Ну, я пилот.

— Хм! Раз так, попробуй понять вот что: двига-

теля для полета у лошади нет. Она работает на сжигании сена, а этого мало. Мы могли бы приспособить пищеварительную систему лошади к потреблению только сахара, и тогда, возможно, у нее хватало бы энергии на коротенькие полеты. Но на мифического Пегаса она похожа не будет. Для прикрепления летательной мускулатуры ей понадобится грудина футов десять длиной, а размах крыльев — пожалуй, в восемьдесят футов. В сложенном виде крылья будут накрывать ее наподобие шатра. Через кубически-квадратный камень преткновения не перепрыгнешь!

— А?

Каргру нетерпеливо пожал плечами:

— Подъемная сила определяется размерами, возведенными в квадрат, а нагрузка при прочих равных равна тем же размерам, возведенным в куб. Я мог бы, пожалуй, сделать для вас Пегаса величиной с кошку, более или менее сохранив желаемые пропорции.

— Нет! Я хочу ездить на нем. Размах крыльев мне даже нравится, а большую грудину я как-нибудь стерплю. Когда я мог бы его получить?

Каргру поморщился, снова пожал плечами и ответил:

— Надо проконсультироваться с Б'на Крийтом.

Он засвистел, зачирикал, часть стены перед ними словно растаяла, и они увидели лабораторию. Передний план трехмерного изображения занимал марсианин в натуральную величину.

Едва это существо зачирикало, отвечая Каргру, миссис ван Фогель взглянула на него и сразу отвела глаза. Глупо, конечно, но вид марсиан вызывал у нее дрожь отвращения — а уж тем более таких, которые придавали себе получеловеческое обличие.

Минуты две марсианин и Каргру продолжали чирикать и жестикулировать, а потом Каргру повернулся к ван Фогелю:

— Б'на рекомендует, чтобы вы выбросили это из головы, и спрашивает, не предпочтете ли вы отличного единорога, а то и пару с гарантией нормального размножения?

— Единороги — позавчерашний день. А сколько времени надо на Пегаса?

После еще одного разговора, смахивавшего на поскрипывание старой двери, Каргру ответил:

— Возможно, десять лет. С полной гарантией — шестнадцать.

— Десять лет? Смешно!

Каргру процедил презрительно:

— Я думал, что на это уйдет пятьдесят лет, но

раз Б'на говорит, что уложится в три-пять поколений, значит так оно и будет. Б'на — лучший биомикрохирург двух планет. В хромосомной хирургии ему нет равных. В конце-то концов, юноша, эволюции потребовалось бы миллион лет, чтобы достичь такого результата, если он вообще был бы достигнут. Или вы полагали, что за деньги можно покупать чудеса?

У ван Фогеля хватило ума смутиться:

— Извините меня, доктор. Забудем об этом. Но вы сказали, что можете создать для меня Пегаса, каким его принято изображать, если я не стану настаивать, чтобы он летал. Но ездить на нем я смогу? По земле?

— Безусловно. Играть в поло — нет, а ездить — пожалуйста.

— Хорошо, я согласен. Спросите Бенакрита, или как его там, сколько времени это потребует.

Пока они говорили, марсианин исчез с экрана.

— Спрашивать его незачем, — заявил Каргру. — Простые манипуляции — это моя специальность. Сотрудничество Б'на требуется только для изменения конфигурации генов и их трансплантации, то есть чисто генетической инженерии. Коня вы получите через полтора года.

— А побыстрее нельзя?

— О чем вы, милейший? Для формирования новорожденного жеребенка требуется одиннадцать месяцев. Месяц мне нужен для разработки формы и программы. Эмбрион будет извлечен на четвертый день для внематочного выращивания. За это время я произведу десять-двенадцать операций — прививки, зародышевые имплантации и прочее, о чем вы, конечно, слышали. Через год мы получим сосунка с крылышками, а еще через шесть месяцев я доставлю вам шестимесячного Пегаса.

— Согласен.

Каргру сделал пометки в записной книжке, потом прочел вслух:

— Один конь с крыльями, не способный летать и давать крылатое потомство. Исходная порода во вашему выбору. Я рекомендовал бы паломино или араба. Искусственные маховые перья, окаймление из привитых рулевых перьев или их точной копии. — Он умолк и протянул листок ван Фогелю. — Распишитесь, и мы приступим сразу же до оформления типового контракта.

— Договорились. А гонорар? — Он поставил свою подпись под подписью Каргру.

Каргру сделал несколько пометок на другом листке и отдал его Блэксли — расход человеко-

часов специалистов и технического персонала, материалы и накладные расходы. Он раздул цифры, чтобы покрыть расходы на собственные исследования, и все-таки поднял брови, когда Блэксли подвел итоги в долларах и центах.

— Ровно два миллиона долларов.

Ван Фогель замялся: при упоминании о деньгах его жена повернула голову, но затем вновь занялась грамотным слоником.

Блэксли поспешил добавить:

— Разумеется, если экземпляр будет единственным.

— Да, конечно, — деловито кивнул ван Фогель и приписал цифру на первом листке.

Ван Фогель был готов отправиться в обратный путь, но его супруга пожелала посмотреть «горилл», как она назвала антропоидных работников. Мысль о том, что эти получеловеки в значительной мере принадлежат и ей, пробудила ее любопытство. Блэксли с энтузиазмом предложил показать ей лаборатории, в которых работники выводились из человекообразных обезьян.

Занимали лаборатории семь корпусов — «Семь Дней Творения». Огромное здание «День Первый» было епархией Каргру, где размещались его

сотрудники, операционные, инкубаторы и собственно лаборатории. Марта ван Фогель с ужасом, как завороженная рассматривала живые органы и даже целые эмбрионы, ведущие искусственное существование, которое поддерживалось хитроумными рециркулирующими системами из стекла и металла, а также изумительными автоматическими приборами.

Оценить высочайшие технические достижения она не могла, и все это повергало ее в уныние. В ней поднималось возмущение против пластобиологии, но тут Наполеон подергал ее за юбку, напоминая, что наука эта творит не только ужасы, но и много приятного.

В «День Второй» они заходить не стали — там работали Б'на Крийт и его сопланетники.

— Мы там не прожили бы и пяти минут, — объяснил Блэксли.

Ван Фогель кивнул, а его супруга ускорила шаг; марсиане даже за оргстеклом ей были ни к чему.

Прочие корпуса служили для формирования и коммерческого производства работников. В «Дне Третьем» в антропоидах формировались различия в соответствии с постоянно меняющимся спросом на чернорабочих. Огромный корпус «Дня Четвертого» был целиком занят инкубато-

рами для поточного производства антропоидов коммерческих типов. По словам Блэксли, с натуральными рождениями было покончено.

— Такое производство позволяет точно контролировать форсированные изменения, например в росте, и предотвращает потерю сотен тысяч рабочих часов антропоидными самками.

«День Пятый» привел Марту ван Фогель в восторг — антропоидный детский садик, где миленькие крошки учились говорить и получали дрессировку, обеспечивавшую подготовку к социальным условиям, которые соответствовали их положению у подножия общественной лестницы. Они выполняли простенькие задания — рассортировывали пуговицы и копали ямки в песочницах, получая леденцы в поощрение за быструю и аккуратную работу.

«День Шестой» завершал подготовку антропоидов. Каждая особь овладевала навыками для предназначенных ей обязанностей — уборки, рытья, а также сельскохозяйственных работ вроде прополки, пикировки и сбора урожая.

— Один фермер-нисей, руководя тремя неошимпанзе, выращивает столько же овощей, сколько десяток работников-людей, — заявил Блэксли. — Они попросту любят работать, когда мы

завершаем их дрессировку.

Посетители поразились, с какими невероятно тяжелыми задачами справлялись модифицированные гориллы, и залюбовались неокапуцинчиками, собиравшими плоды с учебных деревьев, а затем направились в «День Седьмой».

В этом корпусе производилась радиоактивная обработка генов, а потому он стоял в стороне от остальных. Им пришлось идти пешком, так как тротуарная лента ремонтировалась. Обходная дорога вела между рабочими бараками и вольерами. Несколько антропоидов сгрудились у сетки и принялись выпрашивать:

— Сиг'рету! Сиг'рету! П'жаст, мисси! П'жаст, босс! Сиг'рету!

— Что они говорят? — поинтересовалась Марта ван Фогель.

— Клянчат сигареты, — раздраженно ответил Блэксли. — Знают ведь, что этого нельзя, но они как дети. Я сейчас прекращу это! — Он подошел к сетке и крикнул пожилому самцу: — Эй! Полубосс!

На этом работнике в дополнение к стандартной парусиновой юбочке была еще и рваная нарукавная повязка. Он обернулся и приковылял к сетке.

— Полубосс! — приказал Блэксли. — Убери этих

Джеков отсюда.

— Есть, босс, — прошамкал старик и начал раздавать затрещины тем, кто был рядом, — П'шли, джеки! П'шли!

— Но я захватила сигареты, — перебила миссис ван Фогель, — и с удовольствием угощу бедняжек.

— Их не следует баловать, — возразил управляющий. — Они приучены к тому, что удовольствие — это награда за работу. Я должен извиниться за моих бедных детей. В вольерах помещены старики, забывающие, как должно себя вести.

Она ничего не ответила и направилась вдоль сетки туда, где в нескольких шагах от остальных старый неошимп смотрел на них сквозь ячейки кроткими трагичными глазами. Он не выкрикивал с остальными «сиг'рет», и полубосс его не тронул.

— Хочешь сигарету? — спросила миссис ван Фогель.

— П'жаст, мисси!

Она раскурила сигарету и протянула ему. С неуклюжим изяществом он глубоко затянулся, выпустил дым через ноздри и застенчиво сказал:

— С'бо, мисси. Я Джерри.

— Как поживаешь, Джерри?

— Какпжте, мисси? — И он поклонился, одним движением подогнув колени, наклонив голову и прижав руки к груди.

— Идем же, Марта! — К ней подошел ее муж с Блэксли.

— Сейчас, — ответила она. — Бронси, познакомься с моим другом Джерри. Правда он вылитый дядя Альберт? Только вид у него грустный. Почему ты такой печальный, Джерри?

— Они не воспринимают абстрактные идеи, — вмешался Блэксли.

Однако Джерри устроил ему сюрприз.

— Джерри п'чальный, — объявил он с такой тоской, что Марта не знала, засмеяться ей или заплакать.

— Но почему, Джерри? — спросила она ласково. — Почему ты печальный?

— Работы нет, — заявил он. — Сиг'рет нет. Сласти нет. Работы нет.

— Это все старые работники, уже не способные трудиться, — снова вмешался Блэксли. — Безделье выводит их из равновесия, но у нас для них ничего нет.

— А! — сказала она. — Но почему вы не поручаете им сортировать пуговицы и вообще делать то, что делают малыши?

— Они даже с такой задачей не справятся, — вздохнул Блэксли. — Эти работники уже в маразме.

— Только не Джерри! Вы же слышали, как он разговаривает.

— Ну, может быть... Минуточку! — Он обернулся к обезьяночеловеку, который присел на корточки и, просунув сквозь сетку длинный палец, почесывал Наполеона за ухом. — Эй, джек! Сюда!

Блэксли ощупал волосатую шею работника и подцепил тонкую металлическую цепочку с жетоном, тоже металлическим. Он вгляделся в жетон и сказал:

— Вы правы, он еще не стар, но у него нелады со зрением. Я помню эту партию — катаракты в результате побочных мутационных изменений.

Он пожал плечами:

— Но это не причина мучить его бездельем!

— Право, миссис ван Фогель, вы напрасно принимаете это к сердцу. Они остаются в вольерах недолго — от силы дней десять.

— А-а-а! — произнесла она, смягчаясь. — У вас для старичков есть другое место? И там вы подбираете для них занятия? Отлично! Ведь Джерри хочет работать. Правда, Джерри?

Неошимп следил за их разговором как мог. Ее слова он понял и ухмыльнулся.

— Джерри работать! Ага! Хороший работник! — Он пошевелил кистями, а потом сжал кулаки, продемонстрировав идеально противолежащие большие пальцы.

Мистер Блэксли, казалось, растерялся:

— Право же, миссис ван Фогель, вы напрасно… Дело в том… — Он замолчал.

Ван Фогель слушал их с раздражением. Увлечения жены вызывали у него досаду — кроме тех случаев, когда это были и его увлечения. К тому же он проникался убеждением, что Блэксли вовлек его в непомерные расходы, и уже предчувствовал, как его жена отыщет способ очень нежно заставить его заплатить сполна.

Злясь на них обоих, он необдуманно брякнул:

— Не глупи, Марта! Они не отправляют их на покой, а ликвидируют.

Она не сразу осмыслила его слова, но, осознав, пришла в бешенство:

— Как?.. Что-о-о?! Да как это можно! Неужели вам совсем не стыдно? Да вы… вы собственную бабушку пристрелите!

— Миссис ван Фогель, прошу вас…

— Миссис ван Фогель, миссис ван Фогель…

Хватит! Это следует прекратить! Понятно? — Она обвела взглядом вольеры, бродящих в них приговоренных к смерти работников. — Какой ужас! Вы обрекаете их работать, пока хватает сил, а потом отнимаете у них все маленькие радости и убиваете их. Странно еще, что не съедаете!

— Как бы не так! — безжалостно вставил ее муж. — Продают на собачий корм.

— Что-о-о?! Ну, это мы прекратим.

— Миссис ван Фогель, — умоляюще бормотал Блэксли, — разрешите, я объясню…

— Ха! Ну-ка попробуйте! Если найдете что сказать.

— Дело обстоит так… — Его взгляд упал на Джерри, который с тревогой прижимался к сетке. — П'шел, джек!

Джерри послушно поплелся прочь.

— Подожди, Джерри, — крикнула миссис ван Фогель, и Джерри неуверенно остановился. — Пусть он вернется! — приказала она Блэксли.

Управляющий закусил губу, потом позвал:

— Вернись сюда!

Он начинал испытывать к миссис ван Фогель глубокую неприязнь вопреки автоматическому благоговению перед ее рейтингом. Выслушивать наставления, как руководить собственным пред-

приятием, это… ну знаете, всему есть предел!..

— Миссис ван Фогель, меня восхищают ваши гуманные побуждения, но вы не осведомлены об истинном положении вещей. Мы понимаем наших работников и блюдем их интересы. Они безболезненно умирают до того, как дряхлость начинает причинять им тяжкие страдания. Они ведут счастливую жизнь, куда более счастливую, чем ваша или моя. Мы просто предупреждаем ее тяжелый конец, только и всего. Не забывайте также, что эти бедные животные без нас вообще на свет не появились бы.

Она вздернула голову:

— Чепуха! Вы еще начните цитировать мне Святое Писание. Это должно быть прекращено немедленно, мистер Блэксли, или я буду считать вас лично ответственным.

Блэксли уныло посмотрел на нее:

— Я отвечаю перед директорами.

— Вы так думаете? — Она открыла сумочку и вытащила телефон. От волнения она не попыталась прозвониться напрямую, а вызвала местную станцию.

— Междугородняя? Соедините меня с мистером Хаскеллом, номер девять ка четыре-ноль-ноль-четыре, Мэррей-Хилл, Большой Нью-Йорк. Очеред-

ность звезда семь-семь-семь. И побыстрей. — Она стояла, нетерпеливо постукивая носком туфли и гневно хмурясь, пока ее управляющий не взял трубку.

— Хаскелл? Марта ван Фогель. Сколько у меня акций корпорации «Работники»? Да нет же! Какой процент?.. Столько? Нет, этого мало. Завтра утром мне требуется пятьдесят один процент… Хорошо, пусть через посредников, но достаньте их… Я вас не спрашиваю, во сколько это обойдется, я сказала: достаньте. Приступайте. — Она резко выключила аппарат и обернулась к мужу. — Мы улетаем, Бронси, и забираем Джерри с собой. Мистер Блэксли, будьте добры, распорядитесь, чтобы его освободили из этого вольера. Выпиши чек на требуемую сумму, Бронси.

— Марта, послушай…

— Я уже решила, Бронси.

Мистер Блэксли откашлялся. Осадить эту бабенку будет очень приятно!

— Крайне сожалею, но работники продаже не подлежат. Это нерушимое правило нашей корпорации.

— Хорошо. Беру его бессрочно напрокат.

— Этот работник изъят из числа сдаваемых в аренду. Так что найму он больше не подлежит.

— Вы долго будете препираться со мной?

— Извините, мадам! Этот работник не подлежит никаким видам найма, но из уважения к вам я готов предоставить его во временное пользование бесплатно. Но учтите, политика нашей корпорации строится на искренней заботе о благополучии наших подопечных, а не только на коммерческих соображениях. А потому мы оставляем за собой право производить инспекцию в любой момент, чтобы удостовериться, насколько хороший уход обеспечен этому работнику! — И он свирепо подумал: «Что? Съела?»

— Ну конечно! Благодарю вас, мистер Блэксли. Вы очень любезны.

Возвращение в Большой Нью-Йорк было не слишком веселым. Наполеону не понравилось летать, что он и выражал весьма недвусмысленно. Джерри терпел, но его тошнило. К моменту приземления ван Фогели перестали разговаривать друг с другом.

— Сожалею, миссис ван Фогель. Прикупить акций не удалось. Мы могли бы рассчитывать на пакет О'Тула, но за час до моего звонка их кто-то перехватил.

— Блэксли!

— Несомненно! Вам не следовало открывать

ему свои намерения. Вот он и предупредил своих директоров.

— Не тратьте время, указывая на мои ошибки. Это было вчера. А что вы намерены предпринять сегодня?

— Дорогая миссис ван Фогель, что я могу? Дайте мне инструкции, и я постараюсь их выполнить.

— Чушь! Вы ведь должны быть находчивее и опытнее меня. Потому я и плачу вам — чтобы думали вы, а не я.

Мистер Хаскелл беспомощно развел руками. Его нанимательница с такой силой выдернула сигарету, что сломала ее.

— А где Вейнберг?

— Право же, миссис ван Фогель, юридически тут все ясно. Вы хотите приобрести акции, мы не можем их купить. Поэтому…

— Я плачу Вейнбергу за юридические советы. Вызовите его!

Вейнберг как раз собрался уходить. Хаскелл поймал его по поисковому каналу связи.

— Сидни? Это Оскар Хаскелл. Жду вас у себя.

— Извините. Может быть, в четыре?

— Сидни, вы мне нужны немедленно! — раздался голос его клиентки. — Говорит Марта ван Фогель.

Щуплый юрист беспомощно поежился.

— Хорошо, я еду, — сказал он. Эта женщина! Ну почему он не послушался уговоров жены и не ушел на покой, когда ему стукнуло сто двадцать пять лет!

Через десять минут он уже слушал объяснения Хаскелла, которого его клиентка все время перебивала. Когда они замолчали, он вздохнул:

— Но чего вы ожидали, миссис ван Фогель? Это просто рабочий скот. Вы не смогли приобрести права собственности на них, вам помешали. Но я не понимаю, чем вы расстроены. Вам же отдали работника, чью жизнь вы хотели сохранить?

Она что-то невыразительно буркнула себе под нос, а потом ответила ему:

— Это пустяк. Что такое жизнь одного работника из миллионов? Я хочу положить конец этому истреблению. Полностью.

Вейнберг покачал головой:

— Если вам удастся доказать, что они уничтожают этих животных жестокими способами, или перед ликвидацией пренебрегают условиями их содержания, или что ликвидация неоправданна…

— Неоправданна? Еще бы!

— Но возможно, не в юридическом смысле,

дорогая миссис ван Фогель. В деле Джулиуса Хартмана и других против душеприказчиков (в тысяча девятьсот семьдесят втором году, если не ошибаюсь) был согласно иску наложен запрет на пункт в завещании, требовавший уничтожения ценной коллекции персидских кошек. Но чтобы воспользоваться этим прецедентом, вам придется доказать, что эти существа даже в избыточном числе более ценны живые, чем мертвые. Вы не можете принудить владельца содержать скот в убыток себе.

— Вот что, Сидни, я вызвала вас сюда не для того, чтобы вы твердили мне, что это невозможно. Если то, чего я хочу, не имеет юридической силы, так добейтесь издания соответствующего закона.

Вейнберг посмотрел на Хаскелла, который сказал смущенно:

— Дело в том, миссис ван Фогель, что мы вместе с другими членами Ассоциации общественного процветания согласились не субсидировать никаких законодательных актов, пока нынешняя администрация находится у власти.

— Какая нелепость! Но почему?

— Законодательная гильдия предложила новый кодекс справедливости, который мы считаем абсолютно несправедливым, — скользящую

шкалу, ложащуюся тяжелым бременем на состоятельных людей, разумеется сформулированную очень мило, оговаривающую минимальные гонорары за законопроекты, представляемые ветеранами, а по сути грабительскую. Даже Фонд Бригса, пока действует этот кодекс, не сможет принимать участие в общественных делах. Даже ему это не по карману.

— Хм! Дожили! Депутаты объединяются в профсоюз! Подкупы требуют конкурентной основы. Добейтесь ее запрещения.

— Миссис ван Фогель! — взмолился Вейберг. — Как я могу добиться запрета на организацию, юридически не существующую? В юридическом смысле Законодательной лиги вообще нет. Как юридически не признается субсидирование прохождения законов.

— А детей находят в капусте! Перестаньте морочить мне голову, господа. Что вы намерены предпринять?

Заметив, что Хаскелл отвечать не собирается, Вейнберг взял эту неблагодарную задачу на себя.

— Миссис ван Фогель, полагаю, нам следует прибегнуть к услугам специального крючкотвора.

— Крючкотворов я не хочу знать — вообще. Я не

понимаю хода их мыслей. Я ведь простая мужняя жена, Сидни.

Услышав это самоопределение, мистер Вейнберг поежился и тут же подумал, какие меры следует принять, чтобы она не узнала, что его штатный крючкотвор получает жалованье из ее средств. Общественные условности требовали, чтобы он носил личину простецкого нотариуса, однако ему давным-давно пришлось убедиться, что проблемы Марты ван Фогель время от времени нуждаются в порядочной дозе махинаций, составляющих прерогативу юристов более экзотического типа.

— Я имею в виду творческую личность! — не отступал он. — Понимать его необязательно — как необязательно понимать композитора, чтобы получить наслаждение от симфонии. Я настоятельно рекомендую вам хотя бы побеседовать с ним.

— Ну хорошо! Вызовите его сюда.

— Сюда? Моя дорогая миссис ван Фогель! — Хаскелл был шокирован, а Вейнберг изумлен. — Если станет известно, что вы консультировались с ним, суд не только откажет вам в любом иске, это на много лет вперед повредит любым предприятиям Фонда Бригса.

Миссис ван Фогель нетерпеливо повела плечами:

— Ах, мужчины, мужчины! Нет, я никогда не пойму хода ваших мыслей. Почему нельзя открыто проконсультироваться с крючкотвором, как, скажем, с астрологом?

Джеймс Родерик Маккой не отличался мощным телосложением, но выглядел очень внушительно. Он словно заполнял собой даже такую большую комнату, как гостиная миссис ван Фогель. На его визитной карточке значилось:

ДЖ. Р. МАККОЙ
«Единственный и несравненный»
Лицензированный крючкотвор: улаживание проблем, заключение особых контрактов.
С полной гарантией.
Небесный телефон 9-8М454, спросить Мака.

Телефонный номер был номером телефона в бильярдной дурно прославленного Клуба Трех Планет. Он не тратил времени на конторы, а все необходимые материалы хранил в голове — единственном безопасном для них месте.

Он сидел на полу, обучая Джерри бросать ко-

сти, пока миссис ван Фогель объясняла ему свои трудности.

— Как вы считаете, мистер Маккой? Не начать ли действовать через Общество защиты животных от жестокого обращения? Мой рекламный отдел мог бы начать широкую кампанию.

Маккой встал с пола.

— Со зрением у Джерри полный порядок. Он сразу заметил, когда я чуточку подправил бросок, как будто сам только этим и занимался. Нет, — продолжал он, — с обществом лучше не связываться. «Работники» только того и ждут. Примутся доказывать, что антропоидам очень нравится, когда их убивают.

Джерри с надеждой загремел костями в стаканчике.

— Будет, Джерри. П'шел!

— Есть, босс! — обезьяночеловек встал и направился к большому стерео, занимавшему целый угол комнаты. Наполеон затрусил за ним и включил проигрыватель. Джерри нажал селекторную кнопку и зазвучал блюз. Наполеон тут же нажал на другую, на третью… пока не загремел популярный оркестр. Слоник принялся отбивать ритм хоботом.

Джерри огорчился и переключил на блюз.

Наполеон упрямо протянул хобот и выключил проигрыватель.

Джерри употребил непечатное слово.

— Мальчики! — окликнула их миссис ван Фогель. — Не ссорьтесь! Джерри, дай Наппи послушать, чего ему хочется. А ты послушаешь, когда он ляжет бай-бай.

— Есть, мисси босс.

— Джерри нравится музыка? — спросил Маккой с интересом.

— Нравится? Он ее обожает. И учится петь!

— А? Надо послушать.

— Разумеется. Наппи, выключи стерео! — Слоник подчинился, но с горько-обиженным видом. — А теперь, Джерри, «Колокольчики»! — И она запела: — Дзинь-дзинь-дзинь! Целый день, целый день…

— Дзина-дзин, зела ден, зела ден! — подхватил Джерри и продолжал один: — Мы катася поедем реди полей.

Он фальшивил, от его пения вяли уши; отбивая такт широкой ступней, он выглядел смешно, но он пел!

— Здорово, — заметил Маккой. — Жалко, Наппи не умеет разговаривать, не то бы мы послушали дуэт!

Джерри посмотрел на него с недоумением.

— Наппи разговаривает хорошо, — объявил он, нагнулся к слонику и что-то ему сказал. Наполеон в ответ хрюкнул и застонал. — Видеть, босс? — с торжеством осведомился Джерри.

— А что он сказал?

— Он сказал: «Можно Наппи поиграть стерео?»

— Отлично, Джерри, — вмешалась миссис ван Фогель.

Обезьяночеловек что-то зашептал слону на ухо. Наполеон взвизгнул и отдернул хобот от Джерри.

— Джерри! — укоризненно произнесла его хозяйка. — Я этого не говорила. Ему не нужны твои блюзы. Отойди, Джерри. Наппи, включи что хочешь.

— Он что, хотел его надуть? — с интересом спросил Маккой.

— Конечно.

— Хм! В Джерри есть закваска полноправного гражданина. Обрейте его, обуйте в башмаки, и он будет как дома в квартале, где я вырос. — Он воззрился на антропоида, Джерри воззрился на него, озадаченно, но терпеливо. Миссис ван Фогель выбросила юбочку из парусины, служившую и символом его рабства, и данью приличиям.

Теперь он носил шотландскую юбку военных цветов клана Камерон, а также шотландскую шапочку и сумку.

— Как по-вашему, его нельзя обучить играть на волынке? — спросил Маккой. — Я вроде бы нащупал зацепку.

— Не знаю. А что вы задумали?

Маккой сел по-турецки и начал бросать кости.

— А, не важно! — ответил он не сразу. — Ничего не выйдет. Но уже горячо. — Он сделал подряд четыре выигрышных броска. — Вы сказали, что Джерри все еще собственность корпорации?

— Только формально. Не думаю, что они решатся затребовать его обратно.

— А я бы не против. — Он подобрал кости и встал. — Все в порядке, сестричка. Выкинь из головы. Мне надо будет потолковать с твоим заведующим рекламой, но беспокоиться тебе больше не о чем.

Бесспорно, миссис ван Фогель следовало бы постучать, а уж потом войти в комнату мужа, но тогда бы она не услышала, что он говорил — и кому.

— Да-да, — звучал его голос. — Он нам больше не нужен. Заберите его, и чем скорее, тем лучше. Только позаботьтесь, чтобы у ваших служащих

было письменное судебное распоряжение вернуть его.

Она не поняла, о чем шла речь, и не подумала ничего дурного, но просто из любопытства поглядела на экран телефона через плечо мужа.

И увидела лицо Блэксли. Он говорил:

— Хорошо, мистер ван Фогель. Мы заберем антропоида завтра же.

Она грозно подошла к экрану.

— Минутку, мистер Блэксли… — И обернулась к мужу. — Бронси, ради всего святого, что ты затеваешь?

И перехватила на его лице выражение, которое прежде он не позволял ей видеть.

— Почему ты не постучала?

— Видимо, это к лучшему. Бронси, я не ослышалась? Ты просил мистера Блэксли забрать Джерри? — Она обернулась к экрану. — Так, мистер Блэксли?

— Совершенно верно, миссис ван Фогель. И должен сказать, что нахожу эту несогласованность весьма…

— Заткнитесь. — Она опять посмотрела на мужа. — Бронси, что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Марта, ты ведешь себя возмутительно. Твои

слон и горилла превратили дом в зверинец! Сегодня я застукал твоего драгоценного Джерри, когда он раскуривал одну из моих заказных сигар… Не говоря уж о том, что они весь день крутят стерео, так что голова раскалывается. И я не обязан терпеть подобное в моем собственном доме!

— В чьем доме, Бронси?

— Это к делу не относится. Я не потерплю…

— Хватит — Она взглянула на экран. — Мистер Блэксли, мой муж, видимо, утратил интерес к экзотике. Аннулируйте заказ на Пегаса.

— Марта!

— Что посеешь, Бронси. Я оплачиваю твои прихоти, но будь я проклята, если буду оплачивать твои истерики. Заказ аннулирован, мистер Блэксли. Частностями займется мистер Хаскелл.

Блэксли пожал плечами:

— Вам, естественно, придется оплатить свой каприз. Пени…

— Я сказала, частностями займется мистер Хаскелл. И еще одно, господин управляющий Блэксли. Вы выполнили мое распоряжение?

— О чем вы?

— Вы знаете о чем. Бедняги еще живы и содержатся сносно?

— Вас это не касается!

Собственно, он отсрочил ликвидацию — директора не хотели рисковать, не выяснив прежде, что затеет Фонд Бригса. Однако доставлять ей такое удовольствие Блэксли не собирался.

Она смотрела на него, как на подложный чек.

— Ах не касается? Так заруби себе на носу, прыщ бессердечный, что я считаю тебя лично ответственным. Если хоть один умрет по любой причине, я из твоей шкуры ковер сделаю! — Она отключила телефон и встала перед мужем. — Бронси…

— Разговаривать бесполезно, — перебил он ледяным тоном, который обычно пускал в ход, чтобы поставить ее на место. — Я буду у себя в клубе. До свидания!

— Именно это я и собиралась предложить.

— Что?

— Я распоряжусь, чтобы туда отослали твою одежду. Еще что-нибудь твое тут есть?

Он уставился на нее:

— Не говори глупостей, Марта!

— Я глупостей не говорю. — Она смерила его взглядом. — До чего же ты красив, Бронси! Но я сделала глупость, когда вообразила, что могу с помощью чековой книжки купить себе красавца. Наверное, они достаются девушкам даром…

или вовсе не достаются. Спасибо за урок! — Она вышла из комнаты, хлопнув дверью, и заперлась у себя.

Пять минут спустя, приведя в порядок макияж и подышав «Кайфом» для успокоения нервов, она позвонила в бильярдную Клуба Трех Планет. Маккой появился на экране с кием в руке:

— А, это ты, кисонька. Ну, выкладывай побыстрее. А то мой удар.

— Я о деле.

— Ладно, валяй!

Она коротко изложила факты.

— Я сожалею, что аннулировала заказ на крылатую лошадь, мистер Маккой. Надеюсь, вашу задачу это не осложнит. Боюсь, я вышла из себя.

— Отлично! Выйди еще разок!

— А?

— Ты на правильном пути, детка. Позвони Блэксли еще раз. Наори на него. Скажи, чтобы он держал своих подручных подальше от тебя, не то ты из них вешалки для шляп понаделаешь. Подначь его забрать у тебя Джерри.

— Я не понимаю…

— И не надо, девочка. Запомни одно: бой быков не состоится, если быка хорошенько не разозлить. Распорядись, чтобы Вейнберг заручился

временным запретом любых попыток «Работников» забрать Джерри назад. И пусть мне звякнет твой рекламный босс. А потом собери репортеров и скажи им все, что думаешь о Блэксли, да покрепче. Скажи им, что положишь конец этим массовым убийствам, даже если на это уйдет твой последний доллар.

— Ну-у-у… хорошо. А вы не заедете ко мне перед тем, как они соберутся?

— Не получится. Меня ждет игра. Может, завтра. И не мучайся из-за дурацкой клячи с крыльями. Аннулировала заказ, и аннулировала. Я с самого начала решил, что твой благоверный — последний дурак, а ты на этом сэкономила кругленькую сумму. Она тебе понадобится, когда я пришлю свой счет!

Яркие светящиеся буквы ползли по стенам «Таймс»:

«САМАЯ БОГАТАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ ВСТУПАЕТ
В БОРЬБУ ЗА ОБЕЗЬЯНОЛЮДЕЙ».

А выше на гигантском видеоэкране маячило изображение Джерри в нелепом костюме вождя шотландского клана. Маленькая армия полицейских окружала городской дом миссис ван

Фогель, а она сообщала всем, кто хотел послушать, включая нескольких газетных агентов, что будет собственноручно защищать Джерри до последнего вздоха.

Отдел по связи с общественностью корпорации «Работники» отрицал намерение захватить Джерри. Отрицание пропало втуне.

Тем временем в самом большом судебном зале в городе устанавливались дополнительные видео- и аудиосистемы, ибо некий Джерри (не имеющий фамилии), назвавшийся законным постоянным жителем Соединенных Штатов, обратился в суд с просьбой запретить навсегда корпорации «Работники», ее администрации, служащим, преемникам или лицам, от нее зависящим, причинение ему какого бы то ни было физического вреда и, в частности, убивать его.

Через посредство своего адвоката, достопочтенного, именитого и чопорно респектабельного Ореста Помфри, Джерри подал иск от собственного имени.

Марта ван Фогель присутствовала на суде строго как зрительница, но ее окружали секретари, охранники, личная горничная, агенты по связи с прессой, разнообразные блюдолиэы и телевизионная камера, нацеленная исключительно

на нее. Она нервничала. Маккой потребовал, чтобы его инструкции Помфри получил через Вейнберга — как бы тот не заподозрил, что они исходят от крючкотвора. У нее о Помфри было свое мнение…

Маккой настоял, чтобы Джерри вместо своей щегольской шотландской юбки оделся в выгоревшие парусиновые брюки и куртку. Ей это показалось дешевым театром.

И ее тревожил Джерри — яркий свет, шум, люди, набившиеся в зал, сбили его с толку, довели почти до нервного срыва.

Вдобавок Маккой отказался пойти с ней в суд. Он заявил, что об этом и речи быть не может, что одного его присутствия в зале будет достаточно, чтобы настроить судью против них, и Вейнберг его поддержал. Мужчины! Их мысли петляют, и они предпочитают кривые пути прямым. Она только укрепилась в своем убеждении, что мужчин следовало бы лишать права избирать и быть избранными.

Но ей очень недоставало безмятежной убежденности Маккоя в том, что все идет как надо. Его не было рядом, и она уже недоумевала, что ее побудило доверить столь важное дело такому безответственному шуту гороховому с ветром

в голове, как Маккой. Она искусывала палец и дорого заплатила бы, лишь бы он был сейчас тут.

Плеяда адвокатов, представлявших корпорацию «Работники», начала с ходатайства об отказе в иске без судебного разбирательства ввиду того, что Джерри — движимая собственность корпорации, составная ее часть, и права предъявлять ей иск у него не больше, чем у большого пальца судиться с мозгом.

Достопочтенный Орест Помфри поклонился судье и своим противникам с величавым достоинством государственного мужа.

— Поистине странно, — начал он, — когда заемный голос юридической фикции, бездушной, воображаемой величины, собирательного юридического «лица», именуемого «корпорацией», тщится доказать, будто живое из плоти и крови существо, наделенное надеждами, желаниями и страстями, не существует юридически. Вот рядом с собой я вижу моего бедного родича Джерри… — Он погладил Джерри по плечу, и обезьяночеловек доверчиво взял его за руку. Это произвело хорошее впечатление. — А что я вижу, когда ищу взглядом эту абстракцию «Работники»? Решительно ничего. Какие-то слова, напечатанные на бумаге, какие-то подмахнутые документы…

— С позволения суда я хотел бы задать вопрос, — перебил глава адвокатов противной стороны. — Оспаривает ли уважаемый защитник тот факт, что законно зарегистрированная корпорация может владеть имуществом?

— Ответит ли защитник? — спросил судья.

— Благодарю вас. Мой ученый коллега соорудил соломенное чучелко. Я указал только, что вопрос о том, является ли Джерри имуществом корпорации «Работники», неправомерен, пустопорожен и задан не по существу. Я — часть корпоративного города, Большого Нью-Йорка. Разве это лишает меня гражданских прав, которыми я обладаю, являясь живым человеком из плоти и крови? И даже права подать в суд на службы указанного города, если, по моему мнению, они наносят мне ущерб? Нынче мы сошлись в мягких лучах права справедливости, а не в холодных и узких рамках уголовного кодекса. И момент мне кажется подходящим для рассмотрения нелепой абсурдности, с которой мы свыклись и которая позволяет безликости документов и юридической фикции отрицать существование вот этого нашего бедного родича. Я прошу, чтобы высокоученые защитники корпорации признали де-факто существование Джерри и мы могли бы

перейти к сути дела.

Они сгрудились, посовещались и ответили отказом.

— Отлично. Мой клиент просит подвергнуться допросу, чтобы суд мог определить его статус и существование.

— Протестую! Этот антропоид не может быть допрошен, будучи всего лишь собственностью и движимым имуществом ответчика.

— Именно это нам и предстоит выяснить, — сухо заметил судья. — Протест отклонен.

— Сядь вот на этот стул, Джерри.

— Протестую! Это животное не может принести присягу. Она выше его понимания.

— Что скажете на это вы, защитник?

— С позволения суда, — ответил Помфри, — проще всего было бы позволить ему занять место свидетеля и установить, так ли это.

— Пусть займет. Секретарь зачитает текст присяги.

Марта ван Фогель вцепилась в подлокотники своего кресла: Маккой целую неделю тренировал его для этого момента. Не сорвется ли бедняжка, когда Маккоя с ним рядом нет?

Секретарь пробубнил текст присяги. Джерри смотрел на него с недоумением, но терпеливо.

— Ваша милость, — сказал Помфри, — когда показания дают дети, допускается некоторое упрощение слов в соответствии с уровнем их умственного развития. Могу ли я? — Он подошел к Джерри. — Джерри, мой мальчик, ты хороший работник?

— Ага! Джерри хороший работник.

— Может, плохой работник, а? Ленивый. Прячется от полубоссов?

— Нет, нет, нет! Джерри хороший работник. Копать. Полоть. Не дергать овощи. Работать хорошо.

— Вы убедитесь, — обратился Помфри к судье, — что мой клиент четко представляет себе, что такое ложь, а что — правда. Попробуем установить, есть ли у него нравственные понятия, побуждающие его говорить правду. Джерри…

— Слушаю, босс.

Помфри растопырил руку перед глазами антропоида:

— Сколько пальцев ты видишь?

Джерри протянул руку и начал их загибать:

— Один… два… три… четри… э… пять.

— Шесть пальцев, Джерри.

— Пять, босс.

— Шесть пальцев, Джерри. Я дам тебе сигарету.

Шесть.

— Пять, босс. Джерри без обман.

Помфри сделал широкий жест:

— Принимает ли суд его как свидетеля?

Суд принял. Марта ван Фогель перевела дух. Джерри считал не очень бойко, и она опасалась, что он забудет свои реплики и польстится на сигарету. Но ему было обещано столько сигарет, сколько он захочет, и даже шоколада, если он будет настаивать, что пять — это пять.

— Полагаю, — продолжал Помфри, — этот факт можно считать установленным. Джерри — разумное существо. Если он может быть свидетелем, то может обратиться в суд. Даже собака может обратиться в суд. Согласны ли мои коллеги признать это?

Корпорация «Работники» через свою батарею адвокатов изъявила согласие — как раз вовремя, так как судья начинал хмуриться. На него эта сценка произвела большое впечатление.

Задул попутный ветер, и Помфри не замедлил им воспользоваться:

— С позволения суда и, если представители ответчика разрешат, мы могли бы сократить процедуру. Я изложу обоснование иска, а затем после нескольких вопросов дело может быть решено

так или иначе. Я прошу признать, что корпорация «Работники» с помощью своих служащих намеревалась лишить моего клиента жизни.

Принято это не было.

— Ах так? Тогда я прошу суд принять во внимание широко известный факт, что работники-антропоиды ликвидируются, как только перестают приносить доход. Затем я вызову свидетелей, начиная с Ореса Блэксли, чтобы показать, что Джерри был — и, предположительно, остается — приговоренным к смерти.

Новое поспешное совещание привело к признанию того, что Джерри действительно должны были подвергнуть эвтаназии.

— В таком случае я изложу обоснование иска, — сказал Помфри. — Джерри не животное, а человек. И закон запрещает умерщвлять его. Это будет убийством!

Сначала воцарилась мертвая тишина, потом зал ахнул. Люди давно привыкли к животным, которые умели говорить и трудиться, но были столь же мало готовы признать такое животное личностью, индивидуальностью, человеком, как надменные римляне — признать человеческие чувства своих рабов-варваров.

Помфри нанес удар, пока они еще не опомни-

лись:

— Что такое человек? Совокупность клеток и тканей? Юридическая фикция вроде корпоративного «лица», готового отнять жизнь у бедного Джерри? Ничего подобного! Человек — это совокупность надежд и страхов, человеческих желаний, чаяний, более великих, чем он сам, он больше праха, из которого возник, не меньше Творца, поднявшего его из праха. Джерри забрали из тропического леса, сделали из него нечто большее, чем бессловесные существа, его предки. Так было и с вами, и со мной. И мы просим суд признать его человеческую сущность.

Представители ответчика заметили, что судья был тронут, и поспешили с возражениями. Антропоид, заявили они, не может быть человеком, так как не имеет ни человеческого облика, ни человеческого интеллекта. И Помфри вызвал своего первого свидетеля — владыку мастерства Б'на Крийта.

Обычно скверное настроение марсианина не улучшилось оттого, что он вынужден был три дня прождать в стеклянной передвижной цистерне. Не говоря уж о том, что ему пришлось прервать свои исследования ради детских свар, которые затевали земляне.

Его раздражение еще возросло из-за новой проволочки, пока Помфри вынуждал своих противников признать его экспертом в рассматриваемом вопросе. Они жаждали внести протест, но не могли. Он же был директором их собственной научной лабораторий. Кроме того, он имел доверенность голосовать от имени всех марсианских владельцев акций «Работников» — не подлежащий оглашению факт, который нельзя было обойти.

Еще проволочка, пока не явился переводчик помочь с присягой, — Б'на, эгоцентрист, как все марсиане, так и не потрудился изучить хоть один земной язык.

В ответ на требование говорить правду, всю правду и так далее он защебетал и зачирикал. Переводчик болезненно сморщился и сказал:

— Он утверждает, что не может этого.

Помфри попросил перевести дословно. Переводчик тревожно покосился на судью.

— Он говорит, что всю правду, если он ее скажет, вы, дураки... ну, не совсем «дураки» — это марсианское слово обозначает что-то вроде безголового червя, — вы понять не способны.

Судья намекнул на неуважение к суду, и марсианин, когда понял, что ему грозит заключение

в передвижной цистерне на тридцать дней, поубавил спеси и обязался говорить правду с наивозможнейшей точностью. После чего его признали свидетелем.

— Вы человек? — спросил Помфри.

— По вашим законам и вашим меркам я человек.

— На каком основании? Ваше тело иное, не как у нас, даже наш воздух для вас смертелен. Вы не говорите на нашем языке, ваши представления нам чужды. Как же вы можете быть человеком?

Марсианин тщательно взвесил свой ответ.

— Я процитирую договор между Землей и Марсом, представляющий для вас высший закон. «Все члены Великой Расы, пребывая на Третьей Планете, будут пользоваться всеми правами и прерогативами туземной доминирующей расы Третьей Планеты». Бипланетный Трибунал интерпретировал эту статью договора как утверждение, что члены Великой Расы являются «людьми», что бы ни подразумевал этот термин.

— Почему вы называете себе подобных Великой Расой?

— Из-за превосходства нашего интеллекта.

— Относительно людей?

— Мы люди.

— В сравнении с интеллектом земных людей?

— Это самоочевидно.

— Настолько же, насколько наш интеллект выше интеллекта бедняги Джерри?

— Это не самоочевидно.

— Больше вопросов к свидетелю у меня нет, — объявил Помфри.

Его противникам никак не следовало бы ввязываться в бой. А они ввязались и начали добиваться, чтобы Б'на Крийт уточнил разницу в характере интеллекта людей и антропоидов-работников. Владыка мастерства Б'на доходчиво объяснил, что культурные различия маскируют врожденные различия, если таковые имеются, и что в любом случае и антропоиды, и люди в такой малой степени используют потенциальные возможности своих интеллектов, что пока еще рано решать, какая раса на Третьей Планете станет великой.

Он только-только начал объяснять, что по-настоящему великую расу можно было бы получить путем скрещивания и отбора лучших качеств людей и антропоидов, когда его поспешно остановили, сказав, что больше к нему вопросов нет.

— С разрешения суда, — сказал Помфри, — мне хотелось бы указать, что мы не выдвигали ника-

ких теорий, а просто опровергли утверждение противной стороны, что человека делают человеком определенный облик и определенная степень интеллектуальности. Теперь я прошу снова вызвать истца, чтобы суд мог определить, действительно ли он человек.

— С разрешения высокоученого суда… — Адвокаты ответчика совещались с той минуты, как цистерну с Б'на Крийтом вынесли из зала, и теперь заговорил их глава.

— Цель иска, видимо, сводится к тому, чтобы защитить жизнь этой движимости. И продолжать разбирательство нет нужды — ответчик гарантирует, что этой движимости будет дано умереть естественной смертью у ее нынешнего владельца, и предлагает иск отклонить.

— Что скажете вы? — спросил судья у Помфри.

Помфри величественно завернулся в свою незримую тогу.

— Мы не просим бездушной благотворительности этой корпорации, мы ищем у суда справедливости. Мы просим, чтобы человеческая сущность Джерри была утверждена законом. Нет, не права голоса, не права иметь собственность, не отмены полицейских правил в отношении всей его группы, но мы настоятельно просим,

чтобы суд признал его хотя бы настолько человеком, насколько является человеком аквариумное чудище, которое только что унесли отсюда.

Судья повернулся к Джерри:

— Ты этого хочешь, Джерри?

Джерри тревожно посмотрел на Помфри, а потом сказал:

— Есть, босс.

— Подойди сюда.

— Одну минуту. — Глава адвокатской оравы выглядел растерянным. — Я прошу суд учесть, что постановление по этому иску может оказать неблагоприятное воздействие на давно сложившуюся коммерческую практику, необходимую для поддержания экономики…

— Протестую! — Помфри, весь ощетинившись, вскочил на ноги. — В жизни я не сталкивался с более возмутительной попыткой оказать влияние на исход дела. После этого мой досточтимый коллега предложит суду рассмотреть дело об убийстве в зависимости от политической конъюнктуры. Я возражаю…

— Достаточно, — сказал судья. — Это предложение так или иначе во внимание принято не будет. Продолжайте допрос вашего свидетеля.

Помфри поклонился.

— Мы выясняем смысл того странного нечто, которое называется «человеческой сущностью». Мы убедились, что это не вопрос облика, расы, планеты или остроты ума. Поистине, определить это невозможно, но вот почувствовать нам дано. От сердца — к сердцу, от духа — к духу. — Он обернулся к Джерри: — Джерри, ты не споешь судье свою новую песню?

— Ага.

Джерри с тревогой покосился на жужжащие камеры, микрофоны и прочую технику, а потом прочистил горло:

Далеко отсюда
На реке Суванни
Там я сердцем буду…

Аплодисменты напугали его до полусмерти, а стук судейского молотка и того больше, но это не имело ни малейшего значения. Вопрос был решен бесповоротно. Джерри доказал, что он — человек.

Вода — для умывания[24]
Рассказ

Ему показалось, что в долине было жарче обычного — впрочем, как всегда. Империал-Вэлли была натуральным парником, расположенным в двухстах пятидесяти футах ниже уровня моря; от Тихого океана ее отделяли окружившие Сан-Диего горы, а от Калифорнийского залива прикрывали южные возвышенности. На востоке Шоколадные горы отрезали долину от стремительной реки Колорадо.

Он припарковал машину у отеля «Барбара Уорт» в Эль-Сентро и вошел в бар.

— Шотландского.

Бармен налил ему стопку, поставил рядом стакан воды со льдом.

— Спасибо. Составите мне компанию?

— Не откажусь.

Посетитель глотнул виски, запил водой.

— Вода — в самый раз для такого места. У меня гидрофобия.

---

[24] Примечания: 24
Перевод Ю. Павлова

— Чего?

— Терпеть не могу воду. В детстве едва не утонул, с тех пор боюсь.

— Да, для питья вода — не лучший выбор, — согласился бармен, — но поплавать я люблю.

— А я нет. Поэтому мне нравится здесь, в долине. Вода здесь только в оросительных каналах, умывальниках, ваннах и стаканах. Мне становится дурно всякий раз, когда приходится возвращаться в Лос-Анджелес.

— Если боитесь утонуть, — ответил бармен, — то в Лос-Анджелесе вам должно быть спокойнее, чем у нас. Долина ниже уровня моря. Здесь кругом вода. Прямо-таки нависает над нами. Что, если кто-нибудь выдернет затычку?

— Бабушку свою запугивайте. Береговой хребет не затычка.

— А если землетрясение?

— Вздор. От землетрясения горы не сдвинутся.

— Ну ладно, пусть не землетрясение. Слышали о потопе тысяча девятьсот пятого, когда Колорадо вышла из берегов и образовалось озеро Солтон-Си? Да и землетрясения все-таки сбрасывать со счетов нельзя. Долины ниже уровня моря не образуются сами по себе, без предпосылок. Вокруг долины вопросительным знаком протянулся

разлом Сан-Андреас. Только представьте, какой силы должен был быть толчок, чтобы тысячи квадратных миль опустились ниже уровня Тихого океана?

— Хватит меня доставать. Это было тысячи лет назад. Вот вам.

Он положил банкноту на стойку и вышел. Каков зануда! И как такого в бармены взяли?

Градусник в затененном дверном проеме показывал 118 градусов[25]. Жара буквально выбивала из него дух, жгла глаза, хотя он оставался на тенистой стороне улицы. К машине будет не притронуться; стоило завести ее в гараж. Обойдя машину, он заметил у левой дверцы человека.

— Эй, вы что здесь делаете?!

Незнакомец резко повернулся. Его бесцветные глазки забегали. На нем был грязный, неглаженый деловой костюм. Без галстука. На руках и под ногтями виднелась грязь, но не от работы — на гладких ладонях не было ни единой мозоли. Дряблые губы несколько портили в целом приятную внешность.

— Ничего плохого, — оправдался незнакомец. — Хотел прочитать регистрационную

---

[25] Примечания: 25
Около 48 градусов по Цельсию.

карточку. Приятель, ты из Лос-Анджелеса? Не подбросишь туда?

Хозяин машины оставил просьбу без ответа и заглянул внутрь.

— Значит, хотел посмотреть, откуда я? А бардачок зачем открыл? Сдать бы тебя в полицию. — Он посмотрел за спину злоумышленника, где на противоположной стороне улицы прогуливались двое помощников шерифа. — Проваливай, бомжара.

Незнакомец взглянул на полицейских и поспешно скрылся в противоположном направлении. Проклиная жару, хозяин машины забрался внутрь и проверил содержимое бардачка. Пропал фонарик.

Мысленно занеся фонарик в список восполнимых утрат, он повел машину в сторону Броли, городка, расположившегося в пятнадцати милях к северу. Жара была невыносимой даже по меркам Империал-Вэлли. Землетрясительная погода, подумал он про себя, поддавшись расхожим калифорнийским суевериям, но тут же отбросил эту мысль. Это все тот бестолковый торговец пойлом втемяшил. Обычный для долины день, разве что чуть более жаркий.

* * *

Дела занесли его на несколько отдаленных ранчо между Броли и Солтон-Си. Он возвращался на главное шоссе по старой гравийной дороге, и вдруг машину стало подбрасывать, как на бревнах. Он остановился, но тряска не прекращалась, сопровождаясь низким гулом.

Землетрясение! Повинуясь первобытному инстинкту, он выскочил из машины на открытое пространство, чтобы убежать от шатающихся башен и падающих кирпичей. Но вокруг не было зданий, только голая пустыня и орошаемые сельскохозяйственные угодья.

Он вернулся в машину. От каждого толчка желудок грозился вернуть наружу свое содержимое. Правое переднее колесо спустило. Вероятно, пробило камнем, когда машина подскочила от первого мощного толчка.

Пока водитель менял колесо, его чуть инфаркт не хватил. Выпрямившись, он почувствовал, что жара и работа отняли у него все силы.

Новый, не столь сильный, как первый, но ощутимый толчок напугал его и заставил вновь броситься бежать. Безумная тряска положила его на землю. Поднявшись, он вернулся к машине.

Машина скособочилась, будто пьяная. Домкрат выбило землетрясением.

Водитель подумал о том, чтобы бросить ее, но вокруг все затянуло пылью, как туманом, только без присущей туману благодатной прохлады. Он знал, что до ближайшего города несколько миль, и пройти их пешком вряд ли получится.

Потный, задыхающийся, он принялся за работу. Спустя час и тринадцать минут после первого толчка ему наконец удалось приладить запаску. Земля по-прежнему вздрагивала. Он решил ехать медленно, чтобы не потерять управление в случае сильного толчка. Да и пыль вынуждала держать низкую скорость.

* * *

Медленно подползая к шоссе, он постепенно обретал былое спокойствие, но вдруг услышал вдали проходящий поезд. Рев нарастал, заглушая шум автомобильного двигателя. Вероятно, по долине проносился экспресс. В подкорке засела беспокойная мысль, и спустя миг водитель понял, почему звук показался ему странным. Во время землетрясения поезда не должны мчаться, они должны ползти, а машинисты — высматривать возможные повреждения путей.

Он вспомнил этот звук. Вода!

Этот звук всплыл из кошмарных глубин его подсознания, из его детских страхов. Так звучала прорвавшая дамбу вода, в которой он ребенком едва не утонул. Вода! Великая стена воды гналась за ним по пыльной пустыне, охотилась за ним.

Он вдавил педаль газа в пол; машина резко рванула вперед и заглохла. Водитель снова завел ее, стараясь успокоиться. Оставшись без запаски, газовать на тряской дороге было нельзя. Пришлось заставить себя не превышать скорость в тридцать пять миль в час. Он прикинул расстояние до воды и ее вероятное направление и помолился.

Шоссе появилось из облака пыли внезапно; большой автомобиль пронесся мимо на север, едва не врезавшись в него. Следом другой, затем грузовик-овощевоз, затем трактор и фура.

Этого было достаточно, чтобы понять, куда ехать. Он повернул на север.

Он обогнал овощевоз и доверху нагруженную развалюху семейки каких-то оки[26]. Те наорали на него, но он не сбавил скорость. Обогнал еще несколько таких же развалюх с сезонными ра-

---

[26] Примечания: 26

Оки — пренебрежительное прозвище фермеров-переселенцев из Оклахомы, производное от названия штата. Впоследствии в Калифорнии так стали называть любых бедных мигрантов.

бочими, а его, в свою очередь, обгоняли более мощные автомобили. Наконец дорога вокруг опустела. С севера никто не ехал.

Похожий на гул поезда звук за спиной все нарастал.

Он вглядывался в зеркало заднего вида, но сквозь пыльную завесу ничего не мог разобрать.

* * *

На обочине сидел плачущий ребенок, девочка лет восьми. Он проехал мимо, почти не обратив на нее внимания, но потом затормозил. Сказал себе, что ее родители наверняка где-то рядом, что это не его дело. Выругался, сдал назад и развернулся, едва не проехав мимо нее из-за пыли, снова развернулся, на этот раз не прибегая к заднему ходу, и остановился рядом с ней.

— Залезай!

Девочка посмотрела на него грязным, зареванным, исполненным страха лицом, но вставать и не подумала.

— Не могу. У меня нога болит.

Он выскочил, подхватил ее и засунул на пассажирское кресло, заметив, что ее правая нога действительно опухла.

— Как это тебя угораздило? — спросил он, вклю-

чая передачу.

— Когда эта штука случилась. У меня перелом? — Девочка перестала плакать. — Вы отвезете меня домой?

— Я… я о тебе позабочусь. Не задавай лишних вопросов.

— Ладно, — с сомнением согласилась девочка.

Шум позади них усиливался. Водителю хотелось прибавить скорость, но дымка и необходимость беречь ненадежную запаску сдерживали его. Вдруг из облака пыли навстречу выскочил мальчик-нисэй[27], и ему пришлось резко крутануть руль.

— Это же Томми! — Девочка высунулась из окна.

— А? Чего? Сдался тебе этот чертов яп.

— Это Томми Хаякава, он из моего класса, — объяснила девочка. — Наверное, меня ищет.

Водитель снова выругался себе под нос и круто развернул машину, едва не завалив ее набок. Ему снова пришлось возвращаться навстречу жуткому звуку.

— Вон он! — заверещала девочка. — Томми! Ах, Томми!

---

[27] Примечания: 27

Нисэй — термин, использующийся в США для обозначения родившихся в стране этнических японцев второго поколения.

— Залезай, — скомандовал водитель, остановившись рядом с мальчиком.

— Залезай, Томми, — добавила юная пассажирка.

Мальчик мешкал. Водитель протянул руку, схватил его за рубашку и втащил в салон:

— Утонуть хочешь, дурень?

Не успел он переключиться на вторую передачу и разогнаться, как путь машине, размахивая руками, преградил еще один человек — на этот раз взрослый мужчина. Ускоряясь, водитель успел увидеть его лицо. Это был тот самый вор, что рылся в его машине.

Водитель не притормозил. Уж из-за этого типа совесть его мучить не будет. Туда ему и дорога! Пусть тонет!

Но тут к нему вернулся пережитый в детстве ужас. Перед глазами встало лицо бродяги; в жуткой фантазии он представил, как тот барахтается в воде, как наливаются кровью и выпучиваются в ужасе его глаза, как рот открывается в беззвучном крике о помощи.

Водитель остановил машину. Он не отважился развернуться, просто сдал назад на максимально возможной скорости. То ли он не успел далеко отъехать, то ли бродяга бежал за ними.

Дверца распахнулась, и бродяга плюхнулся на сиденье.

— Спасибо, дружище, — выдохнул новый пассажир. — Погнали отсюда!

— Верно! — Водитель глянул в зеркало, затем высунулся из окна и посмотрел назад. Сквозь дымку он уже видел свинцово-черную стену в тридцать, а то и все сто футов высотой, мчащуюся на них, нависающую над ними. От гула заболела голова.

Он включил вторую передачу, а потом сразу перешел на верхнюю и дал полный газ, забыв о том, что нужно беречь шины.

— Как у нас дела? — крикнул он.

— Отрываемся, — ответил бродяга, выглянув из окна. — Жми!

Водитель объехал брошенную посреди шоссе разбитую машину, после чего чуть сбавил скорость, осознавая, что гнать сломя голову чревато потерей машины, каким бы ненадежным средством спасения та ни была. Девочка заревела.

— Заткнись! — рявкнул он.

Мальчишка-нисэй ерзал и оглядывался.

— Что это? — испуганно спросил он.

— Тихий океан нас заливает, — ответил бродяга.

— Не может этого быть! — воскликнул водитель. — В Колорадо я еще поверю.

— Чувак, это не река. Это залив. Передали по радио из Калексико, когда я сидел в баре в Сентро. Предупредили, что на юге случился провал. Надвигается цунами. Затем сигнал пропал. — Бродяга облизнул губы. — Вот почему я здесь.

Водитель не ответил.

— Парень, который меня подвозил, бросил меня на заправке в Броли и поехал дальше, — продолжил бродяга и оглянулся. — Больше не вижу.

— Оторвались?

— Нет, блин. Шум не стихает. Просто сквозь муть не видно.

Они ехали дальше. Дорога почти незаметно пошла вправо и под уклон.

— Эй! — посмотрев вперед, вдруг вскрикнул бродяга. — Ты куда едешь?!

— Чего?

— Мужик, сворачивай с шоссе! Оно ведет обратно к Солтон-Си, а это самое низкое место в долине!

— Куда я должен свернуть? Разворачиваться поздно.

— Вперед ехать нельзя. Это самоубийство!

— Обгоним волну. К северу от Солтона дорога

снова пойдет вверх.

— Не выйдет. Ты бензин давно проверял?

Топливная стрелка подрагивала на левой стороне шкалы. Оставалось два галлона, а то и меньше. В самый раз, чтобы застрять на низком берегу Солтон-Си. Водитель уставился на нее с мучительной нерешительностью.

— Сворачивай налево, — сказал пассажир. — На проселочную. Доедем до холмов.

— Где сворачивать?

— Еще чуть-чуть. Я знаю эту дорогу. Не пропущу.

Свернув на проселочную дорогу, водитель сразу осознал, что теперь их путь проходил почти параллельно ненасытному южному потопу, и ему стало дурно. Но дорога шла вверх.

Он посмотрел налево, пытаясь разглядеть черную водяную стену, от рева которой стучало в ушах, но пришлось сосредоточить внимание на дороге.

— Видишь воду? — крикнул он бродяге.

— Да! Жми, приятель!

Он кивнул и уставился на холмы впереди. Уж они-то точно должны возвышаться над уровнем моря. Он гнал и гнал сквозь бесконечную завесу пыли, сквозь жару и рев. Подъем становился все

круче, но вдруг машина перевалила через бугор и устремилась вниз, уткнувшись в воду — мелкое арройо, русло пересыхающего ручья, которое почему-то не было сухим.

Не успел он и глазом моргнуть, как машина оказалась в воде сначала по оси, а потом еще глубже. Он дал по тормозам и попытался сдать назад. Мотор кашлянул и заглох.

Бродяга распахнул дверцу, вытащил из салона детей и, подхватив их под мышки, зашлепал к вершине холма. Водитель попробовал снова завести машину, но в спешке заметил, что вода уже захлестнула пол. Тогда он выскочил, споткнулся, упав на колени и оказавшись по пояс в воде, поднялся и поспешил за остальными.

Бродяга опустил детей на бугор и осмотрелся.

— Надо убираться отсюда, — выдохнул хозяин машины.

— Поздно, — покачал головой бродяга. — Посмотри вокруг.

На юге вода уже окружала холм, на котором они стояли. Один поток отделился, заполняя русло ручья между ними и холмистой грядой, где застряла машина. Основной поток пронесся восточнее, захлестнув шоссе в направлении Солтон-Си.

На глазах водителя второй поток вновь со-

мкнулся с основным. Теперь они были полностью отрезаны водой.

Ему захотелось с криком броситься в мутный водоворот и покончить с этим раз и навсегда. Может быть, он и в самом деле закричал. В чувство его привел бродяга, тряхнув за плечо.

— Успокойся, приятель. У нас еще есть порох в пороховнице.

— Чего? — Водитель утер глаза. — И что предлагаешь делать?

— Хочу к маме, — решительно заявила девочка.

Бродяга рассеянно погладил ее по голове.

— Лора, я о тебе позабочусь, — твердо сказал Томми Хаякава, обнимая девочку.

Вода уже полностью поглотила машину и продолжала подниматься. Бурлящее сердце потока миновало их, рокот стихал, вода прибывала все медленнее — но прибывала.

— Нам нельзя здесь оставаться, — настаивал водитель.

— Другого выхода нет, — ответил бродяга.

* * *

Пространство суши сократилось до клочка тридцать на пятьдесят футов. Теперь они были

не одни. Койот, зайцы, ящерицы, змеи, мыши и прочие несчастные пустынные обитатели оказались загнаны на этот крошечный пятачок. Койот даже не думал охотиться на зайцев, зайцы не обращали на него внимания. Вершину островка венчал бетонный столб в четыре фута высотой, обелиск с латунной табличкой. Водитель прочел ее дважды, прежде чем до него дошло.

Это был топографический знак, на котором помимо широты и долготы было выгравировано, что это место находится ровно на уровне моря. Когда это отложилось в его затуманенном мозгу, он сообщил своему спутнику:

— Эй! Эй, гляди! Мы спасены! Вода не поднимется выше!

Бродяга взглянул:

— Да. Знаю. Уже прочитал. Но это ничего не значит. Знак отмечает уровень моря до землетрясения.

— Но…

— Теперь он может подняться… или опуститься. Скоро узнаем.

* * *

Вода все прибывала. К закату они оказались в ней по лодыжки. Зайцы и другие мелкие звериш-

ки один за другим сдавались. Они находились посреди бесконечного водного пространства, протянувшегося от Шоколадных гор, под которыми когда-то располагалось Солтон-Си, до холмов на западе. Койот терся у ног совсем как собака, но в конце концов решился, скользнул в воду и погреб к холмам. Его голова еще долго была видна над водой, пока не превратилась в точку на фоне сгущающихся сумерек.

Когда вода дошла до колен, мужчины взяли детей на руки. Они прижались к надежно вбитому бетонному столбу и ждали, слишком устав, чтобы паниковать. Не разговаривали. Даже дети помалкивали с тех пор, как покинули машину.

Становилось все темнее.

— Знаешь какие-нибудь молитвы? — спросил вдруг бродяга.

— Ну… не слишком.

— Ладно, тогда я попробую. — Он перевел дух. — Господь милосердный, чей всевидящий взор замечает даже воробушка на лету, смилуйся над Твоими недостойными рабами. Убереги их от беды, если будет на то Твоя воля. — Он взял паузу, затем добавил: — И поскорее, если можешь. Аминь.

* * *

Тьма сгустилась, непроницаемая и беззвездная. Они не видели воду, но чувствовали и слышали ее. Вода была теплой и, даже когда дошла до подмышек, холоднее не стало. Дети теперь сидели у них на плечах, прижимаясь спиной к частично погрузившемуся под воду столбу. Течение было слабым.

Что-то ударилось о них в темноте — может, оторвавшийся руль, коряга, а может, труп. Ткнувшись в них, неизвестный объект поплыл дальше. Водителю вдруг почудился свет, и он спросил у бродяги:

— А где фонарик, который ты у меня стибрил?

— Значит, ты меня узнал, — устало ответил тот после длительного молчания.

— Еще бы. Где фонарик?

— Обменял на выпивку в Сентро. Но, чувак, понимаешь, — продолжил он рассудительно, — если бы я его не позаимствовал, он остался бы в машине. У нас бы его все равно не было. А если бы даже он был у меня в кармане, то насквозь промок бы и вышел из строя.

— Ладно, проехали!

— Хорошо. — Бродяга ненадолго замолчал, по-

том спросил: — Дружище, ты не мог бы немного подержать обоих детей?

— Пожалуй. Зачем?

— Вода продолжает подступать. Может, с головой нас накроет. Подержи детей, а я заберусь на столб. Усядусь там, обхвачу его ногами, а ты тогда передашь мне детей. Может, получится выиграть дюймов восемнадцать, а то и пару футов.

— А со мной что будет?

— Ухватишься за мои плечи и будешь держаться на воде, как поплавок.

— Ну… давай попробуем.

План сработал. Дети были у бродяги под мышками, поддерживаемые его руками и водой. Водитель как мог держался за бродягу, сначала за пояс, а потом, когда вода поднялась и ноги перестали чувствовать дно, за воротник. Они выживали как могли.

— Лучше бы было светло. В темноте хуже.

— Да уж, — согласился бродяга. — При свете дня нас могли бы заметить.

— Кто?

— Да с самолета, например. Во время наводнений всегда посылают самолеты.

Водителя вдруг затрясло. Его обуял ужас, вернулись воспоминания о другом потопе, когда

никаких спасательных самолетов не было.

— В чем дело, чувак? Нервишки сдают?

— Нет, я в порядке. Просто воду терпеть не могу.

— Хочешь поменяться? Возьми детей, а я подержусь за тебя и поплаваю.

— Гм… Нет, вдруг уроним? Сиди как сидишь.

— Да справимся. Глядишь, тебе получше станет от перемены места, — бродяга встряхнул детей. — Эй, не спать! Просыпайтесь, сладенькие, и держитесь покрепче.

Водитель обхватил столб ногами, и детей пересадили ему на плечи. Бродяга поддерживал его. Затем водитель осторожно забрался на верхушку указателя, а бродяга слез и опустился в воду, держась одной рукой.

— Все в порядке? — спросил водитель бродягу.

— В полном. — Рука бродяги в темноте сжала его плечо. — Немного хлебнул водички.

— Держись.

— Не волнуйся… удержусь!

Водитель был ниже бродяги ростом; ему пришлось сидеть абсолютно прямо, чтобы держать голову над водой. Дети крепко цеплялись за него, а он старался удерживать их как можно выше.

— На тебе есть ремень? — спросил вдруг бро-

дяга.

— Да. Зачем тебе?

— Не шевелись.

Свободная рука бродяги пошарила у него на поясе и вытянула ремень из брюк, которые сразу же сползли.

— Пристегну твои ноги к столбу, — объяснил бродяга. — Рано или поздно их начнут сводить судороги, вот в чем проблема. Держись смирно, я поднырну.

Водитель почувствовал, как руки бродяги копошатся вокруг его ног. Затем ремень стянул ноги у коленей. Он расслабился и не сопротивлялся. Это должно было помочь и позволить ему держаться, не напрягая мышцы.

— Ты где? — панически воскликнул бродяга, выныривая неподалеку.

— Здесь! Сюда! — Водитель вгляделся в чернильную мглу, но тщетно. — Греби сюда!

Всплески раздавались все ближе. Он крикнул снова, но не увидел во тьме рук. Он поочередно кричал и прислушивался. Ему казалось, что он слышит плеск, еще долго после того, как тот прекратился.

Он перестал звать, лишь когда потерял голос. Маленькая Лора на плече тихо всхлипывала.

Томми ее утешал. По их словам было понятно, что они не осознают, что произошло, и водитель решил не объяснять.

Когда уровень воды опустился ему до пояса, он поставил детей себе на колени. Это позволило разгрузить руки, которые невероятно устали, ведь отступившая вода уже не помогала поддерживать детей. Затем вода отступила еще, и на рассвете стало ясно, что земля внизу была если не сухой, то уже не затопленной.

Он разбудил Томми:

— Пацан, мне не спуститься. Отстегнешь меня?

Мальчик заморгал спросонья и протер глаза. Оглядевшись, он, кажется, без испуга вспомнил, где находится.

— Конечно. Опустите меня.

Мальчик не без труда расстегнул пряжку, и водитель отцепился от насеста. Попытался встать, но ноги не слушались, и они с девочкой растянулись в грязи.

— Не поранилась? — спросил он ее, садясь на землю.

— Нет, — уверенно ответила та.

Он осмотрелся. Становилось все светлее, на западе уже проступили очертания холмов. Судя по всему, вода их больше не разделяла. А вот на

востоке было иначе; Солтон-Си перестало существовать в прежнем виде. Теперь неразрывная водная гладь простиралась с севера на юг до самого горизонта.

Он заметил свою машину; старое русло было сухим, если не считать отдельных лужиц. Он прошелся до автомобиля, главным образом чтобы размять затекшие ноги, а заодно взглянуть, можно ли его оживить. Там он и нашел бродягу.

* * *

Тело забилось под машину у правого заднего колеса, вероятно, усилиями подводного течения.

Водитель вернулся к детям.

— Не подходите к машине, — приказал он. — Ждите здесь. Мне нужно кое-что сделать.

Он вернулся к машине и обнаружил, что ключи остались в замке зажигания.

С трудом открыв багажник, он достал короткую лопату, которую возил с собой на случай, если автомобиль увязнет.

Могила вышла так себе, неглубокая канавка в сыром песке как раз по размеру человека, но водитель пообещал себе, что вернется и переделает. Сейчас у него не было времени. С приливом уровень воды непременно поднимется, и нужно

было успеть довести детей до холмов.

Засыпав тело, он позвал мальчика с девочкой:

— Подойдите!

Оставалось еще одно дело. Кругом лежал принесенный водой плавник, стебли юкки, куски дерева. Он выбрал два куска неравной длины и откопал в ящике с инструментами кусок проволоки. Привязал короткую планку к длинной так, чтобы получился грубый крест, и воткнул его в песок в изголовье могилы.

Отойдя чуть назад, он осмотрел его вместе с детьми.

Чего-то не хватало. Немного поразмышляв, он нашел еще дерева. Через десять минут сделал и установил два креста, один размером с первый, другой побольше. Он выстроил их в ряд, с большим посередине, как на Голгофе.

Могила была под левым крестом.

Водитель беззвучно пошевелил губами, затем сказал:

— За мной, ребята. Пора отсюда уходить.

Он посадил девочку на плечо, взял мальчика за руку, и они двинулись на запад, а солнце сияло им в спину.

Наш прекрасный город[28]
Рассказ

Развернув машину, Пит Перкинс остановился у стоянки Ол-Найт и гаркнул:

— Эй, Паппи!

Сторож на стоянке был человеком немолодым. Бросив взгляд на позвавшего, он ответил:

— Через минуту буду к твоим услугам, Пит.

Старик занимался тем, что рвал на узкие полосочки воскресный выпуск комикса. Недалеко от него танцевал маленький смерчик. Он подхватывал обрывки старых газет, уличную пыль и швырял их в лица прохожих. Старик вытянул руку, в которой трепетал длинный яркий бумажный вымпел.

— Вот, Китти, — откашлялся он. — Иди сюда, Китти…

Смерчик замер, затем заметно вытянулся, перепрыгнул два автомобиля, оставленные на стоянке, и закружился рядом со стариком.

Было похоже, что он расслышал приглашение.

---

[28] Примечания: 28
Перевод И. Зивьевой

— Возьми, Китти, — мягко сказал старик и позволил яркому вымпелу скользнуть между пальцами.

Смерчик подхватил бумажную ленту и, вращая, втянул в себя. Старик отрывал клочки один за другим; они штопором влетали в гущу грязных бумаг и мусора, составлявших видимое тело воздушного вихря. Наткнувшись на холодную лужу — их здесь, в каменном ущелье улочки, было множество, — смерч ускорил свое движение и еще более вытянулся, пока цветные ленты, подхваченные им, не превратились в фантастически вздыбленную прическу. Старик с улыбкой повернулся.

— Китти любит новую одежду.

— Оставь, Паппи, или ты заставишь меня поверить в это.

— Ты и не должен *верить* в Китти, тебе достаточно ее *увидеть*.

— Ну да, конечно… но ты ведешь себя, словно она… я имею в виду оно… способно понимать твои слова.

— Ты в самом деле не веришь? — мягко и терпеливо спросил Паппи.

— Брось, Паппи!

— Хм… дай-ка мне твою шляпу. — Паппи протя-

нул руку и сдернул шляпу с головы Пита Перкинса. — Сюда, Китти, — сказал он. — Вернись!

Смерчик, плясавший над их головами несколькими этажами выше, ринулся вниз.

— Эй! Что ты собираешься делать с моей шляпой? — осведомился Перкинс.

— Минутку… Китти, сюда! — Словно избавившись от какого-то груза, смерчик резко опустился еще ниже. Старик протянул ему шляпу. Смерчик подхватил ее и погнал вверх по длинной крутой спирали.

— Эй! — заорал Перкинс. — Ты соображаешь, что делаешь? Кончай свои шутки — этот колпак обошелся мне в шесть кусков всего три года назад.

— Не беспокойся, — спокойно сказал старик. — Китти принесет ее обратно.

— Как бы не так! Скорее всего, она окунет ее в речку.

— О нет! Китти никогда не роняет ничего, что не хочет уронить. Смотри. — Шляпа танцевала над крышей отеля на противоположной стороне улицы. — Китти! Эй, Китти! Принеси ее обратно.

Смерчик замедлил свое движение, и шляпа спустилась двумя этажами ниже. Затем она снова остановилась, и смерчик начал лениво жонгли-

ровать ею.

— Принеси ее сюда, Китти, — повторил старик.

Шляпа поплыла вниз по спирали и, внезапно закончив свое движение мертвой петлей, шлепнула Перкинса по лицу.

— Она пыталась надеть тебе шляпу прямо на голову, — объяснил сторож. — Обычно это у нее получается довольно точно.

— Вот как? — Перкинс поймал шляпу и, открыв рот, смотрел на завихрение.

— Убедился? — спросил старик.

— Ну, ну... — Он еще раз посмотрел на свою шляпу, потом на смерчик. — Паппи, я чувствую, мне надо выпить.

Они пошли в сторожку; Паппи отыскал стаканы, а Перкинс наполнил их из прихваченной в машине почти полной бутылки виски и сделал два внушающих уважение глотка. Повторив эту процедуру, он снова наполнил стаканы и опустился на стул.

— Это было в честь Китти, — сказал Перкинс. — Будем считать, что сие возлияние — компенсация за банкет у мэра.

Паппи сочувственно пощелкал языком.

— Тебе надо о нем писать?

— Мне надо выдать очередную колонку хоть о

чем-нибудь, Паппи. Прошлым вечером Хиззонер, наш мэр, окруженный уникальным созвездием профессиональных шантажистов, взяточников, лизоблюдов и махинаторов, дал торжественный банкет в честь своего избрания… Придется написать об этом, Паппи: подписчики требуют. Ну почему я не могу, как все нормальные люди, немного расслабиться и идти отдыхать?

— Сегодня у тебя была хорошая колонка, — подбодрил его старик. Он развернул «Дейли форум».

Перкинс забрал газету и скользнул взглядом в низ полосы, где обычно помещалась его колонка.

«Питер Перкинс, — прочел он. — НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД».

Перкинс пробежал глазами текст:

* * *

«Что случилось с экипажами? В нашем земном раю по традиции принято считать, что было хорошо для отцов-основателей, вполне подходит и нам. Мы спотыкаемся о ту же выбоину, в которой дедушка Тозье поломал себе ногу в 1909 году. Мы радуемся, зная, что вода, вытекающая из ванны, не пропадает бесследно, а возвращается к нам через кран на кухне, благоухая хлором. (Кстати, Хиззонер пьет только газированную воду из бу-

тылок. Можете убедиться в этом сами.)

Но тем не менее я должен сообщить вам ужасающую новость. Куда-то делись все экипажи!

Вы можете мне не верить. Общественный транспорт ходит так редко и движется так медленно, что разница почти неразличима; и все же я могу поклясться, что не так давно видел на Гранд-авеню колченогую колымагу без всяких признаков лошадей поблизости. Не иначе внутри ее была какая-то электрическая машина. Даже для нашего атомного века это уже чересчур. И я предупреждаю всех горожан…»

* * *

Тут Перкинс разочарованно фыркнул.

— Паппи, это стрельба из пушек по воробьям. Этот город прогнил насквозь, и он останется таким навечно. Почему я должен напрягать мозги из-за этой ерунды? Дай-ка мне бутылку.

— Не расстраивайся, Пит. Смех для тиранов страшнее, чем пуля убийцы.

— Хорошо излагаешь. Но мне не до смеха. Я потешался над ними, как только мог, — и все кошке под хвост. Все мои старания — такое же пустое сотрясание воздуха, как и у твоего друга, танцующего дервиша.

Окно вздрогнуло от резкого удара ветра.

— Не говори так о Китти, — серьезно заметил старик. — Она чувствительна.

— Прошу прощения. — Пит встал и, повернувшись к двери, поклонился. — Китти, я приношу свои извинения. Твои хлопоты куда как важнее моих. — Он повернулся к хозяину. — Давай выйдем и поговорим с ней, Паппи. Лучше общаться с Китти, чем писать о банкете у мэра… Будь у меня выбор…

Выходя, Перкинс захватил с собой пестрые остатки располосованных комиксов и стал размахивать в воздухе бумажными лентами.

— Сюда, Китти! Сюда! Это тебе!

Смерчик спустился и, как только Перкинс выпустил бумагу из рук, сразу же подхватил ее.

— Она глотает все, что ей ни дашь.

— Конечно, — согласился Паппи. — Китти словно архивная крыса. Все бумажки прибирает себе.

— Неужели она никогда не устает? Ведь должны быть и спокойные дни.

— По-настоящему здесь никогда не бывает спокойно. Так уж на этой улице, что ведет к реке, стоят дома. Но, я думаю, она прячет свои игрушки где-то на их крышах.

Газетчик уставился на крутящуюся струйку

мусора.

— Бьюсь об заклад, у нее есть газеты за прошлый месяц. Слушай, Паппи, я как-то выдал колонку о нашей службе очистки и о том, как мы не заботимся о чистоте улиц. Было бы неплохо раскопать парочку газет, что вышли примерно года два назад, — и тогда я мог бы утверждать, что и после публикации они продолжают валяться по городу.

— Зачем ломать голову? — сказал Паппи. — Давай посмотрим, что там есть у Китти. — Он тихонько свистнул. — Иди сюда, малышка, дай посмотреть Паппи твои игрушки.

Смерчик, плясавший перед ними, изогнулся, его содержимое закружилось еще быстрее. Сторож прицелился и выдернул из этой мешанины кусок старой газеты.

— Вот… трехмесячной давности.

— Попробуй еще…

— Попытаюсь. — Он выхватил еще одну газетную полосу. — За прошлый июнь.

— Это уже лучше.

Прозвучал автомобильный сигнал, и старик поспешил открыть ворота. Когда он вернулся, Перкинс все еще продолжал вглядываться в столб бумажного мусора.

— Повезло? — спросил Паппи.

— Она не хочет мне ничего давать. Так и рвет из рук.

— Китти, ты капризуля, — сказал старик. — Пит мой друг. Будь с ним полюбезнее.

— Все в порядке, — сказал Перкинс. — Мы просто не были с ней знакомы. Но посмотри, Паппи, ты видишь этот заголовок? На первой полосе.

— Она тебе нужна?

— Да. Посмотри поближе — видишь в заголовке «Дью» и под ним что-то еще. Но не могла же она хранить этот мусор с предвыборной кампании девяносто восьмого года?

— Еще как могла. Китти крутится здесь столько, сколько я себя помню. И она постоянно все тащит к себе. Подожди секунду… — Он мягко сказал что-то Китти, и газета очутилась у него в руках. — Теперь ты можешь ее рассмотреть.

Перкинс впился в листок.

— Да я завтра же буду сенатором! Ты понимаешь, что это такое, Паппи?

Заголовок гласил: «Дью вступает в Манилу». На листке значилась дата — 1898 год.

* * *

Двадцать минут спустя, прикончив бутылку виски, они все еще продолжали беседовать. Газетчик не отрывался от пожелтевшего, ветхого листа бумаги.

— Только не говори, что это болталось по городу без малого восемьдесят лет.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ну ладно, я еще могу согласиться, что улицы с тех пор ни разу не убирались, но бумага столько не выдержала бы. Солнце, дождь и все прочее сделали бы свое дело.

— Китти очень заботится о своих игрушках. Уверен, в плохую погоду она все прятала под крышу.

— Но, ради всего святого, Паппи, не веришь же ты в самом деле, что она... Нет, тебя не переубедить. Хотя, откровенно говоря, мне не так уж важно, где она раздобыла эту штуку. Официальная версия сведется к тому, что этот грязный клочок бумаги невозбранно носился по улицам нашего города последние восемьдесят лет. Ну и посмеюсь же я над ними, старик!

Он аккуратно свернул газету и принялся засовывать ее в карман.

— Нет-нет, не делай этого, — запротестовал хозяин.

— Почему? Я возьму ее в редакцию, чтобы там сфотографировать.

— Ты не должен этого делать. Это вещь Китти, я ее только одолжил…

— Ты что, псих?

— Она рассердится, если мы не вернем ей газету. Пожалуйста, Пит, она позволит тебе посмотреть на нее в любое время, когда ты только захочешь.

Старик был настолько серьезен, что Пит задумался.

— Я боюсь, что мы ее никогда больше не увидим, — сказал он. — А у меня это будет отправной точкой для раскрутки темы.

— С твоей стороны это не совсем хорошо… История должна была бы быть про Китти. Но не беспокойся — я скажу ей, что эту бумагу терять нельзя.

— Ну ладно.

Они вышли, и Паппи что-то серьезно объяснил Китти, а затем вручил ей обрывок газеты за 1898 год. Китти сразу же подняла его на самый верх своей покачивающейся колонны. Перкинс попрощался с Паппи и двинулся к выходу, но вдруг резко повернулся, не скрывая легкого смущения.

— Слушай, Паппи…

— Да, Пит?

— Но на самом деле ведь ты не веришь, что эта штука живая?

— Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ты хочешь сказать…

— Ну, — рассудительно сказал Паппи, — а откуда ты знаешь, что ты живой?

— Но… да потому, что я… хотя, если разобраться… — Он остановился. — Сам не знаю. Ты мне заморочил голову, приятель.

Паппи улыбнулся:

— Значит, ты понимаешь?

— Хм… Хочу надеяться. Всего, Паппи. Всего, Китти. — Он приподнял шляпу, обращаясь к смерчику. Пыльный столбик качнулся в ответ.

* * *

Шеф-редактор послал за Перкинсом.

— Слушай, Пит, — сказал он, решительно хлопнув по пачке исписанных листов, лежавших перед ним, — задумка у тебя была неплохая, но… хотел бы я увидеть хоть парочку твоих статей, написанных не в пивной.

Перкинс взглянул на лежащую перед ним газетную полосу.

«Питер Перкинс. НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД. СВИСТНИ НА ВЕТЕР

Прогулка по улицам нашего города всегда полна неожиданностей, а порой и приключений. Прокладывать путь приходится среди самого разного мусора, осколков посуды, мятых сигаретных пачек и прочих малопривлекательных предметов, которыми пестрят тротуары города. В это время в лицо нам летят сувениры в виде конфетти от давно прошедшего праздника, истлевшие листья и другая труха, которая под воздействием непогоды утратила свой первоначальный вид и не поддается опознанию. Правда, я всегда был уверен: самое тщательное знакомство с сокровищами наших улиц не может обогатить вас реликвией более чем семилетней давности…»

Дальше шел рассказ о смерчике, который почти столетие таскает по улицам ставшую антикварной газету. Кончалась заметка вызовом в адрес других городов страны — могут ли они похвастать чем-либо подобным?

— Разве это так плохо? — осведомился Пер-

кинс.

— Это прекрасная идея — пошуметь о грязи на улицах, Пит, но материал должен быть обоснован.

Перкинс наклонился над столом.

— Шеф, он полностью обоснован.

— Не глупи, Пит.

— Он говорит — не глупи. Ну ладно… — И Перкинс положил перед редактором обстоятельный отчет о Китти и о газете 1898 года.

— Пит, должно быть, ты крепко хватил в этот день.

— Только томатного сока. У меня в тот самый день так схватило сердце, что думал — отдам концы.

— А как насчет вчерашнего дня? Могу ручаться, этот… смерчик явился в бар вместе с тобой.

Перкинс с достоинством выпрямился.

— Однако таковы факты.

— Успокойся, Пит. Я ничего не имею против того, как ты пишешь, но фактов должно быть больше. Раскопай данные о поденщиках, узнай, сколько им платят за очистку улиц, сравни с другими городами…

— И кто будет читать эту тягомотину? Пойдем спустимся по улице вместе со мной. И я тебе по-

кажу истинные факты. Подожди только минуту — я приглашу фотографа.

* * *

Через двадцать минут Перкинс уже знакомил шеф-редактора и Кларенса В. Уимса с Паппи. Кларенс стал готовить камеру.

— Щелкнуть?

— Обожди, Кларенс. Паппи, можешь ты попросить Китти притащить нам ту музейную штуку?

— Конечно. — Старик посмотрел вверх и свистнул. — Эй, Китти! Иди к Паппи. — Над их головами пролетело несколько пустых жестянок, охапка листьев, и к ногам легло несколько обрывков газет. Перкинс посмотрел на них.

— Но здесь нет того, что нам нужно, — удрученно сказал он.

— Сейчас она притащит. — Паппи сделал движение вперед, и смерчик обхватил его. Они видели, как шевелятся губы Паппи, но слов не разобрали.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока нет.

Смерчик поднялся вверх и исчез где-то меж крыш соседних зданий. Шеф-редактор открыл было рот, но снова закрыл его.

Китти скоро вернулась. Она притащила много разного хлама, и среди всего прочего был и тот самый газетный лист.

— Вот теперь щелкай, Кларенс!

— Щелкай, пока она висит в воздухе!

— Раз — и готово, — отозвался Кларенс, вскидывая камеру. — Сдай чуть назад и подержи ее так, — сказал он, обращаясь к смерчику.

Китти помедлила, потом легко качнулась назад.

— Осторожненько развернись, Китти, — добавил Паппи, — и поверни листик. Нет, нет, не так — другим концом кверху.

Газета развернулась и медленно проплыла мимо них, демонстрируя заголовок.

— Поймал? — осведомился Перкинс.

— Раз — и готово, — сказал Кларенс. — Все? — спросил он у шеф-редактора.

— Мм… я думаю, что все.

— Хорошо, — сказал Кларенс, захлопнул камеру и исчез.

Редактор вздохнул.

— Джентльмены, — сказал он, — я думаю, надо выпить.

Даже после четырех рюмок спор между Перкинсом и редактором не затих. Паппи это надоело,

и он ушел.

— Не будьте идиотом, босс, — говорил Пит. — Вы же не можете печатать статью о *живом* смерче. Вас же засмеет весь город.

Шеф-редактор Гейнс гордо выпрямился.

— Таково правило «Форума» — печатать абсолютно все новости, ничего не скрывая. Раз это новость — мы ее публикуем. — Он несколько расслабился. — Эй! Официант! Повторить — и поменьше содовой.

— Но это невозможно с научной точки зрения.

— Ты же все видел своими глазами!

— Да, но…

— Мы обратимся в Смитсоновский институт с просьбой провести расследование.

— Они поднимут нас на смех, — продолжал настаивать Перкинс. — Ты когда-нибудь слышал о массовом гипнозе?

— Это не аргумент, тем более что Кларенс тоже его видел.

— При чем здесь Кларенс?

— При том, что надо иметь, что гипнотизировать.

— С чего ты взял, что у Кларенса нет мозгов?

— Попробуй опровергнуть меня.

— Ну, во-первых, он живое существо — значит,

он должен иметь хоть какие-то мозги.

— Как раз об этом я и говорю — эта воздушная штука тоже живая, она двигается; значит, у нее есть мозги. Перкинс, если эти яйцеголовые из Смитсоновского института будут настаивать, что это антинаучно, помни, что за тобой стоят «Форум» и я. Ни шагу назад!

— А вдруг?..

— Никаких вдруг! А теперь отправляйся на стоянку и возьми интервью у этого торнадо.

— Ты же все равно не будешь меня печатать.

— Кто не будет тебя печатать? Я изничтожу его на корню! Отправляйся, Пит. Давно пора взорвать этот город и распылить по ветру. Хватит разговоров! На первую полосу! За дело! — Он напялил на себя шляпу Пита и поспешил в туалет.

* * *

Расположившись за столом, Пит поставил рядом с собой термос с кофе, банку томатного сока и положил вечерний выпуск газеты.

Под снимками Киттиных забав, разверстанными на четырех колонках, помещалась его статья. Надпись над жирной восемнадцатипунктовой линейкой указывала:

«СМОТРИ РЕДАКЦИОННУЮ ПОЛОСУ, С. 12».

На 12-й странице над такой же черной линейкой значилось:

«ЧИТАЙТЕ „НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД“ на с. 1».

Но он прочел только заголовок:

«ГОСПОДИНА МЭРА — В ОТСТАВКУ!!!»

Пробежав нижеследующие строки, Пит прищелкнул языком.

«Затхлый душок — символ духовной заплесневелости, притаившейся в темных углах нашей мэрии, приобрел размеры циклона и указывает на то, что давно пора вымести на свалку администрацию, погрязшую во взяточничестве и бесстыдстве».

Далее издатель указывал на то, что контракт на уборку улиц и вывозку мусора был вручен деверю мэра, но что Китти, смерчик, прогуливающийся по городским улицам, сможет сделать эту работу

и дешевле и лучше.

Зазвонил телефон. Пит поднял трубку.

— Замечательно, начало положено…

— Пит… это ты? — прорезался голое Паппи. — Они тащат меня в участок.

— Чего ради?

— Они обвиняют Китти в нарушении общественного спокойствия.

— Сейчас буду.

Он вытащил Кларенса из отдела иллюстраций, и они поспешили в полицейский участок. Перкинс решительно вошел внутрь. Паппи сидел там под надзором лейтенанта, вид у него был довольно обескураженный.

— Что тут случилось? — спросил репортер, тыкая пальцем в Паппи.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока подожди. Меня интересуют новости, Дамброски, — я думаю, вы помните, что я сотрудник газеты. Так за что задержан этот человек?

— Неподчинение полицейскому при исполнении последним служебных обязанностей.

— Это правда, Паппи?

На лице у старика было написано отвращение ко всему происходящему.

— Этот тип, — он указал на одного из полис-

менов, — пришел на мою стоянку и попытался забрать у Китти ее любимую бумажку — рекламу сигарет. Я сказал ему, чтобы он оставил ее в покое. Тогда он замахнулся на меня дубинкой и приказал, чтобы я забрал у Китти эту бумажку сам. А я сказал ему, куда он может засунуть свою дубинку. — Паппи пожал плечами. — И вот я здесь.

— Понятно, — сказал Перкинс и повернулся к Дамброски. — Вам звонили из мэрии. Поэтому вы послали Дюгана на это грязное дело. Единственное, чего я не понимаю, — это почему именно Дюгана. Говорят, он так глуп, что вы даже не позволяете ему собирать взятки на его участке.

— Это ложь! — вмешался Дюган. — Я их сам собираю…

— Заткнись, Дюган! — рявкнул его начальник. — Видите ли, Перкинс… вам лучше покинуть помещение. Здесь нет ничего интересного для вас.

— Ничего интересного? — мягко переспросил Перкинс. — Полицейские пытаются арестовать смерч, и вы говорите, что нет ничего интересного?

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Никто не пытался арестовать смерч! А теперь

убирайтесь!

— Тогда почему вы обвиняете Паппи в неподчинении полицейскому? Чем Дюган там занимался — ловил бабочек?

— Сторож не обвиняется в неподчинении полицейскому.

— Ах не обвиняется? Тогда какой же параграф вы хотите на него повесить?

— Никакого… Мы просто хотим его спросить…

— О, это уже интересно! Ему ничего не инкриминируют, нет ордера на арест, он ни в чем не обвиняется. Вы просто так хватаете гражданина и тащите его в участок. Стиль гестапо. — Перкинс повернулся к Паппи. — Ты не под арестом. Мой тебе совет — встать и выйти вон в ту дверь.

Паппи приподнялся.

— Эй! — Лейтенант Дамброски подскочил на своем стуле, схватил Паппи за плечо и усадил его обратно. — Есть приказ. Ни с места…

— Щелкай! — гаркнул Перкинс.

Магниевая вспышка заставила всех застыть.

— Кто пустил их сюда? Дюган, забрать камеру! — взъярился Дамброски.

— Раз — и готово! — сказал Кларенс, уворачиваясь от полицейского. Их движения напоминали танец на лугу.

— Хватай его! — веселился Перкинс. — Вперед, Дюган. И главное — камеру, камеру. А я сейчас же принимаюсь писать: «Лейтенант полиции уничтожает свидетельства полицейской жестокости».

— Что я должен делать, лейтенант? — взмолился Дюган.

Дамброски с омерзением посмотрел на него.

— Садись и прикрой физиономию. А вы, — обратился он к Перкинсу, — не пытайтесь публиковать эти снимки. Я вас предупреждаю.

— О чем? Что я не должен танцевать с Дюганом? Идем, Паппи. Идем, Кларенс. — И они вышли.

На следующий день в колонке «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» появилась очередная статья.

> «Мэрия затеяла генеральную чистку. Пока городские мусорщики предавались своей обычной сиесте, лейтенант Дамброски, действуя в соответствии с приказом, полученным из канцелярии Хиззонера, отправился на Третью авеню за нашим смерчиком. Но результаты рейда оказались плачевными: патрульному полицейскому Дюгану не удалось

засунуть смерчик в машину для заключенных. Однако неустрашимый Дюган на этом не успокоился; он арестовал стоявшего поблизости гражданина, некоего Джеймса Меткалфа, сторожа автомобильной стоянки, по обвинению в соучастии. Соучастии кому — Дюган отказался уточнить, потому что всем известно, что соучастие — это штука довольно расплывчатая. Лейтенант Дамброски допросил арестованного. Можете полюбоваться на снимок. Лейтенант Дамброски весит 215 фунтов — без башмаков. Задержанный — 119 фунтов.

Мораль: не болтайся под ногами, когда полиция ловит ветер.

P. S. Когда номер готовился к печати, смерчик все еще играл с антикварной редкостью — газетой 1898 года. Остановитесь на углу Мейн-стрит и Третьей авеню и посмотрите наверх. Только поторопитесь — Дамброски не будет медлить с арестом смерчика».

На следующий день в колонке Пита продолжались уколы в адрес администрации.

«Считаем своим долгом сообщить читателям, что в последнее время в Большом жюри не раз случался переполох в связи с исчезновением документов, пропадавших прежде, чем с ними кто-то успевал ознакомиться. Мы предлагаем мэрии кандидатуру Китти, нашего смерчика с Третьей авеню, на должность внештатного клерка, следящего за бумагами. Как известно, Китти отличается редкой аккуратностью; у нее ничего не пропадает. Ей остается только выдержать экзамен для поступающих на гражданскую службу, но, как показывает практика, его сдают и круглые идиоты.

Но почему Китти должна ограничиваться столь низкооплачиваемой работой? Она отличается старательностью и исправно делает все, за что берется. И может ли кто-либо с полным основанием утверждать, что она менее квалифицированна, чем некоторые из отцов города!

А не выдвинуть ли Китти в мэры? Она является идеальным кандидатом: весьма общительна, отличается упорядоченным мышлением, ходит только по кругу и ни-

когда налево, она знает толк в наведении чистоты, так что у оппозиции не может быть к ней никаких претензий.

Кстати, мистер Хиззонер, так сколько же стоит подряд на уборку Гранд-авеню?

P. S. Китти все еще владеет газетой 1898 года. Приходите и полюбуйтесь на нее, пока еще наша полиция окончательно не запугала смерчик».

Пит нашел Кларенса и поехал к стоянке. Она теперь была обнесена забором; человек у входа протянул им два билета, но от денег отмахнулся. За забором толпа людей обступила круг, в центре которого рядом с Паппи весело кружилась Китти. Они пробились к старику.

— Вот как ты теперь зарабатываешь деньги!

— Мог бы, но я этим не занимаюсь. Они хотели меня прикрыть. Предложили мне заплатить налог в пятьдесят долларов на карнавалы и шествия, а также почтовый сбор. Поэтому я отделался от билетов и даю их только для контроля.

— Не огорчайся, мы их еще заставим попрыгать.

— Это еще не все. Сегодня утром они попытались захватить Китти.

— Ну?! Кто? Как?

— Копы. Они приехали сюда с такой большой машиной, ну, знаешь, которой вентилируют подвалы, ночлежки, чердаки. Развернули ее и включили всасывающее устройство. Они думали всосать внутрь или Китти, или то, чем она играет.

Пит присвистнул.

— Ты должен был вызвать меня.

— Зачем? Я предупредил Китти. Она куда-то спрятала эту газету времен испанской войны и вернулась обратно. Ей понравилось. Она проскакивала сквозь эту машину раз шесть, словно в ручеек играла. Пролетала сквозь нее и выпрыгивала такая бодрая, что я только диву давался. В последний раз она сорвала фуражку с сержанта Янцеля, пропустила через машину и выплюнула ее в таком виде… Ну, они тоже плюнули и уехали.

Пит засмеялся.

— Ты все же должен был бы позвать меня. Кларенс сделал бы отличный снимок.

— А я что, раз — и готово, — сказал Кларенс.

— Что? Ты был здесь сегодня утром?

— Конечно.

— Кларенс, дорогой, смысл новостей в том,

чтобы как можно скорее их печатать, а не разыскивать в отделе иллюстраций.

— Все на твоем столе, — безмятежно сообщил Кларенс.

— М-да… Ладно, переключимся на другую тему. Паппи, я задумал кое-какую петрушку.

— Почему бы и нет?

— Хочу основать здесь штаб-квартиру кампании по выбору Китти в мэры. Над стоянкой из угла в угол натянем плакат, чтобы его было видно со всех сторон. Он будет здесь очень кстати, а у входа будут стоять симпатичные девочки. — Пит показал головой, где именно они будут стоять.

Сзади него уже командовал сержант Янцель.

— Отлично, отлично! — давал он указания. — Двигай! Очистить здесь!

Вместе с тремя сопровождающими он вытеснял людей за пределы стоянки. Пит подошел к нему.

— Что происходит, Янцель?

Янцель оглянулся.

— О, это вы? Ну что же, и вас попрошу… Мы должны очистить это место. Срочный приказ.

Пит посмотрел через плечо.

— Попроси Китти убраться в другое место, Паппи, — приказал он. — Кларенс, щелкни!

— Раз — и готово, — сказал Кларенс.

— Хорошо, — ответил Пит. — А теперь, Янцель, объясните мне толком, что тут происходит.

— Хитер, парень. Но лучше бы вам и вашему напарнику убраться отсюда, если хотите сохранить головы на плечах. Мы готовим базуку.

— Готовите что? — Питер обернулся и недоверчиво посмотрел на патрульную машину. Действительно, двое полицейских уже вытаскивали из нее базуку. — Готовься к бою, — сказал он Кларенсу.

— Что мне, раз — и готов, — сказал Кларенс.

— И перестань чавкать жевательной резинкой. Послушайте, Янцель, я же все-таки газетчик. Объясните, Христа ради, что вы собираетесь делать?

— Походите и подумайте. — Янцель отвернулся от него. — Все в порядке? Внимание! Приготовиться! Огонь!

Один из копов посмотрел вверх:

— По кому, сержант?

— Я думал, у тебя хватит ума сообразить — по смерчу, конечно.

Паппи высунулся из-за плеча Пита.

— Что они делают?

— Кажется, я начинаю догадываться. Паппи, попроси Китти убраться с глаз долой — я думаю, они собираются загнать ей ракету в глотку. Это

может нарушить ее динамическое равновесие или как-то повредить ей.

— Китти в безопасности. Я посоветовал ей спрятаться. Пит, они, должно быть, полные идиоты.

— А в каком законе сказано, что коп должен быть в здравом уме при исполнении обязанностей?

— По какому смерчу, сержант? — спросил наводчик.

Янцель начал возбужденно объяснять ему, но затем отменил все свои указания, когда убедился, что в поле зрения нет никакого смерча.

— Это ты убрал свой смерч?! — обернулся он к Паппи. — Ты! — гаркнул он. — Немедленно верни его!

Пит вытащил блокнот.

— Вот это уже интересно, Янцель. Не ваши ли профессиональные знания позволяют вам отдавать приказания смерчу, будто он дрессированная собака? И какова на этот счет официальная позиция полицейского управления?

— Я… Комментариев не будет. Прекратите, или я прикажу вас вывести.

— Не сомневаюсь. Но вы установили своего клоподава так, что осколки пролетят сквозь смерч и закончат свой путь не иначе, как на крыше

мэрии. Скажите, является ли это частью заговора с целью убить Хиззонера?

Янцель резко обернулся и проследил взглядом воображаемую траекторию.

— Эй, оттащите ее оттуда! — заорал он. — Разверните ее в другую сторону! Вы что, хотите пришибить мэра?

— Вот это уже лучше, — сказал Пит сержанту. — Теперь они могут потренироваться на Первом национальном банке. Но я больше не могу ждать.

Янцелю пришлось снова оценивать ситуацию.

— Направьте ее в безопасную сторону, — приказал он. — Неужели я должен за всех вас думать?

— Но, сержант…

— Что еще?

— Это же вы указали направление. И мы готовы к стрельбе.

Пит посмотрел на них.

— Кларенс, — вздохнул он, — пойди пройдись и сделай снимок, как они втаскивают эту штуку обратно в машину. Это произойдет минут через пять. Мы с Паппи будем в гриль-баре. Постарайся, чтобы физиономия Янцеля попала в кадр.

— Что мне, раз — и готово, — отозвался Кларенс.

* * *

Новая публикация под рубрикой «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» занимала три колонки и была озаглавлена: «Полиция объявляет войну смерчику». Пит взял номер газеты и поехал на стоянку, чтобы показать статью Паппи.

Его там не было. Отсутствовала и Китти. Пит порыскал по закоулкам, сунул нос в сторожку и в бар. Никаких следов.

«Не иначе Паппи пошел за покупками или отправился в кино», — подумал Пит и вернулся обратно в редакцию. Сев за стол, он было попытался набросать начало завтрашней колонки, но скомкал бумагу и пошел в отдел иллюстраций.

— Эй! Кларенс! Ты сегодня был на стоянке?

— Не-а.

— Паппи исчез.

— Чего ради?

— Пошли. Мы должны его разыскать.

— Зачем? — спросил Кларенс, но тут же схватился за камеру. Стоянка была по-прежнему пустынна — ни Паппи, ни Китти, ни даже малейшего дуновения ветерка. Пит повернулся.

— Слушай, Кларенс, сегодня хорошо снимать?

Кларенс поднял камеру и прицелился в небо.

— Нет, — сказал он. — Света маловато. Но там что-то есть…

— Что?

— Смерчик.

— Ну? Китти?

— Может быть.

— Китти, сюда! Иди сюда, Китти!

Смерчик опустился рядом с ними, покружился и подхватил валявшийся кусочек картона. Покружив его, он швырнул картон в лицо Питу.

— Китти, нам не до шуток, — сказал Пит. — Где Паппи?

Смерчик скользнул назад. Пит увидел, что он снова стал возиться с картонкой.

— Оставь ее в покое! — резко сказал Пит.

Смерчик вскинул свою находку на сотню футов, откуда она резко спланировала вниз, ударив Пита ребром по носу.

— Китти! — взвыл Пит. — Перестань дурачиться!

На картонке размером шесть на восемь дюймов было что-то напечатано. Видно, прежде она была к чему-то приколота: по углам виднелись следы от кнопок. Пит прочел: «Отель „Риц-классик“». И ниже: «Номер 2013. На одного человека — 6 долларов, на двоих — 8 долларов». Далее шли

гостиничные правила.

Пит нахмурился. Внезапно он резко швырнул картонку Китти. Та немедля кинула ее обратно в лицо Питу.

— Идем, Кларенс, — отрывисто сказал Пит. — Нас ждут в отеле «Риц-классик», в две тысячи тринадцатом номере.

«Риц-классик» представлял собой огромную ночлежку, забитую внизу магазинчиками и дамскими парикмахерскими. Мальчик-лифтер посмотрел на камеру Кларенса и сказал: «Док, здесь этого делать нельзя. В нашем отеле — никаких бракоразводных историй».

— Успокойся, — сказал ему Пит. — Это не настоящая камера. Мы торгуем травкой, марихуаной то есть.

— Что же вы сразу не сказали? Вам бы не пришлось прятать ее в камере. Только людей нервируете. Вам какой этаж?

— Двадцать первый.

Лифтер сразу же поднял их на место без остановки, игнорируя остальные вызовы.

— За спецобслуживание два куска, — предупредил он.

Они вышли и направились по коридору в поисках нужного номера. Дверь его была заперта,

и Пит осторожно постучал. Затем еще раз. Молчание. Он прижал ухо к двери, и ему показалось, что он слышит какую-то возню внутри. Сдвинув брови, Пит оценивающе отступил от двери.

— Я кое-что вспомнил, — сказал Кларенс и затопал по коридору. Он быстро вернулся с красным пожарным топором в руках. — Щелкнуть? — спросил он Пита.

— Прекрасная мысль, Кларенс! Но подожди. — Пит грохнул в дверь и закричал: — Паппи! Эй, Паппи!

Огромная женщина в розовом пеньюаре открыла дверь по соседству.

— Вы кого-то ищете? — осведомилась она.

— Успокойтесь, мадам, — сказал Пит. — Мы просто хотим глотнуть свежего воздуха.

Он прислушался. За дверью явно слышались звуки борьбы, а потом сдавленное: «Пит! Эй, Пит…»

— Щелкнуть! — приказал Пит, и Кларенс врубился в дверь.

Замок поддался с третьего удара. Вместе с Кларенсом Пит ворвался в комнату. Но кто-то, выбегая навстречу, сбил его с ног. Поднявшись, Пит увидел лежащего на кровати Паппи, он пытался освободиться от полотенца, которым был

привязан.

— Лови их! — закричал Паппи.

— Не раньше, чем я тебя развяжу.

— Они забрали мои штаны. Ребята, я думал, вы уж никогда не придете.

— Китти пришлось мне кое-что втолковать.

— Я поймал их, — сказал Кларенс. — Обоих.

— Как? — спросил Пит.

— Раз — и готово, — гордо сказал Кларенс и похлопал рукой по камере.

Пит выскочил в коридор.

— Они побежали туда, — услужливо показала огромная женщина.

Пит кинулся по коридору, завернул за угол, но успел только увидеть, как захлопнулась дверца лифта.

Выскочив из отеля, Пит остановился при виде большой толпы. Пока он раздумывал, что делать, Паппи схватил его за плечо:

— Вон они! В той машине!

Машина, на которую указал Паппи, уже почти выбралась из вереницы такси, стоявших перед отелем; издав низкое рычание, она рванулась с места. Пит рывком открыл дверцу ближайшей машины.

— Поезжайте за этой машиной! — крикнул он.

Паппи и Кларенс следом за ним ввалились в такси.

— Чего? — спросил таксист.

Кларенс поднял пожарный топор. Водитель крякнул.

— Простите, — сказал он. — Разве нельзя спросить? — И он двинулся за ушедшей машиной.

Сноровка водителя помогла им разобраться в путанице улочек нижнего города. Преследуемая машина свернула на Третью авеню и погнала вниз прямо к реке. Они мчались в пятидесяти ярдах следом за ней, пока не выбрались на трассу, где не было ограничения скорости.

— Вы будете снимать на ходу? — спросил водитель.

— Что снимать?

— Разве это не киносъемка?

— О господи, конечно нет! В той машине похитители детей! Скорее!

— В этом я не участник! — И водитель резко затормозил.

— За ними! — Пит схватил топор и занес его над головой водителя.

Машина снова набрала скорость.

— Это кончится аварией. У них мотор сильнее.

Паппи схватил Пита за руку.

— Это Китти!

— Где? С ума сойти!

— Снижайся! — закричал Паппи. — Китти, эй, Китти, ты над нами!

Смерчик описал петлю в воздухе и поравнялся с машиной.

— Здравствуй, малышка! — обратился к ней Паппи. — Гони за тем такси! Вперед — и *достань* его!

Китти, не понимая, смущенно качнулась на ходу. Паппи объяснил ей еще раз — и она вихрем сорвалась с места, подняв в воздух кучу мусора и бумаг.

Они видели, как Китти настигла переднюю машину и, резко обрушившись вниз, швырнула в лицо водителю весь бумажный мусор, который тащила с собой. Машину кинуло в сторону, она ударилась о боковое ограждение и, отлетев рикошетом, врезалась в фонарный столб.

* * *

Пять минут спустя Пит, оставив на попечение Китти и Кларенса, вооруженного все тем же пожарным топором, двух охающих от ссадин типов, одну за другой скармливал монеты телефону-автомату.

— Соедините меня с Федеральным бюро расследований, — наконец скомандовал он, — кто там ведает похищением граждан. Вы должны знать — Вашингтон, округ Колумбия. И побыстрее!

— Господи, — сказали на другом конце провода, — вы что же думаете, я их номера наизусть знаю?

— Поторопитесь!

— Сию секунду!

Через минуту в трубке прорезалось:

— Федеральное бюро расследований.

— Соедините меня с Гувером! Что? Ну хорошо, хорошо, я поговорю с вами. Послушайте, тут такая любопытная штука… Мы их взяли с поличным, вот только что, но если ваши ребята из местного отделения не поспеют раньше городских полицейских, ничего не получится. Что? — Пит успокоился и членораздельно объяснил, кто он такой, откуда звонит и что, собственно, случилось. Его выслушали, все время притормаживая, когда он пытался набирать скорость, и пообещали, что местное отделение ФБР тотчас же будет оповещено.

Пит вернулся к месту аварии как раз в тот момент, когда лейтенант Дамброски вылезал из патрульной машины. Пит прибавил шаг.

— Не делайте этого, Дамброски! — закричал он.

— Не делать чего?

— Ничего не делайте. ФБР уже направляется сюда, а вы и так по уши в дерьме. Не усугубляйте ситуацию.

Пит показал на пойманных. На одном из них сидел Кларенс, уперев острие топора в спину другому.

— Песня этих пташек уже спета. И не только их. Так что вам имеет смысл поспешить, чтобы успеть на самолет до Мехико.

Дамброски посмотрел на него.

— Слишком ты умный, — не очень решительно сказал он.

— Поговорите с ними. Они готовы во всем признаться.

Один из типов поднял голову.

— Нам угрожали, — сказал он. — Уберите их, лейтенант. Они напали на нас.

— Давай, давай, — весело сказал Пит. — Вали все в кучу. Расскажи что-нибудь интересненькое до того, как приедет ФБР. Может, тебе и полегчает.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

Дамброски дернулся.

— Уберите этот топор!

— Делай, что он говорит, Кларенс. И подготовь камеру к той минуте, когда подъедут люди из ФБР.

— Никого из ФБР вы не вызывали!

— Обернитесь!

Рядом с ними бесшумно остановился темно-синий «седан», и из него вышли четверо приземистых людей. Первый из них спросил:

— Есть тут кто-нибудь по имени Питер Перкинс?

— Это я, — сказал Пит. — Что вы скажете, если я вас поцелую?

* * *

Было позднее вечернее время, но стоянка для машин, заполненная людьми, гудела от голосов. По одну сторону возвышались призывы к выборам нового мэра и там собирались почетные гости; по другую уже стояла эстрада для духового оркестра, освещенный лозунг над нею гласил:

«ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КИТТИ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА».

В центре огороженной площадки Китти изгибалась, носясь из стороны в сторону, кружилась и танцевала. Пит стоял у одного конца ограды, Паппи — у другого; вокруг на расстоянии четырех футов друг от друга стояли детишки.

— Готовы? — громко спросил Пит.

— Готовы, — ответил Паппи. И тогда они все вместе — Пит, Паппи и дети — стали кидать в центр круга ленты серпантина. Китти, подхватив, разматывала их и обвивала вокруг себя.

— Конфетти! — скомандовал Пит. И каждый швырнул по горсти пестрых кружочков — только несколько из них смогли коснуться земли.

— Шарики! — крикнул Пит. — Свет! — И ребята стали торопливо надувать воздушные шарики двенадцати цветов. Шарики один за другим тоже скормили Китти. Ударили лучи прожекторов, автомобильных фар и фонарей. Китти превратилась в кипящий и извивающийся цветной фонтан высотой в несколько этажей.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Щелкай!

Человек, который торговал слонами[29]
Рассказ

Дождь струился по окнам автобуса. Джон Уоттс сидел у окна, любуясь поросшими лесом холмами. Ему было хорошо, несмотря на плохую погоду. Когда он ехал, двигался, путешествовал, боль одиночества почти проходила. В дороге он мог закрыть глаза и представить, что Марта, как прежде, сидит рядом с ним.

Они всегда путешествовали вместе; еще медовый месяц они провели, разъезжая по территории, на которой он вел свою торговлю. Вскоре они проехали почти всю страну — по трассе № 66, где вдоль дороги стоят индейские хижины; по трассе № 1 — той самой, что проходит через округ Колумбия и столицу; по Пенсильванской магистрали, что стремительно пробегает сквозь множество тоннелей в горах… Он сидел за баранкой, а Марта на соседнем сиденье сверялась с дорожными картами и считала расстояние до

---

[29] Примечания: 29
Перевод П. Вязникова

следующей остановки.

Как-то, вспомнил он, одна из знакомых Марты спросила:

— Но, дорогая, неужели тебе еще не надоела такая жизнь?

И он как будто снова услышал смех Марты:

— Надоела? Да ведь у меня же есть целых сорок восемь огромных и прекрасных штатов, и каждый надо посмотреть как следует; как же это может надоесть? Вдобавок каждый раз видишь что-то новое — ярмарки, выставки и все такое…

— Но когда ты видела одну ярмарку, можешь считать, что видала их все…

— Да? По-твоему, нет никакой разницы между Фиестой в Санта-Барбаре и Фортсвортской выставкой тучного скота? И потом, — добавила она, — мы с Джонни — провинциалы от природы; мы страсть как любим, знаешь, приехать в город и разевать рот на все эти высоченные дома, да так, чтоб веснушки во рту пошли!

— Но нельзя же так легкомысленно относиться к жизни, Марта!.. — Женщина повернулась к Джону. — Джон, ну а ты что скажешь? Не пора ли и вам остепениться: обзавестись наконец домом и постараться добиться чего-то существенного в жизни?

Как его раздражали такие умники!

— Это все — ради наших опоссумов, — с самым серьезным видом ответил он тогда. — Очень уж они любят путешествовать.

— Опо… опоссумов? Марта, о чем это он?

Марта весело покосилась на мужа, а потом ответила с каменным лицом:

— О, дорогая, извини, забыла тебя предупредить. Видишь ли, Джонни выращивает в пупке таких ма-аленьких опоссумов…

— У меня там места достаточно, — подтвердил он, похлопав себя по круглому пузу.

Это добило непрошеную советчицу. А вообще Джон так и не научился терпимо относиться к людям, которые любят давать советы «для твоей же пользы».

Однажды Марта прочла где-то, что весь помет самки опоссума — несколько новорожденных опоссумчиков — занимает чуть больше чайной ложки, причем иногда пятерым-шестерым из бедняжек даже не хватает места в материнской сумке.

Тут же они организовали Общество по спасению и взращиванию остальных шестерых маленьких опоссумов, а сам Джонни был единогласно — то есть одним голосом Марты — избран

в качестве местоположения приюта опоссумов имени папы Джонни.

Были у них и другие воображаемые зверушки. Они с Мартой когда-то очень хотели иметь детей; детей они так и не дождались, но с ними поселилась целая компания невидимых маленьких животных: мистер Дженкинс — маленький серый ослик, который давал им советы относительно мотелей; Бурун-Дик — говорящий бурундук, живший в бардачке их машины; Mus Pristavalus, мышь-путешественница — эта никогда не разговаривала, а только кусалась в неожиданные моменты (чаще всего она хватала Марту за колени).

Теперь они все исчезли; они как бы выцветали постепенно, лишенные веселого, заразительно-жизнелюбивого духа Марты, который поддерживал их силы. Даже Биндльстиф[30], хоть и не был невидимым, — даже он покинул Джона. Биндльстифом они назвали пса, которого подобрали на обочине дороги глубоко в пустыне, дали ему воды, сахара — и получили взамен его большое, снисходительное к хозяйским слабостям сердце. С тех пор Биндльстиф ездил с ними

[30] Примечания: 30

Биндльстиф (амер. англ.) — бродяга или странствующий сезонный рабочий, который таскает с собой одеяло в виде скатки.

повсюду — пока, вскоре после Марты, не пришел его черед уходить.

Интересно, подумал Джон Уоттс, а где сейчас Биндльстиф? Бегает на свободе, на собачьей звезде — Сириусе, где кишмя кишат кролики и повсюду стоят мусорные баки без крышек?.. Впрочем, скорее всего, он сейчас с Мартой — то сидит у нее в ногах, а то просто путается под ними. Во всяком случае, Джонни надеялся, что это так.

Он вздохнул и обвел взглядом пассажиров автобуса. Хрупкая старушка напротив перегнулась через проход и осведомилась:

— На ярмарку едете, молодой человек?..

Он вздрогнул. «Молодым человеком» его не называли уже лет двадцать.

— А?.. да, конечно.

Здесь все ехали на ярмарку: специальный рейс.

— Любите, значит, ярмарки?

— Очень.

Он понимал, что пустые вопросы старушки — просто формальные гамбиты, уловки для начала разговора. Впрочем, он ничего не имел против: одиноким старикам и старушкам часто нужно побеседовать с незнакомыми людьми; он и сам теперь тоже постоянно чувствовал такую

потребность. Кроме того, бодрая старушенция ему сразу понравилась. Она казалась ему самим воплощением духа Америки, живо напомнив о собраниях прихожан и кухнях на фермах… и о фургонах первых колонистов.

— И я их люблю, — продолжала старушка. — Я ведь и сама несколько раз выставлялась. С айвовым вареньем и вышивкой «Переход Иордана».

— Могу поспорить, без призов не обошлось.

— Было дело, — призналась она, — но вообще-то, я просто люблю бывать на ярмарках. Между прочим, меня звать Альма, миссис Альма Хилл Эванс. Ну, мой мистер Эванс был знаток по этой части. Взять хоть открытие Панамского канала… впрочем, вам-то откуда это помнить!..

Джон Уоттс вынужден был признать, что на открытии канала он не был.

— Да это ничего, — успокоила она. — То была не самая лучшая ярмарка. А вот ярмарка в девяносто третьем — это да, вот это была ярмарка так ярмарка! С тех пор я не упомню ни одной, чтоб хоть в подметки годилась.

— Может быть, нынешняя?..

— Нынешняя? Фу и тьфу, вот и весь сказ. Здорова, конечно, да только размер — это, знаете, еще не размах.

Тем не менее Всеамериканская выставка-ярмарка будет, конечно, самой большой выставкой, быть может, всех времен — и самой лучшей. Если бы Марта была с ним — это был бы просто рай…

Старушка поменяла тему беседы:

— Вы ведь коммивояжер?

Он помедлил, потом ответил:

— Да.

— Я-то такие вещи сразу вижу. И чем торгуете, молодой человек?

На этот раз он колебался дольше, но все же сказал ровным голосом:

— Я торгую слонами.

Старушка внимательно посмотрела на него, и он было хотел объяснить свои слова — но верность Марте заставила его сдержаться. Марта всегда настаивала, чтобы они говорили о своем деле только серьезно — никаких объяснений, никаких извинений.

Они придумали это, когда Джон собрался на пенсию; сначала-то они говорили о домике, акре земли и полезном досуге — кролики там, редиска и все такое. Но потом, когда они в последний раз ехали по торговому маршруту, Марта после долгого молчания объявила:

— Джон, ты не хочешь бросить путешествия.

— А?.. Не хочу?.. Ты хочешь сказать, мы должны продолжать торговлю?

— Нет, с этим все. Но и врастать в землю нам незачем.

— Тогда что ты хочешь делать? Бродяжить, на манер цыган каких-нибудь?

— Не совсем так. Я думаю, мы должны найти себе новый товар.

— Скобяные изделия? Обувь? Женское готовое платье?

— Нет. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Но мы должны торговать чем-то. Это даст цель поездкам. Я думаю, наш товар не должен иметь большого оборота — тогда наша разъездная территория могла бы охватить все Соединенные Штаты.

— Может, линкоры?

— Нет, линкоры вроде вышли из моды. Но это близко. Что-то такое…

В это время они проехали мимо какого-то амбара, на котором висела потрепанная цирковая афиша.

— Нашла! — воскликнула Марта. — Слоны! Мы будем торговать слонами!

— Слонами?.. Гм. Пожалуй, будет трудновато возить с собой образцы.

— Обойдемся без образцов. В конце концов, всякий знает, как выглядит слон. Правда, мистер Дженкинс?

Невидимый ослик был, как всегда, согласен с Мартой — и вопрос решился.

Марта знала, как подойти к делу.

— Сначала разведаем рынок. Придется прочесать все Штаты вдоль и поперек, прежде чем начать принимать заказы!

И целых десять лет они разведывали рынок. Прекрасный предлог посетить каждый зоопарк, каждую ярмарку, выставку скота, цирк, любое другое интересное место и событие где бы то ни было — ведь везде могли найтись возможные покупатели. Они включили в свою разведку даже национальные парки и прочие достопримечательности: кто знает, где может неожиданно и срочно понадобиться слон?

Марта держалась крайне солидно и записывала в блокнотик с загнутыми и потрепанными уголками:

«Асфальтовые ямы в Ла-Бри: излишки слонов вышедшего из употребл. типа, ок. 25 000 лет назад»;

«Филадельфия — продать как минимум 6 шт. для Лиги союза Штатов»;

«Брукфильдский зоопарк в Чикаго — африканск. слоны, редкий вид»;

«Гэллап, Нью-Мексико — к востоку от города каменные слоны, оч. красивые»;

«Риверсайд, Калифорния, парикмахерская „Слон“: уговорить владельца купить слона в кач. талисмана»;

«Портленд, Орегон — запросить Ассоциацию пихт Дугласа. Прочесть им „Дорогу на Мандалай“[31]. То же — для группы Южной Сосны. NB: кстати, не забыть съездить на мексиканское побережье сразу после родео в Ларами».

Десять лет — и они наслаждались каждой милей этих десяти лет. Разведка рынка так и не была завершена, когда Марту забрали у него. Любопытно, подумал Джон, она и святого Петра успела расспросить насчет положения со слонами в Небесном граде?.. Он готов был спорить на четвертак, что Марта такой случай упустить не могла.

Но он не мог признаться незнакомой старушке, что торговля слонами — просто предлог, придуманный его покойной женой, чтобы разъезжать по стране, которую они любили.

---

[31] Примечания: 31

«Дорога на Мандалай» — стихотворение Р. Киплинга.

Однако старушка не стала слишком уж совать-ся в чужие дела.

— А я вот знавала человека, который продавал мангустов, — сказала она. — Или надо говорить «мангуст»?.. Он еще занимался уничтожением крыс и мышей, и — эй, что это наш водитель делает?!

Только что огромный автобус легко катил по дороге, невзирая на ливень. А в следующий миг его занесло, он заскользил, устрашающе медленно накренился — и врезался во что-то.

Джон Уоттс ударился головой о спинку переднего кресла. Слегка оглушенный, он ворочался, пытаясь сообразить, где он и что с ним; но тут высокое уверенное сопрано миссис Эванс помогло ему сориентироваться:

— Не из-за чего так волноваться, друзья! Я ожидала чего-то такого — но, как видите, все в порядке!

Джон Уоттс вынужден был признать, что, по крайней мере, сам он в порядке и нисколько не пострадал. Он близоруко прищурился, озираясь, затем пошарил по накренившемуся полу в поисках очков. Очки нашлись, но они были разбиты. Джон пожал плечами и отложил очки: когда они доберутся до места, он сможет взять запасную

пару из багажа. Она где-то там, в одной из сумок.

— Ну а теперь можно выяснить, что, собственно, произошло, — объявила миссис Эванс. — Пойдемте, молодой человек, посмотрим.

Он послушно поплелся за старушкой.

Правое переднее колесо автобуса на манер обессилевшего пьяницы налегло на высокий бордюр, ограждавший дорогу на подъезде к мосту через каньон.

Водитель стоял под дождем, ощупывая порез на щеке.

— Я ничего не мог поделать, — повторял он. — Пес бежал через дорогу, я пытался его объехать…

— Вы могли нас всех поубивать! — крикнула какая-то дама.

— Незачем плакать, пока не больно, — посоветовала ей миссис Эванс. — И давайте-ка заберемся обратно в автобус, пока водитель сходит и позвонит, чтобы нас вытащили отсюда.

Джон Уоттс задержался, чтобы взглянуть с обрыва в каньон, куда они чуть не грянулись. Он перегнулся через ограждение и увидел крутой обрыв, а под ним — острые скалы самого зловещего вида. Его разобрала дрожь, и он поспешил укрыться в автобусе.

Аварийщики и резервный автобус прибыли

очень быстро — впрочем, может быть, Джонни просто задремал. Скорее всего, последнее — потому что дождь уже, оказывается, перестал, и в разрывах туч сияло солнце. Водитель резервного автобуса сунул голову в дверь и бодро крикнул:

— Вперед, братцы! Теряем время! Вылезайте отсюда и полезайте ко мне!

Джон и в самом деле заспешил и оступился, поднимаясь в салон второго автобуса. Новый водитель поддержал его.

— В чем дело, папаша? Ушиблись, похоже?

— Да нет, спасибо. Я в порядке.

— Разумеется, папаша. Лучше некуда.

В автобусе он увидал свободное место возле миссис Эванс и устремился туда. Старушка улыбнулась ему.

— Замечательный день сегодня. Как в раю!

Он согласился. День в самом деле был великолепным, по крайней мере теперь, когда прошла гроза. Огромные облака плыли в теплом синем-синем небе, чудесно пахло чисто умытым асфальтом, напоенными дождем полями и зеленью — он откинул спинку сиденья и наслаждался. А тут еще заблестела на востоке, через все небо, сказочно яркая двойная радуга. Увидав ее, Джон тут же загадал два желания — одно за себя, другое

за Марту. Краски радуги, казалось, отражаются во всем вокруг — даже пассажиры в автобусе будто бы стали моложе, счастливее, лучше одеты. Сам он тоже чувствовал себя чудесно, и ноющая боль одиночества почти оставила его.

Они добрались до места назначения просто в два счета; новый водитель не только нагнал потерянное время, но, похоже, и обогнал график. Их встречала перекинутая через дорогу арка с надписью: «Всеамериканская ярмарка и выставка искусств», и ниже: «Да пребудет с вами мир и благоволение»[32].

Они въехали под арку и остановились.

Миссис Эванс подскочила.

— У меня здесь встреча — надо бежать! — объяснила она и засеменила к двери. Обернувшись у выхода, она крикнула: — До скорого, молодой человек! Встретимся на Главной улице! — И исчезла в толпе.

Джон Уоттс вышел последним и обернулся к водителю:

— Да… э-э-э… вот насчет моего багажа. Я бы хотел…

Но водитель уже снова завел мотор.

---

[32] Примечания: 32

Имеется в виду цитата из Библии: «На земле мир, и в человецех благоволение» (Лк. 2: 14).

— О багаже не беспокойтесь! — крикнул он. — О вас позаботятся!

И огромный автобус отъехал.

— Но… — Джон Уоттс замолчал: все равно автобус уехал. В общем, ничего страшного, конечно, но как он будет без очков-то?

За его спиной весело шумел праздник, и это решило дело. В конце концов, подумал он, это подождет до завтра. Если что-то интересное будет слишком далеко от его близоруких глаз — он подойдет поближе, вот и все.

Решив так, он встал в хвост очереди у ворот и вскоре прошел в них.

И оказался, безусловно, в гуще величайшего праздника из всех, какие когда-либо придумывались к вящему поражению человечества. Вдвое больше, чем все, что есть у вас за окнами, вдвое шире всего белого света; ярче самых ярких ламп, новее новехонького — потрясающий, величественный, захватывающий дух и повергающий в трепет, огромный и суперколоссальный — и еще веселый и интересный. Каждый штат, каждый город и каждая община Америки прислали все лучшее, что у них было, на это великолепное

празднество. Чудеса Ф. Т. Барнума[33], Рипли[34] и всех наследников Тома Эдисона[35] были собраны вместе. Со всех концов бескрайнего континента привезли сюда все дары и сокровища богатой и щедрой земли и творения изобретательного и трудолюбивого народа, — а заодно и праздники этого народа, сельские и городские, все ярмарки, все представления, юбилеи и годовщины, шествия и гулянья, карнавалы и фестивали. Результат вышел столь же американским, как клубничный пирог, и таким же грубовато-ярким, как рождественская елка, — и все это сейчас раскинулось перед ним, шумное, полное жизни, запруженное праздничными, веселыми толпами.

Джонатан Уоттс набрал полную грудь воздуха и очертя голову нырнул в этот пестрый водоворот.

Он начал с Фортсвортской Юго-Западной выставки-ярмарки тучного скота — и целый час лю-

---

[33] Примечания: 33

Ф. Т. Барнум (1810–1891) — основатель самого известного цирка США, знаменитый деятель шоу-бизнеса.

[34] Примечания: 34

Дж. Рипли (1802–1880) — американский религиозный философ, социалист-утопист и общественный деятель.

[35] Примечания: 35

Т. А. Эдисон (1847–1931) — знаменитый изобретатель и промышленник.

бовался кроткими беломордыми волами, каждый из которых был шире и квадратнее конторского стола, и спина каждого была столь же плоской и необъятной, и каждый был вымыт и вычищен до блеска, и шерсть каждого аккуратно расчесана на пробор от головы до крупа; любовался крохотными однодневными черными ягнятами на подгибающихся, точно резиновые, ножках — ягнята по молодости лет даже не осознавали еще своего существования; тучными овцами со спинами, почти столь же широкими, что и у волов, — а серьезные пареньки-работники все подравнивали и прихлопывали завитки шерсти, дабы поразить придирчивых судей и получить вожделенный приз. А рядом шумела Помонская ярмарка с тяжеловесными першеронами и изящными рысаками-паломинцами со знаменитого ранчо Келлога. Тут же, разумеется, и бега — они с Мартой всегда любили бега. Он выбрал упряжку с верным, как ему казалось, претендентом на победу — рысаком из прославленной линии Дэна Пэтча[36], поставил — и выиграл и тут же поспешил дальше, потому что надо было увидеть еще так много интересного! Ведь тут же, рядом, раски-

[36] Примечания: 36

Дэн Пэтч — скаковой конь, в 1905 г. поставивший рекорд скорости, который продержался до 1938 г.

нулись и другие ярмарки: Йакимская яблочная, Вишневый фестиваль Бьюмонта и Бэннинга, Персиковая ярмарка Джорджии. Где-то наяривал оркестр: «О Айова, о Айова — край высокой кукурузы!..»

В этот момент Джон Уоттс наткнулся на розовый ларек с розовой сахарной ватой.

Марта сахарную вату обожала. На Мэдисон-сквер-гарден или на Большой окружной ярмарке — словом, где бы то ни было, — Марта первым делом направлялась туда, где торговали сахарной ватой.

— «Большую порцию, дорогая?» — пробормотал он себе под нос с полной иллюзией того, что стоит сейчас обернуться — и он увидит, как она весело кивает.

— Большую, пожалуйста, — сказал он продавцу.

Пожилой продавец явно и сам принимал участие в карнавале — на нем был черный фрак и белая крахмальная манишка. Он с великим достоинством и важностью обращался с огромными комьями сладкой розовой паутины. Свернув фунтик из бумаги, он с торжественной важностью поднес заказчику эту уменьшенную модель рога изобилия. Джонни протянул ему полдоллара.

Продавец с поклоном принял монету, разжал пальцы — и монета исчезла. Что, и все? А сдача?..

— А что… вата у вас по пятьдесят центов? — неуверенно и застенчиво спросил Джонни.

— Что вы, сэр. — Старый фокусник извлек монету из лацкана Джонни и, поклонившись, вручил ее владельцу. — Это за счет заведения — я вижу, вы участник. И в конце концов, что значат деньги?..

— Э-э-э… ну то есть спасибо, конечно, но… э-э-э… я, видите ли, не то чтобы участник, знаете, — я…

Старик пожал плечами.

— Если *вам* угодно сохранять инкогнито — кто я такой, чтобы оспаривать *ваши* решения? Но ваши деньги тут недействительны.

— Э-э-э… если вы так считаете…

— Сами увидите.

Тут Джонни почувствовал, как что-то потерлось о его ногу. Это был пес той же породы… то есть той же беспородности, что и Биндльстиф. Пес взирал на него снизу вверх и с обожанием вилял хвостом — даже не хвостом, а всем, что было позади ушей.

— Эй, привет, старина! — Он потрепал пса по спине, и его глаза затуманились: собака и на

ощупь была точь-в-точь как Биндльстиф. — Ты что, парень, потерялся? Вот и я тоже. Может, нам стоит держаться вместе? Кстати, ты не голоден?

Пес лизнул ему руку. Джонни повернулся к продавцу сахарной ваты.

— Где тут можно купить сосисок?

— Прямо позади вас, сэр. На той стороне улицы.

Джонни поблагодарил, свистнул псу и поспешил через улицу.

— Полдюжины хот-догов, пожалуйста.

— Сию секунду! Просто с горчицей или с полным гарниром — лук, салат и прочее?

— О, простите. Я хотел их сырыми — это для собаки.

— Ясно. Получите!

Продавец протянул ему шесть «венских» сосисок, завернутых в бумагу.

— Сколько с меня?

— С наилучшими пожеланиями — за счет заведения.

— Простите?..

— Знаете, говорят: «У всякого пса есть свой счастливый день». Так вот, сегодня такой день у него.

— О! Что ж, спасибо.

Он услышал, что праздничный шум вокруг усилился, — и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как проходят первые платформы жрецов Паллады, прямо из Канзас-Сити. Его новый приятель тоже увидел процессию и залаял.

— Тихо, старик, тихо!

Он принялся разворачивать пакет с сосисками; тут кто-то на другой стороне улицы свистнул — пес метнулся на звук, проскочив между колесниц, и был таков. Джонни рванулся было следом, но ему сказали, что придется подождать, пока пройдет процессия. Между колесницами он пару раз заметил пса — тот весело прыгал вокруг какой-то женщины. Из-за сверкания огней на платформах и, конечно, ввиду отсутствия очков он не мог разглядеть ее, но было ясно, что пес с ней знаком — он приветствовал ее с тем искренним и безграничным энтузиазмом, какой доступен лишь собакам.

Он поднял пакет с сосисками и помахал им женщине; та помахала в ответ, но грохот оркестра и шум толпы не дали им возможности обменяться словами. Тогда он решил полюбоваться пока шествием, а когда оно кончится — найти дворнягу и ее хозяйку. Сразу, как пройдет последняя платформа…

Насколько он мог судить, это был лучший парад жрецов Паллады изо всех, что ему приходилось видеть. Кстати: этот парад не проводили уже довольно много лет. Наверно, возродили его специально к этой ярмарке.

Да, это вполне в духе Канзас-Сити, большого маленького города. Самый его любимый город. Вряд ли есть другие, сравнимые с ним… разве что Сиэтл. И конечно, Новый Орлеан.

И Дулут. Чудесный город. Ах да, еще Мемфис… А хорошо бы быть владельцем автобуса: из Мемфиса — в Сент-Джо, из Натчеза — в Мобил…

Мобил — вот замечательное место!..

Парад прошел, за ним спешила галдящая толпа ребятишек. Джонни поспешил через улицу. Женщины не было — ни ее, ни пса. Он еще раз внимательно огляделся. Нет, собаки не видно. И женщины тоже.

Он побрел, куда глядели глаза, готовые к новым чудесам ярмарки. Но думал он о собаке. Пес действительно был точь-в-точь как Биндльстиф… и он хотел бы познакомиться с его хозяйкой: женщина, которой нравится такой пес, сама должна быть отличным человеком и вполне в его духе. Он купил бы ей мороженого, а может, и уговорил бы дойти с ним до Главной улицы. Марта бы это

одобрила. Марта бы, конечно, знала, что ничего дурного у него на уме нет.

И потом, кто примет всерьез немолодого толстого коротышку?

Но вокруг было столько всего чудесного, что для таких мыслей места не осталось. Он вдруг оказался в самой гуще Зимнего карнавала из Сент-Пола, сказочным образом перенесенного в лето. Пятьдесят лет он проходил в январе — но вот же он, здесь, на макушке лета, бок о бок с Пендельтонской ярмаркой, Праздником изюма из Фресно, Колониальной неделей из Аннаполиса. Джонни успел, правда, только к концу Зимнего карнавала, но все-таки успел как раз вовремя, чтобы увидеть свой самый любимый номер, труппу фигуристов «Олд смуфиз», которые ради такого случая, видимо, оставили заслуженный отдых и так же гладко, как в былые времена, скользили под звуки «Свети, сияй, полная луна…».

Его глаза снова затуманились, и очки тут были ни при чем.

Выбираясь из этой толпы, он наткнулся на плакат: «ДЕНЬ СЭДИ ХОКИНСА — ХОЛОСТЯКИ, НА СТАРТ!»

Хорошо бы принять участие, подумал он: вдруг женщина с псом окажется среди «старых дев»?..

Но вообще-то, он уже слегка устал; а тут как раз подвернулся еще один праздник, с катанием на пони и каруселями.

В следующий миг он уже был на карусели и с чувством благодарности вскарабкался в люльку в виде лебедя, из тех, куда обычно садятся взрослые, покуда дети мчатся на карусельных лошадках. Там уже сидел и читал книгу молодой человек.

— Извините, — обратился к нему Джонни. — Я не помешаю?

— Вовсе нет, — ответил молодой человек, откладывая книгу. — Больше того, может быть, вы именно тот человек, которого я ищу.

— Так вы кого-то ищете?

— Да. Видите ли, я частный детектив. Всегда мечтал стать сыщиком — и вот теперь наконец стал.

— Скажите-ка!

— Да. Понимаете, каждый ведь захочет когда-нибудь прокатиться на карусели, так что надо только ждать здесь. Ну конечно, я, бывает, околачиваюсь на Голливудском бульваре, на Вайне, Таймс-сквер или Канал-стрит[37], но тут я могу вдобавок посидеть и почитать.

---

[37] Примечания: 37

Знаменитые улицы разных городов США — Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Нью-Йорка и Нового Орлеана.

— Как же вам удается одновременно читать и высматривать кого-то?

— Просто я хорошо знаю эту книгу, — он показал обложку, это была «Охота на Снарка», — поэтому глаза у меня не заняты.

Джонни уже успел понравиться этот молодой детектив.

— И как, есть тут поблизости Буджумы?

— Нет, — не то мы бы уже «тихо, беззвучно исчезли»[38]. Хотя, с другой стороны, исчезни мы — кто бы это заметил, включая нас?.. Этот парадокс надо обдумать. Между прочим, сами-то вы тоже, случайно, не детектив?

— Нет… э-э-э… я торгую слонами. Вразъезд.

— Отличная профессия. Но, боюсь, тут по вашей части ничего нет. У нас здесь есть жирафы, — он теперь почти кричал, чтобы каллиопа[39] карусели не заглушала его, и осматривал карусельных зверей, на которых кружились гуляющие, — верблюды есть, пара зебр, целый табун лошадок… а вот слонов ни одного. Смотрите не пропустите

---

[38] Примечания: 38

Так исчезал всякий, повстречавший Снарка, если тот оказывался Буджумом (в поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка»).

[39] Примечания: 39

Каллиопа — паровой органчик, музыкальный инструмент с паровыми свистками, управляется с клавишной панели или при помощи механического устройства наподобие музыкальной шкатулки.

Большой парад; вот там уж будут вам слоны, сколько захотите!

— Не хотел бы пропустить его!

— Ни в коем случае! Это будет самый потрясающий парад всех времен, такой длинный, что он никогда не пройдет весь мимо неподвижного наблюдателя; и каждая миля Большого парада полным-полна чудес, и каждое чудо чудеснее предыдущего. Да, так вы не тот, кого я ищу?

— Не думаю. Но вот, кстати, не могли бы вы найти в этой толпе даму с собакой?

— Обещаю, что если она придет сюда — я дам вам знать. А вам стоило бы пройти на Канал-стрит. Женщины любят карнавалы, им нравится быть в маске — потому что, когда женщина в маске, это значит, что она может маску снять, когда захочет…

Джонни поднялся.

— А как пройти на Канал-стрит?

— Прямо через центр, мимо оперного театра, а там свернете на площадь Роз. Тогда уж глядите в оба — придется идти через секцию Небраски,

а Ак-Сар-Бен[40] в самом разгаре. Сами понимаете, там всякое может случиться. Оттуда попадете в Калаверас — осторожнее там с лягушками![41] — ну и выйдете как раз на Канал-стрит.

— Большое вам спасибо!

Джонни, следуя указаниям, двинулся в путь, не забывая поглядывать по сторонам в поисках женщины и пса. При этом он, не переставая изумляться, глазел на чудеса, сквозь которые пробирался и протискивался в веселой кутерьме. Пса он вскоре увидел, но другого — это был пес-поводырь, и это тоже было поразительно, ибо живые, ясные глаза его хозяина могли видеть все вокруг — и видели, и все-таки этот вполне зрячий человек ходил с собакой, причем именно пес вел хозяина, как будто иного образа передвижения оба не могли себе представить — или не желали.

Вскоре Джонни оказался на Канал-стрит, и иллюзия была столь полной, что было трудно поверить, что он не попал каким-то загадочным

---

[40] Примечания: 40

Ак-Сар-Бен («Небраска» наоборот) — ежегодная ярмарка штата. В рассказе упоминаются различные ярмарки, выставки и праздники США. Так, в округе Калаверас проводятся воспетые еще Марком Твеном состязания скачущих лягушек (упомянутые молодым человеком чуть ниже).

[41] Примечания: 41

См. рассказ Марка Твена «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса».

образом в Новый Орлеан. Карнавал был в самом разгаре: здесь отмечали Тучный вторник[42]; все в толпе носили маски. Джонни тоже обзавелся маской у лоточника и присоединился к гулянью.

Его поиски казались уже безнадежными. Улица была запружена зеваками, глазеющими на шествие Венеры. Дышать и то было непросто, а уж продвигаться да вдобавок искать кого-то — и вовсе невозможно. Бочком-бочком он выбрался на Бурбон-стрит — тут воспроизвели весь Французский квартал! — и увидел пса.

Он был абсолютно уверен, что это тот самый пес. Теперь на нем был клоунский костюмчик и маленький колпачок, но он был неотличимо похож на его пса. Тут же Джонни поправил себя: пес был неотличимо похож на Биндльстифа.

И теперь пес с благодарностью принял сосиску.

— А где же она, старина? — спросил Джонни.

Пес гавкнул и кинулся в толпу. Джонни попытался последовать за ним, но не мог: промежутки в толпе, пропускавшие пса, для Джонни были малы. Но духом он не пал: он уже раз нашел пса, найдет и другой. Вдобавок же именно на кар-

---

[42] Примечания: 42

Тучный вторник (Марди Гра) — католический праздник перед Великим постом — с карнавалами и маскарадами; празднуется целую неделю.

навале он когда-то встретил Марту — она была изящной Пьереттой, а он — толстым Пьеро. После маскарада они вместе встретили рассвет и еще до заката решили пожениться.

Теперь он оглядывал толпу в поисках женщины в костюме Пьеретты, будучи почему-то уверен, что неизвестная хозяйка пса нарядится именно так.

Все, все на этой ярмарке заставляло его вспоминать Марту чаще и сильнее обычного, если только это возможно. Как она ездила с ним по его торговому участку, как они отправлялись в путешествие, как только выдавалось свободное время. Закидывали в машину путеводитель Дункана Хайнса да две-три сумки — и в путь! Перед ними разматывается бесконечная лента дороги, Марта… сидит на соседнем сиденье, поет «Америка прекрасная», а он должен подтягивать: «И мрамор городов твоих слеза не омрачит!..»

Как-то она сказала ему, когда они плавно неслись по дороге… Где это было? В Черных горах? На плато Озарк? В Йосемитской долине?.. Не важно. Так вот, она сказала тогда:

— Джонни, тебе никогда не стать президентом, и мне не бывать первой леди. Но спорю на что угодно — не было и не будет президента, который

знал бы о Соединенных Штатах больше, чем мы с тобой. Беда в том, что у этих занятых, важных и нужных людей просто нет времени, чтобы по-настоящему увидеть Америку.

— Это замечательная страна, дорогая.

— Иначе ее и не назовешь. И я могла бы провести целую вечность, разъезжая по ней — торгуя слонами вместе с тобой, Джонни.

Он потянулся к ней и похлопал ее по колену. И навсегда запомнил это ощущение.

…Меж тем толпа в копии Французского квартала поредела; пока он мысленно возвращался в прошлое, гуляющие мало-помалу расходились. Джонни придержал за хвост красного чертенка:

— Куда это все направились?

— Как это куда — на парад, конечно!

— Большой парад?

— Да, они как раз сейчас строятся.

Чертик двинулся вперед, Джонни — за ним.

Тут его потянули за рукав.

— Ну как, нашли ее?

Это была миссис Эванс, слегка замаскированная черным домино. Под руку ее держал высокий пожилой Дядя Сэм[43].

---

[43] Примечания: 43

Карикатурная персонификация США — седой джентльмен с острой бородкой, в цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага.

— А?.. О, здравствуйте, миссис Эванс! О чем это вы?

— Не глупите. Вы нашли ее?

— Откуда вы узнали, что я кого-то ищу?

— Как же иначе?.. Ну ладно — удачных поисков, а нам пора.

И миссис Эванс со своим спутником исчезли в толпе.

Когда Джонни добрался до места, Большой парад уже начался. Но это было не важно — бесконечно большей части процессии еще только предстояло пройти. Как раз проходили зазывалы из калифорнийской Лиги падуба; за ними громыхало шествие победителей команд парадного строя. Потом шествовал укрытый священным покрывалом тайный пророк Хорасана со своей королевой любви и красоты — только что из пещеры на Миссисипи… потом — парад годовщины независимости из Бруклина, множество школьников со звездно-полосатыми флажками в руках… Парад роз из Пасадены — миля за милей убранных цветами платформ… индейская церемония пау-вау[44] из Флагстаффа: двадцать два

[44] Примечания: 44

Пау-вау — церемония заклинания; также собрание племен (слово происходит от титула шамана у индейцев наррагансет (Род-Айленд) — «имеющий видения», в связи с важной ролью шамана в собрании).

индейских народа, и каждый индеец нацепил не меньше чем на тысячу долларов украшений ручной работы. За коренными жителями страны ехал Баффало Билл[45] — дерзко торчит эспаньолка, огромная шляпа в руке, длинные волосы вьются по ветру. А вот делегация с Гавайских островов, с королем Камеамеа[46] во главе — он с королевской непринужденностью играет роль короля карнавала, а его подданные в венках и юбочках из свежайшей травы идут, приплясывая, позади, и раздают воздушные поцелуи: «Алоха!.. Алоха!..»[47] И несть этому конца! Исполнители кадрили из штата Нью-Йорк, дамы и джентльмены из Аннаполиса, танцоры кантри из Техаса; звучит турецкий марш; идут клубы любителей марш-парадов из Нового Орлеана; полыхают

---

[45] Примечания: 45

Баффало Билл (Уильям Ф. Коди, 1846–1917) с 14 лет служил гонцом только что организованной почтовой службы «Пони-экспресс»; в ходе Гражданской войны в США служил как разведчик и проводник в армии северян; известный участник индейских войн, герой Дикого Запада; прозвище получил за то, что прославился как охотник на буйволов (buffalo), чье мясо он поставлял для строителей железной дороги. Известен также как организатор выставки «Дикий Запад Баффало Билла» (с 1883 г.), которая с большим успехом в течение более чем двадцати лет демонстрировалась в США и Европе. В шоу также принимали участие индейский вождь Сидящий Бык и уникально меткий стрелок женщина Энни Окли. С 1901 г. Уильям Коди возглавлял военный колледж Коди и Международную академию трюковой верховой езды.

[46] Примечания: 46

Камеамеа I (ок. 1758–1819) — создатель Гавайского туземного королев-

ства, реформатор и борец с колонизаторами.

[47] Примечания: 47

Алоха — гавайское приветствие.

двойные факелы; знать раскланивается перед толпой — вот, к примеру, сам король зулусов со своей гладкокожей, коричнево-глянцевой свитой поют: «И всякий, кто был кем-то, сомневался в этом...».

А вот рождественская пантомима и, конечно, «За молодыми, за дружками, за свадьбой по улице!..» и «Ах, золотые туфельки!..». Праздновала сама страна, нет — нечто более древнее, чем страна, — скользящая джига плясунов в карнавальных костюмах, танец, который был молодым, когда род людской тоже был юн и праздновал рождение первой весны.

А вот клубы щеголей, и их президенты красуются в мантиях, каждая из которых стоит целого состояния, под стать королям и императорам, или закладной на дом и все имущество — и каждую несет полсотни пажей...

За ними бегут клоуны из «Либерти» и другие комики и наконец почти забытые уличные оркестры, и от их мелодий хочется плакать...

Джонни вспомнил сорок четвертый год — в тот год он впервые видел эти оркестрики. Тогда в них шагали старики да подростки, потому что мужчины ушли на войну. И еще было тогда на Броуд-стрит в Филадельфии то, чего никогда не

должно быть в новогодней процессии первого января: мужчины, которые не шли, а ехали — потому что, прости нас, господи, они не могли ходить…

Джонни вновь открыл глаза — и действительно увидел открытые автомобили, медленно двигавшиеся в процессии. В них ехали раненые последней войны и один солдат «Великой армии Республики» в цилиндре и с руками, сложенными на набалдашнике трости. Джонни затаил дыхание. Автомобили один за другим останавливались, не доезжая немного до судейской трибуны, ветераны выходили и, помогая друг другу, сами преодолевали последние футы — ковыляли, прыгали или ползли, но сами проходили мимо трибуны, оберегая честь своих клубов и обществ.

И новое чудо — инвалиды не сели снова в машины, нет — они сами бодро зашагали по Броуд-стрит, лишь только миновали трибуну.

…Теперь это уже был Голливудский бульвар в Лос-Анджелесе, загримированный под улицу Санта-Клауса в постановке куда более великолепной, чем любая из всех когда-либо осуществ-

ленных Страной целлулоидных грез[48]. Тысячи девочек-снежинок и девочек-звездочек, подарки и сладости для всех детей — в том числе и для тех, которые давно уже выросли. Наконец появилась колесница Санта-Клауса — такая огромная, что ее трудно было охватить одним взглядом, настоящий айсберг, может быть, весь Северный полюс; и по обеим сторонам Святого Николая (для друзей — просто Санта!) ехали Джон Бэрримор[49] и Микки-Маус.

А позади гигантской ледяной платформы притулилась жалкая фигурка. Джонни прищурился и узнал Эммета Келли[50], первого среди клоунов, в знаменитой роли Бедняги Уилли. Уилли не веселился — он дрожал и ежился, и Джонни не знал, смеяться ему или плакать. Мистер Келли всегда так действовал на него.

А потом шли слоны.

Большие слоны, маленькие слоны и средние слоны — от крошки Морщинки до гиганта Джам-

---

[48] Примечания: 48

Имеется в виду Голливуд.

[49] Примечания: 49

Дж. Бэрримор (1892–1942) — американский актер и художник-иллюстратор.

[50] Примечания: 50

Эммет Келли (1898–1978) — американский комик, создатель образа Бедняги Уилли — вечного неудачника.

бо…[51] а с ними Ф. Т. Барнум, Уолли Бири[52], Маугли…

На противоположной стороне шествия возникло волнение: один из участников кого-то отгонял. Тут Джонни разглядел, что гонят того самого пса. Он посвистел; пес на миг растерялся, но затем заметил Джонни, бросился к нему и прыгнул в его объятия.

— Так и сиди, — велел Джонни, — не то тебя и затопчут ненароком!

Пес лизнул его в лицо. Он уже успел потерять где-то свой клоунский костюмчик, колпачок съехал и болтался под шеей.

— Где ты пропадал? — спросил Джонни. — И где твоя хозяйка?

Подходили последние слоны — трое в ряд. Они тянули огромную колесницу.

Прозвучали фанфары, и процессия остановилась.

— Почему они встали? — спросил Джонни соседа.

— Погодите минутку. Сами сейчас увидите.

---

[51] Примечания: 51

Морщинка (Ринкл; можно перевести и как «ловкий трюк») и *Джамбо* (Гигант) — прославленные слоны цирка Барнума.

[52] Примечания: 52

Уолли Бири (1886–1949) — американский актер.

Церемониймейстер Большого парада уже спешил от своего места во главе процессии. Он скакал на черном жеребце и выглядел очень браво в своих ботфортах, белых бриджах, визитке и цилиндре. Он скакал и оглядывал толпу.

Остановился он прямо перед Джонни.

Джонни прижал к себе пса.

Церемониймейстер спешился и склонился в поклоне. Джонни оглянулся, пытаясь понять, перед кем тот так расшаркивается. Но церемониймейстер взял цилиндр наотлет и посмотрел прямо в лицо Джонни.

— Вы, сэр, Человек, Который Торгует Слонами? — Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— А?.. Ну… да.

— Приветствую вас, государь! Ваше величество, прошу — ваша королева и ваша свита ждут вас! — И церемониймейстер повернулся, как бы указывая дорогу.

Джонни ахнул и прижал Биндльстифа к себе. Церемониймейстер подвел его к запряженной слонами колеснице. Пес выскочил у него из-под руки и вспрыгнул на колесницу — прямо на колени к сидящей в ней даме. Та ласково потрепала его и гордо, счастливо посмотрела на Джонни Уоттса, и щеки ее радостно разрумянились, как

половинки гранатовых яблок[53].

— Привет, Джонни! Добро пожаловать домой, милый!

— Марта… — всхлипнул он.

Король пошатнулся, но удержался на ногах, и поднялся в колесницу, и упал прямо в объятия своей королевы.

Впереди снова мелодично пропела труба, и парад двинулся вперед, в свой бесконечный путь…

[53] Примечания: 53
Аллюзия на библейскую «Песнь Песней».

Операция «Кошмар»[54]
Рассказ

— Тебе всего-то и нужно четыре очка… Бросай же!

— Спорим, что я выброшу сейчас две двойки?

Никто не отозвался на это предложение. Пожилой солдат побренчал костями в стакане и швырнул их о стенку гальюна. Один кубик сразу же лег двойкой кверху, другой продолжал кувыркаться.

Кто-то заорал:

— Пятерка! Ей-богу, пятерка! Ну давай же, Фиб!

Кубик остановился. Двойка. Пожилой солдат сказал:

— Я ж говорил, что со мной лучше не связываться. Ну, кому еще охота заработать деньжонок на сигареты?

— Хватит, папаша! Мы не… Смирр-на!

В дверях гальюна стояли человек в штатском, полковник и капитан. Штатский сказал:

— Верни деньги, Пистолет!

---

[54] Примечания: 54
Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер

— О'кей, проф, — пожилой солдат вытащил из банка две долларовые бумажки, — эти — мои.

— Как бы не так, — возмутился капитан. — Я конфискую все как вещественное доказательство. А вы, ребята…

Его прервал полковник:

— Майк, забудьте хоть на минуту, что вы адъютант. Рядовой Эндрюс, следуйте за нами. — Он вышел, остальные — следом. Они прошли через клуб для рядового состава и оказались на плацу под яростным солнцем пустыни.

Гражданский сказал:

— Пистолет, какого черта…

— Чепуха, проф, попрактиковался немножко.

— А почему бы тебе не попрактиковаться с Бабулей Уилкинс?

Солдат фыркнул:

— Вы что, за дурака меня держите?

Вмешался полковник:

— Ты заставил ждать себя целую кучу генералов и других важных лиц. Вряд ли это свидетельствует о большом уме.

— Полковник Хэммонд, мне было приказано дожидаться в клубе.

— Но не в гальюне же. А ну подтянись!

Они вошли в холл штаба, где часовые прове-

рили их документы, прежде чем пропустить дальше. В комнате, заполненной людьми, какой-то штатский говорил:

— …на этом можно и закончить рассказ об исторических опытах в университете Дьюка. А вот и доктор Рейнолдс вернулся. Сейчас он приступит к демонстрации…

Офицеры сели в заднем ряду. Доктор Рейнолдс подошел к председательскому столу. Рядовой Эндрюс присоединился к группе людей, сидевших особняком от толпы генералов и важных штатских.

В этой группе находился тип, смахивающий на профессионального игрока — он им и был, а рядом с ним — две очаровательные рыжие девицы — точные копии друг друга, явно близнецы. Далее развалился на стуле негритенок лет четырнадцати, который, казалось, спал; по соседству с ним в высшей степени бодрствующая Бабуля — миссис Энн Уилкинс вязала кружева, бросая быстрые взгляды по сторонам. Во втором ряду сидели студенты и неопределенного вида мужчина средних лет.

На столе лежали доска для игры в кости, колоды карт, альбомчики для рисования, счетчик Гейгера и свинцовая коробочка. Рейнолдс обло-

котился о стол.

— Экстрасенсорная перцепция, или ЭСП, — этикетка, объединяющая собой ряд малоизученных явлений — телепатию, ясновидение, дальнослышание, умение предсказывать грядущие события, телекинез. Все они существуют. Мы умеем их измерять. Мы знаем, что некоторые люди обладают такими способностями. Но мы ничего не знаем о внутреннем механизме их действия. В Индии во время Первой мировой войны англичане обнаружили, что у них украли военные секреты, с помощью телепатии. — Увидев на лицах собравшихся недоверие, Рейнолдс добавил: — Вполне возможно, что в данную минуту какой-нибудь шпион, находящийся от нас на расстоянии пятисот миль, извлекает из ваших мозгов сверхсекретную информацию.

Недоверие стало еще более заметным. Генерал ВВС с четырьмя звездами произнес:

— Минуточку, доктор… Если то, что вы говорите, верно, какие меры предосторожности нам следует предпринять?

— Никаких.

— Это не ответ. Может быть, нужно обшить помещение листовым свинцом?

— Мы пробовали, генерал. Никакого эффекта.

— Глушение токами высокой частоты? Или еще чем-либо на частотах мозговых излучений?

— Возможно, хотя я и сомневаюсь в успехе. Если ЭСП приобретет военное значение, вам придется иметь дело лишь с теми фактами, которые точно установлены на данный момент. Однако вернемся к нашей программе. Сидящие перед вами леди и джентльмены в полной мере наделены даром телекинеза, то есть даром управлять материей на расстоянии. Намеченный на завтра эксперимент может оказаться неудачным, но мы все же надеемся убедить Фому неверующего, — он улыбнулся кому-то в заднем ряду, — что наши попытки не напрасны.

Мужчина в заднем ряду, на которого смотрел Рейнолдс, встал:

— Генерал Хэнби!

Пехотный генерал-майор повернулся в его сторону:

— Да, доктор Уитерс?

— Извините меня, но я вынужден вас покинуть. Мой письменный стол ломится от важнейших материалов, а подобные игры меня совершенно не интересуют.

Генерал Хэнби хотел было что-то ответить, но четырехзвездный гость положил руку ему на

локоть:

— Доктор Уитерс, мой письменный стол в Вашингтоне, вероятно, загружен не меньше вашего, но я прибыл сюда по распоряжению президента. Не будете ли вы добры остаться? Мне необходим взгляд скептика, чтобы корректировать собственные выводы.

Кипя от возмущения, Уитерс сел на место. Рейнолдс продолжал:

— Мы начнем, пожалуй, не с телекинеза, а с других проявлений ЭСП — между ними все же есть некоторая разница. — Он повернулся к одной из рыжеволосых девиц: — Джейн, подойди сюда.

Девушка отозвалась:

— С удовольствием. Только я — Джоан.

— Ладно, пусть будет Джоан. Генерал Ла Мотт, не нарисуете ли вы что-нибудь в этом альбомчике?

Четырехзвездный летчик поднял бровь:

— Что именно?

— Что хотите, только не слишком сложное.

— Ладно, доктор. — Генерал немного подумал и сначала нарисовал девушку, потом ухмыльнулся и добавил к ней пучеглазого волка. Спустя несколько мгновений он поднял взгляд от альбома. — Готово.

Все время, пока он рисовал, Джоан возилась со своим альбомом. Рейнолдс протянул его генералу. Рисунки были идентичны во всем, кроме того, что Джоан пририсовала волку погоны с четырьмя звездами. Генерал взглянул на нее, и она ответила преувеличенно невинным взглядом.

— Убедительно, — сухо сказал генерал. — Что дальше?

— То, что мы показали, можно объяснить ясновидением и телепатией. Сейчас мы покажем вам чистую телепатию. — Рейнолдс подозвал вторую близняшку и попросил: — Доктор Уитерс, не поможете ли вы нам?

— Смотря чем…

— Тем же, чем генерал в прошлом опыте, только Джейн будет смотреть на рисунок из-за вашего плеча, а Джоан попытается воспроизвести его. Нарисуйте что-нибудь посложнее.

— Ладно… Попробую…

Уитерс взял альбом и стал набрасывать сложную радиосхему, Джейн внимательно наблюдала. Вместо подписи Уитерс поставил внизу столь любимую радистами фигурку Клема — человечка, заглядывающего за изгородь.

— Отлично, — сказал Рейнолдс. — Ты кончила, Джоан?

— Да, доктор.

Рейнолдс забрал у нее альбом. Чертеж был выполнен безукоризненно точно, но Клему Джоан нарисовала лукаво подмигивающий глаз. Шумок, возникший в зале, Рейнолдс прекратил словами:

— Я не стану вам демонстрировать опыты с картами, а перейду прямо к телекинезу. Нет ли у кого-нибудь в зале пары игральных костей? — Так как никто не отозвался, он продолжил: — У нас есть кости, предоставленные лабораторией физики. Игральная доска и пакет опечатаны печатью лаборатории.

Он вскрыл пакетик и высыпал из него дюжину кубиков.

— Пистолет, как насчет программы по собственному выбору?

— Попробую, проф.

— Генерал Ла Мотт, будьте добры, выберите пару костей и положите их в стаканчик.

Генерал повиновался и передал стаканчик Эндрюсу:

— Сколько выбросишь, солдат?

— Шестьдесят пять генерала устроят?

— Устроят, если они у тебя выпадут.

— Не пожелает ли генерал поставить пятерик просто ради интереса? — Эндрюс ждал, глаза

широко открыты, взгляд самый что ни на есть невинный.

Ла Мотт усмехнулся:

— Смотри не продуйся, солдат.

Он положил на стол пятидолларовую банкноту. Эндрюс покрыл ее своей пятеркой, потряс стаканчик и выбросил кости. Одна упала на банкноты — пятерка. Другая ударилась о спинку стула — шестерка.

— Продолжим, сэр?

— Не считай меня таким уж олухом. Покажи еще что хочешь.

— Как прикажете, сэр.

Пистолет собрал деньги, а затем выбросил 6–1, 5–2, 4–3 и те же цифры, но в обратном порядке. Затем несколько раз подряд выбросил 6–1, а потом вдруг получил «змеиные глаза»[55]. Попытался еще раз — вышла двойка с единицей. Солдат сердито поглядел на маленькую старушку.

— Мэм, — сказал он, — если хотите играть в кости, то почему бы вам не выйти сюда и не заняться этим делом самой?

— Что вы! Да как вы можете говорить такое, мистер Эндрюс!

---

[55] Примечания: 55
Две единицы.

Рейнолдс поспешил прервать спор:

— Ваша очередь еще впереди, миссис Уилкинс.

— В толк не возьму, о чем это вы, джентльмены, — сказала она и занялась вязанием.

Полковник Хэммонд подсел к рыженьким близняшкам:

— Вы ведь «Январские близнецы», не так ли?

— Наш зритель! — воскликнула одна радостно.

— По фамилии Браун, — ответила другая.

— Верно, Браун, — согласился полковник, — но как насчет сеансов для наших ребят?

— Доктору Рейнолдсу это может не понравиться, — отозвалась первая.

— Беру его на себя. Нас ведь Управление по культурному обслуживанию армии не обеспечивает — слишком строгий режим секретности. Ну так как, Джоан?

— Я Джейн. Хорошо, если договоритесь с профом.

— Молодцы. — И он вернулся к Бабуле Уилкинс, которая демонстрировала селекцию — каскад шестерок на доске для игры в кости и при этом ни на секунду не прекращала своего вязания. Доктор Уитерс мрачно глядел на это зрелище. Хэммонд спросил:

— Что скажете, док?

— Эти опыты меня смущают, — признался тот, — но все это идет на молярном уровне и законов элементарных частиц не нарушает.

— А как насчет рисунков?

— Я физик, а не психолог. А вот на элементарные частицы — электроны, нейтроны, протоны — воздействовать невозможно, для этого нужна аппаратура, сконструированная с учетом законов радиоактивности.

Доктор Рейнолдс находился в пределах слышимости и в ответ на замечание Уитерса сказал:

— Спасибо, миссис Уилкинс. А сейчас, леди и джентльмены, еще один эксперимент. Норман!

Цветной мальчуган открыл глаза:

— Чего, проф?

— Подойди ко мне. И попрошу сюда же всю лабораторную группу. У кого-нибудь есть часы со светящимся циферблатом?

Штабные техники присоединили счетчик Гейгера к усилителю, так что аудитория могла слышать негромкие редкие щелчки, говорившие о фоновой радиоактивности; затем к счетчику поднесли часы с радиоактивными цифрами на циферблате. Редкие щелчки сменились градом ударов, сливающихся в барабанный бой.

— Выключите свет, — приказал Рейнолдс.

— Пора, проф?

Тишина нарушалась лишь трескотней усилителя, считывающего уровень радиоактивности светящихся цифр.

— Давай, Норман!

Горящие цифры исчезли. Град щелчков сменился редкими тихими ударами.

* * *

В бункере, расположенном на много миль дальше вглубь пустыни, собралась та же компания. Еще на много миль дальше находился испытательный полигон — в его сторону было обращено окошко-перископ, спрятанное в железобетон и снабженное многослойным стеклом-фильтром, толщиной не менее фута. Доктор Рейнолдс беседовал с генерал-майором Хэнби. Капитан флота с радионаушниками и портативным динамиком принимал сообщения. Он повернулся к командующему:

— Самолеты на исходной позиции, сэр.

— Спасибо, Дик.

Динамик громко зарычал:

— Станция «Чарли» Контролю. Все готово.

Моряк снова обратился к Хэнби:

— Все станции готовы. Цель тоже.

— Начинайте отсчет.

— Всем станциям подготовиться к отсчету. Готовность минус семнадцать минут. Контролю времени приступить. Пошел отсчет. Повторяю, пошел отсчет.

Хэнби сказал Рейнолдсу:

— Расстояние для вас значения не имеет?

— Мы могли бы находиться в Солт-Лейк-Сити, раз моим коллегам известны все обстоятельства. — Он поглядел на часы. — Мои, должно быть, стоят.

— Это всегда так кажется. Вспомните хотя бы метроном при первом испытании на Бикини. Я тогда чуть не спятил.

— Могу себе представить. Хм, генерал, кое-кто из моих людей явно нервничает. Может, я что-нибудь сымпровизирую?

Хэнби мрачно усмехнулся:

— У нас тут заготовлен конферанс для гостей. Доктор Уитерс, вы готовы поднять занавес?

Главный физик стоял, склонившись над приборами, он выглядел утомленным.

— Не сегодня, — отозвался он скучным голосом. — Этим займется Саттерли.

Саттерли вышел вперед и усмехнулся, взглянув на высших офицеров, штатских шишек и опера-

торов группы Рейнолдса.

— Я припас шуточку для зрителей, которые не могут выйти из зала. Но сперва… — Он взял в руки блестящий металлический шар и поглядел на адептов ЭСП. — Во время вашей утренней поездки вы уже видели такой. Он был заряжен плутонием. Находится он сейчас там же, где был и тогда, и готов к тому, чтобы сделать «бух» через… через одиннадцать минут. Этот же шар стальной, если только кто-нибудь их не перепутал. Хорошенькая получилась бы шуточка — нас буквально на клочки разнесло бы от смеха.

Никто не засмеялся, и он продолжил:

— Впрочем, он весит слишком мало, так что с нами все будет в порядке. Этот макет изготовлен для того, чтобы люди доктора Рейнолдса имели перед собой образ, который поможет им сосредоточиться. На атомную бомбу он похож не больше, чем я на Сталина, но изображает (если бы там был плутоний) то, что мы, физики, называем подкритической массой. Со времени процессов по делам атомного шпионажа всем прекрасно известно, как устроена атомная бомба. Плутоний излучает в единицу времени постоянное число нейтронов. Если масса мала, большая часть нейтронов уходит вовне. Но если она достаточ-

но велика и достигает критических размеров, нейтроны поглощаются в количестве, необходимом для начала цепной реакции. Вся хитрость в том, чтобы быстро создать критическую массу, а потом бежать, спасая свою шкуру. Это занимает буквально считаные микросекунды, сколько времени именно — умолчу, не желая огорчать офицеров из отдела безопасности.

Сегодня мы намерены выяснить, может ли мысль влиять на нейтронное излучение. Теория, достаточно надежная, чтобы разрушить два крупнейших города Японии, гласит, что излучение каждого отдельно взятого нейтрона — дело случайное, но суммарное излучение неизменно, как неизменно движение звезд. А если бы дело обстояло иначе, то изготовить атомную бомбу было бы вообще невозможно.

Согласно стандартной теории, то есть теории, которая подтверждена опытом, эта подкритическая масса имеет шансов взорваться не больше, чем обыкновенная тыква. Наша опытная группа попробует доказать, что это не так. Эти люди сконцентрируют свои силы и постараются увеличить вероятность испускания нейтронов, благодаря чему шар взорвется, как настоящая атомная бомба.

— Доктор Саттерли, — спросил вице-адмирал с «крылышками», — а вы-то сами считаете это возможным?

— Я полагаю это *абсолютно* невозможным. — Саттерли повернулся к операторам группы Рейнолдса. — Только, ради бога, не обижайтесь, ребята.

— Пять минут, — объявил капитан флота.

Саттерли кивнул Рейнолдсу:

— Ваш выход. Желаю успеха.

— Одну минуточку, молодой человек, — затрещала миссис Уилкинс, — эти штучки… нервоны…

— Нейтроны, мадам.

— Ну я же так и говорю… Так вот, мне кое-что непонятно. Вероятно, про них проходят в старших классах, а я ушла из восьмого. Так обидно…

Саттерли тоже огорчился, но все же попытался выправить положение.

— …и каждое из этих ядер потенциально способно испустить вот такой ма-а-аленький нейтрончик. В этом шаре, — он поднял макет, — помещается примерно пять тысяч миллиардов триллионов ядер, каждое из которых…

— Это ведь прямо уйма получается, верно?

— Мадам, вы совершенно правы. Теперь…

— Две минуты!

Вмешался Рейнолдс:

— Миссис Уилкинс, не волнуйтесь. Сосредоточьте внимание на том металлическом шаре, что находится там, далеко, и думайте об этих нейтронах, каждый из которых готов вырваться наружу. Когда я подам команду, я хочу, чтобы вы все, а особенно ты, Норман, думали бы о том шаре, представляли бы, что из него летят искры, как от светящегося часового циферблата. Постарайтесь сделать так, чтобы этих искр стало больше. Просто постарайтесь. Если ничего не получится, вас никто бранить не будет. Так что не бойтесь.

Миссис Уилкинс кивнула:

— Постараюсь.

Она отложила вязанье и устремила в пространство отсутствующий взгляд.

В то же мгновение всех ослепила неправдоподобно яркая вспышка, прорвавшаяся через массивный стеклянный фильтр. Она высветила каждого присутствующего, а затем погасла.

Капитан флота воскликнул: «Что за черт!», кто-то закричал: «Она взорвалась! Взорвалась!»

Заревел динамик:

— Взрыв произошел на отсчете минус одна минута тридцать семь секунд. Контроль, имела

место какая-то ошибка… эта штуковина выглядела как водород…

Накатила ударная волна и заглушила все прочие звуки. Свет погас, со щелчком зажглось аварийное освещение. Бункер качался, как корабль в штормовом море. Глаза были еще слепы из-за той яркой вспышки, в ушах стоял рев звуковой волны, а физики уже отталкивали локтями офицеров от перископа. В эту-то минуту на весь бункер и раздалось пронзительное сопрано:

— О боже!

— В чем дело, Бабуля? Вы-то в порядке?

— Я? О да, да… но мне так жаль… Я же не нарочно…

— Что не нарочно?

— Я как раз начала нащупывать, представляя себе эти крохотные кусачие нервоны, готовые соскочить… Но я не собиралась ничего взрывать… во всяком случае до того, как вы скажите…

— Ох! — Рейнолдс повернулся к остальным. — Еще кто-нибудь спускал курок?

Никто не сознался. Миссис Уилкинс сказала виновато:

— Извините, доктор. Может, у них найдется вторая? Уж на этот раз я буду поосторожнее.

* * *

Рейнолдс и Уитерс сидели в офицерском клубе, перед ними стояли чашки кофе, причем физик про свою начисто забыл. Его глаза горели, лицо нервно подергивалось.

— Предела не существует! Расчеты показывают, что более девяноста процентов массы превратилось в энергию. Вы понимаете, что это значит?! Если мы примем… впрочем, не важно! Скажем проще: мы можем делать бомбы размером с горошину! Никаких мер предосторожности! Никаких цепей управления! Ничего, кроме… — Он помолчал. — К месту бомбежки их будут доставлять небольшие сверхскоростные реактивные самолеты с пилотом, инженером-оружейником и одним из ваших операторов. А бомб сколько угодно! Ни одно государство на Земле не сможет…

— Полегче, — произнес Рейнолдс, — у нас слишком мало операторов. Мы не сможем рисковать ими, сажая их в самолеты.

— Но…

— Впрочем, это и не нужно. Покажите им бомбу, дайте фотографии целей, свяжите их по радио с инженером-оружейником… Они редко встречаются, но мы начнем новый поиск людей,

обладающих ЭСП. По моим расчетам, таких примерно один на тысячу восемьсот.

— Редко встречаются… — повторил Уитерс. — Миссис Уилкинс одна может управиться с несколькими бомбами… верно ведь?

— Думаю, да. Испытаем.

— Обязательно испытаем! — Уитерс наконец вспомнил о кофе и выпил его одним глотком. — Извините меня доктор, я лезу прямо напролом. Слишком много старых представлений приходится пересматривать.

— Я знаю. Я сам был бихевиористом.

Вошел капитан Майклер, огляделся и быстрыми шагами двинулся к их столику.

— Генерал ждет вас обоих, — сказал он тихо. — Поторопитесь.

Их провели в охраняемый часовыми кабинет. Кроме генерала Хэнби, тут присутствовали еще генерал Ла Мотт и вице-адмирал Кейтли. Лица военных были мрачны. Хэнби протянул какую-то бумагу. Рейнолдс увидел на ней штамп «Совершенно секретно» и вернул ее генералу:

— Генерал, у меня не тот уровень секретности.

— Заткнитесь и читайте!

Рейнолдс пропустил несколько предваряющих кодовых групп: «Расшифровка. СЕГОДНЯ РУССКОЕ

ПОСОЛЬСТВО
ВРУЧИЛО НАМ УЛЬТИМАТУМ: ТРЕБОВАНИЕ ПРЕОБРАЗОВАТЬ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОМИССАРОВ, НАЗНАЧАЕМЫХ СССР. ТРЕБОВАНИЕ ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ВОЕННОЙ УГРОЗОЙ.
В НОТЕ СООБЩАЕТСЯ, ЧТО ВАЖНЕЙШИЕ ГОРОДА США (СПИСОК ПРИЛАГАЕТСЯ) ЗАМИНИРОВАНЫ АТОМНЫМИ БОМБАМИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ ПО РАДИО, ЕСЛИ США НЕ КАПИТУЛИРУЮТ К ШЕСТНАДЦАТИ НОЛЬ-НОЛЬ БЛИЖАЙШЕЙ ПЯТНИЦЫ».

Рейнолдс перечитал документ. Шестнадцать ноль-ноль в пятницу означало два часа дня послезавтра по местному времени. Наши города заминированы атомными бомбами? Неужели им это действительно удалось? Он с трудом осознал, что генерал Ла Мотт что-то говорит.

— Следует рассматривать эту угрозу как совершенно реальную. Наша свободная общественная структура делает нас удобным объектом для нападения.

— А может, они блефуют, — сказал адмирал.

Генерал ВВС покачал головой:

— Они знают, что президента на испуг не возь-

мешь. Не следует считать русских дураками.

Рейнолдс все еще не мог понять, по какой причине ему разрешается быть участником подобного совещания. Но тут Ла Мотт взглянул на него:

— Адмирал Кейтли и я немедленно отправляемся в Вашингтон. Я задержался только для того, чтобы спросить вас вот о чем: ваши люди могут взорвать атомную бомбу, так не могут ли они предотвратить ее взрыв?

Рейнолдсу показалось, что время растягивается так, будто у него впереди чуть ли не год на то, чтобы обдумать все детали, все, что касается Бабули Уилкинс, Нормана и других паранормальных созданий.

— Могут, — ответил он.

Ла Мотт встал:

— Тогда это ваша забота, Хэнби. Пошли, адмирал.

— Постойте, — запротестовал Рейнолдс. — Дайте мне бомбу и миссис Уилкинс, и я смело усядусь на эту бомбу. Но сколько там городов? Двадцать? Тридцать?

— Тридцать восемь.

— Значит, тридцать восемь бомб, а может быть, и больше. Где они спрятаны? Как выглядят? На

какой срок все это может растянуться? Нет, это совершенно невозможно!

— Разумеется. Но делать-то надо! Или хотя бы попытаться. Хэнби, известите их, что мы вылетели, ладно?

— Конечно, генерал.

— Прощайте, доктор. Или, возможно, до свидания.

Рейнолдс с беспощадной ясностью осознал, что эти двое отправляются, чтобы «сесть» на одну из бомб и продолжать выполнять свои обязанности, пока она их не уничтожит. Он торопливо проговорил:

— Мы постараемся. Мы обязательно постараемся.

* * *

Тридцать восемь городов… сорок три часа… семнадцать операторов. Были, конечно, и другие, найденные за годы исследований, но они разбросаны по сорока одному штату. В стране с диктаторским режимом полиция отыскала бы их в одну минуту и доставила бы в нужное место со сверхзвуковой скоростью. Но ведь это Америка!

Разыскать! Доставить сюда! Немедленно! Хэнби поручил полковнику Хэммонду заботу о выпол-

нении распоряжений Рейнолдса и приказал офицеру Секретной службы передать свои обязанности кому угодно, а самому сесть на телефон и, пользуясь личными связями в ФБР и с другими офицерами безопасности, а через них и с полицией, сократить бюрократическую волокиту и найти этих паранормалов. Найти, убедить, надавить и заставить лететь на испытательный полигон. К вечеру нашли двадцать три, из них одиннадцать уговорили или заставили; двое уже прибыли. Хэнби позвонил Рейнолдсу, в эту минуту жевавшему на ходу сэндвич.

— Говорит Хэнби. Только что звонил президент.

— Президент?

— Ла Мотт к нему пробился. Он, конечно, в сомнении, но все же распорядился оказать нам всемерную поддержку, разумеется, кроме той, что может снизить готовность обычных оборонительных средств. Один из его помощников уже час назад вылетел из Национального аэропорта реактивным самолетом, чтобы помочь нам здесь. Теперь все пойдет побыстрее.

Но лучше от этого не стало, так как русские передачи, которые не глушились, уже сделали разразившийся кризис всеобщим достоянием.

Ровно через тридцать минут президенту пришлось выступить по телевидению. Рейнолдс президента не слышал — он был слишком занят. Он имел всего двадцать человек и мог спасти только двадцать городов, а ведь надо было спасать всю страну. Но как? Рейнолдс был уверен, что миссис Уилкинс сможет обезвредить любую атомную бомбу, если ее увидит. Он надеялся, что на это же способны и другие. Но ведь бомбы спрятаны в отдаленных городах — их следует сначала обнаружить, причем с помощью одного лишь мозга, мысленно представить и «заглушить», причем не на микросекунду, которая требуется для взрыва, а на миллиарды микросекунд, пока их не обнаружат. Возможно ли это?

Как помочь своим людям? Конечно, есть наркотики — кофеин, бензедрин. Но ведь людям нужен покой, верно? Он повернулся к Хэммонду:

— Необходима комната с ванной для каждого человека.

— Так это у них уже есть.

— Нет, их сейчас в каждой комнате по двое, и ванны — на двоих.

Хэммонд пожал плечами:

— Будет сделано. Придется дать под зад кое-кому из генералитета.

— Пусть кухня работает круглые сутки. Спать им нельзя, а есть надо. И чтоб все время свежий кофе, кока-кола, чай — все, что они потребуют. Можно поставить в каждую комнату телефон и подключить его к отдельному коммутатору?

— Хорошо. Что еще?

— Пока не знаю. Надо спросить у них.

О русском ультиматуме все они уже знали, но о том, каковы планы, — пока еще нет. Речь Рейнолдса была выслушана в неловком молчании. Рейнолдс повернулся к Эндрюсу:

— Что ты скажешь, Пистолет?

— Кусок-то больно велик, проф, как бы в горле не застрял.

— Верно. Ты сможешь его прожевать?

— Полагаю, придется.

— Норман?

— Ну, босс… как же быть, ежели я их не вижу?

— Миссис Уилкинс сегодня утром тоже не видела бомбу. И радиацию часового циферблата ты тоже не видел — она слишком мала. Ты видел только циферблат и думал лишь о нем. Ну так как?

Негритенок задумчиво нахмурился:

— Думать о блестящем шаре где-то в городе?

— Да. Нет, постой! Полковник Хэммонд, им нуж-

но иметь представление о внешнем виде объекта, а он будет совсем другим. Здесь ведь есть наши атомные бомбы — им надо на них посмотреть.

Хэммонд задумался:

— Американская бомба, которую сбрасывают или запускают ракетой, не может быть похожа на русскую, предназначенную для скрытного размещения и подрыва радиосигналом.

— А как выглядят те?

— Отдел «Джи-два»[56], надо полагать, знает. Мы попробуем получить от них рисунок или чертеж. И пусть готовят макет. Придется обратиться к Уитерсу и генералу. — Он вышел.

Миссис Уилкинс сказала деловито:

— Доктор, дайте мне Вашингтон.

— Хорошо, миссис Уилкинс, вы единственная, кто прошел испытание практикой, хотя тогдашнее задание было прямо противоположным. Значит, Вашингтон за вами. Этот объект исключительно важен.

— Да я не потому. Его я «вижу» лучше остальных.

— В этом что-то есть, проф, — отозвался Эндрюс. — Тогда я возьму Сиэтл.

---

[56] Примечания: 56

G-2 — обычное обозначение отдела внешней разведки. — *Примеч. С. В. Голд.*

* * *

К полуночи Рейнолдс распихал всех своих подопечных (числом уже двадцать шесть) по комнатам офицерского клуба. Хэммонд и он сам по очереди дежурили у коммутатора, развернутого в верхнем холле. Дежурства операторов должны начаться незадолго до истечения срока ультиматума. Усталость ослабляла экстрасенсорную энергию, иногда сводя ее к нулю. Рейнолдс надеялся, что последнюю ночь перед вахтой им удастся поспать как следует.

В каждой комнате был установлен микрофон, селекторная связь позволяла слышать, что в ней происходит. Рейнолдсу это было не по душе, но Хэммонд убедил его.

— Разумеется, это вторжение в частную жизнь. Но разве бомба не вторгается в нее? — Он нажал на клавишу. — Слышите? Этот парнишка — Норман — что-то выпиливает из фанеры. — Он нажал на другую. — Рядовой Эндрюс тоже еще копошится. Мы не можем разрешить им спать во время вахты, когда она начнется, поэтому придется шпионить.

— Возможно, вы правы.

Наверх поднялся Уитерс:

— Вам еще что-нибудь нужно?

— Полагаю, что нет, — ответил Рейнолдс. — Как там с макетом бомбы?

— Будет готов на рассвете.

— Насколько он достоверен?

— Трудно сказать. Их агенты, надо думать, изготовили спусковые устройства из деталей, закупленных здесь, но схемы могут сильно отличаться. Что же касается основы… что ж, пришлось использовать настоящий плутоний.

— Пойдет. Покажем им сразу же после завтрака.

Дверь комнаты Пистолета приоткрылась.

— Привет, полковник. Проф, она там.

— Кто?

— Да бомба же. Под Сиэтлом. Я ее чувствую.

— Где она находится?!

— На глубине — я *чувствую* ее где-то внизу. И там мокро, как мне кажется. Может, они ее в Саунд[57] запихали?

Хэммонд вскочил.

— Она в гавани, чтобы залить город радиоактивным дождем! — Он говорил и одновременно набирал номер. — Дайте мне генерала Хэнби!

---

[57] Примечания: 57

Пьюджет-Саунд — залив, на берегу которого стоит Сиэтл.

— Говорит Моррисон, — ответил чей-то голос. — В чем дело, Хэммонд?

— Насчет бомбы в Сиэтле. Ищите ее на дне. Она либо в Саунде, либо где-то поблизости от него под водой.

— Откуда это известно?

— Один из колдунов Рейнолдса. Начинайте! — И он положил трубку.

— Проф, я не могу ее *видеть*, я же не ясновидящий, — озабоченно сказал Эндрюс. — Почему бы не вызвать сюда кого-нибудь из них? Например, эту крошку Брентано?

— Боже мой! Ясновидящие! Да ведь они нам просто необходимы!

— Доктор, вы думаете… — воскликнул Уитерс.

— Ничего я не думаю, иначе давно бы придумал это. А как ищут бомбы? Какими приборами?

— Приборами? Бомба защищена так, что даже счетчик Гейгера ни черта не покажет. Их надо вскрывать и смотреть.

— И сколько на это нужно времени? Скажем, на Нью-Йорк?

— Подождите! — вмешался Хэммонд. — Рейнолдс, где эти ясновидящие?

Рейнолдс пожевал губами:

— Они попадаются очень редко.

— Куда реже, чем игроки в кости, — добавил Пистолет, — но добудьте эту девочку Брентано… Она нашла ключи, которые я потерял, когда рыл канаву. А ведь они оказались под трехфутовой толщей земли. Я тогда всю казарму чуть не перерыл.

— Да-да, миссис Брентано! — Рейнолдс полез за своей записной книжкой.

Хэммонд потянулся к коммутатору:

— Моррисон? Сейчас мы продиктуем вам несколько имен, разыскать этих людей еще важнее, чем прежних.

* * *

Важнее, но и труднее: началась паника. Президент призвал всех сохранять спокойствие и оставаться дома, после чего тридцать миллионов человек бросились бежать кто куда.

Телетайп в офисе командующего отстукивал:

НЬЮ-ЙОРК, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК. ЧТОБЫ РАСЧИСТИТЬ ОТ ОБЛОМКОВ ПОСЛЕ АВАРИИ ЧАСТЬ ТУННЕЛЯ ХОЛЛАНД, ВЕДУЩУЮ ИЗ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ, ПРИШЛОСЬ ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ДВИЖЕНИЕ НА ВСТРЕЧНУЮ МАГИСТРАЛЬ. ПОЛИЦИЯ

ОТКАЗАЛАСЬ
ОТ
НАМЕРЕНИЯ ОСТАНОВИТЬ ЭВАКУАЦИЮ. С ПОМОЩЬЮ БУЛЬДОЗЕРОВ ПРОБУЮТ ВОССТАНОВИТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ТРИБОРО-БРИДЖ, СБРАСЫВАЯ ПРЯМО В РЕКУ ИСКОРЕЖЕННЫЕ
АВТОМОБИЛИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТРУПЫ. ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ
ИЗВЕСТИЕ О КАТАСТРОФЕ С ПАРОМОМ В УИХОКЕН, НО СПИСКА ПОГИБШИХ ПОКА НЕТ. СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: МОСТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА РУХНУЛ ИЗ-ЗА ПЕРЕГРУЗКИ ИЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДИВЕРСИИ — НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ ОДНО СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ… ЕЩЕ…

Нечто подобное происходило повсюду. На автостраде Денвер — Колорадо-Спрингс к полночи было зарегистрировано сто тридцать пять смертельных исходов в результате аварий, потом подобной информации уже просто не поступало. Тяжелый ДС-7 врезался в Бербанке в толпу, прорвавшую ограждение. Движение по автостраде Балтимор — Вашингтон было закупорено пробками в обоих направлениях. Мемориальный мост

был закрыт. Все пять выездов из Лос-Анджелеса были забиты едва ползущими машинами. В четыре утра по восточному времени президент ввел военное положение. Немедленных результатов этот приказ не принес.

К утру у Рейнолдса был уже тридцать один оператор, их распределили по двадцати четырем городам. Ему крайне тяжело далось решение о том, чтобы его люди «держали» лишь знакомые им города. Все решилось окончательно, когда игрок Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши сказал: «Док, у меня предчувствие — Миннеаполис *должен быть* моим». Рейнолдс сдался, хотя один из его только что прибывших подопечных был уроженцем этого города. Он посадил на Миннеаполис обоих и молился, чтобы хоть у одного из них предчувствие сработало. Прибыли двое ясновидящих; одному из них, совершенно слепому киоскеру из Чикаго, тут же был поручен поиск бомбы в этом городе; другой — циркачке, читающей чужие мысли, просто дали список городов и велели заняться свободным поиском. Миссис Брентано вторично вышла замуж и переехала; ее разыскивали по всему Норфолку.

В час пятнадцать пополудни, то есть за сорок пять минут до истечения срока ультиматума, все

сидели в своих комнатах, вооруженные планами городов, их аэрофотоснимками и фотографиями макетов атомной бомбы. Клуб опустел, немногие нормалы, которые остались, чтобы нянчиться с паранормалами, старались вести себя тихо. На шоссе перекрыли движение, самолетам было запрещено летать в этой зоне. Все должно было создавать благоприятную атмосферу для того, чтобы теперь уже сорок два человека могли бы спокойно сидеть и *думать*.

У коммутатора находились Хэммонд, Рейнолдс и Макклинток — помощник президента. Рейнолдс оторвал взгляд от списков:

— Время?

— Час тридцать семь, — прохрипел Хэммонд. — Осталось двадцать три минуты.

— Час тридцать восемь — поправил его Макклинток. — Рейнолдс, как у вас с Детройтом? Нельзя оставлять его без защиты!

— Мне некого на него поставить. Каждый прикрывает тот город, который он знает.

— А близняшки? Я слышал, как они упоминали Детройт.

— Они повсюду выступали, но их родной город — Питсбург.

— Одну из них переведите на Детройт.

Рейнолдсу очень хотелось послать его подальше.

— Они работают только в паре. Вы что, хотите расстроить их и потерять два города?

Не отвечая на вопрос, Макклинток спросил:

— А кто на Кливленде?

— Норман Джонсон. Он оттуда родом, а по своим способностям занимает среди операторов второе место.

* * *

Их разговор был прерван звуком голосов на нижней площадке. По лестнице поднимался мужчина с чемоданом в руках. Увидев Рейнолдса, он воскликнул:

— О, привет, доктор! Что случилось? Я занят важнейшим делом — изготовляю танки, и вдруг меня хватает ФБР! Это ваши штучки?

— Да. Пошли.

Макклинток хотел было что-то сказать, но Рейнолдс уже увел приезжего.

— Мистер Нельсон, вы прибыли со всем семейством?

— Нет, они все еще в Детройте. Если бы я знал…

— Погодите. Выслушайте меня внимательно. —

Рейнолдс объяснил ситуацию и показал план города и фотоснимки макета атомной бомбы, находившиеся в комнате, куда они вошли. — Вы все поняли?

Желваки на скулах Нельсона ходили ходуном.

— Неужели это возможно?

— Да, возможно. Все, что надо, — это думать о бомбе или о бомбах. Войти с ними в соприкосновение, зажать их, не дать взорваться. Вам придется обойтись без сна.

Нельсон тяжело перевел дух:

— Постараюсь не заснуть.

— Если вам что-нибудь требуется, звоните по телефону. Желаю удачи.

Рейнолдс возвращался мимо двери ясновидящего слепого. Она была приоткрыта.

— Гарри, это проф. Что-нибудь получается?

Владелец комнаты повернулся на голос:

— Она в Лупе[58]. Я мог бы провести к ней, если б был там. Дом шестиэтажный.

— А более определенно сказать нельзя?

— Передайте, пусть пошарят на чердаке. Когда я «поднимаюсь» вверх, становится теплее.

— Передам немедленно.

---

[58] Примечания: 58

Луп (от *англ.* loop — «петля») — район в центре Чикаго, охватываемый петлей железной дороги.

Вернувшись почти бегом, он увидел только что прибывшего Хэнби. Рейнолдс набрал номер узла связи.

— Говорит Рейнолдс. Чикагская бомба в шестиэтажном доме в Лупе, вероятно на чердаке. Нет, это все. Будьте здоровы.

Хэнби начал что-то говорить, но Рейнолдс, отрицательно качнув головой, взглянул на часы. Генерал, так ничего и не сказав, взял трубку.

— Говорит командующий. Любые срочные сообщения передавайте сюда. — Он положил трубку на рычаг и тоже посмотрел на часы.

* * *

Долгие пятнадцать минут прошли в полном молчании. Генерал прервал его, подняв трубку. Он сказал:

— Говорит Хэнби. Есть какие-нибудь новости?

— Нет, генерал. Вашингтон на проводе.

— Вашингтон?

— Да, сэр. Генерал у телефона, господин секретарь.

Хэнби вздохнул:

— Говорит Хэнби, господин секретарь. У вас все в порядке? Вашингтон… в норме?

Остальные слушали разговор через громкую

связь.

— Разумеется, разумеется. Срок ультиматума истек. Но я хотел, чтобы вы знали: радио Москвы сообщило всему миру, что наши города в огне.

Хэнби искал нужные слова:

— А на самом деле?

— Конечно, ничего подобного. Я напрямую связан с Генеральным штабом, у которого постоянная связь с каждым городом из списка. Все они в полном порядке. Не знаю, был ли толк от ваших ненормальных, но так или иначе, тревога оказалась ложной… — Линия смолкла.

Лицо Хэнби помертвело. Он потряс телефонную трубку:

— Нас прервали!

— Это не у нас, генерал, — ответил связист, — проблема на другом конце линии. Одну минутку.

Они ждали. Наконец связист сказал:

— Извините, сэр, я не могу до них достучаться.

— Продолжайте попытки.

Прошло чуть больше минуты, хотя, казалось, время тянулось бесконечно, пока связист не доложил:

— Связь восстановлена.

— Это вы, Хэнби? — раздался голос. — Надо по-

лагать, что у нас еще будут подобные нарушения на линии. Так вот, что касается ваших ЭСП-людей, задействованных в операции «Кошмар»: хоть мы им благодарны и все такое прочее, но я не советую посвящать в это дело газетчиков. Это может быть неверно истолковано.

— Вот как? Это приказ, мистер секретарь?

— О нет, нет… Просто дела такого рода обычно проходят через мой офис…

— Понятно, сэр, — Хэнби осторожно положил трубку.

— Не следовало вам прерывать разговор, генерал, — сказал Макклинток. — Я хотел узнать, считает ли шеф продолжение нашей работы необходимым.

— Давайте обговорим это у меня. — Генерал увел его за собой, но перед этим успел подмигнуть Рейнолдсу.

* * *

В шесть часов у дверей комнат были поставлены подносы с едой, вечером многие попросили кофе. Миссис Уилкинс всегда заказывала чай. Дверь в ее комнату была постоянно открыта, и она болтала со всеми, кто проходил мимо. Гаррикиоскер обследовал Милуоки. Из Чикаго ответ на

его сообщение еще не поступил. Миссис Экштейн, или Китайская принцесса — таков был ее сценический псевдоним, — заявила, что «ощущает» трейлер в Денвере, а теперь изучала карту Нового Орлеана. После того как срок ультиматума истек, паника немного улеглась, а положение с коммуникационными системами улучшилось. Американцы говорили друг другу, что все время были уверены в том, что проклятые «комми» просто блефуют.

В три утра Хэммонд и Рейнолдс потребовали еще кофе. Рука Рейнолдса, когда он наливал чашку, слегка дрожала. Хэммонд сказал:

— Вы уже две ночи без сна. Прилягте вон на том диване.

— Как будто вы себя чувствуете намного лучше!

— Я посплю, когда вы проснетесь.

— Не могу спать. Меня волнует то, что может случиться, если заснут *они*. — Он показал на шеренгу закрытых дверей.

— Меня тоже.

В семь утра в коридор вышел Пистолет:

— Проф, они нашли ее. Та бомба… ее больше нет. Чувство такое, будто разжал кулак, а в нем пусто.

Хэммонд схватил трубку:

— Дайте мне Сиэтл. Местное отделение ФБР.

Пока его соединяли, Пистолет спросил:

— А что теперь, проф?

Рейнолдс попытался сосредоточиться.

— Может, отдохнешь чуток?

— Пока все не кончится, лучше не стоит. У кого Толидо? Мне он знаком.

— Э-э-э… У молодого Барнса.

Хэммонда соединили. Он назвал себя и задал вопрос. Потом тихонько опустил трубку.

— Они нашли ее, — сказал он шепотом. — В озере.

— Я ж говорил, что там мокро, — буркнул Пистолет. — Так как насчет Толидо?

— Ладно… скажешь мне, когда ее найдешь, и мы дадим Барнсу отдохнуть.

В семь тридцать пять ворвался Макклинток, за ним спешил Хэнби.

— Доктор Рейнолдс! Полковник Хэммонд!

— Ш-ш-ш! Тихо! Вы им мешаете!

Макклинток понизил голос:

— Извините… Переволновался. Но это очень важно. В Сиэтле нашли бомбу и…

— Да, рядовой Эндрюс нас уже известил.

— А? Да откуда он-то мог знать?

— Не важно, — вмешался Хэнби. — Важно, что бомбу нашли со сработавшим спусковым механизмом. Теперь мы уверены, что именно ваши люди спасают города.

— А разве тут могли быть сомнения?

— Ну, в общем… да…

— Но больше их нет, — добавил Макклинток. — Теперь я все беру на себя. — Он наклонился к коммутатору. — Связь? Дайте мне Белый дом.

— Что вы хотите сказать, — медленно начал Рейнолдс, — этим «все беру на себя»?

— Что? Да просто-напросто беру на себя руководство операцией от имени президента. Приму меры, чтобы эти люди ни на минуту не покидали своих постов.

— Что же именно вы собираетесь делать?

Хэнби быстро вмешался:

— Да ничего, доктор. Просто с этой минуты мы будем находиться в непрерывном контакте с Вашингтоном.

* * *

Они продолжали нести вахту вместе. Рейнолдс буквально кипел от ярости и ненависти к Макклинтоку. Ему захотелось выпить еще чашку кофе, но он решил заменить ее таблеткой бензед-

рина. Рейнолдс надеялся, что его люди следуют его примеру, но не переусердствуют. Возбуждающими средствами пользовались все, кроме Бабули Уилкинс, которая не желала к ним даже притрагиваться. Ему очень хотелось проверить всех, но он знал, что не вправе — каждая бомба висела на тоненькой ниточке человеческой мысли, отвлекись на секунду — и все…

Загорелся огонек внешнего вызова. Трубку снял Хэнби.

— Конгресс распустили на каникулы, — объявил он, — и президент вручил контрультиматум русским: обнаружить и обезвредить все бомбы, иначе мы начнем бомбардировку их территории.

Снова вспыхнул огонек внешнего вызова. Хэнби ответил, лицо его просветлело.

— Найдены еще две. Одна в Чикаго — именно там, где указал ваш парень. Другая в Кемдене.

— В Кемдене? А каким образом?

— Они проводят превентивные аресты коммунистов. Одного из них привезли обратно в Кемден для допроса, что ему ужас как не понравилось — знал, что находится всего лишь в миле от бомбы. А кто у нас на Кемдене?

— Мистер Димуиди.

— Старикашка? Тот, у которого жуткие мозоли?

— Именно. Почтальон на пенсии. Генерал, мы что, уверены, что в каждом городе только одна бомба?

Ответил ему Макклинток:

— Нет, конечно. Эти люди должны…

Хэнби опять вмешался:

— ЦРУ полагает, что так. Исключения — Нью-Йорк и Вашингтон. Если бы у них здесь было больше бомб, то список заминированных городов был бы длиннее.

Рейнолдс ушел, чтобы снять с дежурства мистера Димуиди. Он кипел от злости. Этот Макклинток не способен понять, что человек сделан из плоти и крови!

Димуиди ничуть не удивился:

— Знаете, совсем недавно напряжение вдруг исчезло, а потом… Ну, боюсь, я задремал. У меня было ужасное чувство, что я «отпустил» бомбу и она взорвалась, но потом я понял, что ошибаюсь.

Рейнолдс велел ему отдохнуть, а затем быть готовым прийти на помощь кому-нибудь из товарищей. Они остановились на Филадельфии — Димуиди там жил некоторое время.

Вахта продолжалась. Миссис Экштейн выда-

ла целых три предположения, но ответов пока не было; Рейнолдсу по-прежнему приходилось держать эти города под прицелом. Затем она пожаловалась, что ее «зрение» притупилось. Рейнолдс сходил к ней в комнату и велел ей ложиться спать, даже не посоветовавшись с Макклинтоком.

Подносы с завтраком появились и исчезли. Рейнолдс трудился изо всех сил, стремясь добиться того, чтобы его операторы могли отдохнуть. Сорок три человека и тридцать пять городов — ах, если бы иметь хоть по двое на каждый город! Возможно, каждый из них способен контролировать любой город? Нет, он не может так рисковать.

Проснулся Барнс и принял на себя Толидо. Теперь Пистолет был свободен. Может, поручить ему Кливленд? Норман работает бессменно, а Пистолет как-то раз проезжал через Кливленд на поезде. Цветной мальчуган просто уникум, но склонен к истерике, тогда как Пистолет… Словом, Рейнолдс был уверен, что проведи Пистолет даже неделю без сна, он будет последним, кто сойдет с рельс.

Нет! Нельзя доверить Кливленд человеку, который всего лишь раз проехал через него. Но когда Димуиди возьмет на себя Филадельфию, а Мэри

Гиффорд проснется, он сможет посадить ее на Хьюстон, что даст возможность Хэнку поспать, прежде чем его пересадят на Индианаполис, и тогда...

Настоящая шахматная задача, только все пешки в ней — ферзи, а ошибки непоправимы!

* * *

Макклинток забавлялся переключением селектора, вслушиваясь в то, что происходит в комнатах. Внезапно он заорал:

— Кто-то дрыхнет!

Рейнолдс взглянул на номер:

— Естественно. Это комната близняшек. Они работают поочередно. Вы можете услышать храп еще в двадцать первой, тридцатой, восьмой и девятнадцатой комнатах. Там все о'кей. Они спят после вахты.

— Ну ладно, ладно. — Макклинток явно чувствовал себя уязвленным.

Рейнолдс снова склонился над своими списками. Вскоре Макклинток опять взревел:

— Кто в двенадцатой?

— Что? Подождите-ка... Там Норман Джонсон, Кливленд.

— Вы хотите сказать, что он на вахте?!

— Да. — Рейнолдс услышал астматическое дыхание мальчугана, и это его успокоило.

— Он храпит!

— Нет, он не спит.

Но Макклинток уже мчался по коридору. Рейнолдс рванулся за ним, Хэнби и Хэммонд — вслед. Рейнолдс догнал его в тот момент, когда Макклинток уже ворвался в двенадцатую комнату. Норман полулежал в кресле, глаза его, по обыкновению, были закрыты. Макклинток подбежал к нему и отвесил пощечину:

— Продери глаза!

Рейнолдс схватил Макклинтока:

— Проклятый идиот!

Норман открыл глаза и тут же отчаянно разрыдался:

— Она взорвалась!

— Спокойнее, Норман! Все в порядке!

— Нет! Нет! Она взорвалась, и мамми ушла вместе с ней!!!

Макклинток рявкнул:

— Соберись, парень! Принимайся за дело!

Рейнолдс повернулся к нему:

— Убирайся! Убирайся отсюда, пока я тебе морду не набил!

Хэнби и Хэммонд стояли в дверях. Генерал

опомнился первым:

— Замолчите, доктор, и займитесь мальчиком, — хрипло прошептал он.

На командном пункте уже горел сигнал внешнего вызова. Рейнолдс остался успокаивать мальчика, и Хэнби взял трубку. Хэнби выслушал в мрачном молчании, потом сказал:

— Он прав. Кливленда больше нет.

Макклинток резко вскрикнул:

— Он спал! Убить его мало!

— Заткнитесь, — ответил Хэнби.

— Но…

— Есть еще что-нибудь, генерал? — спросил Рейнолдс, входя в комнату.

— Чего ради?

— А весь этот галдеж? Наверняка не менее десятка людей выбиты из колеи.

— Проверим. — Генерал снова вызвал Вашингтон, затем вздохнул с облегчением. — Нет, только Кливленд. Можно сказать… нам повезло.

— Генерал, — стоял на своем Макклинток, — он спал!

Хэнби посмотрел на него:

— Сэр, может вы и помощник президента, но лично вы военной властью не располагаете. Вон с моего командного пункта!

— Но я направлен президентом, чтобы…

— Вон с командного пункта, сэр! Возвращайтесь в Вашингтон. Или в Кливленд!

Макклинток окаменел. Хэнби добавил:

— Вы хуже худшего — вы просто дурак!

— Я информирую президента…

— Вмешайтесь еще раз, и президент вряд ли доживет до той минуты. Пошел вон!

К ночи ситуация резко осложнилась. Угроза все еще висела над двадцатью семью городами, а операторы Рейнолдса выбывали из строя быстрее, чем успевали обнаруживать новые бомбы. Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши даже после отдыха был не в силах встать на вахту.

— Видишь? — спросил он, бросая кости. — Пуст, как пересохший колодец. Все, я выбыл.

После этого Рейнолдс проверил всех, кто должен был заступить на вахту, и обнаружил, что некоторые из них безнадежны, — короткий сон ничего изменить не мог — они были «пусты».

К ночи осталось только восемнадцать операторов на девятнадцать городов. Близняшки со страхом вынуждены были расстаться — и ничего ужасного не произошло. Миссис Уилкинс «держала» Балтимор и Вашингтон — она взяла на себя Балтимор, когда там не оказалось замены.

Но теперь у Рейнолдса уже не было резервов для подмены, и три оператора — Нельсон, Пистолет и Бабуля Уилкинс работали бессменно. Рейнолдс слишком вымотался, чтобы волноваться. Он просто знал, что если хоть один из них достигнет предела своих возможностей, Соединенные Штаты потеряют город. Паника после гибели Кливленда вспыхнула снова. Дороги были забиты. Хаос затруднял поиски бомб, но изменить ситуацию Рейнолдс ничем не мог.

Миссис Экштейн все еще жаловалась на свое «зрение», но работу продолжала. У Гарри-киоскера с Милуоки дело не сдвинулось с мертвой точки, но подменять его смысла не было — другие города были для него «белым пятном». За ночь миссис Экштейн обнаружила бомбу в Хьюстоне. Она, по словам миссис Экштейн, находилась в ящике под землей. Гроб? Да, там есть и могильная плита, но прочесть на ней имя никак не удается.

Из-за этого покой многих недавно опочивших в Хьюстоне был потревожен. В девять часов воскресного утра Рейнолдс пошел сказать Мэри Гиффорд, что она может лечь спать или сменить оператора по Уилмингтону, если у нее еще есть силы. Он обнаружил Мэри в глубоком обмороке, уложил ее в постель, гадая, знает ли она, что

бомба в Хьюстоне обезврежена.

Теперь у него было одиннадцать городов и восемь людей. Бабуля Уилкинс «держала» четыре города. Никто, кроме нее, не мог взять на себя даже два. Рейнолдс тупо подумал, какое это чудо, что они все же держатся, — это чудо намного превосходило все, что операторы демонстрировали когда-либо.

Когда он вернулся, Хэммонд поднял на него глаза:

— Производили замену?

— Нет. Эта девочка Гиффорд выбыла надолго. Прежде чем все закончится, мы потеряем полдюжины городов.

— Некоторые из них, наверное, уже почти пустые.

— Будем надеяться. Еще бомбы найдены?

— Пока нет. А как вы, доктор, себя чувствуете?

— Как покойник трехнедельной давности.

Рейнолдс устало рухнул на стул. Он подумал, не разбудить ли кого-нибудь из спящих, чтобы посмотреть, в каком они состоянии, но тут внизу раздался шум. Рейнолдс вышел на лестничную площадку.

По лестнице поднимался капитан военной полиции.

— Приказано доставить ее к вам.

Рейнолдс поглядел на женщину, шедшую за капитаном.

— Дороти Брентано!!!

— Ныне Дороти Смит!

Сдерживая дрожь нетерпения, он объяснил ей, чего от нее ждут. Она кивнула.

— Я вычислила это еще в самолете. Карандаш есть? Тогда пишите: Сент-Луис — речной склад с вывеской «Барлетт и сыновья. Оптовая торговля». Ищите на чердаке. В Хьюстоне… нет, ее уже нашли. Балтимор — на корабле в доках, название «Золотой берег». Какие там еще города? Я потеряла уйму времени, вынюхивая там, где ни черта нет.

Рейнолдс уже во весь голос вызывал Вашингтон.

Последней от вахты освободилась Бабуля Уилкинс. Дороти обнаружила еще одну бомбу в Потомаке, но миссис Уилкинс грубовато велела ей продолжать искать. В Вашингтоне было четыре бомбы, о чем миссис Уилкинс, оказывается, знала с самого начала. Дороти нашла их за одиннадцать минут.

Спустя три часа, Рейнолдс, который никак не мог заснуть, зашел в гостиную офицерского клу-

ба. Несколько членов его команды закусывали и слушали радиопередачу о нашем воздушном налете на Россию. Рейнолдс даже слушать не стал; ну разбомбят там Омск и Томск, Минск и Пинск — ему сегодня было не до этого. Медленными глотками он пил молоко и думал о том, что никогда в жизни больше не прикоснется к кофе. К его столику подошел капитан Майклер:

— Вас вызывает генерал. Быстро!

— Чего это он?

— Я сказал — быстро! А где тут Бабуля Уилкинс… о, вот она! А кто такая Дороти Смит?

— Та, что сидит рядом с миссис Уилкинс.

Майклер ввел их в кабинет Хэнби. Тот кивнул:

— Садитесь вон там. Вы, леди, тоже. Постарайтесь держаться в фокусе…

Рейнолдс обнаружил, что он находится как раз против экрана телевизора, на котором возникло изображение президента Соединенных Штатов. Выглядел президент таким же усталым, каким чувствовал себя Рейнолдс, но все же улыбался:

— Вы доктор Рейнолдс?

— Да, мистер президент.

— А эти дамы — миссис Уилкинс и миссис Смит?

— Да, сэр.

Президент тихо сказал:

— Вы трое и все ваши коллеги получите наивысшую благодарность республики. И мою личную тоже. Но это подождет. Миссис Смит, бомбы есть еще, только они в России. Не может ли ваш удивительный дар обнаружить их там?

— Право, я не знаю… Ну я не… Я могу попробовать!

— Миссис Уилкинс, а вы можете взорвать эти русские бомбы, пока они далеко?

Просто невероятно, но она все еще сохраняла блеск в глазах и бодрость.

— А что, господин президент?

— Так как — сможете?

Взгляд Бабули устремился в неведомые дали.

— Нам с Дороти нужна какая-нибудь тихая комнатка и чайник с крепкой заваркой. Большой такой чайник.

Тяжесть небес[59]
Рассказ

По помещениям орбитальной станции разнесся голос:

— Всем факел-пилотам! Немедленно явиться к коммодору!

Джо Эпплби выключил душ, намереваясь послушать сообщение, но продолжения не последовало.

«Меня это не касается, — подумал он с удовольствием, — я в отпуске. Но не мешало бы убраться побыстрее, пока не передумали...»

Он оделся и, выйдя из душевой, зашагал по коридору. Коридор проходил по внешнему кольцу станции — этакого огромного колеса, висящего в небе, и медленное вращение этого колеса рождало силу, прижимающую ноги к полу, — некое подобие гравитации.

Едва Джо достиг своей каюты, громкоговоритель повторил:

— Всем факел-пилотам — явиться к коммодо-

---

[59] Примечания: 59
Перевод Н. Романецкого

ру! — И через мгновение добавил: — Лейтенанту Эпплби — явиться к коммодору!

Эпплби пробормотал короткое односложное слово.

Офис коммодора был переполнен. Все присутствующие носили эмблему с факелом, за исключением главного врача и самого коммодора Бэррио, который носил дюзы, эмблему пилота-ракетчика.

— …ситуацию, — сказал коммодор, когда Эпплби вошел в каюту. Скользнув взглядом по опоздавшему, коммодор закончил: — Таким образом, станцию «Прозерпина» может спасти только аварийный прыжок к Плутону. Вопросы есть?

Вопросов у присутствующих не нашлось. У Эпплби вопросы были, но он, как всякий опоздавший к командиру, решил не высовываться.

— Прекрасно, — подытожил Бэррио. — Джентльмены, этот кусок по зубам лишь факел-пилотам. Мне нужны добровольцы.

«Отлично, — подумал Эпплби. — Сейчас бравые парни шагнут вперед, и собрание закончится. Этак я даже успею на следующий рейс к Земле…»

— Добровольцев попрошу остаться, — сказал коммодор. — Остальные могут быть свободны.

«Превосходно, — подумал Эпплби. — Только не

бросайся к дверям сломя голову, малыш. Держись с достоинством и постарайся затесаться между парнями повыше ростом».

Парни повыше ростом остались сидеть на месте. Низкорослые последовали их примеру. Джо Эпплби почувствовал себя обманутым, но сыграть отступление в одиночку пороху не хватило.

— Благодарю вас, джентльмены, — спокойно сказал коммодор. — Не могли бы вы подождать в кают-кампании?

Эпплби, недовольно ворча, вышел с остальными. Конечно, он хотел бы когда-нибудь смотаться к Плутону, но не в тот момент, когда в кармане лежат отпускные документы!..

Как и все факел-пилоты, он презирал огромные расстояния. Старики-ракетчики все еще думали о межпланетных перелетах как о путешествиях длиной в годы — но эти дистанции факельщик с постоянным ускорением покрывает за считаные дни. По тем орбитам, какими пользовались ракетчики, Юпитер и обратно, — это пять лет жизни. До Сатурна вдвое дольше. До Урана — еще вдвое, до Нептуна — совсем далеко. Ни одна ракета никогда не пыталась достичь Плутона, путешествие туда и обратно заняло бы более девяноста лет. А потому плацдарм на Плутоне завоевали

лишь факельные корабли. С их помощью и создали станцию «Прозерпина». Криологическая лаборатория, пункт наблюдения за космической радиацией, обсерватория, занимающаяся измерением параллаксов, физическая лаборатория — и все это в пятислойном куполе, защищающем людей и оборудование от невыразимого космического холода…

А примерно в четырех миллиардах миль от станции «Прозерпина» Джо Эпплби шагал за одним из товарищей по профессии в кают-кампанию.

— Эй, Джерри! — окликнул он. — Не скажешь ли мне, куда это я собрался добровольцем?

Джерри Прайс оглянулся:

— Э, да тут припозднившийся Джо Эпплби!.. Ладно, но с тебя выпивка.

И Джерри рассказал, что с «Прозерпины» пришла радиограмма. На станции эпидемия болезни Ларкина.

Эпплби присвистнул. Болезнь Ларкина вызывалась мутировавшим вирусом — возможно, марсианского происхождения. В крови заболевшего резко падало количество эритроцитов. Затем очень быстрая смерть. При лечении помогал только метод массированного переливания

крови в течение всего периода болезни.

— А посему, мой мальчик, — заключил Джерри, — кому-то придется на всех парах нестись к Плутону с запасом консервированной крови.

Эпплби нахмурился:

— Мой отец в свое время дал мне два совета — всегда держать рот на замке и никогда не лезть в добровольцы!

Джерри ухмыльнулся:

— Ну, мы не совсем добровольцы.

— Сколько туда идти с ускорением? Дней восемнадцать или типа того? У меня есть кое-какие обязательства на Земле.

— Восемнадцать дней на одном *g* — но на этот раз перегрузки будут пожестче. У них почти не осталось доноров.

— Пожестче — это сколько? Полтора *g*?

Прайс покачал головой:

— Полагаю, два.

— Два *g*?!

— А что такого? Люди выдерживали и побольше…

— Ну да, в коротком вылете — но не дни напролет. Два *g* посадят тебе сердце, если вообще выдержишь.

— Не ной, тебя все равно не выберут — я больше

похожу на героя. Так что, когда будешь в отпуске, вспоминай обо мне. Я буду ангелом милосердия, с мрачной решимостью на лице попирающим бездонные пустыни космоса… Возьми-ка мне еще выпить.

«А ведь он прав, — подумал Эпплби. — И поскольку нужны всего два пилота, то у меня есть хороший шанс попасть на следующий рейс до Земли».

Он достал из кармана черную записную книжку и с энтузиазмом принялся изучать номера телефонов.

— Сэр, вы лейтенант Эпплби?

Джо обернулся. За спиной стоял ординарец коммодора.

— Да, я лейтенант Эпплби.

— Сэр, коммодор приветствует и просит вас немедленно явиться к нему, — скороговоркой отчеканил посыльный.

— Иду! — Джо поймал взгляд Джерри. — Так кто из нас больше похож на героя?

— Ты, разумеется! — Джерри улыбнулся. — Не взять ли мне на себя заботу о твоих обязательствах на Земле?

— Перебьешься!

— Перебьюсь, конечно… Удачи тебе, парень!

У коммодора Бэррио сидели главный врач и какой-то лейтенант, выглядящий постарше Джо.

— Присаживайтесь, Эпплби, — сказал Бэррио. — Вы знакомы с лейтенантом Клюгером? Это ваш капитан. А вы пойдете вторым пилотом.

— Слушаюсь, сэр!

— Эпплби, мистер Клюгер — самый опытный факел-пилот из тех, что у нас есть. А вас выбрали потому, что, по медицинским данным, у вас исключительная выносливость к перегрузкам. Это будет тяжелый полет, Эпплби.

— Каков уровень перегрузок, сэр?

Бэррио заколебался. И наконец сказал:

— Три с половиной *g*.

Три с половиной *g*!.. Джо мысленно присвистнул. Это не перегрузки — это испытание на разрыв…

— Прошу прощения, сэр, — запротестовал врач, — но максимум, что я могу разрешить, это три *g*.

Бэррио нахмурился:

— По закону право окончательного решения принадлежит капитану. И от этого решения зависят три сотни жизней.

— Доктор, — сказал Клюгер, — давайте-ка еще раз посмотрим график.

Врач протянул ему через стол лист бумаги. Клюгер развернул его таким образом, чтобы Джо мог видеть изображенную на нем кривую.

— Вот как это выглядит, Эпплби, — сказал Клюгер.

Кривая на графике сначала медленно опускалась, потом внезапно загибалась и резко падала вниз. Врач коснулся указательным пальцем точки перегиба.

— Вот это, — сказал он бесстрастно, — момент, когда доноры так же начинают страдать от нехватки крови, как и прочие больные. И если запасы не восполнить, положение быстро становится откровенно безнадежным.

— Откуда взялась эта кривая? — поинтересовался Джо.

— Так выглядит графическое отображение эмпирического уравнения болезни Ларкина, рассчитанного для двухсот восьмидесяти девяти больных.

Эпплби обратил внимание на вертикальные линии, пересекающие график. Каждая линия была помечена цифрами, выражающими ускорение и время. Возле крайней правой линии было написано: «1 *g* — 18 дней». Это означало, что, совершив рейс со стандартным ускорением, они прибыва-

ли на станцию «Прозерпина» к тому времени, когда эпидемия успевала выкосить весь персонал и спасать становилось некого. Два *g* сокращали продолжительность рейса до двенадцати дней семнадцати часов, и в этом случае жертвами болезни становилась половина колонии. Тройные перегрузки улучшали ситуацию, но количество погибших все еще было велико.

Теперь Джо понимал, почему коммодор настаивал на рискованных трех с половиной *g*. Вертикальная линия, помеченная этими цифрами, пересекала кривую в том месте, где она резко поворачивала вниз, и полет должен был продлиться девять дней и пятнадцать часов. Таким путем они сумели бы спасти почти всех, но — господи! — что это должен быть за рейс!

Продолжительность полета уменьшалась обратно пропорционально квадрату ускорения. Для восемнадцати дней требовалось всего одно *g*, тогда как для девяти дней нужно было четыре. А вот четыре с половиной дня обеспечивались уже фантастическими шестнадцатью *g*. И кто-то в уголке графика написал эти два числа — 4,5 и 16.

— Слушайте, ведь эти данные рассчитаны для факел-автомата! Как раз то, что надо. У нас есть хоть один?

— Да, есть, — тихо сказал Бэррио. — Вот только каковы его шансы?

Джо заткнулся. Корабли-автоматы частенько терялись даже в пространстве между внутренними планетами. Вероятность же того, что такой корабль сумеет попасть в зону радиоконтроля на расстоянии в четыре миллиарда миль… М-да-а-а!

— Разумеется, мы сделаем такую попытку, — пообещал Бэррио. — И если факел-автомат доберется до зоны радиоконтроля, я немедленно сообщу вам. — Он повернулся к Клюгеру. — Итак, ваше решение, капитан. Времени у нас мало.

— Ну что вам далась эта половина *g*? — сказал Клюгер врачу. — Помнится, я читал сообщение о шимпанзе, которого крутили на центрифуге очень долго и при очень больших перегрузках…

— Да, но это был шимпанзе, а не человек.

— А сколько тот шимп выдержал, док? — выпалил Джо.

— Три с четвертью в течение двадцати семи дней.

— Вот это да! Он в самом деле *выдержал*? В какой он форме был, когда все закончилось?

— Ни в какой, — коротко сказал врач.

Клюгер посмотрел на график, перевел глаза на Джо и наконец повернулся к коммодору:

— Ускорение будет в три с половиной *g*, сэр.

— Тогда вперед, — кивнул коммодор. — Отправляйтесь в лазарет. У вас очень мало времени.

Сорок семь минут спустя их погрузили в разведывательный факельщик «Саламандра».

«Саламандра» была пристыкована к орбитальной станции. Джо, Клюгер и их сопровождающие прошли по стыковочному туннелю, связывающему ось станции со шлюзом корабля. После полной промывки желудка и дюжины процедур и инъекций Джо чувствовал себя преотвратно. В голове был туман.

«Хорошо, — подумал он, — что старт производится в автоматическом режиме».

Разведывательный корабль предназначался для полетов при очень высоких ускорениях, и рычаги управления располагались над противоперегрузочными капсулами так, что до них можно было дотронуться пальцами, не поднимая руки. Врач и ассистент устраивали в капсулу Клюгера, а два медицинских техника занимались Джо.

— Нижнее белье гладкое? — спросил один из них. — Складок нет?

— Полагаю, все в порядке.

— И тем не менее придется проверить.

Он провел руками по телу Джо, а затем занялся устройствами, необходимыми любому человеку, вынужденному в течение нескольких дней находиться в одном и том же положении.

— Трубка слева от вашего рта — это вода, в двух справа — глюкоза и бульон.

— Пища только жидкая?

Парящий в воздухе врач повернулся к Эпплби и строго сказал:

— В этом полете ничего твердого не понадобится, не захочется да и не должно быть. А кроме того, будьте осторожны при глотании.

— Я уже сталкивался с перегрузками, док!

— Конечно, конечно. Но все-таки будьте осторожны.

Противоперегрузочная капсула была очень похожа на ванну. Правда, размеры ее были побольше, да и жидкость, заполнявшая ванну, была поплотнее воды. Сверху ванна закрывалась прикрепленной к ее краям резиноподобной пленкой. При перегрузках человек должен плавать в жидкости, упакованный как бы в кокон из пленки. А сейчас, когда «Саламандра» плыла по орбите и на корабле царила невесомость, пленка, кроме всего прочего, еще и не позволяла жидкости удрать из ванны.

Сопровождающие помогли Эпплби разместиться в центре капсулы и прикрепили его к пленке липкими лентами. Затем голову и шею Джо разместили в специальном подголовнике, который можно было подогнать по размерам персонально к каждому пилоту.

Врач перебрался к капсуле Джо, осмотрел его и спросил:

— Все в порядке?

— Да.

— Не забудьте, что я сказал о глотании. — Врач повернулся к Клюгеру. — Мы закончили, капитан. Разрешите покинуть ваш корабль?

— Да, спасибо, док.

— Удачи. — Врач вышел вслед за помощниками.

Рубка «Саламандры» не имела иллюминаторов. Впрочем, в них и нужды не было. Все пространство перед лицом Джо занимали экраны, приборы управления, экраны радаров и дисплеи для вывода данных. Возле лба находился окуляр коэлостата. Едва стыковочный туннель отошел от «Саламандры», на приборной панели вспыхнул зеленый сигнал.

Клюгер поймал взгляд Джо в зеркале, установленном перед ними.

— Второй, докладывайте!

— Минус семь ноль четыре минуты. Все системы в норме. Факел разогрет. Корабль к старту готов.

— Проверим ориентацию.

Окуляр коэлостата опустился к глазам Клюгера. Тот некоторое время смотрел в окуляр, потом сказал:

— Продублируйте меня, Джо.

— Есть, сэр!

Джо тронул кнопку, и окуляр опустился к его лицу. Изображения трех звезд идеально легли в перекрестье.

— Лучше и быть не может, капитан.

— Запросите разрешение на старт.

— «Саламандра» — центру управления. Прошу разрешения на «Прозерпину». Автоматический старт в программе. Проверка систем закончена, по всем параметрам зеленые огни.

— *Центр управления — «Саламандре». Старт разрешаю. Удачи!*

— Капитан, разрешение на старт получено. Минус три ноль-ноль.

Джо мрачно думал о том, что мог бы сейчас находиться уже на полпути к Земле. Ну какого черта военным всегда достаются всякие неожи-

данные спасательно-освободительные задания?!

А потом таймер начал отщелкивать последние тридцать секунд, и он напрочь забыл о своем несостоявшемся отпуске. Им овладело ликующее ожидание старта, привычная страсть пилотов. Лететь… не важно куда… Хоть к черту на рога, но лететь! И когда факел вспыхнул, Джо не выдержал и улыбнулся.

А потом на него обрушилась тяжесть.

При трех с половиной g он весил шестьсот тридцать фунтов. Джо чувствовал себя так, словно на него свалился мешок с песком. Тяжесть сдавила ему грудь, прижала голову к подголовнику, сделала его совершенно беспомощным. Он изо всех сил старался расслабиться, позволить жидкости окружить тело со всех сторон. Это для обычного, кратковременного стартового рывка требовалось собраться и напрячь все мышцы, здесь же, наоборот, нужно будет находиться в постоянном расслаблении.

Он старался дышать неглубоко и медленно. Атмосфера в рубке состояла из чистого кислорода, работы легких почти не требовалось. Но он едва мог дышать. А как трудится сердце, старающееся прогнать потяжелевшую кровь через суженные перегрузкой сосуды!.. Боже, помоги

мне, мысленно взмолился он. Я просто не сумею это выдержать. Да, однажды я сумел пройти через четыре *g* в течение девяти минут, но, кажется, тогда не было так плохо…

— Джо! *Джо!*

Эпплби открыл глаза и попытался потрясти головой:

— Слушаю, капитан.

Джо видел в зеркале лицо Клюгера, обвисшее и искаженное безрадостной улыбкой высокого ускорения.

— Проверить ориентацию!

Джо позволил руке всплыть в воздухе и свинцовыми пальцами коснулся кнопок управления прибором.

— Мы точно на курсе, капитан.

— Очень хорошо! Свяжитесь с Луной.

Станция слежения на Земле экранировалась факельной струей, но Луна была почти прямо по курсу, и Джо вызвал на связь лунную станцию. Оператор продиктовал ему данные наблюдения за стартом «Саламандры» и добавил к ним цифры, полученные с орбитальной станции. Джо повторял цифры вслух, а Клюгер вводил их в бортовой компьютер.

Когда работа закончилась, Джо обнаружил,

что напрочь забыл за ней о своем невыносимом весе. Зато теперь он почувствовал себя хуже, чем когда-либо. Отчаянно ныла шея, и, кажется, под левой икрой все-таки образовалась складка. Он поерзал, пытаясь разгладить ее, но стало только хуже.

— Как дела, капитан?

— Все в порядке. Отдыхайте, Джо. Я беру первую вахту на себя.

— Есть, капитан!

Джо попытался выполнить приказ, но тут же понял, каково отдыхается человеку, придавленному мешками с песком. Его кости ныли, а пресловутая складка превратилась в главного врага. Боль в шее стала еще сильнее — похоже, он просто вывихнул ее при старте. Джо попытался повернуть голову по-другому и тут же понял, что для нее существует всего два положения — плохое и хуже некуда. Тогда он закрыл глаза и попытался заснуть.

Десять минут спустя он был бодрее, чем когда-либо, его мысли были сосредоточены на трех вещах: боли в шее, раздражении под лодыжкой и ощущении тяжести по всему телу.

«Слушай, малыш, — сказал он себе, — ведь эти перегрузки не на один час. Расслабься, отнесись

к ним проще, иначе задолго до конца полета получишь адреналиновое истощение. Как там говорится в нашем уставе? „Идеальный пилот всегда должен быть расслаблен и спокоен. Сангвиник по темпераменту, он никогда не должен обращать внимание на мелкие неприятности…“ Что за штабная крыса это написала? Сунуть бы тебя, дружок, под три с половиной *g*, чтоб не писал такую чушь! Нет, прекрати, парень! Давай-ка переключимся на что-нибудь более приятное».

Он обратился мыслями к своей любимой теме — девушкам, благослови их Господь. Это был испытанный прием. Воспоминания о подружках не раз помогали ему преодолевать скуку миллионов миль космических путешествий. Однако на этот раз Джо достаточно быстро убедился, что призрачный гарем обманул его надежды. Он не сумел вызвать их образы в своем воображении, поэтому изгнал их прочь и вновь окунулся в несчастье…

Проснулся он в поту. Ему приснился кошмарный сон. Будто бы он направляется к Плутону и полет происходит при очень больших перегрузках.

Боже мой! Все так и было!

Тяжесть, казалось, возросла еще больше. Когда он пошевелил головой, бок пронзила острая

боль. Он задыхался, пот ручейками струился по лицу. Ручейки заливали глаза, и Джо попытался вытереть лицо рукой. Но тут обнаружилось, что рука ему не подчиняется, а кончики пальцев и вовсе онемели. Собрав все силы, он все-таки сумел передвинуть руку по груди и вытер глаза. Лучше не стало.

Он уставился на хронометр интегрирующего акселерографа и попытался вспомнить, когда же ему следует заступить на вахту. Не сразу, но до него дошло, что с момента старта минуло уже шесть с половиной часов.

Боже, да ведь ему давно пора сменить капитана!

Он перевел взгляд на зеркало. Лицо Клюгера было по-прежнему перекошено дьявольской усмешкой на три с половиной *g*, глаза закрыты.

— Капитан! — крикнул Джо.

Клюгер даже не пошевелился. Джо потянулся к кнопке сигнала тревоги, но тут же передумал: пусть бедняга хоть чуть-чуть поспит.

Но кто-то на борту и вкалывать должен... А посему пора прочистить себе мозги и браться за дело!

Акселерометр показывал заданные три с половиной *g*, судя по показаниям приборов, факел

оставался в штатном режиме, радиометр констатировал утечку менее десяти процентов от опасного уровня.

Интегрирующий акселерограф высвечивал на дисплее время, прошедшее с момента старта, а также скорость и пройденное расстояние, счисление пути проводилось для пустого пространства. На втором дисплее, пониже, светились эти же параметры, рассчитанные программой, управляющей полетом факельщика. Сравнивая эти пары, Джо легко мог определить, насколько фактическое местоположение корабля соответствует расчетному. Факел был зажжен менее семи часов назад, скорость была около двух миллионов миль в час, а пройдено было уже более шести миллионов миль. Еще на одном дисплее горели эти же параметры. Третий дисплей показывал все три числа, скорректированные с учетом гравитационного поля Солнца. Впрочем, этот дисплей Джо полностью игнорировал — в районе земной орбиты солнечное влияние не превышает одной двухтысячной g — ничтожная погрешность для таких приблизительных вычислений. Поэтому Джо просто отметил, что данные инерционной системы и расчетные совпадают; что ему было нужно, так это сверка с внешним наблюдателем.

И Земля, и Луна теперь одинаково экранировались конусом факела, а потому Джо крутил ручки до тех пор, пока радар не нацелился на Марс. Тогда он отправил кодовый сигнал, означающий «Где я нахожусь?». Ответа ждать не стал — сигнал достигнет станции слежения на Марсе только через восемнадцать минут. Вместо этого он взялся за коэлостат. Совмещенное изображение трех звезд слегка размазалось, но погрешность была слишком мала для того, чтобы производить коррекцию.

Джо зарегистрировал все свои манипуляции в бортжурнале, после чего ему стало намного хуже, чем раньше. Теперь ныли уже и ребра, а каждый вздох вызывал в легких острую боль. Руки и ноги из-за скудного кровообращения кололи бесчисленные иголочки. Он пошевелил ими, но это лишь привело к появлению мурашек на теле и утомило его. Тогда он замер и принялся наблюдать за увеличением скорости. За каждый час скорость возрастала на семьдесят семь миль в секунду. Или более чем на четверть миллиона в час. Цифры были потрясающие, но Джо впервые в жизни завидовал пилотам ракетных кораблей. Да, им требовалась целая вечность, чтобы куда-то добраться, но добирались они туда с комфортом.

Без факельных кораблей люди никогда бы не рискнули продвинуться дальше орбиты Марса. $E = MC^2$. Масса — это энергия, и фунт песка равен пятнадцати миллиардам лошадиных сил в течение часа. В атомных ракетах используется всего лишь доля процента этой энергии, тогда как современные факельщики используют больше восьмидесяти процентов. Конвертерная камера факельного корабля — самое настоящее крошечное солнце, и частицы вырываются из нее почти со скоростью света.

Эпплби всегда гордился тем, что он факел-пилот, но сейчас было не до гордости. Ноющая боль в шее перетекла в острую головную боль, он хотел согнуть колени, но не мог, и его тошнило от нагрузки на живот. А Клюгер оказался способным дрыхнуть в такой обстановке, черт бы его подрал!.. И как они могли подумать, что человек сумеет *выдержат*ь такое? Прошло всего восемь часов, а он уже полностью разбит, и у него уже совершенно нет сил. Так откуда взять их на целых девять дней?..

Позже — он уже потерял всякое представление о времени — Джо услышал, как его зовут по имени.

— Джо! *Джо!*

Боже, дайте же человеку умереть спокойно!.. Джо пошарил перед собой взглядом, нашел зеркало и изо всех сил попытался сфокусироваться.

— Джо! Вам пора сменить меня… Я плохо соображаю.

— Есть, сэр.

— Проверьте местоположение и ориентацию. Проверьте данные, Джо. Я слишком отупел и не могу этим заняться.

— Я это уже сделал, сэр.

— *Уже*?.. Когда?

Взгляд Джо медленно переместился на хронометр. Однако, чтобы разглядеть цифры, ему пришлось закрыть один глаз.

— Примерно шесть часов назад.

— Что?.. *Сколько сейчас времени?*

Джо молчал. «Да отвяжись же ты от меня», — думал он.

— Кажется, я был в отключке, — внезапно спокойным голосом сказал Клюгер. — Какова ситуация?

Джо молчал. Клюгер повысил голос:

— Я жду доклада, второй!

— Что?.. О, все в порядке: идем точно по расчетным… Капитан, я, похоже, подвернул левую ногу. Я отсюда не вижу.

— Что? Да плюньте вы на свою ногу!.. Какие были данные?

— Какие данные?

— Какие данные!.. Очнитесь, мистер! Вы на вахте.

«Вот пристал, — подумал Джо. — Если он не прекратит, я просто закрою глаза и буду его игнорировать».

— Данные, второй, — повторил Клюгер.

— Что?.. Возьмите из бортжурнала, если вам так не терпится, черт бы вас побрал!

Он ожидал взрыва, но его не последовало.

Когда он открыл глаза в следующий раз, Клюгер, кажется, снова «был в отключке». Джо не мог вспомнить, проверял ли капитан его действия по бортжурналу. Более того — он не мог вспомнить, заносил ли вообще хоть какую-то информацию в бортжурнал. Потом он решил, что настала пора провести следующую проверку местоположения корабля, но его мучила страшная жажда, и надо было сначала попить. Пил он очень осторожно, но все же капелька воды умудрилась попасть в дыхательное горло. Приступ кашля отозвался болью по всему телу и скрутил его настолько, что в мыслях не осталось ничего другого, кроме отдыха.

Немного отдохнув, он взглянул на хронометр.

Так, двенадцать часов и… Нет, минуточку! *Сутки* и двенадцать часов… Да этого же просто не может быть! Джо перевел взгляд на другие приборы. Скорость «Саламандры» уже превысила десять миллионов миль в час, и они находились на расстоянии более девяноста миллионов миль от Земли, успев выйти, таким образом, за пределы марсианской орбиты.

— Капитан! Эй! Лейтенант Клюгер!

Лицо Клюгера по-прежнему походило на ухмыляющуюся маску. Охваченный паникой, Джо пытался оценить сложившуюся ситуацию. Коэлостат вновь показывал идеальную картинку. Стало быть, либо корабль вернулся на курс самостоятельно, либо Клюгер произвел коррекцию. Или он сам это сделал? Чтобы разобраться, Джо решил просмотреть бортовой журнал. Найдя кнопку промотки бортжурнала, он с трудом нажал ее.

А потом обнаружил, что забыл остановить перемотку. Запись прокрутилась до самого старта и переключилась на воспроизведение. Свободные от информации участки проскакивали на большой скорости, и лишь там, где была зарегистрирована речь, лента замедлялась. Джо

прослушал собственный рапорт о первой проверке местоположения, затем ознакомился с сообщением станции слежения на Фобосе, спутнике Марса. Фобос сообщал, что «Саламандра» находится на расчетной траектории, и под конец поинтересовался: «Куда это вы мчитесь как на пожар?»

Оказалось, что несколькими часами ранее Клюгер и в самом деле произвел коррекцию. Лента, проскочив пустой участок, снова замедлилась: Клюгер диктовал кому-то письмо. Письмо было достаточно бессвязным и оказалось незаконченным. Один раз Клюгер прервался, крикнув: «Джо! Джо!» — и Джо услышал собственный ответ: «Ой, заткнись уже!» Странно, он совершенно не помнил об этом.

Джо знал, что должен заняться каким-то делом, но не мог припомнить каким. Он слишком устал, чтобы думать, да и все тело его терзала боль. Только ноги были от нее свободны — он их попросту не чувствовал. Джо закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. А когда снова открыл их, дисплей показывал, что со старта прошло уже почти трое суток. Джо снова закрыл глаза и пустил слезу.

Звонок гремел безостановочно. Джо осознавал, что на борту общая тревога, но не испытывал к

этому факту ни малейшего интереса. Ему лишь хотелось прекратить этот шум. Онемевшие пальцы напрочь не желали искать выключатель, но Джо сумел заставить их проделать это и даже принудил пальцы нажать кнопку. Однако едва он собрался отдохнуть после неимоверных усилий, как послышался голос Клюгера:

— Джо!

— Ну что еще?

— Джо, не засыпайте, или я снова включу сигнал тревоги. Вы слышите меня?

— Да…

«Значит, это сделал Клюгер, — подумал Джо. — Черт бы его побрал!»

— Джо, мне надо поговорить с вами. Я больше не могу.

— Что «не могу»?

— Выдерживать перегрузки. Я больше не могу — они убивают меня.

— О черт!

«И ради этого ты включил этот чертов звонок?»

— Я умираю, Джо. Я ничего не вижу — глаза отказали. Я должен выключить двигатель. Я должен это сделать.

— Ну так что вам мешает? — раздраженно

сказал Джо.

— А вы не понимаете?.. Вы должны поддержать меня. Мы сделали все, что смогли, но это невозможно выдержать… Мы оба запишем это в бортжурнале. Тогда все будет нормально.

— Что запишем?

— Черт возьми, Джо, сосредоточьтесь! Я не могу много говорить. Вы должны сказать… сказать, что перегрузки стали просто невыносимыми и вы посоветовали мне отключить двигатель. Я соглашусь с вами, и все будет нормально… — Сдавленный шепот Клюгера был еле слышен.

Джо не имел ни малейшего представления, о чем Клюгер говорит. Он даже не мог вспомнить, зачем Клюгеру понадобились эти дикие перегрузки.

— Джо, поторопитесь!

«Господи, ну что ты ко мне пристал? — подумал Джо. — Сначала разбудил, теперь нудишь над ухом — да ну тебя к черту».

— Ой, спите уже!

Он задремал, но звонок тут же разбудил его. Теперь пальцы Джо быстро нашли кнопку, и звонок заткнулся. Но Клюгер снова включил сигнал тревоги. Джо снова выключил. Наконец Клюгер угомонился, и Джо смог заснуть.

Очнулся он от ощущения свободного падения. И, все еще пребывая в экстазе — ведь тяжесть и боль исчезли без следа, — вдруг осознал: он по-прежнему на борту «Саламандры», а «Саламандра» летит к Плутону. Что же случилось? Неужели они уже достигли цели? Да нет, приборы показывали, что со старта минуло четыре с небольшим дня. Так что же?.. Порвалась лента с программой? Барахлит автопилот?.. И тут он вспомнил свое последнее пробуждение.

Клюгер погасил факел!

С физиономии Клюгера исчезла дьявольская усмешка, черты его лица казались обрюзгшими и старыми.

— Капитан! — крикнул Джо. — Капитан Клюгер!

Веки у Клюгера задрожали, губы шевельнулись, но Джо ничего не услышал. Он выскользнул из капсулы, переплыл к Клюгеру и завис над ним.

— Капитан, вы слышите меня?

— Мне пришлось сделать это, парень, — прошептал Клюгер. — Я спас наши с тобой жизни. Ты сможешь вернуть нас обратно, Джо?

Глаза Клюгера открылись, но смотрел он куда-то в пространство, за пределы рубки.

— Послушайте, капитан! Я должен снова за-

жечь факел.

— Что? Нет, Джо! Нет!

— Я должен.

— *Нет!* Это приказ, второй!

Эпплби пристально посмотрел в глаза Клюгера, а потом ребром ладони ударил его в челюсть. Глаза Клюгера закрылись, тело обмякло. Джо протиснулся между капсулами, отыскал трехпозиционный переключатель и перевел его с положения «Первый пилот, второй пилот» в положение «Только второй пилот». Пульт управления у капсулы Клюгера теперь был обесточен. Бросив взгляд на капитана, Джо обнаружил, что голова того свалилась с подголовника. Джо водрузил голову на место, тщательно закрепил ее липкой лентой и вернулся в свою капсулу. Здесь он столь же тщательно разобрался с собственной головой и потянулся к кнопке включения автопилота. Существовала какая-то причина, из-за которой они должны были продолжить полет, но даже под страхом смертной казни он бы не смог вспомнить эту причину. Он и не стал ее вспоминать. Он просто нажал на кнопку, и обрушившаяся тяжесть раздавила его в лепешку…

…На этот раз из полусна-полусмерти его вытащило ощущение головокружения. Голо-

вокружение продолжалось несколько секунд, появились даже позывы к рвоте. К счастью, рубка перестала вращаться вокруг него, и он принялся разбираться в показаниях приборов. Оказывается, «Саламандра» только что прошла половину пути, около тысячи восьмисот миллионов миль, и теперь перегрузки ускорения сменились перегрузками торможения. Скорость, превысившая три миллиона миль в час, начала снижаться.

Джо вдруг пришло в голову, что о случившемся событии надо бы доложить капитану — он уже забыл о том, что с каптаном были какие-то проблемы.

— Капитан! Эй, капитан!

Клюгер не пошевелился.

Джо позвал его еще раз, а потом нащупал пальцем кнопку сигнала тревоги.

Клюгер от звона не проснулся. Проснулась память Джо. Он тут же выключил сигнал, но вместо звона на него обрушилось чувство раскаяния. А к физическим перегрузкам, едва он вспомнил неприглядные факты, добавились стыд, ощущение утраты и паника. Он понимал, что все случившееся следует отразить в бортжурнале, но не мог найти слов. Как никогда разбитый и уставший, он отказался от своего намерения и

тут же впал в забытье.

Проснулся он от какого-то беспокойства. Что-то его мучило, что-то он должен сделать… чем-то он должен помочь Клюгеру… Чем?.. Факел-автомат…

Точно, вот оно! Если автоматический корабль достиг Плутона, все их мучения столь же автоматически завершаются. Посмотрим-ка… Со старта прошло уже более пяти дней. Если автомат сумел добраться до цели, то…

Он прокрутил ленту назад и отыскал записанное сообщение. В нем говорилось: «Орбитальная станция — „Саламандре“. С чрезвычайным сожалением сообщаем, что факел-автомату не удалось достичь назначенного места. Надеемся только на вас. Бэррио».

Увлекаемые тремя с половиной силами тяжести, по щекам Джо покатились слезы слабости и разочарования.

На восьмые сутки он понял, что Клюгер мертв. Он понял это не по зловонию разлагающейся плоти — он не был способен отличить его от острого запаха своего собственного тела — и не потому, что капитан ни разу не проснулся ни в момент разворота, ни позже, — всякое чувство времени было Джо утрачено, и он не мог этого осознать.

Но ему приснилось, что Клюгер зовет его: «Джо! Джо! Скорей!» — а он так придавлен тяжестью, что даже не может ответить.

Сон казался настолько реальным, что Джо попытался ответить капитану уже после того, как проснулся. И посмотрел на Клюгера в зеркало. Лицо Клюгера почти не изменилось, но Джо с ужасом понял, что капитан мертв. И тем не менее попытался разбудить его сигналом тревоги. В конце концов он сдался — пальцы его побагровели, и он не чувствовал своего тела ниже пояса; он подумал, что тоже умирает, и порадовался этому. А потом вновь погрузился в летаргическое забытье, ставшее его нормальным состоянием.

Когда после более чем девяти дней полета автопилот погасил факел, наступившая невесомость не привела Джо в сознание. Очнулся он позже, обнаружив себя плавающим в воздухе посреди рубки — каким-то образом его тело умудрилось выскользнуть из противоперегрузочной капсулы. Чувствовал он приятное томление и зверский аппетит. По большому счету именно голод его и разбудил.

Обстановка, в которой он очнулся, мало-помалу помогла ему восстановить события прошлого. Он подтянулся к своему пульту и проверил приборы

— прошло уже два часа, как наступила невесомость.

По плану полета траекторию посадки нужно было рассчитать еще до окончания основной программы, скорректировать после наступления невесомости, записать на ленту и загрузить в автопилот. Джо же ничего этого не сделал и потерял целых два часа.

Он проскользнул между капсулой и пультом и вдруг почувствовал, что у него парализованы ноги. Впрочем, бог с ними — ни в невесомости, ни в капсуле ноги не нужны. Главное, что руки хоть и плоховато, но слушаются.

Обнаружив мертвое тело Клюгера, он был по-настоящему потрясен, но тут же заставил себя успокоиться и взяться за работу.

Самым плохим было то, что он не имел ни малейшего понятия, где находится «Саламандра». Плутон мог быть за миллионы миль отсюда, а мог оказаться совсем рядом. Не исключено, что его уже заметили и даже передали параметры режима сближения. Самое время проверить бортжурнал.

Сообщения Джо обнаружил сразу: «„Прозерпина“ — „Саламандре“. Слава богу, вы появились! Вот элементы подлета».

Далее перечислялись временные характеристики управления факелом, а также расстояния, пеленги и допплеровское смещение.

Спустя некоторое время: «Вот новые, уточненные параметры. „Саламандра“, спешите!»

И еще, несколько минут назад: «„Саламандра“, почему задержка со стартом? Ваш компьютер вышел из строя? Можем произвести для вас все расчеты».

Мысль о том, что кто-либо помимо факел-пилота может рассчитать маневр факельного корабля, показалась Джо совершенно абсурдной. Он спешно взялся за работу, но тут же обнаружил, что руки не справляются с привычным делом — пальцы нажимали не те клавиши, и приходилось постоянно вносить исправления. И лишь через полчаса он сообразил, что проблема заключается не только в пальцах. Проблемой оказались сами по себе столь привычные и хорошо знакомые баллистические расчеты.

Он не мог рассчитать предстоящий маневр.

* * *

«„Саламандра“ — „Прозерпине“. Передайте параметры маневра для выхода на парковочную орбиту вокруг Плутона».

Ответ пришел настолько быстро, что Джо понял: они все сделали, не дожидаясь его запроса. С нудной тщательностью он набил ленту и вставил ее в автопилот. И только тут заметил величину перегрузки для торможения… четыре и три десятых.

Четырехкратная перегрузка при сближении…

Боже, а он-то рассчитывал, что сближение произойдет на одном *g*! Так бы оно и было, если бы он не потерял целых три часа…

Но это же нечестно! Чего они от него ожидают?! Он бессильно выругался, лег в противоперегрузочную капсулу, устроил голову в подголовнике и нажал кнопку, переключающую управление кораблем на автопилот.

У него было несколько минут свободного времени, и он потратил их на капризные жалобы. Они могли бы и получше рассчитать баллистику — черт, ему давно пора было догадаться! Его всегда подставляли. Это же старый добрый Джо — удобный мальчик для битья. И этот чертов Клюгер здесь, улыбается как дурак, а сам всю работу свалил на него, Джо!.. Если бы Клюгер тогда потерпел еще немножко…

На него обрушилось ускорение, и он потерял сознание.

Когда челнок подошел к «Саламандре», встречающие нашли на ее борту одного мертвого человека, еще одного почти мертвого, а также груз цельной крови.

* * *

А потом к Плутону пришел транспортный корабль, доставивший на «Саламандру» новых пилотов и забравший Эпплби домой. Джо оставался в лазарете, пока его не отправили для дальнейшего лечения на Луну. Перед отбытием он в сопровождении главного врача станции явился к Бэррио. Коммодор грубовато сообщил ему, что, выполняя это задание, факел-пилот Эпплби проделал отличную… дьявольски отличную работу. А когда беседа закончилась и врач помог Джо подняться из кресла, тот вдруг сказал:

— Коммодор!

— Я слушаю тебя, сынок.

— Ну-у-у… есть одна вещь, которую я не понял… э-э-э… я не понимаю… э-э-э… вот чего: почему я должен ехать… э-э-э… в гериатрическую клинику в Луна-Сити? Это ведь… э-э-э… для стариков. Я так всегда это понимал — ну, как я обычно понимаю. Сэр?

— Я уже объяснял вам, Джо, — прервал его

врач. — У них самая лучшая физиотерапия. И мы получили для вас специальное разрешение.

— Это правда, сэр? Но, сэр… э-э-э… — Джо выглядел растерянным. — Мне кажется смешным, ехать в стариковский… э-э-э… госпиталь.

— Так надо, сынок.

Джо смущенно улыбнулся:

— Хорошо, сэр, если вы так… э-э-э… считаете.

Джо и врач направились к выходу.

— Доктор, — позвал коммодор. — Задержитесь ненадолго. Ординарец, помогите мистеру Эпплби.

— Джо, вы доберетесь без меня?

— Ну конечно… э-э-э… мои ноги много лучше — видите?

Опираясь на плечо ординарца, Джо вышел.

— Доктор, — сказал Бэррио. — Давайте-ка начистоту… Он поправится?

— Нет, сэр.

— Но хотя бы лучше ему станет?

— Чуть-чуть, пожалуй… Во всяком случае, при лунном тяготении ему будет легче пользоваться тем немногим, что у него еще осталось.

— А умственные функции?

Врач помолчал и сказал:

— Видите ли, сэр… Большие перегрузки — это

ускоренный процесс старения. Ослабевают соединительные ткани, разрываются капилляры, сердечная мышца многократно превышает норму своей работы. Плюс гипоксия вследствие недостаточного снабжения мозга кислородом.

Коммодор в сердцах ударил кулаком по столу.

— А вы взгляните на случившееся иначе, сэр, — мягко посоветовал врач.

— Черт вас возьми! — взорвался коммодор. — Вспомните, каким он был прежде. Совсем мальчишка, подвижный, веселый и… И посмотрите на него теперь. Это же старик, дряхлый старик, понимаете?!

— И все-таки взгляните на происшедшее иначе, — настаивал врач. — Да, вы пожертвовали одним человеком. Зато спасли двести семьдесят.

— Пожертвовал одним человеком?! Если вы имеете в виду Клюгера, то он награжден орденом посмертно. Его жена уже получает пенсию. Это лучшее, на что может рассчитывать любой из нас… Но нет, доктор, я думаю вовсе не о Клюгере.

— Я тоже, — тихо сказал врач.

Все вы, зомби?..[60]
Рассказ

22:17, временная зона V (ВСТ)

7 ноября 1979 года, Нью-Йорк, бар «У Папули»

Я надраивал коньячную рюмку, когда вошел Мать-одиночка. Я отметил время — 10 часов 17 минут пополудни пятой зоны (или по восточному времени), 7 ноября 1970 года. Темпоральные агенты всегда отмечают время и дату. Обязаны.

Мать-одиночка был парнем двадцати пяти лет, не выше меня, с лицом подростка и раздражительным характером. Мне его вид не понравился — и никогда не нравился, — но именно его я прибыл завербовать. Этот парень был моим, и я встретил его своей лучшей барменской улыбкой.

Наверное, я излишне привередлив. Не такой уж он и зануда, а прозвище свое заработал из-за того, что если какой-нибудь любопытный тип интересовался, чем он занимается, он всегда отвечал: «Я мать-одиночка». И если был зол на весь мир

---

[60] Примечания: 60
Перевод А. Новикова

меньше обычного, иногда добавлял: «...за четыре цента слово. Я пишу исповеди для журналов».

Если настроение у него оказывалось паршивое, он пытался кого-нибудь спровоцировать на оскорбление. Дрался он жестоко, насмерть, как женщина-полицейский, — одна из причин, по которой он мне стал нужен. Но не единственная.

Он уже успел нагрузиться, и по его лицу было ясно, что люди сегодня отвратительны для него больше обычного. Я молча налил ему двойную дозу «Старого нижнего белья» и оставил бутылку на стойке. Он выпил и налил себе еще.

Я протер стойку.

— Как жизнь у Матери-одиночки?

Его пальцы стиснули стакан. Мне показалось, что сейчас он швырнет его в меня, и я нашарил под стойкой дубинку. Занимаясь манипуляциями во времени, стараешься предвидеть любую неожиданность, но тут замешано столько разных случайностей, что никогда нельзя идти на неоправданный риск.

Я увидел, что он расслабился на ту самую малость, которую нас учили подмечать в тренировочной школе Бюро.

— Извини, — сказал я. — Просто хотел спросить, как идут дела. Считай, что спросил, какая

сегодня погода.

— Дела нормальные, — кисло отозвался он. — Я кропаю, они печатают, я ем.

Я плеснул себе и склонился к нему.

— Знаешь, — сказал я, — а у тебя здорово получается, я кое-что из твоей писанины прочел. Ты изумительно хорошо понимаешь женский взгляд на мир.

Тут я допустил прокол, но пришлось рискнуть — Мать-одиночка никогда не раскрывал своих псевдонимов. Но он успел достаточно накачаться и поэтому вцепился только в последнюю фразу.

— Женский взгляд! — фыркнул он. — Да, я знаю, как бабы смотрят на мир. Еще бы мне не знать!

— Неужели? — усомнился я. — Сестры?

— Нет. Могу рассказать, только ты все равно не поверишь.

— Брось, — мягко ответил я, — барменам и психиатрам прекрасно известно, что нет ничего более странного, чем правда. Знаешь, сынок, если бы тебе довелось выслушать все то, что мне рассказывали… считай, богачом бы стал. Поразительные были истории.

— Ты и понятия не имеешь, что такое «поразительные»!

— Да ну? Меня ничто не удивит. Я всегда смогу

припомнить байку и похуже.

Он снова фыркнул.

— Спорим на то, что осталось в бутылке?

— Ставлю полную, — принял я вызов и поставил бутылку на стойку.

— Валяй…

Я махнул своему второму бармену, чтобы он обслуживал пока клиентов. Мы сидели у дальнего конца стойки, где я отгородил единственный табурет, уставив рядом с ним стойку банками с маринованными яйцами и прочей дребеденью. Несколько клиентов в дальнем конце смотрели по ящику бокс, кто-то гонял музыкальный автомат — словом, мы с ним уединились не хуже, чем в спальне.

— Ладно, — произнес он, — начнем с того, что я ублюдок.

— Этим здесь никого не удивишь.

— Я серьезно, — рявкнул он. — Мои родители не были женаты.

— Опять-таки ничего удивительного, — повторил я. — Мои тоже.

— Когда… — Он смолк, и я впервые за все время заметил в его глазах теплоту. — Ты тоже? Серьезно?

— Тоже. Стопроцентный ублюдок. Более того, —

добавил я, — никто в моей семье никогда не был женат. Все были ублюдками.

— Не старайся меня перещеголять — ведь сам ты женат.

Он показал на мое кольцо.

— А, это… — Я продемонстрировал ему кольцо. — Оно только похоже на обручальное, я его ношу, чтобы женщин отпугивать. Это кольцо — древняя вещичка. Я купил его в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году у другого нашего агента, а тот вывез его с дохристианского Крита. — Змей Уроборос, мировой змей, бесконечно заглатывающий собственный хвост. Символ Великого парадокса.

Он лишь бросил на кольцо мимолетный взгляд.

— Если ты и в самом деле ублюдок, то сам знаешь, каково им живется. Когда я был маленькой девочкой…

— Ого! — перебил я. — Мне не послышалось?

— Кто из нас рассказывает? Когда я был маленькой девочкой… Слушай, тебе ничего не напоминает имя Кристина Йоргенсон? Или Роберта Коуэлл?

— Гм, смена пола. Ты пытаешься рассказать мне…

— Не перебивай меня и не подначивай, а то не стану рассказывать. Меня подбросили в приют в Кливленде в тысяча девятьсот сорок пятом году, когда мне был месяц от роду, Когда я была маленькой девочкой, то очень завидовала детям, у которых были родители. Позднее, когда я узнала, что такое секс, — и поверь мне, Папуля, в приюте тебя быстро всему научат…

— Знаю.

— Я твердо поклялась, что у любого моего ребенка будут и папа, и мама. Это держало меня в «чистоте», что в том окружении было не так-то просто — мне пришлось ради этого драться. Став старше, я поняла, что у меня чертовски мало шансов выйти замуж — по той же причине меня и не удочерили. — Он нахмурился. — У меня было лошадиное лицо, такие же зубы, плоская грудь и прямые волосы.

— Ты выглядишь не хуже меня.

— А кого волнует, как выглядит бармен? Или писатель? Люди-то хотят удочерить маленьких голубоглазых блондиночек-идиоток. А парням, когда подрастешь, нужны выпирающие титьки, смазливая морда да еще чтоб почаще повторяла, какой он необыкновенный мужик. — Он пожал плечами. — Состязаться с красивыми дурами

я не могла. И поэтому решила завербоваться в ДЕВКИ.

— Во что?

— В Дамские евгенические войска, космическая интербригада. Их теперь называют Космические АНГЕЛы — Американский национальный гиперсексуальный евгенический легион.

Я вспомнил оба термина, сделав привязку по времени. Хотя теперь мы используем и третье название; это элитные женские части: Штурмовая любовная хабилитированная интербригада. Изменения смысла слов — самая большая пакость для прыгунов во времени. Знаете ли вы, что «станция обслуживания» когда-то означала место, где торговали легкими нефтяными фракциями? Как-то был я на задании в эпоху Черчилля, и женщина мне сказала: «Встретимся на станции обслуживания в соседнем квартале» — а это совсем не то, что вы подумали; «станции обслуживания» (в то время) не имели кроватей.

— Как раз тогда впервые признали, что нельзя посылать мужчин в космос на месяцы и годы, не предоставляя им возможность сбросить напряжение, — продолжил он. — Помнишь, как вопили ханжи? Но это лишь увеличивало мои шансы, добровольцев было очень мало. Девушке следо-

вало быть респектабельной, предпочтительно девственницей (им нравилось обучать девушек с нуля), умнее среднего уровня и эмоционально стабильной. Но добровольцами вызывались по большей части или старые девы, или невротические дамочки, которые свихнулись бы, не проведя в космосе и десяти дней. Так что от меня не требовалась красивая внешность — если меня принимали, то приводили в порядок зубы, делали завивку, учили ходить, танцевать, внимательно выслушивать мужчин и всему прочему, плюс тренировка по выполнению главных обязанностей. Если имелась необходимость, делали даже пластическую операцию — для наших парней ничего не жалко.

А что еще лучше, на срок действия контракта тебе не грозит опасность забеременеть, и после его окончания имеешь почти верный шанс выйти замуж. Да и сейчас все то же самое — АНГЕЛы выходят замуж за космонавтов.

Когда мне стукнуло восемнадцать, меня отправили работать «помощницей матери». Этой семейке просто-напросто требовалась дешевая прислуга, но я не возражала, потому что не могла завербоваться, пока мне не исполнится двадцать один год. Я делала всю домашнюю работу

и ходила в вечернюю школу — говорила, будто продолжаю начатые в школе курсы машинописи и стенографии, а на деле училась тому, как ловчее охмурять мужиков, чтобы иметь больше шансов при вербовке.

Потом я встретила того городского хлыща, набитого деньгами. — Он нахмурился. — У этого ничтожества и в самом деле была пачка стодолларовых бумажек. Как-то вечером он мне ее показал и предложил выбрать любую.

Но я не стала. Я любила его. Он стал первым мужчиной в моей жизни, который был со мной любезен, не пытаясь при этом залезть мне под юбку. Я бросила вечернюю школу, чтобы чаще с ним встречаться. То было счастливейшее время в моей жизни.

А потом однажды вечером в парке он все-таки залез мне под юбку.

Он смолк.

— И что потом? — полюбопытствовал я.

— А ничего! Больше я его никогда не видела. Он проводил меня домой, заверил, что любит, поцеловал, пожелал спокойной ночи — и больше не приходил. — Он помрачнел. — Если бы я смогла его отыскать, то убила бы на месте!

— Еще бы, — посочувствовал я, — прекрасно те-

бя понимаю. Но вот убить — за то, что произошло само собой, — хм… Ты сопротивлялась?

— Что? Да какая разница?

— Большая. Может, он на тебя так грубо накинулся, что заслужил, чтобы ему сломали руки, но…

— Он заслуживает гораздо худшего! Погоди, я еще не закончила. Мне удалось все устроить так, что никто ни о чем не подозревал, и я решила, что все кончилось к лучшему. Вряд ли я любила его по-настоящему, и больше, наверное, никого не полюблю… но после этого мне еще сильнее захотелось завербоваться в ДЕВКИ. Меня не стали дисквалифицировать, потому что на девственности они не настаивали. И я даже повеселела. Но догадалась лишь тогда, когда мне стали тесны юбки.

— Залетела?

— После этой сволочи меня раздуло, как воздушный шар! Эти жмоты, у которых я жила, не обращали внимания на мой живот, пока я могла работать, — а потом дали пинка под зад. В приют меня обратно не взяли. В конце концов меня приютили в больнице, в палате для бедных, где я выносила горшки за такими же толстопузыми бедолагами, пока не настал мой срок.

И вот однажды вечером я очутилась на операционном столе. Медсестра сказала мне: «Расслабься. А теперь глубоко вдохни».

Я очнулась в постели. Ниже груди я своего тела не ощущала. Вошел хирург.

— Как себя чувствуете? — весело спросил он.

— Как мумия.

— Естественно. Вас спеленали бинтами ничуть не хуже фараона и накачали лекарствами, чтобы вы не чувствовали боли. Вы скоро поправитесь… но сделать кесарево — это не занозу вытащить.

— Кесарево? — изумилась я. — Док… неужели ребенок умер?

— О нет. Ребенок в полном порядке.

— Уф-ф! Мальчик или девочка?

— Совершенно здоровая девочка. Пять фунтов и три унции.

Я расслабилась. Я очень гордилась тем, что родила, и сказала себе, что обязательно добьюсь того, чтобы добавить к своему имени «миссис», а дочка пусть думает, что ее папа умер. Мой ребенок в сиротский приют не попадет!

Но хирург еще не все сказал.

— Скажите, гм… — он не стал называть меня по имени, — вам никогда не казалось, что у вас железы не в порядке?

— Что? Конечно нет. На что вы намекаете?

Он немного смутился.

— Я расскажу вам все сразу, потом сделаю укольчик, чтобы вы заснули и справились с нервным потрясением. К сожалению, без него не обойтись.

— Почему? — потребовала я ответа.

— Никогда не слыхали о враче-шотландце, которая была женщиной до тридцати пяти лет? А потом ей сделали операцию, и она стала юридически и анатомически считаться мужчиной? Он женился, и у него все было в порядке.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Вы мужчина.

Я попыталась сесть.

— Что?

— Не надо так волноваться. Когда я вас вскрыл, то внутри обнаружилось черт знает что. Я послал за главным хирургом, пока извлекал ребенка, и мы тут же, не отходя от стола, обсудили ваш случай. А потом несколько часов работали, спасая то, что можно. У вас оказалось два полных набора органов, оба недоразвитые, но женские развились в достаточной степени, чтобы выносить ребенка. В дальнейшем они все равно оказались бы для вас бесполезны, поэтому мы их удалили

и переделали все таким образом, чтобы вы далее развились в мужчину. — Он ободряюще положил на меня ладонь. — Не волнуйтесь. Вы еще молоды, кости примут новую форму, мы проследим за гормональным балансом — и сделаем из вас прекрасного молодого мужчину.

— А что станет с моим ребенком? — заплакала я.

— Ну, выкормить вы его все равно не сможете, молока у вас не хватит даже на котенка. На вашем месте я не стал бы забирать девочку… лучше, если ее удочерят.

— Нет!

— Решать вам, — пожал он плечами, — вы ее мать… вернее, родитель. Но сейчас на этот счет не волнуйтесь, сперва нужно привести в порядок вас.

На следующий день мне позволили увидеться с ребенком. Ее приносили ко мне каждый день — я старалась к ней привыкнуть. До тех пор мне не доводилось видеть новорожденных, и я понятия не имела, как ужасно они выглядят — дочка напоминала мне оранжевую обезьянку. Постепенно во мне созрела холодная решимость научиться правильно с ней обращаться. Но через четыре недели все это перестало иметь значение.

— Вот как?

— Ее похитили.

— Похитили?

Мать-одиночка едва не опрокинул бутылку, на которую мы спорили.

— Сперли… слямзили прямо из детского отделения! — Он тяжело дышал. — Что бы ты почувствовал, если бы у тебя украли последнее, ради чего стоило жить?

— Тяжелый случай, — согласился я. — Дай-ка я тебе еще налью. И что, никаких следов?

— Полиция так и не нашла, за что ухватиться. Некто пожелал посмотреть на девочку, назвался ее дядей. Сестра ненадолго отвернулась, а он схватил ребенка и вышел.

— А как он выглядел?

— Нечем не примечательный мужчина, самое обычное лицо, как у тебя или у меня. — Он нахмурился. — Думаю, это ее отец. Сестра божилась, что на вид человек был средних лет, но он наверняка загримировался. Кому еще понадобилась бы моя девочка? Иногда на такую подлость решаются бездетные женщины — но мужчине-то это зачем?

— И что с тобой было потом?

— Одиннадцать месяцев в этой паршивой боль-

нице и три операции. Через четыре месяца у меня начала расти борода; перед выпиской я уже регулярно брился… и более не сомневался в том, что стал мужчиной. — Он кисло улыбнулся. — Даже стал заглядывать медсестрам за вырез халата.

— Что ж, — заметил я, — похоже, ты перенес это вполне успешно. Посмотри на себя теперь — нормальный мужик, зашибаешь неплохие бабки, никаких особых проблем в жизни. А у женщин жизнь легкой не назовешь.

Он зло сверкнул глазами.

— Много ты о женской жизни знаешь!

— Даже так?

— Не доводилось слышать выражение «загубленная женщина»?

— Мм, да. Много лет назад. Сейчас оно почти потеряло смысл.

— Моя жизнь была загублена так, как может быть загублена только жизнь женщины. Эта сволочь загубила ее так, что дальше некуда, — я перестал быть женщиной… и не знал, как быть мужчиной.

— Наверное, пришлось приспосабливаться.

— Ты даже представить не сможешь, чего мне это стоило. И дело даже не в том, чтобы научиться правильно одеваться или заходить в нужную

кабинку туалета — это я освоил еще в больнице. Но как мне следовало дальше жить? Какую работу я мог получить? Черт, я даже машину не умел водить. У меня не было профессии, а физический труд с самого начала был заказан — слишком много внутри швов и рубцов, нельзя напрягаться.

Я ненавидел его за то, что он погубил мою будущую карьеру в ДЕВКах, но по-настоящему возненавидел, когда провалилась моя попытка завербоваться в космические войска. Меня признали непригодным к любой воинской службе, едва взглянув на живот. Офицер-медик осмотрел меня из чистого любопытства — он уже слышал про мой случай.

Поэтому я сменил имя и приехал в Нью-Йорк. Перебивался, торгуя с уличной жаровни, потом взял напрокат машинку и подал объявление о том, что перепечатываю рукописи и документы. Смех, да и только! За четыре месяца мне заказали перепечатать четыре письма и одну рукопись. Рукопись предназначалась в журнал «Настоящие жизненные истории» и не стоила бумаги, которую на нее потратили, но ведь козел, что ее сочинил, продал ее в журнал! У меня возникла идея, я купил пачку журналов, где печатают та-

кие «признания», и изучил их от корки до корки. Теперь ты знаешь, откуда в моих историях про матерей-одиночек такое понимание женского взгляда на мир… хотя одну-единственную версию я им так и не продал — свою собственную, настоящую. Так что, выиграл я бутылку?

Я подтолкнул бутылку к нему. После его рассказа у меня на душе тоже кошки скребли, но дело есть дело, и за меня его никто не сделает.

— Сынок, — спросил я, — ты все еще хочешь ухватить за шиворот того сукиного сына?

Его глаза вспыхнули — холодным, жестоким блеском.

— Эй, полегче! — предупредил я. — Ты ведь его не убьешь?

— Дай попробовать — узнаешь, — зловеще усмехнулся он.

— Успокойся. Я о нем знаю больше, чем ты можешь вообразить. И могу тебе помочь. Я знаю, где он.

Его рука метнулась через стойку.

— Где он?

— Отпусти мою рубашку, сынок, — тихо посоветовал я, — или тебя найдут в переулке, а фараонам мы скажем, что ты перебрал и отрубился. — Я показал ему дубинку.

Он выпустил рубашку и посмотрел на меня.

— Извини, но где он? И откуда ты так много знаешь?

— Потерпи, всему свое время. Остались разные архивные записи — в больнице, в приюте, медицинские. Матрону в твоем приюте звали миссис Феверэдж? Потом ее сменила миссис Грюнштейн — правильно? А когда ты был девочкой, тебя звали Джейн — так? И ничего из этого ты мне не говорил — правильно?

Он смутился и слегка испугался.

— Что-то не пойму. Неужто ты собрался решать мои проблемы за меня?

— Не совсем. Просто ты мне по душе, парень. И того типа могу подать тебе на блюдечке. Можешь сделать с ним все, что сочтешь нужным, а я гарантирую, что тебе за это ничего не будет. Но убивать его и думать не смей. Для этого нужно быть психом — а ведь ты не псих. Вернее, не совсем еще псих.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Слушай, кончай треп. Где он?

Я плеснул немного в его стакан. Он был пьян, но злость начала пересиливать спиртное.

— Не гони лошадей, Я сделаю кое-что для тебя — а ты для меня.

— Э-э… а что?

— Ты не любишь свою работу. А что ты скажешь насчет высокого жалованья, постоянной должности, неограниченного счета на служебные расходы, полной самостоятельности и целого мешка приключений?

Он выпучил глаза.

— Знаешь, что я скажу? Не вешай мне лапшу на уши! Сливай воду, Папуля, — такой работенки не бывает.

— Ладно, сделаем иначе: я вручаю его тебе тепленьким, ты с ним рассчитываешься, потом пробуешь мою работу. И если окажется, что я наобещал тебе лишку… что ж, удерживать не стану.

Он покачнулся — последний стакан довел его до кондиции.

— К-к-гда ты его мне д-д-ставишь? — выдавил он.

— Если согласен, то прямо сейчас!

— По рукам! — сказал он, протягивая ладонь.

Я кивнул своему помощнику, чтобы приглядывал за обоими концами стойки, отметил время — ровно 23:00 — и уже присел, чтобы нырнуть в дверку под стойкой, но тут музыкальный автомат рявкнул: «Я мой собственный дедуля!» Техникам

было приказано зарядить его американской попсой и классикой, потому что я на дух не выношу «музыку» семидесятых годов, но я и не знал, что в автомате имелась и эта запись.

— Вырубите музыку! — крикнул я. — А клиенту верните деньги. Я в кладовую, сейчас вернусь, — добавил я и отправился туда.

Мать-одиночка шел следом.

Кладовая находилась в конце коридорчика напротив туалета — стальная дверь, ключ к которой имели только я и дневной управляющий, а внутри еще одна дверь, открыть которую мог только я. Мы вошли.

Он обвел помутневшими глазами глухие стены.

— Г-где он?

— Сейчас, — отозвался я, открывая саквояж — единственный предмет, находившийся в комнатке. То был координатный трансформер в полевом исполнении, выпущен в тысяча девятьсот девяносто втором году, вторая модель. Прелесть приборчик — ни одной движущейся детальки, весит полностью заряженный всего двадцать три килограмма и замаскирован под саквояж. Я уже провел днем точную настройку, и теперь мне осталось лишь вытряхнуть металлическую

сетку, ограничивающую поле трансформации.

— Это что т-т-кое? — встревоженно спросил он.

— Машина времени, — ответил я и набросил на нас сеть.

— Эй! — завопил он, делая шаг назад.

Тут есть особый приемчик: сеть нужно набросить так, чтобы субъект инстинктивно шагнул назад и наступил на сеть, а потом сомкнуть ее, полностью укутывая и его, и себя, — иначе можно оставить на этом месте подошву, а то и кусок ноги, или же прихватить с собой кусок пола. Но опыт приходит с годами. Некоторые агенты заманивают клиента под сеть; я же говорю правду и пользуюсь моментом, пока клиент пребывает в изумлении, чтобы щелкнуть переключателем. Так я и поступил.

19:39, зона V, 3 апреля 1963 года,

Кливленд, штат Огайо, Эпекс-билдинг

— Эй! — повторил он. — Сними с меня эту чертову сеть!

— Извини. — Я стянул сеть, сунул ее в саквояж и щелкнул замком. — Ты говорил, что хотел его отыскать.

— Но… Ты сказал, что это машина времени!

Я ткнул пальцем в окно.

— Разве там ноябрь? Или Нью-Йорк?

Пока он, разинув рот, пялился в окно на набухающие почки и весеннее солнце, я снова открыл саквояж и вынул пачку стодолларовых купюр, затем убедился, что номера и подписи на них не вызовут в 1963 году подозрения. Темпоральное бюро мало заботит, сколько ты тратишь (ему эти деньги ничего не стоят), но лишние анахронизмы ему ни к чему. Если станешь допускать слишком много ошибок, полевой суд приговорит тебя к изгнанию в какой-нибудь гнусный период, скажем, в 1974 год — время скудных пайков и принудительного труда. Я таких ошибок не допускаю, деньги оказались в порядке.

— Что произошло? — спросил он, оборачиваясь.

— Он здесь. Выходи и делай с ним, что хочешь. Вот тебе на расходы. — Я протянул ему деньги и добавил: — Когда кончишь свои дела, я тебя отыщу.

Стодолларовые купюры оказывают гипнотический эффект на тех, кто к ним не привык. Когда я ввел его в прихожую и открыл наружную дверь, он все еще теребил пачку, не веря своим глазам. Следующий прыжок представлял из себя легкое

перемещение в той же эре.

17:00, зона V, 10 марта 1964 года,

Кливленд, Эпекс-билдинг

Под дверь подсунули записку с извещением, что срок аренды квартиры истекает на следующей неделе, во всем прочем комната выглядела точно так же, как и секунду назад. Деревья на улице стояли голыми, низкие тучи обещали снегопад. Я торопливо вышел, задержавшись ровно настолько, чтобы надеть пиджак, шляпу и пальто, припасенные еще с той поры, когда я снял эту квартиру, поймал такси и поехал в больницу. Всего за двадцать минут я настолько наскучил помощнице медсестры, что смог незаметно похитить младенца и тут же вернулся с ним домой. На сей раз настройка оказалась сложнее, потому что в 1945 году это здание еще не существовало, но мне помогли справиться предварительные расчеты.

01:00, зона V, 20 сентября 1945 года,

Кливленд, мотель «Скайвью»

Трансформер, младенец и я появились в пригородном мотеле. Я заблаговременно зарегистрировался под именем Грегори Джонсона из Уэррена, штат Огайо, поэтому мы возникли в комнате с задернутыми шторами, закрытыми окнами и запертыми дверьми. Всю мебель я сдвинул к стенам — машина при срабатывании иногда рыскает в пространстве, и если, к примеру, стул стоит в неподходящем месте, можно сильно ушибиться. Стулу-то ничего не сделается, зато поле дает отдачу.

Появление прошло гладко. Джейн безмятежно посапывала, я вынес ее на улицу, уложил в заранее приготовленную корзинку на заднем сиденье машины, доехал до приюта, поставил корзинку на ступеньки, проехал пару кварталов до «станции обслуживания» (там продавали нефтепродукты) и позвонил в приют. Подъехал снова, как раз вовремя — корзинку на моих глазах внесли в приют, добрался до мотеля, бросил возле него машину, вошел и переместился в Эпекс-билдинг, в 1963 год.

22:00, зона V, 24 апреля 1963 года,

Кливленд, Эпекс-билдинг

Я вернулся с вполне приличной точностью — темпоральная точность, кроме случаев возврата в исходную точку, зависит от длительности прыжка. Если мои расчеты верны, то как раз сейчас в парке, пряным весенним вечером, Джейн обнаруживает, что она не совсем та «примерная» девушка, каковой себя считала. Поймав такси, я помчался к дому тех скупердяев, у которых она жила, велел водиле подождать за углом, а сам затаился в тени.

Наконец я заметил их в дальнем конце улицы, в обнимочку. Он поднялся с ней на крыльцо и занялся серьезным делом — целовал на прощание. Времени на это ушло куда больше, чем я предполагал. Потом она зашла в дом, а он спустился по ступенькам на тротуар и отвернулся. Я незаметно приблизился и взял его под руку.

— Вот и все, сынок, — прошептал я. — Я вернулся за тобой.

— Ты! — Он ахнул и затаил дыхание.

— Он самый. Теперь ты знаешь, кто он такой… а если пораскинешь мозгами, то догадаешься,

кто ты… если же напряжешься еще чуток, то вычислишь, кто этот младенец… и кто такой я.

Он не ответил, настолько оказался потрясен. И неудивительно — если тебе только что доказали, что ты не удержался и попытался обольстить сам себя. Я отвел его в Эпекс-билдинг, и мы совершили новый прыжок.

23:00, зона VII, 12 августа 1985 года,

база под Скалистыми горами

Я растолкал дежурного сержанта, сунул ему свое удостоверение и велел дать парню снотворное, уложить в постель, а утром завербовать. Сержант насупился, но начальство в любой эре остается начальством; он выполнил мой приказ, наверняка думая о том, что при нашей следующей встрече он может оказаться полковником, а я сержантом. В наших подразделениях такое не исключается.

— Как его звать? — буркнул сержант.

Я написал имя. Его брови поползли вверх.

— Вот как? Гм…

— Просто сделайте свое дело, сержант. — Я повернулся к своему компаньону. — Сынок, все твои неприятности кончились. Скоро ты присту-

пишь к лучшей из работ, известных людям… и станешь делать ее хорошо. Я знаю.

— Но…

— Никаких «но». Выспись хорошенько, потом обдумай мое предложение. Оно тебе понравится.

— Еще как понравится! — согласился сержант. — Ты на меня посмотри: родился в тысяча девятьсот семнадцатом году, а все еще служу, молод и наслаждаюсь жизнью.

Я вернулся в комнату для темпоральных прыжков и установил прибор на заранее рассчитанную нулевую точку.

23:01, зона V, 7 ноября 1970 года,

Нью-Йорк, бар «У Папули»

Я вышел из кладовой с литровой бутылкой «драмбуи», чтобы оправдать проведенную там минуту. Мой помощник все еще спорил с клиентом, запустившим в музыкальном автомате «Я мой собственный дедуля!».

— Да пусть доиграет до конца, потом выключишь автомат, — сказал я, борясь с усталостью.

Работа тяжелая, но ее кому-то надо делать, а в последующие годы, из-за Ошибки 1972 года, завербовать кого-либо очень трудно. Можете ли

вы придумать лучший способ вербовать рекрутов, чем находить отчаявшихся неудачников в их паршивом настоящем и предлагать им хорошо оплачиваемую и интересную (хотя и опасную) работу? Сейчас-то всем известно, почему Пшик-война 1963 года пшикнулась. Бомба, предназначенная для Нью-Йорка, так и не поднялась в воздух, сотни других событий пошли не так, как были запланированы, — и все это благодаря таким, как я.

Вот только Ошибка семьдесят второго… Нашей вины в том нет, а исправить ее невозможно — в ней нет скрытого парадокса, который можно направить в нужную сторону. Вещь или есть, или ее нет — сейчас и навсегда. Аминь. Но другой такой ошибки не будет; заказ, помеченный 1992 годом, в любой год имеет преимущество перед прочими.

Я закрыл заведение на пять минут раньше, оставив в кассе письмо дневному управляющему, в котором сообщал, что принимаю его предложение, так что пусть он встретится с моим юристом, а сам я отправляюсь в долгий отпуск. Деньги за проданный бар Бюро может принять, если захочет, но начальство требует, чтобы напоследок все дела приводились в порядок. Я зашел в комнатку

в кладовой и отправился вперед, в 1993 год.

22:00, зона VII, 12 января 1993 года,

Темпоральная база отдыха под Скалистыми горами

Я доложил дежурному офицеру о возвращении и отправился в свою комнату, намереваясь недельку поспать. Там я откупорил бутылку, на которую мы спорили (в конце концов, я ведь ее выиграл), и хлебнул, прежде чем сесть за отчет. Вкус оказался мерзким, и я задумался — с какой стати я считал, будто мне нравится «Старое нижнее белье». Но лучше эта дрянь, чем совсем ничего: мне не нравится оставаться трезвым, начинаю слишком много думать. Но я и не напиваюсь; другим мерещатся змеи, а мне люди.

Я продиктовал отчет: сорок рекрутов, все одобрены психологами, включая меня самого, — я заранее знал, что тут проблем не возникнет. Ведь я уже служу, верно? Потом добавил рапорт с просьбой назначить меня на операции — от вербовки меня уже тошнило. Спустив оба документа в почтовую щель, я направился к койке.

Мой взгляд сам остановился на висящем над нею «Темпоральном уставе»:

Никогда не делай вчера того, что следует сделать завтра.

Если тебе наконец удалось добиться успеха, никогда не повторяй попытку.

Стежок во времени спасает девять миллиардов жизней.

Любой парадокс может быть отпарадоксирован заново.

Сейчас раньше, чем ты думаешь.

Предки всего-навсего люди.

Даже Юпитер иногда ошибается.

Он уже не вдохновлял меня так, как во времена моей рекрутской молодости; тридцать субъективных лет-прыжков во времени способны вымотать кого угодно. Я разделся и, стянув майку, посмотрел на живот. После кесарева сечения остается большой шрам, но я стал таким волосатым, что его совсем не видно, если специально не приглядываться.

Потом взглянул на кольцо у себя на пальце.

Змей, вечно пожирающий собственный хвост… Мне-то известно, откуда я взялся… но откуда взялись все вы, зомби?..

Я ощутил, как наваливается головная боль, но я никогда не принимаю лекарств от головной боли.

Однажды я попробовал — и вы все исчезли.

Поэтому я залез под одеяло и свистнул, гася свет.

Вас здесь на самом деле нет. Тут, во мраке, нет никого, кроме меня, Джейн. Совсем одной.

И как же мне тебя не хватает!

Выявленные дефекты[61]
Рассказ

Так-то для многих своих современников Хайнлайн запомнился как «нахальный сукин сын, весь в белом», который внезапно заявлялся на конвенты, принимал награду из рук обомлевшего оргкомитета и, поулыбавшись, исчезал в своих безбрежных небесных далях. Но, по другим воспоминаниям, Боб был человек вполне земной, в компании был весел, пил, пел и за словом в карман не лез. И мог подняться в президиум Всемирного форума научных фантастов с бюстгальтером, свисающим с плеча, и долго рассказывать, как вчера покуролесили с этой, как ее… и ведь на самом-то деле практически не врал, подлец этакий. В глубине души Хайнлайна по-прежнему жил морячок с нижних палуб, ждущий увольнительной, и шуточки его были по-морскому весьма соленые. И если в официальной обстановке писатель обычно соблюдал некоторую сдержанность, то в письмах друзьям

---

[61] Примечания: 61
Перевод С. В. Голд

часто отрывался по полной.

В 1975 году друг Хайнлайна Томас Н. Скортия и его соредактор Джордж Зебровски прислали свежеотпечатанную книгу «Human-Machines». Это был тематический сборник рассказов о киборгах — полулюдях-полумашинах. Книга была любезно посвящена «Роберту Хайнлайну, учившему нас обоих». 30 ноября 1975 года Боб написал Томасу и Джорджу письмо, в котором, поблагодарив за теплое посвящение, поинтересовался, чему же именно он научил их обоих.

> *Спасибо за это весьма приятное посвящение. Не верить обещаниям редакторов? Или всегда проверять, что авторское право остается у вас, а не у издателя? Или не предоставлять им никаких прав, кроме конкретного права платить наличными у постели больного? Если какой-то из пунктов этого списка вы узнали от меня — что ж, я рад, потому что изучил это на собственном горьком опыте и не хотел бы видеть, как кого-то из писателей в очередной раз кинуло жулье.*
>
> ***Боб***

Это было в постскриптуме. Само же письмо

состояло из текста жалобы, которую некий Робот Хайнлайн направил своим создателям. Вот она:

ВЫЯВЛЕННЫЕ ДЕФЕКТЫ: ЗАПИСКА ОТ КИБОРГА

Отправитель: Модель-Х 69-606-ZSCCC-75-РЭХ (ранее Роберт Э. Хайнлайн).

Получатель: Корпорация «Комплекс киборг, создатель неравных возможностей».

Кому: М-ру Дж. Зебровски и м-ру Т. Н. Скортия

Тема: Выявленные дефекты в упомянутой модели.

* * *

1. Помогите!

* * *

2. а) Нейроэлектронные инженеры, блин! Это ж надо иметь такую наглость! Перед тем как вы вынули меня из коробки, я сказал вам, что весь мой гомостаз пошел на хрен, вразнос и трясется, как желе. Один из вас — тот, что пострашнее на морду, хотя вы оба те еще уроды, похлопал меня

по правой gluteus maximus[62] и небрежно обронил, что все устаканится, когда я встану на ноги. Фуфло! Да, я больше не трясся, как желе, — меня швыряло, как лодку по волнам. Думаю, в районе шести и семи по шкале Рихтера. А что еще хуже, тут образовалась положительная обратная связь. Я направляюсь к двери, понимаете? Большая такая, широкая дверь, и я самую капельку меняю курс, чтобы не зацепить справа дверной косяк, — и со всей дури въезжаю прямо в него. Арендодатель теперь требует, чтобы *я* заплатил за ущерб. Я сказал старому ублюдку, чтобы его адвокат послал счет КорКомКиб и потребовал с них утроенной компенсации.

* * *

б) Это еще только цветочки. Вот увидите, что мой крючкотвор с вами сделает! Ваш топовый товар, ваш супер-пупер, ваш Безотказный Всегда Готовый Вечный Дружок Из Неоплоти. Правильно, он никогда не отказывает. Едва я вижу телочку с буферами, как у Венеры, шикарным передком и вопросом «Что Насчет Этого?» в глазах — как тут же у меня слюнки текут. Нет, совсем не в том

---

[62] Примечания: 62
Ягодичная мышца *(лат.)*.

смысле, что вы подумали. У меня вскипает животная страсть к солодовому молочку и сочным чизбургерам. Хуже всего бывает по утрам, когда, проснувшись, я иду к Белому Другу и встаю над ним, — и тут до меня долетает запах жареного бекона… Бэмммс! Как фонарный столб! И я мочусь на потолок. Вслед за плевком растраченного синтесемени. Кто перепаял эти нервы? Хоть один из вас двоих умеет считать до двенадцати, не снимая обуви?

* * *

в) Что еще хуже — когда я пытаюсь отнестись к этому философски и выкрутиться подручными средствами, став Самому Себе Лучшим Другом, вот что происходит: я раздеваюсь, устраиваюсь на кровати и начинаю думать о яблочном пироге с мороженым. Старина Безотказный немедленно набухает, высотой сантиметров этак двадцать и соответствующей толщины. Я едва-едва могу обхватить его рукой. Думаете, я жалуюсь? О, ничего особенного, это только нюанс. Но я ни черта не чувствую. Вообще. Я говорил вам не использовать тефлон? И еще клей «Суперцемент». Что случилось? Нет, меня не спрашивайте — это вы у нас «эксперты». Но, очевидно, сенсорная

сеть псевдонервов не имеет контакта с поверхностью. Она у вас отключена или повреждена. Возможно, если использовать скрутку вместо клея, это что-то изменит — но только не у таких умельцев, как вы двое. Я отнесу свою гарантию в отдел Джона Хопкинса из «Дженерал моторс», и там все сделают, как надо. Они вам пришлют счет, и, возможно, вам удастся обналичить свою медицинскую страховку и набрать кредитов, чтобы оплатить его. Возможно.

* * *

3. Нет-нет, не уходите! Я еще не закончил. Тот «техник», которого вы прислали «обслужить» меня. Обдолбанный жулик с бельмом и болезнью Паркинсона. Он вытянул меня на дыбе и прикрутил ремнями, а потом, не отключив меня, начал вынимать куски из моего черепа. Я очень мягко указал ему на это, — в конце концов, все мы делаем ошибки, время от времени. «Ифвените, фэр», — ответил он очень вежливо и выключил меня, не успев нанести какого-нибудь реального ущерба. А потом он промывает мой гиппокамп… *пемолюксом!* Я видел банку. Затем «очищает»

мою amygdala cerebelli[63] ногтем большого пальца, радостно поясняя, что так гораздо мягче, чем кюреткой[64]. Если бы я мог двигаться, я бы откусил ему этот палец к чертовой матери. Но я не испытываю к нему ненависти — он просто несчастный лишенец. Но что касается вас двоих… Как только закончатся побочные эффекты от лошадиной дозы антибиотиков, которую я принял, чтобы устранить последствия моего «обслуживания», я намерен нанести визит в ваш убогий КомКиб. Я загружусь АТФ по самую маковку, чтобы переключиться на суперскорость, пролечу мимо ваших охранников, как Человек-невидимка, и двину прямехонько в ваш офис. А там я спущу с вас штанишки и подпалю волосатую чащу вокруг ваших яичек. Если они у вас есть. Когда это будет? Не волнуйтесь, вы заметите, когда это произойдет. Но я не стану отыгрываться на том вашем придурке. Я уже высказал ему все, что о нем думаю. Это его нисколько не смутило. Он просто пожал плечами и сказал: «Ифвените, фэр, это не мой отдел. Ефли вам что-то не по нраву, в вашей гарантии напифано, что в течение пер-

---

[63] Примечания: 63
Мозжечковая миндалина *(лат.)*.

[64] Примечания: 64
Кюретка — хирургическая или маникюрная ложка или крючок.

вого года вы в любой момент можете вернутьфя в коробку, бефплатно. А в течение дефяти лет только фа номинальную плату фа дофтавку и утилифацию».

* * *

4. Соль на раны. Нет уж, господа, простите, но вы *не* упрячете меня обратно в коробку! Если ДжХоп из «ДжМот» не сможет меня починить, я пойду в «Фольксваген-юберменш» и заключу с ними сделку с отказом от претензий. Чтобы они снимали, когда будут вскрывать его и ремонтировать, а потом *опубликовали* образец вашей работы (в «Международном журнале хирургии и протезирования киборгов», разумеется, с моими пояснениями и юридически заверенными показаниями). Но вы увидите меня еще раньше. Сегодня с утренней почтой пришел свежий журнал «Сайенс»… и в нем я увидел на внутренней стороне обложки ваш разворот: там было мое фото (сделанное без моего ведома и согласия). На этом фото я голышом, будто на развороте «Пентхауса», со стариной Безотказным, рвущимся в бой. Возможно, я не обратил бы на это внимания. В конце концов, я довольно красив — моя мамочка всегда мне это говорила… и старина Безотказный

впечатляет — чисто внешним видом, а не тем, как он функционирует. Но под этим написано: «Наша улучшенная и усовершенствованная *серийная* модель (курсив мой) 69-606-ZSCCC. Звоните нам по бесплатному номеру…» — и прочая лабуда. Вот это меня достало! О, разумеется, я выкачу вам иск. Но вы увидите меня гораздо раньше. Смотрите четвертый канал в среду вечером, после одиннадцати, шоу только-для-взрослых-у-нас-можно-все с ведущим Джонни («Джеком-потрошителем») и Моделью-X 69-606 и так далее в качестве приглашенной звезды. Информационная поддержка — журнал «Сайенс». В студии будет достаточно тепло, чтобы не мерзнуть голому. И еще там будет стоять горшок. С его помощью я продемонстрирую публике, что мне приходится вставать на руки, чтобы пописать.

Надеюсь, вы оба также в добром здравии,

Икс
Модель-X 69-606-ZSCCC-75
(ранее Роберт Э. Хайнлайн)

«Цель высшая моя»[65][66]
Рассказ

Редактор отдела местных новостей велел мне отправляться на угол Седьмой и Спринг.

— Там какая-то история, — сказал он. — Сбегай и проверь.

— Какого сорта история?

— Они сказали, что там воняет.

— Почему бы нет? — сказал я — Банк «Колам-бия» на одном углу, Первый национальный трастовый на другом, а мэрия и «Дэйли тайд» чуть дальше по улице.

— Не умничай, — попросил он. — Я имею в виду

---

[65] Примечания: 65

«My object all sublime» *(англ.)* — строка из оперетты «The Mikado, or, The Town of Titipu» Гильберта и Салливана (1885):

> *My object all sublime*
> *I shall achieve in time*
> *To let the punishment fit the crime*
>
> *Цель высшая моя*
> *со временем ее достигну я*
> *чтоб наказанье преступленью стало равным…*

Название дословно совпадает с названием рассказа Пола Андерсона, опубликованного в 1947 году. — *Примеч. С. В. Голд.*

[66] Примечания: 66
Перевод С. В. Голд

— реально воняет, вот совсем как от тебя.

Для Доббса это нормально — учитывая его язву желудка и его милую женушку.

— Да что там стряслось-то? — спросил я, игнорируя колкость.

— Похоже, на том перекрестке теперь небезопасно проезжать на машине, — ответил он на полном серьезе. — После него от тебя несет, как из телефонной будки. Узнай, почему это происходит.

* * *

Я припарковался и тщательно изучил обстановку. Не было ничего, на что я мог бы указать пальцем[67], но в воздухе что-то витало. Некая нервозность и неопределенность. А время от времени я улавливал какой-то неприятный душок, что-то вроде застарелой гнили. Запах воскрешал в памяти то морг, то китайскую речную лодку[68]. И он послужил мне ключом к разгадке того, что

---

[67] Примечания: 67

Указать пальцем — в оригинале: «не было места, куда я мог бы вложить свой перст» — библейское выражение из истории о Фоме неверующем, о ране и вложенном в нее персте. — *Примеч. С. В. Голд.*

[68] Примечания: 68

Китайскую речную лодку — возможно, имеется в виду сампан, плавающий дом. — *Примеч. С. В. Голд.*

произошло дальше…

Грузовик проскочил светофор в тот момент, когда переключался свет. У него было время, чтобы остановиться, но он этого не сделал — и едва не сбил какого-то доходягу на пешеходном переходе. Последовало пронзительное «пшшшш», водитель грузовика изумленно выпучил глаза, а потом бросился яростно протирать их. Когда он проезжал мимо, я почувствовал *это*.

На сей раз никакой ошибки — он вонял, как целый съезд танцовщиц из стрип-клубов (специальный приз за диапазон и дальность действия).

Грузовик, вихляя из стороны в сторону, прокатился еще несколько ярдов, потом застрял на трамвайных путях. Я пришвартовался рядышком.

— Что случилось, приятель? — спросил я у водителя, но он все никак не мог продышаться, и я поскорее отвалил в сторону, пока запах не впитался в мою одежду.

Потом вернулся на перекресток. У меня возникла одна идея, и мне захотелось ее проверить. В последовавшие тридцать минут семнадцать водителей, один за другим, вытворяли вещи, которые я терпеть не могу. Они нагло перли вперед на левый поворот, ревели сигналами, игнориро-

вали пешеходов, ну и тому подобное. И каждый из них получал свою дозу *одеколона*, как правило — в сопровождении шипящих звуков.

Я начинал постигать интригу происходящего, когда пристроился к почтовому ящику на углу.

— Ох, простите! — вежливо произнес чей-то голос у меня за спиной.

— Ничего страшного, приятель, — ответил я и оглянулся.

Вокруг меня никого не было. Вообще никого.

Конечно, бурда, которую мы пьем на работе, дешевле керосина, но я был уверен, что она не настолько дрянная, чтобы от нее начались глюки. Осознав это, я протянул руку к ящику. В футе от него мои пальцы наткнулись на что-то твердое и вцепились в добычу. Послышался сдавленный вздох, затем наступила тишина.

Я подождал немного, а потом очень мягко сказал:

— Ну же, Калиостро, похоже, теперь твой ход.

Никакого ответа. Я сжал в руке кусок воздуха и крутанул его:

— А если так?

— О боже! — послышался тот же самый деликатный голос. — Похоже, вы поймали меня. Что прикажете теперь делать?

Я задумался.

— Мы не можем торчать здесь, изображая статуи. Давай поговорим по-человечески. Тут за углом есть пивная. Если я тебя отпущу, ты придешь туда?

— Ну конечно! — ответил голос. — Что угодно, лишь бы выйти из этой неловкой ситуации.

— Только без фокусов, — предупредил я. — Попробуй смыться, и тебя начнут искать с краскопультами. Это положит конец твоим шуткам.

— О, ни в коем случае! — заверил меня пустой воздух, и я его отпустил.

* * *

Я прикончил бутылку пива в забегаловке, о которой шла речь, пока не припорхнул мой воробушек. Он нервно огляделся вокруг, подошел к моему столику и уставился на меня.

— Это вы? — спросил я недоверчиво. — Калиостро?

Он вздохнул и кивнул.

— Хорошо, я… пропустим это. Берите стул, присаживайтесь. Пиво?

Он беспокойно заерзал:

— Мм… можно, я закажу немного бурбона?

— А вы знаете, чем уколоться, папаша, — по-

хвалил я и поманил официанта. — Джо, принеси этому джентльмену немного «Кентукки» восьмилетней выдержки.

Когда Джо вернулся, этот Каспар Милкетост[69] взял стакан, плеснул в него на четыре пальца и выпил не отрываясь. После чего вздохнул облегченно.

— Теперь мне гораздо лучше, — объявил он. — Знаете, у меня сердце…

— Знаю-знаю, — подтвердил я. — Очень не хотел вас расстраивать, но это все во имя науки, да.

Его лицо просветлело.

— Вы тоже изучаете науку? На чем вы специализируетесь?

— На психологии толпы, — ответил я. — Я репортер из «Графики».

Он тут же помрачнел, поэтому я поспешил его успокоить:

— Не волнуйтесь. Сейчас мы просто поговорим, так сказать, не для протокола, а статью обсудим попозже.

Он немного расслабился, и я продолжил:

---

[69] Примечания: 69

Каспар Милкетост — герой комиксов Г. Т. Вебстера (1885–1952). Имя персонажа происходит от безвкусной и безобидной еды, молочных тостов, которые легко усваиваются и подходят для людей со слабым или «нервным» желудком. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Прямо сейчас меня интересуют две вещи. Я полагаю, что вы имеете какое-то отношение к джимхане[70] на углу Седьмой и Спринг — не говоря уже о том, что вы прятались за кусочком воздуха. Давайте колитесь, профессор.

— Но я не профессор, — возразил он тем же самым застенчивым голосом, выкушав еще виски на четыре пальца. — Я частный исследователь в области спектроскопии. Меня зовут Катберт Хиггинс.

— Хорошо, Катберт. Я Картер. Зовите меня Клив. Давайте-ка разберемся. Что это было? Зеркала?

— Не совсем. Это трудно объяснить непрофессионалу. Вы сведущи в продвинутой математике? К примеру, в тензорном исчислении?

— Я успешно добрался до неправильных дробей, — похвастался я. — А эти ваши тензоры проходят после?

— Э-э-э, боюсь что так.

— Ладно, — сказал я. — Излагайте. Я постараюсь продержаться, сколько смогу.

— Очень хорошо, — кивнул он. — Вы наверняка знакомы с обычными оптическими эффектами. Свет, падающий на объект, отражается или

---

[70] Примечания: 70

Джимхана (*англ.* gymkhana) — соревнования по фигурному вождению автомобиля. — *Примеч. С. В. Голд.*

преломляется им по направлению к глазу, где интерпретируется его образ. Единственное обычное вещество, которое отражает или преломляет так слабо, что само невидимо, — это воздух.

— Бесспорно.

— По ряду причин трудно изменить оптические характеристики человеческого тела так, чтобы они соответствовали воздушным и тело стало бы невидимым. Но остаются две возможности: первая — заставить лучи огибать тело. Вторая — психологическая невидимость.

— Ха! — удивился я. — Что вы сказали? Вы имели в виду гипноз?

— Отнюдь нет, — возразил он. — Внушенная невидимость — обычное явление… стандартный прием эстрадных фокусников. Они внушают, что объект из вашего поля зрения на самом деле не находится в поле зрения, и этого вполне достаточно, чтобы он исчез.

Я кивнул:

— Я знаю. Так делал Терстон в своих трюках с левитацией. Рамка, которая поддерживала девочку, была в поле зрения, но аудитория ее не замечала. Я тоже ее не замечал, пока мне ее не показали, а после я уже не мог понять, почему, черт возьми, я не видел ее раньше.

Хиггинс радостно закивал:

— Точно. Глаз игнорирует то, что фактически видит, а мозг заполняет это место тем, что должно быть на заднем плане. У многих есть такие способности. Хорошие детективы, карманники. Я сам ими обладаю — вот почему я заинтересовался проблемой невидимости.

— Притормозите-ка! — сказал я. — Только не надо мне рассказывать, что я не видел вас просто потому, что вы такой неприметный. Черт возьми, я смотрел *сквозь* вас.

— Не совсем, — поправил он. — Вы смотрели *вокруг* меня.

— Как это?

— По законам оптики.

— Послушайте, — сказал я несколько раздраженно, — я совсем не такой невежа, каким выгляжу. И я никогда не слышал о законах оптики, которые допускали бы подобные вещи.

— Это был искусственный эффект, — признался он, — он достигается с помощью кое-каких моих собственных разработок. В основе своей это похоже на абсолютный отражатель. Я окружаю себя полем в виде сжатого эллипсоида. Свет, упавший на него в одной точке, обегает по поверхности поля и покидает его в диаметрально противо-

положной точке — в том же направлением и с неизменной интенсивностью. Он действительно обходит меня вокруг!

— Это выглядит совсем просто, — прокомментировал я, — однако не думаю, что я смог бы построить такую штуку.

— Это трудно объяснить без обращения к высшей математике, — сказал он, — но, возможно, я могу привести отчасти похожий пример с призмами и зеркалами. Когда луч света падает на поверхность, он может быть дважды переотражен на угол падения или же преломлен на угол преломления вот таким образом… — И он принялся рисовать на листке меню. — Когда оптическая система устроена *таким* образом, — он изобразил что-то вроде бартерной цепочки между зеркалами и призмами, — пучок света, падающий на систему в некоей точке «А» под некоторым углом «тэта», будет отражен и преломлен вокруг системы к точке «А-прим» и выйдет наружу под углом «тэта». Как видим…

— Пропустим это, — прервал я. — Я вижу, что он полдороги проскакал в объезд и выходит из поворота в том же самом направлении. Остальное — замнем для ясности. Ладно, вы раскрыли половину загадки. А что насчет террора на дорогах?

— Ах *это*… — Он одарил меня идиотской ухмылкой и вытащил здоровенный револьвер.

Мне не понравилось то, что я прочел в его глазах.

— Спрячьте эту штуку! — заорал я.

Он неохотно подчинился.

— Не понимаю, почему столько суеты, — проворчал он. — Это не опасно… ну, скажем, *не очень опасно*. Это всего лишь водяной пистолет.

— Да? — Я осмотрел оружие вблизи. — Простите за мой ай-кью, Катберт. Начинаю понимать ваш замысел… Чем он заряжен?

Его лицо просияло.

— Синтетический экстракт mephitis, выделение скунса!

— Мм… Катберт, а вам не кажется, что это чересчур?

Он виновато усмехнулся:

— Ну, может быть, чуточку — но все равно это ужасно забавно.

— Гм!

— Это был побочный продукт при попытке найти синтетическую основу для духов, — объяснил он. — Никакого практического применения ему не нашли, но я оставил себе хороший запас для экспериментальных целей…

— И опрыскивать ею водителей — по-вашему, ужасно забавно?

— О нет! Долгие годы я злился — а кто не злится? — на наглых лихачей, которые наводняют наш город. И я бы никогда ничего не предпринял в этой связи, если бы не услышал, как одна из менее сдержанных жертв назвала одного из этих неотесанных людей вонючкой — наряду с другими словами, которые не стоит повторять. Это привело меня к несколько эксцентричной идее: почему бы не устроить хороший розыгрыш, заставив опасных водителей физически издавать тот запах, которым они уже пропахли в духовном, так сказать, плане. Поначалу проект выглядел непрактичным; но тут я вспомнил про аппарат невидимости, который десять лет пылился в моей лаборатории…

— Что?! — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что это устройство было у вас в течение многих лет и вы не использовали его?

Он изумленно выпучил на меня глаза:

— Ну разумеется. Очевидно, для него не было достойного применения. А в руках безответственного человека он мог бы послужить источником очень нехороших поступков!

— Но черт возьми, вы могли бы передать его

правительству.

Он покачал головой.

— Ладно, — упорствовал я, — Тогда вы могли использовать его сами. Подумайте, какие вещи вы могли бы совершить. Вы могли бы начать с того, что навели бы порядок в том бардаке, что царит в нашей мэрии. Проследить за их грязными делишками и вывести всех на чистую воду.

Он снова покачал головой:

— Я вынужден расценить вашу точку зрения как наивную. Хорошая власть вырастает из людей; ее нельзя вручить им на блюдечке с голубой каемочкой.

— А! Ну, наверное. — Я пожал плечами. — Вероятно, вы правы. Однако представьте себе, сколько забавного вы упускаете… — И я подумал о закулисной жизни «Фоллис»[71].

Но он снова помотал головой:

— Использование экрана для развлечений почти наверняка повлекло бы за собой нарушение права на неприкосновенность частной жизни.

Я сдался:

— Продолжайте ваш рассказ, Катберт.

— Чтобы осуществить свой розыгрыш, мне по-

---

[71] Примечания: 71

Серия бродвейских ревью «Ziegfeld Follies» была популярна в 20–30-х годах прошлого века. — *Примеч. С. В. Голд.*

надобились кое-какие приготовления. Они были несложными. Водяной пистолет напрашивался в качестве распылителя, а грелка послужила хранилищем расходного материала. Сегодня утром я выбрал перекресток на окраине и немного поэкспериментировал. Результаты превзошли мои самые оптимистичные ожидания — как минимум дюжина водителей теперь сожалеют, что пытались проскочить на красный сигнал светофора. Потом я перебрался сюда, где охота обещала быть получше. И я только-только вошел во вкус, как вы меня схватили.

Я поднялся со своего стула.

— Катберт Хиггинс, — провозгласил я. — Вы — национальный герой и народный благодетель. Распыляйте во веки веков!

Он обрадовался, как ребенок:

— А хотите сами попробовать?

— Хочу ли я! Секундочку, я только продиктую свой рассказ по телефону.

Его лицо вытянулось.

— О боже! — простонал он. — Я и забыл, что вы связаны с прессой.

— Правильнее сказать, прикован, Катберт. Но не берите в голову. Я прикрою вас, как надгробие.

С Доббсом, как всегда, возникли трудности, но я его убедил. Я продиктовал свой рассказ секретарю, добавил номера опрысканных машин, которые успел записать, и повесил трубку.

* * *

Свою машину Катберт припарковал в паре кварталов отсюда. Я хотел сесть за руль, но Катберт убедил меня в том, что он абсолютно трезв, несмотря на шесть долларов сорок центов за выпивку, балансируя карандашом на кончике пальца. Кроме того, я очень хотел испытать генератор невидимости.

Это был небольшой ранец с выключателем, прикрепленным впереди на лямках. Я надел его и щелкнул выключателем.

Стало темно, как в могиле.

— Катберт! Вытащите меня отсюда! — завопил я.

Он щелкнул выключателем, и наступил рассвет.

— Разумеется, там и должно быть темно, — сказал он. — Попробуйте это.

«Это» оказалось довольно дурацкими на вид очками.

— Оптические преобразователи, — пояснил

он. — Экран отклоняет видимый свет, но пропускает ультрафиолетовый. С ними вы сможете видеть ультрафиолет.

— Я понимаю, — заявил я самодовольно. — «Черное излучение». Я читал об этом.

— Не совсем верно, — пробормотал он, — но и так сойдет. Наденьте их.

Очки сработали. Никаких цветов, все как в черно-белой порнушке, но теперь я мог включать экран.

И тогда началось! Сплошное «ату его!» и улюлюканье вслед убегающей дичи. Я так не веселился нигде, даже на слете ветеранов. Мы штрафовали всех подряд, начиная с водителей, которые подрезают или лезут не в свой ряд, и заканчивая пешеходами, которые неосторожно переходят улицу. Но наша жертва должна была совершить что-то на самом деле глупое и действительно опасное, прежде чем мы судили ее военно-полевым судом.

За одним исключением. Мы стояли на перекрестке, и в тот момент, когда на светофоре загорелся зеленый, сзади кто-то злобно просигналил. Один из тех болванов, которые хотят, чтобы водитель впереди начинал движение до зеленого сигнала, потому что они спешат по своим Очень

Важным Делам. Вы таких наверняка встречали.

Итак, когда это создание притерлось к нам вплотную и начало свою серенаду, я поглядел на Катберта.

— Это спорный вопрос, — заявил он, — но я полагаю, что в данном случае у нас есть все основания…

Я выскользнул из машины и оросил водилу, едва он высунулся, чтобы обложить Катберта. Заодно я щедро полил и весь салон, чтобы поучить его не употреблять матерных слов.

Но звездным часом нашего дня стал коп на мотоцикле. Он притер к обочине маленького безропотного бедолагу и орал на него во всю глотку из-за какого-то пустяка. Кажется, он забыл показать правый поворот на совершенно пустой улице.

Я выписал этой горилле хорошую дозу либерализма, не пренебрегая его новеньким мундиром и сияющим мотоциклом.

* * *

«Графика» вышла с заголовками: «ЗЛОВОНИЕ РЫЩЕТ ПО ГОРОДУ! ПОЛИЦИЯ ОЗАДАЧЕНА» и «ОПАСНЫМ ВОДИТЕЛЯМ ОБЪЯВЛЕНА ВОЙНА».

Другие газеты, скопировали это в более поздних

выпусках — все, кроме «Тайда». «Тайд» тянул до последнего, затем вышел с разгромной статьей, от которой зубы ломило, требуя немедленно положить конец «беззаконному террору, рыщущему по городским улицам». Бедный старина Катберт был выведен в ней кем-то между Джеком-потрошителем и Дракулой с отдельными чертами Нерона.

Я понял все, когда просмотрел список жертв, опубликованный в «Графике». Среди них оказался Феликс Харрис, владелец и издатель «Тайда».

Феликс Харрис прибыл в этот город зайцем на товарняке. Он получил работу в «Тайде», женился на дочери босса и с той поры на простой люд смотрел свысока. Теперь у него персональная скамья в церкви[72], место председателя во всех комитетах, где заседают разные напыщенные ничтожества, и доля от каждого рэкета в городе. Всем известно, что он и его тупица-сын — дрянные водители.

Но боже упаси полицейского выписать одному из них штраф!

---

[72] Примечания: 72

Персональная скамья в церкви — в оригинале игра слов, опирающаяся на идиому «in the right church but in the wrong pew», т. е. «в правильной церкви, да на неправильной скамье»; отечественный аналог: «дом хорош, да бревна плохи». — *Примеч. С. В. Голд.*

* * *

Я умею вовремя чувствовать неприятности, но в данном случае был уверен на все сто, что нас не поймают, если мы будем осторожны. Доббс держал меня на этой теме; мы с Катбертом провели четыре потрясающих дня, поочередно сменяя друг друга то за рулем, то у распылителя вони.

А потом мне позвонили из тюрьмы: они прихватили Катберта.

Они добрались до него с моей помощью — похоже, три дня у меня кто-то сидел на хвосте. У них на Катберта ничего не было, одни подозрения, но детективы, вынюхивающие вокруг его дома, учуяли, как он готовит новую партию выделений скунса. И тогда они его повязали.

Я улизнул с работы, чтобы встретиться с моим приятелем-адвокатом. Он полагал, что дело верняк и Катберта выпустят через суд как незаконно задержанного, но он ошибался. Судьи, который мог выдать предписание, не оказалось в городе — и мы поняли, что жернова закрутились. На Катберта повесили вообще всех собак, начиная от умышленного причинения вреда имуществу вплоть до подготовки коммунистического пе-

реворота[73]. Максимальный залог по каждому эпизоду — *семьдесят тысяч долларов*!

Газета, я знал это, пошла бы на то, чтобы внести залог ради эксклюзивного материала, но не такую сумму.

* * *

Катберт остался спокоен, хотя я приложил все усилия, чтобы объяснить ему, в какой заднице он оказался.

— Я знаю, что вы мой верный друг, — сказал он очень тихо, чтобы не услышали надзиратели. — Вы можете пойти ко мне домой и принести генератор невидимости?

— Что?! — воскликнул я, но тут же поспешно приглушил свой голос. — Разве они не забрали его?

— Я думаю, нет, иначе бы они начали задавать вопросы.

---

[73] Примечания: 73

Коммунистического переворота — в оригинале *criminal syndicalism* — преступный синдикализм, юридически означает деятельность, направленную на подготовку насильственного свержения конституционного строя и передачу промышленности в руки организаций рабочих. — *Примеч. С. В. Голд.*

* * *

Генератор обнаружился, как я и предполагал, там, где мы обычно его прятали. Я запер его в багажник и покатил обратно в центр, думая, что с ним я вытащу Катберта из его камеры быстрее, чем фокусник достает кролика из шляпы. И тут до меня внезапно дошло, что я просто не смогу им воспользоваться.

Вот в чем загвоздка: если я пронесу его в тюрьму, мне ни за что не позволят передать прибор Катберту. А если я надену его сам, то как мне добраться до камеры? Допустим, я сумею миновать двери и пробраться в тюремный корпус, допустим — что тоже маловероятно, — смогу найти нужную камеру, но как я выйду из нее обратно после передачи прибора? Все шансы за то, что они кинут в клетку меня самого. Ведь я уже и так засветился в этом деле. У меня было нехорошее подозрение, что они запрут меня и выбросят ключ, а свежий воздух и солнечный свет я буду получать маленькими порциями строго по расписанию.

Я припарковался на обочине и задумался.

Полчаса спустя у меня появились головная боль и готовый план, но мне требовался сообщник.

Для реализации плана, я имею в виду. С головной болью я мог справиться сам.

Есть одна юная актриса по имени О'Дороти Бардоу, с которой я шикарно проводил время. У нее ангельский характер без единой отрицательной черты, однако она взорвала бы здание окружного суда, если бы это захватило ее воображение. Я позвонил, узнал, что она дома, сказал, чтобы оставалась на месте, — и поехал.

Я ввел ее в курс дела, а затем огласил свой план.

— Смотри, Дотти, — сказал я ей, пытаясь представить его благоразумным и интригующим одновременно, — все, что тебе предстоит сделать, — это надеть экран и следовать за мной. Всего-то. Когда мы доберемся до его клетки, ты передашь ему экран, и он выходит наружу — свободный.

— Оставляя Дороти в Бастилии, — добавила она холодно. — Ты думал об этом, Клив, или для тебя это не имеет значения?

— Ну конечно, дорогая, — сказал я, — но в том-то вся и соль, почему это должна сделать ты, а не я. Ты не связана с эти делом, у них не будет никаких оснований задерживать тебя, они не посмеют допрашивать тебя, и все останется тайной.

А еще подумай о том, какая это будет реклама.

Сразу она не ответила, но я видел, что идея ее захватила. Я расслабился.

Некоторое время спустя она сказала:

— Я должна нацепить свой самый шикарный прикид. Чем ближе мой вид к юниорской лиге, тем лучше я сыграю свою партию.

Мы забрали из залога ее шубку (я поместил стоимость шубки в графу расходов), и я показал ей, как пользоваться прибором. Все прошло гладко, за исключением того, что Дороти чихнула в лифте, когда мы поднимались в тюремном корпусе, отчего мне пришлось по-быстрому разыграть пантомиму.

Катберт был недоволен, но я убедил его, что никакой другой гоп-стоп не сработает, и он сдался. Я оставил их завершить дело.

Подробности я узнал позже, от Катберта.

— Это умная и очаровательная юная леди, — заявил он, — и столь же отважная.

— Ага! Ты врубаешься, Катберт.

— Разумеется. Мы очень интересно побеседовали все два часа после вашего ухода, обеспечивая вам алиби. Когда время вышло, она сняла ранец, дала мне время воспользоваться им и испустила самый потрясающий вопль, какой я когда-ли-

бо имел честь слышать. Надзиратель появился почти мгновенно. Когда он обнаружил, что моя камера занята прекрасной юной леди, по его лицу можно было изучать весь спектр эмоций. Он чувствовал себя неадекватным ситуации и поспешил привести тюремщика.

Мисс Бардоу не дала этому достойному человеку времени на размышления. Она потребовала немедленно освободить ее, а когда он потребовал от нее объяснений, она в свою очередь потребовала объяснений от одного из них. Когда тюремщик, обильно потея, открыл ей дверь, я в суматохе выскочил наружу.

Она не видела смысла добиваться от них чего-то большего и потребовала немедленно отвести ее к полицейскому начальнику. Не имея никакого выбора в том, что касалось дверей, мне пришлось сопровождать их. Там были джентльмены из прессы…

— Моя работа, — вставил я.

— Превосходно. Она быстро довела начальника до ручки, выдвинув на всеобщее обсуждение теорию, что ее накачали наркотиками и похитили его собственные люди.

— Хорошая девочка! Парни сделали снимки?

— В большом количестве.

* * *

Мы спрятали Катберта на некоторое время у моей тети, так как было очевидно, что он не мог остаться ни у себя, ни у меня. «Тайд» все еще ревел и требовал его крови. Я написал опус для «Графики», в котором предположил (конечно же, очень аккуратно), что с ним покончили в тюрьме и что инцидент с Дотти был инсценирован, чтобы отвлечь от него внимание.

Я велел Катберту оставаться дома и в особенности не играться со своим водяным пистолетом, поскольку это порушит всю историю о «нечистой игре». Его раздражало бездействие. Особенно он хотел взять на мушку судью транспортного суда[74]. Я имел неосторожность посвятить его в то, как старый мошенник химичил со штрафными квитанциями для «правильных» людей. Его возмущению не было предела, хотя в это трудно было поверить. Я и сам не понимаю, как мужчина мог дожить до его лет и оставаться наивным, как ребенок. А он бормотал что-то о «равенстве

[74] Примечания: 74

Транспортный суд (*англ.* traffic court) — суд, рассматривающий исключительно дела о нарушении правил дорожного движения. — *Примеч. С. В. Голд.*

перед законом» и тому подобное. Мне пришлось успокоить его, вытребовав с него клятвенные обещания, что он никогда-никогда…

* * *

Катберт плоховато держал свои обещания. Мне пришлось восстанавливать части этой истории, свидетелем которых я не был. По-видимому, он все же выбрался на прогулку, разумеется, под защитой экрана — что было само по себе не так плохо, — но при этом взял с собой свой водяной пистолет, а вот это уже совершенно нарушало наши договоренности.

* * *

Вот Катберт проходит пересечение двух бульваров, и в этот момент большой «седан», делая не меньше шестидесяти миль в час, проскакивает на красный свет. Нарушитель чудом избегает столкновения с двумя автомобилями, один из которых, выскочив на тротуар, въезжает в витрину магазина.

Для Катберта это уже слишком. Он сходит с тротуара, тщательно целится и попадает водителю «седана» прямо в глаз. Потерявшая управление

машина едва не сбивает его, и он отпрыгивает назад. Он спотыкается о бордюрный камень и падает на пожарный гидрант. Прибор невидимости цепляется за колонку и слетает с его плеч в водосток, но Катберт слишком занят, чтобы заметить это.

Когда он поднимается на ноги, то видит, что «седан» выезжает на тротуар и юзом движется по газону несколько ярдов. Преисполненный раскаяния, Катберт подходит ближе, чтобы узнать, не нужна ли помощь. В этот момент из машины вываливаются четверо мужчин. Один из них протирает глаза, двое машут пистолетами, а четвертый тащит маленького ребенка.

— Я инстинктивно почувствовал, — говорил позже Катберт, — что это преступники. Поэтому я крикнул им, чтобы они подняли руки, одновременно угрожая им своим водяным пистолетом.

* * *

Я был в участке, когда поступил звонок, и прибыл на место событий вместе с полицией на патрульной машине. Мне пришлось постараться, но дело того стоило — ведь похитили не кого-то, а внука самого старины Феликса Харриса. Пожалуй, единственного человека на свете, который

не был ему безразличен.

Мы застали любопытную сцену: один из похитителей валялся, раненный Катбертом в ногу из своего же собственного пистолета, двое яростно терли глаза и стенали, а один был очень тих. Ребенок сидел поодаль на травке и громко ревел.

Увидев нас, Катберт рухнул на колени.

* * *

Катберт заделался героем, все обвинения против него по-тихому сняли. Тайна экрана сохранена, потому что патрульная машина наехала на него колесом и изуродовала до неузнаваемости. Парни, конечно, были озадачены тем, что он преспокойно расхаживал со своей вонючей брызгалкой, в то время как его искал весь город. Они немного порасспрашивали его, прежде чем позволили ему уйти, но у него на все был заранее приготовлен ответ.

— Это природное свойство, — объяснил он. — Я естественно неприметен. Меня никто никогда не замечал. Вы просто не обращали на меня внимания.

Что было чистой правдой, если уж на то пошло.

Я так стонал по поводу уничтожения экрана,

что Катберт пообещал мне сделать новый к моему дню рождения. Я с нетерпением жду этого дня. У меня есть кое-какие идеи по поводу этой штуки.

Крысолов[75]
Рассказ

— Премьер-министр и фельдмаршал Айлер! — Секретарь доктора Грута явно была взволнована.

Доктор Грут не поднял глаз от лабораторного стола. Он выбривал участок на бедре крошечного пушистого зверька, бережно, но твердо удерживая его на месте.

— Вот как? Пусть подождут.

— Но, доктор, это…

— Неужели они важнее, чем это? — Он потянулся за шприцем для подкожных инъекций, который лежал наготове, уже заполненный. Его маленький подопытный экземпляр, мышь-полевка, не пытался уклониться от иглы.

Секретарь начала что-то говорить, но потом поджала губы и вышла.

Государственный деятель переносил ожидание несколько лучше, чем военный.

— Мне это не нравится, ваше превосходительство, — ворчал фельдмаршал. — Почему мы

---

[75] Примечания: 75
Перевод С. В. Голд

вынуждены ждать, в то время как наш хозяин возится со своими вонючими пробирками? Нет, я не жалуюсь, я научился ждать, когда был кадетом. Но вы-то представляете государство!

Премьер-министр повернулся в своем кресле к Айлеру:

— Терпение, Джон. Да, нас тут держат, как просителей, пришедших в поисках вакансии, но что с того? Ведь это мы должны заполучить его, чтобы выиграть войну, а не наоборот. Нужны ли ему мы? Весьма сомнительно — с его точки зрения. Разве вы и я сидели бы здесь, если бы дела на фронте шли хорошо?

Генерал побагровел:

— Со всем должным уважением к вам, сэр, наши войска еще не разбиты.

— Верно, верно, — раздраженно согласился государственный деятель. — Но это рано или поздно произойдет. Вы сами это говорили.

Военный что-то пробурчал себе под нос.

— Что? — спросил премьер-министр. — Вы что-то сказали?

— Я сказал, что я предпочел бы потерпеть достойное поражение в битве.

— Ах это! Конечно, вы бы предпочли. Все, чему вы обучены, — это битвы. Моя же забота о том,

чтобы выигрывать битвы. В этом разница между военными и политиками — мы знаем, когда следует уступить дорогу, чтобы прийти к финишу. Смиритесь с этим; мы должны получить услуги доктора Грута, чтобы выиграть эту войну!

Ответ фельдмаршала прервала секретарь, она появилась, чтобы объявить, что доктор Грут готов их принять. Она шла впереди, указывая дорогу. Политик следовал за ней, военный, все еще кипя от злости, плелся позади. Когда они вошли в кабинет Грута, доктор появился в дальнем конце комнаты из дверей, ведущих в лабораторию.

Его посетители увидели энергичного пожилого мужчину, немного ниже среднего роста, коренастого и слегка полноватого в области экватора. С обезьяноподобного лица глядели живые, веселые глаза. Венчалось все лысым розовым куполом потрясающих размеров. Ученый был одет в грязную льняную пижаму и резиновый фартук.

— Присаживайтесь, — сказал он, махнув в сторону больших кожаных кресел, и сам устроился в одном из них, предварительно смахнув на пол несколько книг и других предметов, чтобы очистить место. — Я сожалею, что заставил вас ждать, но я был по горло занят одним исследованием, которое невозможно было отложить.

Однако я нашел решение проблемы.

Фельдмаршал нетерпеливо подался вперед:

— Вы нашли оружие, доктор?

— Оружие? Какое оружие? Я нашел, почему полевки болеют герпесом. Странное дело — причина в истерике, так же как и у людей. Я вызвал у них невроз — они отреагировали развитием герпеса. Весьма любопытно.

Военный не скрывал своего раздражения:

— Полевки! Напрасная трата времени на такие пустяки! Вы что, не знаете, что идет война?!

Грут приподнял плечи на долю дюйма:

— Полевые мыши и полевые маршалы[76] — разве можно сказать, кто из них важнее? Для меня все живое одинаково важно и интересно.

— Без сомнения, вы правы, доктор, — вежливо прервал его премьер-министр, — но фельдмаршал Айлер и я столкнулись с другой проблемой, чрезвычайно важной для нас. Звуки сражений едва слышны в тишине вашей лаборатории, но для нас, тех, кто несет груз социальной ответственности за ход войны, нет никакой возможности ее избежать. Мы приехали к вам потому, что мы

---

[76] Примечания: 76

Полевые мыши или полевые маршалы — в оригинале плохо передающаяся игра слов: field mice — полевка, field marshal — фельдмаршал. — *Примеч. С. В. Голд.*

исчерпали все возможные идеи и нуждаемся в помощи вашего гения. Вы предоставите нам эту помощь?

Грут выпятил губы:

— Как я могу помочь? У вас в ваших лабораториях сотни квалифицированных исследователей. Почему вы думаете, что один старик поможет вам выиграть войну?

— Я не эксперт в этих вопросах, — ответил политик, — но я знаю вашу репутацию. От всех наших экспертов и техников я слышу одно и то же: «Если бы только Грут был здесь, он мог бы это сделать… Почему не пригласили доктора Грута?» Они уверены, что вы можете решить любую проблему, к которой приложите свой интеллект.

— И что вы хотите, чтобы я сделал?

Премьер-министр повернулся к военному:

— Расскажи ему, Джон.

Айлер вкратце обрисовал развитие войны: статистику вовлечения людских и материальных ресурсов, факторы снабжения и распределения, методы, используемые в сражениях, типы оружия, стратегические принципы.

— Итак, вы видите — мы начинали войну с равными трудовыми ресурсами и техническим обеспечением, однако из-за того, что у врага ока-

зались большие запасы средств производства, ее течение обернулось против нас. Согласно закону логарифмического затухания каждое сражение оставляет нас материально во все более проигрышном положении; соотношение изменяется не в нашу пользу.

Грут обдумал это, затем произнес:

— А вторая производная еще хуже, не так ли? Процент увеличения ваших потерь растет быстрее, чем собственно потери. А если рассмотрим третью производную — скорость, с которой увеличивается период потерь, — то из ваших данных следует, что вы не протянете даже до зимы.

Фельдмаршал признал, что так оно и есть.

— Однако, — добавил он, — мы хорошо окопались и удерживаем стратегическое положение почти стабильным. У нас есть время, чтобы решить, что со всем этим делать. И тут ваш выход, доктор: мы нуждаемся в каком-то радикально новом оружии или технике, которые будут способны изменить соотношение потерь в нашу пользу. Иначе нам конец. Я могу удерживать эту ситуацию с очень небольшими изменениями еще шесть недель или около того. Если вы пойдете в свою лабораторию и сумеете создать за это время некое новое мощное наступательное

вооружение, вы спасете свою страну.

Грут насмешливо посмотрел на него:

— Вот как? И чего бы вы хотели? Быть может, сжигающий луч из портативного генератора? А как насчет бомбы, которая непрерывно взрывается и продолжает нести разрушение многие дни и недели? Или, может, вы хотите заполучить средство, способное выводить из строя их самолеты в воздухе?

Военный нетерпеливо закивал:

— Это хорошие идеи, доктор, нам подойдет любая из названных вами вещей. Если вы сможете сделать хотя бы одну из них, вы станете величайшим героем в истории нашей страны. Но способны ли вы дать нам такое оружие?

Грут небрежно кивнул:

— Ну разумеется. Любая из этих вещей вполне реальна. Если бы вы предоставили мне деньги и помощь, я мог бы снабдить вас подобным или лучшим оружием в самые сжатые сроки.

— Все, что вы пожелаете, доктор, абсолютно все, — вмешался политик. — Я дам указание министру финансов предоставить вам неограниченный банковский счет. Любой персонал, который вам потребуется, будет направлен сюда немедленно. Теперь, видимо, я оставляю вас

вдвоем, чтобы вы могли обсудить наиболее срочные дела. — Он поднялся и потянулся за своими перчатками и шляпой. — Я могу обещать, доктор, что награда будет соразмерна вашим заслугам. Ваша страна этого не забудет.

Грут жестом вернул его назад в кресло:

— Не будьте так поспешны, друг мой. Я вовсе не говорил, что буду этим заниматься. Я только сказал, что способен это сделать.

— Вы хотите сказать, что вы не можете…

— На самом деле я не хочу. Я не вижу причин помогать вам в уничтожении нашего соседа…

Фельдмаршал уже был на ногах.

— Это измена! — бушевал он. — Ваше превосходительство, разрешите мне сейчас же его арестовать. Я заставлю его работать или расстреляю!

Тон Грута был спокойным и мягким:

— Вы действительно думаете, что человек в моем возрасте боится умереть? И позвольте заметить, друг мой, человеку с вашим кровяным давлением не следует впадать в ярость — это с большой вероятностью влечет за собой тромбоз, который может привести к смерти.

Годы практики в сдерживании эмоций и умение держать себя в руках не дали политику

потерять почву под ногами. Он положил руку на плечо фельдмаршала и произнес:

— Сядь, Джон, и не шуми. Ты не хуже меня знаешь, что мы не сможем заставить доктора Грута работать, если он откажется. Угрожать ему будет совсем глупо.

Он повернулся к Груту:

— Доктор, а вам не кажется, что, в то время как ваши соотечественники находятся на краю гибели, стоит хотя бы объяснить, почему вы отказываете им в помощи.

Грут откровенно развлекался, наблюдая эту небольшую сценку. Тем не менее он вежливо ответил:

— Разумеется, ваше превосходительство. Я не буду помогать в этом массовом убийстве, потому что не вижу причины, по которой одна из сторон должна победить. У нас схожие культуры и в той же степени сходный расовый состав. Какая разница, кто победит?

— Разве вы не питаете никаких патриотических чувств или хотя бы лояльности к своей родине?

Грут пожал плечами:

— Только к роду человеческому как таковому. Не к отдельно взятой стае.

— Я так понимаю, что нет никакого смысла обсуждать с вами вопрос о том, какая из сторон имеет нравственное превосходство?

Грут покачал головой:

— Боюсь, что ни одна из сторон.

— Я так и думал. — Премьер снова взял свои перчатки. — Будем реалистами, доктор. Я сделаю все, что смогу, чтобы защитить вас от результатов вашего же решения, но политическая необходимость может… форсировать события. Думаю, в этом случае вы меня поймете.

— Подождите! — Грут вновь его остановил. — Я отказался помочь вам выиграть эту войну. Что, если я помогу вам избежать поражения?

— Но это то же самое! — взорвался фельдмаршал.

Премьер-министр вопросительно приподнял брови.

Грут продолжал:

— Я не стану помогать вам воевать. Нет, я *не буду* вам помогать выиграть эту войну. Но если хотите, я покажу вам, как ее прекратить без победы какой-либо из сторон, если… — Он сделал паузу. — Если вы согласитесь на мой вариант мирного решения.

Он прервался, ожидая реакции на сказанные

слова. Премьер-министр кивнул:

— Продолжайте. По крайней мере, мы вас выслушаем.

— Если война будет закончена без победителей и побежденных, если по условиям мира будет установлено новое правительство, которое объединит две страны в единую нацию, неразделимую, свободную и равную, то я буду удовлетворен. Если вы мне это гарантируете, я помогу вам, в противном случае — нет.

Политик прошел в дальний конец помещения и встал, уставившись за окно. Указательным пальцем он чертил треугольник на правой щеке и повторял это движение до бесконечности, его брови сошлись от напряженных мыслей.

Старый солдат встал и, присоединившись к нему, шепотом убеждал: «...дикая утопия... непрактично!.. языковые различия, иные традиции...»

Политик внезапно оставил военного и оказался перед ученым:

— Я согласен на ваши условия, доктор. Что вы планируете предпринять?

— Сначала ответьте на вопрос: почему мужчины хотят сражаться и умирать на войне?

— Почему? Ради своей страны, из чувства пат-

риотизма. О, я полагаю, что некоторые относятся к ней как к приключению.

— Собственно, никакая причина и не нужна, — вставил фельдмаршал, — когда есть воинская повинность. А она есть.

— Но даже при наличии воинской повинности, — сказал Грут, — нужен боевой дух, готовность умереть в бою, иначе вам пришлось бы постоянно сталкиваться с мятежами. Не так ли?

— Мм… ну, в-общем, да. Вы правы.

— Доктор, а как вы думаете, почему мужчины хотят умирать на войне? — спросил премьер-министр, и Грут торжественно произнес:

— Желание умирать на войне никак не соотносится с личным самосохранением. Отправка на войну — самоубийство для отдельно взятого человека. Мужчины хотят быть убитыми на войне только по одной причине — чтобы после них продолжало жить их племя. То есть они сражаются за своих детей. Для нации без детей война является бессмысленной, никчемной заварушкой. Это первичный базис массовой психологии!

— Продолжайте.

— Я предлагаю похитить у них детей!

— Это постыдный замысел. Я не дам на это согласия.

— Это гуманно.

— Это противоречит международному праву.

— Разумеется. Международное право определяет юридически законные способы убивать людей. Я предлагаю незаконный способ их убийства.

— Это нарушение всех правил цивилизованного ведения войн!

— Успокойтесь, Джон! Вы сделаете все, что вам прикажут!

* * *

Глубоко позади линии фронта, в средних размеров городке жизнь спокойно текла вперед. Правда, мужчин на улицах было маловато, а те немногие из них, кого можно было увидеть, как правило, несли на себе отметки сражений. Общественным транспортом управляли женщины; женщины работали клерками; даже дворники и мусорщики были женщинами. В предместьях города, на холме, стояла большая школа-интернат, приют для военных сирот. Здесь тоже царил матриархат, но тут он был естественной вещью.

Шла перемена. Хорошо ухоженная детская площадка роилась и кипела молодой жизнью. Звенели юные голоса, раздавались крики и оклики, которыми всегда сопровождались тради-

ционные детские игры: салки, игра в мяч и тому подобное.

В своем персональном кабинете суперинтендант мадам Кюран сосредоточенно обдумывала рапорт. Голоса детей снаружи доносились до нее как бессловесный немелодичный шум, она слышала его краем уха и воспринимала, в ответ чуть расслабляя морщинки усталости вокруг глаз.

* * *

Суперинтендант отодвинула стопку бумаг в сторону и нажала на кнопку. Дверь кабинета почти тут же открылась, и она с удивлением обнаружила не стенографистку, которую вызывала, а своего заместителя. Женщина явно была взволнована.

— Мадам! Воздушный налет!

Палец Мадам Кюран тут же ударил по другой кнопке. Зарыдала сирена, и крики детей стихли.

— Вы уверены? — спросила она свою помощницу на бегу. — Я не понимаю! Они никогда не бомбили школьные здания.

Внизу дети выстроились в четыре шеренги и спешили спуститься по четырем крытым пандусам, уходящим под землю. Их подгоняли воспитатели с детской площадки, молодые

вдовы, многие из которых приобрели слишком горький опыт на этой войне…

Мадам Кюран подняла глаза. С неба опускался огромный вертолет, похожий на бомбардировщик. Его сопровождал злобно танцующий рой небольших истребителей. Внезапно в гуще самолетов возникли три небольших белых облачка; несколько секунд спустя ветерок донес три коротких сухих кашля. Это заявили о себе зенитные батареи.

Помощница ухватила мадам за руку:

— Где же наши самолеты?

— Сейчас появятся.

Три крошечных пятнышка вынырнули со стороны солнца, с юго-запада. Они налетели клином, затем перегруппировались в разомкнутую колонну, на полном газу вошли в пике и, игнорируя самолеты сопровождения, нацелились атаковать большой бомбардировщик. Бомбардировщик резко сместился к востоку, словно колибри, перепорхнувший от цветка к цветку, но звено истребителей последовало за ним. Было очевидно, что пилот головной машины намеревался в самоубийственном пике протаранить борт бомбардировщика.

Один из быстрых маленьких истребителей

сопровождения опередил его. Два самолета столкнулись в воздухе уже рядом с вертолетом. Казалось, они бесшумно рассыпались облачком мусора. Следующие два самолета звена увернулись один под другой над летящими обломками и прошли на безопасном расстоянии от бомбардировщика. Несколько секунд спустя донесся звук столкновения — как будто великан разорвал в клочья тысячу ярдов материи.

Вертолет приземлился на игровой площадке.

По левому борту перед кабиной управления открылась маленькая дверца, вниз упала, разворачиваясь, легкая металлическая лестница. По ней спустились двое мужчин. Они приблизились к женщинам. Один из них, более молодой, обратился к суперинтенданту:

— Мадам Кюран? Я лейтенант Банес. Позвольте мне представить вам коммандера ВВС Дансика. Я буду переводить.

— В этом нет необходимости. Я знаю ваш язык. Какова цель этого трусливого нападения?

Коммандер резко отсалютовал ей и слегка согнулся в талии:

— Очень рад, мадам. Я очень рад, что вы говорите на нашем языке. Это все значительно упрощает. С сожалением сообщаю вам, что вы

являетесь моей пленницей.

— Это очевидно.

Он улыбнулся, как будто она была исключительно остроумна:

— Ах да, разумеется, вы и ваши помощницы. Я вынужден потребовать от вас некоторого сотрудничества.

— Я не буду помогать вам!

— О, пожалуйста, мадам. Это не то, что вы не захотите делать. Вы просто продолжите выполнять свои текущие обязанности по уходу за детьми, но уже в моей стране. Вы нужны, чтобы заботиться о них…

— Я отказываюсь! Я прикажу им сопротивляться. Вам не управиться с тремя тысячами детей.

Он пожал плечами:

— Как вам будет угодно, мадам. Как я и обещал, вы не обязаны делать то, чего не хотите.

Пока шел разговор, в лоснящемся теле вертолета открылся большой люк, крышка его откинулась вниз, словно подъемный мост, и по ней ускоренным маршем ссыпалась дюжина мужчин. Они разделились на две шеренги и быстро распределились вокруг зданий с интервалом в пятьдесят ярдов, полностью окружив школу. Каждый нес в руках большую треногу и какое-то

оборудование, укрепленное на спине.

Расставив свои треноги, они сняли со спины оборудование и спешно установили его на них. Затем сорвали с оборудования чехлы. Каждый подхватил катушку провода, который был подсоединен к треноге, и побежал против часовой стрелки к ближайшей установке, на бегу разматывая провод. Закрепив конец провода на соседней треноге, они быстро вернулись каждый на свое место.

Сержант, стоящий в открытом люке вертолета, проревел:

— Доклад!

— Один!

— Два!

— Три!

— Четыре!

— Пять!

— Шесть!

— Семь!

— Восемь!

— Девять!

— Десять!

— Одиннадцать!

— Двенадцать!

Сержант энергично дал отмашку правой ру-

кой.

Ничего не произошло. Лишь деревья и здания за линией треног слегка мерцали, как будто сквозь пленку мыльного пузыря. Однако отделение мотоциклистов гражданской обороны, примчавшееся по бульвару, ведущему в город, минуту спустя врезалось в этот переливающийся фантом. Они осели на землю, образовав жуткого вида переплетенную груду тел.

Внутри вертолета молодой техник сидел перед сложным пультом управления. Его костлявые нервные руки были заняты гофрированными рычагами, тремя рядами пронумерованных клавиш и многочисленными переключателями. Глаза техника следили за сигналами приборной панели, размещенной за пультом управления, отмечали показания дрожащих стрелок, наблюдали блуждание маленьких светящихся «жучков» в счетчиках, отмечая вспышки сигналов готовности.

Зеленый свет вспыхнул в верхней части панели. Техник опустил экран, поместив его прямо перед глазами, и щелкнул переключателем. На экране быстро сформировалось изображение такого же нервного мужчины с бледным лицом. Изображение заговорило:

— Привет, Ян. У вас все готово?

— Да. Даю сигнал о полной готовности.

— Мне это не нравится, Ян.

— Мне тоже. Конечно, я готов управлять любой машинкой, которую мне подсунут, но я предпочитаю сначала разобрать ее и посмотреть, что там у нее тикает внутри.

— Точно. Как, черт возьми, я узнаю, что творится под этим пультом? Я только стучу по клавишам как болван. Кроме того, откуда мы знаем, что эти дети не будут травмированы? Никто еще не видел этого устройства в работе.

На пульт упала тень. Техник поднял глаза и увидел, что сержант подает ему знак. Он снова сосредоточился на панели управления.

— Приготовиться! Даю музыку. — Техник нажал три кнопки, одну за другой.

Музыка достигла четверки, стоящей на детской площадке: мадам Кюран, взволнованной и непокоренной, ее помощницы, испуганной и ждущей приказов, коммандера и его помощника, вежливых, но державших ухо востро. Она звенела в их головах, как детская песенка. Она пела им о детском мироздании, о детском рае, полном чудес и свободном от забот.

Дансик улыбнулся мадам Кюран:

— Ну не глупо ли воевать, когда в мире есть музыка, подобная этой?

Она невольно улыбнулась в ответ.

Музыка нарастала, ширилась и пульсировала на самом краю слышимого диапазона. Затем прорезался тонкий пронзительный звук флейты. Он то вплетался в мелодию, то выбивался из нее, охватывал ее кружевами и подчинял себе. Пойдем, говорила музыка. Пойдем со мной. Она пробирала насквозь, но не болезненно — казалось, она вибрировала непосредственно в самом мозгу.

Дети высыпали из подземных убежищ, как стая щенков. Они смеялись, кричали и бегали кругами. Они вырывались из-под земли и, приплясывая, двигались к вертолету. Хихикая и толкаясь, они теснились на пандусе.

Техник бросил быстрый взгляд через плечо и сказал:

— Они прибыли!

Он щелкнул выключателем, и пустая рама шести футов высотой, расположенная около пульта управления, внезапно заполнилась непрозрачной бархатной чернотой.

Первый из детей подскочил к раме, прыгнул в нее и исчез.

Коммандер Дансик подвел мадам Кюран к вертолету, когда последние из детей входили внутрь. Она подавила вскрик, когда увидела, что происходит с ее подопечными, и в ярости повернулась к коммандеру. Но он заставил ее замолчать взмахом руки:

— Прошу вас, взгляните сюда.

Проследовав взглядом за направлением его пальца, она увидела на телевизионном экране картину, подобную той, перед которой она стояла. За одним исключением: там дети выпрыгивали из рамы, наполненной чернотой.

— Где они? Что вы с ними сделали?

— Они в моей стране — в полной безопасности.

Последний человек из школьного персонала был убежден или принужден пройти через черноту; экипаж вертолета парами последовал за ними. И скоро коммандер остался в компании техника и мадам Кюран. Он повернулся к ней и поклонился:

— А теперь, мадам, не пройдете ли вы со мной, чтобы вернуться к своим обязанностям и своим подопечным?

Он согнул правую руку в локте и предложил ей. Она закусила губу, затем приняла предложенную

руку. Они спокойно вошли в черноту.

Техник снял наушники, что-то напоследок подрегулировал и встал перед рамой, которая обрамляла темноту. Он вступил в нее с видом человека, встающего под холодный душ.

Пятнадцать секунд спустя оборудование, установленное на треногах, взорвалось, издав серию негромких хлопков. А через десять секунд после этого вертолет с приглушенным «бубум!» превратился в гигантский огненный гриб, и землю слегка встряхнуло.

* * *

Два техника напрасно волновались о безопасности. Где-то далеко в глубине территории их страны доктор Грут, развалившись в кресле, наблюдал за прибытием очередной партии детей.

Легкая теплая улыбка смягчала его уродливое лицо. Возможно, она была вызвана звуками неземной музыки, а возможно — видом такого большого количества счастливых детей. Премьер-министр стоял рядом, слишком взволнованный, чтобы сидеть.

Грут поманил пальцем пожилую светловолосую женщину в белой униформе старшей медсестры:

— Подойдите сюда, Элда.

— Да, доктор.

— Вы сами должны следить за музыкой. Уменьшите громкость до минимума, только чтобы они вели себя тихо и не плакали. Отправьте их вечером спать. И завтра никакой музыки — я имею в виду такой, как эта, — без крайней необходимости. Им вредно быть счастливыми, как ангелы, слишком долго. Они должны будут потом стать мужчинами и женщинами.

— Я поняла, доктор.

— Тогда проследите, чтобы это поняли все!

Он повернулся к премьер-министру, который задумчиво теребил губу и выглядел рассеянным.

— Что вас беспокоит, друг мой?

— Вы уверены, что этим детям не причинили вреда?

— А вы сами не видите? — Грут махнул рукой в сторону играющих детей, сбившихся в небольшие стайки на приготовленных для них площадках.

— Да, но предположим, что две ваши приемные станции будут настроены одинаково. Что тогда случится с детьми?

Грут улыбнулся:

— Вы путаете мою машину с радио. Наверное,

это моя ошибка. Я ведь назвал ее масс-передатчиком, когда о ней рассказывал. Но это нечто иное. Это… как у вас с математикой? — Премьер-министр изобразил на лице гримасу. — Понятно. В таком случае я не смогу ответить вам должным образом, — продолжал Грут, — Но я могу сказать вам вот что: эти дети не были переданы, как радиоволны. Они просто прошли через дверь. Как если бы я взял вон ту дверь, — он указал на дверь в конце зала, — и повернул это здание так, чтобы она совпала с этой дверью. — Он указал на другую дверь в противоположном конце зала. — Я немного подхимичил — о, только самую малость! — с мировыми линиями и соединил одну часть пространства с другой. С той, с которой она обычно не была в контакте. — Он указал на масс-приемник, установленный в помещении. — Это один из концов булавки, которой я сцепил пространство. Вы понимаете?

— Ну… не совсем.

Грут кивнул:

— Иного я от вас и не ожидал. На самом деле я ничего не объяснял. Без языка тензорного исчисления это невозможно объяснить; я могу предложить вам только аллегорию.

Подбежал ординарец и вручил Груту ленту

сообщений. Грут проглядел их.

— Еще две станции, и защитный экран будет готов. Вы ведь задавались вопросом, как он работает? — Государственный деятель согласно кивнул. — Это то же самое, но в то же время нечто иное, — сказал Грут. — На сей раз мы запираем дверь очень мягко. Мировые линии слегка изгибаются, и масса по ним не проходит. Да тьфу на них! Это все баловство, примитивные устройства, они кажутся сложными только дилетанту. А вот музыка — это совсем другое дело. Здесь мы прямо вмешиваемся в полномочия небес, вот почему я столь осторожен с ней.

Премьер-министр был удивлен и признался в этом. Он был впечатлен техническими чудесами, а использование музыки он расценил как безвредную причуду доктора.

— О нет, — сказал Грут. — Нет. В самом деле нет. Вы когда-нибудь задумывались о музыке? Почему музыка? Что это? Вы можете дать ей определение?

— Ну… мм… музыка — это некоторое ритмичное расположение звуков, которые производят эмоциональный отклик…

Грут поднял руку:

— Да, но каково это расположение? И какие

эмоции? И почему? Можете не отвечать. Я уже проанализировал этот вопрос. И теперь у меня в руках тайна лютни Орфея и волшебство Крысолова. — Он понизил голос. — И это очень серьезные материи, друг мой, опасные материи. Все прочие игрушки я отдам властям, но эту тайну я буду хранить в себе — и попытаюсь поскорее ее забыть.

Снова подскочил ординарец и вручил ему новое сообщение. Грут взглянул на него и передал премьер-министру.

— Время, — сказал он. — Теперь они все у нас. Мы включаем защитный экран.

Спустя несколько минут тысячи треног, равномерно распределенных по четыремстам семидесяти милям линии фронта, были соединены в цепь. В Генеральный штаб были переданы телефонные сообщения, щелкнули два выключателя, и неосязаемый мерцающий экран разделил противостоящие армии.

Война была закончена де-факто.

СРОЧНОЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
ОТ КОГО: ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
КОМУ: КАНЦЛЕРУ
ЧЕРЕЗ: НЕЗАВИСИМОГО ПОСРЕДНИКА
ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, ВЫ

ЗНАЕТЕ, ЧТО БЛАГОДАРЯ НАШЕМУ ЗАЩИТНОМУ
ЭКРАНУ
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРЕКРАТИЛИСЬ. МЫ ДЕРЖИМ ЗАЛОЖНИКАМИ ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ТЫСЯЧ ДВЕНАДЦАТЬ ВАШИХ ДЕТЕЙ. ПОЖАЛУЙСТА, ВЫШЛИТЕ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ПОД БЕЛЫМ ФЛАГОМ, ЧТОБЫ УБЕДИТЬСЯ В ИХ БЛАГОПОЛУЧИИ. МЫ ГОТОВЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ СТАТУС-КВО НЕОПРЕДЕЛЕННО ДОЛГОЕ ВРЕМЯ. МЫ ГОТОВЫ СВЯЗАТЬСЯ С ВАМИ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО МИРНОГО СОГЛАШЕНИЯ, КОТОРОЕ ЗАВЕРШИТ ДЕ-ФАКТО СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ПЕРЕМИРИЕ.

ПОДПИСАНО И СКРЕПЛЕНО ПЕЧАТЬЮ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

На одиннадцатый день мирной конференции канцлер запросил резюме по согласованным пунктам. Главный клерк исполнил его указание.

— «Первое положение: согласовано, что отныне две подписавшиеся страны являются единой нацией. Зависимые положения…» — забубнил клерк.

Объединительная сессия парламента завершилась, на очереди были перепись населения и конституционный договор. Нужно было объединять валюты и так далее, и тому подобное.

По соглашению военные сироты с обеих сторон должны были воспитываться на территории бывшего врага. Кроме того, нужно было обеспечить субсидии для поощрения браков, которые смешают кровь жителей двух стран.

Армии должны были демобилизоваться, а корпус технических экспертов обучен пользоваться новым оборонительным вооружением, разработанным доктором Грутом.

Сам доктор Грут сидел, развалясь в кресле, в центре выставленных подковой столов. Когда клерк закончил, премьер-министр и канцлер посмотрели на Грута.

— Хорошо, — сказал он раздраженно, когда пауза затянулась, — давайте подпишем это и разойдемся по домам. Все остальное — обычная рутина.

— А вы осознаете, — заметил канцлер, — что новая нация, которую мы создаем, должна иметь главу, административное руководство?

— К чему вы ведете?

— Я не могу быть таким руководителем, —

канцлер поклонился премьер-министру, — мой благородный друг.

— Что за проблема? Выберите другого!

— Мы выбрали. Есть только один человек, которому доверяют все присутствующие. Он — и никто другой — превратит эту кучу исписанной бумаги в нечто большее. И этот человек — вы, доктор…

В этот момент со своего места поднялся фельдмаршал, сидевший во главе стола своих военных чиновников.

— Остановитесь! — закричал он. — Больше нет нужды продолжать эту дурацкую пьесу. Я не буду стоять в стороне, в то время как мою страну позорят и превращают в проститутку!

Он хлопнул в ладоши. Как и было спланировано, двое офицеров, выйдя из-за стола, подбежали к «подкове» и схватили Грута с двух сторон.

— Вы освобождаетесь от должности, господин премьер-министр. Пока не закончится война, дела нашей страны буду вести я. Представителям противника будет обеспечена охрана. Военные действия будут возобновлены немедленно. А этот, — он указал на доктора Грута и скривился от гнева, — этот зануда должен быть устранен, полностью и окончательно.

Грут сидел спокойно, не предпринимая никаких попыток сопротивляться своим охранникам. Но под столом его каблук придавил кнопку, скрытую в коврике. Где-то в другой комнате щелкнули несколько реле.

И зазвучала музыка.

На сей раз это была не детская музыка. Нет, скорее, это был «Полет валькирий» или «Марсельеза». Но не совсем — пожалуй, это была квинтэссенция всех военных песен, что обещали мужчинам Валгаллу после битвы.

Фельдмаршал услышал ее и замер на месте; он резко вздернул свою породистую седую голову, прислушиваясь. Двое офицеров, схвативших Грута, услышав музыку, выпустили его руки. Почти все мужчины, одетые в форму, один за другим встали и повернулись в сторону, откуда лилась мелодия. Некоторые из присутствующих сановников в штатском присоединились к ним. Построившись в колонну по четыре, они спустились в большой зал. Их каблуки — раз-два, раз-два! — дробно простучали по полу.

Гобелен в дальнем конце зала откинулся в сторону, открыв… Ничто… Ничто, заключенное в большую раму.

Колонна вошла в черноту. Когда скрылся

последний человек, Грут перестал давить на кнопку. Чернота исчезла, оставив пустую раму и стену позади нее. Все разом выдохнули, и этот звук заполнил помещение.

Премьер-министр промокнул лоб льняным носовым платком и повернулся к Груту:

— Всемилостивый боже, куда вы их отправили?

Грут покачал головой:

— Сожалею, но я не смогу вам ответить.

— Вы не знаете?

— Нет. Видите ли, я ожидал каких-то неприятностей, но у меня не было времени, чтобы закрепить другой конец моей «булавки».

Премьер-министр был в ужасе.

— Бедный старый Джон, — пробормотал он.

Грут хладнокровно кивнул:

— Да. Сожалею, что вынужден был это сделать. Бедный старый Джон. Он был таким хорошим человеком — я так сильно его любил.

Вне всяких сомнений[77]
Рассказ

«УЧЕНЫЙ
РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ КАМЕННЫХ СТАТУЙ
ОСТРОВА ПАСХИ!»

Профессор Дж. Хоуард Эрленмейер, доктор философии, член Королевского общества, руководитель экспедиции на остров Пасхи под эгидой Археологического общества, утверждает: «Теперь не осталось уже никаких сомнений в назначении гигантских монолитных статуй, открытых на острове Пасхи. Учитывая ведущую роль религиозных культов во всех первобытных культурах и сравнивая указанные статуи с культовыми атрибутами, которыми полинезийские племена пользуются и по сей день, неизбежно приходишь к выводу о глубочайшем религиозном смысле указанных статуй. Вне всяких сомнений, их грандиозные

---

[77] Примечания: 77
Перевод И. Гуровой

размеры, присущее им гротескное преувеличение черт лица и словно бы случайное, а на деле строго определенное размещение неопровержимо доказывают, что создавались они для поклонения, как воплощение…»

На исходе дня жаркое солнце заливало слепящими лучами бело-зеленый город Мурию, раззолачивая лабиринт кривых улиц — концентрированных кругов, рассеченных радиальными проспектами. Башни Хранителей, вздымающиеся над сочной зеленью холмов, сверкали, как отполированная слоновая кость. Шум торговых родов под высоким куполом затих: купцы отдыхали в прохладной тени сочной пышной листвы, попивали освежающую окреду и поглядывали на величественные крутоносые корабли, покачивающиеся на якорях в гавани зелено-алые корабли из Хиндоса, из Китая, из дальних колоний Атлантиды.

На всем обширном континенте Му не было города прекраснее и богаче Мурии, столицы провинции Лак.

Но ласковый блеск солнца, моря и неба не рассеивал странного напряжения, пронизывавшего

воздух, словно он был скручен в тугую спираль, готовую вот-вот развернуться… словно малейшая искра могла вызвать космический взрыв.

По городу свистящим шепотком разносилось имя. Оно повторялось везде — с отвращением и страхом или с надеждой, в зависимости от того, кто его произносил. И всегда в нем крылась сила громового удара.

Талус!

Талус, кумир простых людей, Талус, чьи призывные слова дарили надежду миллионам его сограждан. Талус — кандидат в губернаторы провинции Ла.

В сердце трущоб неподалеку от вонючей набережной ютилась редакция «Возрождения Му», газеты, которую выпускала организация, поддерживающая кандидатуру Талуса. Там царила такая же тишина, как всюду в Мурии, но это было затишье урагана, истощившего свою силу. На полу валялись клочки пергамента, опрокинутые табуреты, пустые фляги из-под пива. У большого круглого, видавшего виды стола сидели три молодых человека в позах, говорящих о глубоком унынии. Один с горькой усмешкой смотрел на огромный плакат, занимавший почти всю стену. На нем был изображен облаченный в зеленую то-

гу высокий величественный мужчина с курчавой седеющей бородой. Правую руку он поднимал благословляющим жестом. Поверху под ало-лиловыми скрещенными знаменами Мурии вилась надпись: «ТАЛУСА В ГУБЕРНАТОРЫ!»

Глядевший на плакат тяжело вздохнул, сам того не заметив. Другой, чертивший по листу пергамента затупившимся стилосом, поднял голову и спросил:

— Что тебя грызет, Робар?

Тот ткнул пальцем в плакат:

— Просто я смотрел на нашу великую надежду! До чего красив! Объясни, Дольф, как может человек столь благородного облика быть таким безнадежным тупицей?

— Только боги знают! А я понятия не имею.

— Ребята, вы несправедливы! — вмешался третий. — Старикан вовсе не туп, а просто не от мира сего. Вы же не будете отрицать, что его План полон конструктивной государственной мудрости, какой наш век еще не знал.

Робар перевел на него усталый взгляд:

— Кто спорит! И губернатор бы из него вышел отличный. Я ведь не отрицаю. Не верь я в осуществимость Плана, разве я торчал бы здесь, не зная отдыха ни днем ни ночью? Надрывал бы сердце

из-за проклятущей предвыборной кампании? Конечно, он благороден. Иной раз до того, что блевать хочется. Я о другом: вам когда-нибудь доводилось работать на кандидата, который бы так по-ослиному упирался, чуть речь заходит о том, как завоевать голоса и победить на выборах?

— Ну-у-у… Нет, конечно.

— Меня, Клевум, доводит то, что он мог бы добиться избрания без всякого труда. У него же есть все! Предвыборная платформа, способная увлечь массы, безупречное прошлое, замечательный ораторский талант и внешность для кандидата ну просто идеальная! В сравнении с Нетопырьухим он прирожденный губернатор. Алле-гоп! И готово! Однако, как пить дать, переизбран будет Нетопырьухий.

— Боюсь, ты прав, — грустно согласился Клевум. — Нас обойдут, как стоячих. Одно время мне казалось, у нас есть шансы, но теперь… Вы видели, что утром тиснула о нем «Вся царская рать»?

— Этот помойный листок! Так что же?

— Вдобавок к гнусным намекам на золото Атлантиды они обвинили его в намерении уничтожить мурийские семейные очаги и покуситься на неприкосновенность мурийских женщин. И призвали всех стопроцентных му-

рийцев отправить это коварное чудовище туда, откуда оно явилось. Дурно пахнущие поклепы! Но чернь глотает и облизывается.

— Еще бы! Я же про это и говорил. Губернаторская шайка без передышки швыряет грязь горстями, но стоит нам швырнуть хоть комочек в губернатора Вортуса, как Талус закатывает истерику. В его представлении забористая превыборная статья — это увлекательные статистические изыскания для сравнительного анализа сельскохозяйственных налогов в разных провинциях Му… Дольф, что ты рисуешь?

— А вот! — И он показал ядовитую карикатуру на губернатора Вортуса с его длинной физиономией, узкими губами и лысым лбом под высокой алой губернаторской шапкой. Гигантские оттопыривающиеся уши придавали зловещему лицу сходство с развернувшим крылья стервятником. Простая подпись под карикатурой призывала: «НЕТОПЫРЬУХОГО В ГУБЕРНАТОРЫ!»

— Вот-вот! — вскричал Робар. — Именно то, что там требуется. Юмор! Если бы мы могли поместить эту карикатуру на первой странице «Возрождения Му» и подсунуть по номеру под дверь каждого избирателя в провинции, это сразу же все изменило бы. Один взгляд на эту рожу

— они обхохотались бы и кинулись голосовать за нашего Талуса! — Он отодвинул набросок на расстояние вытянутой руки и разглядывал его, сосредоточенно сдвинув брови. Потом посмотрел на своих друзей. — Слушайте, олухи, а почему бы и нет? Хоть последний номер приперчим. Ну как? Идет?

Клевум сказал с тревогой:

— Ну… не знаю. Откуда ты возьмешь деньги? И даже если Орик раскошелится, как мы сумеем распространить такой тираж? А в случае удачи неизвестно, чем это обернется для нас — у противника хватит денег и времени для ответного удара.

Робар скривил губы:

— Вот чем вознаграждаются идеи в этой кампании — возражения, возражения и снова возражения!

— Погоди, Робар, — вмешался Дольф. — У Клевума есть основания брыкаться, но в целом ты прав. Главное — чтобы Простой Избиратель от души посмеялся над Вортусом, верно? Так почему бы не отпечатать листовки с моей карикатурой и не раздать их перед участками в день выборов?

Робар побарабанил пальцами по столу и вынес решение:

— Хм… нет! Ничего не выйдет. Держиморды Вортуса насажают синяков нашим активистам и отберут листовки.

— Ну а если перерисовать Нетопырьухого на полотнища и развесить их возле избирательных участков так, чтобы голосующие их обязательно увидели?

— Та же беда. Держиморды посрывают их еще до открытия участков.

— Знаете, ребята, — вмешался Клевум, — нам требуется что-то большое, видное отовсюду, притом прочное и массивное, с чем губернаторским прихвостням не справиться. Каменные истуканы в два этажа высотой были бы в самый раз.

Робар искривил губы еще сильнее:

— Клевум, если ничего умнее ты придумать не можешь, так хоть помолчал бы! Да, истуканы — прекрасная идея, будь у нас в распоряжении сорок лет и десять миллионов золотых.

— Робар, подумать только, — съязвил Дольф со злоехидной усмешкой, — отдай тебя твоя матушка в жрецы, ты мог бы насгущать столько истуканов, сколько пожелал бы, без тревог, хлопот и расходов.

— Верно, умник. Но тогда бы я не занимался политикой… Погодите!

— А?

— Сгущение! А что, если мы сгустим столько истуканов Нетопырьухого…

— Каким это образом?

— Знаете Кондора?

— Траченного молью петуха, который опивается в «Пляшущем ките»?

— Ага. Бьюсь об заклад, он их налепит столько, сколько нам надо.

— Из него же песок сыплется! И к тому же он не инициирован. Так, дешевый колдунишка. Читать по ладони в харчевнях да составлять гороскопы — вот и все, на что он способен. Даже любовное зелье жарить толком не умеет. Я как-то на собственном опыте убедился!

— Не воображай, будто ты его хорошо знаешь! Однажды вечером он нализался и поведал мне историю своей жизни. Прежде он был жрецом в Египте!

— И почему же он там не остался?

— В том-то и соль! Он не ладил с Верховным жрецом и как-то ночью напился, да и сгустил статую Верховного жреца в таком месте, где она всем бросалась в глаза, и такую большую, что видна она была издалека. Вот только голову Верховного жреца он насадил на туловище зверя.

— О-го-го!

— Ну и утром, когда он протрезвел и вспомнил, что натворил, сразу ударился в бега. Устроился в Красном море на грузовое судно, да и приплыл сюда.

Во время этого разговора лицо Клевума вытягивалось все больше и больше. Наконец он не выдержал:

— Вы, два идиота, даже не вспомнили, как карают за противозаконное использование жреческих тайн!

— Заткнись, Клевум! Если Талус победит, он все уладит. А если мы проиграем выборы… так на всем Му для нас не найдется безопасного убежища, устроим мы эту штуку или нет.

Убедить Орика оказалось очень непросто. Как политик, он был сама любезность, но как организатор предвыборной кампании Талуса и, следовательно, шеф Робара, Дольфа и Клевума он, в чем юноши не замедлили убедиться, оказался крайне осторожным, хотя и сохранял приятельский тон.

— Хм… да… право, не знаю, — сказал он. — Боюсь, Талусу это не понравится.

— А зачем ему знать заранее?

— Ну, мальчики… право же… Э… не хотите же

вы, чтобы я скрыл от него…

— Орик, но ты же прекрасно понимаешь, что мы наверняка проиграем, если не примем какие-то меры, и побыстрее.

— Робар, откуда такой пессимизм? — Выпуклые глаза Орика излучали фальшивую уверенность в будущем.

— А соломенное голосование? Не слишком-то много оно обещает! В сельских местностях мы проигрываем один к двум!

— Ну-у-у… Может быть, ты и прав, мой мальчик. — Орик дружески положил ладонь на плечо юноши. — Хорошо, предположим, что мы и правда проиграем выборы. Му же не один день строился. И я хочу, чтобы вы знали, как высоко мы ценим ваше самоотверженное усердие, независимо от исхода. Талус его не забудет, как и… э-э… я… Благодаря вам и таким, как вы, мы, старшее поколение, можем не опасаться за судьбу Му!

— Нам не нужно, чтобы нас высоко ценили, нам нужно победить на выборах!

— Безусловно, безусловно! Мы все этого хотим, и я в первую очередь. Э-э… в какую сумму обойдется эта ваша задумка?

— Сгущение обойдется недорого. Предложим Кондору единовременный гонорар и пообещаем

какую-нибудь должность после победы. Основные расходы придутся на вино для него. Другое дело — переброска истуканов на избирательные участки. Мы планируем простую коммерческую переброску.

— Она… э-э… обойдется дорого.

— Дольф заходил в храм справиться о цене.

— Боги! Неужели вы открыли жрецам свой план?

— Нет, почтеннейший. Он просто уточнил тоннаж и расстояние.

— И сколько он запросил?

Робар ответил, и на лице Орика появилось такое выражение, будто у него на глазах волки пожирали его первенца.

— Ни в коем случае! — отрезал он. — Даже и не заикайтесь!

Но Робар не отступил:

— Дороговато, конечно, но куда дешевле избирательной кампании, которая не принесет результата. Кроме того… Да, я знаю, что официально жрецы стоят вне политики, однако с твоими связями уж наверняка удастся найти такого, кто займется этим частным образом за плату поменьше или даже в кредит. Ему это ничем не грозит, а если наш план осуществится, то

победа обязательно будет нашей. Это твердо.

Орик сказал — и впервые в его голосе прозвучал искренний интерес:

— Мм, да. Пожалуй, ты прав. — Он тщательно соединил кончики пальцев. Беритесь за дело, мальчики. Обеспечьте изготовление истуканов. А организацией переброски займусь я. — И с озабоченным видом он направился к двери.

— Минуточку! — возопил Робар. — А деньги, чтобы подмаслить старика Кондора?

Орик остановился.

— А, да-да. Как я рассеян! — Он вытащил три серебряные монеты и протянул их Робару. — Наличными и без расписки? — Он подмигнул.

— Да, кстати, почтеннейший! — вставил Клевум. — Как насчет моего жалованья? А то квартирная хозяйка мне проходу не дает.

Орик изумился.

— Как? Я тебе еще не заплатил? — Он пошарил в складках тоги. — Ты очень деликатен. Такое терпение и патриотизм! Но ты же понимаешь, у меня столько разных забот, а спонсоры далеко не все исполняют свои обещания в ими же назначенные сроки! — Он протянул Клевуму одну-единственную монету. — Напомни мне в первый же день следующей недели, мой маль-

чик. Не допусти, чтобы я снова забыл.

И он торопливо удалился.

Дружная троица пробиралась по узким улочкам, запруженным лотошниками, моряками, ребятишками и домашними животными, ловко избегая всякого мусора и помоев из ведер, которые бесцеремонно опоражнивали прямо с балконов. Харчевня «Пляшущий кит» дала о себе знать густым благоуханием квартала за два. Кондор, как обычно, привалился к стойке в уповании, что пьющие вокруг мореходы угостят и его.

Когда юноши пригласили его выпить с ними, он согласился со всей поспешностью. Робар выждал, пока пара кружек пива не привела старика в благодушное настроение, и только тогда заговорил о деле. В ответ на прямой вопрос Кондор выпрямился с пьяной гордостью.

— Умею ли я сгущать подобия? Сын мой, ты видишь перед собой того, кто сотворил Сфинкса! — Он элегантно икнул в кулак.

— Но сумеешь ли ты сделать это здесь и теперь? — гнул свое Робар. Разумеется, за гонорар, — прибавил он.

Кондор опасливо огляделся:

— Осторожнее, сын мой. Нас могут подслушать… Тебе требуется первичное сгущение или

простое кодирование?

— А какая разница?

Кондор со вздохом возвел глаза к потолку и вопросил:

— И чему только учат в нынешних школах? Первичное сгущение требует большей затраты сил, ибо приходится тревожить самую сердцевину эфира. А копирование сводится к простой перегруппировке атомов в заданные конфигурации. Для каменной статуи сгодится простой булыжник.

— Значит, копирование! А нужно нам…

— Для первого завода хватит. Останови грузчиков! — Кондор отвернулся и подслеповато уставился в ветхий пергамент, шаря налитыми кровью глазами по выцветшим иероглифам.

Они собрались в заброшенном карьере за дальним полем дядюшки Дольфа, который получили в полное свое распоряжение без всяких хлопот: ведь, как рассудительно указал Робар, раз почтенный старец не знает, что на его земле творится беззаконие, какие у него могут быть возражения?

Их компания пополнилась шестью краснокожими грузчиками с Земли Инков, неутомимыми внлачами, обладавшими помимо всего одним

важнейшим достоинством — они ни слова не говорили по-муйски. Они загрузили серой галькой бункер необычной конструкции — без выпускного отверстия — и теперь невозмутимо ждали дальнейших распоряжений. Кондор засунул свиток в складки видавшей виды туники и извлек из того же тайничка серебряную трубочку.

— Твоя конфигурация, сын мой?

Дольф протянул ему восковую модельку, вылепленную по карикатуре на Нетопырьухого. Кондор поставил слепок перед собой и уставился на него в серебряную трубочку. То, что он увидел, как будто его удовлетворило. Во всяком случае, он монотонно забубнил себе под нос, покачивая в такт лысой головой.

Примерно в пятидесяти шагах от них на каменном пьедестале начал возникать образ, вначале словно клуб дыма, но затем сгустился, пошел рябью, уплотнился и затвердел. Кондор оборвал бормотание и обозрел плод своих усилий. Высотой в три человеческих роста, перед ними красовался истукан Нетопырьухого, весь насквозь из бесхитростного обычного камня.

— Клевум, сын мой, — сказал Кондор, — передай-ка мне кувшин.

В бункере не осталось ни камешка.

За два дня до выборов их посетил Орик. Робар растерялся: Орик не только привел с собой какого-то незнакомца, но и походил с ним между рядами массивных истуканов. А потом, когда их шеф попрощался с ними, он отвел его в сторону и зашептал:

— Что это за тип?

— Вполне надежный, — заверил Орик с обезоруживающей улыбкой. — Один из наших… мой друг.

— Но доверять ему можно? Я, по-моему, ни разу его не видел. За все время кампании.

— О, безусловно! И кстати, ребятки, вас надо поздравить с тем, что вы тут натворили! Ну, мне пора. Я еще загляну к вам…

— Минутку, Орик! Переброска у тебя на мази?

— О да! Да-да. А как же? Они все будут доставлены на избирательные участки заблаговременно. Каждый истукан.

— А когда?

— Робар, почему бы тебе не оставить все эти мелочи мне?

— Ну-у… ты, бесспорно, босс, но, по-моему, нам следует знать, когда готовиться к переброске.

— Что ж, раз тебя это так заботит, то, скажем, в полночь перед выборами.

— Отлично. У нас все будет готово.

Накануне выборов Робар с облегчением ждал полуночи.

Кондор потрудился на славу. Гротескные истуканы стояли длинными рядами по паре для каждого избирательного участка в провинции Лак, и Кондор усердно возобновлял знакомство с винным кувшином. Ведь непрерывное напряжение, которого потребовала эта работа, почти совсем вернуло его на стезю трезвости.

Робар созерцал истуканов с глубоким удовлетворением:

— Жаль, мы не увидим, какую рожу скорчит губернатор, когда взглянет на наши статуэтки! С первого взгляда ясно, чьи это бюсты. Дольф, ты гений. Ничего кошмарнее я в жизни не видел.

— Лестная похвала, друг мой, — отозвался Дольф. — Но куда запропастился этот жрец? Я успокоюсь, только когда увижу, как наши куколки разлетаются по избирательным участкам.

— Не волнуйся зря. Орик меня твердо заверил, что жрец придет заблаговременно. И переброска — дело секундное. Едва он приступит к делу, как даже истуканы, предназначенные для глухомани и северного полуострова, окажутся на месте через минуту-другую.

Однако проходили часы, и становилось все очевиднее, что произошла какая-то накладка. Робар в тринадцатый раз вернулся с ведущей в город дороги и сообщил, что на ней по-прежнему не видно ни души.

— Что же делать? — спросил Клевум.

— Не знаю. Ясно одно: случилось что-то непредвиденное.

— Так чего мы ждем? Пошли в храм, попробуем его найти.

— Какой смысл? Мы же не знаем, с кем договорился Орик. Пошли к нему.

Они оставили Кондора сторожить истуканы, а сами помчались в город. Орика они перехватили в тот момент, когда он выходил из штаб-квартиры. С ним был незнакомец, которому два дня назад он показывал истуканы. Появление юношей, казалось, удивило Орика.

— Привет, ребятки! Кончили так рано?

— Он не пришел! — пропыхтел Робар.

— Не пришел? Только подумать! А вы уверены?

— Конечно! Мы же там были все время.

— Как зовут жреца, с которым ты договорился? — спросил Дольф. — Мы сбегаем в храм и найдем его.

— Как его зовут? Нет-нет, вам не следует идти туда. Вы можете все осложнить. Я пойду сам.

— И мы с тобой!

— Это лишнее! — раздраженно отрезал Орик. — Вернитесь в карьер и проверьте, все ли готово.

— Великие боги! Орик, все проверено и перепроверено десятки раз! Пусть хоть Клевум пойдет с тобой, чтобы показать жрецу дорогу.

— Об этом я позабочусь сам! А теперь идите, идите! Юноши неохотно подчинились. Возвращались они в угрюмом молчании, которое у самого карьера прервал Клевум:

— Знаете, ребята…

— Да не тяни ты!

— Тип, который был с Ориком. Он ведь тот самый, что приходил с ним в карьер, так?

— Ну и что?

— Я все старался вспомнить, почему он показался мне знакомым. И сейчас сообразил: недели две назад я видел, как он выходил из губернаторской штаб-квартиры.

Все трое онемели.

Потом Робар сказал ошеломленно:

— Преданы! Все ясно. Орик продался и предал нас.

— Так что же нам делать?

— А что мы можем?

— Хоть убейте — не знаю.

— Погодите, ребята, — умоляюще произнес Клевум, — Кондор же был жрецом. Может, он способен наладить переброску?

— Верно! Надо попытаться. Бежим!

Но Кондор валялся на земле в пьяном забытьи. Они трясли его, лили ему на голову воду, подняли и принялись водить взад и вперед. Наконец он протрезвел настолько, что уже мог отвечать на вопросы. Задавал их Робар:

— Слушай, папаша, это очень важно. Ты можешь устроить переброску?

— Кто? Я? Само собой. А то как же мы воздвигли бы пирамиды?

— Да ну их, пирамиды. Вот сейчас ты сумеешь перебросить эти изваяния?

Кондор уставился на него воспаленными глазами:

— Сын мой, великие законы магии едины для всего времени и всего пространства. Что было сделано в Египте в золотом веке, может быть сделан в Му сегодня ночью.

Дольф не сдержался:

— Боги! Что же ты, папаша, раньше молчал?

Ответ был исполнен достоинства и логики:

— А вы меня спрашивали?

За работу Кондор взялся тут же, но с такой медлительностью, что юноши чуть не визжали от нетерпения. Сначала он начертил на земле широкий круг.

— Дом тьмы! — возвестил он торжественно и добавил полумесяц Астарты.

Затем начертил второй большой круг, сопредельный с первым.

— А это дом света, — объяснил он и добавил символ солнечного бога.

В первом ряду первый слева истукан покачнулся на пьедестале, затем взмыл в воздух и молниеносно исчез за горизонтом на востоке.

Юноши дружно испустили радостный вопль, а по лицу Робара заструились слезы.

Взмыл второй истукан и уже устремился вперед, как вдруг Кондор икнул. Изваяние рухнуло на пьедестал и раскололось пополам. Старик оглянулся на своих нанимателей.

— Извиняюсь, с другими буду поосторожнее, — пробурчал он.

И он правда попытался, но алкоголь в крови брал свое. Кондора пошатывало, и он целился куда попало. Каменные фигуры летели во все стороны, но недалеко. Группа из шести с оглуши-

тельным плеском рухнула в гавань. Три четверти еще ждали своей очереди, когда Кондор вяло опустился на колени, опрокинулся и замер.

Дольф кинулся к нему и начал трясти. Но без малейшего толку. Он оттянул веко старика и вгляделся в зрачок.

— Бесполезно! Его и через пять часов в себя не привести, — вздохнул он.

Робар тоскливо смотрел на истуканов и их обломки. «Стоят, — думал он, — а что проку? Их же никто никогда не увидит — наглядная агитация, пропавшая втуне… Самая замечательная из моих идей!»

Тягостную тишину нарушил Клевум:

— Порой, — простонал он, — я начинаю думать, что Му только хорошее землетрясение исправит!

> «…их верховного божества. Хотя археология и не свободна от ошибок, в данном случае, вне всяких сомнений, ошибка невозможна. Статуи эти носят сугубо религиозный характер. Такая неопровержимая предпосылка позволяет вдумчивому ученому с высокой достоверностью проанализировать их назначение…»

Они[78]
Рассказ

Они не оставляли его в покое.

Они никогда не оставляли его в покое. Он подумал, что, наверное, это часть их плана — никогда не оставлять его в покое, не дать ему возможности поразмыслить над той ложью, которой они пичкали его, не дать ему времени найти их слабые места и постичь истину.

И этот их проклятый надсмотрщик утром! Вломился со своим завтраком, разбудил его, и теперь он никак не может вспомнить сон, который ему сегодня снился. Если бы он только мог вспомнить этот сон…

Кто-то отпирает дверь. Но ему на это плевать.

— Привет, старина. Мне сказали, что ты отказался от завтрака? — И над его кроватью нависла профессионально любезная маска доктора Хейварда.

— Я не был голоден.

— Ну нельзя же так. Ты ослабеешь, и я не смогу

---

[78] Примечания: 78
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

тебя вылечить. Вставай-ка, одевайся, а я велю принести тебе эгг-ног[79]. Давай, давай, парень!

Неохотно, но не желая вступать в конфликт, он встал и скользнул в свой халат.

— Вот так лучше, — похвалил Хейвард. — Сигарету?

— Нет, спасибо.

Врач удивленно покачал головой:

— Будь я проклят, если как-то понимаю тебя. Отсутствие интереса к физическим удовольствиям не соответствует твоему типу.

— А какой у меня тип? — ровным тоном поинтересовался он.

— Фу ты! — И Хейвард скорчил проказливую мину. — Если бы врачи раскрывали пациентам свои профессиональные секреты, то они едва-едва зарабатывали бы себе на хлеб.

— Так что же у меня за тип?

— Ну… ты ведь не хочешь, чтобы я просто приклеил тебе ярлык. Я о тебе ничего не знаю. Неужели не пора рассказать о себе?

— Я буду играть с вами в шахматы.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласился Хейвард, — мы уже и так целую неделю каждый

---

[79] Примечания: 79

Эгг-ног (*англ.* eggnog, egg-nog) — яичный коктейль.

день играем. Но если ты будешь рассказывать, я буду играть.

Что это может значить? Если он правильно их понял, то они уже знают, что он раскрыл их заговор, хотя он вряд ли чего-то добьется, если будет скрывать очевидное. Ну что ж, пусть попытаются убедить его в обратном. Снявши голову, по волосам не плачут. Да ну их к чертям собачьим!

Он достал шахматы и начал расставлять фигуры.

— Что вы на данный момент знаете обо мне?

— Очень мало. Осмотр ничего не дал. И факты биографии тоже. Ты очень умен, если судить по тому, чего ты достиг в школе и на работе. Иногда резкие перепады в настроении, но ничего из ряда вон выходящего. Единственная информация о тебе, которая может сослужить нам службу, — это инцидент, из-за которого тебе пришлось попасть сюда на лечение.

— Из-за которого меня сюда упрятали, вы хотите сказать.

— О боже! Да если ты запираешься у себя в комнате и твердишь, что твоя жена состоит с кем-то в заговоре против тебя, как ты думаешь, люди будут реагировать на это?

— Но она действительно состоит в заговоре

против меня. И вы тоже. Белые или черные?

— Черные. Сейчас твоя очередь атаковать. Ну почему ты думаешь, что мы все «в заговоре против тебя»?

— Трудно объяснить. Для этого нужно вернуться в мое детство. — И он сделал своим белым конем ход на b3.

Брови Хейварда поползли вверх.

— Как это понять?

— А почему бы и нет? Я не рискую играть против вас гамбит.

Врач пожал плечами и сделал ответный ход.

— Ну хорошо, начнем с детства. Оно может пролить на твой случай больше света, чем все, что у тебя произошло в недавнем прошлом. Чувствовал ли ты, что тебя преследуют?

— Нет! — Он наполовину встал со стула. — Когда я был ребенком, я был уверен в себе. Тогда я знал. Я знал! Я знал, что жизнь стоит того, чтобы жить. Я был в мире с самим собой и со своим окружением. Жизнь была хороша, и мне было хорошо, и я понимал, что существа, окружавшие меня, такие же, как я.

— А они не были такими же?

— Конечно нет! И особенно дети. Я не представлял себе, что такое испорченность, пока не

связался с этими так называемыми детьми. Маленькие дьяволы! От меня хотели, чтобы я был таким, как они, и играл с ними.

Врач кивнул.

— Я понимаю. Дети иногда бывают ужасными дикарями.

— Вы не поняли. Дело не в дикости. Эти существа были просто другими — совсем не такими, как я. Они выглядели так же, как и я, но они не были такими, как я. Когда мне хотелось объяснить им что-то очень важное в моем понимании, они пялили на меня глаза и презрительно смеялись. А потом они обязательно наказывали меня за то, что я делился с ними своим сокровенным.

Хейвард кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. А взрослые?

— Это другое. Взрослые сначала ничего не значат для детей. Они ничего не значили и для меня. Они были слишком большими и не беспокоили; кроме того, они вечно были заняты чем-то таким, что было выше моего понимания. Я начал интересоваться ими только тогда, когда заметил, что мое присутствие как-то сковывает их.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… Они никогда в моем присутствии не

делали того, что делали в мое отсутствие.

Хейвард внимательно посмотрел на него.

— А это утверждение действительно имеет под собой почву? Откуда ты знаешь, чем они занимались в твое отсутствие?

— Но я ловил их на том, что они внезапно прекращали разговор, когда я входил в комнату, или же начинали говорить о погоде или еще о чем-то пустом. Тогда я начал прятаться, подглядывать и подслушивать. Взрослые вели себя совсем иначе.

— Теперь твой ход… Да, но это было, когда ты был ребенком. Все дети проходят через это. Теперь, когда ты стал мужчиной, ты должен понимать, почему взрослые так поступали. Дети — странные существа, и их нужно защищать. По крайней мере, мы защищаем их от всех наших проблем. Существует целый кодекс условностей в отношении…

— Да, конечно, — нетерпеливо прервал он, — я все это понимаю. И все же я наблюдал и запоминал много такого, чего мне и теперь не понять. Я насторожился и заметил вот что.

— Что же? — Он увидел, что враг не смотрит на доску, производя рокировку.

— Я заметил, что все, что они делали, и все, о чем они говорили, никогда не имело никакого

смысла. Они должны были делать что-то совершенно другое.

— Я не понимаю.

— Вы не хотите понимать. Кстати, я вам все это рассказываю в обмен на партию в шахматы.

— А почему ты так любишь играть в шахматы?

— Потому, что это единственная вещь в мире, правила которой мне понятны. Ну да все равно! Я внимательно наблюдал за всем, что видел вокруг себя, — за городами, заводами, фермами, церквами, школами, домами, железными дорогами, деревьями, библиотеками, животными и людьми. За людьми, которые были похожи на меня и которые должны были бы чувствовать то же, что и я, если бы все, чему меня учили, было правдой. А чем они занимались, эти люди? Они ходили на работу, чтобы зарабатывать деньги, чтобы на них покупать еду, чтобы с помощью еды восстанавливать силы, чтобы снова идти на работу, чтобы опять зарабатывать деньги, и так далее, — до тех пор, пока они не умрут. Эта модель, правда, допускала легкие вариации. Но какое это имеет значение, если люди все равно заканчивают смертью? И все твердили мне, что я должен делать то же самое. А я лучше знаю, что мне делать!

Врач бросил на него капитулирующий взгляд и засмеялся.

— Я не спорю с тобой. Жизнь действительно такова и, может быть, лишена смысла. Но это единственное, что нам дано. Почему же не наслаждаться этим — и чем больше, тем лучше?

— Ну нет! — Он упрямо сжал губы. — Вы не убедите меня. А откуда я знаю, что вы правы? Из-за того, что вокруг меня только сцена и на ней толпы актеров, которые не смогли бы выжить, если бы постоянно не метелили друг друга? Все, что угодно, но не это. Огромное, невероятное безумие, которое меня окружает, не может не быть запланированным. И я разгадал ваши планы!

— Что же это за планы?

Он заметил, что врач снова отвел глаза.

— Это игра, преследующая цель сбить меня с моего пути, оккупировать мой мозг и занять его ничего не значащими деталями, из-за которых я обязательно забуду самое главное. И вы все в заговоре против меня. — Он ткнул пальцем врачу в лицо. — Большинство людей просто беспомощные автоматы, а вы нет. Вы один из участников преступного заговора против меня. Вас прислали сюда, чтобы заставить меня вернуться к разыгрыванию той роли, которую вы

мне предназначили.

Он видел, что врач ждет, когда он успокоится.

— Не волнуйся, — проговорил наконец Хейвард. — Может, это и заговор, но почему ты решил, что заслуживаешь какого-то особого внимания к своей персоне? Может, это шутка, которую разыгрывают против всех нас. Почему бы мне тоже не быть такой же жертвой, как и ты?

— Черт бы вас побрал! — И он снова сунул в лицо Хейварду свой длинный палец. — Это и есть самое главное в вашем плане. Вы рассовали вокруг меня всех этих людей, похожих на меня, чтобы я не догадался о том, что являюсь центром ваших интриг. Но я заметил самое главное, и это факт непреложный. Я уникален. Вот я, перед вами, с внутренней стороны. А мир — с внешней. И я центр…

— Полегче, полегче! А не кажется ли тебе, что и для меня мир является внешней стороной, а я сам — внутренней? Мы все центр Вселенной…

— Не скажите. Это вы хотели убедить меня в том, что я такой же, как и миллионы окружающих меня. Ложь! Если бы они были такими же, как я, я смог бы с ними общаться. А я не смог. Я старался, но не смог. Я раскрывал им свои сокровенные мысли в поисках тех, кому они были бы

близки. И что я получал взамен? Глупые ответы, раздражающие несообразности, бессмысленную чепуху. Я повторяю вам, что я старался. Боже, как я старался! Но никто не протянул мне руки. Все было пустым и чужим!

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что я ничего не понимаю? Ты не веришь в то, что я живой и мыслящий человек?

Он внимательно посмотрел на врача.

— Я думаю, что вы живой, но чужой мне человек. Один из моих антагонистов. И вы окружили меня тысячами таких же, как вы, — с пустыми лицами, бессмысленная речь которых — простая реакция организма на шум.

— Но если ты все же согласен с тем, что я субъект мысли, то как можно считать меня чем-то чужеродным по отношению к тебе?

— А вот как! — Он вскочил и бросился к шкафу, из которого вынул футляр со скрипкой.

Пока он играл, страдальческие морщины на его лице разглаживались, а все лицо приобретало какую-то одухотворенную красоту. На эти мгновения его снова захлестнули эмоции, но он уже забыл о своих снах. Мелодия легко следовала от мысли к мысли с неумолимой логикой. Он закончил игру триумфальным финалом,

подытоживающим все сказанное-сыгранное, и повернулся лицом к врачу.

— Поняли?

— Хм. — (Ему показалось, что врач становится осторожнее.) — Это немного странно, но замечательно. Жаль, что ты серьезно не занимался скрипкой. Ты мог бы многого достичь. Да и сейчас не поздно. Почему бы тебе не заняться этим?

Он стоял и долго внимательно смотрел врачу в глаза, потом покачал головой.

— Бесполезно. Совершенно бесполезно. Общаться все равно ни с кем не смогу. Я одинок. — Он положил инструмент на место и вернулся к столу. — Мой ход, кажется?

— Да. Берегите своего ферзя.

Хейвард оценивающе посмотрел на доску.

— Совсем не обязательно. Он мне больше не нужен. Шах.

Врач прикрыл короля пешкой.

— Вы умело обращаетесь со своими пешками, но я научился предугадывать ваши ходы. Так что снова шах — и мат, я думаю.

Врач оценил ситуацию на доске.

— Нет, — наконец сказал он. — Нет, не совсем. — И отвел атакованную фигуру. — Не шах и мат, а пат на худший случай. Еще один пат.

* * *

Его расстроил приход Хейварда: тот нашел логически слабые места в его суждениях. Но он не мог ошибаться. С логической точки зрения мир является величайшим обманом, обрушивающимся на всех и каждого. Но что такое логика? Логика сама по себе есть величайшее надувательство, потому что оперирует недоказанными посылками; с ее помощью можно доказать все, что угодно. Мир есть то, чем он является на самом деле, и сам несет в себе доказательства своей несостоятельности.

Но что же делать ему? Может ли он провести грань между известными и неизвестными ему фактами, чтобы прийти к разумному пониманию мира, основанному только на фактах, — к пониманию, свободному от запутанных логических операций и посылок, в которых он не уверен?

Факт первый — он сам. Он хорошо знает себя, он существует.

Факт второй — существование «пяти чувств», все, что он сам увидел, услышал, обонял, осязал, испробовал. Осознавая пределы своих «чувств», он все же должен верить им. Без них он был бы полностью отчужден от мира, заперт в своей

скорлупе, слеп, глух, отделен от всего. Он был бы одним-единственным существом на Земле.

Но чувства — это еще не все. Он знает, что ничего не придумал из того, что постиг благодаря чувствам. Но должно быть что-то еще, что-то, сделавшее мир доступным восприятию его чувств. Все философы, утверждавшие существование физического мира только в рамках субъективного воображения, сущие мошенники.

А что же еще? Есть ли еще какие-нибудь «третьи» факты, на которые он мог бы опереться? Нет, только не здесь. Он не мог себе позволить верить в то, что узнал из книг и чему его научили, во все то, что считалось непреложным фактом. Нет, он не смог поверить всему этому, потому что в общей сумме то, что ему говорили, чему учили в школе, было противоречивым, бессмысленным и глубоко несостоятельным.

Минуту… Все это нагромождение *лжи*, все эти бессмысленные противоречия являются фактами хорошо ему известными. Поэтому их можно считать очень ценной для него информацией.

Мир, каким он его видит, глубоко неразумен и одновременно слишком велик, чтобы быть абсолютно лишенным смысла. Если же мир не столь безумен, каким представляется ему, то существу-

ет какая-то сила, которая сделала его таким — для того, чтобы обмануть сознание индивида. Но почему именно его? Каков смысл этого подлога? В самом этом обмане и должен быть ключ к разгадке. Ему было суждено познать массу концепций окружающего мира — всяческие философии, религии, идеи «здравого смысла». Большинство из них были такими ничтожными, что их вряд ли можно было принимать всерьез. Но все они включали одно и то же положение, в которое он не мог не верить: то, что он был «человеческим существом» — как миллионы его современников и миллиарды тех, кто жил до него и будет жить после него.

Какая чушь! Ему никогда не удавалось вступить в настоящий контакт с себе подобными. В агонии своего одиночества он обманул себя, поверив в то, что Элис понимала его и была такой же, как и он. Он не удосужился тысячу раз проверить ее, потому что слишком невыносимой была для него мысль о возвращении к своему одиночеству. Ему очень нужно было поверить в то, что его жена — живое, дышащее существо, сделанное из того же теста, что и он, и что ей понятны все его сокровенные мысли. Ему не хотелось верить в то, что она просто зеркало, эхо или что-то невообра-

зимо худшее.

Он нашел себе партнера, и мир стал меньше раздражать его, хоть и был таким же глупым и скучным. Он сделался в меру счастливым и отбросил свои подозрения. Даже свой однообразный труд он воспринимал терпимее, пока досадная случайность не пробила брешь во всем этом обмане, и все его подозрения вернулись и начали мучить его с удвоенной силой.

Он уже начал жалеть о том, что выдал им себя. Если бы он держал рот на замке, они бы не заперли его здесь. Ему следовало быть более проницательным, смотреть во все глаза и слушать во все уши, выуживать из них детали и мотивы заговора против него. Он смог бы перехитрить их.

Но они заперли его — и весь мир стал сумасшедшим домом, а они тюремщиками.

В замке повернулся ключ, и он увидел человека с подносом.

— Ваш обед, сэр.

— Спасибо, Джо! — сказал он. — Поставь сюда.

— Сегодня вечером кино. Не хотите пойти? Доктор Хейвард сказал, что вам следовало бы…

— Нет, спасибо.

— Лучше бы вы пошли, сэр. — (И он с удовольствием услышал настойчивость в голосе

Джо.) — Фильм хороший. Будет и мультфильм с Микки-Маусом…

— Ты почти убедил меня. Проблемы Микки-Мауса похожи на мои. Но я не пойду. Пусть не трудятся пускать фильм.

— Но фильм будет в любом случае. Многие другие обязательно пойдут.

— Действительно? Что это — особый расчет или ты просто заговариваешь меня? Не стоит напрягаться. Я знаю всю эту игру. Если я не пойду, то и фильма не будет.

Ему не понравилась усмешка, которой Джо ответил на его выпад. Разве может быть так, чтобы это существо было сделано из одного с ним материала — хорошо развитые мускулы, флегматичность, терпеливость, что-то собачье во всем облике? Неужели он напичкан только рефлексами робота? Нет, он, скорее всего, один из них, если поставлен здесь.

Джо ушел, а он, занявшись едой, начал сгребать ложкой (единственным инструментом, которым его снабдили) кусочки уже нарезанного мяса. Он снова улыбнулся их предусмотрительности и расчету. Они не знают, откуда исходит опасность. Он не убьет себя до тех пор, пока есть надежда открыть истину. У него в запасе еще

масса возможностей, прежде чем он примет это бесповоротное решение.

После ужина он занялся приведением в порядок своих мыслей и решил записать их. Он достал бумагу. Ему нужно начать с общей формулировки тех основных принципов, которые вдалбливались ему всю его «жизнь». Жизнь? Да, слово подходящее. Он записал:

«Мне сказали, что я родился столько-то лет назад и что через приблизительно столько-то лет я умру. Мне предложили немало глупых версий того, где я был до своего рождения и где буду после смерти. Но все это грубая ложь, преследующая цель не обмануть меня, а просто направить по неправильному пути. Всяческими путями окружающий мир пытается убедить меня, что я смертен, что я здесь ненадолго, что пройдет какое-то количество лет — и я уйду в небытие.

Неправда! Я бессмертен. Я переступаю через пределы времени, отмеренного мне. Промежуток в семьдесят лет не что иное, как одна из фаз моей жизни. Во-первых, я осознаю, что существую, а во-вторых, что я вечен. Может, я замкнутая кривая, но это не важно. Я в любом случае не имею ни начала, ни конца. Моя уверенность не относительна, она абсолютна, и ее нельзя ни создать,

ни уничтожить. И только память, так как только она относительный аспект сознания, может быть подвергнута воздействию и даже уничтожена.

Правда, большинство религий, которые я узнал, учат бессмертию, но обратите внимание, как они этому учат. Самый верный способ убедительно солгать — это неубедительно сказать правду. Значит, они не хотели, чтобы я им поверил.

Внимание: почему они так старались убедить меня в том, что через какое-то время я «умру»? На это должна быть очень серьезная причина. Я делаю вывод, что они готовят меня к какому-то глобальному переделыванию. Мне жизненно необходимо узнать их намерения — на это мне, может быть, понадобится несколько лет. Для этого нужно перестать мыслить их категориями».

Вернулся Джо.

— Пришла ваша жена, сэр.

— Скажите ей, чтоб она уходила.

— Пожалуйста, сэр. Доктор Хейвард очень хочет, чтобы вы с ней повидались.

— Скажи доктору Хейварду, что я его считаю превосходным шахматистом.

— Хорошо, сэр. — Джо постоял с минуту. — Так вы не хотите с ней видеться?

— Нет.

Когда Джо ушел, он еще несколько минут ходил по комнате, не в состоянии собраться с мыслями. Нужно отдать им должное, они вели с ним приличную игру, после того как упрятали сюда. У него есть отдельная комната и масса времени для размышлений. Конечно, его постоянно пытаются чем-то занять или отвлечь, но он упрям и всегда каким-то образом нарушает их планы, выгадывая для себя время для самоанализа.

Черт знает что! Он не хочет, чтобы они впутывали во все это Элис. И хотя она вызывает у него ужас и отвращение — с тех самых пор, как он обнаружил правду, — он не хочет, чтоб ему напоминали о ней и заставляли принимать какие-то решения в отношении нее.

В конце концов, она столько лет была его женой. Женой? А что такое жена? Еще одна душа, но такая же, как твоя собственная, дополнение к ней, второй полюс магнита, святилище понимания и сочувствия в непостижимых глубинах одиночества. Он самозабвенно верил во все это столько лет. Настоятельная необходимость иметь такого же друга, как и он сам, привела его к тому, что в ее прекрасных глазах он увидел себя и перестал замечать все то, что делало их непохожими друг на друга.

Он вздохнул. Он чувствовал, что сумел избавиться от многого, чему его научили в жизни, но Элис проникла под его кожу, даже глубже, и он не мог не мучиться этой болью. Он был счастлив с ней — хоть все это и было наркотическим трансом. Они дали ему отличное зеркало, в которое он мог смотреться и с которым мог играть; ну почему же он не разглядел, что стояло за этим зеркалом!

Уставший, он вернулся к своим рассуждениям:

«Мир интерпретирует две основные концепции. Первая — здравый смысл, который полагает, что в мире существует и многое такое, чего не видно на поверхности, что обычное поведение человека, его поступки сами по себе разумны. Вторая — религиозно-мистическая концепция, которая считает мир иллюзорным, нереальным, над которым довлеет истинная реальность.

Они обе неверны. Общая схема концепции здравого смысла совершенно бессмысленна: „Жизнь коротка и полна неприятностей. Существо, рожденное женщиной, обречено на вечные страдания. Дни его быстротечны. Все — тщеславие и суета“. Эти утверждения, возможно, беспорядочны и неверны, но они четко отражают позицию здравого смысла. В таком мире все

человеческие усилия не более рациональны, чем слепой полет мотылька к свету. „Мир здравого смысла“ — нечто безумное, взявшееся из ничего и в никуда уходящее.

Что касается другой концепции, она с первого взгляда более рациональна, хотя бы потому, что отрицает ярко выраженную глупость позиции здравого смысла. Но эта концепция тоже нерациональна. Это простой уход от действительности, потому что отрицается сама возможность прямого контакта между человеком и потусторонним миром. Конечно, „пять чувств“ не столь совершенны, чтобы осуществлять этот контакт, но, в конце концов, это единственное, что дано человеку».

Он смял бумагу и резко встал со стула. Упорядоченность и логика не помогают. Но он прав, потому что он это чувствует. Он, конечно, не знает еще всего. Да кому нужны этот огромный обман, бессчетное количество существ, целые континенты, чудовищная матрица безумной истории, безумных традиций, безумной культуры? Что нужно человеку, кроме его собственной скорлупы и хорошо сидящего пиджака?

Но должно же что-то быть, должно было быть, потому что им было чрезвычайно важно кар-

динально обмануть его, ведь обман меньшего масштаба не сработал бы.

Он должен был предвидеть все это. А теперь ему нужно идти вслед за этим обманом, наступая ему на пятки. Сейчас он должен увидеть их работу, застать кукловодов врасплох за их манипуляциями.

Первое, что ему нужно сделать, — это бежать из этого сумасшедшего дома, но так искусно, чтобы они не увидели, не поймали его, не имели возможности помешать ему. Это будет нелегко. Но он должен превзойти их в проницательности и прозорливости.

Решив раз и навсегда бежать, он целый вечер обдумывал, как ему осуществить свой замысел. Тот казался почти невыполнимым: убежать, не будучи замеченным.

И скрыться в надежном месте. Они должны потерять его след, чтобы никогда уже не знать, куда направить против него свой удар. У него несколько дней не будет еды. Ничего, без этого он проживет. Но он ни в коем случае не должен дать им шанс разгадать его планы.

Дважды промигал свет. Он послушно встал и начал готовиться ко сну. Когда Джо заглянул в глазок, он уже был в постели лицом к стене.

* * *

Блаженство! Какое блаженство вокруг! Он наедине с самим собой, слышит музыку, исходящую из каждой клеточки его существа, как это всегда было и будет. Ему приятно осознавать себя частью живого, всего того, что участвует в нем самом и в чем непременно участвует он. И только одна неприятная мысль — он не помнит подробностей, — но вот и она ушла, вернее, ее никогда и не было, для нее просто не было места.

Ранним утром из соседней палаты в его скованное сном тело проникли звуки, которые стали ему уже знакомыми и обычно напоминали о том, где он находится. Но в этот раз пробуждение было столь безмятежным, что он не сразу вспомнил все то, что ему пришлось пережить. Он тихо лежал улыбаясь, ощущая приятную неуклюжесть своего еще сонного тела. Он уже давно забыл это ощущение из-за вечной борьбы с ними. Что ж, теперь он знает тональность, в которой нужно играть, и быстро расставит все по своим местам. Он немедленно вызовет их и объявит свою новую позицию. Каким забавным будет выражение лица у старика Гларуна, когда он поймет, что текущий цикл их борьбы завершен.

Щелчок смотрового глазка и скрежет открывающейся двери раздробили цепь его мыслей. Вошел Джо, внес поднос с завтраком и поставил его на стол.

— Доброе утро, сэр. Сегодня чудесный день. Будете завтракать в постели или встанете?

Не отвечать! Не слушать! Не обращать внимания! Это часть их плана. Но поздно, слишком поздно. Он почувствовал, как скользит, падает, низвергнутый из мира своей реальности в мир их обмана. Забыл, все забыл, и не за что зацепиться его памяти. Осталось только ощущение какой-то большой, разбивающей сердце потери и боль неосуществленного очищения.

— Оставь, я сам решу.

— Отлично. — Джо поспешил выйти, громко захлопнул дверь и шумно запер замок.

Он долго лежал, не двигаясь, чувствуя, как каждый нерв в его теле натянут до предела. Наконец он встал с кровати, все еще чувствуя себя глубоко несчастным, и начал концентрироваться на мысли о побеге. Но из-за того, что его так грубо вернули из мира его реальности в их мир, он не мог прийти в себя. В мыслях поселились сомнения — может, доктор был прав, когда говорил, что он не одинок в своей несчастной необходимости

выбора? Может, он просто страдает паранойей и почему-то считает себя не таким, как все?

Неужели здесь, вокруг него, роятся в своем улье другие люди — беспомощные, слепые, безропотные, осужденные на вечное несчастное одиночество? Неужели сострадание, которое он вызывал у Элис, не что иное, как отражение ее внутренних мук, а не комедия, разыгранная в соответствии с их планами?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не глядя. Их приходы и уходы уже безразличны ему.

— Дорогой, — медленно и неуверенно произнес такой знакомый голос.

— Элис! — Он немедленно встал и уставился на нее. — Кто разрешил тебе войти?

— Пожалуйста, милый, пожалуйста, я должна была увидеть тебя.

— Это несправедливо. Это несправедливо. — Он больше обращался к себе, чем к ней. И потом: — Зачем ты пришла?

Она встала перед ним, полная достоинства, чего он никак не ожидал. Красоту ее детского личика испортили морщины и тени под глазами, но оно горело какой-то удивительной отвагой.

— Я люблю тебя, — тихо сказала она. — Ты мо-

жешь выгнать меня, но ты не заставишь меня разлюбить тебя и бросить в беде.

Он отвернулся от нее, не зная, на что решиться. Неужели он действительно неправильно понимал ее? Неужели за этим барьером плоти и звуковых сигналов тот дух, который всегда стремился к нему? И то, что возлюбленные шепчут друг другу в темноте: «Ведь ты понимаешь меня, правда?»

— Да, любимая, я понимаю.

— Тогда все, что происходит с нами, не имеет значения, пока мы вместе и понимаем друг друга. — Слова, слова, глухо отскакивающие рикошетом от стен…

Нет, он не мог ошибаться! Проверить ее снова!

— Почему ты удерживала меня на этой работе в Омахе?

— Я не удерживала тебя. Я просто говорила, что нужно хорошо подумать, прежде чем…

— Не важно, не важно. — Нежные руки и дорогое лицо, всегда с удивительным упорством направляющие его на путь, которому он не хотел следовать. Всегда с наилучшими намерениями, но так, чтобы он никогда не совершал неразумных поступков, которые он сам никогда не считал неразумными. Быстрее, быстрее, торопись и с

ангельским лицом делай все так, чтобы ни на минуту не остановиться и не подумать самому.

— Почему ты не хотела, чтобы я поднялся наверх?

Она попыталась улыбнуться, хотя глаза ее уже наполнились слезами.

— Я не думала, что это имеет для тебя такое значение. Я не хотела, чтобы ушел наш поезд.

Это был незначительный эпизод. По какой-то причине, непонятной ему, он настаивал на том, чтобы пойти наверх в свой кабинет, когда они уже собирались отправиться на вокзал (они уезжали ненадолго в отпуск). Шел дождь, и она напомнила ему, что времени у них в обрез. Он удивил себя и ее, настаивая на том, что поднимется сейчас в свой кабинет. Он даже оттолкнул ее, когда она стала у него на пути. И даже тогда ничего бы не было, если бы он, тоже непонятно почему, не отодвинул штору на окне, выходящем на тыльную сторону дома. Очень сильный дождь шел на фасадной стороне, а здесь, с этого окна, погода была прекрасной, солнечной и никакого дождя.

Он долго стоял тогда у окна, глядя на солнечный свет и собираясь с мыслями. К нему вернулись все его старые подозрения — теперь прибавилось

и это необъяснимое противоречие. Потом он обернулся и увидел, что она стоит возле него. С тех самых пор он все старался забыть выражение ее изумленного лица, когда он спросил:

— И как же дождь?

— Дождь? — повторила она слабым, удивленным голосом. — Да, шел дождь. Ну и что?

— Но в окне моего кабинета дождя не было.

— Что? Нет, он был. Я видела, как на мгновение солнце выглянуло из-за туч, ну и все.

— Ерунда!

— Но, милый, какое имеет отношение погода к тебе и ко мне? Какая разница — идет дождь или нет? — Она робко приблизилась к нему и взяла под руку. — Разве я ответственна за погоду?

— Думаю, что ты. Уходи, пожалуйста.

Она отошла от него, причесала вслепую волосы, проглотила слезы и решительно произнесла:

— Хорошо, я уйду. Но помни — ты можешь вернуться домой, если захочешь. И я буду ждать тебя. — Она заколебалась на мгновение и неуверенно сказала: — Может, ты поцелуешь меня на прощание?

Он никак не ответил ей — ни голосом, ни глазами. Она посмотрела на него, потом повернулась, неловко пошла к двери и исчезла за ней.

Существо, которое он знал под именем Элис, не меняя своего облика, вошло в комнату, где все они собрались.

— Нужно отказаться от этой программы. Я не в состоянии больше воздействовать на него.

Они ожидали этого, но все равно пришли в смятение. Гларун обратился к главному управляющему:

— Подготовиться к немедленному внедрению в избранную память воспоминаний о другой жизни.

Затем, повернувшись к главному исполнителю, Гларун сказал:

— Экстраполяция показывает, что в течение двух дней он совершит побег. И наша программа потерпела поражение из-за того, что вы не обеспечили тогда дождь не только с фасада, но и с тыльной стороны его дома. Впредь работайте более тщательно над выбором средств.

— Если бы мы понимали мотивы его поведения, нам было бы проще.

— В моей должности доктора Хейварда я часто думал об этом, — отпарировал Гларун, — но если бы мы понимали мотивы, мы стали бы частью его. Воскресите в памяти договор! Он и так почти вспомнил.

Существо, игравшее Элис, заговорило:

— Может, попробовать программу «Тадж-Махал»? Она ему почему-то нравится.

— Вы уже уподобляетесь ему!

— Может быть. Я не боюсь. Так что, попробуем?

— Посмотрим.

Гларун продолжал отдавать команды:

— Держите структуры наготове до изменения программы. Нью-Йорк и Гарвардский университет уже не нужны. Начинайте очистку памяти.

Вперед!

В скрюченном домишке[80]
Рассказ

Во всем мире американцы слывут чокнутыми. Обычно они даже не спорят с этим — ну, может, уточнят, что очагом инфекции является Калифорния.

Калифорнийцы же твердо убеждены в том, что своей дурной репутацией они обязаны исключительно обитателям округа Лос-Анджелес. Житель Лос-Анджелеса, если на него надавить, упрек примет, однако поспешит объяснить: «Это все Голливуд. Мы не виноваты — мы его не строили. Он как-то сам вырос».

Голливудцы безумия своего не стыдятся — для них оно предмет гордости. Если проявите интерес, вас свозят в Лорел-Каньон — «здесь мы держим самых буйных». Каньонитяне — женщины с загорелыми ногами и мужчины в шортах — бесконечно строят и перестраивают свои экстравагантные коттеджи, и с легким презрением относятся к занудам, что ютятся в многоквар-

---

[80] Примечания: 80
Перевод Г. Корчагина

тирниках, и свято верят, что на всем белом свете только они знают, как надо жить.

Лукаут-Маунтин-авеню — так называется извилистое ущелье, ответвляющееся от Лорел-Каньона. Другие каньонитяне не любят о нем упоминать — в конце концов, даже у безумия должны быть границы.

В конце Лукаут-Маунтин-авеню, в доме номер 8775, через улицу от лачуги Отшельника — настоящего голливудского отшельника[81] — жил Квинтус Тил, дипломированный архитектор.

На юге Калифорнии даже архитектура не от мира сего. Взять хотя бы киоски для торговли хот-догами, которые называются «Щенок» и выглядят соответствующе. За мороженым надо идти к гигантскому гипсовому рожку, а неоновая вывеска «Возьми в привычку миску чили» сияет на крыше постройки, где, конечно же, эти самые миски вас дожидаются. Бензином, моторным маслом и бесплатной автодорожной картой

---

[81] Примечания: 81

В окрестностях Голливуда издавна селились многочисленные отшельники — как обычные религиозные аскеты, так и эксцентричные личности, в том числе бывшие кинозвезды, уставшие от славы. Из «звездных» голливудских отшельников наиболее известен бывший актер немого кино Питер Ховард. В Лорел-Каньоне жил Гарри Херрман по прозвищу Херрман Хермит (т. е. Отшельник), имевший внешность библейского старца и любивший целыми днями гулять в одних шортах по Голливуду.

можно разжиться под крыльями трехмоторного транспортного самолета, который, между прочим, является сертифицированной гостиницей с персоналом, ежечасно навязывающим сервис гостям. Туристов подобные диковинки восхищают и забавляют, а для местных жителей, разгуливающих с непокрытой головой на знаменитом калифорнийском солнцепеке, все эти изыски в порядке вещей.

Но не для Квинтуса Тила. Своих коллег по архитектуре он не уважал, считая их несмелыми и неумелыми ремесленниками.

— Что такое дом? — задал он однажды вопрос другу.

— Дом? — с опаской переспросил Хомер Бейли. — Я всегда считал, что это прежде всего укрытие от дождя.

— Какая чушь?! Да ты ничем не лучше их всех!

— Я не сказал, что это исчерпывающее определение…

— Исчерпывающее?! Оно и близко не лежало! С таким взглядом на проблему мы могли бы до сих пор сидеть на корточках в пещерах. Но ты, конечно, не виноват, — великодушно оговорился Тил. — Ты ведь даже не один из болванов, называющих себя архитекторами. Возьмем модернистов

— какой от них прок? Ну отреклись от стиля «свадебный торт» ради стиля «автозаправка», вместо глазированных пряников у них теперь всюду хромированная сталь, но в душе они остались консервативными и косными, как сельский судья. Нойтра![82] Шиндлер![83] Что дали миру эти никчёмы? Что есть у Фрэнка Ллойда Райта[84], чего нет у меня?

— Заказы, — кратко ответил друг.

— А? Что… что ты сказал? — Тил слегка запнулся, но растерянность продлилась лишь миг. — Ты прав, заказов мне не дают. А почему? Да потому, что для меня дом — нечто большее, чем меблированная пещера. Дом — это машина для обеспечения жизни, это динамичный живой организм, меняющийся вместе с настроением хозяина, а не громадный статичный гроб без души.

---

[82] Примечания: 82

Рихард Йозеф Нойтра (1892–1970) — американский архитектор, родившийся в Австрии, один из родоначальников модернизма и международного стиля.

[83] Примечания: 83

Рудольф Михаэль Шиндлер (1887–1953) — также американский архитектор австрийского происхождения, сотрудник и соперник Нойтры. В то время как Нойтра строил здания на стальном каркасе, Шиндлер предпочитал использовать железобетон.

[84] Примечания: 84

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — один из самых успешных американских архитекторов, создатель стиля «органическая архитектура».

Зачем нам держаться за косные концепции предков? Любой остолоп, хоть чуть-чуть смыслящий в начертательной геометрии, способен спроектировать традиционный дом. Но ведь статическая евклидова геометрия — это далеко не вся математика! А как быть с теорией Пикара — Вессио?[85] Делать вид, что ее не существует? Модульные системы тоже игнорировать? Не говоря уже о перспективах, которые перед нами открывает стереохимия? Разве не найдется в архитектуре места трансформациям, гомоморфизму и динамическим структурам?

— Да будь я проклят, если знаю, — ответил Бейли. — С таким же успехом ты можешь спросить, как я себе представляю четвертое измерение.

— И спрошу! Зачем нам ограничиваться… Стоп! — прервал себя на полуслове Тил и уставился в пустоту. — Хомер, кажется, есть идея. Ну а почему бы и нет? Для архитектурного членения, для соотношения размеров четвертое измерение открывает бесконечные возможности. Вот это будет дом! — Он стоял, будто окаменев, лишь задумчиво моргал светлыми глазами навыкате.

---

[85] Примечания: 85

Эрнест Вессио (1865–1952) и *Шарль Эмиль Пикар* (1856–1941) — французские математики, создатели параметрической теории для семейств линейных дифференциальных уравнений.

Бейли потеребил его за плечо:

— Очнись. Какое еще четвертое измерение, о чем ты говоришь? Четвертое измерение — это время. Гвозди в него не забьешь.

Тил стряхнул его руку.

— Конечно, конечно. Время — четвертое измерение. Но я имею в виду пространственное четвертое измерение, вдобавок к длине, ширине и толщине. Для экономии материалов, для оптимального конфигурирования ничего лучше не придумать. А застраиваемая площадь? Да на участке, занимаемом однокомнатным жилищем, поместится восьмикомнатное! Как тессеракт…

— Что еще за тессеракт?

— Да ходил ли ты в школу? Тессеракт — это гиперкуб, многогранник с квадратными гранями, имеющий четыре измерения, тогда как у куба их три, а у квадрата два. Сейчас покажу.

Тил сбегал на кухню за пачкой зубочисток, рассыпал их на столе, небрежно отодвинув стаканы и почти пустую бутылку голландского джина.

— Еще нужен пластилин. На прошлой неделе вроде был. — Он порылся в ящике письменного стола, занимавшего угол его столовой и заваленного всякой всячиной, и добыл ком маслянистого скульптурного пластилина.

— Что ты затеял?

— Сейчас покажу. — Тил торопливо отщипывал вязкие кусочки и катал их в шарики размером с горошину. Четыре шарика соединил зубочистками. — Вот! Это квадрат.

— Вижу, что квадрат.

— Еще такой же. И еще четыре зубочистки. Теперь у нас есть куб.

Зубочистки, удерживаемые пластилином, образовали многогранник, куб.

— Делаем второй куб, такой же, как первый, и вместе они составят две стороны тессеракта.

Бейли взялся лепить шарики для второго куба, но сразу отвлекся — очень уж приятно было мять в пальцах податливую массу.

— Смотри, — показал он получившуюся фигурку, — Джипси Роуз Ли[86].

— Больше на Гаргантюа смахивает. Узнает Джипси — в суд на тебя подаст. А теперь внимание! Раскрываем с угла первый куб, вводим в отверстие второй и снова скрепляем зубочистки пластилином. Берем еще восемь зубочисток и соединяем нижнюю грань первого куба с нижней

---

[86] Примечания: 86

Джипси Роуз Ли — сценический псевдоним Роуз Луис Ховик (1911–1970), американской актрисы и писательницы, одной из основоположниц театрализованного кабаре.

гранью второго, наискось, вот так. То же и с верхними гранями. — Все это Тил проделал быстро, пока объяснял.

— И что получилось? — с подозрением спросил Бейли.

— Тессеракт. Восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— Больше похоже на «кошачью колыбельку»[87]. Я тут вижу только два куба. Где еще шесть?

— Напряги воображение, дружище. Соедини верх первого куба с верхом второго — это и будет куб номер три. Теперь соедини два нижних квадрата, передние грани обоих кубов, правые и левые, — вот и получишь восемь. — Говоря, Тил показывал.

— Ага, вижу. Но все равно это не кубы, а как бишь их… призмы. У них бока скошены.

— Это только в перспективе — так, как ты их видишь. Если нарисовать куб на бумаге, боковые грани будут расположены косо, верно? Таков эффект перспективы. И когда мы смотрим на четырехмерную фигуру в трех измерениях, она, разумеется, выглядит скошенной. Но все равно

---

[87] Примечания: 87

«Кошачья колыбелька» — пальчиковая игра с нитью или бечевкой.

состоит из одних кубов.

— Для тебя — возможно, а по мне, так это призмы.

Тил продолжал, не отреагировав на возражение:

— А теперь представь, что это каркас восьмикомнатного дома. Одно помещение на первом этаже — мастерская, кладовая, гараж. На втором шесть комнат: гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, совершенно уединенный, с окнами во все стороны, твой кабинет. Каково!

— Ага, и в гостиной с потолка свисает ванна. Не дом, а осьминог с переплетенными щупальцами.

— Только в перспективе! Только в перспективе! Ладно, покажу по-другому, чтобы ты понял.

На этот раз Тил соорудил куб из зубочисток, второй — из половинок зубочисток и поместил второй точно в середину первого, соединив вершины большего многогранника с вершинами меньшего короткими палочками.

— Вот так. Внешний куб — это первый этаж, меньший, внутренний — твой кабинет на последнем этаже. Шесть соединяющих их кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли внимательно рассмотрел конструкцию

и отрицательно покачал головой.

— Я по-прежнему вижу только два куба, большой и маленький. Остальные шесть фигур теперь похожи не на призмы, а на пирамиды, но это все равно не кубы.

— Перспектива! Ты их видишь в другой перспективе. Что тут непонятного?

— Ну, допустим. Но комната, которая внутри, со всех сторон окружена этими не-пойми-чем… А ты вроде говорил, что у нее будут четыре окна.

— Так и есть. Она только кажется окруженной. И это главное преимущество дома-тессеракта: каждая стена одной стороной обращена наружу, притом что она разделяет два помещения. Благодаря этому эффекту восьмикомнатному дому достаточно фундамента для однокомнатного. Настоящая революция!

— И это еще мягко сказано. Приятель, ты рехнулся. Такой дом построить невозможно. Внутренняя комната находится внутри; там она и останется.

Тил посмотрел на друга, сдерживая раздражение.

— Это по вине таких, как ты, архитектура застряла в младенчестве. Сколько у куба сторон?

— Шесть.

— И сколько из них внутри?

— Гм… Ни одной. Все снаружи.

— Отлично. А теперь слушай. У тессеракта восемь кубических сторон, и они все снаружи! Смотри внимательно. Я разложу тессеракт, как раскладывают картонную коробку на столе. И ты увидишь все восемь кубов.

Тил очень быстро соорудил четыре куба, выстроил из них неустойчивую башенку. Затем прилепил четыре куба к граням второго снизу. Сооружение слегка перекосилось из-за слабости пластилиновых креплений, но устояло. Указав на перевернутый крест, точнее, на двойной крест с перекладинами, направленными в разные стороны, Тил спросил:

— Ну, теперь видишь? Внизу первый этаж, выше — шесть жилых комнат, а наверху — твой кабинет.

Бейли рассмотрел конструкцию, и его тон чуть смягчился:

— Ну, теперь хотя бы понятно. Говоришь, это тоже тессеракт?

— Тессеракт, развернутый в трех измерениях. Чтобы вернуть его в прежнее состояние, нужно верхний куб опустить в нижний, при этом боковые внешние станут боковыми внутренними.

Конечно, делать это нужно в четвертом измерении. Нельзя допустить, чтобы кубы исказились или сложились друг в друга.

Бейли долго вглядывался в хлипкий каркас.

— Вот что, — заговорил он наконец, — почему бы тебе не отказаться от идеи складывать эту штуку в четвертом измерении — все равно же не сможешь — и не построить вот такой дом?

— Что значит — не смогу? Простенькая математическая задача…

— Ну-ну, не спеши. Математика тут, может, и несложная, но твой проект уж точно не пройдет экспертизу. Не существует четвертого измерения, забудь о нем. А вот дом такой конструкции, пожалуй, имел бы некоторые преимущества.

Тил, слегка охолонув, вгляделся в модель.

— Гм… Возможно, ты кое в чем прав. Комнат может быть столько же, такая же экономия земли под застройку. Крестовый этаж сориентировать на северо-восток, юго-запад и так далее, чтобы в течение дня каждое помещение получало свою долю солнца. Вдоль продольной оси пустить трубу центрального отопления — очень удобно… Столовая — на северо-востоке, кухня — на юго-востоке; в каждой комнате большие панорамные окна. Да, Хомер, я построю тебе такой дом. Только

укажи место.

— Минуточку! Минуточку! Я не говорил, что мой дом будешь строить ты!

— Конечно, его буду строить я. А кто же еще? Твоя жена хочет обновить жилище. Вот вам и решение.

— Но миссис Бейли нравится георгианский стиль…

— Это просто один из вариантов. Женщины никогда не знают, чего им на самом деле хочется.

— Миссис Бейли знает.

— Ну подкинул ей эту идею какой-то ретроград, и что с того? Твоя жена водит новую машину, так? Одевается по последней моде, верно? Зачем же ей жить в восемнадцатом веке? А мой дом будет даже посовременней, чем модель авто этого года, — он, считай, из неблизкого будущего. Да о миссис Бейли весь город заговорит!

— Ладно, посоветуюсь с ней.

— Ни в коем случае! Мы ей преподнесем сюрприз. Давай-ка еще по стаканчику.

— Ничего пока не решено. И к тому же мы с миссис Бейли завтра едем в Бейкерсфилд — наша компания вводит в действие пару скважин.

— Чепуха! Это как раз отличная возможность. Вернетесь — и тут подарочек для твоей жены. Мо-

жешь прямо сейчас выписать мне чек и считай, что дело в шляпе.

— Не посоветовавшись с миссис Бейли, я на такое не пойду. Иначе ей дом не понравится.

— Скажи, кто в вашей семье носит штаны?

Когда вторая бутылка опустела наполовину, чек был подписан.

* * *

В Южной Калифорнии дела делаются быстро. Обычный дом строится за месяц. Погоняемые и критикуемые охваченным энтузиазмом Тилом, рабочие соорудили головокружительную башню даже не за недели, а за считаные дни. Из башни торчали перекладины креста, ориентированные на четвертные румбы. Из-за этого этажа возникли трения с инспекторами, но крепкие балки и мягкие купюры убедили чиновников в безупречности инженерного решения.

Как и было договорено, Тил подъехал к дому супругов Бейли на следующее утро после их возвращения. Сыграл что-то вроде мотивчика на двухтональном клаксоне. Друг высунул голову из входной двери.

— Почему бы не воспользоваться звонком?

— Только время терять, — весело ответил

Тил. — А я человек действия. Миссис Бейли готова? Здравствуйте, миссис Бейли. С возвращением, с возвращением! Садитесь в машину, мы для вас приготовили сюрприз.

— Ты же знаешь Тила, дорогая, — вставил охваченный неловкостью Бейли.

— Да, я знаю Тила! — фыркнула миссис Бейли. — Поэтому, Хомер Бейли, мы поедем на нашей машине.

— Разумеется, дорогая.

— Вот и славно, — согласился Тил. — Она помощнее моей, так что доберемся быстрее. Я поведу — я знаю дорогу.

Он выхватил у Бейли ключи, скользнул на водительское сиденье и завел двигатель, не дав миссис Бейли опомниться.

— Не беспокойтесь, вожу я мастерски, — уверил ее Тил, повернув голову как раз в тот момент, когда разогнавшийся автомобиль сворачивал с авеню на бульвар Сансет. — Энергия и власть над ней, динамические процессы — моя родная стихия. У меня еще не было серьезных аварий.

— Вот пусть и дальше не будет, — резко произнесла женщина. — Ради бога, следи за дорогой.

Тил хотел было объяснить, что контроль за дорожной ситуацией не сводится к визуальному,

что это интуитивная комплексная оценка направлений, скоростей и вероятностей, но Бейли не дал ему рта раскрыть:

— Квинтус, где дом?

— Дом? — вскинулась миссис Бейли. — Что еще за дом, Хомер? Ты что-то затеял и мне не сказал?

Тил напряг до отказа свои дипломатические способности.

— Да, миссис Бейли, это дом. И какой дом! Сюрприз от вашего любящего мужа. Подождите, осталось совсем немного…

— Подожду, — мрачно согласилась женщина. — В каком он стиле?

— Этот дом — начало оригинального стиля. Он современнее телевидения, новее завтрашнего дня. Чтобы оценить по достоинству, надо его увидеть. Между прочим, — перешел Тил на скороговорку, опережая возражения, — ночью было землетрясение. Вы заметили?

— Землетрясение? Какое землетрясение? Хомер, разве было землетрясение?

— Совсем слабенькое, — продолжал Тил. — В два часа. Я бы и сам не обратил внимания, если бы спал.

— Что за ужасный штат! — содрогнулась миссис Бейли. — Хомер, ты слышал? Мы могли

погибнуть, лежа в постели, и даже не успели бы ничего понять. Зря я поддалась на твои уговоры и переехала сюда из Айовы.

— Но, дорогая, — предпринял ее муж безнадежную попытку оправдаться, — ты же сама мечтала о Калифорнии! Тебе не нравился Де-Мойн.

— Давай не будем, — жестко пресекла возражения миссис Бейли. — Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Землетрясение! Какой ужас!

— Что-что, а землетрясения, миссис Бейли, вашему новому дому не опасны, — сказал Тил. — Он абсолютно сейсмоустойчив. Каждая его часть находится в идеальном динамическом равновесии со всеми другими.

— Надеюсь, что это так. И где же дом?

— Сразу за поворотом. Там поставлен указатель.

Указатель был из тех, что так нравятся торговцам недвижимостью: большой, в виде стрелки. А буквы на нем, слишком крупные и яркие даже для Южной Калифорнии, гласили:

ДОМ БУДУЩЕГО!!!

Колоссальный! Изумительный! Революционный!

Смотрите, как будут жить ваши внуки!
К. Тил, архитектор

— Конечно, это будет убрано, как только вы здесь поселитесь, — пообещал Тил, увидев в зеркале гримасу на лице пассажирки.

Он свернул за угол и с визгом тормозов остановил машину перед «домом будущего».

— Вуаля! — И застыл, следя за выражением лиц.

Бейли смотрел на постройку недоверчиво, миссис Бейли — с явным недовольством. Они видели лишь огромный кубический блок, с дверями и окнами, но без иных архитектурных деталей, если не считать чего-то вроде росписи — загадочных математических символов.

— Тил, — медленно произнес Бейли, — как это понимать?

Тил перевел взгляд с лиц на дом. Где же революционная башня с торчащими из нее комнатами второго этажа? Семь комнат исчезли бесследно, осталась лишь та, что опирается на фундамент.

— Тысяча чертей! — вскричал он. — Украли!

И кинулся к дому.

Но это ничего не дало. Спереди, сзади — везде одно и то же: нет семи комнат, как в воду канули.

Бейли догнал друга, схватил за руку.

— Сейчас же объяснись! Что значит — украли? Зачем ты это построил? Мы так не договаривались.

— Я этого не строил! Я построил в точности то, что мы запланировали, восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Диверсия, вот что это такое! Конкуренты, архитекторы из нашего города, сорвали мой заказ! Они знали: если у меня получится, им крышка.

— Когда ты здесь был в последний раз?

— Вчера вечером.

— И все было в порядке?

— Да. Ландшафники уже заканчивали работу.

Бейли окинул взглядом безупречный приусадебный участок.

— Семь комнат разобрали и вывезли за ночь, не оставив ни следа на лужайке? Да разве такое возможно?

Тил тоже осмотрелся:

— Да, не похоже. Ничего не понимаю…

Подошла миссис Бейли.

— Эй, эй! А я что же, должна сама себя развлекать? Ладно, раз уж мы здесь, давайте осмотрим дом, но только сразу предупреждаю, Хомер: мне он не понравится.

— Боюсь, что и нам тоже, — признал Тил, доставая из кармана ключ от входной двери. — Может, там остались какие-нибудь улики.

Прихожую они нашли в идеальном состоянии. Раздвижные двери, отделявшие ее от гаража, были открыты, позволяя увидеть все помещение.

— Тут вроде порядок, — заключил Бейли. — Давайте поднимемся на крышу, попробуем выяснить, что произошло. А где лестница? Ее тоже стащили?

— Нет-нет, — ответил Тил. — Смотри.

Он нажал на кнопку под выключателем освещения. В потолке раскрылся люк, бесшумно опустилась легкая изящная лестница, с серебристыми дюралюминиевыми косоурами, со ступеньками и перилами из прозрачного пластика. Тил аж запрыгал, как мальчишка, которому удался карточный фокус, а миссис Бейли заметно оттаяла.

— Симпатичная штучка, — признал Бейли. — Но что толку, если она никуда не ведет?

— А, ты об этом, — проследил за его взглядом Тил. — Когда приблизимся к потолку, там откроется люк. Лестничные колодцы — анахронизм. Идем.

Они поднялись. Как и обещал Тил, люк пе-

ред ними раскрылся, позволяя выйти на… нет, вопреки их ожиданиям, не на перекрытие единственной комнаты. Они оказались посреди одной из пяти комнат, составлявших второй этаж первоначального здания.

Наверное, впервые в жизни у Тила отнялся язык. Бейли тоже молчал, нервно жуя сигару. Здесь царил идеальный порядок. Впереди за прозрачной перегородкой с открытой дверью — кухня, просто мечта кулинара: новейшая бытовая техника, монель-металл, длиннющая стойка, скрытое освещение, функциональная компоновка. Слева — столовая, без излишеств, но уютная и гостеприимная; мебель в полной готовности к приему гостей.

Еще не повернув головы, Тил понял, что и гостиная, и комната отдыха пребывают в столь же материальном, сколь и невероятном состоянии.

— Вынуждена признать, что здесь довольно мило, — одобрила миссис Бейли. — А кухня даже выше всяких похвал. Правда, подкачал экстерьер — я бы ни за что не догадалась, что на втором этаже столько комнат. Конечно, надо кое-что поправить. Секретер передвинем сюда, а диван…

— Матильда, помолчи, — резко оборвал ее Бейли. — Тил, я требую объяснений!

— Хомер Бейли, что не так? По-моему, сама идея неплоха…

— Я сказал, помолчи! Тил, я слушаю.

Архитектор растерянно пожал тощими плечами.

— Не знаю, что и сказать. Давайте поднимемся наверх.

— Как?

— А вот так. — Тил нажал на кнопку, более темную близняшку той, что позволила им совершить волшебное восхождение на второй этаж.

Мужчины полезли вверх, за ними последовала рассуждающая вслух миссис Бейли. Они очутились в хозяйской спальне. Окна там были зашторены, как и этажом ниже, но автоматически включились лампы рассеянного света. Тил немедленно запустил механизм очередного лестничного марша, и все трое поспешили взобраться на последний этаж.

— Тил, как думаешь, — спросил Бейли, когда они перевели дух, — мы отсюда можем выбраться на крышу? Чтобы осмотреться?

— Конечно. Там оборудована обзорная площадка.

Они поднялись по четвертой лестнице, но после того, как над ними раскрылся люк, оказались

не на крыше, а на первом этаже, с которого начали свое путешествие по дому.

Кожа у мистера Бейли приобрела нездоровый серый оттенок.

— Боже святый! — вскричал он. — Это место заколдовано! Бежим отсюда!

Он схватил за руку жену и ринулся в открытую дверь.

Тил был слишком занят, чтобы обратить внимание на бегство супругов Бейли. Он получил наконец разгадку — разгадку, в которую невозможно поверить. Но его размышления были прерваны хриплыми криками, доносившимися откуда-то сверху. Архитектор опустил лестницу и взбежал по ней.

В центральной комнате он обнаружил миссис Бейли, лежащую в обмороке, и склонившегося над ней мужа. Оценив ситуацию, Тил прошел в комнату отдыха, взял бутылку бренди из бара и налил в стакан на три пальца.

— Держи, — сказал он другу. — Это приведет ее в чувство.

Бейли схватил стакан и осушил единым духом.

— Это же для миссис Бейли, — упрекнул Тил.

— Не придирайся, — буркнул Бейли. — Налей и для нее.

Тил решил, что ему и самому бренди пойдет на пользу, а затем вернулся с порцией для жены клиента. Она уже успела открыть глаза.

— Держите, миссис Бейли, — мягко произнес он. — Вам сразу полегчает.

— Спиртное?! Да я к нему сроду не прикасаюсь! — запротестовала она и выпила все до капли.

— А теперь расскажите, что случилось, — попросил Тил. — Вы вроде хотели выйти из дома?

— Да, пытались — через входную дверь. И очутились на этом этаже, в комнате отдыха.

— Что за чертовщина? Гм… Минуточку…

Тил вернулся в комнату отдыха, подошел к раскрытому панорамному окну, осторожно выглянул. И увидел не калифорнийскую сельскую местность, а комнату на первом этаже. Или ее довольно точную копию. Ничего не сказав, он приблизился к лестничному люку, который оставил открытым, и посмотрел вниз. Убедился, что комната первого этажа на своем месте. Значит, каким-то загадочным образом она находится одновременно в двух разных местах, на разных уровнях.

Он возвратился в центральную комнату и расположился напротив Бейли в низком и глубоком

кресле, воззрился на друга по-над вздернутыми тощими коленями.

— Хомер, — бесстрастно заговорил Тил, — ты понял, что произошло?

— Нет, я ни черта не понял! И если не пойму в самое ближайшее время, произойдет кое-что еще, и оно тебе совсем не понравится!

— Хомер, это доказательство моим теориям. Я построил настоящий тессеракт.

— О чем это он, Хомер?

— Подожди, Матильда! Тил, перестань валять дурака. К чему эти детские фокусы? Ты до смерти напугал миссис Бейли, меня заставил нервничать. Хватит ловушек и розыгрышей, просто выпусти нас отсюда.

— Хомер, говори за себя, — вмешалась миссис Бейли. — Я не испугалась, просто мне в какой-то момент происходящее показалось очень странным. У меня сердце слабое; в моем роду все слишком нежные и чувствительные. А теперь, Тил, давай поподробней об этом твоем тиси… или как там его. Я слушаю.

Архитектор худо-бедно изложил принципы, по которым он строил дом. Мог бы объяснить и получше, если бы его не прерывали ежеминутно.

— Напрашивается вывод, миссис Бейли, — за-

ключил он, — что дом, будучи абсолютно стабилен в трех измерениях, оказался нестабилен в четвертом. Изначально он имел форму развернутого тессеракта, но что-то вынудило его принять нормальную конфигурацию, то есть сложиться в куб. — Тил вдруг щелкнул пальцами. — Я понял! Это землетрясение.

— Землетрясение?!

— Да-да, слабый толчок среди ночи, о котором я упоминал. С точки зрения четырех измерений этот дом был плоскостью, балансирующей на грани. Легчайшее воздействие — и плоскость прекратила существование, сложившись по своим естественным сгибам в устойчивую четырехмерную фигуру.

— А не ты ли хвастал, что этот дом будет абсолютно безопасным?

— И он безопасен… в трех измерениях.

— Я бы не назвал безопасным дом, — едко прокомментировал Бейли, — который рушится от малейшего сотрясения.

— Дружище, оглядись! — запротестовал Тил. — Здесь все цело, ни одно стеклышко не треснуло. Вращение в четвертом измерении крайне слабо затрагивает трехмерную фигуру. Когда газету складываешь, буквы с нее не осыпаются, верно?

Если бы ты вчера лег здесь спать, то ночью даже не проснулся бы.

— Вот этого-то я и боюсь. Скажи-ка, не придумал ли твой гениальный ум, как нам выбраться из западни?

— Что? А, ты о том, что вы с миссис Бейли попытались выйти и очутились здесь… Уверен, это не проблема. Раз мы сумели войти, значит сумеем и выйти. Я попробую.

Еще не договорив, он вскочил и бегом спустился по лестнице. Распахнул входную дверь, шагнул за порог — и увидел перед собой супружескую пару в гостиной на втором этаже.

— Что ж, похоже, небольшая проблема все-таки есть, — деликатно признал Тил. — Впрочем, она чисто формальная, поскольку выбраться отсюда мы можем в любой момент. — Он раздвинул длинные шторы на огромном, во всю стену, французском окне.

И замер.

— Гм… — протянул Тил. — А вот это уже интересно… Весьма интересно, весьма…

— Ты о чем? — подошел к нему Бейли.

— Вот об этом.

Окно было обращено не наружу, а в столовую. Бейли вернулся в угол, где к комнате отдыха и

столовой примыкала центральная комната.

— Такого просто не может быть, — заключил он. — Это окно в двенадцати, а может, даже в пятнадцати футах от столовой.

— В тессеракте — может, — возразил Тил. — Смотри.

Сказано это было уже на ходу — архитектор растворил окно и шагнул в него. Для наблюдавшего из угла Бейли он просто исчез.

Но не для себя. Тилу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в чувство. Затем он осторожно освободился от розового куста, вцепившегося в него, как жених в невесту, дал себе слово больше никогда не приобретать для приусадебного участка растений с шипами и огляделся.

Он находился снаружи. Рядом торчал из земли массивный блок первого этажа. Очевидно, Тил упал с крыши.

Он забежал за угол, распахнул дверь, взлетел по лестнице.

— Хомер! Миссис Бейли! Я нашел выход!

Бейли встретил его скорее раздраженно, чем радостно.

— Что это с тобой?

— Свалился. И очутился снаружи. Это совсем просто, надо лишь пройти через французское

окно. Правда, там розовый куст… Но ничего, пристроим лестницу.

— А как ты вошел?

— Через входную дверь.

— Значит, и выйти можно через нее. Пойдем, дорогая.

Бейли поглубже натянул шляпу, взял жену под руку и направился к лестнице.

Тил встретил их в комнате отдыха.

— Говорил же, не получится, — сказал он. — А теперь послушайте. Мне это представляется так: четырехмерная фигура трехмерного человека имеет две возможности пересечь линию соприкосновения, такую как стена или порог. В обычном случае он в четырехмерном пространстве совершит поворот на девяносто градусов, но даже не почувствует этого по причине своей трехмерности. Смотрите. — Тил вышел через то же окно, из которого недавно выпал, и появился, не прекращая объяснения, в столовой.

— Я запомнил, где проходил, и оказался там, где и хотел оказаться. — Тил перешел в комнату отдыха. — А еще раньше не смотрел, куда иду, и двигался в нормальном пространстве, вот и выпал из окна. Похоже, тут работает подсознательное ориентирование.

— То есть, выходя за утренней газетой, я буду зависеть от подсознательного ориентирования? Что-то мне эта перспектива совсем не нравится.

— Не беспокойся, привычка сложится быстро. А сейчас давайте попробуем выйти… Миссис Бейли, если вы встанете спиной к окну и прыгнете назад, то наверняка приземлитесь в саду.

У миссис Бейли на лице со всей четкостью отразилось мнение о Тиле и его идеях.

— Хомер Бейли! — визгливо обратилась она к мужу. — Ты так и будешь стоять и терпеть эти возмутительные…

— Миссис Бейли, — попытался объяснить Тил, — мы вас обвяжем веревкой и аккуратно спустим…

— Прекрати, — раздраженно оборвал его Бейли. — Миссис Бейли не в той форме, чтобы прыгать, да и я тоже. Нужно найти другой способ.

Тил пришел в замешательство. Возникла пауза. Ее нарушил Бейли:

— Тил, ты слышишь?

— Что?

— Голос! Где-то неподалеку. В доме может быть кто-нибудь еще? Не он ли с нами шутки шутит?

— Это невозможно. Ключ только у меня.

— Но я тоже слышу голоса, — поддержала му-

жа миссис Бейли. — С того момента, когда мы вошли. Хомер, я больше не выдержу. Сделай же что-нибудь!

— Ну что вы, миссис Бейли, — попытался ее успокоить Тил, — не надо волноваться. В доме нет никого, кроме нас, но я, конечно же, проверю. Хомер, оставайся с миссис Бейли и присматривай за комнатами на этом этаже.

Тил переместился из комнаты отдыха на первый этаж, оттуда на кухню, затем в спальню и вернулся в комнату отдыха. Маршрут получился прямым — архитектор шел только вперед.

— Никого, — сообщил он. — Я по пути открыл все двери и расшторил все окна, кроме этого.

Тил подошел к окну, расположенному напротив того, из которого он недавно выпал, и раздвинул шторы.

И увидел мужчину, через четыре комнаты стоявшего к нему спиной. Тил распахнул французское окно и ринулся в него, крича:

— Да вот же он! Стой, ворюга!

Человек, несомненно, услышал — он тотчас дал деру. Тил пустился в погоню; вовсю работая узловатыми конечностями, он бежал через гостиную, кухню, столовую, комнату отдыха… Но как он ни старался, его отделяло от преследуемого все то же

расстояние в четыре комнаты.

Наконец чужак неуклюже, но решительно перепрыгнул через низкий подоконник французского окна; при этом с его головы слетела шляпа. Тил подобрал ее, радуясь поводу остановиться и перевести дух. Он вернулся в комнату отдыха.

— Похоже, сбежал. Но теперь у нас его шляпа — может, удастся опознать.

Бейли взял шляпу, осмотрел, фыркнул и нахлобучил ее Тилу на голову. Села как влитая. Опешивший архитектор снял ее и осмотрел. На внутренней ленте обнаружились инициалы К. Т.

Постепенно на его лице проявилось понимание. Он вернулся к французскому окну и посмотрел на череду комнат, в которых преследовал таинственного незнакомца. И вдруг замахал руками, как матрос-сигнальщик.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Иди сюда, увидишь.

Супруги подошли и проследили за взглядом Тила. Через четыре комнаты они увидели трех человек, стоящих к ним спиной, — двух мужчин и женщину. Самый высокий и худой из этой троицы нелепо семафорил руками.

Миссис Бейли ахнула и упала в обморок.

Через несколько минут, когда миссис Бейли

ожила и слегка успокоилась, ее муж и Тил подбили бабки.

— Тил, — сказал Бейли, — выяснять нам с тобой отношения — только время зря терять. От упреков толку не будет, да и знаю я, что не замышлял ты ничего плохого. Но надеюсь, ты понимаешь, насколько серьезна ситуация. Как нам выбраться отсюда? Похоже, что никак — будем тут сидеть, пока с голоду не помрем. Из любой комнаты можно выйти только в другую комнату.

— Что ты! Все не так уж плохо. Знаешь же, мне разок удалось выбраться.

— Да, но не удалось повторить, хоть ты и пытался.

— Однако мы не все комнаты проверили. Еще есть кабинет.

— Ах да, кабинет. Мы там побывали, когда только вошли в дом, и не задержались. Ты что, предлагаешь выбираться из его окон?

— Не теряй надежду. Математически его окна должны выходить на четыре боковые комнаты этого этажа. Но мы не раздвигали там шторы. Думаю, надо проверить.

— С нас не убудет, если проверим. Дорогая, ты лучше подожди нас здесь, отдохни…

— Остаться в этом кошмаре одной? Ну уж дуд-

ки! — Миссис Бейли как ужаленная соскочила с дивана.

— Тил, это ведь внутренняя комната? — осведомился Бейли, когда они миновали хозяйскую спальню и поднялись в кабинет. — В смысле, тот меньший куб из твоей модели, что находился посреди большего куба, окруженный со всех сторон?

— Верно, — подтвердил Тил. — Ну что ж, давайте посмотрим. По моим прикидкам это окно должно выходить в кухню. — Он потянул за бечевки подъемных жалюзи.

Окно выходило не в кухню. Страх высоты, как ударная волна, повалил всех троих на пол, заставил в поисках зацепок хвататься за узоры напольного покрытия.

— Закрой! — простонала миссис Бейли. — Закрой сейчас же!

Перебарывая атавистический ужас, Тил вернулся к окну и опустил жалюзи. Окно глядело не в сторону, а вниз, причем с чудовищной высоты.

Миссис Бейли снова лишилась чувств. Пока Тил спускался за бренди, муж массировал ей запястья.

Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну, приоткрыл щелку, уперся в стену коленями

и выглянул. Затем повернулся к Бейли.

— Хомер, взгляни-ка. Интересно, узнаешь ли?

— Хомер Бейли, держись от окна подальше!

— Матильда, перестань. Я не буду рисковать. — Бейли приблизился к другу и посмотрел в щель.

— Видишь? Это Крайслер-билдинг, точно. А вон там Ист-Ривер и Бруклин.

Прямо под ними уходила вниз вертикальная стена невероятно высокого здания. Не ближе чем в тысяче футов раскинулся игрушечный… нет, очень даже настоящий город.

— Насколько я понял, мы смотрим вдоль стены Эмпайр-стейт-билдинг, находясь чуть выше его шпиля.

— Это что, мираж?

— Вряд ли. Очень уж четко. Вероятно, здесь, в четвертом измерении, сложилось пространство, и мы глядим сквозь складку.

— То есть на самом деле мы этого не видим?

— Нет-нет, видим, конечно. Не возьмусь гадать, что будет, если мы выйдем через это окно, но мне и пробовать не хочется. Какой шикарный вид, а?! Давай посмотрим в другие окна.

К соседнему окну они приблизились со всей осторожностью — и правильно сделали, поскольку открывшееся зрелище еще сильнее сбивало

с толку и ставило в тупик, чем вид с умопомрачительной высоты небоскреба. И пусть это был незамысловатый морской пейзаж, но на нем океан и синее небо поменялись местами.

И хотя в этот раз Тил и Бейли были готовы к шоку, их едва не одолела морская болезнь при виде катящихся над головой валов. Они поспешили опустить жалюзи, не дав миссис Бейли шанса увидеть эту картину и вновь упасть в обморок.

Тил посмотрел на третье окно.

— Ну что, Хомер, рискнем?

— Хррумф… Ну да, иначе ведь не успокоимся. Только поаккуратней.

Тил раздвинул жалюзи на несколько дюймов. Ничего не увидев, раздвинул еще. Опять ничего. Он медленно тянул за бечевки, пока не раскрыл жалюзи почти полностью. А за окном все та же пустота. Какой цвет у пустоты? Что за дурацкий вопрос! А какая у нее форма? Форма — атрибут чего-то существующего. Здесь же — ни формы, ни глубины. Это даже не мгла. Это просто ничто.

Бейли смотрел, жуя сигару. Наконец спросил:

— Тил, что это, по-твоему?

Его другу впервые изменило хладнокровие.

— Не знаю, Хомер. Ей-богу, не знаю, но это окно, пожалуй, надо заделать. — Несколько секунд он

молча смотрел на опущенные жалюзи. — Возможно, это отсутствие пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, а там вообще ничего нет. — Он потер глаза. — Аж голова разболелась.

Они долго не решались заняться четвертым окном. Ведь оно, как невскрытый конверт, могло содержать плохие новости. Сомнение давало надежду. Но в конце концов нервы подуспокоились и Бейли взялся за бечевку, не слушая женины протесты.

Опасения не оправдались. Впереди расстилалась земля, причем нормально ориентированная и совсем рядом, как будто кабинет находится не на последнем, а на первом этаже. Правда, выглядел этот ландшафт очень даже недружелюбно.

С лимонного неба лилось испепеляющее солнце. Казалось, ровная земля выжжена до стерильности, ничто не способно выжить на этой выбеленной почве. И все же здесь была жизнь: диковинные корявые деревья тянули кверху узловатые кривые ветви. На периферии их бесформенных крон виднелись пучки шипастых листьев.

— Боже милостивый! — воскликнул Бейли. — Где это?

Тил озабоченно покачал головой:

— Ума не приложу.

— На Земле таких мест вроде нет. Может, другая планета? Марс?

— Чего? При чем тут Марс?

— Что, если это выход в совершенно иное пространство? Солнце не очень-то похоже на наше. Слишком оно яркое.

Миссис Бейли опасливо присоединилась к мужчинам у окна. Увидев диковинную картину, подавленно произнесла:

— Хомер, эти ужасные деревья пугают меня.

Муж успокаивающе погладил ее по руке. Тил завозился со шпингалетом.

— Что ты задумал? — встревожился Бейли.

— Может, узнаю побольше, если высуну голову из окна.

— Ладно, — неохотно согласился Бейли. — Только будь осторожен.

— Обязательно. — Тил приоткрыл окно и понюхал. — Ну, хоть воздух в порядке. — Он раскрыл окно шире.

Но прежде чем он успел приступить к выполнению своего плана, кое-что произошло. Дом вдруг содрогнулся, как при первом рвотном позыве. Дрожь продолжалась недолго и так же внезапно прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все трое одновременно.

Миссис Бейли обвила руками мужнину шею. Тил судорожно сглотнул, борясь с паникой, и сказал:

— Не беспокойтесь, миссис Бейли, этот дом абсолютно надежен. Да и легкая тряска после ночного толчка в порядке вещей.

Едва он успел изобразить на лице уверенность, земля опять ожила. И это была уже не слабая вибрация, а мощный тошнотворный взбрык.

В любом калифорнийце, не важно, наивном от рождения или гениальном, коренится первобытный рефлекс. Землетрясение порождает душераздирающую клаустрофобию, которая заставляет человека сломя голову мчаться вон из дома. Подчиняясь этому рефлексу, образцовый бойскаут отшвырнет с дороги родную бабушку.

Тил и Бейли приземлились на миссис Бейли. А это означает, что она выпрыгнула из окна первой. Такой порядок эвакуации нельзя объяснить мужским благородством. Скорее всего, она была уже на низком старте.

Они опомнились, вытряхнули из глаз песок, огляделись. Поначалу обрадовались — все-таки это суша, пусть даже и песчаная пустыня. Затем

кое-что увидели — и вскочили на ноги, а миссис Бейли вдобавок озвучила насущный вопрос:

— Где дом?

Он исчез. Причем бесследно. Они стояли посреди голой равнины, на которую несколько минут назад смотрели из окна. Все те же корявые деревца, желтое небо и светило над головами, палящее почти невыносимо.

Бейли медленно огляделся, затем повернулся к архитектору и зловеще произнес:

— Тил, я жду объяснений.

Тот беспомощно пожал плечами.

— Хотел бы я их иметь. У меня даже нет уверенности, что мы на Земле.

— Что ж, здесь нам оставаться нельзя. В какую сторону пойдем?

— Да в любую, без разницы. Давайте ориентироваться по солнцу.

Они прошли неопределимое расстояние, и миссис Бейли потребовала передышки. Тил отвел Бейли в сторонку и спросил:

— У тебя есть идеи?

— У меня? Никаких. Э, ты что-нибудь слышишь?

Тил напряг слух.

— Вроде да… если это не игра воображения.

— Похоже на мотор… Да это точно машина!

Оказалось, что до автострады они не дошли меньше ста ярдов. Вскоре появился источник звука — пыхтящий старенький грузовичок с фермером за рулем. Завидев голосующих людей, водитель ударил по тормозам.

— У нас проблема. Выручите?

— Конечно. Залезайте.

— А куда вы едете?

— В Лос-Анджелес.

— В Лос-Анджелес? А где мы?

— В самой середке национального парка Джошуа-Три.

Возвращение было обескураживающим, как бегство французов из-под Москвы. Миссис и мистер Бейли ехали в кабине, а Тил трясся в кузове, пытаясь защитить голову от солнца. Бейли приплатил любезному фермеру, чтобы свернул к участку — не ради прощального взгляда на тессеракт, а чтобы забрать машину.

И вот они там, где все произошло. Но дома по-прежнему нет. Даже первый этаж не сохранился. Супруги, хоть и неохотно, поддались любопытству и побродили вместе с Тилом вокруг фундамента.

— Ну что, Тил, ответа так и нет? — спросил

Бейли.

— Вероятно, при последнем толчке дом просто провалился в другую часть пространства. Теперь я понимаю: надо было хорошенько прикрепить его к фундаменту.

— Это не единственное твое упущение.

— Все-таки не стоит падать духом, дружище. Во-первых, дом застрахован, а во-вторых, мы чертовски много узнали. Ты даже не представляешь, какие открываются возможности! У меня уже созрела новая идея, поистине революционная. Вот это будет дом так дом!..

Тил и правда был человеком действия. Поэтому он успел увернуться.

По собственным следам[88]
Рассказ

Боб Уилсон не видел, как вырос круг.

А кроме того, он не заметил, как из круга вышел незнакомец и остановился, глядя прямо ему в затылок. Незнакомец смотрел на ничего не подозревающего Уилсона и тяжело дышал, словно его охватило глубокое волнение.

У Уилсона не было никаких оснований подозревать, что кто-то есть в комнате; более того — он был абсолютно уверен в обратном. Он заперся в своей комнате, чтобы одним решительным броском завершить диссертацию. У него не было другого выхода — завтра последний срок сдачи, а еще вчера в его распоряжении имелось только заглавие: «Исследование некоторых математических аспектов классической метафизики».

Пятьдесят две сигареты, четыре кофейника и тринадцать часов беспрерывной работы помогли добавить к заголовку семь тысяч слов. Что же касается обоснованности его тезисов, то сейчас

---

[88] Примечания: 88
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

это меньше всего волновало Уилсона — он находился почти в бессознательном состоянии. Покончить с работой — только об этом он теперь и думал, — покончить и сдать, а потом напиться как следует и целую неделю проспать.

Он поднял взгляд и дал глазам немного отдохнуть на дверце шкафа, за которой стояла почти полная бутылка джина.

«Нет, — предостерег он себя, — еще один бокал — и ты никогда не закончишь диссертацию, старина Боб».

Незнакомец за спиной у Уилсона продолжал молчать.

Уилсон снова принялся печатать.

«…Не следует также считать, что истинная теорема обязательно исполнима в действительности, даже если оказывается возможным математически точно сформулировать ее. В данном случае речь идет о „путешествии во времени“. Путешествие во времени может быть воображаемым, но необходимые его условия возможно сформулировать в рамках некоторой теории времени — в виде формулы, которая разрешит все парадоксы теории. Тем не менее мы кое-что знаем об эмпирической природе времени, что препятствует осуществлению истинной теоремы.

Время есть атрибут сознания, а не реальности. Это не Ding an Sich[89]. Следовательно…»

В этот момент клавиша пишущей машинки запала, и Уилсон с тоской выругался. Он наклонился, чтобы попытаться исправить вконец обнаглевшую технику.

— Не трать попусту силы, — услышал Уилсон за спиной чей-то незнакомый голос. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Уилсон подскочил на месте и медленно повернул голову назад. Он отчаянно надеялся, что там кто-нибудь есть. Иначе…

С облегчением увидел он незнакомца.

— Слава богу, — пробормотал он себе под нос. — На мгновение мне показалось, что я окончательно свихнулся.

Тут чувство облегчения сменилось раздражением.

— Какого дьявола вы делаете в моей комнате? — сердито спросил он, резко отодвинул стул и направился к двери. Ключ торчал в замке. Дверь была закрыта изнутри.

Уилсон с тоской посмотрел на окно. Оттуда незнакомец появиться никак не мог — окно рас-

---

[89] Примечания: 89

Вещь в себе *(нем.)* — философское понятие, введенное Иммануилом Кантом.

полагалось прямо перед его письменным столом, а тремя этажами ниже шумели проезжающие по улице машины.

— Как вы сюда попали? — мрачно спросил Уилсон, видя, что незнакомец сохраняет полное спокойствие и не торопится с ответом.

— Через эту штуку, — ответил незваный гость, показывая пальцем на круг. Уилсон только теперь заметил его, растерянно моргнул и снова бросил на круг недоумевающий взгляд. Круг висел между ним и стеной, здоровенный диск пустоты — он имел глухой черный цвет.

Уилсон энергично затряс головой. Диск явно не собирался исчезать.

«Господи, — подумал он, — кажется, я и в самом деле свихнулся. Интересно, когда я потерял связь с реальностью?»

Он подошел к диску и протянул руку, чтобы дотронуться до него.

— Не трогай! — рявкнул незнакомец.

— Интересно почему? — угрюмо осведомился Уилсон. Однако на всякий случай руку убрал.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем. — Странный гость направился прямо к шкафу, открыл его и не глядя вытащил оттуда бутылку джина.

— Эй! — завопил Уилсон. — Что ты здесь распоряжаешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка… — Незнакомец с сомнением посмотрел на Уилсона. — Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился Боб Уилсон. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился незнакомец, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — угрожающе проговорил Уилсон. Тем не менее он с облегчением глотнул джина и повнимательнее оглядел незнакомца.

Перед ним был тип примерно такого же роста и возраста, как и он сам, возможно, немного старше, но такое впечатление могло возникнуть из-за трехдневной щетины, украшавшей его лицо. У незнакомца был здоровенный синяк под глазом и рассеченная верхняя губа. Уилсон решил, что ему совсем не нравится лицо незваного гостя. Однако в нем было что-то неуловимо знакомое — Уилсона преследовало ощущение, что он знает его, что они уже не раз виделись раньше, правда, при других обстоятельствах.

— Кто ты такой? — выпалил он.

— Я? — спросил гость. — А ты меня не узна-

ешь?

— Я не уверен, — признался Уилсон. — Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — тянул время незнакомец. — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну… называй меня Джо.

Уилсон поставил свой стакан.

— Ладно, Джо как-тебя-там, кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

— Так я и сделаю, — охотно согласился Джо. — Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временны́е потоки, только вот разделяют их многие тысячи лет, сколько именно — я и сам не знаю. В течение следующих нескольких часов Ворота будут оставаться открытыми. Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Незнакомец замолчал.

Боб забарабанил по столу костяшками пальцев.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя

история.

— Ты не веришь, да? Я тебе покажу. — Джо встал, снова подошел к шкафу и вытащил оттуда шляпу Боба, его единственную и нежно любимую шляпу, которая приобрела нынешний залихватский вид за последние шесть лет его обучения и работы в колледже. Джо метнул ее в сторону черного круга. Шляпа коснулась его поверхности, прошла сквозь него, не встретив ни малейшего сопротивления, и исчезла.

Уилсон встал, медленно обошел диск, внимательно разглядывая пол.

— Ловкий трюк, — вынужден был признать он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Незнакомец решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда.

— Чего, чего?

— Именно так. Послушай... — Незнакомец коротко повторил объяснения, касающиеся Ворот Времени. Уилсон получал возможность, которая может выпасть на долю человека один раз в миллионы лет, и все, что ему нужно сделать, — шагнуть внутрь круга. Более того, хотя сейчас Джо не может объяснить все детали, для

самого Уилсона жизненно важно проникнуть в будущее.

Боб Уилсон налил себе еще джина, выпил его, а потом повторил эту незатейливую операцию. По телу растеклось приятное тепло — самое время поспорить о чем-нибудь.

— Почему? — весомо спросил он.

Джо явно начинал выходить из себя.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако…

Если верить Джо, то по другую сторону Ворот есть один старикан, который нуждается в помощи Уилсона. Они втроем смогут управлять некой страной. В чем именно будет заключаться помощь, Джо не мог или не хотел сказать. Вместо этого он продолжал упирать на то, что ни в коем случае нельзя отказываться от такого замечательного приключения.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвятить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже? — настаивал Джо. — Это твой шанс. Не упусти его!

Боб Уилсон должен был признать, что степень магистра с последующим преподаванием в колледже не были пределом его мечтаний. Однако

надо же как-то зарабатывать себе на жизнь. Его взгляд опустился на бутылку с джином — уровень жидкости в ней заметно понизился. Это объясняло многое, если не все. Он пошатываясь встал на ноги.

— Нет, мой дорогой друг, — заявил он. — Я не собираюсь залезать на твою карусель. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал в сторону круга. — Здесь нет никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — извиняющимся тоном добавил он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян.

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы. — Он двинулся в сторону постели.

Джо схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Они оба резко обернулись. Рядом с кругом, глядя на них, стоял третий человек. Уилсон посмотрел на вновь прибывшего, потом перевел глаза обратно на Джо и отчаянно заморгал, пытаясь

сфокусировать взгляд. Эти два типа, проникших в его комнату, казались очень похожими друг на друга — они вполне могли бы быть братьями. Или у него в глазах начало двоиться. Паршивое это дело — джин. Ему давно пора перейти на ром. Отличная штука — ром. Его можно пить или в нем можно принять ванну. Нет, это был все-таки джин — то есть Джо.

Как глупо! У Джо ведь фингал под глазом. И как он только мог все перепутать!

Тогда кто такой этот второй тип? Неужели двое друзей не могут спокойно выпить? Вечно встревают всякие гады.

— Кто вы такой? — наконец со спокойным достоинством спросил Боб.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом сосредоточил свое внимание на Джо.

— Он меня знает.

Джо внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал Джо, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь…

Зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал пришелец.

Боб собрался уже возмутиться, но потом передумал. Его темперамент никогда не позволял ему игнорировать телефонный звонок.

— Алло?

— Алло, — ответил ему голос в трубке. — Это Боб Уилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею.

Уилсон услышал смех на другом конце трубки, а потом раздались короткие гудки.

— Алло, — сказал Уилсон. — Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Джо.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал Уилсон, поднимая трубку. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка

лучше чем-нибудь полезным.

— Господи, что с тобой, Боб? — прозвучал в трубке обиженный женский голос.

— Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини…

— Да уж, конечно, тебе следует извиниться!

— Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка.

— Ну, надеюсь. В особенности после того, как ты мне сказал сегодня, что мы друг для друга значим.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?

— Конечно. Но звоню я потому, что хочу напомнить тебе: ты забыл у меня шляпу. Я заметила ее через несколько минут после того, как ты ушел, и решила сразу же позвонить. А кроме того, — добавила она игриво, — у меня появился повод позвонить тебе и услышать твой голос.

— Конечно. Все в порядке, — механически ответил он. — Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я

у тебя не был…

— Но как же твоя шляпа, глупый?

— Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока. — Он торопливо повесил трубку.

«Господи, — подумал Уилсон, — с этой женщиной я еще нахлебаюсь. А тут еще галлюцинации».

Он повернулся к двум своим гостям.

— Ладно, Джо. Если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой… — Уилсон и сам не понимал, почему он вдруг изменил свое решение, но в какой-то момент это все-таки произошло. Интересно, что это за наглая рожа такая — он еще смеет за него что-то решать?

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался вездесущий незнакомец. Он встал между Уилсоном и Воротами.

Боб Уилсон исподлобья посмотрел на него:

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно,

а если ты не знаешь, как это делается, я тебе помогу! Ну, давай!

Незнакомец протянул руку и попытался ухватить его за шиворот. Уилсон нанес удар, но получился он каким-то неловким. Незнакомец легко увернулся и сам нанес удар, который пришелся Уилсону по губам. Джо стремительно приближался — он явно шел на помощь Уилсону. Незнакомец и Джо начали с энтузиазмом обмениваться ударами, Боб присоединился к ним, впрочем, проку от него было совсем немного. Единственный удар, который достиг цели, достался Джо, его союзнику. Хотя Боб пытался врезать не ему, а наглому незнакомцу.

Этот неловкий выпад дал незнакомцу шанс нанести хорошенький прямой удар прямо в нос Уилсона. Нельзя сказать, что удар получился очень сильным, но для Уилсона и этого оказалось вполне достаточно — больше он участия в драке не принимал.

* * *

Боб Уилсон медленно приходил в себя. Он сидел на полу, который непостижимым образом медленно раскачивался. Кто-то склонился над ним.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался

очередной незнакомец.

— Кажется, да, — хрипло отозвался Уилсон. Он поморщился: разбитые губы мешали говорить. Он поднес руку ко рту и увидел, что та измазана в крови. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может. Ты вывалился сюда головой вперед.

В голове Уилсона мысли роились, как рассерженные пчелы. Он присмотрелся более внимательно к своему собеседнику. Перед ним стоял человек средних лет с густыми, поседевшими волосами и короткой, аккуратно подстриженной бородой. Он был одет в нечто пурпурное, напоминающее свободный пляжный костюм.

Но еще больше обеспокоила Уилсона комната, в которой он находился. Она была круглой, потолок плавно переходил в купол, так что было очень трудно определить ее высоту. Мягкий рассеянный свет наполнял комнату, но Уилсону не удалось определить его источник. В комнате не было никакой мебели, кроме высокого странного предмета, стоящего у противоположной стены.

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно.

Было что-то странное в акценте этого человека. Уилсон не мог определить, какой именно это

акцент, но мог бы поспорить, что его собеседнику нечасто приходится говорить по-английски.

Уилсон посмотрел в другую сторону — туда, куда смотрел незнакомец, и увидел круг.

От этого голова его заболела еще сильнее.

«О господи, — подумал он, — похоже, я окончательно тронулся. Почему я до сих пор не проснулся?»

Он энергично потряс головой в надежде, что она прояснится.

Конечно же, этого не стоило делать. Ему показалось, что сейчас верхняя часть его головы отвалится. А проклятый круг даже и не подумал исчезнуть и как ни в чем не бывало продолжал висеть в воздухе. Внутри его клубилась черная пустота.

— Значит, я попал сюда через него?

— Да.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот священного дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

«Вот теперь я точно знаю, что сошел с ума», — подумал Уилсон.

Он встал и нетвердой походкой направился в

сторону Ворот.

Незнакомец положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба; если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее!

Уилсон в сомнении остановился. Настойчивость нового знакомого слегка смущала его.

— Мне все это не нравится.

— Ну тогда ты, может быть, хочешь выпить перед уходом?

Уилсон, несомненно, хотел. Как раз в этот момент хорошая выпивка казалась самой необходимой вещью на свете.

— Ладно, — пробормотал он.

— Тогда пошли со мной.

Они прошли мимо странного сооружения у стены и через дверь вышли в коридор. Уилсон едва поспевал за своим проводником.

— Кстати, — спросил Уилсон, когда они шли по

длинному коридору, — как тебя зовут?

— Тебя интересует мое имя? Ты можешь называть меня Дектор — меня здесь все так называют.

— Ладно, Дектор так Дектор. А как меня зовут, тебе интересно?

— Как тебя зовут? — Дектор усмехнулся. — Я знаю твое имя. Боб Уилсон.

— Да? А, наверное, Джо сказал тебе?

— Джо? Нет, я не знаю человека с таким именем.

— Не знаешь? А он, как мне показалось, тебя знает. Слушай, а может быть, ты совсем не тот человек, с которым я должен встретиться?

— Да нет, это я. В каком-то смысле можно даже сказать, что я тебя ждал. Джо… Джо — ага! — Дектор снова усмехнулся. — Я на минуточку забыл об этом. Так он сказал, чтобы ты называл его Джо?

— А разве его зовут иначе?

— Это имя ничуть не хуже любого другого. Вот мы и пришли.

Они вошли в небольшую, но очень симпатичную комнату. В ней вообще не было никакой мебели, но пол казался мягким, теплым и упругим, как человеческая плоть.

— Садись. Я скоро вернусь.

Боб посмотрел по сторонам, надеясь найти что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее стул, а потом обернулся, собираясь задать вопрос Дектору. Но тот исчез, более того — дверь, через которую они вошли в комнату, тоже исчезла. Бобу ничего не оставалось, как расположиться на удобном полу и попытаться не беспокоиться.

Дектор действительно скоро вернулся. Дверь почти мгновенно возникла в стене, так что Боб не успел даже заметить, как это произошло. Дектор нес в руке графин, в котором приятно булькало, в другой руке у него была чашка.

— Ну, за твое здоровье! — с улыбкой проговорил Дектор и щедро плеснул в чашку из графина. — Выпей.

Боб взял чашку.

— А ты со мной не выпьешь?

— Попозже. Сначала я хочу обработать твои раны.

— Ладно. — Уилсон заглотил чашку с почти неприличной торопливостью — это была качественная штука, немного похожая на виски, но гораздо приятнее.

Дектор тем временем возился с какими-то мазями и примочками, которые сначала немного жгли, но потом очень быстро принесли облег-

чение.

— Не возражаешь, если я налью себе еще?

— Не стесняйся.

Вторую чашку Боб выпил не торопясь. Он не успел допить ее, она выскользнула из его расслабленных рук, расплескивая янтарную пахучую жидкость по полу. Боб уже храпел.

* * *

Проснувшись, Боб Уилсон чувствовал себя совершенно здоровым и прекрасно отдохнувшим. У него почему-то было прекрасное настроение. Он расслабленно полежал с закрытыми глазами еще несколько минут. Его ждет отличный день, Уилсон ни одной секунды не сомневался в этом. Слава богу, он закончил эту трижды проклятую диссертацию. Тут-то он и вспомнил, что работа еще не закончена!

Уилсон резко сел.

Вид незнакомых стен живо вернул его к действительности. Но не успел он забеспокоиться, как в стене возникла дверь и в комнату вошел Дектор.

— Ну, чувствуешь себя лучше?

— Да, намного… Что же все это значит?

— Всему свое время. Не хочешь сначала позав-

тракать?

Для Уилсона завтрак всегда значил больше, чем сама жизнь, — он вполне мог бы поменять возможность бессмертия на хороший завтрак. Дектор повел его в другую комнату. В ней окна были. Более того — половина комнаты находилась под открытым небом — балкон уходил прямо в чудесный сад. Легкий, теплый летний ветерок приятно обдувал лицо. Они ели, как древние римляне, и Дектор рассказывал.

Боб Уилсон следил за повествованием не так внимательно, как следовало бы, потому что его постоянно отвлекали девушки, которые обслуживали их. Первая принесла на голове громадное блюдо с фруктами. Фрукты были великолепны. Как и девушка. Сколько он ее ни рассматривал, ему никак не удавалось найти в ней ни одного изъяна.

Тут надо заметить, что ее костюм совершенно не препятствовал подобным поискам.

Сначала она слитным грациозным движением встала на одно колено, сняла с головы блюдо и протянула его Дектору. Тот положил себе на тарелку маленький красный фрукт и жестом показал, что больше не хочет. Потом она предложила фрукты Бобу тем же непринужденным

грациозным жестом.

— Как я уже говорил, — продолжал Дектор, — остается неясным, откуда пришли исполины и куда они направились после того, как покинули Землю. Я склонен думать, что они ушли во Время. Так или иначе, но они правили Землей более двадцати тысяч лет, в результате чего та культура, которую мы знали, исчезла полностью. Что еще важнее для тебя и для меня, так это то, что они совершенно изменили человеческую природу. Человек, имеющий психику жителя двадцатого столетия, может добиться здесь чего угодно. Кажется, ты меня не слушаешь?

— Что? Да нет, слушаю, конечно. Какая красивая девушка.

Боб не спускал глаз с двери комнаты, хотя девушка уже давно ушла.

— Которая? Ах да. Ну, пожалуй, ты прав. Впрочем, она далеко не самая красивая среди местных женщин.

— В это трудно поверить. С такой девушкой любой не отказался бы провести время.

— Тебе она нравится? Прекрасно — она твоя.

— Что?

— Она рабыня. И не делай такого возмущенного лица. Они рабы по натуре. Если она тебе понра-

вилась, я тебе ее дарю. Она будет счастлива.

В этот момент девушка вернулась.

Дектор обратился к ней на каком-то странном языке.

— Ее зовут Арма, — добавил Дектор, когда закончил давать девушке указания.

Арма захихикала. Правда, потом на ее лице появилось серьезное выражение, и она, подойдя к Уилсону, встала перед ним на колени.

— Коснись ее лба, — проинструктировал его Дектор.

Боб так и сделал. Девушка встала и молча застыла рядом с Бобом. Дектор что-то сказал ей. На ее лице появилось удивленное выражение, но она повернулась и быстро вышла из комнаты.

— Я сказал ей, что она может, сохраняя свой новый статус, продолжать прислуживать нам за завтраком.

Дектор возобновил свои объяснения, а завтрак тем временем шел своим чередом. Следующее блюдо принесли Арма и другая девушка. Когда Боб увидел вторую девушку, он даже тихонько присвистнул. Тут только до него дошло, что, возможно, он немного поторопился с Армой. Или стандарты красоты существенно изменились за прошедшие тысячелетия, или Дектор подбирал

свою обслугу с особой тщательностью.

— …По этим причинам, — говорил в это время Дектор, — необходимо, чтобы ты немедленно отправился обратно через Ворота Времени. Твоя первая задача — привести сюда этого, другого парня. Потом ты должен будешь сделать еще кое-что, и все наши проблемы будут решены. Нам останется только насладиться плодами собственных трудов — тебе и мне. И могу тебя заверить, здесь есть чем насладиться. Да ты меня не слушаешь.

— Да все я слушаю, шеф. — Он потер указательным пальцем свой подбородок. — Скажи, у тебя здесь не найдется лишнего лезвия? Мне бы хотелось побриться.

Дектор тихо выругался на двух языках.

— Перестань сейчас же глазеть на этих красоток и слушай меня! Тебе нужно проделать определенную работу.

— Конечно, конечно. Я все понимаю, только скажи, что надо делать. Когда мне нужно начать?

Уилсон уже давно принял решение — это случилось, если уж быть точным, вскоре после того, как Арма вошла в комнату с блюдом фруктов. У него было такое ощущение, что ему снится необыкновенно приятный сон. Если сотрудни-

чество с Дектором приведет к тому, что этот сон продлится, прекрасно. И черт с ней, с его академической карьерой!

А кроме того, чего Дектор от него хочет, это чтобы он вернулся домой, туда, где все началось, и убедить того парня пройти через Ворота. Худшее, что с ним может произойти, — оказаться снова в двадцатом столетии. Чем он в такой ситуации рискует?

Дектор встал.

— Тогда не будем больше терять времени, — коротко сказал он, — раз уж мне наконец удалось завладеть твоим вниманием. Иди за мной.

Он зашагал вперед быстрым шагом, Уилсон старался не отстать.

Дектор привел его в Зал Ворот и остановился.

— Все, что от тебя требуется, — начал он давать последние указания, — это пройти через Ворота. Ты окажешься в своей комнате, в том самом времени, в котором жил. Убеди человека, который находится в комнате, пройти сквозь Ворота. Нам он необходим. А потом возвращайся сам.

Боб поднял руку вверх, сложив в кольцо большой и указательный пальцы.

— Считай, что он уже у нас в кармане, босс. — Он занес ногу, чтобы войти в Ворота.

— Подожди! — скомандовал Дектор. — Ты еще не привык к путешествиям во времени. Я предупреждаю: тебя ждет ужасный шок, когда ты вернешься в свое время. Этот парень — ты его узнаешь.

— И кто же он?

— Я не могу тебе об этом сейчас сказать, ты все равно не поймешь. Но когда ты увидишь его, тебе все станет ясно. Помни об одном: с путешествиями по времени связаны очень странные парадоксы. Не дай им сбить тебя с толку. Делай то, что я тебе сказал, и все будет в порядке.

— Парадоксы меня совершенно не смущают, — уверенно заявил Боб. — Ну, это все? Я готов.

— Одну минуту. — Дектор скрылся за высокой стойкой. Через несколько секунд его голова высунулась обратно. — Я установил нужное время. Давай!

Боб Уилсон вступил в круг, который назывался Ворота Времени.

Он ничего не почувствовал во время переноса. Ему показалось, что он просто прошел из одной комнаты в другую, раздвинув плотные темные занавеси. Он постоял немного, дожидаясь, пока глаза приспособятся к более темному освещению его старой комнаты. Да, он и в самом деле оказал-

ся в своей собственной комнате.

За его письменным столом сидел человек. Тут Дектор оказался прав. Значит, это и есть тот парень, которого Уилсон должен уговорить войти в Ворота Времени. Дектор сказал, что он его узнает. Ну что ж, посмотрим, кто же это такой.

Уилсон почувствовал легкое раздражение из-за того, что кто-то сидит за его столом, в его комнате, но потом подумал, что должен быть выше этого. В конце концов, он всего лишь снимал эту квартиру; когда он исчез, вне всякого сомнения, в нее вселился кто-то другой. Он ведь не знал, как долго его здесь не было, — черт возьми, могло пройти несколько дней или даже недель!

Парень за столом показался ему смутно знакомым, хотя пока он видел только его спину. Так кто же это такой? Должен ли он первым заговорить с ним, заставить его обернуться? Уилсону не хотелось этого делать до тех пор, пока он не сообразит, кто это. Он считал, что всегда лучше знать заранее, с кем предстоит иметь дело, в особенности если намерен убедить человека совершить столь необычный поступок — пройти сквозь Ворота Времени.

Человек, сидящий за столом, продолжал печатать, останавливаясь только за тем, чтобы

затянуться сигаретой, которая лежала рядом в пепельнице, а потом тщательно загасить ее, используя пресс-папье.

Бобу Уилсону был слишком хорошо знаком этот жест.

По его спине пробежал холодок.

«Если он зажжет следующую, — подумал Уилсон, — так, как я думаю...»

Человек, сидящий за столом, достал новую сигарету, покрутил ее между пальцами, постукал одним концом о стол, перевернул, легко провел ногтем по основанию и сунул ее в рот.

Уилсон почувствовал, как кровь застучала у него в ушах. За письменным столом, повернувшись к нему спиной, сидел он сам, Боб Уилсон!

Ему вдруг показалось, что он сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза и, ухватившись за спинку стула, попытался успокоиться.

«Я так и знал, — подумал он. — Все происходящее — полнейший абсурд. Я спятил. Я знаю, что я спятил. Что-то вроде раздвоения личности. Не надо было столько работать».

Машинка продолжала трещать.

Уилсон наконец взял себя в руки и еще раз все обдумал. Дектор предупреждал, что его ждет шок, шок, который невозможно было предотвратить,

потому что он бы все равно не поверил, если бы ему сказали, что случится.

«Ладно, предположим, что я не безумен. Если путешествие во времени вообще возможно, то почему я не могу вернуться назад и увидеть, как я делаю что-то из того, что делал раньше. Если я, конечно, нормален».

Он вздохнул.

«Ну а если я спятил, то тогда вообще не имеет ни малейшего значения, что я буду делать! Отсюда следует, — добавил он про себя, — что если я безумен, то, может быть, я смогу пройти обратно в Ворота! Нет, это совсем бессмысленно. Как, впрочем, и все остальное — ну и черт с ним!»

Он на цыпочках подкрался к столу и посмотрел через плечо своего двойника.

«Время есть атрибут сознания, — прочитал он, — а не реальности».

«Теперь все ясно, — подумал Боб, — я вернулся к тому самому моменту, когда писал диссертацию».

Двойник продолжал печатать.

«Это не Ding an Sich. Следовательно…»

Клавиша машинки застряла, и двойник выругался, а потом наклонился, чтобы поправить запавшие буквы.

— Не трать попусту силы, — сказал Уилсон, повинуясь неожиданному импульсу. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Другой Боб Уилсон подпрыгнул на месте, а потом медленно обернулся.

— Какого дьявола вы делаете в моей комнате? Как вы сюда попали? Объясните.

«Это, — подумал Уилсон, — будет совсем непросто».

— Через эту штуку, — ответил он, показывая пальцем на круг.

Его двойник посмотрел в ту сторону, куда показывал Уилсон, вскочил и начал медленно подходить к Воротам, а потом поднял руку, собираясь потрогать их.

— Не трогай! — рявкнул Уилсон.

Двойник опустил руку.

— Интересно почему? — угрюмо осведомился он.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем.

Это в любом случае была хорошая идея. Еще никогда в жизни он так не нуждался в выпивке, как в этот момент. Совершенно автоматически он направился к шкафу и достал оттуда бутылку.

— Эй! — запротестовал двойник. — Что ты здесь распоряжаешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка…

Дьявольщина! Это была его выпивка! Нет, не так; это была их общая бутылка. Ну и дела!

— Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился двойник. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился Уилсон, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — мрачно предупредил двойник, с угрозой поглядывая на Уилсона, пока тот пил джин.

* * *

Уилсон наблюдал, как его второе, более молодое «я» в замешательстве изучало его. Неужели этот безмозглый болван не может узнать свое собственное лицо, которое находится на расстоянии всего нескольких футов от него? Если он даже сейчас не в состоянии понять, что происходит, то как Уилсон вообще сможет объяснить ему хоть что-нибудь?

Уилсон забыл, что в данный момент его лицо было почти неузнаваемо — разбитые губы, синяк под глазом, трехдневная щетина. К тому же Уил-

сону и в голову не пришло, что человек никогда не смотрит на свое лицо в зеркале так, как он смотрит на чужие. Ни один человек в здравом уме не станет искать свои черты в лице другого.

Уилсон видел, что двойник смущен его неожиданным появлением и не узнает его. Это было совершенно очевидно.

— Кто ты такой? — спросил двойник.

— Я? — отозвался Уилсон. — А ты меня не узнаешь?

— Я не уверен. Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — пытался потянуть время Уилсон. Как можно в нескольких словах объяснить, что перед одним Уилсоном стоит другой? — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну…

Дело принимало неприятный оборот! Да и вообще все это становилось просто смешным. Он уже открыл рот, чтобы произнести «Боб Уилсон», но тут же сдался, понимая всю безнадежность подобного шага. Как и многие другие до него, он вынужден был солгать, потому что правда была бы воспринята как наглая ложь.

— Называй меня Джо, — наконец пробормотал он.

И тут же удивился собственным словам. Только сейчас Уилсон осознал, что исполняет роль того самого Джо, которого уже встречал раньше; то, что он оказался в своей комнате как раз в тот момент, когда заканчивал работать над своей диссертацией, Уилсон уже сообразил, но у него еще не было времени как следует задуматься над тем, что происходит. Услышав, как он сам себя назвал Джо, он с ужасом понял, что это не просто похожая сцена — а та же самая сцена! Только теперь он играл в ней роль Джо.

Во всяком случае Уилсону показалось, что это та же сцена. Отличалась ли она чем-нибудь от прежней? Трудно сказать — он не помнил дословно, как именно протекал первый разговор.

За полный сценарий той сцены Уилсон был готов уплатить двадцать пять долларов наличными да еще добавил бы на торговую наценку.

Нет, тут надо разобраться — ведь его никто не принуждал делать или говорить что-либо. В этом Уилсон был уверен. Все, что он сказал и сделал, было проявлением свободной воли. Даже если он и не в состоянии вспомнить весь разговор, он совершенно точно знает, чего Джо не говорил. Ну, например: «У Мэри есть маленькая овечка…» Он мог произнести прямо сейчас этот стишок и

выйти из порочного круга. Он уже приготовился начать декламировать этот дурацкий стишок…

— Ладно, Джо как-тебя-там, — вдруг заговорило его второе «я», поставив на стол стакан, в котором еще мгновение назад плескалась добрая четверть пинты джина, — кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

Уилсон уже открыл рот, чтобы ответить, но со стуком закрыл его.

«Спокойно, старина, спокойно, — сказал он себе. — Ты обладатель свободной воли. Хочешь прочитать стишок — так прочитай его. Не отвечай ему; продекламируй стишок и выйди из этого проклятого круга».

Но под подозрительным, сердитым взглядом человека, сидящего напротив, он мгновенно забыл слова детского стишка. Все его мыслительные процессы зашли в тупик.

Уилсон капитулировал.

— Так я и сделаю. Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временны́е потоки… — Пока Уилсон говорил, он почувствовал, как начинает потеть;

он был почти уверен, что объясняет практически теми же словами, которые он уже раньше слышал. — …Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Он замолчал и вытер пот.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя история.

Боб вдруг подумал — неужели этот человек, сидящий за столом, он сам? Тупой, узколобый догматизм его поведения приводил Уилсона в ярость. Ну ладно! Он ему покажет. Уилсон быстро подошел к шкафу, схватил шляпу и швырнул ее сквозь Ворота.

Его двойник посмотрел на фокус со шляпой ничего не выражающими глазами, а потом встал и, маленькими аккуратными шажками крепко выпившего человека, который старается этого не показать, обошел Ворота вокруг.

— Ловкий трюк, — зааплодировал он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Уилсон решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда, — заявил он.

— Чего-чего?

— Именно так. Послушай… — И Уилсон, как мог

убедительно, рассказал своему прежнему «я», что требуется сделать. Ему даже пришлось льстить и уговаривать. Объяснить все как есть было равносильно самоубийству. Он скорее согласился бы обучать тензорному исчислению австралийского аборигена — даже притом, что и сам не слишком в нем разбирался.

Двойник ничем не хотел ему помочь. Казалось, что гораздо больше всех объяснений Уилсона его интересует стакан с джином, с которым ему ни на секунду не хотелось расставаться.

— Почему? — нетерпеливо перебил он.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако…

Уилсон продолжал рассказ, который завершил, коротко повторив суть предложения Дектора. Только теперь он с раздражением сообразил, что слова Дектора были весьма общими и ничего толком не разъясняли. Уилсону пришлось отбросить всякую логику и упирать на эмоциональную сторону вопроса — здесь он чувствовал себя куда увереннее, ведь ему было прекрасно известно, как осточертела этому Бобу Уилсону его научная карьера и затхлая атмосфера колледжа.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвя-

тить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже, — в заключение сказал он. — Это твой шанс. Не упусти его!

Уилсон внимательно наблюдал за своим оппонентом, и ему показалось, что тот начинает поддаваться на уговоры. Во всяком случае, выглядел он заинтересованным. Однако двойник аккуратно поставил стакан на стол, задумчиво посмотрел на бутылку, вздохнул и заговорил, стараясь тщательно выговаривать слова:

— Нет, мой дорогой друг, я не собираюсь залезать на твою карусель, и знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал на Ворота, покачнулся и едва не упал. — Нет никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — уже совсем заплетающимся языком пробормотал он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян, — теряя надежду, запротестовал Уилсон. «Проклятье, — подумал он. — Человеку, который не умеет пить, не следует этого делать вообще».

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы.

Двойник нетвердым шагом направился в сто-

рону кровати.

Уилсон схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Уилсон быстро обернулся и увидел третьего человека, стоящего перед Воротами. Ему стало совсем нехорошо — Уилсон сразу же узнал вновь прибывшего. Его собственные воспоминания о том, что произошло, были довольно смутными — как-никак, он ведь был тогда пьян. Теперь Уилсон понял, что должен был предвидеть появление третьего действующего лица. Однако воспоминания не подготовили его к тому, кто будет их новым гостем.

Он узнал себя — еще одну точную свою копию.

С минуту Уилсон молча стоял, пытаясь сообразить, что ему теперь следует делать; он даже закрыл глаза, чтобы получше сосредоточиться. Однако события происходили так быстро, что трудно было собраться с мыслями. Ему вдруг страшно захотелось сказать парочку теплых слов Дектору.

— Кто вы такой? — Уилсон обернулся и увидел, как его пьяный двойник сурово таращится на нового незваного гостя.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом перенес свое внимание на Уилсона.

— Он меня знает.

Уилсон не стал торопиться с ответом. События начинали выходить из-под контроля.

— Да, — вынужден был он признать, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Последняя копия Уилсона не дала ему долго говорить.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

Удивительная наглость самовлюбленного нахала возмутила Уилсона до глубины души.

— Я с этим никогда не соглашусь… — начал было он, но в этот момент зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал номер третий.

Пьяненький номер первый хотел было возмутиться, но все-таки взял трубку.

— Алло… Да. С кем я говорю? Алло… Алло! — Он постучал по рычагам телефона и сердито бросил трубку.

— Кто это был? — спросил Уилсон, разозленный тем, что не успел сам поднять трубку.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер первый, хватая трубку. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным… Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини… Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка… Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?.. Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был… Что?.. А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу.

Уилсону было просто противно смотреть, как его двойник унижается перед этой приставучей девицей. Почему он уже давно не повесил трубку? По сравнению с Армой она была жал-

кой замарашкой — и это еще больше утвердило Уилсона в намерении довести намеченный план до конца. Мало ли что говорит этот нахальный номер третий!

Повесив трубку, номер первый повернулся к Уилсону, демонстративно игнорируя третьего.

— Ладно, Джо, если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой.

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Уилсон. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался номер третий. Он встал между Уилсоном и Воротами.

Уилсон собрался было возразить, но пьяный двойник опередил его.

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно, а если ты не знаешь, как это делается, я тебе помогу! Ну, давай!

Не дожидаясь особого приглашения, они начали колотить друг друга. Уилсон вздохнул и подошел к ним, выбирая подходящий момент для того, чтобы сразить третьего одним реши-

тельным ударом.

Однако он совершенно напрасно перестал обращать внимание на своего пьяного союзника. Отчаянный, размашистый хук пришелся прямо ему в лицо. Острая боль пронзила рассеченную верхнюю губу, которая еще только начала затягиваться после предыдущей драки. Уилсона перекосило от боли, и он отскочил назад.

Послышался звук глухого удара, и сквозь туман, застилающий глаза, Уилсон увидел, как в Воротах исчезают ноги. Номер третий, как и прежде, стоял возле Ворот.

— Ну, добился своего! — упрекнул он Уилсона, прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

Несправедливое обвинение возмутило Уилсона. Лицо его все еще продолжало гореть от боли.

— Я? — запротестовал он. — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить, и тебе не отвертеться. Что это еще за…

Но номер третий не дал ему договорить.

— Оставь это. Сейчас уже слишком поздно, — мрачно сказал он. — Он уже там.

— Слишком поздно для чего? — заинтересовался Уилсон.

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту цепочку событий.

— А зачем нам ее останавливать?

— Затем, — с горечью ответил номер третий, — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя… нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там. — Он указал на Ворота.

— Да, — признался Уилсон.

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

Уилсон почувствовал, что у него в душе зашевелились сомнения. Номер третий вполне мог говорить правду. В самом деле — в том, что произошло до сих пор, было совсем немного смысла. В конце концов, зачем Дектору понадобилась его помощь, зачем ему делить все с Уилсоном пополам, когда он имел в своем далеком раю право

первой руки?

— Откуда ты знаешь? — спросил Уилсон.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? — устало ответил номер третий. — Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

Его собеседник в полнейшем отчаянии посмотрел на него.

— Если ты не можешь поверить мне, то кому ты вообще можешь верить?

Неоспоримая логика, прозвучавшая в словах номера третьего, только еще сильнее разозлила Уилсона. Его почему-то ужасно раздражал этот нахальный двойник. Сама мысль о том, что он должен слепо повиноваться, возмущала Уилсона.

— Я с Миссури, — заявил он. — Пойду туда и посмотрю сам.

Он сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — сказал двойник. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас.

Но Уилсон ничего не хотел слушать. Видимо,

на его лице была написана такая решимость, что номер третий вздохнул и развел руками.

— Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

Уилсон уже занес было ногу, чтобы пройти через Ворота, но в последний момент застыл на месте.

— Что? Хм… как это могут быть только мои похороны?

На лице третьего появилось бессмысленное выражение, а потом глаза его вспыхнули. Это было последнее, что увидел Уилсон, перед тем как шагнул в Ворота.

* * *

Зал Ворот был совершенно пуст, когда Боб Уилсон вновь оказался в нем. Он поискал глазами свою шляпу, но нигде ее не нашел, а потом обошел вокруг высокой стойки, пытаясь припомнить, где была дверь. Тут он нос к носу и столкнулся с Дектором.

— А, вот и ты, — приветствовал его хозяин. — Отлично! Отлично! Теперь осталось сделать совсем немного, и все будет в порядке. Должен сказать, что очень доволен тобой, Боб, просто очень доволен.

— Ага, ты мной доволен? — Боб язвительно посмотрел на него. — К сожалению, не могу того же сказать о тебе! Я, черт подери, тобой просто возмущен! Зачем, интересно, ты заставил меня просто плутать в этой бредовой последовательности событий, ни о чем не предупредив? Что вся эта чепуха значит?

— Только не надо так волноваться. Что я тебе, собственно, мог сказать? Что ты отправляешься на встречу с самим собой? Неужели ты бы мне поверил? Ну, скажи, что я не прав?

Уилсону было нечего возразить.

— Ну вот видишь, — продолжал Дектор, пожимая плечами, — говорить тебе правду было совершенно бессмысленно. Что же мне оставалось делать?

— Так-то оно так…

— Подожди! Я не собирался обманывать тебя. Да на самом деле я и не сказал ни одного лживого слова. Но если бы я сказал тебе правду, ты бы все равно не поверил. Гораздо лучше для тебя было увидеть все своими глазами. А иначе…

— Минуточку! Минуточку! — прервал его Уилсон. — Ты меня совсем запутал. Я готов забыть все прошлые неприятности, если ты объяснишься со мной до конца. Зачем было вообще посылать

меня обратно?

— «Забыть прошлые неприятности», — повторил Дектор. — Если бы мы могли! Но такой возможности у нас нет. Именно поэтому я и послал тебя обратно — чтобы ты вошел в Ворота Времени в первый раз.

— Что? Подожди, подожди — я ведь один раз уже входил в Ворота.

Дектор покачал головой.

— Разве? Подумай немного сам. Когда ты вернулся в свое собственное время, ты нашел там самого себя, не так ли?

— Мм… да.

— Ты — вернее, твое прежнее «я» еще не вошло в Ворота?

— Не вошло. Я…

— Как ты мог попасть сюда, если бы не сумел убедить его войти в Ворота?

В голове у Боба Уилсона все перемешалось. Он перестал понимать, кто что кому сказал, кто что сделал и кто за все будет отвечать.

— Но это невозможно! Ты хочешь убедить меня, что я сделал нечто из-за того, что сделаю потом.

— Ну а разве не именно так все и случилось? Ты ведь там был.

— Нет, я не… ну, может, и был, но этого же про-

сто не может быть.

— Но ведь было же! Подобные представления непривычны для тебя — вот и все.

— Но… но… — Уилсон глубоко вздохнул и попытался хоть немного успокоиться. После этого, изрядно напрягшись, сумел выдать одно из своих теоретических суждений. — Происшедшее отрицает все разумные теории о причинно-следственных связях. Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что эти связи могут образовывать кольцо. Я прошел сквозь Ворота потому, что, пройдя сквозь них в первый раз, вернулся обратно и убедил себя пройти сквозь них в первый раз. Это же полнейшая глупость.

— Возможно, но ведь именно так все и случилось?

Возразить было нечего. Дектор продолжал:

— Система причинно-следственных связей прекрасно работает в привычном для тебя временно́м поле, но само это поле лишь частный случай более общих закономерностей. Пространственно-временной континуум вовсе не должен подчиняться ограниченному человеческому восприятию времени и пространства.

Уилсон поразмышлял над услышанным. Звучало это утверждение эффектно, но было в нем

что-то скользкое.

— Секундочку, — сказал он, — а как быть с энтропией? Как ее обойти?

— Господи! — запротестовал Дектор, — замолчи уж лучше. Ты напоминаешь мне одного математика, доказавшего, что самолеты не могут летать. — Он отвернулся от Уилсона и направился к двери. — Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать.

Уилсон торопливо зашагал за ним.

— Черт возьми! Ты не должен так поступать со мной. Что произошло с двумя другими?

— Какими другими?

— Двумя другими моими «я». Где они? Как мне вообще выбраться из этого кошмара?

— А никакого кошмара нет. Ты ведь не чувствуешь раздвоения или растроения личности?

— Нет, но…

— Ну, тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Но я не могу не беспокоиться. Что произошло с тем, который вошел в Ворота до меня?

— А ты сам разве не помнишь? Однако…

Дектор ускорил шаг. Они прошли по коридору и остановились перед неожиданно возникшей дверью.

— Загляни внутрь, — скомандовал Дектор.

Уилсон подчинился. Он увидел маленькую комнату без мебели, комнату, которую сразу узнал. На полу, сладко посапывая во сне, лежал его двойник.

— Когда ты первый раз прошел сквозь Ворота, — начал объяснять стоящий за его спиной Дектор, — я привел тебя сюда, обработал раны и дал тебе выпить. Питье содержало снотворное, которое заставило тебя крепко проспать тридцать шесть часов. Тебе этот сон был совершенно необходим. Когда ты проснулся, мы позавтракали, и я объяснил тебе, что нужно сделать.

У Уилсона снова начала болеть голова.

— Хватит! Не говори о парне, который там спит, как будто это я. Я стою здесь, рядом с тобой.

— Как хочешь, — не стал возражать Дектор. — Это тот парень, которым ты был. Теперь вспомнил, какие события с ним произойдут?

— Да, но когда я на него смотрю, у меня начинает кружиться голова. Закрой, пожалуйста, дверь.

— Ладно, — сразу согласился Дектор и выполнил просьбу Уилсона. — Мы должны спешить. Когда некая последовательность сложилась, нельзя терять времени. Пошли. — И Дектор повел Уилсона обратно в Зал Ворот.

— Я хочу, чтобы ты вернулся обратно в двадца-

тое столетие и раздобыл для нас кое-какие вещи, которых здесь нет, но которые могут нам очень пригодиться в будущем для развития — да, пожалуй, это самое правильное слово — для развития этой страны.

— Какие именно вещи?

— Ну, их довольно много. Я составил для тебя список — справочная литература и кое-что еще. Извини, я должен настроить Ворота. — Дектор забрался за высокую стойку. Уилсон последовал за ним и оказался внутри маленького бокса, открытого сверху и с приподнятым полом. С высокого сиденья хорошо были видны ворота.

Пульт управления Воротами произвел на Уилсона странное впечатление.

Четыре разноцветных сферы, размером в половину шарика для пинг-понга, соединялись друг с другом кристаллическими ребрами, образуя тетраэдр. Три сферы в основании тетраэдра были красного, желтого и синего цветов, а четвертая, в вершине, — белого.

— Три сферы служат для изменения пространственных координат, а четвертая контролирует время, — начал объяснять Дектор. — Все очень просто. Используя настоящее время и данную точку пространства как начало координат, мы

можем перемещаться вперед и назад вдоль временно́й оси, так же как и в пространстве, — перемещение сферы вдоль соответствующего ребра приводит к нужному результату.

Уилсон внимательно рассматривал систему управления.

— Да, — сказал он, — но как узнать, в какой именно точке пространства находится другой конец Ворот? Или в каком он времени? Я нигде не вижу никаких шкал.

— А они и не нужны. Ты можешь увидеть, где он находится. Смотри.

Дектор коснулся выступа, находящегося под тетраэдром, на горизонтальной панели. Панель развернулась, и на ней появилось миниатюрное изображение самих Ворот. Дектор нажал еще на какую-то кнопочку, и Уилсон увидел то, что находилось по другую сторону Ворот.

Он как будто заглянул в свою комнату, приложившись не к тому концу телескопа. Видны были две фигурки, но изображение было слишком мелким, и кто именно находился там — ему никак не удавалось понять. Все это произвело на него крайне неприятное впечатление.

— Выключи эту штуку, — попросил Уилсон.

Дектор убрал изображение и сказал:

— Как бы не забыть отдать тебе список. — Он вытащил из рукава листок бумаги и протянул его Уилсону. — Вот он. Возьми, пожалуйста.

Уилсон взял листок и не глядя сунул его в карман.

— Послушай меня, — начал он, — куда бы я ни направлялся, всюду мне попадаются мои двойники. Мне это совсем не нравится. Какое-то размножение. Мне кажется, что я превращаюсь в целый выводок морских свинок. Я и наполовину не понимаю того, что здесь происходит, а ты снова хочешь загнать меня назад, ничего толком не объяснив. Хватит ходить вокруг да около. Расскажи мне все.

В первый раз на лице Дектора появилось выражение нетерпения.

— Ты глупый, невежественный, юный болван. Я рассказал тебе все, что ты был способен осмыслить. То, что происходит здесь, недоступно твоему пониманию. Пройдет не одна неделя, прежде чем ты начнешь понимать хоть что-нибудь. Я предлагаю тебе полмира в обмен на несколько часов твоей помощи, а ты стоишь здесь и споришь со мной как последний дурак. Отложим этот разговор на потом, я ведь уже просил тебя об этом. А теперь решай — куда мы

тебя забросим? — Дектор потянулся к рукояткам управления.

— Не трогай рукоятки! — рявкнул Уилсон. У него вдруг появились кое-какие соображения. — Кто ты, собственно, такой?

— Я? Дектор.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я тебя не об этом спрашиваю. Откуда ты знаешь английский язык?

Дектор ничего не ответил. Его лицо стало непроницаемым.

— Ну, давай, — настаивал Уилсон. — Ты ведь не здесь ему научился, я в этом уверен. Ты из двадцатого столетия, верно?

Дектор кисло улыбнулся.

— А я все ждал, когда это до тебя дойдет.

Уилсон кивнул.

— Может быть, я соображаю и не очень быстро, но я и не так глуп, как ты думаешь. Давай, рассказывай мне все.

Дектор покачал головой.

— Это не имеет отношения к делу. К тому же мы теряем время.

Уилсон рассмеялся.

— Ты слишком часто меня торопишь. Как мы можем терять время, когда у нас есть такая шту-

ка? — Он показал на Ворота. — Если ты только не наврал мне, мы можем распоряжаться временем по собственному усмотрению. Нет, мне кажется, я начинаю догадываться, почему ты постоянно торопишь меня. Или тебе необходимо побыстрее избавиться от меня, или то дело, которое ты хочешь поручить мне, дьявольски опасно. Однако я знаю, как решить эту проблему, — ты пойдешь со мной!

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, — медленно заговорил Дектор. — Это невозможно. Я должен оставаться у пульта управления.

— Ничего у тебя не выйдет. Ты ведь можешь заслать меня туда, откуда мне уже будет не вернуться. Я предпочитаю не выпускать тебя из виду.

— Об этом не может быть и речи, — отозвался Дектор. — Ты должен довериться мне. — Он снова склонился над рукоятками управления.

— Ну-ка отойди отсюда! — закричал Уилсон. — Отойди, а не то я тебе врежу как следует.

Под злобным взглядом и высоко поднятым кулаком Уилсона Дектор отошел от консоли управления.

— Вот так-то лучше, — добавил Уилсон, когда они вышли из бокса.

Наконец-то обрывки мыслей, которые уже давно не давали ему покоя, приняли определенную форму. Он знал, что в данный момент Ворота Времени были настроены на его комнату, в которой он живет — или жил — в двадцатом столетии. Судя по тому, что он успел разглядеть на дисплее управления, машина была настроена на тот самый день 1952 года, когда все началось.

— Стой здесь, — скомандовал он Дектору, — я хочу кое на что посмотреть.

Уилсон подошел к Воротам, словно бы для того, чтобы осмотреть их, но вместо того, чтобы остановиться перед ними, прошел сквозь них.

На этот раз он был гораздо лучше подготовлен к тому, что увидел в комнате, чем когда он возвратился сюда в первый раз. Тем не менее встреча с собственным двойником не могла не действовать на нервы. Особенно если их — двойников — было целых два.

Да, он снова находился в собственной комнате. Оба его двойника были так поглощены друг другом, что поначалу не обратили никакого внимания на его появление; благодаря этому у Уилсона появилась возможность немного привести свои мысли в порядок. У одного из двойников был здоровенный синяк под глазом и

рассеченная верхняя губа. Кроме того, его лицо сильно заросло щетиной. Это что-то напомнило Уилсону. У другого лицо было в полном порядке, но ему тоже не мешало бы побриться.

Теперь Уилсон сообразил, в какой именно момент он попал в свою комнату. Все по-прежнему оставалось дьявольски запутанным, но после известных событий он уже лучше ориентировался в этой дурацкой ситуации и понял, что снова оказался в самом начале всей истории. Теперь он положит конец этой бредовой ерунде раз и навсегда.

Его двойники тем временем спорили. Один из них, пошатываясь, направился к постели. Другой схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое! — вмешался Уилсон.

Оба двойника разом обернулись. Уилсон увидел, как во взгляде более трезвого из них выражение удивления сменилось узнаванием. Номер первый, похоже, лишь с большим трудом сохранял вертикальное положение.

«Да, — подумал Уилсон, — нелегкая мне предстоит работенка. Этот тип здорово набрался».

Он подивился, как вообще можно столько вы-

пить на пустой желудок. Это было не просто глупо — таким образом зря пропадал отличный джин.

Интересно, осталось ли там что-нибудь для него.

— Кто вы такой? — с пьяной настойчивостью спросил номер первый.

Уилсон кивнул на Джо.

— Он меня знает, — со значением заявил он.

Джо внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал Джо, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Уилсон прервал его.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь…

Зазвонивший телефон прервал их спор. Уилсон был рад, что их прервали, потому что он понял: начинать следовало совсем не так. Неужели он действительно такой упрямый и ограниченный, как этот тип? Неужели он производит на других людей такое же впечатление? Однако для самокопания момент был не самым подходящим.

— Возьми трубку! — скомандовал Уилсон.

Пьяный Уилсон злобно посмотрел на него, но трубку взял, когда заметил, что Джо сделал движение в сторону телефона.

— Алло?.. Да. С кем я говорю? Алло… Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Джо.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер первый, схватив трубку прежде, чем кто-нибудь успел среагировать. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным… Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини… Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка… — Уилсон не обращал особого внимания на разговор — он уже не раз его слышал, к тому же в данный момент Уилсону было о чем подумать. Номер первый так набрался, что разговаривать с ним бесполезно. Значит, нужно направить все усилия на то, чтобы убедить в своей правоте Джо, — ина-

че ему придется сражаться против двоих сразу.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?.. Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был… Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока.

«Теперь самое время, — подумал Уилсон, — пока эта тупая обезьяна не успела открыть рот. Что же сказать? Как его убедить?»

Однако номер первый успел заговорить первым.

— Ладно, Джо, — заявил он, — если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой.

— Вот и отлично, — заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

Ситуация явно выходила из-под контроля, события развивались совсем не так, как того хотелось Уилсону.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался Уилсон. Он встал между номером первым и Воротами. Он должен заставить их поверить ему, и немедленно.

Но у него так и не возникло подобной возможности. Пьяный номер первый бросился на него. Уилсона вдруг охватило радостное возбуждение — он понял, что уже довольно давно мечтает трахнуть кого-нибудь по носу. Кто они такие, чтобы шутить с его будущим?

Номер первый никак не мог скоординировать свои движения. Поэтому Уилсон легко увернулся и нанес удар прямо ему в лицо. Такой удар, несомненно, произвел бы впечатление на трезвого человека, но номер первый только замотал головой — он явно хотел получить добавки. С другой стороны приближался Джо. Уилсон решил, что пора кончать с первым противником и перенести все внимание на Джо, который был куда более опасен.

Когда его копии стали мешать друг другу, Уилсон не упустил свой шанс. Он отступил на шаг назад, тщательно прицелился и нанес мощный удар левой — наверное, это был самый сильный удар, который ему когда-либо приходилось наносить в жизни. Номер первый даже на короткое время оказался в воздухе.

И, уже нанеся удар, Уилсон заметил, где в этот момент находились Ворота, и вдруг с тоской понял, что вся сцена подошла к неизбежному

концу.

Он остался один с Джо, а их компаньон исчез за Воротами Времени.

Первая реакция Уилсона была совершенно нелогичной, но вполне естественной: вот-посмотри-что-ты-заставил-меня-сделать.

— Ну, добился своего! — с горечью упрекнул он Джо, прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

— Я? — запротестовал Джо. — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, — вынужден был признать Уилсон, — но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить, и тебе не отвертеться. Что это еще за…

— Оставь это, — перебил его Уилсон. Его злило, что он был не прав, и еще сильнее он раздражался оттого, что был вынужден это признать. Только теперь он начал понимать, что вся его затея с самого начала была совершенно безнадежной. — Сейчас уже слишком поздно. Он уже там.

— Слишком поздно для чего?

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту

цепочку событий. — Уилсон начал понимать, что он постоянно опаздывает, причем не имеет ни малейшего значения, сколько сейчас времени, или какой сейчас год, или сколько раз он уже пытался изменить эту последовательность событий. Теперь он вспомнил, как уже проходил сквозь Ворота один раз и как видел себя спящим на полу в той маленькой комнате. События все равно уже произошли.

— А зачем нам ее останавливать?

Объяснять не было никакого смысла, но ему было необходимо хоть какое-то оправдание в собственных глазах.

— Затем, — сказал он. — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя… нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там. — Он указал на Ворота.

— Да…

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

Джо пристально посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он у Уилсона.

Так как на самом деле Уилсон не был уверен

в том, что говорил, то он ускользнул от прямого ответа.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

«С чего бы это? — подумал Уилсон. — Как ты не понимаешь, я — это ты, но старше тебя и опытнее, и ты должен верить мне».

А вслух он ответил:

— Если ты не можешь поверить мне, то кому ты вообще можешь верить?

Джо мрачно крякнул и, немного подумав, заявил:

— Я с Миссури. Пойду туда и посмотрю сам. — Тут Уилсон заметил, что Джо сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — взмолился Уилсон. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас.

Но на лице Джо была написана такая решимость, что Уилсон вздохнул и развел руками.

— Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

Джо остановился перед Воротами.

— Что? Хм, как это могут быть только мои похороны?

Уилсон, онемев, смотрел, как Джо проходит сквозь Ворота. Чьи похороны? Он совсем не подумал об этом в таком разрезе. Ему вдруг ужасно захотелось броситься сквозь Ворота, догнать своего двойника и присмотреть за ним. Этот дурачок может натворить там дел. А если его убьют? Что тогда будет с Бобом Уилсоном? Он тогда тоже умрет!

Но может ли такое быть? Может ли смерть человека в будущем, которое отделяют от настоящего тысячи лет, убить его в 1952 году? Вдруг он увидел всю абсурдность этой ситуации и почувствовал большое облегчение. Действия Джо не могут подвергнуть его опасности — Уилсон вспомнил все, что Джо сделал, точнее, еще только должен будет сделать. Он поспорит с Дектором и в свое время вернется обратно через Ворота Времени. Ведь Джо — это он сам. Трудно было поверить в это.

Да, он был Джо. Точно так же, как он был номером первым. Они пройдут путь вслед за ним и окажутся на месте. Во всяком случае, должны оказаться.

Одну минуточку — значит, вся эта безумная история на том и закончится? Он сумел ускользнуть от Дектора, разобрался со своими двойниками и теперь остался при своих — если не считать выросшей щетины и, вероятно, шрама на верхней губе. Ладно, пора и честь знать. Теперь нужно побриться и снова приниматься за работу.

Пока Уилсон брился, он рассматривал в зеркале свое лицо и размышлял о том, почему не узнал себя в первый раз. Пришлось признать, что он никогда не разглядывал внимательно свое лицо. Уилсон всегда принимал его как некую данность, не представляющую особого интереса.

Теперь он чуть не свернул себе шею, пытаясь разглядеть свой профиль.

Когда он вышел из ванны, на глаза ему попались Ворота. Почему-то Уилсон решил, что к этому моменту они должны были исчезнуть. Однако они оставались на прежнем месте. Он внимательно осмотрел Ворота, обойдя их несколько раз кругом, стараясь при этом их не касаться. Неужели эта проклятая штука никогда не уберется из его комнаты? Ворота уже сыграли свою роль; почему Дектор до сих пор не закрыл их?

Уилсон встал перед ними, и им овладело странное ощущение, напоминающее то, которое тянет

людей спрыгнуть с огромной высоты вниз. Что произойдет, если он еще раз войдет туда? Что он там найдет? Он подумал об Арме. И той, другой — как ее звали? Возможно, Дектор так и не назвал ее имени.

Однако Уилсон заставил себя не думать о них и сел за стол. Если он собирается оставаться здесь — а у него нет никаких оснований сомневаться в этом, — он должен завершить свою диссертацию. Нужно же что-то есть, ему просто необходимо получить степень — тогда он сможет рассчитывать на приличную работу. Так на чем же он остановился?

Двадцать минут спустя Уилсон пришел к выводу, что диссертацию необходимо переписать с самого начала до самого конца. Ее основная тема — применение эмпирических методов к решению задач сравнительной метафизики и выражение решения в четких математических формулах — была сделана вполне грамотно, но теперь у него появилась масса новых сведений, которые требовали серьезного осмысления и обработки. Перечитывая диссертацию, Уилсон ужасно удивлялся своему догматизму. Раз за разом впадал он в картезианские софизмы, путая *понятные* рассуждения с *верными*.

Он попытался набросать новые тезисы, но оказалось, что существуют две проблемы, которые до сих пор остаются для него открытыми: проблема эго и проблема свободной воли. Когда они находились в комнате втроем, кто из них обладал его эго — кто был им самим? И почему получилось так, что он не мог изменить ход событий?

Ответ на первый вопрос поразил Уилсона своей абсурдной простотой. Эго — это и есть он сам. Я есть я — недоказанное и недоказуемое утверждение, которое можно испытать непосредственно. Кем же тогда были двое остальных? Несомненно, они были также твердо уверены в том же самом — он это хорошо помнил. Уилсон стал думать о том, как это можно поточнее сформулировать: эго есть некая черта, присущая сознанию, последняя отметка в постоянно развивающейся последовательности воспоминаний. Это звучало как некое обобщение, но Уилсон не был до конца уверен в его правильности; ему было просто необходимо перевести эти слова в математические символы. Слова содержали в себе такие странные ловушки.

Зазвонил телефон.

Уилсон механически поднял трубку.

— Алло.

— Это ты, Боб?

— Да, а с кем я говорю?

— Ну дорогой, это же Женевьева. Что с тобой сегодня происходит? Ты уже второй раз подряд не узнаешь мой голос.

В Уилсоне вдруг стало подниматься разочарование и раздражение. Вот еще одна проблема, которую ему никак не разрешить, — что ж, придется решить ее сейчас. Он проигнорировал ее жалобу.

— Послушай, Женевьева, я ведь говорил тебе, чтобы ты не звонила мне по телефону, когда я работаю. До свидания!

— Ну знаешь… после того… ты не имеешь права так разговаривать со мной, Боб Уилсон! Во-первых, ты сегодня не работаешь. Во-вторых, что заставляет тебя думать, что ты можешь говорить мне разные ласковые слова, а уже через два часа рычать на меня? Теперь я уже совсем не так уверена, что хочу выйти за тебя замуж.

— Ты думаешь, что я собираюсь на тебе жениться? С чего это тебе в голову пришла такая дурацкая мысль?

Несколько секунд трубка страшно верещала. Когда шум начал потихоньку стихать, он твердо сказал:

— А теперь успокойся. Сейчас не те времена, когда стоило парню несколько раз пригласить девушку на свидание, как он уже должен был на ней жениться.

Последовало короткое молчание.

— Значит, ты решил поиграть со мной? — Голос ее стал таким холодным, жестким и пронзительным, что Уилсон едва узнавал его. — Ну что ж, есть разные способы разобраться с таким, как ты. Слава богу, в нашем штате закон защищает женщину!

— Ты это должна хорошо знать, — со злостью ответил он, — ведь ты болтаешься в студенческом городке достаточно долго.

В трубке раздались короткие гудки.

Он отер пот со лба. Эта дамочка, тут у него не было никаких сомнений, могла устроить кучу неприятностей. Уилсона предупреждали об этих ее способностях еще до того, как он начал с ней встречаться, но он всегда был уверен в том, что сумеет позаботиться о себе. Следовало быть поосторожнее, но он никак не ожидал, что ситуация может так обостриться.

Он попробовал вернуться к работе над диссертацией, но обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться. Ему вдруг показалось, что последний

срок сдачи работы — 10 часов завтрашнего утра — надвигается на него стремительно и неотвратимо. Уилсон бросил взгляд на ручные часы. Они встали. Он поставил их по будильнику — четыре пятнадцать. Даже если он просидит всю ночь, ему все равно не довести диссертацию до конца.

А тут еще эта история с Женевьевой…

Снова зазвонил телефон. Уилсон не стал брать трубку. Пусть себе звонит. Однако телефон продолжал названивать. Он не выдержал, поднял трубку, а потом снова опустил ее на рычаг. Больше он с ней разговаривать не будет.

Уилсон подумал об Арме. Вот такая девушка ему вполне подходит. И ведет себя достойно. Он подошел к окну и посмотрел на пыльную, шумную улицу. Невольно Уилсон сравнил ее с видом, который открывался с балкона у Дектора — прекрасная зеленая лужайка, тишина и напоенный ароматами воздух. А здесь был тесный, душный мир. Уилсон в очередной раз пожалел, что Дектор не был с ним до конца откровенным.

И вдруг его осенило. Ведь Ворота все еще открыты! Зачем ему беспокоиться о Декторе? Он сам хозяин своей судьбы. Нужно вернуться и попытаться что-нибудь сделать — терять ему, в общем-то, нечего, а приобрести он может целый

мир.

Он подошел к самым Воротам и в раздумье остановился перед ними. Разумно ли он поступает? В конце концов, что ему вообще известно о будущем?

Он услышал приближающиеся шаги, кто-то шел по коридору мимо его квартиры, нет — человек остановился возле двери. Уилсон был убежден, что это Женевьева. Тогда он наконец решился и сделал шаг вперед.

В Зале Ворот никого не было. Он обошел вокруг платформы, на которой находилась консоль управления Воротами и, приближаясь к двери, услышал: «Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать». Две фигуры выходили в коридор. Уилсон сразу же их узнал и застыл на месте.

Да, он чуть-чуть не попался. Теперь нужно будет подождать, пока они уйдут. Уилсон осмотрелся, пытаясь разыскать место, где можно было бы спрятаться, но не нашел ничего подходящего, кроме бокса с консолью управления. Это ничего не давало — они должны были скоро вернуться. Однако…

Когда Уилсон входил в бокс, план действий уже начал смутно формироваться у него в голове. Если он сможет разобраться с управлением

Ворот, то у него появится шанс решить все проблемы сразу. Если только он сумеет включить отражатель, благодаря которому можно видеть, куда выходят Ворота Времени. Уилсон пытался вспомнить, что делал Дектор, когда включал это устройство. Совершенно машинально он полез в карман за спичками.

Однако вместо спичек ему в руку попал листок бумаги. Это был список Дектора. В нем перечислялись вещи, которые Уилсону нужно было принести из двадцатого столетия. События развивались так стремительно, что Уилсон так до сих пор и не посмотрел, что там перечислялось.

По мере того как он читал, брови его все выше поднимались. Это был очень странный список. Уилсон предполагал, что там перечислены разные научные книги, образцы современных приборов и устройств, оружие. Однако ничего подобного в списке не было. И все же все предметы в списке объединяла какая-то безумная логика. В конце концов, Дектор хорошо знал здешних людей. Возможно, им требовалось именно это.

Уилсон еще раз обдумал свой план, который основывался на том, что он сможет разобраться с управлением Воротами. Теперь он решил вернуться назад и сделать все закупки по списку

Дектора — только вот принесет он их сюда не для Дектора, а для себя. В полумраке бокса он пытался найти способ включить отражатель. Вдруг его рука наткнулась на что-то мягкое. Тихонько вскрикнув, он схватил эту штуку и вытащил ее на свет.

Это была его собственная шляпа.

Уилсон надел ее на голову, решив, что сюда шляпу засунул Дектор, и снова начал осторожно ощупывать все вокруг. На сей раз он нашел маленькую записную книжку. Похоже, что ему наконец повезло — очень может быть, там содержались указания по управлению Воротами. Уилсон начал нетерпеливо перелистывать странички.

Нет, это было совсем не то, на что он рассчитывал. Все странички аккуратно исписаны Дектором. На каждой — по три колонки: английские слова составляли первую, во второй использовались международные фонетические символы, а в третьей были совершенно незнакомые значки. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить: у него в руках оказался словарь. С широкой улыбкой он сунул книжечку в карман; Дектору наверняка потребовался не один месяц, может быть, даже годы ушли у него на то, чтобы

составить этот словарь. Теперь Уилсон сумеет воспользоваться плодами его трудов.

С третьей попытки ему удалось нажать на нужную кнопку — отражатель включился. Уилсон снова ощутил странную неловкость — он опять видел свою комнату — в ней, как и прежде, находилось два человека. Ему совсем не хотелось участвовать в этой сцене в четвертый раз — в этом он был уверен. Очень осторожно Уилсон коснулся одной из цветных сфер.

Сцена на экране отражателя мгновенно изменилась. Теперь Ворота зависли над студенческим городком на высоте третьего этажа. Он был очень доволен, что ему удалось убрать Ворота из своей комнаты, но высота в три этажа его не устраивала — так можно и шею свернуть. Повозившись немного с двумя другими сферами, Уилсон обнаружил, что одна из них позволяет приближать или удалять место выхода из Ворот, а другая перемещает выход вверх или вниз.

Уилсон хотел расположить Ворота так, чтобы они не привлекали постороннего внимания. Тут ему пришлось немного повозиться: идеального места попросту не существовало, поэтому в конце концов Уилсон выбрал глухую аллею, выходящую на маленький дворик, образованный

трансформаторной будкой подстанции и задней стеной библиотеки. Осторожно и не слишком ловко он все-таки сумел переместить Ворота в выбранное место, опустив их между глухими, без окон, стенами двух зданий. Должно сойти!

Выскользнув из бокса, Уилсон подошел к Воротам и без долгих колебаний шагнул обратно в свое время.

В результате он чуть не разбил нос о кирпичную стену.

«Еще немного, и дело бы закончилось для меня печально», — подумал он, вылезая из узкого промежутка между стеной и Воротами.

Круг висел дюймах в пятнадцати над землей, почти параллельно стене. Немного подумав, Уилсон решил, что между кругом и стеной достаточно места и ему можно не возвращаться обратно, чтобы чуть отодвинуть Ворота. Он быстро вышел из дворика и направился прямиком в местное отделение банка. За окном сидела его знакомая кассирша.

— Привет, Боб.

— Привет, Плакса. Возьмешь чек?

— На сколько?

— На двадцать долларов.

— Ну, могу рискнуть. А чек-то надежный?

— Не очень. Мой собственный.

— Тогда я могу вложить в него деньги как в раритет. — Она протянула ему деньги.

— Так и сделай, — посоветовал Уилсон. — Мои автографы станут большой редкостью, за ними будут охотиться коллекционеры. — Он взял деньги и направился в книжный магазин, который находился в том же здании. Большинство книг из списка нашлись на полках. Десять минут спустя он купил следующие книги:

«Государь» Никколо Макиавелли.

«Оборотная сторона выборов» Джеймса Фарли.

«Моя борьба» Адольфа Шикльгрубера.

«Как заводить друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги.

Остальных книг в магазине не было. Уилсон направился в университетскую библиотеку, где он раздобыл «Недвижимость. Пособие для брокеров», «Историю музыкальных инструментов» и толстый том «Эволюции моды». Последняя книга была роскошно издана, с многочисленными цветными иллюстрациями. Библиотекарь долго не хотел давать ее на дом, Уилсону лишь с большим трудом удалось его уговорить выдать ему книгу на двадцать четыре часа.

К этому моменту он был уже довольно солидно

нагружен, поэтому зашел в небольшой магазинчик и купил две здоровенные подержанные сумки, в одну из которых сложил книги. Оттуда он направился в крупнейший музыкальный магазин города и провел там сорок пять минут, выбирая пластинки, стараясь, чтобы они обладали максимальным эмоциональным воздействием; при этом он не пренебрегал ни джазом, ни классикой. В результате у него получился довольно-таки странный набор: от Марсельезы и «Болеро» Равеля до Кола Портера и «Послеполуденного отдыха фавна».

Потом Уилсон купил самый дорогой механический проигрыватель, хотя продавец всячески уговаривал его выбрать электрический. Выписав чек, он упаковал все покупки в сумки и попросил продавца вызвать ему такси.

У Уилсона возникло неприятное чувство, когда он расплачивался чеком. Это был чистой воды обман — у него на счету не осталось ни гроша. Он сразу стал настаивать, чтобы они обязательно позвонили в банк, — ведь ему так хотелось, чтобы они этого не делали. И сработало! Уилсон подумал, что установил мировой рекорд по выдаче фиктивных чеков — на тридцать тысяч лет.

Когда такси остановилось неподалеку от той

аллеи, где находились Ворота, Уилсон, горя от нетерпения, выскочил из машины и поспешил во дворик.

Ворота исчезли.

Он постоял несколько минут, тихонько насвистывая. Теперь он рассматривал свою хитроумную деятельность совсем под другим углом — ответственность за выдачу фиктивных чеков вдруг перестала быть чисто гипотетической.

Он почувствовал, как его потянули за рукав.

— Послушай, старина, тебе нужна машина или нет? Счетчик-то не выключен.

— Что? А, конечно. — Он последовал за шофером и забрался обратно в машину.

— Куда поедем?

Ясности с этим вопросом у Уилсона не было. Он посмотрел на часы, но тут же сообразил, что его часы просто не могут показывать правильное время.

— Который час?

— Два пятнадцать, — ответил шофер.

Уилсон переставил стрелки на часах.

Сейчас в его комнате идет такое веселье, что ему туда лучше нос не совать. Нет, домой он не поедет, во всяком случае, не сейчас. Подождет, когда его кровные братья закончат свои веселые

игры с Воротами.

Ворота!

Они еще были в его комнате в четверть пятого. Если он правильно рассчитает время…

— Поехали на угол Четвертой и Маккинли, — сказал Уилсон, назвав перекресток, ближайший к своему дому.

Там он расплатился с шофером и оставил сумки на хранение на заправочной станции. Теперь ему нужно было убить два часа. Уилсон боялся уходить далеко от дома, чтобы не произошло какой-нибудь накладки.

В этот момент Уилсон вспомнил, что у него осталось одно незаконченное дельце, — времени более чем достаточно, чтобы разобраться с ним. Весело насвистывая, он прошел пару кварталов и остановился перед дверями квартиры номер 211.

В ответ на его стук дверь осторожно приоткрылась, а потом и совсем распахнулась.

— Боб, милый. А я думала, что ты сегодня целый день работаешь.

— Приветик, Женевьева. Ничего подобного — у меня образовалось свободное время.

Она бросила взгляд через плечо.

— Вот уж не знаю, следует ли мне пускать тебя, — у меня даже посуда не вымыта и кровать

не застелена — я ведь тебя никак не ждала. Я еще только начала краситься.

— Не будь такой скромницей. — Он шагнул мимо нее в квартиру.

Выходя от Женевьевы, Уилсон посмотрел на часы. Полчетвертого — еще полно времени. Он шел по улице, а на лице у него было выражение, как у канарейки, которая только что пообедала кошкой.

* * *

Уилсон поблагодарил служащего бензоколонки, дал ему четверть доллара за беспокойство, после чего у него остался одинокий десятицентовик. Он посмотрел на монетку, усмехнулся, подошел к телефону-автомату и набрал свой собственный номер.

— Алло, — услышал он в трубке знакомый голос.

— Алло, — ответил он. — Это Боб Уилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею. — Широко улыбаясь, Уилсон повесил трубку.

В десять минут пятого Уилсон стал так нервничать, что больше уже не мог ждать. Пошатываясь под тяжестью двух набитых сумок, он зашагал к дому. Поднявшись по лестнице, он остановился перед дверью квартиры и услышал, как в комнате зазвонил телефон. Уилсон посмотрел на часы — пятнадцать минут пятого. Подождав три невыносимо долгих минуты, он открыл дверь и вошел в свою квартиру.

В комнате было пусто. Ворота были на месте.

Не останавливаясь, опасаясь только того, что Ворота могут в любой момент исчезнуть, пока он идет к ним, Уилсон покрепче перехватил сумки и шагнул в круг.

В Зале Ворот, к его несказанному облегчению, никого не было. Наконец-то ему повезло, с облегчением подумал Уилсон. Теперь ему нужно всего пять минут. Пять минут — больше он ничего не просит. Он оставил сумки рядом с Воротами, на тот случай, если ему придется быстро уносить ноги. Тут-то Уилсон и заметил, что у одной из сумок не хватает целого угла и из дыры торчит половина книги, перерезанной, словно гильотиной. Присмотревшись, Уилсон понял, что это «Моя борьба».

Он не стал особенно жалеть о потере книги,

но по спине у него пробежал холодок — Уилсон вдруг представил себе, что было бы, если бы на месте книги оказался он сам! Человек, разрезанный надвое, — и никаких тебе иллюзий!

Он отер лоб и направился к боксу, где помещалась консоль управления Воротами. Вспомнив объяснения Дектора, он свел все четыре сферы вместе. Выглянув из бокса, обнаружил, что Ворота исчезли.

«Вот так! — подумал он. — Все на нуле — и Ворот нет».

Он слегка подвинул белую сферу. Ворота появились. Включив отражатель, Уилсон убедился в том, что теперь Ворота выходят в зал. Пока все хорошо — но как ему узнать, сколько времени прошло? Глядя в зал, ничего не узнаешь. Он чуть дотронулся до сферы, при помощи которой происходило перемещение в горизонтальной плоскости. Теперь Ворота оказались висящими за стенами дворца. Вернув белую, временную сферу на ноль, он начал очень медленно перемещать ее. На отражателе солнце описало стремительную огненную дугу и скрылось за горизонтом; дни начали мелькать один за другим, периодически озаряя экран отражателя огненными дугами солнца. Уилсон увеличил скорость и увидел, как

побурела, побелела, а потом снова позеленела земля.

Действуя с величайшей осторожностью, придерживая правую руку левой, он заставлял год за годом маршировать перед ним на экране. Уилсон успел насчитать десять зим, когда послышались голоса. Он застыл на месте, прислушиваясь, а потом торопливо свел три сферы, соответствующие пространственным координатам, на ноле, оставив время как было — на десять лет смещенным в прошлое, — и выскочил из бокса.

Уилсон едва успел схватить сумки, поднять их и проскочить в Ворота. Правда, на этот раз он постарался не задеть края круга.

Как Уилсон и предполагал, он оказался в Зале Ворот, причем если ему удалось ничего не напутать, то теперь он переместился во времени на десять лет назад. Уилсон намеревался получить еще большую фору перед Дектором, но не успел. Однако, судя по словам Дектора и его черному блокнотику, тот сам пришел из двадцатого столетия, из чего следовало, что десяти лет должно было вполне хватить. Возможно, что Дектора в этом времени вообще не было. А если и был, то Уилсон в любой момент может сбежать при помощи Ворот Времени. А сейчас вполне разумно

все здесь разведать, прежде чем совершать новые перемещения во времени.

Уилсону вдруг пришло в голову, что Дектор может попытаться разыскать его при помощи отражателя Ворот Времени. Не сообразив, что быстрота в данном случае его все равно не спасет — ведь с экрана отражателя можно было заглянуть в любое время, — он торопливо потащил обе сумки в бокс. Оказавшись за спасительными стенами, он удовлетворенно вздохнул. Теперь он сам мог проследить за своим соперником. Все сферы были установлены на ноль; пользуясь уже знакомой техникой, Уилсон начал путешествие во времени — на десять лет вперед, после чего начал менять пространственные координаты, осторожно сводя их к нулю. Задача была очень трудной — нужно было проверить промежуток времени в несколько месяцев, который проскакивал на отражателе с такой быстротой, что его глаз не успевал следить за происходящим. Несколько раз ему показалось, что он заметил скользнувшие по экрану тени, которые вполне могли бы быть людьми, но ему никак не удавалось увидеть их, когда он останавливал сферу, контролирующую время.

Уилсон с раздражением подумал, что конструк-

тор Ворот Времени мог бы обеспечить их более удобной временной шкалой и чувствительной системой каких-нибудь реле, чтобы можно было медленнее изменять время. Только немного позднее он сообразил, что создателю Ворот Времени, вполне возможно, совсем и не требовалось такой точности, Уилсон уже готов был сдаться, когда в самый последний момент, по чистой случайности, его усилия были вознаграждены: появилась фигура.

Это был он сам с двумя тяжелыми сумками в руках. Уилсон увидел, как его фигура приближается к экрану отражателя, все больше растет и наконец исчезает. Он выглянул на площадку перед Воротами, ожидая, что сейчас из круга появится его очередной двойник.

Однако перед Воротами никто не появился. Сначала это его удивило, но потом он сообразил, что в том времени, в котором он находится, это событие уже произошло несколько минут назад. Теперь Уилсону оставалось только сидеть и наблюдать за тем, что произошло в Зале Ворот после того, как он ускользнул оттуда. Почти сразу же в Зале появились Дектор и очередной Уилсон. Он сразу вспомнил эпизод, который проигрывался сейчас на экране отражателя. Перед ним был

Боб Уилсон номер третий — сейчас он начнет спорить с Дектором, а потом ускользнет от него в двадцатое столетие.

Ничего другого Уилсону и не требовалось — Дектор не видел его и даже не предполагал, что Уилсон воспользовался без спросу Воротами Времени и прячется сейчас в прошлом. Значит, и искать Уилсона Дектор не станет. Он вернул все сферы на ноль и выкинул Дектора из головы.

Теперь у него возникли новые проблемы — прежде всего нужно было поесть. Тут только Уилсон удивился, почему он не позаботился о том, чтобы захватить с собой продуктов хотя бы на пару дней. Да и пистолет ему бы не помешал. Пришлось признать, что он не проявил необходимой предусмотрительности. Однако вряд ли следовало всерьез упрекать себя в чем-нибудь — события развивались с такой быстротой и непредсказуемостью, что он едва поспевал за ними.

— Что ж, старина Боб, — громко подбодрил он себя, — посмотрим, так ли приветливы и безобидны местные жители, как это утверждал Дектор.

Осторожное изучение покоев дворца убедило Уилсона, что в нем никто не живет — нигде ему не удалось найти ни души. Повсюду царила сте-

рильная чистота — никаких следов жизни. Он даже один раз крикнул, просто чтобы услышать звук собственного голоса. Пронзительное эхо заставило его вздрогнуть; больше он кричать не стал.

Архитектура дворца смущала Уилсона. Дело было даже не в том, что она была довольно странной — другого он и не ждал, — просто возникало ощущение, что дворец абсолютно не приспособлен для того, чтобы в нем жили человеческие существа. Огромные залы, в которых могли бы поместиться, наверное, десять тысяч человек, если бы им было на чем стоять. Во многих помещениях не было пола — в общепринятом смысле этого слова: Уилсон шел по коридору и неожиданно оказался перед входом в таинственное необъятное пространство, он чуть не свалился вниз, прежде чем сообразил, что пол под его ногами резко обрывается. Уилсон опустился на четвереньки, осторожно подполз к краю и заглянул вниз. Прямо впереди была глухая стена, которая так круто уходила в пустоту, что глаз даже не мог нащупать вертикальной поверхности. Далеко внизу стена начинала постепенно загибаться внутрь, пока на огромной глубине, под каким-то странным углом, не сходилась с дном.

Таких круто обрывающихся проходов, по которым невозможно было пройти человеку, Уилсон потом насчитал не один десяток.

— Исполины, — прошептал он, с благоговением глядя в открывшуюся перед ним бездну. Вся его храбрость исчезла. По своим следам, едва заметным на тонком слое пыли, он вернулся в уже хорошо знакомый Зал Ворот и только тут перевел дух.

Во второй раз Уилсон старался идти только по тем проходам, которые были явно предназначены для людей. Про себя он решил, что это, вероятно, та часть дворца, где должны были жить слуги, а может быть, и рабы. Здесь к нему постепенно вернулось мужество. Хотя тут тоже было совершенно пусто, эта часть дворца казалась приятной и даже веселой — особенно по сравнению с огромными помещениями, где, как он предположил, жили сами исполины. Уилсона несколько беспокоили немеркнущий яркий свет, источник которого он никак не мог определить, и мертвая тишина, нарушаемая лишь звуком его шагов.

Он почти потерял всякую надежду найти выход из дворца и уже собирался снова вернуться в Зал Ворот, когда коридор, по которому он шел, резко

повернул и Уилсон вышел на яркий солнечный свет.

Он стоял на вершине широкого крутого спуска, веерообразно уходившего вниз к основанию дворца. Далеко впереди и ниже, не менее чем в пятистах ярдах, твердое, каменное покрытие спуска переходило в гладкий зеленый газон. Далее Уилсон увидел тот самый прекрасный пейзаж, который открывался с балкона, где они с Дектором завтракали — несколько часов назад и десять лет спустя.

Он некоторое время постоял на месте, наслаждаясь теплыми лучами солнца, погружаясь в изумительную прелесть этого чудесного летнего дня.

— Все будет хорошо! — не удержавшись, воскликнул Уилсон. — Это замечательное место!

Он начал медленно спускаться вниз, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках людей. Уилсон находился на середине спуска, когда заметил маленькую фигурку, вышедшую из-за деревьев на поляну, к которой вел спуск. Он радостно закричал и замахал руками. Ребенок — а это, несомненно, был еще совсем маленький ребенок — посмотрел наверх, а потом стремглав бросился за деревья.

— Нельзя быть таким импульсивным, Роберт, — выругал Уилсон сам себя. — Не надо их так пугать. Веди себя поспокойнее.

Однако он не особенно расстроился — там, где дети, обязательно должны быть и их родители, некое сообщество людей, где обязательно предоставятся прекрасные возможности для молодого способного человека, умеющего во всем видеть положительный момент. Дальше Уилсон пошел еще медленнее.

В том самом месте, где исчез ребенок, появился мужчина. Уилсон остановился. Мужчина посмотрел на него, а потом сделал два несмелых шага вперед.

— Подойди ко мне, — ласково сказал Уилсон, — я не причиню тебе вреда.

Человек вряд ли его понял, но начал медленно подходить. Там, где кончался каменный спуск, он остановился. Было очевидно, что дальше он не пойдет.

Его манера поведения заставила Уилсона вспомнить то, что он видел во дворце, и то немногое, что успел рассказать ему Дектор.

«Если только все, что я проходил, изучая курс антропологии, имеет хоть какой-то смысл, — сказал он себе, — то дворец для него — табу, спуск, на

котором я стою, — табу, и, наконец, как следствие этого, я сам — табу. Ну, сынок, теперь нужно грамотно разыграть свою карту!»

Он подошел к самому краю каменного спуска, но сходить с него не стал. Человек мгновенно встал перед Уилсоном на колени, сложив перед собой руки и опустив голову. Без малейших колебаний Уилсон коснулся его лба. Человек поднялся на ноги с сияющим лицом.

— Ну, это совсем не интересно, — пробормотал Уилсон. — По правилам мне полагалось пристрелить его в тот момент, когда он поднимался с колен.

Его Пятница склонил голову набок, с некоторым удивлением посмотрел на Уилсона и ответил низким мелодичным голосом. Речь его была плавной и странной, напоминающей пение.

— Тебе бы записывать рекламные ролики, — с восхищением заметил Уилсон. — У многих наших звезд голоса намного хуже. Однако сейчас я хочу перекусить. Еда. — Уилсон показал на свой рот.

Человек непонимающе посмотрел на него и снова заговорил. Боб достал из кармана записную книжечку Дектора. Полистав ее, он нашел слово «еда», а потом разыскал «пищу». Оказалось, что эти слова совпадают.

— Блеллан, — медленно произнес Уилсон.

— Блеллааан?

— Блеллаааааан, — согласился Уилсон. — Прошу извинить за мой акцент. А теперь поторопись. — Он поискал в словарике слово «быстрее», но его там не было. Либо это понятие просто отсутствовало в их языке, либо Дектор посчитал, что он вполне может обойтись без него.

«Ну, — подумал Уилсон, — эту проблему мы решим быстро — если у них нет такого слова, я его для них изобрету».

Человек ушел.

Уилсон уселся по-турецки и стал ждать. Чтобы не терять даром времени, он принялся изучать записную книжку. Быстрота, с которой он сумеет подняться в этом обществе, зависит от того, как скоро он сумеет овладеть местным языком. Однако он успел познакомиться только с несколькими самыми общими понятиями, как новый знакомец вернулся. Вернулся не один.

Во главе процессии шел очень старый, седой, но безбородый человек. Да и все остальные мужчины были безбородые. Седовласый старик шествовал под балдахином, который несли четверо совершенно голых мужчин. Только на старике было достаточно одежды, чтобы появиться где-

нибудь в приличном обществе, — остальным место было разве что на пляже. Старик явно чувствовал себя неуютно в своем одеянии, напоминающем римскую тогу. То, что он был главным среди всех, не вызывало сомнения.

Уилсон принялся торопливо искать слово «вождь».

Это понятие обозначалось словом «Дектор».

Уилсон слегка оторопел. Было бы совершенно естественным предположить, что слово «Дектор» — скорее титул, нежели имя, но Уилсону это даже не приходило в голову.

Дектор — его знакомый Дектор — написал рядом небольшое примечание.

«Одно из нескольких слов, — прочитал Уилсон, — которое ведет свое происхождение от мертвых языков. Это слово и несколько дюжин других, а также сама грамматическая структура языка — единственное звено, связывающее язык „покинутых“ и английский».

Вождь остановился перед Уилсоном, не вставая, однако, на каменное покрытие спуска.

— Ну, Дектор, — приказал Уилсон, — на колени. Тут не может быть никаких исключений. — Он указал на землю. Вождь встал на колени. Уилсон коснулся его лба.

Они принесли более чем достаточно всякой еды, причем она оказалась весьма вкусной. Уилсон ел медленно, стараясь соблюдать важность и достоинство — положение обязывало. Пока он насыщался, вся компания начала для него петь. Уилсон должен был признать, что пели они просто великолепно. Мелодии показались ему довольно странными и немного примитивными, но голоса были кристально чистыми и мелодичными. У Уилсона создалось впечатление, что они сами получают удовольствие от своего пения.

Концерт навел Уилсона на одну мысль. Удовлетворив голод, он при помощи своей замечательной записной книжки объяснил вождю, что тот вместе со всей компанией должен подождать его на этом месте. Сам же сходил в Зал Ворот и принес оттуда дюжину пластинок и проигрыватель. И устроил им концерт «современной» музыки.

Их реакция превзошла все его ожидания. «Зарождение влюбленности» вызвало поток слез из глаз старого вождя. Музыка Первого фортепьянного концерта Чайковского ошеломила их. Они задрожали, обхватили головы руками и начали стонать. А когда стихли последние звуки, завопили от восторга. После этого Уилсон поставил «Болеро».

— Дектор, — задумчиво сказал Уилсон, и он обращался вовсе не к старому вождю, по лицу которого все еще текли слезы, — Дектор, старина, ты здорово все рассчитал, когда послал меня за этими покупками. Только учти — к тому времени, когда ты покажешься, если только это вообще произойдет, я буду здесь хозяином положения.

Подъем Уилсона к власти скорее напоминал триумфальное шествие, нежели борьбу с равными ему противниками; все произошло просто и естественно. После нескольких тысячелетий, проведенных человечеством под властью расы исполинов, оно так изменилось, что сходство с прежними людьми осталось чисто внешним. Кроткие доброжелательные дети, с которыми пришлось иметь дело Уилсону, невероятно отличались от хвастливой, вульгарной, динамичной и агрессивной расы, которая гордо называла себя гражданами Соединенных Штатов.

Примерно так кошки отличались от пантер, а кокер-спаниели от волков. Дух агрессии не был им присущ. И дело было не в том, что они деградировали интеллектуально или утратили способность к искусствам. У них пропал дух конкуренции, воля к победе.

Тут у Уилсона была монополия.

Но и ему быстро наскучила игра, в которой он всегда побеждал. Утвердив себя в качестве главы племени и устроив свою резиденцию во дворце, он тем самым доказал, что является прямым наследником власти ушедших исполинов. Первое время он был очень занят организацией сразу нескольких проектов, направленных на то, чтобы «возродить» культуру, — вновь изобрести старые музыкальные инструменты, почту, моды; он даже издал указ, запрещающий следовать одной и той же моде более одного сезона. На этот указ Уилсон возлагал особые надежды. Он рассчитывал, что проснувшийся у женщин интерес к одежде заставит мужчин начать соревноваться между собой. Этой культуре прежде всего не хватало духа соревнования, поэтому она и вырождалась. Уилсон попытался возродить этот дух.

Подданные Уилсона охотно выполняли все его желания, но делали это весьма своеобразно, как собака, выполняющая некий трюк не потому, что она понимает его, а просто оттого, что так желает господин.

Вскоре Уилсону это все надоело.

Однако тайны исполинов, а в особенности их Ворота Времени, продолжали занимать его. Уилсон был человеком действия только наполовину,

другая его половина была склонна к философии. Теперь пришла ее очередь.

Для него было интеллектуальной необходимостью понять психоматематические принципы феномена Ворот Времени. В конце концов ему удалось придумать некую модель — может быть, не слишком удачную, но зато удовлетворяющую всем требованиям. Представьте себе плоскую поверхность, лист бумаги или, еще лучше, шелковый платок — шелковый потому, что он мягкий и легко складывается, сохраняя при этом все свойства двумерного пространства на своей поверхности. Пусть нити ткани будут линиями времени; пусть искривления нитей представляют собой все три пространственных измерения.

Пятнышко чернил на платке станет Воротами Времени… Складывая платок, можно добиться того, что пятнышко окажется прижатым к любой точке на шелке. Сожмите эти две точки между большим и указательным пальцами — управление Воротами приведено в действие: Ворота открылись, и микроскопическая пылинка может перейти с одной поверхности платка на другую, не коснувшись его ни в какой другой точке.

Модель, конечно, несовершенна; картинка статична — но физическое восприятие неизбеж-

но ограничено чувственными возможностями субъекта, наблюдающего за экспериментом.

Он никак не мог решить: необходимо ли выходить в новое измерение для того, чтобы сложить четырехмерный континуум — три пространственных измерения и одно временное — и «открыть» Ворота? Так, во всяком случае, ему казалось, но это могло быть лишь следствием ограниченности возможностей человеческого мозга. Для того чтобы произошло «складывание», не требуется ничего, кроме пустого пространства, но само понятие «пустого пространства» было начисто лишено всякого смысла — он достаточно знал математику, чтобы понимать это.

Если пятое измерение необходимо для того, чтобы «держать» четырехмерный континуум, тогда совершенно очевидно, что число пространственных и временных измерений бесконечно; каждый следующий континуум требовал нового измерения, и так до бесконечности.

Но «бесконечность» — это еще один лишенный всякого смысла термин. «Открытые серии» звучат чуть получше, но не более того.

Еще одно соображение заставляло его предполагать, что существует еще хотя бы одно измерение, кроме тех четырех, которые он спосо-

бен воспринять, — сами Ворота Времени. Уилсон научился довольно уверенно управляться с ними, но у него не возникло даже самого смутного представления о том, как они работают, или о том, как их удалось построить. Ему казалось, что существа, построившие Ворота, должны были обладать некими сверхвозможностями, выходящими за рамки его понимания. Таким образом, он был вынужден признать, что понять природу Ворот ему не дано.

Уилсон подозревал, что, работая с консолью управления, он использует лишь минимальную часть колоссальных возможностей Ворот, часть, доступную его восприятию. Да и сам дворец мог быть всего лишь одним из трехмерных элементов некой огромной, многомерной структуры. Такая предпосылка могла помочь в его обреченных в противном случае на провал попытках понять удивительную архитектуру дворца.

Уилсона захватило непреодолимое желание узнать побольше об этих странных существах, но исполины, которые покорили расу людей и долгие годы управляли ими, построили дворец и Ворота, а потом ушли навсегда. Уилсон оказался здесь, вырванный из своего времени на многие тысячелетия вперед. А для людей, живущих тут,

исполины превратились в священный миф, в массу противоречивых традиций, и не более того. Не осталось ни одной картины, никаких следов их письменности. Ничего, кроме дворца Норкаал и Ворот Времени, да еще чувства невосполнимой утраты в сердцах расы, которой они управляли, чувства, так хорошо отраженного в том, как они сами называли себя, — покинутые.

При помощи четырех сфер и отражателя он путешествовал по времени, разыскивая строителей. Дело было весьма трудоемким. Быстро мелькающие тени, долгие поиски — и бесконечные неудачи.

Однажды он был уверен, что видел тень, на миг появившуюся на экране отражателя. Уилсон перевел время достаточно далеко назад, чтобы наверняка захватить нужный период, затем попросил принести ему побольше еды и стал ждать.

Он ждал три недели.

Возможно, тень проскочила в тот момент, когда он спал. Однако Уилсон был уверен, что находится в нужном временном отрезке; он продолжал свою вахту.

Наконец он увидел.

Что-то двигалось в сторону Ворот.

Когда Уилсон сумел заставить себя хоть немного успокоиться, оказалось, что он успел пробежать половину длинного коридора, ведущего к выходу из дворца. Он понял, что громкими отчаянными криками почти сорвал себе голос. Его все еще трясло.

Много позднее Уилсон заставил себя вернуться в зал, не глядя на экран, войти в бокс и быстро вывести все четыре сферы на ноль. Потом он стремительно выскочил из Зала Ворот и направился в свои комнаты. Более двух лет он не входил в Зал Ворот и не прикасался к управляющим сферам.

Что же произвело на Уилсона такое впечатление? Существа на экране не были какими-то слишком ужасными — более того, он даже не мог вспомнить, как именно они выглядели. Однако лишь один раз взглянув на них, Уилсон испытал такое чувство скорби, отчаяния и безнадежности, неизбывной тоски и потери, что даже вспоминать об этом ему было больно. Его эмоциям был нанесен такой сокрушительный удар, что он даже и помыслить не мог о повторении опыта. Скорее устрица научится играть на скрипке, чем Уилсон сможет долго испытывать подобные чувства.

Он осознал, что сумел узнать об исполинах все,

что мог узнать человек, и не сойти при этом с ума. У него пропало любопытство. Тень тех переживаний на долгие годы разрушила сон Уилсона, наполнив его невообразимыми кошмарами.

Уилсона беспокоила еще одна проблема — его собственные путешествия во времени. Он никак не мог до конца свыкнуться с мыслью, что встречался сам с собой, разговаривал с собой и даже дрался.

Так кто же из них был им самим?

Он знал, что был каждым из них, помнил все эпизоды. Но как быть с теми случаями, когда в комнате находилось более одного Боба Уилсона?

Уилсон был просто вынужден расширить понятие принципа неидентичности — «Ничто не идентично ничему, включая и самое себя», — включив в него понятие эго. В четырехмерном континууме всякое событие абсолютно оригинально, у него есть пространственные и временные координаты. Боб Уилсон, которым он является в данный момент, это совсем не тот же самый Боб Уилсон, которым он был десять минут назад. Каждый был отдельным элементом четырехмерного пространства. Один был во многих отношениях похож на другого, как два ломтя хлеба. Однако они не были одним и тем же Бобом

Уилсоном — их разделяло время.

Когда у него появились двойники, эта разница стала хорошо заметной, ведь теперь различие было уже в пространстве, а он устроен так, что мог увидеть это различие, в то время как различие во времени он лишь помнил. Думая о прошлом, он вспоминал превеликое множество разных Бобов Уилсонов: маленький ребенок, подросток, молодой человек. И все они, несомненно, были разными. Единственное, что их связывало в одно «я», — память Уилсона.

Аналогичным образом связаны между собой три — нет, четыре Боба Уилсона, появившиеся в его квартире в один странный суматошный день; он помнил, как был каждым из них. Таким образом, удивительным в результате оказывался лишь сам факт путешествия во времени.

Ну и еще кое-какие детали: природа «свободной воли», проблема энтропии, закон сохранения энергии и массы. Теперь он понимал, что последние два закона обязательно должны быть распространены на все случаи, в которых Ворота, или нечто вроде них, позволяли перемещаться массе и энергии из одного пространственно-временного континуума в другой. Ведь при переходе они продолжали сохранять все свои свойства. А

вот со свободной волей дело обстояло иначе. От этого Уилсон не мог отмахнуться — ведь он сам непосредственно испытал все это — однако его свободная воля раз за разом воссоздавала одну и ту же сцену. Очевидно, воля человека должна рассматриваться как один из факторов, определяющих процессы в данном континууме: свободная — для отдельного эго, предопределенная — для внешнего мира.

И все же тот факт, что он сумел ускользнуть от Дектора, видимо изменил ход событий. Уилсон находился здесь и управлял страной уже много лет, а Дектор так и не появился. Может быть, каждый акт истинного проявления свободной воли приводит к появлению нового варианта будущего? Многие философы считают именно так.

Создавалось впечатление, что в будущем вообще не будет Дектора — нигде и никогда.

К концу первого своего года, проведенного в будущем, Уилсон начал все больше и больше нервничать и терять уверенность.

«Проклятье, — думал он, — если Дектор вообще собирается появиться, то сейчас самое время это сделать».

Уилсону не терпелось вступить в схватку с ним и раз и навсегда выяснить, кто же из них будет

боссом.

По всей стране покинутых он велел выставить посты. Патрульные получили строжайшие инструкции арестовывать любого человека с волосами на лице и немедленно доставлять его во дворец. За Залом Ворот Уилсон наблюдал сам.

Он пытался найти Дектора в будущем, но ему не везло. Трижды он успевал заметить тень, но после долгих поисков всякий раз оказывалось, что это он сам. От скуки и любопытства он решил проследить за другой стороной процесса и попытаться найти свой прежний дом, находящийся в тридцати тысячах лет назад.

Задача оказалась нелегкой. Чем дальше от настоящего момента уходила сфера времени, тем труднее было ею управлять. Однажды во время этих экспериментов ему посчастливилось найти то, что он пытался разыскать когда-то: дополнительный верньер, предназначенный для более точной настройки. Оказывается, нужно было не перемещать сферу, а просто крутить ее.

Теперь он легко нашел двадцатое столетие, а нужный год ему помогли найти модели автомобилей, архитектура и другие бросающиеся в глаза детали. В конце концов нашел, как полагал, 1952 год. Аккуратная работа с тремя простран-

ственными координатами позволила ему найти университетский городок; на это тоже ушло немало времени: изображение на экране было довольно мелким, и разглядеть надписи на дорожных указателях не удавалось.

Он нашел свой дом, а потом расположил ворота в собственной комнате. Там было совсем пусто, кто-то вынес из комнаты всю мебель.

Тогда Уилсон перенесся на год назад. Теперь его ждал успех — мебель в комнате стояла так, как раньше, когда он в ней жил, но людей в ней не было. Уилсон стал вращать сферу, надеясь заметить тень.

Вот! Он остановил сферу. В комнате находилось три человека, но изображение было слишком мелким, чтобы он мог что-нибудь разглядеть. Он приблизил лицо к экрану отражателя и принялся внимательно наблюдать за происходящим.

Тут послышался какой-то негромкий звук за стенками бокса. Уилсон выпрямился и выглянул наружу.

На полу неподвижно распростерлась фигура. Рядом с ней валялась мятая, потрепанная шляпа.

Он долго стоял и молча смотрел на шляпу и неподвижного человека, а в голове его с безумной скоростью вращались колесики. Ему не нужно

было осматривать неподвижное тело, чтобы узнать, кто это. Он знал… он знал — это был он сам, только моложе на десять лет. Тот, кого он когда-то называл номер первый.

Сам по себе этот факт не слишком удивил его, Он, конечно, не ожидал ничего подобного, ведь ему уже давно казалось, что он живет в ином, альтернативном будущем, несовместимом с тем, в котором он прошел через Ворота Времени. Однако Уилсон понимал, что подобное вполне могло произойти, — поразился он совсем другому факту.

Когда Уилсон номер первый попал в Зал Ворот, единственным свидетелем этого события оказался сам Уилсон!

А из этого неопровержимым образом следовало, что он и есть Дектор. А другого Дектора никогда не было!

Ему не придется разбираться с Дектором, и бояться его не следовало. Потому что никакого другого Дектора не существовало!

Теперь, задним числом, он понимал, что только он и мог быть Дектором. Множество мелких фактов указывало на это. Однако раньше он не мог связать их между собой. Его сходство с Дектором было вызвано вполне объективными причинами

— ему хотелось получить превосходство перед своим потенциальным соперником и бессознательно Уилсон пытался на него походить. Именно по этой причине он и жил в тех самых комнатах, где жил Дектор.

То, что все здесь называли его Дектором, не удивляло Уилсона — они так называли всякого, кто управлял ими, даже тех вождей, которые от его имени управляли дальними провинциями.

Он отрастил бороду — точно такую же, как у Дектора, частично потому, что так выглядел тот Дектор, а еще из-за того, что все мужчины покинутого народа не имели на лице никакой растительности. Это поднимало престиж, усиливало табу. Он поскреб свой бородатый подбородок. И все же очень странно, что он не соотнес свою нынешнюю внешность с внешностью того Дектора. Но тот Дектор казался совсем пожилым человеком, на вид ему было лет сорок пять, а Уилсону сейчас было тридцать два, а тогда — двадцать два.

С другой стороны, если взглянуть на Уилсона глазами непредвзятого свидетеля, то ему вполне можно было дать больше сорока. В волосах и бороде поблескивала седина — она появилась после того, как он сумел-таки выследить исполинов.

Лицо испещряли морщины. Управлять страной, даже такой мирной и счастливой, как эта, было совсем непросто — не одну ночь он провел без сна, пытаясь разумно разрешить встающие перед правителем проблемы.

Нет, Уилсон не собирался жаловаться — у него была хорошая жизнь, прекрасная жизнь, много лучше той, что могла быть в далеком прошлом.

Так или иначе, но тогда он смотрел в лицо человека, которому было за сорок и чье лицо за прошедшие десять лет он успел забыть. И ему даже в голову не приходило сравнить свое лицо с тем, давно забытым.

Но были еще и другие детали. Например, Арма. Он выбрал подходящую девушку около трех лет назад и сделал ее одной из своих служанок, переименовав ее в Арму в память о той девушке, которую он тогда здесь встретил. В результате оказалось, что существует одна-единственная Арма.

Однако теперь ему казалось, что «первая» Арма была куда красивее.

Хм, скорее всего, это просто изменилось его собственное восприятие. Нельзя было не признать, что у него имелось куда больше возможностей любоваться на прекрасных женщин, чем у его

юного друга, лежащего перед ним на полу. Он со смешком вспомнил, как ему пришлось окружить себя сложной системой табу, чтобы избавиться от домогательств прекрасных дочерей своего народа — не насовсем, конечно! Он даже издал указ о том, что в одном из небольших озер неподалеку от дворца не разрешалось купаться никому, кроме него, — в противном случае ему было бы не отбиться от многочисленных русалок.

Человек на полу застонал, но глаз не открыл.

Уилсон, он же Дектор, наклонился над ним, но не сделал попытки привести его в чувство. В том, что этот человек не получил серьезных ранений, он не сомневался. Прежде чем он придет в себя, Уилсону необходимо было привести свои мысли в порядок.

Потому что ему нужно было кое-что сделать, причем сделать это тщательно, без ошибок.

«Каждый, — подумал он с кривой улыбкой, — должен позаботиться о собственном будущем».

Ему же необходимо навести порядок в своем прошлом.

Нужно было настроить Ворота Времени с тем, чтобы послать номер первый обратно. Он подключился к своей прежней комнате в тот самый момент, когда номер третий вмазал номеру пер-

вому, после чего тот влетел в Ворота Времени. Прежде чем послать его обратно, Уилсон должен сделать так, чтобы номер первый попал в свою комнату около двух часов того же дня. Задача довольно легкая — достаточно будет найти момент, когда Боб Уилсон сидит в комнате один и работает.

Однако Ворота Времени появились в его комнате гораздо позже — он сам их туда отправил несколько минут назад.

«Что-то все у меня перепуталось», — подумал Уилсон.

Нет, одну минуточку! Если он изменит время, то Ворота появятся в комнате раньше, останутся там, а там просто сольются с теми, которые появились позже. Да, пожалуй, все верно. Для того, кто находится в комнате, получится, что все это время Ворота оставались на месте, начиная с двух часов.

Так, собственно, и было. Уж он об этом позаботится.

Хотя он уже много лет был знаком с явлениями, возникающими при использовании Ворот Времени, требовались заметные интеллектуальные усилия, чтобы думать о подобных ситуациях с позиции Вечности.

Ага, вот шляпа. Он поднял ее и примерил. Немножко маловата, ничего удивительного нет: теперь он носит гораздо более длинные волосы. Шляпу нужно поместить туда, где ее будет легко найти. Ах да, на панель управления в боксе. И записную книжку тоже.

Записная книжка, записная книжка… Тут что-то странное. Украденная записная книжка совсем замусолилась от беспрестанного использования. Около четырех лет назад он самым тщательным образом переписал ее содержимое в новую, скорее для того, чтобы вспомнить английский, — остальное Уилсон уже давно выучил наизусть. Старую записную книжку он уничтожил — что ж, молодой Уилсон получит новую, значит можно считать, что записная книжка была только одна.

Две эти книжки были разными аспектами одного и того же процесса, необходимого для того, чтобы все события — следствия действия Ворот Времени — шли своим чередом.

Уилсон пожалел, что выбросил старую книжку. Если бы она была под рукой, он бы мог их сравнить и убедиться в том, что они идентичны, если не считать того, что одна совсем разваливается.

Но когда же он изучил язык настолько, что мог составить подробный словарь? Можно не

сомневаться, что когда он начал переносить его в новую книжку, ему она была совершенно не нужна — ведь язык-то он уже давно успел выучить.

Однако он перенес все записи в новую книжку.

Уилсон сумел выстроить физический процесс, последовательность событий стала ему в основном ясна, но вот интеллектуальная сторона проблемы представляла собой нерасторжимый, замкнутый круг. Будучи Дектором, он научил своего более молодого двойника языку, который Дектор узнал благодаря молодому двойнику, который, научившись языку, стал Дектором, после чего сумел научить языку более молодого Боба Уилсона.

Но с чего же все это началось?

Что было вначале: курица или яйцо?

Ты кормишь кошек крысами, свежуешь кошек, скармливаешь их крысам, которых, в свою очередь, съедают кошки. Бесконечный процесс производства кошачьих шкурок.

Если Бог создал мир, то кто создал Бога?

Кто заполнил эту книжечку в первый раз? Кто был первым звеном в цепи?

Уилсон почувствовал интеллектуальное бессилие, которое рано или поздно охватывает всякого честного философа. Он знал, что у него есть при-

мерно столько же шансов понять происходящие процессы, сколько у колли, задумавшейся над тем, как собачья еда попадает в консервные банки. Вот прикладная психология ему по силам — тут Уилсон подумал, что ему нужно обязательно включить соответствующие книги в список, который он потом отдаст своему более молодому «я». Они ему очень пригодятся при решении проблем, возникающих у всякого главы государства.

Человек на полу зашевелился и сел. Уилсон знал, что пришло время, когда он должен обеспечить свое прошлое. Однако он не слишком беспокоился — у него было ощущение игрока, которому начало везти, и теперь он точно знает, как в следующий раз упадут кости.

Он склонился над своим молодым «я».

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Кажется, да, — хрипло отозвался молодой Уилсон. Он провел рукой по перепачканному кровью лицу. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может, — попытался утешить его Уилсон. — Ты вывалился сюда головой вперед.

Молодой Уилсон явно плохо понимал, что ему говорят. Он ошеломленно оглядывался по сторонам, пытаясь сообразить, куда он попал. Наконец

он спросил:

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно, — ответил Уилсон. Он кивнул в сторону Ворот, надеясь, что их вид поможет сориентироваться молодому Бобу.

Тот посмотрел через плечо в указанном направлении, вздрогнул и закрыл глаза. Когда он через некоторое время открыл их, Уилсону показалось, что молодой Боб начинает понемногу приходить в себя.

— Значит, я попал сюда через него? — спросил молодой Боб.

— Да, — уверил его Уилсон.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот священного дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

Эта информация, судя по всему, не слишком подбодрила молодого Боба. Он встал и нетвердой походкой направился в сторону Ворот.

Уилсон положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. — Уилсон не мог отпустить его сейчас, пока он не запрограммировал Ворота

заново. Кроме того, Боб все еще был сильно пьян — от него несло как из пивной бочки. — Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба. Если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее.

Прекрасное будущее!

Аквариум с золотыми рыбками[90]
Рассказ

На горизонте виднелось неподвижное облако. Его подпирали невероятных размеров смерчи — Гавайские Столбы.

Капитан Блейк опустил бинокль:

— Ну что ж, джентльмены, вот и они.

Кроме вахтенных, на мостике гидрографического судна ВМФ США «Мэхен» находились двое гражданских; к ним капитан и обращался. Старший из них, тот, что пониже ростом, внимательно вгляделся в подзорную трубу, позаимствованную у рулевого.

— Я не могу их разглядеть, — пожаловался он.

— Ну так попробуйте мой бинокль, — предложил ему Блейк. Он обернулся к стоящему на палубе офицеру. — Мистер Мотт, пошлите, пожалуйста, к носовому дальномеру.

Лейтенант Мотт поймал взгляд вахтенного старшины, прислушивавшегося с почтитель-

---

[90] Примечания: 90
Перевод В. Ларионова

ного расстояния к разговору, и сделал ему знак. Старшина, шагнув к микрофону, подал сигнал «Внимание!», и металлический голос громкоговорителя заполнил судно, заглушив последние слова капитана.

— Пе-е-ерррвый дальномеррр! Прррриступить к рррработе!

— Я спросил, — повторил капитан, — не лучше ли видно с этим.

— Мне кажется, я вижу, — сказал Джекобсон Грейвс. — Две черные вертикальные полоски от самого облака до горизонта.

— Они самые.

Другой штатский, Билл Эйзенберг, вооружился подзорной трубой, когда Грейвс предпочел ей бинокль.

— Ага, я тоже вижу, — заявил он. — С трубой все в порядке, док. Но они вовсе не такие огромные, как я ожидал.

— Они все еще за горизонтом, — объяснил Блейк. — Вы видите только самые верхушки. А они вздымаются на одиннадцать тысяч футов от поверхности воды до облака — если, конечно, они еще продолжают расти.

Грейвс тут же отреагировал на нотку сомнения, прозвучавшую в голосе капитана:

— А почему такая оговорка? Ведь они не меняются, верно?

Капитан Блейк пожал плечами:

— Совершенно верно. Вон они, прямо по носу. Но их там вообще не должно было быть — четыре месяца назад их не существовало. Откуда мне знать, что с ними станет сегодня или завтра?

Грейвс кивнул:

— Согласен с вами. Нельзя ли оценить их высоту по расстоянию?

— Посмотрим. — Блейк обернулся к штурманской рубке. — Какие отсчеты, Арчи?

— Секундочку, капитан. — Штурман наклонился к переговорной трубке. — Дистанция!

Искаженный трубой голос ответил: «Первый дальномер — нет отсчетов».

— Больше двадцати миль, — задумчиво сказал Блейк. — Придется подождать, доктор.

Рулевой по приказу лейтенанта Мотта трижды ударил в рынду. Капитан ушел с мостика, напомнив напоследок, чтобы ему дали знать, когда корабль окажется в трех милях от Столбов. Грейвс с Эйзенбергом последовали за ним; оставалось немного времени до обеда в обществе капитана, и нужно было успеть переодеться.

Капитан Блейк был старомоден — никаких

деловых разговоров за обедом. Только когда наступило время кофе и сигар, он продолжил прежнюю тему.

— Ну что ж, джентльмены, — закурив, начал он. — Что, собственно, вы предлагаете делать?

— А вам в Военно-морском министерстве разве не объяснили? — спросил Грейвс.

— Не все. Я получил письмо с указанием предоставить судно и экипаж в ваше распоряжение для исследований Столбов, а два дня назад пришел приказ принять вас на борт сегодня утром. И никаких подробностей.

Грейвс бросил обеспокоенный взгляд на Эйзенберга, затем снова обратился к капитану:

— Кхм… Мы предполагаем, капитан, подняться по Столбу Канака и спуститься по Вахини.

Блейк уставился на него, начал было говорить, замолчал и наконец продолжил:

— Я надеюсь, вы меня извините, доктор, мне не хотелось бы показаться грубым, но это выглядит так, как будто вы свихнулись. Это не самый лучший способ совершить самоубийство.

— Конечно, это может оказаться несколько опасным…

— М-да!..

— …но у нас есть средства для осуществления

этого плана, если только, как мы предполагаем, вода поднимается наверх по Столбу Канака и спускается вниз по Вахини. — Он стал описывать свой план.

У них с Эйзенбергом на двоих двадцать пять лет опыта работы с батисферой, восемь у Эйзенберга и семнадцать у самого Грейвса. Они доставили на борт «Мэхена» переоборудованную батисферу — сейчас она, запакованная, лежит на корме. Внешне это обычная батисфера, только без грузов; зато внутри она скорее напоминает бочку, в которой рехнувшиеся любители острых ощущений совершают свои столь же эффектные, сколь и бесполезные, полеты в Ниагаре. Воздуха там хватит на сорок восемь часов, пусть и не слишком свежего, но вполне пригодного для дыхания. Там есть вода и концентраты — тоже достаточно на весь срок; и даже примитивный санузел.

Но главная особенность батисферы — это противоперегрузочное устройство, знаменитый корсет, то есть спасательный жилет, в котором человек висит, не касаясь стен, в пружинной подвеске. В этой штуке человек вполне может пережить самую суровую взбучку. Им можно выстрелить из пушки, сбросить с горы, даже отдать грузчикам багажа для их садистских развлечений

— и все равно кости и внутренности будут целы.

Блейк ткнул пальцем в набросок, которым Грейвс иллюстрировал свое описание:

— Вы действительно собираетесь взобраться на Столбы в этой штуке?

Вмешался Эйзенберг:

— Нет, капитан, это не он, а я собираюсь.

Грейвс покраснел:

— Мой проклятый доктор…

— И ваши коллеги, — добавил Эйзенберг. — Дело вот в чем, капитан: с нервами у дока все в порядке, но сердце у него пошаливает, с артериями не все ладно, да и уши после стольких погружений… В общем, институт отправил меня присматривать за ним.

— Послушай, Билл, — запротестовал Грейвс, — не надо же воспринимать все это буквально. Я старый человек; мне больше никогда не выпадет такого случая…

— Не пойдет, — отрезал Эйзенберг. — Капитан, я должен поставить вас в известность, что институт выдал мне доверенность на управление этим аппаратом, специально чтобы старый боевой конь не помчался на зов трубы.

— Это ваши проблемы, — раздраженно ответил Блейк. — Мне даны инструкции оказать

содействие исследованиям доктора Грейвса. Предположим, что кто-то из вас желает упокоиться в этом стальном гробу. Каким образом вы собираетесь добраться до восходящего Столба?

— Ну, это ваша забота, капитан. Вы доставляете сферу к восходящему Столбу и подбираете ее, когда она спустится по нисходящему.

Капитан поджал губы, затем медленно покачал головой:

— Я не смогу этого сделать.

— Как это? Почему?

— Мой корабль не подойдет к Столбам ближе чем на три мили. «Мэхен» — крепкое судно, но не слишком быстроходное. Мы не можем делать больше двенадцати узлов. Где-то внутри этого трехмильного круга скорость поверхностного течения, которое питает Столб Канака, превосходит двенадцать узлов. Мне бы не хотелось найти это место ценой потери корабля. За последнее время пропало беспрецедентное количество рыболовецких судов с близлежащих островов. Я не хочу, чтобы «Мэхен» попал в их число.

— Думаете, их затянуло в Столб?

— Уверен.

— Но все-таки, капитан, — настаивал Билл Эйзенберг, — вам ведь и не нужно рисковать

кораблем. Сферу можно опустить со шлюпки.

Блейк покачал головой.

— И речи быть не может, — категорически отрезал он. — Даже если бы наши шлюпки и годились для такой работы — а они для нее совершенно не приспособлены, — я бы все равно не стал рисковать людьми. Мы не на войне.

— Интересно, — задумчиво сказал Гревс.

— Что именно?

Эйзенберг хмыкнул:

— Док у нас романтик — он считает, что все непонятные события, которые произошли за последние несколько лет, можно сгрести в одну кучу и объяснить одним-единственным источником зла — все, начиная Столбами и кончая огнями Лагранжа.

— Шаровые молнии Лагранжа? Какая тут может быть связь? Это просто статическое электричество, то же самое, что и обычная молния. Да знаю, видел я их.

* * *

Ученые сразу насторожились, научное любопытство отодвинуло на задний план и задетое самолюбие Грейвса, и недоверчивое удивление Эйзенберга.

— В самом деле видели? Где? Когда?

— На площадке для гольфа, в Хило. В марте прошлого года. Я там…

— ТОТ САМЫЙ случай! Как раз там и произошло одно из исчезновений!

— Ну конечно. Я об этом вам и говорю. Я стоял у лунки на тринадцатом поле и вдруг вижу…

Да, день был прекрасный, барометр в норме, легкий бриз. Никаких признаков перемены погоды, число солнечных пятен далеко от максимума, статических помех по радио тоже не было. Совершенно неожиданно полдюжины или даже больше огненных шаров, шаровых молний гигантских размеров поплыли цепью над полем; некоторые из очевидцев утверждали, что строго по прямой, а иные с этим не соглашались.

Одна из женщин, туристка с материка, завизжала и бросилась бежать. Крайний в цепи шар, ближний к ней, отклонился от своей траектории и запрыгал за ней. Никто не заметил, чтобы он к ней прикоснулся — Блейк ничего не мог сказать, хотя он и видел, как все происходило, — но когда шар ушел, женщина лежала на траве. Мертвая.

Местный эскулап, человек с весьма, скажем так, яркой репутацией, утверждал, что обнаружил в тканях трупа следы коагуляции и электролиза,

но присяжные, рассматривавшие этот случай, согласились с коронером и признали это сердечным приступом, что с удовольствием восприняли местная торговая палата и туристическое бюро.

Человек, который исчез, не пытался бежать; его судьба сама пришла за ним. Это был парень, который подносит мячи, метис с японской, португальской и канакской кровью. Родных у него не было, и это сильно облегчило бы задачу по сокрытию информации, если бы об этом не пронюхал один репортер.

— Он стоял на траве не более чем в двадцати пяти ярдах от меня, — вспоминал Блейк, — когда приблизились эти шары. Они по одному прошли мимо меня. Кожа у меня зудела, а волосы встали дыбом. Я ощущал запах озона. Я стоял неподвижно…

— Вот это вас и спасло, — заметил Грейвс.

— Чушь, — сказал Эйзенберг. — А вот то, что он стоял на сухом песке возле лунки — именно это его и спасло.

— Ерунду ты говоришь, Билл, — устало бросил Грейвс, — этими огненными штуками двигал разум.

Блейк задумался, вспоминая.

— Почему вы так полагаете, доктор?

— Да нет, не обращайте внимания. Продолжайте, пожалуйста.

— Гм. Ну так вот, они прошли мимо меня. Тот парень с мячами был прямо на пути у одного из них. И он, пожалуй, не видел их — стоял к ним спиной. Шар приблизился к нему, вобрал его в себя и двинулся дальше. А мальчишка исчез.

Грейвс кивнул:

— Это согласуется с отчетами, которые я читал.

— Странно, я не припоминаю, чтобы ваше имя там фигурировало.

— Я не вылезал, — коротко ответил Блейк. — Терпеть не могу репортеров.

— М-да. А можете что-нибудь добавить к тем сообщениям? Были в них какие-нибудь ошибки?

— Вроде бы нет. Они писали что-нибудь о сумке для клюшек, которая была у того парня?

— По-моему, нет.

— Ее ведь нашли на пляже, в шести милях оттуда.

Эйзенберг сел:

— Вот это новость. Скажите-ка, кто-нибудь обратил внимание, насколько далеко они разлетелись? Насколько сильно они были поломаны?

Блейк покачал головой:

— На них не было даже царапин, и песок под

ними не был потревожен. Они просто были холодными. Как лед.

* * *

Грейвс ждал продолжения рассказа. Не дождавшись, спросил:

— Ну и что же вы обо всем этом думаете?

— Я? Ничего.

— Как вы это объясняете?

— Никак не объясняю. Необычное электрическое явление. Впрочем, если угодно, я могу высказать свою версию. Этот огненный шар — электростатическое поле, обладающее очень большим потенциалом. Оно захватило парня и зарядило его, после чего парень укатил, словно шарик из сердцевины бузины на уроке физики, — не парень, конечно, а его труп. Когда заряд иссяк, труп упал в море.

— Вот как? Подобный случай был в Канзасе, там довольно далеко от моря.

— Может, тело просто не удалось найти.

— Никогда не удается. Но пусть все будет по-вашему; как вы объясните, что клюшки были так аккуратно положены? И почему они были холодными?

— Да черт возьми, говорю же вам, не знаю! Я

не теоретик; по профессии я флотский инженер и эмпирик по духу. Я надеялся, что вы мне все объясните.

— Ну ладно. Только имейте в виду, что у меня лишь предварительная гипотеза, в качестве основы для исследования. Я рассматриваю эти явления — Столбы, гигантские шаровые молнии и ряд других разнородных событий, которые не должны были бы происходить, но тем не менее происходят. Вот, например, любопытный случай с небольшим горным пиком к югу от Булдера, что в штате Колорадо, — у него «самопроизвольно» исчезла вершина. Во всех этих событиях я вижу признаки вмешательства разума, некую сознательную деятельность. — Он пожал плечами. — Назовем это Икс-фактором. Я ищу этот Икс.

Эйзенберг соболезнующе ухмыльнулся.

— Бедняга док, — вздохнул он. — Наконец-то его прорвало.

Его собеседники предпочли не реагировать на сарказм.

Блейк спросил:

— Вы ведь, вообще-то, ихтиолог, не так ли?

— Да.

— Почему же вы решили этим заняться?

— Не знаю. Из любопытства, наверное. Мой пылкий юный друг наверняка вам скажет, что все ихтиологи слегка с приветом.

Блейк обратился к Эйзенбергу:

— А вы разве не ихтиолог?

— Да что вы! Я океанограф и специализируюсь в экологии.

— Ишь как уворачивается. Расскажи-ка лучше капитану Блейку про Клео и Патру.

Эйзенберг слегка смутился.

— Это очень симпатичные существа, — с вызовом сообщил он.

Блейк был заинтригован. Грейвс объяснил ему:

— Он вышучивает меня, а у самого тоже есть ахиллесова пята. Пара золотых рыбок. Представляете! Можете заглянуть в умывальник в его каюте.

— Научный интерес? — с непроницаемым выражением лица поинтересовался Блейк.

— О нет! Он полагает, что они чрезвычайно преданы ему.

— Это замечательные существа, — стоял на своем Эйзенберг. — Они не лают, не царапаются, не пачкают. А Клео настолько выразительна!

* * *

Несмотря на свое первоначальное сопротивление их планам, Блейк начал активно искать способ совершить задуманный эксперимент, не подвергая риску экипаж или судно. Эта пара начала ему нравиться; его покорило это сочетание самоотверженности и предельной осторожности. Они были настоящими профессионалами. Экономическая мотивация для него, как и для них, была чем-то второстепенным.

Для проверки механизмов батисферы он предложил услуги своего старшего водолаза, сержанта-отставника.

— Да, кстати, вы знаете, есть основания предполагать, что ваша батисфера действительно может сделать этот круг, помимо того что все поднявшееся должно рано или поздно спуститься. Вы слышали о VJ-четырнадцать?

— Это не тот гидросамолет, что пропал в самом начале исследований?

— Да. — Он позвонил вестовому. — Принесите папку с документами по VJ-четырнадцать.

Воздушная разведка с целью разобраться со странным «застывшим облаком» с водяными отростками была предпринята сразу после его об-

наружения. Узнать удалось немногое. Самолеты залетали в облака. Тут же пропадало зажигание; выходить из облака приходилось в режиме планирования, других повреждений не было, и сразу по выходе из облака зажигание вновь было в порядке. Назад в облако — снова отказывают моторы. По вертикали облако простиралось выше, чем потолок любого самолета.

— VJ-четырнадцать выполнял облет Столбов двенадцатого мая, — рассказывал Блейк, время от времени заглядывая в папку, — его сопровождал корабль ВМФ «Пеликан». Кроме пилота и радиста, на борту самолета были кинооператор и главный аэрограф. Собственно, для нас существенны только две последние записи: «Меняю курс. Направляюсь между Столбами — четырнадцатый» и вот еще: «ноль девять — тринадцать — самолет не слушается управления — четырнадцатый». С «Пеликана» в телескоп увидели, что самолет по крутой спирали стал подниматься вокруг Столба Канака, сделал примерно полтора оборота, а затем его засосало в Столб. Падения не видели. Между прочим, с пилота, э-э-э… лейтенанта Мэтсона по итогам проведенного расследования сняли все обвинения. Посмертно… А вот это-то нам и нужно, это из судового журнала «Пели-

кана»: «семнадцать — ноль девять — поднят обломок, отождествленный как деталь VJ-четырнадцать. Описание смотри на вкладыше». Ну, это описание для нас не важно. Дело в том, что этот обломок они нашли в четырех милях от основания столба Вахини, в противоположной стороне от Канака. Вывод очевиден — похоже, ваша схема верна. Правда, это не означает, что вы выживете.

— Я попытаюсь, — заявил Эйзенберг.

— Мм. Да. Но я бы советовал вам послать туда что-нибудь неживое — скажем, упаковку яиц в большой бочке.

Прозвенел вызов с мостика. Капитан поднял голову к медному рупору:

— Слушаю!

— Пробило восемь, капитан. Срок каторги истек. Заключенные спокойны.

— Спасибо. — Капитан поднялся из-за стола. — Давайте утром обсудим наш план.

* * *

Пятидесятифутовая моторная шлюпка покачивалась за кормой «Мэхена». К толстому буксирному линю, соединявшему шлюпку с кораблем, был привязан телефонный провод, заканчивающийся парой наушников на голове у

сигнальщика, который расположился на корме шлюпки. Рядом с последним лежали сигнальные флаги и подзорная труба. Из-под задравшейся робы сверкала яркая обложка «Жутких историй» — взял с собой, чтобы не умереть от скуки.

Экипаж состоял из рулевого, моториста, шлюпочного старшины, ну и конечно, Грейвса и Эйзенберга. На носу шлюпки располагался бочонок с питьевой водой, две пятидесятигаллонные канистры с бензином и большая бочка. В ней был не только тщательно упакованный контейнер с яйцами, но еще и дымовое сигнальное устройство, которое приводилось в действие тремя способами: часовым механизмом с задержкой на восемь, девять или десять часов; радиоуправляемым реле, которое включалось с корабля, и наконец, при попадании соленой воды также должны были замкнуться контакты. Старший водолаз, бывший торпедист, заботам которого поручили сбрасывание бочки, уверял, что хоть одно из этих устройств сработает и поможет найти бочку. Сейчас он занимался батисферой, пристраивая к ней аналогичное, но еще более надежное устройство.

Шлюпочный старшина просигналил на мостик о готовности. Усиленный мегафоном голос прогремел в ответ: «Травли помалу!» Шлюпка

начала медленно удаляться от корабля в направлении Столба Канака, до которого было около трех миль.

* * *

Столб нависал над ними. До него еще оставалось более мили, но он уже подавлял своей громадой. То место, где он сливался с облаком, было почти над головой, и казалось, что Столб валится на них. Пятисотфутовый хобот был иссиня-черным, как будто это была не вода, а вороненая сталь.

— Рулевой, попробуйте снова запустить мотор!

— Есть, сэр!

Мотор кашлянул и заработал устойчиво, моторист включил сцепление, винт врезался в воду, и лодка рванулась вперед, ослабляя натяжение буксирного троса.

— Линь ослаб, сэр.

— Стоп мотор. — Шлюпочный старшина повернулся к пассажирам. — Что случилось, мистер Эйзенберг? Дрожь в коленях?

— Нет, черт возьми, морская болезнь. Не переношу эти маленькие лодки.

— Ничего не поделаешь. Я сейчас погляжу, может, там в провизии найдутся соленые огурцы.

— Нет, спасибо, огурцы мне не помогают. Ничего, я потерплю.

Старшина пожал плечами, отвернулся и скользнул взглядом по Столбу, вздымающемуся на головокружительную высоту. Он присвистнул, как и всякий раз, когда глядел на Столб. Эйзенберг, ставший раздражительным из-за своего недомогания, почувствовал, что с удовольствием кинул бы в него что-нибудь тяжелое.

— Фью! И вы действительно намерены залезть на эту штуку, мистер Эйзенберг?

— Да, действительно!

Старшина, ошарашенный его тоном, неловко засмеялся и добавил:

— Если хотите знать мое мнение, это будет похлеще морской болезни.

Его мнением никто не поинтересовался. Грейвс знал темперамент своего друга и понимал, что лучше пока помолчать.

— Попробуйте-ка еще раз запустить мотор.

Почти тут же рулевой сообщил:

— Стартер не работает, сэр.

— Помогите мотористу раскрутить маховик. Я послежу за румпелем.

Вдвоем они легко прокрутили ротор, но мотор оставался нем.

— Запускай!

И снова никакого толку.

Старшина оставил бесполезный румпель и спустился вниз, к мотору, со свежими силами пытаясь его раскрутить. Оглянувшись, дал команду сигнальщику сообщить о происшедшем на корабль.

— Я шлюпка три, вызываю мостик. Я шлюпка три, вызываю мостик. Мостик, отвечайте! Раз, два, три. — Сигнальщик сдвинул один наушник. — Телефон молчит, сэр.

— Займись флагами. Передай им, чтобы вытягивали нас отсюда! — Старшина вытер пот со лба и выпрямился.

Он нервно оглянулся на волны, хлопавшие по борту шлюпки. Грейвс коснулся его плеча:

— Как насчет бочки?

— Скиньте за борт, если хотите. Я занят. Ты что, не можешь их вызвать, Сирс?

— Я пытаюсь, сэр.

— Давай, Билл, — обратился Грейвс к Эйзенбергу.

Они прошли на нос, стараясь не задеть троих моряков, взмокших от усилий запустить мотор. Грейвс обрезал веревки, крепившие бочку, и они попытались поднять этот неуклюжий груз.

Вместе со своим пустячным содержимым бочка весила меньше двухсот фунтов, но двигать ее было очень неудобно, особенно в раскачивающейся шлюпке.

Наконец они выкинули ее за борт, отделавшись отдавленным пальцем у Эйзенберга и синяком на ноге Грейвса. Тяжело плюхнувшись в воду, бочка окатила их фонтаном теплой соленой воды и, покачиваясь, как поплавок, быстро поплыла вдоль борта шлюпки, влекомая течением к Столбу Канака.

— Корабль отвечает, сэр!

— Наконец-то! Передай им, чтобы буксировали нас — но очень потихоньку.

Старшина оставил мотор в покое и бросился на нос, проверить, надежно ли закреплен канат.

Грейвс тронул его за плечо:

— А мы не можем побыть здесь, пока не убедимся, что бочка захвачена Столбом?

— Нет! Чем переживать за бочку, вы лучше помолитесь, чтобы линь выдержал, а то мы тоже полезем на Столб. Сирс, ответил корабль?

— Вот только что, сэр.

— А зачем канат, мистер Паркер? — поинтересовался Эйзенберг, забыв от возбуждения о своей болезни. — Я думаю, стальной или хотя бы

манильский трос был бы надежнее.

— Затем, что кокосовый держится на плаву, а остальные — нет, — раздраженно ответил старшина. — Две мили троса утащили бы нас на дно. Сирс! Передайте, пусть ослабят трос. Мы черпаем воду.

— Есть, сэр!

И четырех минут не понадобилось бочке, чтобы достигнуть Столба и быть захваченной им. Все это Грейвс наблюдал в трубу, взятую у сигнальщика, за что удостоился злобного взгляда, брошенного на него старшиной. Через несколько минут, когда лодка удалилась ярдов на пятьсот от Столбов, вдруг ожил телефон. Тут же проверили стартер; мотор послушно взревел.

Обратный путь проделали с небольшой скоростью, чтобы только выбирать натяжение буксирного троса, слегка маневрируя, чтобы не зацепить его винтами.

Дымовая шашка, запущенная одним из трех механизмов, сработала. Клуб дыма был отмечен на расстоянии в две мили от Столба Вахини, через восемь часов после того, как бочка оказалась у Канака.

* * *

Билл Эйзенберг уселся в седло противокессонного тренажера — ему предстояло тридцать минут тяжелой работы, чтобы усилить циркуляцию крови. При этом надо было дышать кислородно-гелиевой смесью — гелий должен был вытеснить растворенный в крови азот. Сам тренажер был простым старым велосипедом, закрепленным на распорках. Блейк оглядел его.

— Вам не нужно было тащить с собой эту штуку. У нас на борту есть получше. Сейчас для водолазов это обычное дело.

— Мы же не знали, — ответил Грейвс. — Неважно, сойдет и этот. Все в порядке, Билл?

— Вроде бы. — Он бросил взгляд на стальной корпус батисферы, вынутой из контейнера, проверенной и снаряженной. Спустить на воду ее должны были бортовой лебедкой. — Герметик приготовили?

— Конечно. «Железная Дева» в полном порядке. Мы с торпедистом тебя запечатаем. Держи маску.

Эйзенберг взял маску, начал было надевать ее, но остановился. Грейвс поймал брошенный на него взгляд:

— В чем дело, сынок?

— Док… как бы это…

— Да?

— Я имею в виду — вы ведь присмотрите за Клео и Патрой, а?

— Само собой. Но за то время, пока тебя не будет, им же ничего не понадобится.

— Н-ну да, конечно. Но все-таки вы присмотрите за ними?

— Будь спокоен.

— О'кей. — Эйзенберг натянул маску, махнул рукой торпедисту, стоявшему наготове с газовыми баллонами.

Тот повернул вентили, в шлангах зашипело, и Эйзенберг начал медленно, как участник шестидневной велогонки, крутить педали. Чтобы убить время, Блейк пригласил Грейвса прогуляться по полубаку и покурить. Они совершали уже двадцатый круг, когда капитан остановился, вынул сигару и заметил:

— Знаете, мне начинает казаться, что у него все же есть шанс.

— Правда? Я рад это услышать.

— Да. Меня убедило успешное испытание с неодушевленным грузом. И не важно, сработают дымовые шашки или нет, но если только бати-

сфера спустится по Столбу Вахини, я ее найду.

— Я уверен, что найдете. Вы были правы, когда предложили перекрасить ее в желтый цвет.

— Ну да, это облегчит поиск. И все же мне кажется, что он так ничего и не сможет узнать. Он ничего не увидит сквозь эти иллюминаторы, кроме воды, с того момента, как очутится в Столбе, и до того, как мы его подберем.

— Может быть.

— Ну что еще он мог бы увидеть?

— Не знаю. Скажем, то, что сделало эти Столбы.

Блейк долго и старательно стряхивал за борт пепел с сигары, прежде чем продолжить:

— Доктор, я не понимаю вас. Мне представляется, что эти Столбы хоть и достаточно странное, но вполне естественное явление.

— Ну а для меня настолько же очевидно, что оно вовсе не «естественное». Вмешательство разума в обычные природные процессы здесь настолько очевидно, как если бы повесили табличку с пояснительным текстом.

— Не понимаю, как вы можете такое утверждать. Ведь очевидно же, что человек не мог этого сделать.

— Ну конечно.

— Тогда кто же их сотворил?

— Я не знаю.

* * *

Блейк начал было говорить, передернул плечами, замолчал. Они продолжили прогулку по палубе. Грейвс подошел к борту, чтобы выбросить окурок.

Ошеломленный, он застыл на месте, затем позвал:

— Капитан Блейк!

— Да? — Тот обернулся и посмотрел в ту сторону, куда указывал Грейвс. — Боже правый! Шары!

— Вот об этом я и думал.

— Они еще далеко, — сказал Блейк больше самому себе, чем Грейвсу. Он решительно повернулся. — Мостик! — крикнул он. — Мостик! Эй, на мостике!

— Есть на мостике!

— Мистер Вимс — передайте: «Всем убраться с палубы. Задраить все люки. Мостик тоже закрыть! Играйте общую тревогу».

— Есть, сэр!

— Пошевеливайтесь! — Обернувшись к Грейвсу, он добавил: — Пойдемте внутрь.

Грейвс последовал за ним; капитан пропустил его, чтобы лично задраить люк. По внутреннему трапу Блейк стал подниматься на мостик, Грейвс двинулся следом. Корабль был наполнен трелями боцманской дудки, хриплыми воплями громкоговорителя, топотом бегущих и монотонным, угрожающим клацаньем сигнала общей тревоги. Вахтенный на мостике все еще сражался с последним тяжелым стеклянным щитом, когда туда влетел капитан.

— Я принимаю вахту, Вимс, — отрывисто сказал он.

Обойдя мостик из конца в конец, он оглядел корму, затем левый борт, полубак, правый борт и наконец уставился на огненные шары, которые явно приближались к кораблю. И выругался.

— Ваш приятель еще не знаком с новостями, — обратился он к Грейвсу; рука его крепко сжимала рычаг, перемещающий стеклянные щиты правого борта.

Грейвс, выглянув через его плечо, понял, что тот имел в виду, — на опустевшей задней палубе одинокая фигура продолжала крутить педали неподвижного велосипеда. Огненные шары Лагранжа приближались.

Тугой механизм заслонки заело. Блейк бросил

попытки открыть ее, рванулся к пульту громкоговорителя и врубил громкую связь по всему борту, не пытаясь отыскать нужный переключатель.

— Эйзенберг! Вниз, скорее!

Должно быть, Эйзенберг услышал свое имя, потому что он повернул голову и огляделся — Грейвс отчетливо видел это, — и как раз в этот момент шар настиг его. Шар прошел дальше, а седло тренажера осталось пустым.

Когда они спустились, то обнаружили, что тренажер не был поврежден. Резиновая трубка, ведущая к маске, была как будто аккуратно обрезана. Не было ни следов крови, ни вообще каких бы то ни было следов. Билл Эйзенберг просто исчез.

— Я отправляюсь туда.

— Ваше здоровье не годится для этого, доктор.

— Вы не несете за это никакой ответственности, капитан Блейк.

— Я знаю. Вы можете попробовать, но только после того, как мы завершим поиски тела вашего друга.

— Какого еще тела! Я должен найти его — живым.

— Да? Хм… Как это?

— Если вы правы и он мертв, тогда что толку

искать его тело. А если я прав, то есть хоть ничтожный шанс найти его — там!

Он махнул рукой в сторону облачной шапки, венчающей Столбы. Блейк задумчиво поглядел на него, затем повернулся к водолазу:

— Мистер Харгрив, подберите дыхательную маску для доктора Грейвса.

Ему дали тридцать минут на адаптацию против кессонной болезни. Блейк ходил с отсутствующим видом. Команда — и матросы и офицеры держались в сторонке и помалкивали; все знали, что, когда у Старика такое выражение лица, ходить надо на цыпочках.

Когда подготовка закончилась, водолазы быстро переодели Грейвса и тут же запихнули в батисферу, чтобы его легкие не успели снова нахватать азота из воздуха. Перед тем как закрыть входной люк, Грейвс обратился к капитану:

— Мистер Блейк!

— Да?

— Эти золотые рыбки Билла — вы позаботитесь о них?

— Ну конечно, доктор.

— Спасибо.

— Не стоит. Вы готовы?

— Готов.

Блейк шагнул вперед, и они с Грейвсом обменялись рукопожатием через люк батисферы.

— Удачи вам, — он отошел, — задраивайте люк.

Сферу опустили за борт. Две шлюпки отбуксировали ее на полмили в направлении Столба Канака, где течение было уже достаточно сильным, чтобы подхватить ее. Отцепив буксир, шлюпки, преодолевая встречное течение, возвратились к кораблю и были подняты на борт.

Блейк наблюдал за батисферой в бинокль со своего мостика. Вначале она медленно дрейфовала, затем, все ускоряясь, приблизилась к основанию Столба. Последние сотни ярдов она неслась с бешеной скоростью; Блейк увидел желтое пятно чуть выше поверхности моря, и оно тут же исчезло.

* * *

Прошло восемь часов — никаких следов дыма. Девять часов, десять — ничего. Через двадцать четыре часа патрулирования окрестностей Столба Вахини Блейк послал радиограмму в бюро.

Прошло четверо суток наблюдений — Блейк твердо знал, что пассажир батисферы мертв; он мог задохнуться, утонуть, батисфера могла раз-

рушиться — причина смерти могла быть какой угодно. Так он и доложил и получил приказ следовать первоначальным курсом. Он собрал экипаж в кают-компании. Капитан Блейк вслух прочитал молитву об усопших — голос его был, как всегда, резок. Затем он опустил за борт несколько заметно увядших цветков мальвы — все, что сумел найти стюард, — и отправился на мостик, прокладывать курс на Пёрл-Харбор.

По пути на мостик он на минуту задержался у дверей своей каюты и сказал стюарду:

— Посмотрите в каюте мистера Эйзенберга — там должны быть золотые рыбки. Найдите подходящий сосуд и перенесите их в мою каюту.

— Есть, капитан.

* * *

Когда Билл Эйзенберг пришел в сознание, он находился в некотором Месте. Иное название трудно было подобрать — никаких отличительных признаков у него не было. Конечно, не совсем: так, там, где он находился, не было темно, не было вакуума, там не было холодно. Помещение было не настолько мало, чтобы сковывать движения. Но деталей не было до такой степени, что он не мог даже оценить размеры помеще-

ния. В самом деле, объемное зрение, с помощью которого человек непосредственно оценивает размеры предметов, не помогает, когда расстояние до них больше двадцати футов. На больших расстояниях приходится использовать знание истинных размеров знакомых предметов — и обычно это происходит подсознательно: если рост человека такой-то, то, должно быть, он находится на вот таком-то расстоянии, и наоборот.

Но в этом месте не было знакомых предметов. Потолок был на значительной высоте — настолько высоко, что его нельзя было достать в прыжке. Пол плавно искривлялся и сливался с потолком, и свобода передвижения ограничивалась примерно дюжиной шагов. Он осознал это, только когда потерял равновесие (у него не было никакой системы отсчета, по которой он мог бы определить направление вертикали; а вестибулярный аппарат, дающий человеку врожденное чувство равновесия, был у него нарушен из-за многих лет погружений, повредивших его внутреннее ухо. Было легче сидеть, чем ходить, да и ходить было, в общем-то, не за чем, после первых бесплодных попыток исследований).

Пробудившись, он потянулся, открыл глаза и огляделся. Глазу не на чем было остановиться, и

это раздражало. Как будто он оказался внутри гигантской яичной скорлупки, освещенной извне мягким, приятным желтоватым светом. Бесформенная неопределенность как-то тревожила. Он закрыл глаза, потряс головой, снова открыл — все по-прежнему.

Начал вспоминать, что произошло с ним до того, как он потерял сознание, — опускающийся огненный шар, отчаянная попытка увернуться, последняя мысль в то последнее, показавшееся вечностью мгновение до контакта: «Ну, ребята, держите шляпы!» Мозг начал искать объяснений. «Потеря сознания, а зрительный нерв парализован. Не дай бог, так и останусь слепым».

В любом случае им бы не следовало бросать меня одного в таком беспомощном состоянии.

— Док! — крикнул он. — Док Грейвс!

Не было ни ответа, ни даже эха — он начал осознавать, что не было вообще никаких звуков, кроме его собственного голоса, никаких обычных слабых звуков, которыми наполнена любая «мертвая» тишина. Здесь было тихо, как в мешке с мукой. Неужели его слух тоже пострадал?

Да нет, он же слышит собственный голос. В этот момент Билл осознал, что видит свои руки. Значит, со зрением все в порядке — он прекрасно

их видит!

И все остальное тело тоже. Он был голым.

Может быть, через несколько часов — или несколько мгновений — Билл пришел к выводу, что он мертв. Это была единственная гипотеза, которая вроде бы согласовывалась с фактами. Он был закоренелым агностиком и не ожидал никакого воскрешения после смерти; жизнь уйдет из тела, когда его покинет сознание, как свет в комнате при повороте выключателя. Тем не менее он подвергся воздействию электрического поля более чем достаточного, чтобы убить человека; придя в себя, он не обнаружил ничего из того, что составляет ощущения живого человека. Следовательно — он мертв. Что и требовалось доказать.

Разумеется, у него было тело, но он прекрасно помнил о парадоксе субъективного и объективного. Он все еще обладал памятью, а самый сильный отпечаток в памяти оставляют ощущения собственного тела. Так что это было не его тело, а воспроизведенная памятью его мысленная копия. Так он рассуждал. Возможно, думал он, мое мысленное тело исчезнет, по мере того как будут слабеть воспоминания о реальном теле.

Было нечего делать, нечего ощущать, нечем занять мозг. Он наконец заснул, раздумывая

над тем, что если это смерть, то она чертовски скучна!

Проснулся он освеженный, но с ощущением жуткой жажды и голода. Вопрос, жив он или мертв, более не занимал его. Теология и метафизика отошли на задний план. Он был голоден.

Более того, по пробуждении он обнаружил явление, которое разрушило большую часть его теоретических построений, приведших его разум к выводу о собственной кончине — а на уровне эмоций он все-таки до конца в это не верил. Здесь, в том Месте, где он находился, обнаружились иные материальные объекты, которые можно было увидеть и потрогать.

И съесть.

Последнее было не вполне очевидно, потому что на еду они не были похожи. Они были двух сортов. Первый представлял собой бесформенные комки, видом напоминающие сероватый сыр, слегка жирные на ощупь и вполне неаппетитные. Второй сорт представлял собой однородную группу предметов, внешне одинаковых и, похоже, по ошибке попавших сюда из ювелирного магазина. Это было десятка два сверкающих шаров; каждый из них казался Биллу копией того хрустального шара, который он как-то приобрел, — настоящий

бразильский горный хрусталь, перед совершенной красотой которого невозможно было устоять; он провез его домой контрабандой и в одиночестве наслаждался его совершенством.

Маленькие сферы были очень похожи на этот камень. Он коснулся одной из них. Поверхность была гладкой, как тот хрусталь, и обладала той же целомудренной прохладой, но оказалась податливой, как желе. Сфера заколыхалась, и огоньки внутри ее восхитительно замерцали, затем она успокоилась и вновь приобрела форму идеального шара.

При всей своей привлекательности на еду они явно не походили, а вот похожие то ли на сыр, то ли на мыло куски могли оказаться и съедобными. Он отломил маленький кусочек, понюхал и осторожно попробовал на вкус. Вкус был кислый и тошнотворный. Билл выплюнул его, брезгливо покривился и испытал горячее желание почистить зубы. Ежели это еда, то ему придется проголодаться посильнее…

Он снова обратился к замечательным шарикам хрустального желе. Он покатал их на ладонях, наслаждаясь их мягкостью и гладкостью. Внутри каждого из них было видно его собственное миниатюрное изображение — симпатичный

маленький эльф. Чуть ли не впервые он осознал, насколько совершенны пропорции человеческого тела, едва ли не любого, если рассматривать его как художественную композицию, а не как коллоидную массу.

Но чувство жажды пересилило его нарциссизм. Ему подумалось, что если гладкий прохладный шарик положить в рот, то это должно вызвать слюноотделение. Он так и сделал; шарик неожиданно для него тут же был проколот нижними зубами. Губы и подбородок стали мокрыми, капли стекали по груди. Шарики оказались водой, чистейшей водой — никакой целлофановой или какой бы то ни было другой упаковки. Эта вода каким-то непонятным образом удерживалась поверхностным натяжением.

Он осторожно взял другой шарик, стараясь не проколоть его зубами до тех пор, пока тот полностью не окажется во рту. Получилось: рот был полон прохладной, чистой воды — это произошло настолько быстро, что он поперхнулся. Но теперь приспособиться было несложно, и он выпил четыре шарика.

Утолив жажду, он решил разобраться, каким образом вода может удерживать самое себя. Сферы были упругими, ему не удавалось раздавить

их, и даже падение на пол их не разрушало. Они прыгали, как мячи для гольфа, и даже еще выше. Билл решил ущипнуть один из них ногтями, и опыт удался — вода тут же полилась по ладони — вновь чистая вода, и ничего более. Оказалось, что только порез может разрушить силы натяжения: даже смачивание не возымело действия — он мог держать шарик во рту, затем вынуть его и вытереть досуха о свою кожу.

Наконец он решил, что запасы воды ограниченны, а перспективы неясны, а потому разумнее завершить эксперименты и сохранить то, что осталось.

* * *

Голод стал еще сильнее. Он снова обратился к сомнительного вида комкам и обнаружил, что может заставить себя прожевать и проглотить кусок. Это вполне могло и не быть едой, это мог быть даже яд, но желудок эта гадость наполняла, и голодные спазмы прекратились. Билл даже ощутил сытость, особенно после того, как прополоскал рот, израсходовав еще один водяной шарик.

Еда изменила направление его мыслей. Он не был мертв, или, по крайней мере, различие

между жизнью и смертью было неощутимым, чисто терминологическим. О'кей, значит, он жив. Но он заперт в одиночестве. Кто-то знает, где он находится, и заботится о нем, снабжая едой и питьем — таинственно, но вполне разумно. Следовательно — он пленник, а это предполагает и наличие стражи.

Чей пленник? Он был поражен шаровой молнией Лагранжа и затем очнулся в этой скорлупе. Приходится согласиться, что вроде бы док Грейвс прав: шаровые молнии управляются разумом. Далее, это существо — или существа? — управляющее ими, обладает странными представлениями о том, как следует обращаться с пленниками, да и захватывают в плен по меньшей мере странным способом.

Эйзенберг был смелым человеком, что довольно типично для расы, к которой он принадлежал, — безрассудная смелость, как у собачек-пекинесов. Человек сознает необратимость смерти, но смиряется с тем, что она возможна в любое мгновение — на шоссе, на столе хирурга, на поле битвы, в самолете, в подземке, — и с легким сердцем принимает, что в конце концов она неизбежна.

Эйзенберг был человеком впечатлительным, но не подверженным панике. Ситуация определен-

но была любопытной, скучать не приходилось. Если он пленник, то весьма вероятно, что похититель вот-вот явится допрашивать его, а может, попытается использовать его каким-либо способом. То, что он был оставлен в живых, а не убит, означало наличие каких-то видов на него. Очень хорошо, он постарается быть готовым к любой неожиданности, сохранить холодный, изобретательный разум. А пока придется смириться с тем, что в данный момент он ничего не может сделать для своего освобождения. Эта камера поставила бы в тупик самого Гудини — сплошные гладкие стены, невозможно найти точку опоры.

Как-то ему показалось, что он нашел ключ: ведь в камере должны быть какие-то санитарные приспособления и, значит, связь с внешним миром. Но продвинуться дальше с этой идеей ему не удалось: похоже, клетка была самоочищающейся. Билл не мог понять, как это происходит.

Наконец он снова заснул.

* * *

Когда он проснулся, то увидел, что произошло только одно изменение — запасы еды и питья пополнены. День прошел без происшествий, в бесплодных размышлениях. На следующий день

было то же самое.

Он решил бодрствовать как можно дольше, чтобы понять, как в его клетке сменяют еду и питье. Он прикладывал колоссальные усилия, чтобы не заснуть, принимал самые крутые меры: кусал до крови губы и язык, безжалостно щипал мочки ушей. Решал запутанные логические задачи.

Наконец он отключился; проснувшись, убедился в том, что запасы еды и питья пополнены.

Периоды бодрствования сменялись сном, приходили голод и жажда, он утолял их, снова засыпал. После шестого или седьмого сна Билл решил, что ему нужно что-то вроде календаря, чтобы не свихнуться. Иного способа измерять время, кроме как считать периоды сна и бодрствования, у него не было. За неимением лучшей меры пришлось назвать это днями. Делать записи было не на чем, кроме собственного тела. Пришлось довольствоваться этим. Отгрызя кусочек ногтя большого пальца, Билл превратил его в подобие татуировочной иглы. Царапая одно и то же место на бедре, он оставлял там красный след, который был заметен пару дней, а потом снова мог быть восстановлен. Семь полосок означали неделю. Если недельные полоски наносить возле каждого из пальцев рук и ног, то можно отмерить

двадцать недель — а это было намного больше, чем, как он полагал, ему может понадобиться.

Когда вторая семидневная полоска появилась у безымянного пальца его левой руки, произошло событие, нарушившее монотонное чередование дней. Проснувшись, он вдруг осознал, что теперь он не один!

Рядом с ним спал человек. Убедившись, что действительно не грезит — потому что во сне он часто кого-нибудь видел, — Билл протянул руку и потряс соседа за плечо.

— Док! — завопил он. — Док! Проснитесь!

Грейвс открыл глаза, поморгал, уселся и протянул руку:

— Привет, Билл. Я чертовски рад тебя видеть.

— Док! — Он хлопнул старика по спине. — Док! Вот это да! А представьте себе, как я-то рад увидеть вас!

— Представляю.

— Послушайте, док, где вы были? Как вы здесь очутились? Огненные шары вас тоже утащили?

— Не все сразу, сынок. Давай позавтракаем.

На «полу» у их ног лежала двойная порция провизии. Грейвс взял шарик, привычно проколол его и выпил, не пролив ни капли. Эйзенберг понимающе посмотрел на него:

— Вы здесь уже не первый день.

— Это верно.

— Шары похитили вас в тот же момент, когда и меня?

— Нет. — Он потянулся за пищей. — Я поднялся на Столб Канака.

— Что?!

— Именно. Дело в том, что я искал тебя.

— Да что вы говорите!

— Вот так. Похоже, моя дикая гипотеза верна: Столбы и шаровые молнии — это следствия одной и той же причины, той, что я называл Икс!

* * *

Казалось, можно было услышать, как в голове Эйзенберга прокручиваются шестеренки.

— Но послушайте, док… это ведь значит, что вся ваша гипотеза верна? Кто-то все это проделал. Кто-то, кто держит нас здесь взаперти.

— Именно так. — Грейвс медленно, устало жевал; он постарел и похудел с тех пор, как Билл расстался с ним. — Это говорит о разумной силе, контролирующей ситуацию. Другого объяснения нет.

— Но кто же? Может так быть, что в какой-то стране изобрели совершенно новое оружие?

— М-да! Ты полагаешь, что, скажем, русские будут нас поить водой вот таким образом? — Он подбросил в руке загадочный водяной шарик.

— Тогда кто же?

— Не знаю. Для удобства можешь назвать их марсианами, если хочешь.

— Почему марсиане?

— Да нипочему. Я же говорю, для удобства.

— Почему же это удобно?

— Потому что это удержит тебя от придания им человеческих черт — а они, очевидно, не люди. И не животные, потому что они умнее нас. В общем, марсиане.

— Но… но… Погодите. Почему вы считаете, что ваши Иксы — не люди? Почему это не могут быть люди, у которых гораздо больше извилин в черепке, чем у нас? Гораздо дальше продвинувшиеся в науке?

— Законный вопрос, — ответил Грейвс, выковыривая остатки пищи из зубов, — и на него ты получишь законный ответ. Потому что в нынешнем мире мы очень неплохо знаем, где находятся лучшие головы и что они делают. Такие вещи, как эта, невозможно спрятать, а разрабатывать их пришлось бы очень долго. Икс демонстрирует нам по крайней мере полдюжины вещей,

которые выше нашего понимания и которые потребовали бы многих лет работы сотен квалифицированных исследователей. Следовательно, это не человеческая наука. Конечно, — продолжил он, — если ты станешь говорить мне об ученом безумце в секретной лаборатории, я не смогу с тобой спорить. Но я не поклонник всех этих комиксов в воскресных газетах.

Билл Эйзенберг некоторое время сидел молча, пытаясь переварить сказанное Грейвсом и соотнести это с собственным опытом.

— Вы правы, док, — признал он наконец. — Дьявольщина! Вы всегда побеждаете меня в споре. Это точно марсиане. Не в том смысле, что жители Марса, — я имею в виду, что это разумная жизнь с другой планеты.

— Может быть.

— Да вы же сами только что это утверждали!

— Нет, я лишь сказал, что это удобное предположение.

— Но, действуя методом исключения, мы приходим именно к этому.

— Метод исключения может выкидывать всяческие фортели.

— Ну а что же еще это может быть?

— Мм… Я пока что не готов высказать то, что

крутится у меня в голове. Но есть еще более веские аргументы, чем те, о которых мы говорили, в пользу того, что этот разум — не человеческий. Аргументы психологические.

— И какие же?

— Икс обращается с пленниками не так, как это принято у людей. Подумай об этом.

* * *

Им было что обсудить, и не только Икс был темой их бесед, хотя к нему они возвращались постоянно. Грейвс вкратце рассказал Биллу о том, как он решил отправиться на Столб, этот рассказ очень тронул Билла, и скорее тем, что было опущено, чем тем, что было рассказано. Он вдруг почувствовал себя очень неловко, глядя на своего старшего друга.

— Док, вы неважно выглядите.

— Да ничего.

— Это путешествие на Столбы вам было ни к чему. Оно вас сильно подкосило.

Грейвс пожал плечами:

— У меня все в порядке.

Но это было вовсе не так, Билл это прекрасно видел. Старик сильно сдал.

Они спали, ели, разговаривали, а затем снова

спали. Все то же самое, к чему Эйзенберг привык в одиночке, только теперь их было двое. Вот только Грейвсу не становилось лучше.

* * *

— Док, надо бы нам что-то с этим делать.

— С чем?

— Со всем этим. То, что случилось с нами, угрожает страшной опасностью всему человечеству. Мы даже не представляем, что могло уже произойти там, внизу…

— Почему ты говоришь «там, внизу»?

— Ну как же, вы ведь поднялись на Столб…

— Верно — но я не знаю, где и когда меня вытащили из батисферы и куда меня после этого доставили. Но не важно. Выкладывай свою идею.

— Да, но… ну хорошо. Итак, мы не знаем, что сейчас происходит с человечеством. Может быть, огненные шары прибирают людей поодиночке, не давая им возможности ни сопротивляться, ни даже понять, что происходит. У нас есть некоторые идеи. Пришла пора бежать и предупредить. Мы должны найти способ дать отпор. Это наш долг, все будущее человечества может от этого зависеть.

Грейвс не отвечал так долго, что Билл почув-

ствовал некоторую неловкость, как будто он наговорил глупостей. Но наконец он заговорил.

— Мне кажется, ты прав, Билл. Вполне возможно, что ты прав. Не обязательно, но очень возможно. И эта возможность налагает на нас обязательства перед всем человечеством. Я это знал. Я это знал еще до того, как мы влипли в эту историю, но у меня не хватало фактов, чтобы закричать «Волки!» Вопрос только в том, как же нам отсюда передать это предупреждение?

— Нам нужно бежать!

— Увы!

— Должен быть способ.

— Ну так предложи.

— Скажем, так. Мы не можем найти хода ни сюда, ни отсюда, но он обязательно должен быть, ведь нас сюда как-то доставили. Дальше, каждый день мы получаем еду — откуда? Я однажды пытался подсмотреть, как это делается, но заснул…

— И я тоже.

— Ну да. Ничего удивительного. Но теперь нас двое; мы можем меняться, дежурить по очереди, пока что-нибудь не произойдет.

— Стоит попробовать, — кивнул Грейвс.

Поскольку отмерять время было нечем, каждый бодрствовал, пока сонливость не становилась

непереносимой, и будил другого. Но ничего не происходило. Еда подошла к концу, и новой они не получили. Они берегли свои водяные шарики, пока наконец не остались с одним-единственным, который никто из них не хотел выпить, — состязались в благородстве, уступая друг другу. Но их невидимые похитители по-прежнему никак не проявляли себя.

Прошло неизвестно сколько времени — но наверняка долго, почти непереносимо долго, — и в тот момент, когда Эйзенберг был погружен в чуткий, тревожный сон, его неожиданно пробудили прикосновение и звук его имени. Он сел, моргая, не соображая, что происходит:

— Что? Кто? Что случилось?

— Я, похоже, задремал, — с виноватым видом произнес Грейвс. — Прости меня, Билл.

Эйзенберг глянул в ту сторону, куда указывал Грейвс. Вода и пища ожидали их.

Эйзенберг не предлагал возобновить эксперимент. Во-первых, было очевидно, что их хозяева не желали, чтобы пленники узнали путь из клетки. Похитители были достаточно сообразительны, чтобы противодействовать их ничтожным усилиям. Во-вторых, Грейвс явно был болен и у Эйзенберга не хватило бы духу продолжить это

изматывающее полуголодное бдение.

Но если неизвестно, где выход, сбежать из заточения невозможно. Голый человек — необыкновенно беспомощное существо: не имея материалов, из которых можно смастерить инструменты, он почти ни на что не способен. Эйзенберг мечтал то о блаженстве обладания алмазной дрелью, то об ацетиленовой горелке, то хотя бы о завалящем ржавом зубиле. Он сознавал, что без инструментов у него столько же шансов взломать клетку, как у его рыбок Клео и Патры — прогрызть стекло аквариума.

* * *

— Док?

— Да, сынок.

— Мы избрали неверный путь. Мы знаем, что Икс разумен; чем пытаться сбежать, нам следовало бы попытаться вступить с ним в контакт.

— Каким образом?

— Не знаю. Но должен же быть способ.

Но если такой способ и существовал, ему никак не удавалось его придумать. Даже если предполагать, что похитители видят и слышат его, какими словами или жестами передать им послание? Возможно ли теоретически негуманоиду, не важно,

насколько он разумен, понять смысл человеческой речевой символики, если ее воспринимать вне контекста, без фона, без картинок, без возможности что-то показать? Ведь человеческая раса, находясь в гораздо более благоприятных условиях, не смогла почти ничего узнать о языках животных.

Как привлечь их внимание, стимулировать их интерес? Прочитать наизусть Декларацию независимости? Или таблицу умножения? А если использовать жесты, то будет ли азбука глухонемых понятнее их похитителям, чем сигналы боцманской дудки городскому жителю?

* * *

— Док?

— Что, Билл?

Грейвс явно слабел: теперь он совсем редко начинал разговор первым:

— Почему мы здесь оказались? У меня все время сидит где-то в голове, что в конечном счете они должны вытащить нас отсюда и что-то с нами сделать. Попытаться допросить нас, например. Но похоже, они не собираются этого делать.

— Не собираются.

— Тогда зачем мы здесь? Почему они кормят

нас?

Грейвс надолго замолчал, перед тем как ответить:

— Я думаю, они ожидают, пока мы не размножимся.

— Что?!

Грейвс пожал плечами:

— Но это же смешно!

— Верно. Но откуда им это знать?

— Ведь они же разумны.

Грейвс рассмеялся, первый раз за долгое время:

— Помнишь забавный стишок Роланда Янга о блохе?[91] В конечном счете видимая разница между мужчиной и женщиной почти незаметна — кроме как для мужчины и женщины!

Эйзенберг нашел, что это предположение отвратительно и возмутительно, он попытался спорить:

— Послушайте, док, даже поверхностное исследование показало бы им, что человеческая раса разделена на два пола. В конечном счете мы не первые, кого они изучают.

---

[91] Примечания: 91

«Забавные создания — эти блошки,
Тебе не отличить его от нее.
Но каждая из блошек знает, каков ее пол».

— Может быть, они нас вовсе и не изучают.

— Как это?

— Может, мы просто домашние животные.

Домашние животные! Психика Билла Эйзенберга устояла перед лицом опасности и неопределенности. Но на сей раз удар был слишком коварен. Домашние животные. Он считал себя и Грейвса военнопленными или, по крайней мере, объектами научного исследования. Но домашние животные!

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — продолжал Грейвс, глядя на Билла, все ощущения которого отражались на его лице. — Это… унизительно с антропоцентрической точки зрения. Но я думаю, что это так и есть. Я мог бы также рассказать тебе собственную теорию о том, какова природа Икс, и об отношении Икс к человеческой расе. Я не говорил об этом до сих пор, потому что это почти исключительно догадки, основанные на очень скудных данных. Но эта теория согласуется с известными фактами. Я полагаю, что эти Икс-существа едва ли осведомлены о существовании людей, кроме тех, кого они захватили, и почти совсем ими не интересуются.

— Но они же охотились на нас!

— Может быть. А может, просто случайно по-

добрали по дороге. Многие фантазировали о том, как будет выглядеть встреча двух чуждых разумов. И почти без исключения эти мечты облеклись в одну из двух форм, либо вторжения и войны, либо взаимопознания и взаимопомощи. Эти обе концепции предполагают, что иной разум достаточно похож на наш, чтобы либо бороться, либо общаться с нами, — иначе говоря, рассматривать нас как равных себе. Я не верю, что Икс настолько заинтересованы в человеческих существах, чтобы испытывать желание поработить или даже истребить их. Может быть, им не захочется и исследовать нас, даже если мы попадем в их поле зрения. У них может отсутствовать жажда исследования в смысле того обезьяньего любопытства ко всему, что движется. Кстати, насколько мы сами внимательны к другим формам жизни? Ты когда-нибудь поинтересовался у своей золотой рыбки ее взглядами на их, рыбью, поэзию или политику? Волнует ли термита, какое место женщина занимает в семье? Кого предпочитают бобры — блондинок или брюнеток?

— Нашли когда шутить.

— Я не шучу. Может быть, у тех форм жизни, которые я упомянул, и нет таких сложных мыслей. Но я утверждаю, что если бы они и были, мы

об этом и не догадывались. Я не думаю, что Икс рассматривают человечество как разумную расу.

Некоторое время Билл переваривал все это, затем спросил:

— Как вы думаете, док, откуда они пришли? Может, все-таки с Марса? Или они не из нашей Солнечной системы?

— Не обязательно. И даже маловероятно. Мне кажется, что они пришли из того же самого места, что и мы, — из взбаламученного ила нашей планеты.

— Ну, док, в самом деле…

— Именно так. И не смотри на меня соболезнующе. Я болен, но шарики у меня на месте. Акт творения происходил восемь дней.

— Что?

— Я использую библейскую терминологию. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Так все и происходило. Но никто не упоминал о стратосфере.

— Док, вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

— Черт возьми, когда тебе надоест заниматься психоанализом! Я объясню тебе эту аллегорию. Вот что я имел в виду. Мы не самая последняя и не высшая стадия эволюции. Вначале жизнь была только в океане. Затем появились двоякодышащие, амфибии и так далее, пока не были заселены континенты и в конце концов на поверхности планеты не стал править человек — или, по крайней мере, воображать, что правит. Но разве эволюция остановилась на этом? Думаю, что нет. Посмотри: с точки зрения рыбы, воздух — это абсолютный вакуум. С нашей точки зрения, верхние пределы атмосферы — шестьдесят, семьдесят, сто тысяч футов — это практически вакуум, не способный поддерживать жизнь. Но это не вакуум. Там есть вещество, и там есть лучистая энергия. Почему бы там не быть жизни, разумной жизни, сильно проэволюционировавшей, как этому и следует быть, но проэволюционировавшей от той же начальной стадии, что и мы, и рыбы? Мы не могли увидеть, как все это происходило; человеческое сознание еще слишком молодо. Когда наши прадедушки качались на ветках, это уже все свершилось.

Эйзенберг глубоко вздохнул:

— Постойте, док. Я не обсуждаю теоретическую

состоятельность ваших тезисов, но мне кажется, что в данном случае все это противоречит наблюдаемым фактам. Мы никогда их не видели и ничего о них не знали. По крайней мере, до недавних пор. А мы должны были бы их видеть.

— Необязательно. Разве муравьи видят человека? Сомневаюсь.

— Да, но какого черта, ведь человеческое зрение получше муравьиного.

— Лучше, но для чего оно предназначено? Для своих собственных нужд. Предположи, что Икс-существа слишком высоко, или обладают очень низкой плотностью, или слишком быстро движутся. Даже такую большую, плотную и медленную штуку, как самолет, ты не всегда увидишь, если он будет достаточно высоко. Если же Икс разрежен и полупрозрачен, мы не сможем его увидеть, коль скоро он не будет затмевать звезды и бросать тень на Луну, — хотя на самом деле мне приходилось слышать странные истории именно в таком духе…

Эйзенберг встал:

— Вы полагаете, что существа настолько бестелесные, что плавают в вакууме, способны соорудить эти Столбы?

— А почему бы и нет? Попробуй-ка объяснить,

каким образом недоделанный голый эмбрион — homo sapiens — построил Эмпайр-стейт-билдинг.

Билл покачал головой:

— Не понимаю.

— А ты попробуй. Откуда, ты думаешь, взялось вот это? — Он взял в руку один из загадочных водяных шариков. — Мое предположение состоит в том, что жизнь на этой планете развивалась тремя путями, почти не пересекающимся. Океанская культура, наземная, и еще одна — назовем ее стратокультурой. А может, есть и четвертая — в земной коре. Мы немножко знаем о жизни в глубине моря, потому что мы любопытны. Но многое ли они знают о нас? Разве десяток спусков батисферы можно считать вторжением? А рыба, которая увидела нашу батисферу, легла спать с головной болью, но никому ничего не сказала, да ей и не поверили бы. А если многие рыбы увидят нашу батисферу и дадут показания под присягой, то явится рыба-психолог и объяснит это массовой галлюцинацией. Нет, нужно сделать что-нибудь столь же заметное, как Столбы например, чтобы оказать влияние на ортодоксов. Редкие посещения толку не дают.

Эйзенберг некоторое время молчал. Когда он заговорил, казалось, он уговаривает самого себя:

— Я в это не верю. Я в это никогда не поверю.

— Во что — в это?

— В вашу теорию. Подумайте, док, ведь если вы правы, вы понимаете, к чему это приведет? Мы беспомощны, мы выброшены за борт.

— Я не думаю, что их уж очень интересует род человеческий. До сегодняшнего дня, по крайней мере, совсем не интересовал.

— Да не в этом дело. Неужели не понятно? У нас было хоть какое-то чувство собственного достоинства. Мы — человечество — страдали и совершали подвиги. Даже когда мы терпели поражение, у нас оставалось трагическое удовлетворение тем, что мы все-таки выше и сообразительнее прочих животных. У нас была вера в человечество — впереди было еще много великих свершений. Но если мы просто одни из низших животных, то какие же великие дела могут нас ожидать?

Мне, например, и в голову не пришло бы становиться «ученым», если бы я знал, что я — рыбка, ковыряющаяся в иле на дне лужи. Моя работа просто не имела бы никакого смысла.

— Может, так оно и есть,

— Пусть так оно и есть! — Эйзенберг поднялся и стал возбужденно расхаживать по ограничен-

ному пространству их тюрьмы. — Может, и так. Но я не смирюсь! Возможно, вы правы. Возможно — ошибаетесь. Не так уж важно, откуда взялись эти Иксы. Так или иначе, они угрожают нашему роду. Док, мы должны выбраться отсюда и предупредить людей!

— Но как?

* * *

Большую часть последних дней перед смертью Грейвс проводил в коматозном состоянии. Билл дежурил при нем почти непрерывно, лишь изредка позволял себе поспать несколько десятков минут. Он мало чем мог помочь своему другу, кроме как бодрствованием, но душевное состояние поддерживалось этим у обоих.

Когда Грейвс позвал его, Билл дремал. Он проснулся мгновенно, хотя шепот был едва слышен:

— Да, док?

— Я не смогу долго говорить. Спасибо за заботу, сынок.

— Да что вы, док.

— Не забывай, для чего ты здесь. Когда-нибудь тебе выпадет шанс. Будь готов и не упусти его. Надо предупредить людей.

— Я это сделаю, док. Клянусь.

— Молодец. — И уже почти совсем неслышно: — Спокойной ночи, сынок.

* * *

Эйзенберг не спускал глаз с тела, пока оно совсем не остыло и не начало коченеть. Измотанный своим долгим бодрствованием и выжатый до дна эмоционально, он провалился в глубокий сон. Когда же он проснулся, тело исчезло.

Было трудно сохранять присутствие духа, оставшись в одиночестве. Он очень правильно поступил, решив при первой же возможности предупредить все остальное человечество, но пока что нужно было противостоять бесконечной монотонности. У него не было даже того развлечения, которое мог позволить себе любой узник, — считать отмеренные ему дни. Ведь его «календарь» был всего лишь счетом его погружений в сон.

Большую часть времени он был не вполне разумен, и было еще хуже, что он сознавал собственное безумие. Периоды возбуждения сменялись полосами глубокой депрессии, когда он мог бы покончить с собой, если бы это было возможно.

Во время периодов возбуждения он строил грандиозные планы борьбы с Икс-существами — после побега. Он не знал как и когда, но в иные моменты на него находила уверенность. Он сам бы возглавил крестовый поход; ракеты смогут преодолеть мертвую зону облака и Столбов; атомные бомбы разрушат их динамическое равновесие. Они будут уничтожены, и мир вновь, как прежде, станет царством человека.

Но снова накатывало отчаяние, и он понимал, что слабое инженерное искусство человека неспособно противостоять мощи и знаниям существ, которые создали Столбы, которые таким неслыханным способом похитили их с Грейвсом. Они бессильны. Может ли треска строить план восстания против города Бостона? Что изменилось бы оттого, что болтливые обезьяны в Гватемале приняли решение уничтожить американский флот?

Они бессильны. Человеческая раса достигла вершины, и оказалось, что она не высшее достижение природы, и это знание оказалось смертельным — одно только знание само по себе. Сейчас это знание убивало его, Билла Эйзенберга.

Эйзенберг — представитель рода homo piscis[92]. Бедная рыбка!

Перенапряженный ум его лихорадочно перебирал возможности предостеречь собратьев. Он не мог бежать, пока его окружение остается неизменным, — он это наконец осознал и смирился. Но кое-что все же выходило за пределы клетки: остатки пищи, продукты его жизнедеятельности и тело Грейвса. Если умрет и он, его тело тоже будет выброшено. По крайней мере, некоторые из тех предметов, что поднимались вверх на Столбы, оказывались в конце концов внизу — это он знал точно. Получается, что Икс-существа сбрасывают ненужные им вещи по Столбу Вахини? Он убеждал себя, что именно так все и происходит.

Очень хорошо, ведь его тело тоже придется в конце концов возвращать на поверхность. Как он мог бы этим воспользоваться, чтобы передать послание своим собратьям? Никаких письменных принадлежностей, кроме собственного тела, у него не было.

Но тем же способом, каким он сделал себе календарь, он может написать послание. Он может сделать рубцы на коже обломком ногтя. Если

---

[92] Примечания: 92

Игра слов, homo в переводе с латыни означает «человек», piscis — «рыба».

одно и то же место раздражать снова и снова, не давая заживать, получится подобие татуировки.

Буквы должны быть большими; ему была доступна лишь передняя часть тела. Поэтому много не напишешь. Это должно быть очень простое предупреждение. Если бы его мозг был в полном порядке, то он, может быть, более умно сформулировал свое предостережение — если бы был в порядке…

Через некоторое время он покрыл свою грудь и живот рубцами татуировки, которой не постыдился бы и вождь бушменов. К тому времени он исхудал и кожа его была нездорового цвета, рубцы отчетливо выделялись на ней.

* * *

Его тело нашли в Тихом океане португальские рыбаки, которые не смогли разобрать послание, но передали тело в портовую полицию Гонолулу. Там тело сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и похоронили. Отпечатки пальцев отождествили в Вашингтоне, и Уильям Эйзенберг, ученый, член множества научных обществ, один из достойных представителей рода homo sapiens, второй раз был официально признан мертвым, добавив к истории своего исчезновения новую

загадку.

Неповоротливый механизм официальной переписки сработал, и сообщение об обнаружении тела Эйзенберга оказалось на рабочем столе капитана Блейка, в одном из портов Южной Атлантики. Фотографии тела были приложены к отчету. Там же было короткое официальное письмо, в котором говорилось, что, поскольку капитан имел отношение к этому происшествию, эти материалы направляются ему для ознакомления и возможных комментариев.

Капитан уже в десятый раз рассматривал фотографии.

Вытатуированное послание было видно вполне отчетливо:

БЕРЕГИТЕСЬ
— ТВОРЕНИЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ ВОСЕМЬ ДНЕЙ

Но что же это означало?

В одном он был уверен — этой татуировки не было у Эйзенберга, когда он исчез с «Мэхена».

Этот человек прожил достаточно долго после того, как его утащила шаровая молния, — это было очевидно. И он что-то узнал. Но что? Ссылка на первую главу Книги Бытия не осталась неза-

меченной капитаном, но непонятно было, что из этого следует.

Он снова уселся за стол и продолжил начатую фразу в черновом варианте рапорта, адресованного бюро: «…послание, нанесенное на кожу, скорее добавляет таинственности в это происшествие, а не проясняет его. Я вынужден заключить, что шаровые молнии Лагранжа и Столбы каким-то образом связаны между собой. Патрулирование вокруг Столбов не должно прекращаться. Если будут разработаны новые методы изучения природы Столбов, то их следует применить. К сожалению, я не могу предложить что-либо еще…»

Он встал из-за стола и направился к маленькому аквариуму, закрепленному на кардановом подвесе. Постучал пальцем по стеклу, чтобы вывести из оцепенения двух золотых рыбок. Заметив уровень воды, он обратился к стюарду: «Джонсон, аквариум опять налит доверху. Патра опять чуть не выпрыгнула!»

— Сейчас сделаю, капитан. — Стюард вышел из буфетной с миской в руке. («Не понимаю, зачем Старику эти поганые рыбы. Он ими совсем не интересуется — я же вижу».) Вслух он сказал: — Эта Патра не хочет там оставаться, капитан. Вечно пытается выпрыгнуть. И она не любит меня.

— Что ты говоришь? — Мысли капитана были уже далеко от золотых рыбок, он снова размышлял о загадке Эйзенберга.

— Я говорю, что рыбка не любит меня, капитан. Пытается укусить меня за палец каждый раз, как я чищу аквариум.

— Не говори глупостей, Джонсон.